

Язык и культура в глобальном мире

Сборник статей

Санкт-Петербург
2024

УДК 80; 81; 82; 316;
ББК 81

Ответственный редактор:
канд. филол. наук, проф. С. Ю. Рубцова

Редакторы:
канд. филол. наук Доброва Т. Е.
канд. филол. наук Рохлина Е. К.

Рецензенты:
доктор филол. наук, проф. Кушнина Л. В.
канд. филол. наук, доцент Е.И. Беседина

Язык и культура в глобальном мире. Выпуск № 3. Сборник статей. – СПб: ЛЕМА, 2024.

ISBN 978-5-00105-897-7

Статьи сборника затрагивают широкий круг проблем лингвистики, лингводидактики, социолингвистики, когнитивистики и переводоведения. Особое внимание уделяется проблемам межъязыкового взаимодействия и перевода, а также преподаванию иностранных языков для специальных целей.

Сборник предназначен для специалистов в области лингвистики, перевода, межкультурной коммуникации, профессиональной лингводидактики, а также для всех интересующихся современными тенденциями в этих областях.

© ООО «Издательство «Лема», 2024
© коллектив авторов, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Абакумова О. Б., Сачиви Акует Родольфо Жан-Батист8 Феномен счастья в африканских пословицах в сопоставлении с английскими	8
Абалуева С. Н.16 Национальное самосознание в концепции «Молодой редакции» журнала «Москвитянин» (1850-1856): ретроспективный взгляд.....	16
Абраменко Е. В.23 Артионим как единица искусствоведческого дискурса	23
Аверьянова Д. В., Нерсиян К. А.30 Специфика обучения русскому языку как иностранному в греческой аудитории в рамках подготовки к ТРКИ	30
Андреева В. О.35 Динамика коммуникативных стратегий советского плаката в 1941-1945 гг.	35
Афанасьева А. А.42 Модель межкатегориального взаимодействия на примере функционирования эмотивного каузатива «веселить»	42
Байбикова Э. Р.50 Интегративные конструкции с рефлексивами-интенсификаторами в русском языке в сопоставлении с английским (<i>само собой...</i>)	50
Банникова У. К.57 Применение интерактивных платформ в развитии умений монологической речи у студентов исторического факультета (на примере итальянского языка)	57
Баребина Н. С.61 Реконфигурация современной дискурсивной практики критики	61
Бахарева Е. Д.70 Жаргон как словотворчество в интернет-общении	70
Бедрина И. С.77 Юридический перевод в лингводидактическом аспекте	77
Березина О. А., Ильенкова Е. А.83 Грамматические средства создания комического эффекта	83
Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.91 Арктика в зеркале отечественного балета	91
Борисова Л. А.98 Об англоязычных эквивалентах терминов «УК РФ», «УПК РФ», «УИК РФ».....	98
Бугреева Е. А.105 Интеграция синхронного поточно-группового и асинхронного проектно- ориентированного обучения в подготовке специалиста в высшей школе	105
Быкова О. В., Седых Л. В., Шамова Д. М.112 Опыт реализации интерактивных методов обучения устному переводу в БГТУ «Военмех» им. Д. Ф. Устинова	112
Ваничева М. Н., Соснина М. Н.120 Функционально-прагматический подход к аудиовизуальному переводу произведений для детской аудитории	120
Викторова Е. В.126 Реализация коммуникативных стратегий в рамках университетского дискурса	126

Вышенская Ю. П.133	
Стилистические ресурсы категории времени в среднефранцузский период развития (на материале произведений куртуазной прозы)	133
Гаврилюк М. А., Жилюк С. А.140	
Использование поликодовых текстов для формирования межкультурной компетенции у студентов языковых специальностей (на примере немецкого языка)	140
Гальчинский Д. Н.151	
Использование хеджинга в обучении иностранным языкам студентов гуманитарных специальностей.....	151
Герасева А. Е.159	
Антиномичность смеха. лингвоаксиологический аспект (на материале романа У. Эко «Имя розы»).....	159
Гимон Е. В.166	
Образы России и русских в современной арабской художественной литературе (на примере творчества сирийской писательницы Шахли аль-Уджейли)	166
Голубева С. Л.172, Рохлина Е. К.172	
Инструменты воздействия в рекламных текстах: на примере товаров для животных и социально-экологических проблем	172
Горохов А. А.184	
Особенности передачи соционимов, обозначающих царских служащих в английских переводах библии	184
Григорьева А. С.189	
Контрастивный анализ ядерных лексических единиц семантического поля обладания в немецком языке и языке немцев-меннонитов <i>Plautdietsch</i>	189
Гришин А. Ю.196	
Целесообразность закона о языке в отношении заимствований в свете концепции Хайдеггера (на материале переводческого анализа трактата «Путь к языку»)	196
Гунсурунова А. В.203	
Метафорический прайминг в предпереводческом анализе лингвокультурного пространства в поэтическом дискурсе (на материале стихотворений Б. С. Дугарова)	203
Дудкин О. С.210	
Репрезентация вины и стыда в англоязычном интервью	210
Емельянова О. В.216	
К вопросу о языковой актуализации эффекта	216
Зорина Е. С.222	
Диалогичность православного дискурса в романе Е. Водолазкина «Лавр»	222
Изотова Н. В.228	
Принципы проектирования учебных материалов для языковой подготовки в контексте ценностного ориентирования будущих учителей иностранных языков	228
Казачкова Ю. А.236, Слесова Е. А.236	
Лингвокультурологический анализ хоррор-литературы: американская и немецкая традиции.....	236
Китаева Е. М., Озерова О. В.245, Батурина Ю. В.245	
Креативное письмо в курсе английского языка в профессиональной сфере	245
Климовская А. Я.253	
Образ второй Мировой войны в воспоминаниях очевидца – романы Барбары Пим 1950-х ..	253
Колядин А. В.260	
Лингвокультурный аспект дискурсивного информативного кода урбанистического пространства китайского города Гонконг (на материале статьи журнала «Вокруг света») ...	260

Кондратьева Е. А.265	
Магия структуры: синтетическая проза Алена-Фурнье в свете литературного анализа.....	265
Кривенко О. А.271	
Некоторые вопросы развития языковой политики на территории Магаданской области XX-XI вв.....	271
Лаврова О. В.279	
Генезис понятия «смысловое чтение» у детей-билингвов. Методический аспект	279
Маругина Н. И.286	
Основные жанровые характеристики медиатекстов в журнале для детей и юношества «Костёр».....	286
Матияш В. В.294	
Алогизмы в англоязычном рекламном дискурсе.....	294
Метельская Е. М.300	
Механизмы коммуникативного маркирования синтаксической структуры бессоюзных предложений (на материале немецкого и русского языков)	300
Микаелян Э. А.309	
Требования к пилотам и авиадиспетчерам к знанию английского языка: фразеология радиообмена и ее роль в безопасности полетов.....	309
Микоян А. С.317	
Названия произведений искусства как переводческая проблема	317
Минченков А. Г.323	
Категоризация и языковая репрезентация отношения к правде, морали и долгу в рамках концептуальной области personality traits.....	323
Морозова М. Н., Тимофеева Л. Л., Потапова Т. М.329	
К вопросу цветообозначений в нефтегазовой области	329
Му Дянь340	
Обучение выражению утешения на занятиях РКИ в целях формирования эмпатических умений	340
Мызникова Я. В.347	
Способы реализации аксиологического компонента в диалектном дискурсе.....	347
Небогатикова Н. С.353, Имеретинская Н. Д.353	
Грамматические трансформации при переводе кодексов поведения немецких компаний на русский язык	353
Неда Камех Хош361	
Обзор классификации переводческой деятельности с учетом различных ситуационных факторов.....	361
Осипов С. К., Генидзе Н. К.370	
Интерлингвокультурология и передача культурных реалий (на примере романа А. Тоулза «A gentleman in Moscow»)	370
Пивненко В. В.379	
Пути интерпретации тайных языков при переводе (в паре «английский – русский»)	379
Пигалева М. В.386	
Сопоставительный анализ образов искусства в русской и китайской языковой картине мира.....	386
Пило Боил ди Путифигари Ч., Резвова Л. Э.394	
Эвфемизмы в дипломатическом дискурсе. типологический анализ (на примере речей представителей италии в ООН)	394

Пригожина К. Б., Миронова Д. А.400	
Организация самостоятельной работы студентов в современной социально-образовательной среде вуза с помощью цифрового инструментария преподавателя.....	400
Радбиль Н. В.407	
Тема «Семья и семейные ценности» в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции в преподавании русского языка как иностранного	407
Радбиль Т. Б.414	
«Язык ценностей» в интернет медиа: корпусный анализ репрезентативных контекстов.....	414
Рожков Г. А., Наумова Е. В., Дмитриева Д. С.422	
Развитие дополнительных профессиональных компетенций в неязыковом вузе: дополнительные образовательные программы	422
Рудых А. В.428	
Достоевский: проблемы перевода на китайский язык	428
Рыженкова А. А.433	
Языковая репрезентация эмоций в сказках Кейт Дикамилло.....	433
Самородин Г. В.440	
Определённый артикль в немецком языке как референциальный показатель неслучайной связи	440
Сейнова А. Р.447	
Особенности перевода мюзиклов на примере произведения Михаэля Кунце «Элизабет».....	447
Семенова Ю. В.456	
Пути развития когнитивной поэтики в российской и зарубежной науке.....	456
Сеничкина О. А., Постникова М. Н.463	
Новые вызовы в преподавании ведения деловой переписки в сфере индустрии моды	463
Симонэн М.470	
Многомерный литературный формат: современный иллюстрированный альбом для детей и юношества и его роль в передаче базовых знаний и ценностей.....	470
Соколова А. В.479	
Лингвистическое хеджирование как средство митигации (на материале параллельного английского подкорпуса НКРЯ).....	479
Соколова В. С.487	
Искусственный интеллект в обучении – огромные риски или новые возможности? Роль нейросетей в лингводидактике	487
Тарасов А. А.495	
Обучение постановке планируемых коммуникативных задач для преодоления трудностей иноязычного педагогического общения в профессиональной деятельности будущих учителей иностранного языка.....	495
Тарасова Ю. В.500	
Специфика перевода компьютерных игр	500
Тейлор Джон А.507	
Роман агаты кристи “Тайный противник” и упадок Британии в двадцатом веке	507
Теплыгина И. М.513	
Естественность языковых данных	513
Терентьева Е. В.518, Павлова Е. Б.518	
Жанровая дифференциация экологических интернет-мемов в цифровом медиадискурсе	518
Тёрно Фредерик-Гаэль524	
Вечерняя трапеза: переосмысление традиции в древнеримской сатире	524

Тёрно Фредерик-Гаэль	531
Терминологическое расхождение между французским и русским языками на материале рассказа Антона Чехова «Предложение»	531
Тимошенко И. В.	535
Нейрологопедические приемы в коррекции речевых нарушений у детей-билингвов	535
Топорова В. М., Корнева Е. В.	540
Пространственные контексты репрезентации знания: функционально-семантическая характеристика	540
Третьякова Т. П., Яковлева М. С.	546
Когнитивно-дискурсивные основания выделения заговора как одного из типов древнеанглийского медицинского текста	546
Ульяницкая Л. А., Шумков А. А.	554
Брюссельский полилингвальный мир	554
Халидова Р. Ш.	560
Дискурсивные маркеры в русской речи би-полилингвальных дагестанцев	560
Хуан Биньбинь	567
Когнитивный взгляд на традиционные семейные ценности, отраженные в пословицах китайском и английском языках	567
Чжао Жонань	574
Национальная специфика этикетных речевых жанров в русской и китайской лингвокультурах (на примере извинения, поздравления и комплимента).....	574
Чихарь А. И.	582
Методы формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов с проблемами запоминания и концентрации внимания в процессе обучения английскому языку	582
Шустрова Е. В.	589
Использование поликодовых текстов при обучении монологическому высказыванию	589
Сведения об авторах	597

Абакумова О. Б., Сачиви Акует Родольфо Жан-Батист
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

ФЕНОМЕН СЧАСТЬЯ В АФРИКАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМИ

Статья посвящена выявлению пословичного концепта Счастье в пословицах Бенина. Мы проводим анализ значения и смысла бенинских пословиц, даем толкование африканских пословиц на английском и русском языках и сопоставляем их с английскими переводными эквивалентами.

Ключевые слова: пословица, пословичный концепт, счастье, африканский язык Мина, сопоставительный анализ.

Abakumova Olga B., Satchivi Akouete Podolpho Jean Baptiste
Oryol State University named after I. S. Turgenev

PHENOMENON OF HAPPINESS IN AFRICAN PROVERBS COMPARED WITH ENGLISH

The paper deals with singling out and description of proverbial concept of happiness in African proverbs of Benin. We analyze meanings and senses of Benin proverbs composed in the local languages, give definitions of proverbs in English and Russian and compare them with their English translative equivalents.

Keywords: proverb, proverbial concept, happiness, African language Mina, comparative analysis.

Прежде всего, необходимо отметить, что в лингвистических исследованиях очень мало внимания до сих пор было уделено африканским пословицам. Бенинские пословицы не составляют исключения. В настоящее время в целом существует очень мало работ по африканской паремиологии. Наша статья призвана внести определенный вклад в разработку этого уникального до сих пор не изученного материала.

Пословица как лингвистический термин имеет разные определения в лингвистике. Приведем только некоторые из них. А. В. Кунин [Кунин 1996] причисляет пословицы к IV классу фразеологических единиц и называет их коммуникативными фразеологическими единицами. Под пословицами исследователь понимает афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме.

В. Н. Телия считает пословицы «мощным источником интерпретации, поскольку они есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа — носителя языка» [Телия 1996, с. 241].

В англоязычной паремиологии одним из самых известных является определение пословицы, данное В. Мидером: «Пословица – короткое, общеизвестное изречение народа,

содержащее мудрость, истину, мораль и традиционные взгляды в метафорической, фиксированной и запоминающейся форме, и которое передается из поколения в поколение» [Mieder 2004, с.5].

По мнению В. М. Мокиенко, пословица — это «законченное образное или безобразное изречение, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» [Мокиенко 2010, с. 12].

Мы определяем пословицу как замкнутую предикативную единицу гибридного типа, совмещающую признаки языкового знака и мини текста и используемую в речи для достижения разных коммуникативных целей и реализации соответствующих коммуникативных стратегий [Абакумова 2013].

Специалист в области африканских пословиц, профессор Дж. Мбити даёт следующее определение: «Пословицы – секретные коды информации и знания, оружие тех социальных групп общества, которые угнетены, лишены привилегий, изолированы по разным причинам, это легко запоминающиеся аудиальные символы» [Benin Proverbs, 2015, p. 16].

Анализ и сравнение значений пословиц интересны во многом благодаря фиксированным в их семантике ценностям отдельной культуры и народного опыта, мировоззрению, т.е. т.н. пословичной картине мира.

Несмотря на то, что термин «концепт» прочно утвердился в современной науке о языке, он все еще не имеет универсального определения. Исследованием концептов занимались такие лингвисты как Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, Е. С. Кубрякова, С. Е. Никитина, В. Н. Телия, и многие другие. Отсутствие единого определения обусловлено тем, что концепт имеет сложную, многомерную структуру, включающую, кроме понятийной основы, и социо-психокультурную составляющую, которая не только мыслится, но и переживается носителями языка, охватывая ассоциации, эмоции, оценки, образы и коннотации, присущие той или иной культуре.

Е. С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную содержательную единицу памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др, 1996, с. 90]. По ее мнению, концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, то есть концепт является посредником между словами и действительностью.

По мнению В. Н. Телия, концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, таким образом, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепты не создаются исследователями, но реконструируются через свое языковое выражение и внеязыковое знание [Телия 1996, с. 27].

Концепты представляют мир в сознании человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы. Следовательно, можно определить концепт как ментальное образование, которое в большинстве своем имеет универсальную природу. Исследователи в области лингвокультурологии используют термин лингвокультурный концепт, который призван выявить культурную составляющую и описать национальную специфику данного явления. У В. И. Карасика есть такое определение концепта как категории лингвокультурологии: концепт – это многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [Карасик 2002, с. 129].

В целях реконструкции пословичной картины мира – представления людей о мироустройстве, нашедшего отражение в пословицах – применяется понятие пословичного концепта.

Мы считаем необходимым говорить о двух типах пословичного концепта, во-первых, «концепт-стереотип, отражающий культурное представление о ценности, названной данным абстрактным именем. В данном случае это целостная ментальная единица, конфигурация культурно значимых признаков, онтологических, аксиологических, модальных, функциональных, выявить которые можно через анализ семантических ролей (квалитативов разного типа), выполняемых именем в пословичных текстах, представляющих типовые ситуации (фреймы)» [Абакумова 2013, с. 60, Абакумова, Сулица 2022, с.118].

Второй тип пословичного концепта «имеет в большой степени индивидуальную природу и напоминает реализуемый замысел говорящего, в котором соединяются его коммуникативная стратегия и тактика, обобщённая оценка ситуации, которую говорящий хочет передать или внушить слушающему в определенном контексте общения, и иллюкутивная сила высказывания, связанная с намерением говорящего. В связи с этим можно дать определение пословицы как косвенного речевого акта [Абакумова 2013, с. 60].

Пословичный концепт есть совокупность когнитивных элементов, имеющих отношение к объекту. На основе анализа когнитивных уровней значения и внутренней формы можно описать пословичный концепт богатства, бедности, любви, дружбы и т. п. [Телия 1996, с.112]. Е. В. Иванова определяет термин когнитивная единица как пропозициональную единицу знания, реконструируемую при анализе семантического пространства одной или нескольких пословиц и функционально значимую для описания когнитивной модели одной пословицы, фрагмента пословичной картины мира или всей пословичной картины мира» [Иванова 2002, с. 62]. Для реконструкции пословичного концепта нужно установить весь набор формирующих его когнитивных элементов.

По мнению исследователей этого феномена, причиной сложности описания концепта счастья являются как минимум три его характеристики:

Счастье может быть процессом (быть где-то или с кем-то) и результатом (получить что-либо);

Счастье может быть обусловлено внутренними и внешними факторами;

Счастье может быть результатом получения материальных и нематериальных благ [Воркачев 2002, с. 9].

В данной статье мы рассмотрим некоторые концептуальные признаки пословичного концепта Счастье, которые выявляются на материале бенинских пословиц, описанных в словаре «Benin proverbs» под редакцией Ангеле Калуче Биао и Аурелиен Атидегла [Benin Proverbs, 2015].

1. Онтологические концептуальные признаки концепта Счастье по материалам бенинских пословиц:

Квалитатив двойственности, взаимозависимости счастья и несчастья:

Oju ti o ribi ti ko fo, o fe ri ire ni (Yoruba)

“The eye that experienced misfortune, and has not gone blind, will hopefully experience happiness (English)”. Букв. Глаза, которые видели горе и не ослепли, скорее всего будут счастливы.

Amè Ké Kpò Agbé Bada Kpó a, Eyé Djénasi Agbé Gñuin! (Mina)

“We can only know happiness if we have known misfortune. Only those who were unhappy sincerely appreciate happiness, it is said to those who do not appreciate good moments, that is, you will understand that you were happy only when this happiness passes. (Sebastien Ekanhoui)”. Букв. Мы можем познать счастье, только если знаем, что такое горе.

Ср. рус. Кто горя не видел, тот и счастья не знал; англ. No pleasure without pain. It is comparison that makes men happy or miserable. Sadness and gladness succeed each other. Joy and sorrow are next door neighbours.

Квалитатив эфемерности:

Xogo zanfon no go gbada a (Fon)

“Being satisfied in the morning does not mean that one will be satisfied until evening (English).

Букв. Удовлетворенность утром не означает, что человек будет вечером так же удовлетворён.
Explanation: “Early successes may be grounds to halt any effort and not seizing new opportunities”

Ср. англ. The mirth of the world dureth but a while. If you sing before breakfast, you will cry before night. Laugh before breakfast, you’ll cry before night.

Квалитатив удовольствия от процесса:

Agbé Gñuin a, Emondji Yiyi é bégñi! (Mina)

Happiness is not a destination, it’s a journey

This proverb reminds us that happiness is a continuous process, not a goal to be achieved. It is said to those who are chasing happiness, not realizing that happiness is built gradually (Sebastien Ekanhoui). Букв. Счастье – это не пункт назначения, это путешествие. Эта пословица напоминает нам, что счастье – это непрерывный процесс, а не цель, которую нужно достичь. Говорится тем, кто гонится за счастьем, не понимая, что счастье строится постепенно.

Квалитатив ценности/умеренности притязаний:

Peḱe pọ ọja ki şango to yan mokele (Yoruba)

There are a variety of beads in the market, yet Shango (a divinity) chose Monkele (a cheaper variety of beads). (English). Букв. Много бус из жемчуга на базаре, но божество Шанго выбирает недорогие.

Explanation: “Taste is relative. Although there are many vices in the society, one abstains from them and lives according to norms, mores, and customs”. Англ. Лакуна.

Квалитатив удовольствия от заслуженного результата:

A ba erin labata ko mo iyí ẹran, a ba ẹfon labata ko mo iyí oḱe (Yoruba)

“He who does know the elephant only in the sauce does not know its value, he who only knows the buffalo in the sauce, doesn’t even taste the value of the sauce. (English). Букв. Тот, кто знает слона только в соусе, не знает его ценности, тот, кто только знает бизона в соусе, не знает даже ценности соуса.

Explanation: “To win without risk is to triumph without glory”. Букв. “Выигрыш без риска подобен триумфу без славы».

Нельзя гордиться тем, за что не боролся.

Квалитатив принадлежности высшим силам:

Ibukun oluwa ni n la ni laifi laalaa kun-un (Yoruba)

It is the grace, the blessing of God that saves without much effort, pain and difficulty. (English).

Букв. Милость Божья, благословение спасает без усилий, боли и затруднений.

Explanation: “Without the benediction of God all our efforts are in vain” букв. Без благословения Бога все наши усилия напрасны.

Ср. рус. Без воли Божьей ничего не делается. Так Богу угодно. На счастье мужик и хлеб сеет.

Квалитатив материального благополучия

Turo waaru, sɔndara (Bariba)

The gain of only one is a failure. (English). Букв. Прибыль одного человека – неудача.

Explanation: “Wealth should be shared”.

Ср. рус. Бог велел делиться. Счастье много денег собирает, да скоро же и от них погибает. Англ. Лакуна.

Квалитатив нематериального благополучия/единения/дружбы:

Kammɛ nze fɔ suu fei zuu (Dendi)

One hand cannot take the « okra » sauce alone. (English). Букв. Одна рука не сможет приготовить соус.

Explanation: “Unity makes strength” (В единении сила).

dɛrifɛnyo toosu no n' ma duu ka kpei hanni Dmaayo (Dendi)

Partridges meet before going to eat the millet (English).

Explanation: “Always agree together before going to the front. Unity is might”.

Ср. рус. Один в поле не воин.

Квалитатив удовлетворенности:

Dee n hari suu tɔ ni hininyo, alwala tɛ ka tunu (Dendi)

If water is not enough for you to take a bath, you'd better do abluion. (English). Букв. Если воды недостаточно, чтобы принять ванну, сделай омовение.

Explanation: Learn to be satisfied with what you have (Научись быть удовлетворенным тем, что имеешь)

Ср. англ. Content is happiness

Квалитатив зависимости от усилий:

Wɔgɔ faari weenu ka ŋma biicire (Dendi)

Sow under the sun and eat in the shade (English). Букв. Сей под солнцем и принимай пищу в тени.

Explanation: “Effort is always rewarded” (Усилия всегда вознаграждаются).

À n kperun tim ki a ku wunæn gbáan nɔɔ mææri (Bariba)

If you want honey from a stone, do not fear the blade of your ax. (English). Букв. Если хочешь добыть мёд из камня, не бойся за лезвие топора.

Explanation: Nothing worthwhile can be obtained easily (Ничто не дается легко)

Ср. англ. Seek and you shall find. One cannot fry eggs without breaking them. Nothing ventured, nothing gained. Busy hands are happy hands. Every man is an architect of his own happiness.

Квалитатив внутреннего состояния

Wì u ku ra tii wí, bisì wiira ta ra nùn go (Bariba)

He who does not criticise himself, dies from the critics of others. Букв. Тот, кто не критикует себя сам, погибает от чужой критики.

Explanation: “Understand the importance of selfquestioning and humility” (Следует понимать важность самокритики и скромности).

Ср. англ. He is happy that knoweth not himself to be otherwise (квалитатив спокойствия, уверенности в себе); All happiness is in the mind

2. Аксиологические концептуальные признаки:

Квалитатив благодарности:

Eni ti a ɛe ni ore tiko dupe, bi ɔloɔa ko ni leɾu lo ni

Букв. Получение помощи без выражения благодарности похоже на кражу.

Негативно оценивается ситуация, когда человек не выражает благодарности за полученную помощь.

Квалитатив скромности:

Peke ɾo loja ki ɕango to yan mokele

Букв. Много бус из жемчуга на базаре, но божество Шанго выбирает недорогие.
Негативно оценивается поведение человека, который выбирает для себя самые дорогие вещи, демонстрируя свой повышенный интерес к материальным благам

Квалитатив религиозности:

Ibukun oluwa ni n la ni laifi laalaa kun-un

Букв. Милость и благословение Бога спасают человека без усилий от боли и трудностей.

Положительно оценивается вера в Бога и следование нормам нравственного поведения

Квалитатив трудолюбия:

Wɔɔ faari weenu ka jma biicire (Усилия всегда вознаграждаются)

À n kperun tim kí a ku wunæn gbáan nòò mææri (Ничто не дается легко)

Положительно оценивается поведение человека, прилагающего усилия к тому, чтобы стать более счастливым и успешным.

Квалитатив воздержанности, умеренности:

Aṣeṣe bere oṣi, bi oṣo olowo ni a ri (Yoruba)

Букв. The beginning of depravity and deprivation gives the illusion of good life. (English).

Букв. В самом начале порок дает иллюзию хорошей жизни. Следует воздерживаться от порочных связей и вести достойный образ жизни.

Негативно оценивается порочное поведение человека.

Квалитатив щедрости:

Tugo waaru, sɔndara

Букв. Прибыль одного человека – неудача. Следует делиться богатством.

Положительно оценивается щедрость, желание делиться всем, что есть у человека.

Квалитатив доброжелательности, лобезности:

À n nae googii u ku si, wunægii ku ra kabiri (Bariba)

Букв. Когда ты говоришь, что чей-то ребенок не будет ходить, твой не сможет ползать.

Следует избавляться от эгоизма и злобности.

Негативно оценивается зависть, злоба, эгоизм.

Квалитатив умения довольствоваться малым:

Dee n hari suu tɔ ni hininyo, alwala tɛ ka tunu (Научись быть довольным тем, что имеешь).

Положительно оценивается умение человека довольствоваться малым.

3. Модальные концептуальные признаки (фиксированные в семантике пословиц деонтические нормы социального поведения):

Описываются разные бытовые ситуации и рекомендуются социально-одобряемые нормы этического поведения, выработанные африканской культурой:

– Не следует желать/делать зла другому

Пример: Odo ti o ba gbe igi ni ubulubu, ko ni fi ara rere ṣan (Yoruba)

A stream / river carrying a tree trunk against the current will not flow well (English)

Explanation: In seeking to do harm to others, you can hurt yourself indirectly. Ср. рус. Не пой другому яму, сам в нее попадешь.

– Всегда следует выражать благодарность за сделанное добро или оказанную помощь

Пример: Èni ti a ṣe ni ore tiko dupe, bi ọlọṣa ko ni lẹru lẹ ni (Yoruba)

Always be grateful to your benefactor.

– Не следует требовать для себя всего самого лучшего. Нужно быть скромным.

Пример: Iṣẹ́kẹ́ pọ́ lọ́ja kí ṣàngo tọ́ yán mọ́kẹ́le (Yoruba)

– Не следует принимать решения, основанные на эмоциях, нужно стараться быть объективным.

Пример: Asunkun rojò, ile lo n tuÚ (Yoruba)

He who cries while complaining, causes discord in a family. (English)

Explanation: “Basing oneself on emotions to judge facts, one might not be objective and thereby create discord, enmity between men”.

– Следует научиться преодолевать препятствия:

Пример: kómma krÉ suu mọ́nọ́ a kóoma (Dendi)

A hunchback cannot help but accept his hump. (English)

Explanation: Learn to bear difficulties.

– Не следует желать больше, чем тебе нужно, слишком много не всегда приносит счастье

Пример: Aṣeṣe bẹrẹ oṣi, bi ọmọ olowo ni a ri (Yoruba)

One can sink into depravity and destitution, fault of moderation in our lifestyle.

– Всегда нужно бороться за свое счастье.

Пример: À n kperun tim kí a ku wunæn gbáan nөө mææri (Bariba)

Nothing worthwhile can be obtained easily; nothing ventured, nothing gained.

4. Функциональные признаки:

Пословицы данной группы могут выполнять разные функции в контексте использования, в неактуализованном режиме практически все имеют регулятивную функцию (эксплицитную или имплицитно выраженную), поскольку содержат рекомендации в форме социальных норм этического поведения, что еще раз подтверждает их природу как косвенных речевых актов.

Заключение

Наш анализ африканских пословиц о счастье на материале бенинских пословиц в сопоставлении с английскими показал в большинстве своем сходные концептуальные признаки пословичного концепта за некоторыми исключениями в области аксиологических и модальных признаков, отражающих деонтические нормы социального взаимодействия. Африканские пословицы в большей степени отражают систему ценностей коллективистской культуры и рекомендуют этические нормы социального поведения. Английские пословицы входят в английскую пословичную картину мира, и рекомендуемые ими нормы в большей степени связаны с индивидуалистическим типом культуры, где преобладают утилитарные деонтические нормы в семантике и прагматике паремий.

Литература:

- Абакумова О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб: Алеф-пресс, 2012/2013.
- Абакумова О. Б., Сулица О. А. Тематическая группа «Счастье» в русской пословичной картине мира на фоне английского и японского языков// Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков). СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. С.114-130.
- Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Тех. ун-т Куб ГТУ, 2002.
- Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб: Филол.ф-т СПбГУ, 2002.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол.ф-т МГУ имени М. В. Ломоносова, 1996.
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского. М.: Феникс, 1996.
- Мокиенко В. М. Современная паремология (лингвистические аспекты)// Мир русского слова №3. 2010. С.6-20.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Benin Proverbs. Practical Ethical Wisdom from African Proverbs. Angele Kolouche Biao, Aurelien Atidegla (eds). Globethicsnet, 2015.
- Mieder W. Proverbs: A Handbook. Westport: Greenwood Press, CT, 2004.
- The Penguin Dictionary of Proverbs. Rosalind Fergusson, Johnathan Law (eds). Market House Books, 2000.

References:

- Abakumova O. B. Poslovitsy v jazyke, soznanii i kommunikatsii [Proverbs in language, consciousness and communication]. Sankt-Petersburg: Aleff-Press, 2012/2013.
- Abakumova O. B., Sulitsa O. A. Tematicheskaja grupa "Schastje" v russkoj poslovichnoj kartine mira na fone anglijskogo i japonskogo jazykov [Thematic group "Happiness" in Russian proverbial picture of the world on the background of English and Japanese]. Sankt-Petersburg: Izdatel'sko-pograficheskaja asociatsija vysshih uchebnyh zavedenij, 2022. Pp.114-130.
- Vorkachev S. G. Kontsept schastja v russkom jazykovom soznanii: opyt lingvo-kulturologicheskogo analiza [Concept of happiness in Russian language consciousness: linguocultural analysis]. Krasnodar: Technical University KubSTU, 2002.
- Ivanova E. V. Poslovichnyje kartiny mira (na materiale anglijskih i russkih poslovits) [Proverbial pictures of the world (based on English and Russian proverbs)]. Sankt-Petersburg: Philological faculty, 2002.
- Karasik V. I. Jazykovoju krug: lichnost, kontsepty, diskurs. Volgograd:Peremena, 2002.
- Kubriakova E. S., Demjankov V. Z., Pankrats Yu.G., Luzina L. G. Kratkij slovar kognitivnyh terminov [Concise dictionary of cognitive terms]. Moscow: Philological faculty of MSU named after M. V. Lomonosov, 1996.
- Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo [The Course in Phraseology of Current English]. Moscow: Feniks, 1996.
- Mokienko V. M. Sovremennaja paremiologija (lingvicheskie aspekty) [Modern paremiology (linguistic aspects)]//Mir Russkogo Slova №3, 2010. P.6-20.
- Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij, lingvokulturologicheskij aspekty [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic, linguocultural aspects]. Moscow: Jazyki russkoj kultury, 1996.
- Benin Proverbs. Practical Ethical Wisdom from African Proverbs. Angele Kolouche Biao, Aurelien Atidegla (eds). Globethicsnet, 2015.
- Mieder W. Proverbs: A Handbook. Westport: Greenwood Press, CT, 2004.
- The Penguin Dictionary of Proverbs. Rosalind Fergusson, Johnathan Law (eds). Market House Books, 2000.

Абалуева С. Н.

Тихоокеанский государственный университет

**НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В КОНЦЕПЦИИ «МОЛОДОЙ
РЕДАКЦИИ» ЖУРНАЛА «МОСКВИТЯНИН» (1850-1856):
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД**

Настоящая статья посвящена мировоззренческим и эстетическим аспектам народознания «молодой редакции» «Москвитянина». Редакторы журнала выступали с критикой субъективизма и обратились к народной духовной традиции с целью утверждения онтологической основы национального самосознания, что будет являться гарантом объективности познания. Метод «молодой редакции» представлял собой начало феноменологического анализа и заключался в изучении собственных структурных компонентов сознания, идентифицируемых как аналогичные для других представителей национального единства.

Ключевые слова: молодая редакция, журнал Москвитянин, национальное самосознание, феноменологический аспект

Abalueva Snezhana N.

Pacific State University

**NATIONAL IDENTITY IN THE CONCEPT OF “YOUNG EDITORIAL BOARD”
MEMBERS OF “MOSKVITYANIN” MAGAZINE (1850-1856): RETROSPECTIVE
VIEW**

This article is devoted to the ideological and aesthetic aspects of folk studies of the “young editorial board” of “Moskvityanin”. The editors of the magazine criticized subjectivism and turned to the folk spiritual tradition in order to establish the ontological basis of national identity, which will be a guarantor of the objectivity of knowledge. The method of the “young editorial board” represented the beginning of phenomenological analysis and consisted in the study of one’s own structural components of consciousness, identified as similar to other representatives of national unity.

Keywords: young editorial board, Moskvityanin magazine, national identity, phenomenological aspect

Более двух десятилетий не уменьшается интерес к теме российской национальной идентичности. Неявной сущность национального единства оказалась после распада СССР. Не успев достаточно окрепнуть в своих понятиях, стала подвергаться воздействию изменений глобализирующегося мира. Современная политическая, экономическая и идеологическая ситуация, связанная с обострением отношений со странами Запада, делает вопрос о национальном самосознании особенно актуальным.

Культуролог Терри Иглтон раскрыл понятие «народной культуры» как тех черт жизни (мифология, обычаи, язык и пр.), которые «выбирают нас, а не выбираются нами» [Иглтон, 2012, с. 46]. По его мнению, быть цивилизованным человеком означает способность

останавливаться на определенной линии поведения. Культура народа становится тем самым «бессознательной стороной цивилизованной жизни» [Иглтон, 2012, с. 47]. К народной культуре, считает исследователь, интерес особенно усиливается в кризисные для общества времена, когда определенный цивилизационный этап приходит к тупику. Возникает желание вернуться к истокам, в них черпать силы для восстановления.

Вопрос о национальном самосознании никогда не снимался с повестки дня. Незримо присутствуя как фундамент государства, он тем не менее так и не нашел полного понимания и выражения, а, следовательно, может быть рассмотрен как открытое герменевтическое поле. Славянофилы создали культ народа, народной культуры, ставя задачу, говоря словами Х.-Г. Гадамера, интеграции этой культуры «в совокупность собственного ориентирования в мире и собственного самопонимания», с одной стороны, а с другой – вписать в поиски путей к национальному самосознанию современного общества. Важен и другой тезис Гадамера: «Все, что обращено к нам в широчайшем смысле традиции ставит проблему понимания, и понимание в принципе не равносильно повторной актуализации в нас мыслей другого» [Гадамер, 1991, с. 263-264]. Настоящая статья как раз и посвящена мировоззренческим и эстетическим аспектам народознания «молодой редакции» «Москвитянина» (1850-1856 гг.), которые могут рассматриваться в качестве «предания». В кризисное время, требующее объединения элиты и народа в единую нацию, молодые люди обратились к народной культуре. Они считали, что именно культура народа отвечает на вопрос «кто мы?». Путь обретения этого знания послужит дорогой к национальному единству.

Взгляды членов «молодой редакции» базировались на положениях немецкой философии и славянофильства. Исследователи не раз отмечали влияние на них философии Гегеля, Гердера, Шлегеля, раннего Белинского. В еще большей степени младославянофилы продолжали идеи старших славянофилов. Поиск критериев для утверждения правды в художественном творчестве и вообще в социальном поведении проходил через осмысление таких вопросов, как: «я – другой», «я – народ». Все это было подсказано желанием обосновать «коды» национального самосознания, придать им онтологический статус. Параллельно они продолжали спор, начатый их предшественниками, об оппозиции личного (субъективного) и объективно-безличного в культурах Запада и России. Органической частью культуры для них служило художественное творчество.

У славянофилов и их преемников понимание «субъективности» была связано с некоторыми крайностями романтизма, выразившимися, в частности, в культивировании абсолютной свободы личности, иногда переходящей в своеволие, в том числе в жизненной позиции романтического героя. Романтический герой представлял в иных случаях замкнутое его, подвластное эмоциям, искажающим восприятие действительности. Такая поведенческая установка, как думали младославянофилы, была усвоена и насаждалась представителями «натуральной школы», подхвачена как модная тенденция «светской литературой». Развивающиеся в 50-х гг., по замечанию Б. Ф. Егорова, процессы индивидуализации и психологизма в литературе [Егоров, 1982, с. 53] нашли свое отражение в поэзии Н. Огарева, А. Фета, Я. Полонского, проявились у И. Тургенева, Ф. Достоевского, практически незамеченного в то время дебютанта Л. Н. Толстого. При всей неоспоримости таланта, по мнению «молодой редакции», им не хватало четкой цели. Открывать сущность духа человека или духовные основы именно русского человека – главный камень преткновения в их оценках.

На эстетику «натуральной школы» повлияло развитие наук, позитивизма и исторического этапа, потребовавшего пересмотра социальной иерархии в обществе. Искусство становится наукообразно; как и наука, оно должно быть полезно. В первую очередь, литература выполняет свою познавательную функцию: исследует жизнь общества. Затем анализирует

результаты и выражает социальные нужды. Это искусство, распространяющее свой взор на внешнюю среду. Автор и его лирический герой могут быть эмоциональными в своей оценке действительности, однако заметить «натуру» писателя можно только сквозь описание реальности. Главными авторскими чертами становятся наблюдательность и аналитический ум.

Традиционная литература, идущая от Пушкина, напротив, претендовала не столько на исследование общества, сколько на понимание тонкостей психологии образованного человека. Позже, на взлете крайне субъективного романтизма в 1840-е гг., романтический индивидуализм в литературе приобрёл формы самого крайнего выражения. Младославянофилы связывали романтическую субъективность литературы с творчеством М. Ю. Лермонтова и подражаниями ему. «Молодая редакция» «Москвитянина», как было сказано, развивала идеи старших славянофилов, которые в лице крайних адептов славянофильского понимания культуры и художественного творчества ставили задачу создания «христианской эстетики» (С. П. Шевырев) или «эстетики по-русски», теории «русского романа» (С. А. Бурачок). Старшие славянофилы стояли на позиции, предполагающей этическую оценку и писателя, и созданного им героя – в ущерб художественности. Позже «в литературе произойдет сращение художественной ткани с религиозной проблематикой», но в ситуации «христианской эстетики», «эстетики по-русски» речь в основном шла о снятии «художественного взгляда на мир» и замене его «исключительной “духовной”, монологически-религиозной трактовкой человека и общества» [Мехтиев, 2018, с. 140].

«Молодая редакция» «Москвитянина» решала трудные задачи: следовало преодолеть крайности взглядов своих предшественников и одновременно сглаживать тенденциозные представления современников о культуре и литературном творчестве. Молодые славянофилы желали создать некое интересубъективное диалогическое пространство, сквозь которое угадывается будущее общества и литературы.

Молодые мыслители не отрицали индивидуальной свободы и познавательных способностей личности. Тем не менее любое постижением мира и человека не может претендовать на истинность без опоры на онтологические основы, явленные в народной среде, считали члены «молодой редакции». Они верили, что в духовном мире человека содержится априорное смыслодержущее ядро. Знания из него извлекаются не столько «умом», сколько «сердцем». Способ познания сначала сердцем (интуицией), а затем разумом имеет религиозную традицию. Так, «сердечное» знание Гадамер находил у пиеетистов: «Центр круга жизни находится в сердце, которое воспринимает бесконечное благодаря здравому смыслу» [Гадамер, 1988, с. 72]. Молодыми редакторами данная гносеологическая модель была унаследована от восторженных старших славянофилов.

Познать себя как носителя национального духа – феноменологический путь, требующий осмысления прежде всего посредством художественного творчества. В понимании предназначения художника молодые редакторы также частично опирались на положения славянофилов.

В своей диссертации, посвященной творчеству М. В. Ломоносова, К. С. Аксаков рассматривает движение развития личного начала от общего к частному [Иванов, 2016, с. 14]. Поэт, будучи частью общности (народа), обособляется от нее в своих произведениях, но не теряет первоначальной связи. Личность выделяется из народной общности, поскольку только «индивидуальным осознанием народ как форма духа получает свое содержание по отношению к всеобщему» [Иванов, 2016, с. 14]. Поэзия принадлежит конкретному человеку, но он выражает в ней целостное содержание народного духа. Поэт становится личностью, когда проявляет себя как представитель своего народа. «Народность выделена здесь как нечто, что существует в качестве переходной ступени, которая должна быть преодолена, как нечто бессознательное,

обязанное стать достоянием рефлексирующего субъекта и, тем самым, трансформироваться» [Иванов, 2016, с. 14]. Индивидуальное есть воплощение всеобщего через личное осмысление последнего. «Художник не творит собственною своею силою: духовная сила народа творит в художнике. ... Художество ... есть цвет духа живого, восходящего до сознания или, как я уже сказал, – образ самосознающей жизни» [Хомяков, 1982, с. 90]. В фольклоре соблюдалась та же логика: пусть автор неизвестен, но в форме определенных поэтических конструкций выражается народное сознание.

Славянофилы искали пути социального воссоединения русского общества. Социальная целостность, в их понимании, должна была осуществиться на основе нравственного чувства, которое мыслилось как особенность русской ментальности. Личность освобождается от своей субъективности во имя служения Другому, во имя служения народу.

Младославянофилы переняли суждение о творческой деятельности писателя как об акте «самосознающей жизни». Художник в себе самом открывает незыблемое духовное ядро народа и выражает его смыслы в форме художественного произведения. В этом акте обретается высшая объективность творчества. Субстракт народного духа обладает качествами вечного идеала, он истинная суть русского человека, не искажаемая многообразием восприятия индивидуального сознания.

Понятие «объективности» в мировоззрении «молодой редакции» формируется в противоположность «субъективному»; оно не содержит коннотации «вещности». Требование объективности – это утверждение наличия вечных идеалов и истины, существующих вне сознания и вне времени.

Относительно методов эстетического познания молодые редакторы имели расхождения со старшими славянофилами. Национальная общность существует на неких положительных созидательных началах, которые славянофилы старались сформулировать и объяснить в 40-е гг. Уверенность в национальном духовном идеале консервировала общество в определенной форме культуры. Художник в произведении способен передать образ, выражающий идеальные черты национального, «онтологически» схваченное «прекрасное» [Гадамер, 1988, с. 563]. Славянофилы предлагали художнику учиться «эпическому взгляду» на действительность, который обеспечивал бы создание произведений, взятых с действительности, но остающихся вне времени. Главенствующее место занимает описательная сторона, поскольку в деталях, «в мелочах» рисуется мир таким, каким его создал Бог, улавливается «субстанциальная» сущность всех вещей. По мнению славянофилов, именно Н. В. Гоголю удалось запечатлеть единый образ России в «Мертвых душах». Здесь возникает ситуация, которую П. Рикер обозначил: «возникновение человека как субъекта «я-сам» [Рикер, 1995, с. 352]. Человек выделит себя из общего бытия и смотрит на мир, предстающий теперь для него в форме образа. Он хотел бы сберечь увиденное в этом составе, «удержать его как представление». «Характер представления» мира как образа является «коррелятом возникновения человека как субъекта» [Рикер, 1995, с. 352].

В мировоззрении славянофилов идеальные образы мира и человека будто бы уже были обреты в конкретной исторической эпохе. Для «молодой редакции» не существует «обретенного» знания. Русские люди пока не раскрыли, в чем духовная сущность их «народности». Это знание требует личного «припоминания». Человек для «молодой редакции» поставлен в ситуацию развития, в которой осуществляется его приход к своей национальной сути. Задача литературы – показывать несовместимость внутреннего идеала русского человека и его существования в жизненных реалиях. Через это несоответствие будет проходить путь человека к своему внутреннему идеалу, который трактуется именно как национальный. В понимании «молодой редакцией» линии развития русской литературы неотъемлемо входит

«обличительный», или «нравственно-общественный» компонент [Островский, 1850, с. 113]. «И искусство дает публике такие образы», которые заставляют искать лучших форм жизни, «одним словом, заставляют быть нравственнее» [Островский, 1850, с. 113]. Поэтому члены «молодой редакции» главным жанром русской литературы видели комедию, продолжающую гоголевскую традицию «смеха сквозь слезы». У Гоголя всегда было в сознании представление об идеале, о «прекрасном человеке». Сообразно ему он выявлял пошлость и выносил ей свой суд.

Качества, органичные национальному духу, отражены в фольклоре: «самобытная ирония», природенная «строгость к самому себе» и другим, неизменные нравственные законы. Этими же качествами руководствуется комедия, обличая общественные пороки. Доминанта сатирического начала в русской культуре является доказательством единой линии развития литературы и отражением духовной наследственности.

Национальное – вневременное понятие. Но в отличие от славянофилов, молодые редакторы не предлагали вернуть допетровский уклад жизни. Важно не восстановить коренные истоки в культуре, а почувствовать в них опору для современности. Для «молодой редакции» характерен «пафос настоящего» [Егоров, 1982, с. 29]. Патриархальная купеческая среда служит не образцом для копирования ее уклада, но проводником на пути нахождения в себе «родного чувства». Средой особого рода национальных переживаний также служит пространство фольклора. Народная песня отдается в душе, отсылает исполнителя и слушателей к «сердечному» познанию глубинного родного начала.

Выявлению национальной сущности способствует народный язык. Этому вопросу младославянофилы уделяли особое внимание при анализе произведений. Введение слов из народной речи не только показывает близость автора к изображаемому, но и способствует проникновению в народный дух. Пословицы, поговорки, присказки, разного рода меткие словечки являются отражением сущностных характеристик русского человека. «В этих пословицах и поговорках раскрывается вся сила души Русского человека; в них проглядывает все его мирозерцание, вся его самородная философия» [Алмазов, 1851, с. 102]. Диалектизмы и народные идиомы, по мнению «молодой редакции», воздействуют посредством «чувств сладкого трепета и слез умиления», раскрывают «умение сочувствовать, как истинно Русский» [Алмазов, 1851, с. 102-103]. Слово народной речи тем самым не только смысловое изречение, но «континуум оттенков языкового мировидения» русского народа [Гадамер, 1988, с. 518].

Обвиняя «субъективность» современной им литературы в генетической связи с романтизмом, «молодая редакция» корнями своих воззрений уходила в то же самое направление. На мировоззрение «молодой редакции» сильное влияние оказал взгляд Гердера на язык «как органон душевных сил», где отражен характер нации [Хюбнер, 2001, с. 126]. Романтический тип национальной идентификации, выделяемый К. Хюбнером, при котором «сущностная идентичность» «обнаруживается в языке», также близка идеям младославянофилов [Хюбнер, 2001, с. 333]. Само понимание происхождения единства нации от общего духа – целиком порождение философии романтизма. Однако для молодых редакторов рассуждение о русском характере как вневременной составляющей народа представляет собой не простое копирование идей, но переработанные и осмысленные положения с учетом народной традиции и положений славянофильской мысли.

Хюбнер пишет, что основным заблуждением романтизма было понимание духа нации как субстанционального начала и отсюда поиск ее «универсально единых сущностных признаков» [Хюбнер, 2001, с. 321]. Как только дух нации «лишился» своей субстанции, он перешел в разряд непознаваемого наукой и не имеющего рационального объяснения. Философ предлагает обратиться к внутреннему опыту человека. Он настаивает на изначальности и

неотъемлемости национального сознания (даже в латентной форме), которое проистекает из особой формы мышления – мифического [Хюбнер, 2001, с. 356]. Мифическое, как понятие неподвластное методам науки, было отвергнуто рационалистическим мышлением. Хюбнер утверждает, что «этот род опыта» является «феноменологическим фактом» [Хюбнер, 2001, с. 360]. Мифическое «проявляется в искусстве, религии и почти во всяком экзистенциальном опыте и, наконец, в национальной идентификации» [Хюбнер, 2001, с. 371].

Младославянофилы, опираясь на традицию, предшествующую их времени, не могли полностью отвергнуть открытия, сделанные романтической философией. Народный дух дан в их мировоззрении как вечное бытие народного идеала. Поиск извечных качеств нации осуществляется «молодой редакцией», в первую очередь, как опыт мифического познания. Экзистенциальная практика вчувствования в патриархальную среду, в мир фольклорной песни и народного просторечия представляет собой методы такого постижения, доступные каждому члену национальной духовной общности. Подобный мифический опыт остается частью индивидуального сознания познающего.

Однако «объективное» познание мира, способное стать посредством художественного произведения опытом каждого, осуществляется авторским сознанием. Я – познающее, раскрывая сущность национального идеала, приходит к абсолютному бытию. Сознание автора – посредник между миром и людьми национальной общности.

Таким образом, в мировоззрении «молодой редакции» прослеживается феноменологическая направленность эпистемологических поисков. Метод познания национальной идентичности, предложенный младославянофилами, включает изучение собственных структурных компонентов сознания, идентифицируемых как аналогичные для других представителей национального единства. Знания при этом будут носить интуитивный характер (познание «сердцем»).

Литература:

- Алмазов Б. Н. Сон по случаю одной комедии // Москвитянин. 1851. № 9-10. С. 391-396.
- Батырев Д. Н. Проблема национальной идентичности в глобализирующемся мире (социально-философский анализ) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 2009.
- Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины 19 века. Л.: Искусство, 1982. 269 с.
- Иванов А. А. Проблематика личности в философии славянофилов // Context and Reflection: Philosophy of the world and human being. 2016. № 3. С. 12-22.
- Иглтон Т. Идея культуры. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 192 с.
- Мехтиев В. Г. Эстетические и художественные грани классической традиции. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. 140 с.
- Островский А. Н. «Ошибка», повесть Г-жи Тур // Москвитянин. 1950. № 7. С. 111-121.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 416 с.
- Хомяков А. С. О возможности русской художественной школы // Русская эстетика и критика 40-50-х гг. М.: Искусство, 1982. С. 106-126.
- Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001. 400 с.

References:

- Almazov, B. N. (1851). A dream on the occasion of one comedy. *Moskvityanin*, 9-10, 391-396. (In Russian).

- Batyrev, D. N. (2009). The problem of national identity in a globalizing world (socio-philosophical analysis) (Doctoral dissertation). Kalmyk State University. Rostov-on-Don. (In Russian).
- Gadamer, H.-G. (1991). The relevance of beauty. Moscow: Art. (In Russian).
- Gadamer, H.-G. (1988). Truth and Method. Moscow: Progress. (In Russian).
- Egorov, B. F. (1982). The struggle of aesthetic ideas in Russia in the 19th century. Leningrad: Art. (In Russian).
- Ivanov, A. A. (2016). Problems of personality in the philosophy of Slavophiles. Context and Reflection: Philosophy of the world and human being, 3, 12-22. (In Russian).
- Eagleton, T. (2012). The idea of culture. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).
- Mekhtiev, V. G. (2018). Aesthetic and literary facets of the classical tradition. Khabarovsk: Pacific State University Press. (In Russian).
- Ostrovsky, A. N. (1850). "Mistake". Story by Mrs. Tour. Moskvityanin, 7, 111-121. (In Russian).
- Ricoeur, P. (1995). Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics. Moscow: Medium. (In Russian).
- Khomyakov, A. S. (1982). On the possibility of a Russian art School. Russian aesthetics and criticism of the 40-50s 19th century (pp. 106-126). Moscow: Art. (In Russian).
- Huebner, K. (2001). Nation: from oblivion to revival. Moscow: Kanon+. (In Russian).

Абраменко Е. В.

Ростовский Государственный Экономический Университет

АРТИОНИМ КАК ЕДИНИЦА ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Цель данного исследования состоит в описании артионима как единицы искусствоведческого дискурса. Задачей исследования является определение артионима как единицы искусствоведческого дискурса. Для достижения цели и реализации поставленной в работе задач были использованы следующие методы исследования: метод сплошной выборки, метод классификации материала, метод лингвистического описания. Новизной данного исследования является то, что на основе полученных данных дается анализ языковых особенностей русскоязычных артионимов. Полученные результаты исследования могут быть использованы в чтении лекционных курсов по сравнительному языкознанию, лексикологии, ономастике, синтаксису, стилистике и культуре речи, переводоведению. В заключение проводятся выводы по анализу языковых особенностей русскоязычных артионимов.

Ключевые слова: ономастика, артионим, единица, искусство, дискурс.

Abramenko Ekaterina V.

Rostov State University of Economics

ARTIONYM AS A UNIT OF ART DISCOURSE

The purpose of this research is to describe the artionym as a unit of art discourse. The objective of the research is to define an artionym as a unit of art discourse. To achieve the goal and implement the tasks set in the work, the following research methods were used: the method of continuous sampling, the method of classification of material and the method of linguistic description. The novelty of this research is that, based on the data obtained, an analysis of the linguistic features of Russian artionyms is given. The obtained research results can be used in the reading of lecture courses on comparative linguistics, lexicology, onomastics, syntax, stylistics and culture of speech, translation studies. Concluding, the analysis of the linguistic features of Russian artionyms is presented.

Keywords: onomastics, artionym, unit, art, discourse.

В современном ономастическом пространстве русского языка насчитывается огромное количество разнообразных онимов. Некоторые разряды онимов широко известны не только в лингвистических кругах, но и среди представителей иных научных областей, а также изучаются даже в курсе русского языка в школах. Таковы, например, топонимы и антропонимы. Другие же разряды онимической лексики, такие как ойконимы, космонимы, гидронимы, геортонимы исследуются преимущественно лингвистами, а сами термины часто неизвестны членам нелингвистического сообщества. К одним из таких разрядов относятся артионимы. Сложность понимания данного термина обусловлена в первую очередь его относительной новизной, а также тем, что артионимы до сих пор не стали предметом комплексного лингвистического изучения.

Смена научной парадигмы в языкознании привела к тому, что лингвисты все чаще стали обращаться к дискурсу как к более широкой сфере функционирования естественного человеческого языка. В связи с этим исследование языка в его дискурсивных проявлениях приобрело в наши дни наибольшую популярность и распространенность. Одним из многочисленных дискурсивных пространств функционирования языка является искусствоведческий дискурс. К его анализу обращались такие исследователи, как Булатова А. П., Ерохина А. Б., Милетова Е. В., Мухаметгареева Н. М. и др. Авторы рассматривали данный тип дискурса в различных аспектах, но наибольший интерес, как показал наш обзор критической литературы, представляет именно его лингвистические особенности. В частности, исследователи фокусируются на изучении лексического пласта искусствоведческого дискурса. В нашем исследовании мы сосредоточимся на одном из разрядов лексики – именах собственных.

Как и все имена собственные, артионимы представляют собой значительный лексический пласт, функционирующий в качестве своеобразного культурно-исторического и языкового индекса, дающего возможность для всестороннего изучения сознания, культуры и языка конкретного этноса.

Обратимся к определению понятия «артионим». Первым, кто предложил использовать данный термин для наименования определенного лексического пласта, стала Подольская Н. В. В «Словаре русской ономастической лексики» под ее редакцией дается весьма широкое понимание артионимов. Под ними автор понимает «имена собственные, называющие произведения искусства (живописи, скульптуры, графики, пластики)». Бурмистрова Е. А. в своем диссертационном исследовании также предлагает понимать артионимы довольно широко: это названия различных объектов искусства (музыки, живописи, графики и т.д.) [Бурмистрова, 2006, с. 5].

Однако существуют и более узкие трактовки артионимов. Так, например, Супрун В. И. определяет их как «название произведения изобразительного искусства» [Супрун, 2011, с. 137]. Как произведения изобразительного искусства артионим рассматривает и Рупосова Л. П., делая акцент на том, что под изобразительным искусством те его виды, которые воспринимаются зрением (живопись, скульптура, графика, дизайн, фотонискусство).

Климова Л. А. указывает на то, что артионимы – это названия всех видов искусств как исполнительских (танец, театр, цирк, музыка, кино и др.), так и неисполнительских (живопись, скульптура, архитектура, графика, дизайн и др.). Автор подчеркивает, что «произведения всех видов искусств, в том числе и произведения художественной литературы, образуют артионимическое пространство языка».

В нашем исследовании мы понимаем под артионимами названия произведений всех видов изобразительного искусства и рассмотрим одну из его разновидностей – названия произведений живописи.

Одним из своеобразных черт артионима, как пишет Рупосова Л. П., является то, что он «соотносится с действительностью не напрямую, а посредством невербального знака – произведения изобразительного искусства». При этом автор подчеркивает, что артионим – это не только само имя собственное, называющее какое-либо произведение изобразительного искусства, но и апеллятивный термин, например, картина, скульптура, фреска и т.п. Таким образом, полную артионимную формулу (термин Супруна В. И.) составляет апеллятив, название произведения и его автор. Однако, имя автора – все же факультативно в структуре формулы, поскольку оно оказывается значимым в рамках специальной области (в частности, в выставочных, музейных каталогах).

Еще одной своеобразной чертой артионима является его положение на грани между культурным и языковым понятием. Рассмотрим подробнее лингвистические и культурные особенности артионимов.

Лингвистические особенности артионимов заключается в том, что они обладают чаще всего общим грамматическим значением субстантивности, поскольку выступают в качестве единиц номинации. Лексическую основу артионимов составляет общеупотребительная лексика (например, «Черный квадрат», «Охотники на привале», «Оттепель», «У дверей мечети», «Девятый вал» и др.). Тем не менее, некоторые артионимы созданы на основе сниженной лексики (например, «Крестьянская пирушка», «Бабы», «Две девки», «Верка» и др.), лексики высокого стиля (например, «Петр I на смертном ложе», «Миропомазание великой княгини Елизаветы Алексеевны» и др.), а также экспрессивно-оценочной лексики («Вдовушка», «Спящий пастушок», «Какой простор!», «Московский дворик»), передающей атмосферу, создающей образ.

Артионимы характеризуются наличием разнообразных средств художественной выразительности – эпитетов (например, «Золотая осень. Слободка», «Тихая обитель», «Великий постриг»), олицетворений (например, «Дом, где живет время»), метафор (например, «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем»), фразеологизмов (например, «Сарынь на кичку!», «Неравный брак»).

Артионимы отличаются от других видов онимов особым синтаксическим строением. Они оформлены в языке определенными структурными моделями, которые подробно описала в своем диссертационном исследовании Бурмистрова Е. А. Автор сообщает о том, что структурные модели могут быть представлены словосочетаниями и предложениями.

Среди словосочетаний, по наблюдениям исследователя, преобладают атрибутивные, которые могут быть представлены различными типами:

1) семантико-грамматическое взаимодействие имени существительного и имени прилагательного (например, «Великий постриг», «Красная конница», «Иноземные гости», «Московский дворик», «Черный квадрат», «Крестьянская пирушка», «Украинская хата» и др.);

2) семантико-грамматическое взаимодействие имени существительного и полного причастия (например, «Спящий пастушок», «Дети, бегущие от грозы»);

3) семантико-грамматическое взаимодействие имени существительного и числительного (например, «Девятый вал»);

4) семантико-грамматическое взаимодействие имени существительного и местоимения (например, «Какой простор!»);

5) семантико-грамматическое взаимодействие имени существительного и наречия (например, «Обоз порожняком»);

6) семантико-грамматическое взаимодействие между предложными и беспредложными формами имени существительного (например, «Девушка в сарафане», «Сватовство майора», «Проводы новобранца»);

7) приложение (например, «Ковер-самолет»).

Среди артионимов-предложений Е. А. Бурмистрова выделяет следующие структурные группы:

- односоставные номинативные предложения, главный член которых представлен именем существительным (например, «Сенокос», «Большак», «Кондукторша», «Масленица»,

«Балаганы», «Гумно», «Негритянка» и др.) или субстантивированным прилагательным (например, «Ряженые», «Змиевна», «Алексеич»);

- двусоставные предложения: полные / неполные, распространенные / нераспространенные (например, «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», «Чумаки в Малороссии», «Витязь на распутье» и др.);

- сочетание двух контекстуально связанных предложений (например, «Крестьянин в армяке. Женщина в платке», «Золотая осень. Слободка» и др.) [Бурмистрова, 2006, с. 6].

Еще одной лингвистической особенностью артионимов является наличие в их составе терминов, которые указывают на вид / жанр искусства. В артионимах живописи это, как правила, такие термины, как натюрморт, портрет, автопортрет (например, «Портрет Муртазы Кули-хана», «Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны с арапчонком-скороходом», «Портрет самодержицы Софы Алексеевны» и др.).

Культурные особенности артионимов заключаются в том, что они создаются для вызова определенных культурных смыслов в сознании реципиента и для создания культурного пространства. Кроме того, культурная специфика артионимов проявляется и в зависимости их понимания реципиентом от его культурных знаний, которые, кстати, могут делать восприятие артионима сугубо индивидуальным.

Говоря о культурных особенностях артионима, нельзя не подчеркнуть факт его значимости как исторического источника. Дулова Ю. В., исследуя специфику артионимов как исторических источников, пишет о том, что артионим, являясь компонентом произведения искусства, способен вполне достоверно транслировать историческое событие или личность, если полотно написано современником (участником изображенного события или лично знакомого с изображенным лицом). Однако исследователь зоостряет внимание на том, что даже в этом случае картина будет не лишена субъективизма творца, «она непременно будет отражать его личный опыт, следовательно, в большей степени выступит источником информации о его личности, мировоззрении и творчестве, источником искусствоведческой информации» [Дулова, 2019 с. 49]. Филас В. также говорит об этом: «Артионим выступает авторской интерпретацией изображения. Без артионима изображение будет мало понятным зрителю, поэтому его можно считать ключом к изображению. Артионим является частью сообщения, которое несет изображение. Ошибка в артиониме меняет понимание самого изображения и его информации» [Филас, 2017, с. 39]. Этот момент является принципиальным при переводе артионимов (подробнее о специфике их перевода будет написано во втором разделе настоящей дипломной работы).

Функциональный потенциал артионимов чрезвычайно разнообразен. Как любое имя собственное, артионим способен выполнять множество функций. Рассмотрим их подробнее.

1. Аппелятивная функция. Данная функция обеспечивает предвещающую сигнальную роль наименования.

2. Прагматическая функция. Данная функция обеспечивает воздействие наименования на зрителя, слушателя или читателя, вызывая желание посмотреть, послушать, прочесть произведение.

3. Аккумулятивная функция. Данная функция обеспечивает кодирование и хранение культурной информации об эпохах, личностях, событиях.

4. Экспрессивно-эмоциональная функция. Данная функция обеспечивает выражение авторской оценки (как положительной, так и отрицательной) изображаемого события.

5. Эстетическая функция. Данная функция обеспечивает формирование эстетических вкусов, способностей и потребностей человека, пробуждение творческого духа, творческого начала личности.

6. Стилистическая функция. Данная функция обеспечивает общность стиля и тематики произведений одного автора или одного художественного направления, создание канвы всего творчества художника или группы художников, пояснение сюжетов отдельных произведений.

Разумеется, как и все имена собственные, артионимы выполняют номинативную, коммуникативную, дейктическую, идентифицирующую, ориентирующую, идеологическую, ритуальную и другие функции, однако ведущей является эстетическая функция в силу эстетической природы артионима как названия произведения искусства. Мухаметгареева Н. М. пишет: «Особое место занимает эстетическая функция, поскольку произведение искусства представляет собой субъективно-творческое освоение мира живописцем, осуществляемое автором в художественных образах и воздействующее на человека» [Мухаметгареева, 2017, с. 10].

Таким образом, артионимическая информация, в отличие от иной онимической информации, воспринимается довольно сложно ввиду многокомпонентной структуры артионима. Само название произведения искусства и сопровождаемый им визуальный ряд вызывает в сознании реципиента большое количество разнообразных ассоциаций, широкую палитру чувств, индивидуальные концепты. Собственно изображение на картине можно отнести к специфическому типу контекста, необходимого для верного истолкования названия. Название, в свою очередь, играет схожую роль по отношению к изображению, зачастую меняя его восприятие.

Литература:

- Булатова А. П. Лингво-когнитивный анализ искусствоведческого дискурса (музыка, архитектура): автореф. дис. ... канд. филол., М., 1999. – 296 с.
- Бурмистрова, Е. А. Названия произведений искусства как объект ономастики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 24 с.
- Государственный русский музей: официальный сайт. – URL: <https://rusmuseumvrm.ru/collections/painting/index.php> (дата обращения: 25.10.2023).
- Дулова Ю. В. Артионим как исторический источник // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2019. – С. 48-50.
- Дьяконова Е. А. Топоним Санкт-Петербург в сознании носителей языка: «вербализованные» и «визуализированные» образы (на материале свободного ассоциативного эксперимента с включением «графической составляющей»). // Межвузовский научный сборник «Язык и национальное сознание». – Вып. 24. – Воронеж: 2018. – С. 72-77.
- Ерохина А. Б. Прагмалингвистические аспекты современного искусствоведческого дискурса (на материале англоязычных текстов, посвященных изобразительному искусству): дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Ерохина. М.: 2018. – 184 с.
- Милетова Е. В. К проблеме двойственной природы современного англоязычного искусствоведческого дискурса / Е. В. Милетова. // Перспективные вопросы мировой науки: материалы VIII научно-практической конференции (17–25 декабря 2012 г., Болгария). – София: 2012. – С. 40-46.

- Мухаметгареева Н. М. Артониим во французском и русском искусствоведческих дискурсах: лингвокультурологический аспект перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2017. – 24 с.
- Рупосова Л. П. Артониимы и эксфрасисы как элементы языковой игры в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». // Вестник МГОУ. – 2013. – № 3. – URL: <https://vestnikmgou.ru/ru/Articles/View/444> (дата обращения: 18.10.2023).
- Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией. // Известия ВГПУ. – 2011. – Вып. 8. – Т. 62. – С. 133-138.
- Филас В. Н. Названия произведений живописи и графики как исторический источник: к постановке проблемы // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2017. – С. 39-41.
- Фоменко О. С. Прагматониимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная специфика: дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 209 с.
- Яковлева О. Е. Семиотические типы прагматониимов современного русского языка: на материале номинаций продуктов питания: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006. – 246 с.

References:

- Bulatova A. P. Lingvo-kognitivnyj analiz iskusstvedcheskogo diskursa (muzyka, arhitektura): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 1999. – 296 s.
- Burmistrova E. A. Nazvaniya proizvedenij iskusstva kak ob'ekt onomastiki: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2006. – 24 s.
- Gosudarstvennyj russkij muzej: oficial'nyj sajt. URL: <https://ruseumvmr.ru/collections/painting/index.php> (accessed: 25.10.2023).
- Dulova Ju.V. Artonim kak istoricheskij istochnik // Aktual'nye problemy istochnikovedenija: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii k 110-letiju Vitebskoj uchenoj arhivnoj komissii. – Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P. M. Masherova, 2019. – S. 48-50.
- D'jakonova E. A. Toponim Sankt-Peterburg v soznanii nositelej jazyka: «verbalizovannye» i «vizualizirovannye» obrazy (na materiale svobodnogo asociativnogo jeksperimenta s vključeniem «graficheskoy sostavljajushhej») // Mezhvuzovskij nauchnyj sbornik «Jazyk i nacional'noe soznanie». – Vyp. 24. – Voronezh: 2018. – S. 72-77.
- Erohina A. B. Pragmalingvisticheskie aspekty sovremennogo iskusstvedcheskogo diskursa (na materiale anglojazychnyh tekstov, posvjashhennyh izobrazitel'nomu iskusstvu): dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva: 2018. – 184 s.
- Miletova E. V. K probleme dvojstvennoj prirody sovremennogo anglojazychnogo iskusstvedcheskogo diskursa // Perspektivnye voprosy mirovoj nauki: materialy VIII nauchno-prakticheskoy konferencii (17–25 dekabrya 2012 g., Bolgarija). – Sofija: 2012. – S. 40-46.
- Muhametgarееva N. M. Artonim vo francuzskom i russkom iskusstvedcheskih diskursah: lingvokul'turologicheskij aspekt perevoda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ufa, 2017. – 24 s.
- Ruposova L. P. Artonimy i jeksfrasisy kak jelementy jazykovoj igry v romane I. Il'fa i E. Petrova «Zolotoj telenok» // Vestnik MGOU. – 2013. – № 3. – URL: <https://vestnikmgou.ru/ru/Articles/View/444> (accessed: 18.10.2023).
- Suprun V. I. Razmyshlenija nad onomasticheskoy terminologiej // Izvestija VGPU. – 2011. – Vyp. 8. – T. 62. – S. 133-138.

- Filas V. N. Nazvanija proizvedenij zhivopisi i grafiki kak istoricheskij istochnik: k postanovke problemy // Aktual'nye problemy istochnikovedenija: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii k 420-letiju darovanija gorodu Vitebsku magdeburgskogo prava. – Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P. M. Masherova, 2017. – S. 39-41.
- Fomenko O. S. Pragmatonimy-globalizmy: lingvističeskij status i funkcional'naja specifika: dis. kand. filol. nauk. Volgograd, 2009. – 209 s.
- Jakovleva O. E. Semiotičeskie tipy pragmatonimov sovremennogo russkogo jazyka: na materiale nominacij produktov pitaniija: dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2006. – 246 s.

Аверьянова Д. В., Нерсиян К. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ГРЕЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ К ТРКИ

Статья посвящена особенностям дистанционного преподавания РКИ в греческой аудитории в рамках проекта Центра языкового тестирования СПбГУ «Let's dive in Russian» и университета города Янины (University of Ioannina, Греция). В докладе обозначены типичные ошибки письменной и устной речи у греческих студентов, изучающих РКИ, и предложены пути их преодоления.

Ключевые слова: русский как иностранный, ТРКИ, обучение письму, дистанционное обучение

Averyanova Daria, Nersisian Kristina

Saint Petersburg State University

SPECIFICS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A GREEK AUDIENCE AS PART OF PREPARATION FOR THE TORFL

The article presents specific aspects of distance teaching of RFL in a Greek audience as part of the St. Petersburg State University Language Testing Center project “Let's dive in Russian”, organized jointly with the University of Ioannina (Greece). The report identifies typical writing mistakes among Greek students studying RFL and suggests ways to overcome them.

Keywords: Russian as a foreign language, TORFL, teaching writing, distance teaching

Введение

«Let's dive in Russian» – проект Центра языкового тестирования СПбГУ, организованный совместно с университетом города Янины (University of Ioannina, Греция). Ключевым фактором и целью обучения является подготовка учащихся к сдаче ТРКИ в конце учебного года, что предусматривает необходимость обучения всем видам речевой деятельности.

Методы / материалы исследования

Большой объем письменных работ, выполненных в процессе обучения, а также результаты тестовых сессий ТРКИ, проведенных в 2022 и 2023 годах в Янине, позволили нам проанализировать типичные ошибки студентов и учесть выявленную специфику для дальнейшей работы.

Основным методом систематизации полученных данных является индуктивно-дедуктивный, дополненный методом наблюдения, классификации и сравнения.

Обучение письму в рамках подготовки к ТРКИ

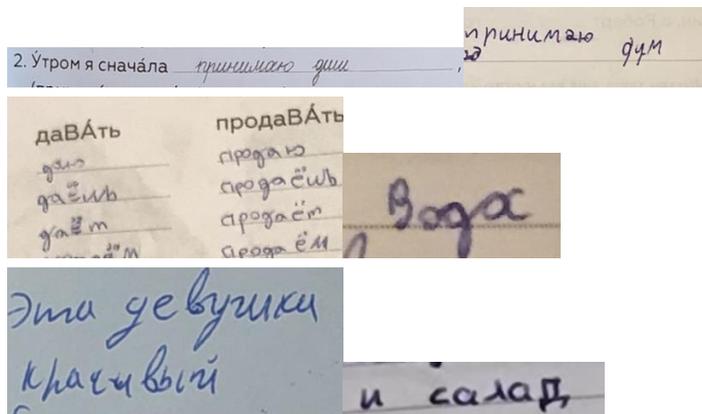
Безусловно, в научной литературе последних лет большое внимание было уделено дистанционной форме работы как одному из методов обучения. Целью данной статьи является не анализ самой формы, а описание проблем, возникающих непосредственно при её применении в конкретной аудитории. Проект «Let's dive in Russian» и итоговое прохождение ТРКИ предусматривают необходимость обучения всем видам речевой деятельности (говорение, чтение, письмо, аудирование); однако результаты показывают, что именно продуктивные виды речевой деятельности оказываются наиболее проблемными для студентов.

К факторам, которые вызвали трудности в процессе обучения, можно отнести недостаточное количество учебных часов; необходимость охватить большой грамматический материал (в частности, уровни А1 и А2); ограниченные возможности для формирования слухопроизносительных навыков.

Согласно методам, применяемым в преподавании РКИ, письму уделяется большое внимание с первых уроков. Однако дистанционный формат выявил наиболее, на наш взгляд, существенные для обучения письму аспекты: недостаточно сформированные слухопроизносительные навыки, что является причиной ошибок, а также графику, так как представление рукописного письма может сопровождаться техническими трудностями.

В рамках нашего проекта мы решили данную проблему с помощью использования графического планшета и онлайн-доски. Большинство студентов достаточно легко осваивали навык письма, в том числе благодаря большому количеству прописей, которые также легко создать с помощью онлайн-генераторов, находящихся в свободном доступе.

Приведем примеры нарушения навыков письма, свойственных греческой аудитории.

Среди графических ошибок можно, таким образом, выделить следующие: печатные буквы вместо прописных, неверная пунктуация, несоблюдение регистра. Однако наиболее затрудняющими восприятие написанного текста, как мы полагаем, является смешение букв греческого и русского алфавита, а также русского и латинского написания букв, связанное с интерференцией.

Одним из вариантов решения проблемы является графическое упрощение – принцип, предполагающий возможное начертание букв, не нарушающее восприятие («т» вместо «тм»). Также большую помощь в процессе обучения оказывает сопоставление начертания букв алфавита родного языка с соответствующим начертанием русского языка.

Интересны наблюдения и за результатами орфографической интерференции: многие греческие студенты игнорируют мягкий знак (*большой, очен*); также типичной ошибкой является написание *е* вместо *э* (*этаж, экономика*), что также связано с интерференцией.

С точки зрения грамматики основные трудности вызывали падежи и их функции. Несмотря на первоначальный энтузиазм, с которым греческие студенты воспринимали падежи в надежде на дальнейшее легкое их изучение, они достаточно быстро осознали то, что функции падежей (в частности, родительного или винительного) в двух языках отличаются, даже при наличии схожих признаков.

Следует также отметить глаголы движения, фактически отсутствующие в греческом языке. Например, О. Н. Калита указывает на то, что «в греческом языке глаголы движения не дифференцируются по способу движения: движение пешком и движение на транспорте обозначается одинаково» [Калита, 2015, с. 92]; однонаправленность и разнонаправленность движения также передается одной лексемой. Это привело к путанице в использовании падежей: вместо винительного падежа существовала тенденция к использованию предложного.

Опрос, проведенный нами после сдачи ТРКИ, подтверждает данный пункт: студенты отметили, что самым трудным в изучении русского языка для них являлись падежи, глаголы движения и вид глагола (61%, 56% и 67% соответственно).

Анализируя типичные ошибки греческих студентов во время обучения и сдачи ТРКИ, нельзя не отметить определенные фонетические трудности, которые следует учитывать. Во-первых, это неразличение фонем *ш* и *щ*, представляющих, однако, трудность не только для греческих студентов, но и для многих иностранцев, изучающих русских. Во-вторых, это смешение фонем *с* и *ш* в речи студентов. Последняя ошибка напрямую относится к звуковой интерференции, которая представляет собой «искажение звукового образа требуемого слова» [Чевела, 2017, с. 154]. Стоит отметить, что обычно этот тип влияет и на письменную речь учащихся, однако в греческой аудитории эта ошибка затронула исключительно звукопроизношение, что позволяет сделать вывод о том, что проблема состоит не в слуховом различении, а позиции речевого аппарата при произнесении данных звуков.

Наконец, третья трудность заключается в ударении, отсутствие которого в письменных текстах затрудняет чтение и произношение. Безусловно, учебные пособия, особенно для начального уровня, предполагают обязательную постановку знака ударения в каждом слове, однако обучение не должно и не может строиться только на учебных текстах; оказываясь наедине с аутентичными источниками и при условии отсутствия языковой среды студенты непроизвольно начинали делать ошибки в ударении. В случае греческих учащихся этот фактор принципиально важен, так как «в греческом языке ударение ставится над каждым словом» [Журавлева, 2015, с. 352].

Звуковая интерференция под влиянием русского языка, таким образом, связана с типичным свойством греческого языка – трехслоговостью. Данный принцип предполагает, что ударение может падать на один из трех последних слогов (*χειρουργός* ‘хирург’, *χρόνος* ‘время’, *διάλογος* ‘диалог’) [Журавлева, 2015, с. 353]. Вследствие этого возникают ошибки: *экономический* вместо *экономический*, *завтракаем* вместо *завтракаем*, *забронировать* вместо *забронировать*.

Вышеизложенные трудности, однако, не помешали учебному процессу и подтолкнули нас к тому, чтобы учесть все особенности и все типы интерференций. Стоит также подчеркнуть, что подготовка к формату экзамена (ТРКИ) требует дополнительного времени и особого подхода к организации урока. Если не уделить отработке заданий экзаменационного формата должного внимания, фактор стресса может значительно отразиться на результатах студента.

Например, субтест «Письмо» на экзамене уровня А1 включает в себя одно задание, в котором кандидат должен написать неформальное письмо объемом примерно 13-15 предложений. На уровне А2 к нему добавляется задание, подразумевающее написание сообщения в мессенджере объемом не менее 5 предложений. Учебный комплекс «Поехали» [Чернышов, 2020], который был выбран нами в рамках курса РКИ в Греции, заданий такого типа не включает, поэтому для обучения письму были посвящены отдельные учебные часы и ряд домашних работ.

Студенты были ознакомлены со структурой неформального письма, речевыми клише и примерами текстов такого жанра. Для практической работы использовались типовые тесты и демонстрационные тесты Центра языкового тестирования СПбГУ, также задания рабочей тетради учебного комплекса по возможности модифицировались преподавателями в соответствии с экзаменационным форматом. Проверка письменных работ студентов и комментирование ошибок осуществлялись на платформе Google Classroom. Затем общие замечания и рекомендации обсуждались на занятии. Особое внимание уделялось логике построения текста и особенностям синтаксиса и пунктуации в объеме, соответствующем уровню ТЭУ (А1) или ТБУ (А2) соответственно.

По окончании курса в тестовой сессии 2022 года приняли участие 80 греческих студентов, а в 2023 году – 84 студента, больше половины из них продолжили обучение и проходили подготовку к ТРКИ уже на уровень А2. Ниже представлены средние баллы студентов, сдавших экзамен А1 в 2022 году, и их же результаты экзамена А2 в 2023 году.

Субтест	Средний балл в процентах (А1) - 2022	Средний балл в процентах (А2) - 2023
Письмо	86%	82%
Лексика. Грамматика	86%	77%
Чтение	94%	87%
Аудирование	91%	89%
Говорение	84%	87%

В целом, результаты показывают, что все субтесты экзамена на оба уровня пройдены успешно, в частности субтесты, связанные с продуктивными видами речевой деятельности («Письмо» и «Говорение»). Отметим, что результаты «Говорения» даже немного прогрессировали, что может быть также с преодолением фактора стресса, т.к. студенты уже не просто были знакомы с форматом экзамена, но и имели реальный опыт его прохождения.

Таким образом, интеграция подготовки к ТРКИ в учебный процесс, несмотря на трудности организационно-технического характера, возникающие при дистанционном обучении, может стать органичной составляющей учебного процесса. Опрос студентов подтверждает, что учащиеся остались удовлетворены учебным процессом (83%), а 16% отметили, что их курс превысил их ожидания.

Литература:

- Демонстрационные тест, разработанный в СПбГУ. Элементарный уровень (ТЭУ/А1). Вариант 2 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://testingcenter.spbu.ru/images/files/A1_demo_2.pdf
- Журавлева Е. Ф., Журавлева Т. Б. Национально-ориентированный подход к обучению русскому ударению греческих студентов // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. Том № 10. Гранадский университет, фонд «Русский мир». – СПб, 2015. С. 392-396.
- Журавлева Е. Ф. Лингвистические заметки о сопоставлении русского и греческого языков при обучении русскому языку как иностранному // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2020 г. / О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. С. 3-8.
- Калита О. Н. Трудности в изучении функционирования русских глаголов движения в греческой аудитории // Вестник Московского университета. №2. 2015. С. 84-99.
- Чевела О. В., Федотова С. И., Никитюк В. П. К вопросу о преодолении языковой интерференции при обучении русскому языку как иностранному // Современные наукоемкие технологии, 2017. № 1. С. 154-158.
- Чернышов С.И., Чернышова А. В. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс: учебник. Часть 1.1. – 4-е изд. – СПб: Златоуст, 2020. – 176 с.

References:

- Demonstration test developed at St. Petersburg State University. Elementary level (TEU/A1). Option 2 [electronic resource]. – Access mode: https://testingcenter.spbu.ru/images/files/A1_demo_2.pdf
- Zhuravleva E. F., Zhuravleva T. B. Nationally-oriented approach to teaching Russian stress to Greek students // Russian language and literature in the space of world culture: materials of the XIII Congress MAPRYAL: in 15 volumes. Volume No. 10. University of Granada, Russian World Foundation. – St. Petersburg 2015. pp. 392-396.
- Zhuravleva E. F. Linguistic notes on the comparison of Russian and Greek languages when teaching Russian as a foreign language // Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: current issues and development prospects: materials of the IV International. scientific-practical Conf., Minsk, March 19–20, 2020 / O. G. Prokhorenko (chief editor) [and others]. – Minsk: BSU. 2020. pp. 3-8.
- Kalita O. N. Difficulties in studying the functioning of Russian verbs of motion in a Greek audience // Bulletin of Moscow University. No. 2. 2015. pp. 84-99.
- Chevela O. V., Fedotova S. I., Nikityuk V. P. On the issue of overcoming language interference when teaching Russian as a foreign language // Modern science-intensive technologies. 2017. No. 1. P. 154-158.
- Chernyshov S. I., Chernyshova A. V. Poyekhali! Russian language for adults. Beginner course: textbook. Part 1.1. – 4th ed. – St. Petersburg: Zlatoust, 2020. – 176 p.

ДИНАМИКА КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА В 1941-1945 ГГ.

В рамках искусствоведческого подхода советский плакат неоднократно служил объектом целого ряда исследований и рассматривался с позиции художественно-композиционного построения. Вместе с тем на данный момент отсутствуют систематизированные знания о коммуникативных стратегиях советского плаката в период Великой Отечественной войны. Целью настоящей работы является комплексное изучение советского плаката 1941-1945 гг. с последующей типологизацией используемых коммуникативных стратегий, что предполагает определение тематики, области применения и целевой аудитории плакатов. В результате дискурсивного анализа 200 единиц плакатного материала изучены используемые коммуникативные стратегии. В рамках каждой коммуникативной стратегии определена коммуникативная интенция и выявлены языковые приемы и тактики, характерные для ее реализации. В предпринятом исследовании выявлены как собственно языковые особенности организации советского плаката военного периода, так и его графико-иллюстративные приемы оформления, а также рассмотрены способы реализации связи между вербальным и визуальным содержанием плаката. Основными речевыми приемами, направленными на достижение поставленной коммуникативной задачи, являются интенсификация оценки, генерализация оценки, опора на стереотипы и ярлыки, деление на «своих» и «чужих», диалогизация речи, использование императивов и глаголов в форме прошедшего, настоящего и будущего времени, рифма и вопросительные конструкции.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, Великая Отечественная война, советский плакат, дискурсивный анализ, коммуникативная интенция, речевое воздействие.

Andreeva Victoria O.
Moscow City University

COMMUNICATIVE STRATEGIES IN THE SOVIET POSTERS OF 1941-1945

Within the art history approach, the Soviet poster was continually investigated and researched into graphic design features. Nevertheless, it has not been given a special study on the communicative strategies of the Great Patriotic War yet. The paper aims to elaborate on the Soviet poster of 1941-1945 and classify applied communicative strategies. This involves defining the poster topic, purpose, and target group. Within the discourse analysis, 200 posters were looked into, and the communicative strategies were suggested. For each communicative strategy communicative intentions and linguistic means and tactics were identified. The research reveals both language features and graphic design techniques used in the Soviet war poster. Along with that, it establishes some strong links between the verbal and visual poster content. The main speech techniques are intensification, generalization, stereotyping and labeling, "We" VS "They" approach, speech dialogization, imperatives and verbs in the past, present and future tense, rhyme, and interrogative constructions.

Keywords: communicative strategy, The Great Patriotic war, the Soviet poster, discourse analysis, communicative intention, linguistic manipulation.

Во время Великой Отечественной войны плакат служил действенным средством массовой коммуникации. Произведения графики военного периода отвечали патриотическим чувствам советских граждан и продвигали идею неминуемой гибели врага. В изобразительном искусстве 1941-1945 гг. наблюдались значительные изменения: плакатисты и карикатуристы использовали разнообразные средства художественной выразительности, которые расширяли существующие представления об образном строе данного вида графики [Сопощинский, 1979, с. 5-6]. В связи с этим представляется релевантным изучить феномен советского плаката военного периода посредством дискурсивного анализа [Сулейманова, Лукошус, 2018, с. 62; Suleimanova, Fomina, Chekmaeva, 2023, с. 25; Tivyayeva, 2023, с. 40].

Приемы эффективного воздействия на адресата. Коммуникативные стратегии и средства их реализации

Рассмотрим особенности речевого воздействия плакатов периода Великой Отечественной войны. Так, распространенным приемом, используемым советскими авторами плакатов, является создание положительного семантического поля при описании советского воина и исключительно отрицательного при описании противника. В работах наблюдается прием противопоставления «своих» и «чужих». Объекты круга «своих» находятся в окружении единиц с положительной семантикой, создающих благоприятный фон для восприятия этой группы, в то время как «чужие» помещаются в негативное семантическое поле [Чернявская, Молодыхенко, 2017, с. 140]. Оппозиция «свой» – «чужой» является частотным приемом в рамках реализации стратегии «Призыв к борьбе с врагом».

1. Стратегия «Призыв к борьбе с врагом»

Коммуникативная интенция данной коммуникативной стратегии заключается в апелляции к патриотическим чувствам советских граждан с целью поднятия народа на защиту Родины.

Для данной стратегии характерно использование стилистически маркированной лексики, подчеркивающей «безжалостную природу» противника: *фашистская гадина / нечисть; фашистские стервятники / варвары / фашистские гады / налетчики / мерзавцы; фашистское чудовище; вражеские орды; гитлеровская тирания; презренные фашистские убийцы; гитлеровские захватчики; немецкая каторга; фашистский зверь; немецкие людоеды; захватчики подлые; зарвавшиеся фашистские пираты.*

Широко распространены средства персуазивности, которые направлены на убеждение и призваны повлиять на сознание, оценки, мнение индивида, а также изменить его поведение. Так, при помощи средств персуазивности в лозунгах используются прямые призывы к схватке с врагом, которые выражены посредством императивной формы глаголов: *Бей фашистского гада!; Беспощадно истреблять; Сокрушительным ударом уничтожим; Сокрушим в прах и т. д.*

Помимо императивной формы глагола побуждение к действию может быть выражено при помощи средств именной группы: *Смерть фашизму!; Точнее прицел! Сильнее огонь по фашистским танкам!; Все на защиту города Ленина; Вперед на Запад!*

Другим эффективным инструментом выражения персуазивности выступают вопросительные конструкции: *Ты чем помоз фронту?*; *Мой папа герой! А ты?*. Данный прием служит экспрессивным средством активизации адресата, выделяя в тексте наиболее значимые смысловые компоненты. Плакаты выступают в роли скрытого внедрения в сознание получателя сообщения, которое побуждает его к борьбе с врагом. Вербально-визуальное единство плакатов Д. С. Моора и Л. Ф. Голованова обладает мощным персуазивным зарядом: взгляд советского воина и ребенка, устремленный на адресата, а также вытянутая рука, указывающая на получателя сообщения, способствуют реализации приема убеждения.

В подавляющем большинстве плакатов данной категории обозначен адресат, что служит примером высокой степени диалогизации лозунга и действенным приемом речевой манипуляции (*Товарищи-зенитчики; Сталинские соколы; Воин-освободитель; Воин; Сынок; Боец; Красные артиллеристы; Молодежь!*).

Наряду с данными приемами используется прием интенсификации, достигаемый за счет раскрытия сущности фашизма и сопровождаемых его вражеских действий, который усиливает эмоциональное воздействие на адресата (*Фашизм - это голод, нищета и разорение; Фашизм - враг человечества; Фашизм - кровавое чудовище; Убей его! Он убил твоих близких, сжег твой дом, разорил твоё хозяйство!*).

2. Стратегия «Прославление советского воина»

Коммуникативная интенция данной стратегии состоит в выражении благодарности и уважения советским воинам и их героическим поступкам.

Для данной стратегии характерно крупное, доминирующее изображение советского воина, которое занимает преимущественно центральное положение в композиции. Следует отметить, что наряду с противопоставлением советских и немецких фигур воинов с позиции композиционного масштаба в визуальном оформлении плаката имеет место прием цветового контраста. Так, на примере плаката «Слава победителям!» (М. А. Гордон, Л. Н. Орехов, Л. Г. Петров, 1945 г.) рассмотрим реализацию стратегии «Прославление советского воина». На переднем плане в бордово-красных оттенках изображена крупная фигура советского воина, держащего в руках знамя победы, которой противопоставлено изображение взятого Берлина, находящегося на заднем плане композиции. Иллюстрация сопровождается текстовым материалом, в котором сохраняется идея цветовой полярности: фраза *Слава победителям* выполнена в красном цвете, в то время как слово *Берлин* – в черном. Таким образом, сообщение передается адресату посредством вербального и невербального кодов, что усиливает его воздействующий потенциал.

К наиболее распространенным вербальным приемам данной стратегии можно отнести частотную языковую единицу *Слава* в сочетании с лексикой положительного семантического поля: *Слава героям Отечественной войны / Сталинским соколам / героической Красной Армии / воину-победителю / победоносной Красной Армии / нашему великому народу, народу – победителю / победителям / Советским воинам, водрузившим знамя победы над Германией / Сталинской гвардии!* и т.д.

3. Стратегия «Апелляция к историческому прошлому»

Данная стратегия направлена на консолидацию общества и поднятие боевого духа солдат с целью приближения победы над врагом.

В рамках данной стратегии подчеркивается идея преемственности поколений советских граждан посредством сохранения памяти о национальном прошлом и трансляции этих фактов через массовое плакатное искусство. Так, авторы плакатов обращаются к национально-патриотическим традициям и в своих работах отражают переломные моменты в жизни государства. Например, в плакате «Били, бьем и будем бить!» (М. В. Оболенский, 1941 г.) изображены три сцены боевых сражений, оказавших ключевое значение в развитии нашей страны: разгром Ливонского ордена в 1242 году, взятие Берлина в 1760 году и изгнание немецких оккупантов из Украины в 1918 году. На переднем плане композиции отражена схватка советского и немецкого воинов, и изображение данных сцен сопровождается текстовым сообщением *Били, бьем и будем бить*. Работа выполнена в красно-черной цветовой гамме, что усиливает эмоциональное напряжение и подчеркивает превосходство Красной Армии над немецкими захватчиками. При этом одним из действенных приемов выступает использование образов национальных героев, чьими потомками являются участники Великой Отечественной войны. Таким образом, адресат – это потомок героических предков, долг которого заключается в защите Родины от внешних врагов.

Следует отметить, что идея преемственности поколений достигается посредством использования глагольных форм прошедшего, настоящего и будущего времени в границах одного предложения: *Били мы врага копьем, били мы врага ружьем, и теперь стальным оружием бьем врага, где обнаружим!*; *Бей врага, как его били отцы и старшие братья-матросы октября!*.

4. Стратегия «Поддержка партизанского движения»

Коммуникативная задача данной стратегии заключается в формировании чувства непримиримой вражды с немецкими оккупантами, которая способствует процессу активизации народа на борьбу с врагом.

Продвижение идеи сурового возмездия является основополагающим принципом плакатов данной категории. Так, в работах присутствуют лексемы с семантикой мщения: *Партизан, мсти за Родину!*; *Клянемся мстить гитлеровским захватчикам!*; *Мицение и смерть немецким людоедам!*. Стратегия реализуется при помощи таких лексических оборотов, как *Да здравствует* и *Слава*, а также грамматических глагольных конструкций: *Да здравствуют наши славные партизаны и партизанки!*; *Слава героям партизанам, разрушающим фашистский тыл*.

Плакат «Кровь за кровь, смерть за смерть» (А. Г. Ситтаро, 1941 г.) обладает мощным эффектом убеждения за счет соединения лаконичной вербальной и динамичной невербальной составляющей. На плакате изображена крупная фигура советского человека, который держит в руках связку гранат и замахивается на группу бегущих от него врагов. В левой части композиции можно заметить трупы замученных и истерзанных мирных жителей. Фраза *Кровь за кровь, смерть за смерть* усиливает эмоциональное воздействие на адресата и символизирует необратимость изгнания врага с советских территорий.

5. Стратегия «Агитация добровольцев и труженников тыла»

Коммуникативная задача данной стратегии заключается в мобилизации сил советских граждан для помощи фронту.

Для реализации данной стратегии авторами плакатов используется прием интенсификации, который усиливает восприятие отправляемого сообщения. В этой связи

интересен для рассмотрения плакат «Молодежь города Ленина! Идите добровольцами на фронт!» (Неизвестный художник, 1941 г.). В нем мощным эффектом убеждения обладает многократное повторение притяжательного местоимения *свой* (*Защищайте свою свободу, свою честь, свою Родину*), что подчеркивает идею отстаивания собственных позиций. Плакаты данной категории призывают народ к ударному труду на производстве с целью наращивания военного превосходства советской армии и приближения Дня Победы: *С удесятенной энергией работай для фронта!*; *Самоотверженным трудом на производстве поможем Красной Армии разгромить и уничтожить врага!*; *Товарищи! Новыми трудовыми подвигами вы поможете нам над Берлином водрузить знамя победы!*.

Рифма представляет собой один из действенных приемов речевого воздействия, поскольку она упрощает ее восприятие целевой аудиторией, создавая особое эмоциональное воздействие на адресата: *Чтоб путь к победе стал короче, снарядов больше шли, рабочий!*; *Экономя киловатты - ты даешь на фронт гранаты!*.

Другим распространенным приемом является генерализация. **Каждый** удар молота – удар по врагу!; Ленинградцы! **Все** на заготовку дров!; **Все** наши силы – на помощь фронту!; **Все** силы тыла на помощь фронту! – при помощи средств генерализации продвигается идея массового добровольного движения трудящихся тыла в поддержку советской армии.

Помимо призыва к оказанию помощи фронту плакаты предписывали правила трудовой дисциплины: **Не допускай холостого хода электромотора**; Железнодорожники! Выполняйте слово, данное товарищу Сталину! **Быстрой доставкой грузов** помогите красной армии ускорить час победы над врагом! Наряду с призывом к героическому труду в тылу, плакаты также зывали к добровольной службе на фронте и распространению военных займов, денежную массу которых отправляли на военные нужды: **Вступайте в ряды народного ополчения!**; На поддержку Красной армии – могучее **народное ополчение**; **На заем военный** подпишитесь дружно.

6. Стратегия «Призыв к защите Родины и сохранению территориальной целостности»

Коммуникативная интенция данной стратегии заключается в побуждении советских граждан встать на защиту родной земли и намерении изгнать врага с территории СССР.

В рамках реализации стратегии можно отметить лаконичность и емкость фраз, используемых в плакатах. Основное внимание уделено визуальной составляющей, которая характеризуется высокой степенью динамизма. Характерным приемом, который находит свое применение в рамках предложенной стратегии, является использование побудительной глагольной конструкции, призывающей к совместному действию. При ее использовании создается эффект коллективного отправителя сообщения и подчеркивается идея советского общества как единого целого в значении «мы все», «каждый из нас» (*Защитим родную Москву!*; *Освободим народы от Гитлеровской тирании*; *Очистим советские воды Балтики от вражеской нечисти!*; *Освободим родные города и села от фашистской нечисти!* и т.д.).

Выражение побуждения к действию посредством именной группы также является распространенным приемом (*Грудью на защиту Ленинграда!*; *Все силы на защиту города Ленина!*; *Все на защиту города Ленина от фашистских варваров!*). Причем в некоторых случаях наблюдается лексический повтор предлога «за», который усиливает эмоциональный заряд сообщения и служит дополнительным источником экспрессии: *За жизнь, за Родину, за Ленинград*; *Под знаменем Ленина - вперед за Родину, за нашу победу!*.

7. Стратегия «Призыв к восстановлению промышленности и инфраструктуры»

Коммуникативная задача данной стратегии заключается в призыве к благоустройству разрушенных населенных пунктов и объектов инфраструктуры.

В большинстве плакатов данной категории используются глаголы в форме совместного действия, что подчеркивает идею коллективного восстановления городов и предприятий: *Отстроим дома, сожженные немцами!*; *Поднимем из руин Днепрогэс!*; *Благоустроим наши города!*; *Быстрее приведем в порядок корпуса и цеха наших заводов и фабрик! Большие дадим фронту первоклассной боевой техники!*.

В рамках данной стратегии можно отметить ориентацию на целевую аудиторию, выражающуюся при помощи прямого обращения к адресату: *Молодые ленинградцы, Колхозники! Товарищи!*.

Помимо апелляции к получателю сообщения создатели плакатов применяют прием генерализации, который предполагает использование средств с семантикой обобщения и универсальности (*Отдадим все силы на восстановление Ленинграда!*; *Отдадим все силы на восстановление родного города!*).

Наряду с этим в некоторых предложениях притяжательные местоимения *наш, свой* указывают на принадлежность освобожденных территорий, восстановление которых является долгом советских граждан (*Восстанавливая свой завод, свое предприятие ты помогаешь Красной Армии сразиться врага, ты приближаешь победу!*; *Восстановление дорог и мостов – наш долг перед Родиной!*).

Вместе с указанными выше приемами авторы плакатов используют вопросительные конструкции (*Внес ли ты свою долю труда в восстановление Ленинграда?*) и глагольные формы прошедшего и будущего времени в границах одного предложения (*Мы отстаивали Ленинград, мы восстановим его!*).

8. Стратегия «Распространение нравственных принципов и норм поведения»

Коммуникативная задача данной стратегии заключается в распространении норм социального поведения для предотвращения возможной утечки информации врагу.

Так, плакаты периода Великой Отечественной войны призывают граждан быть *на чеку*, поскольку *В такие дни подслушивают стены. Недалеко от болтовни и сплетни до измены*. За счет соединения выразительного портретного изображения колхозницы, жестом взывающей к молчанию, и лаконичного текста, выполненного крупными красными буквами, плакат Н. Н. Ватוליной «Не болтай!» прост и понятен для восприятия. Следует также отметить, что в рамках данной стратегии глаголы, используемые в плакатах, употребляются преимущественно в форме 2 л. ед. ч.: *Не болтай, враг слушает!*; *Будь бдительным!*; *Будь на чеку!*. В плакатах данной категории также продвигается идея самоотверженной борьбы, которая приведет к победе над врагом (*Боец, оказавшийся в окружении, борись до последней капли крови; Смелому бойцу танк не страшен. Проявляй смелость, инициативу и сметку в борьбе с вражескими танками*).

Таким образом, морально-политическое единство народа в годы войны является важнейшим условием победы над вражескими захватчиками. В этой связи советский плакат 1941-1945 гг. служит мощным средством активизации народа на борьбу с оккупантами и представляет собой сложный эмоционально окрашенный поликодовый текст. В результате исследования установлено, что вербальная и невербальная часть большинства плакатов

находятся в дополнительных отношениях, при которых картинка служит декоративным обрамлением речевого сообщения, что выступает средством двойного кодирования, направленного на усиление персуазивного заряда отправляемого сообщения [Чернявская, 2009, с. 93].

Литература:

- Сопотинский, О. И. Великая Отечественная война в произведениях советских художников: Живопись, скульптура, графика / М.: «Изобразительное искусство», 1979. – 296 с.
- Сулейманова О. А., Лукошус О. Г. К вопросу о методике дискурсивного анализа // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М.: Ленанд, 2018. – С. 62-82.
- Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
- Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: Ленанд, 2017. – 176 с.
- Suleimanova O. A., Fomina M. A., Chekmaeva N. A. QR codes on Moscow sites: invisible visibility, or keeping pace with the changes? // Visual Anthropology. 2023. – 36 (1). – pp. 23-37.
- Tivyaeva I. V. Memorial plaques in multimodal urban discourse: a visual narrative reflecting Moscow's glorious past // Visual Anthropology. 2023. – 36 (1). – pp. 38-53.

References:

- Sopotsinskiy, O. I. Velikaya Otechestvennaya voyna v proizvedeniyakh sovetskikh khudozhnikov: Zhivopis', skulptura, grafika. M.: «Izobrazitel'noe iskusstvo», 1979. – 296 s.
- Suleymanova, O. A., Lukoshus O. G. K voprosu o metodike diskursivnogo analiza // Diskurs kak universal'naya matritsa verbal'nogo vzaimodeystviya. M.: Lenand, 2018. – S. 62-82.
- Chernyavskaya, V. E. Lingvistika teksta. Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' / M.: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2009. – 248 s.
- Chernyavskaya, V. E., Molodychenko, E. N. Rechevoe vozdeystvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse. M.: Lenand, 2017. – 176 s.

**МОДЕЛЬ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭМОТИВНОГО КАУЗАТИВА «ВЕСЕЛИТЬ»**

Данная статья посвящена исследованию межкатегориального взаимодействия функционально-семантических категорий. Цель работы заключается в выявлении межкатегориальной инклюзии и межкатегориального кроссинга каузативности и эмотивности с другими категориями. Задачей исследования является построение модели межкатегориального взаимодействия на примере функционирования эмотивного каузатива «*веселить*» на материале Национального корпуса русского языка. В результате анализа данных корпуса и на основании построенной модели делается вывод о том, что глагол «*веселить*» функционирует в ситуации, репрезентирующей реализацию взаимодействия семантических категорий каузативности и эмотивности и актуализирующей проявление других функционально-семантических категорий – интенсивности, итеративности, темпоральности, инструментальности, локативности, таксиса. Отношения между каузативностью и эмотивностью определяются как межкатегориальная инклюзия. Межкатегориальный кроссинг проявляется при взаимодействии с категориями интенсивности, итеративности, темпоральности, инструментальности, локативности, таксиса. Новизна исследования состоит в описании функционирования эмотивного каузатива «*веселить*», а также выявлении зон взаимодействия функционально-семантических категорий.

Ключевые слова: эмотивный каузатив, межкатегориальная инклюзия, межкатегориальный кроссинг, функционально-семантическая категория, русский язык.

**A MODEL OF INTERCATEGORIAL INTERACTION USING THE EXAMPLE OF
THE EMOTIVE CAUSATIVE “ВЕСЕЛИТЬ”**

This article deals with the study of intercategory interaction of functional-semantic categories. The purpose of the research is to identify intercategory inclusion and intercategory crossing of causativity and emotivity with other categories. The objective of the study is to create a model of intercategory interaction using the emotive causative “*veselit'*” and the data of the National Corpus of the Russian Language. As a result of the analysis of the Corpus data and on the basis of the created model, it is concluded that the verb “*veselit'*” functions in a situation that represents the implementation of the interaction of the semantic categories of causativity and emotivity. The emotive causative also provokes the manifestation of other functional semantic categories, such as intensity, iterativeness, temporality, instrumentality, locativity, taxis. The relationship between causativity and emotivity is defined as intercategory inclusion. Intercategorical crossing manifests itself when interacting with the categories of intensity, iterativeness, temporality, instrumentality, locativity, and taxis. The novelty of the study lies in the description of the functioning of the emotive causative “*veselit'*”, as well as the identification of areas of interaction between functional-semantic categories.

Keywords: emotive causative, intercategoryal inclusion, intercategoryal crossing, functional-semantic category, Russian language.

В настоящий момент изучение языковых единиц с точки зрения функциональной грамматики и когнитивной лингвистики остаётся актуальным, так как данные направления позволяют проследить роль языка в процессах категоризации окружающей действительности. Безусловно, категоризация – один из основополагающих феноменов в анализе познавательной деятельности человека. Это процесс разделения человеком мира согласно основным характеристикам его функционирования, группировка разнообразных явлений, а также – результат этой деятельности [КСКТ, 1997, с. 42]. Как когнитивная лингвистика, так и функциональная грамматика направлена на изучение универсальных категорий языка.

В рамках функциональной грамматики выделяют функциональносемантические категории, представляющие собой обобщённое значение, актуализируемое системой единиц различных уровней языка, которые взаимодействуют на основе общности их смысловой функции [Бондарко, 2004, с. 7-10].

В центре нашего внимания находится межкатегориальное взаимодействие каузативности, трактуемой как функционально-семантическая категория, имеющая обобщённое значение побуждения субъектом объекта каузации к действию или изменению состояния и проявляющаяся в сфере интерперсональных отношений, а также эмотивности – функционально-семантической категории с обобщённым значением «выражение эмоций или эмоциональных состояний».

Заметим, что каузативность, будучи одним из вариантов актуализации причинно-следственных отношений в языке, представляет собой особый способ отражения действительности, основным содержанием которого является побуждение лица или группы лиц к какому-либо действию, либо смене состояния.

По словам В. И. Шаховского, эмотивность является «результатом преломления эмоционального компонента философской категории идеального в поле языка. Её конкретное содержание составляет обозначение различными языковыми средствами и в разной степени всего спектра эмоционального состояния человека в единстве и многообразии их уникальных свойств, в их качественном отличии от всего, что к эмоциональной сфере духовной жизни человека непосредственно не относится» [Шаховский, 1988, с. 174].

Каузальные ситуации фиксируют семантику каузации и находят вербальное выражение. Одним из значимых способов выражения категории каузативности выступает глагол, в семантической структуре которого присутствует компонент «каузировать».

Функционально-семантические категории каузативности и эмотивности способны проявлять семантический синкретизм. «Синкретизм обозначает некоторую «нерасчлененность» и слияние гетерогенных элементов и предполагает совмещение нескольких дифференциальных признаков двух языковых явлений в одном» [Архипова, Шустова, 2020, с. 5; Сюткина, 2023, с. 56].

Эмотивные каузативы выступают как одно из средств актуализации категорий каузативности и эмотивности. Они трактуются как глаголы интерперсонального взаимодействия, сочетающие в себе каузативный и эмотивный семантические аспекты, отражающие то, что субъект провоцирует смену эмоционального состояния у объекта каузации [Сюткина, 2021, с. 55-56; Сюткина, 2022, с. 52].

Каузатив «*веселить*» порождает когнитивный сценарий положительной эмоциональной модификации объекта каузации. «Когнитивный сценарий – абстрактная ментальная структура, интерпретация говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового (повторяющегося) динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями» [Плотникова, 2006, с. 66].

Эмотивный каузатив «*веселить*» имеет следующие дефиниции: «вызывать (вызвать) беззаботно-радостное настроение, радостное оживление» [ТСРГ, с. 532], «забавлять, вызывать веселье» [Толковый словарь Д. Н. Ушакова, онлайн-ресурс Glosum], «вызывать веселье, радость» [Толковый словарь С. И. Ожегова, онлайн-ресурс Glosum]. В каждой трактовке обнаруживается сема каузации «вызывать», а также семы эмотивности – «веселье», «радость».

Глагол «*веселить*» входит в группу глаголов, приведения в эмоциональное состояние, типовая семантика которых – вызывать у кого-либо эмоциональное состояние; приводить (привести) кого-либо в какое-либо эмоциональное состояние [Толковый словарь русских глаголов, 1999, с. 532]. На материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ), содержащего более 1500 контекстов функционирования изучаемого глагола, была создана модель, содержащая следующие компоненты: каузатор, объект каузации, категориальный показатель интенсивности, итеративности, темпоральности, инструментальности, локативности, таксиса. Рассмотрим каждый компонент.

1) **Каузатор:** человек, группа лиц:

Конечно, если я приму ее дружбу, то Шарло будет веселить меня, когда я захочу. [Б. Е. Клетинич. Моё частное бессмертие (2015) // «Волга», 2016. НКРЯ].

Ты столько людей веселил на столько юбилеях, что, казалось, можно из твоих старых реприз скроить послание и тебе. [Григорий Горин. Иронические мемуары (1990-1998). НКРЯ].

2) **Объект каузации:** человек, группа лиц:

Было видно, что президента веселили мужчины, зависимые от галстуков. [А. Н. Бузулукский. Встреча с президентом // «Волга», 2014. НКРЯ].

Бывший рыбнадзор щупил, сыпал прибаутками, веселя меня, его напарник мрачно ватно жевал, глядя в костер, отхлебывал чай и был больше всего похож на разбуженного днем филина. [Владимир Василенко. Повелительница речных глубин, или Исповедь амурского браконьера // «Дальний Восток», 2019. НКРЯ].

3) **Категориальные показатели интенсивности:** *адвербиальные интенсификаторы:* ужасно, очень, немало, немало, больше, ну же, невероятно, изрядно, до упаду, замечательно, искренне, усердно, здорово, нольно, старательно.

Папа очень неплохо выглядит, и вообще, молодцом. Его невероятно веселит грузин. Грузин — абхазец, он, оказывается, замминистра торговли Грузии. [Ю. Л. Нельская-Сидур. Дневники 1968-1973 (1972). НКРЯ].

Чем он там занимался — не рассказывал, но когда возвращался, здорово веселил пацанов историями про дураков и медперсонал. [Сергей Таранов. Мстители (1999). НКРЯ].

4) **Категориальные показатели итеративности:** иногда, опять, беспрестанно, столько раз, порою, снова, много раз, часто, безумно, наперебой.

Ленчик беспрестанно всех веселил, читая вслух наиболее дикие письма из числа поступивших в редакцию. [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000). НКРЯ].

Валя дурака и наперебой веселя спутницу, дошли бульварами почти до Пушкинской площади и свернули влево в сторону Кремля. [Сергей Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002. НКРЯ].

Учтивой его разговоръ пресъкъся великолпнымъ ужжиномъ, при которомъ ласковой нашъ хозяинъ забавными и разумными шутками безумолкно нашъ веселить старался. [Н. Ознобишин (перевод). Несчастной французъ, или жизнь кавалера Беликурта, описанная имъ самимъ (1764). НКРЯ].

5) **Категориальные показатели темпоральности:** *когда-то, в тот же вечер, всю жизнь, за два века до нашей эры, всю ночь, за обедом, целый час, чрез час, долго, тогда.*

Гуляла по набережным, вспоминала анекдоты, которыми когда-то веселил ее Блок. [И. Ю. Стогов. Бути-вуги-Вуок. Авторский путеводитель по Петербургу, которого больше нет (2012). НКРЯ].

За два века до нашей эры Плавт веселил римлян своими комедиями; от них в памяти остались четыре слова: «Ното homini lupus est». [И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 2 (1960-1965). НКРЯ].

6) **Категориальные показатели инструментальности:** *веселить чем-л.* Делится на пять подгрупп: вербально, невербально, события и процессы, предметы, генерализованный инструмент.

6.1) Вербально: *рассказами, красным словом, байками, шутками, прибаутками, анекдотами, болтовней, разговорами, через переводчицу, остроумием, песнями, пением, историями, экспромтами, комедиями, сатирую;*

..И вот когда человек восемь атаковали меня расспросами, веселили через переводчицу, рассказывая самые новые римские истории... [Сергей Есин. Имитатор (1985). НКРЯ].

И ехали, и там опять веселил Петр Исаевич своими экспромтами, рассказами о «преданьях старины глубокой». [З. Н. Гиппиус. Благоухание седин (1924). НКРЯ].

6.2) невербально: *смехом;*

Среди них была и Марийка, та самая Мария Федорова, с которой я не раз беседовал, будучи во втором батальоне и которая так часто веселила минометчиков своей болтовней и смехом. [В. Н. Гельфанд. Дневники 1941-1943 гг. (1941-1943). НКРЯ].

6.3) события и процессы: *розыгрышами, выходками, кривляньями, балами, пирами, маскарадом, игрой, музыкою, пляской, искусством;*

Я веселил служанку розыгрышами. [Кирилл Кобрин. Нет // «Стороны света», 2010. НКРЯ].

Ну и продолжай веселить людей своими выходками. [Налог на роскошь (2014.09). НКРЯ].

6.4) предметы: *бородой, печеньем, игрушками, живописностью, скрипкой, музыкальным инструментом (орудия не употребляются);*

А кто веселил вас скрипкой и песнями, пане вахмистр?[Ф. В. Булгарин. Димитрий Самозванец (1830). НКРЯ].

6.5) генерализованный инструмент: *чем-нибудь*; *всем, чем можешь, всячески*.

*Помогала бы вам скужающая барыня, вы были бы должны **веселить ее чем-нибудь**, являться к ней с вечной улыбкой. [А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят - щепки летят (1871). НКРЯ].*

*Часа четыре батюшка дозванивался до врачей, выясняя, что надо делать, кто будет лечить и т.п. А в промежутках шутил, смешил, **всячески веселил**. [Зоя Масленникова. Жизнь отца Александра Меня (1992). НКРЯ].*

7) Категориальный показатель локативности: *во дворе*.

*А Давыдок уже **во дворе ребят веселит** — голосина юлит, гармоника хохочет. [А. В. Амфитеатров. Княжна (1889-1895). НКРЯ].*

8) Категориальный показатель таксиса:

*Десятки сатириков с красивыми книжками стояли у микрофонов и **веселили советскую публику, пока не возник ты**, с мятыми листочками, испитанными детскими каракулями... [Григорий Горин. Иронические мемуары (1990-1998). НКРЯ].*

Заметим, что при функционировании эмотивного каузатива «*веселить*» была выделена **имплицитная каузативность**, которая в своей семантике содержит неотчуждаемые сущности антропонимического свойства, то есть, присущие человеку (*душа, глаза, сердце, голова, очи, юность, старость*), а также объекты, которые образно передают группу лиц (*Москву, весь дом, маскарад*).

*За счастье почту **душу твою веселить**... [Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009). НКРЯ].*

*Только огненный **Капитан Клюквин веселил** глаз. [Юрий Коваль. Капитан Клюквин (1972). НКРЯ].*

*Я на молодке женился, на **юнице**, на **отроковице**, чтоб **веселила** мою **старость**. [Анатолий Найман. Жизнь и смерть поэта Шварца // «Октябрь», 2001. НКРЯ].*

Стоит подчеркнуть также и факт наличия автокаузации, которая трактуется нами как действие, направленное на изменение человеком или группой лиц своего собственного эмоционального состояния. По словам И. А. Шороховой, «*субъект воздействия в автокаузативных глаголах одновременно является и его объектом*» [Шорохова, 2007, с. 142]. Данный феномен проявляется при помощи наличия в контексте языковых единиц «*себя / себя сам(-а, -и)*», а также возвратной частицы *-ся*.

*Клубов было мало, кино привозили редко, вот молодежь и **веселила себя сама**. [Николай Бурмистров. Гулевская вечерка (2003) // «Народное творчество», 18.08.2003. НКРЯ].*

*И хоть сказала она их тоненьким, едва слышным голоском — **всею душой поверил А. И. этим словам, только ими себя и веселил**. [Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997). НКРЯ].*

*Елена **веселится**, танцует направо и налево, смеется — на жениха вовсе не обращая внимания. [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995). НКРЯ].*

На основе анализа модели функционирования эмотивного каузатива «*веселить*» (см. Рис.1) можно сделать вывод о наличии межкатегориальной инклюзии и межкатегориального кроссинга [Архипова, 2021а; 2021б]. «*Веселить*» является примером актуализации межкатегориальной инклюзии, то есть, при его функционировании происходит включение

функционально-семантической категории эмотивности в категорию каузативности. Полагаем, что именно эмотивность входит в каузативность, так как вторая категория является более широкой и имеет наряду с интересующей нас модификацией психической сферы (в которую входит эмоционально-волевая) иные сферы модификации, такие как физическая (каузация передвижения, изменения физического состояния, каузация положения в пространстве и т.д.), перцептивная (каузация обоняния, зрительных, слуховых ощущений и проч.), информативная (запрет, совет, согласие и др.) [Шустова, 2020, с. 100-103]. При этом проявляется и межкатегориальный кроссинг – пересечение с другими функционально-семантическими категориями – интенсивности, итеративности, темпоральности, инструментальности, локативности, таксиса, что выявляется при помощи анализа материалов НКРЯ и наличия данных компонентов в построенной модели.

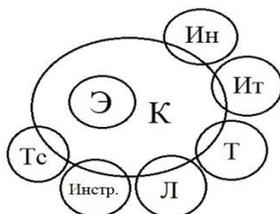

Рис. 1. Межкатегориальное взаимодействие на примере эмотивного каузатива «веселить».

Э – эмотивность, К – каузативность, Ин – интенсивность, Ит – итеративность, Т – темпоральность, Л – локативность, Инстр. – инструментальность, Тс – таксис

Таким образом, глагол «веселить» репрезентирует реализацию взаимодействия семантических категорий каузативности и эмотивности, а также функционирует в ситуации, при которой проявляются другие функционально-семантические категории. Заметим, что каузативная ситуация эмоциональной модификации раскрывает широкий спектр средств актуализации инструментального значения. При функционировании эмотивного каузатива «веселить» обнаруживаются категориальные показатели интенсивности, вербализуемой при помощи адverbиальных интенсификаторов. Наряду с этим, к специфике функционирования данного глагола относится также наличие категориальных показателей итеративности, темпоральности, локативности и таксиса.

Литература:

- Архипова И. В. Консекутивный таксис в аспекте межкатегориального взаимодействия (на материале разноструктурных языков) // Сибирский филологический форум. 2021а. №5 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsekutivnyy-taksis-v-aspekte-mezhkategoriynogo-vzaimodeystviya-na-materiale-raznostrukturnyh-yazykov> (дата обращения: 30.09.2023).
- Архипова И. В. Таксис и межкатегориальная инклюзия // Гуманитарные исследования. 2021б. № 3 (79). С. 11-14.
- Архипова И. В., Шустова С. В. Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике: монография. Пермь: изд-во Пермск. гос. нац. исслед. ун-та, 2021. 252 с.
- Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. Спб.: Изд-во С.-Пет. гос. ун-та, 2004. 208 с.

- Плотникова А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений). Екатеринбург: Изд-во «Уральский университет», 2006. 226 с.
- Сюткина Н. П. Аспекты взаимодействия категорий интенсивности и экспрессивности в эмотивно-каузативном категориальном семантическом комплексе // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspecty-vzaimodeystviya-kategoriy-intensivnosti-i-ekspressivnosti-v-emotivno-kauzativnom-kategorialnom-semanticheskom-komplekse> (дата обращения: 30.09.2023).
- Сюткина Н. П. Языковые средства актуализации эмотивности // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-aktualizatsii-emotivnosti> (дата обращения: 30.09.2023).
- Сюткина Н. П. Потенциал эмотивных каузативов с позиций функционального подхода // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potencial-emotivnyh-kauzativov-s-pozitsiy-funksionalnogo-podhoda> (дата обращения: 30.09.2023).
- Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале англ. яз.): дисс. ... д-ра филолог. наук. М., 1988. 402 с.
- Шорохова И. А. Аспекты семантики каузативных глаголов // Вестник ЧелГУ. 2007. №8. С. 139-144.
- Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов. Динамический подход. Научная монография. М.: URSS, ЛЕНАНД. 2020. 248 с.

Словари:

- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
- Glosum – Сборник толковых словарей. URL: <https://glosum.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

Источники иллюстративного материала:

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

References:

- Arhipova I. V. Konsekutivnyj taksis v aspekte mezhkategorial'nogo vzaimodeystviya (na materiale raznostrukturnyh jazykov) [Consecutive Taxis in the Aspect of Intercategorical Interaction (Based on the Material of Different-structured Languages)]. Sibirskij filologicheskij forum [Siberian Philological Forum]. 2021a. №5 (17). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsekutivnyj-taksis-v-aspekte-mezhkategorialnogo-vzaimodeystviya-na-materiale-raznostrukturnyh-jazykov> (Accessed 30 September 2023).
- Arhipova I. V. Taksis i mezhkategorial'naja inkljuzija [Taxis and Intercategorical Inclusion]. Gumanitarnye issledovanija [Humanities Studies]. 2021b. № 3 (79). 11-14.
- Arhipova I. V., Shustova S. V. Mezhkategorial'noe vzaimodejstvie v funkcional'noj grammatike: monografiya [Intercategorical interaction in functional grammar: monograph]. Perm, 2021. 252 p.

- Bondarko A. V. Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki [Theoretical Problems of Russian Grammar]. Saint Petersburg, 2004. 208 p.
- Plotnikova A. M. Mnogoznachnost' russkogo glagola: kognitivnoe modelirovanie (na materiale glagolov social'nyh dejstvij i otnoshenij) [Polysemy of the Russian Verb: Cognitive Modeling (Based on Verbs of Social Actions and Relationship)]. Ekaterinburg, 2006. 226 p.
- Siutkina N. P. Aspekty vzaimodejstvija kategorij intensivnosti i jekspressivnosti v jemotivno-kauzativnom kategorial'nom semanticheskom komplekse [Aspects of Interaction of the Categories of Intensity and Expression in the Emotional-causative Categorical Semantic Complex]. Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023. №2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-vzaimodeystviya-kategoriy-intensivnosti-i-ekspressivnosti-v-emotivno-kauzativno-kategorialnom-semanticheskom-komplekse> (Accessed 30 September 2023).
- Siutkina N. P. Jazykovye sredstva aktualizacii jemotivnosti [Linguistic Means of Actualization of Emotivity]. Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]. 2022. №2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-aktualizatsii-emotivnosti> (Accessed 30 September 2023).
- Siutkina N. P. Potencial jemotivnyh kauzativov s pozicij funkcional'nogo podhoda [The Potential of Emotive Causatives From a Position of Functional Approach]. Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]. 2021. №1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-emotivnyh-kauzativov-s-pozitsiy-funktsionalnogo-podhoda> (Accessed 30 September 2023).
- Shahovskij V. I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka [Categorization of Emotions in the Lexico-semantic System of the Language]. Moscow, 2019. 402 p.
- Shorohova I. A. Aspekty semantiki kauzativnyh glagolov [Aspects of the Semantics of Causative Verbs]. Vestnik ChelGU [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2007. №8. 139-144.
- Shustova S. V. Funkcional'nye svojstva kauzativnyh glagolov: dinamicheskij podhod: monografiya [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach]. Perm, 2020. 248 p.

Dictionaries:

- KSKT – Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Kubrjakova E. S., Dem'jankov V. Z., Pankrac Ju.G., Luzina L. G. Moscow, 1997. 245 p.
- TSRG – Tolkovij slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie jekvivalenty. Sinonimy. Antonimy [Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. English Equivalents. Synonyms. Antonyms]. Babenko L. G. Moscow, 1999. 704 p.
- Glosum – Sbornik tolkovyh slovarej [Collection of Explanatory Dictionaries]. Available at: <https://glosum.ru> (Accessed 30 September 2023).

Corpus:

- NKRJa – National Corpus of the Russian Language. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (Accessed 30 September 2023).

Байбикова Э. Р.Казанский научный центр Российской академии наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет**ИНТЕГРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С РЕФЛЕКСИВАМИ-
ИНТЕНСИФИКАТОРАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С
АНГЛИЙСКИМ (*САМО СОБОЙ*...)**

Наблюдаемая в языках разного типа дифференциация рефлексивов и интенсификаторов как проявление специфики вербализации категорий рефлексивности и эмотивности представляет собой исследовательский интерес с точки зрения как теоретического осмысления особенностей концептуального конструирования и вербализации ситуации, так и в практическом плане — при решении прикладных вопросов, в частности, перевода. Объектом исследования в настоящей работе являются сочетания САМ СЕБЕ, САМ СЕБЯ, САМ СОБОЙ в русском языке как случаи одновременного использования рефлексива и интенсификатора и их возможные переводы на английский язык. Нетривиальность переводческой задачи заключается в том, что в русском языке интенсификатор (САМ) и рефлексив (СЕБЕ/СЕБЯ/СОБОЙ) представляют отдельные лексемы, а в английском языке интенсификатор и рефлексив совпадают (ONESELF). Тем не менее, анализ переводческих соответствий позволяет выделить регулярные закономерности передачи подобного рода конструкций с английского языка на русский как отражение фреймовых моделей ситуации. Необходимость обращения к фреймовому моделированию в данном случае обусловлена тем, что предварительные эмпирические данные показывают различия в актуализации отдельных актантов ситуации (агенса, бенефициара).

Ключевые слова: категория рефлексивности, фреймовый анализ, рефлексивы, интенсификаторы, русский язык, английский язык

Baibikova Elvina R.

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

**INTEGRATIVE CONSTRUCTIONS WITH REFLEXIVES AND INTENSIFIERS IN
RUSSIAN AS COMPARED TO ENGLISH**

The article deals with the problem of discriminating between Russian and English reflexives and intensifiers as a manifestation of the specificity of verbalization of reflexivity and emotionality categories. It seems to be of interest on both in theoretical and practical aspects, especially, in translation. The object of research in this paper is collocations SAM SEBE, SAM SEBYA, SAM SOBOI in Russian as cases of simultaneous use of a reflexive and an intensifier and their possible translations into English. The non-triviality of the translation task is reported: in Russian the intensifier (SAM) and the reflexive (SEBE/SEBE/SELF) represent separate lexemes, while in English the intensifier and the reflexive coincide (ONESELF). It is stressed that the collocations SAM SEBE/SEBYA/SOBOI can be rendered into English in different ways depending upon the frame representation specifics or peculiarities of the English reflexive morphology which may display intensifying semantics as well. The necessity to refer to frame modelling in this case is due to the fact

that preliminary empirical data show differences in the actualization of individual actors of the situation (agent, beneficiary).

Keywords: category of reflexivity, frame analysis, reflexives, intensifiers, Russian language, English language

Введение

Рефлексивность как языковая категория отражает фундаментальные для языкового сознания метакогнитивные процессы — способность человека оценивать содержание собственного сознания, памяти, мышления, внимания, речи, дифференцировать признаки различных участников ситуации в случае кореференции, фиксировать эти процессы и результаты этих процессов в языке и речи. На морфологическом уровне прототипическими средствами выражения категории рефлексивности являются возвратные местоимения: в русском языке местоимение *себя*, в английском — *X-self*, квалифицируемые как *рефлексивы*. Возвратные местоимения представляют собой несубъектный аргумент переходного глагола, кореферентный субъекту. Кроме того, исследователи выделяют группу интенсификаторов, которые используются для того, чтобы «усилить» рефлексивное местоимение [Лютикова, 2002; König, Gast, 2006; König, 2013]. В языках мира наблюдается как дифференциация, так и совпадение рефлексивов и интенсификаторов в формальном (совпадение/дифференциация лексем) или дистрибутивном планах. Данное положение дел представляет собой определенный исследовательский интерес с точки зрения как теоретического осмысления особенностей концептуального конструирования и вербализации ситуации, так и в практическом плане — при решении прикладных вопросов, в частности, перевода.

1. Дифференциация и совпадение рефлексива и интенсификатора в языках разного типа

В русском языке рефлексив и интенсификатор морфологически дифференцированы и представляют собой разные разряды местоимений (возвратное местоимение *себя* и определительное местоимение *сам*), например:

Он освободил меня от рамок, в которые я сам себя загнал. (НКРЯ)

В английском языке наблюдается совмещение рефлексива и интенсификатора в единой форме *X-self* [König, 2013], например:

He criticized himself (рефлексив);

He welcomed us himself (интенсификатор).

При этом интенсификатор всегда является просодически выделяемой фокусной единицей (он *SAM* так решил, he welcomed us *HIMSELF*).

В качестве объекта исследования были выбраны сочетания *SAM СЕБЕ*, *SAM СЕБЯ*, *SAM СОБОЙ* в русском языке как случаи одновременного использования рефлексива и интенсификатора и их возможные переводы на английский язык, что является нетривиальной задачей, поскольку в английском языке интенсификатор и рефлексив совпадают. Предметом анализа являются особенности передачи рефлексивной семантики выражений, включающих определительные и возвратные местоимения (в русском языке) при помощи средств английского языка. В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение, что английские эквиваленты трех анализируемых вариантов сочетаний определительных и

возвратных местоимений будут отличаться в силу вариативности вербализуемого данными единицами фрейма.

2. Фреймовый анализ выражений в анализируемых языках

Согласно данным параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка для передачи рефлексивной семантики в английском языке используется конструкция *непереходный глагол + возвратное местоимение (VERB + X-self)*:

1) Энергия Кипреева, за которую он **сам себя** клял тысячу раз, искала выхода.

Kipreev's energy, for which he had cursed himself a thousand times, sought an outlet. (НКРЯ)

2) Я **сам себе** удивляюсь, но не ем, и всё.

I was amazed at myself but not a morsel passed my lips. (НКРЯ)

3) Он вспыхнул **сам собой**.

It blazed up of itself. (НКРЯ)

4) Я **сам себя** не узнаю; я потерял себя, и тебя, и все...

I don't know myself, I have lost myself, and you, and everything... (НКРЯ)

5) Так, ради фантазии **сам себя** тешу.

It's simply a fantasy to amuse myself. (НКРЯ)

Фреймовый анализ как русскоязычных выражений, так и англоязычных эквивалентов показывает, что в данных случаях вербализуется ситуация совмещения семантических ролей агенса (актанта, отражающего активного участника ситуации, выполняющего действие) и бенефициара (участника, в интересах которого происходит действие).

1) Он **захлопал сам себе**, его дружно поддержали совершенно сбитые с толку тюбетейки.

And he began applauding himself, after which the skullcaps, completely baffled, joined in good-naturedly. (НКРЯ)

2) «Руками заключенных...» — **сказал я сам себе**.

"Built by the hands of prisoners..." I said to myself. (НКРЯ)

3) «Нет, Иван, ты **сам себе** несколько раз говорил, что убийца ты.

"No, Ivan. You've told yourself several times that you are the murderer". (НКРЯ)

4) Через несколько дней я услышал, как он **пел** *ее сам себе*, играя в «Лего».

A few days later I heard him singing it to himself as he played with some Legos. (НКРЯ)

5) Римский пожимал плечами и **шептал сам себе**.

Rimsky shrugged his shoulders and whispered to himself. (НКРЯ)

Кроме того, ситуации совмещения агенса и бенефициара могут быть переданы на английский язык при помощи лексемы *own (own self)*:

1) <...> к испанскому, выученному на городских курсах, прибавился итальянский, который **сам собой** освоился исключительно по дороге на дачу.

*She picked up Italian as well, studying it on **her own** in the commuter train on the way to and from the dacha. (НКРЯ)*

2) *Я **сам себя** забуду, но <...>*

*I'll forget **my own self**, but <...> (НКРЯ)*

3) *<...> и **сам себе** зажал рот рукой.*

*<...> and clapped his hand over **his own** mouth. (НКРЯ)*

4) *<...> — **сам себе** отвечал Нехлюдов.*

*Nekhludoff went on, answering **his own** question. (НКРЯ)*

5) *<...> и даже хвалится тем, что **сам себе** дорогу проложил.*

*<...> he is proud indeed of having made **his own** way. (НКРЯ)*

Отметим, что в ряде случаев при употреблении лексемы OWN наблюдается изменение конструкции — используется переходный глагол, требующий прямого дополнения. В данном случае реализуется семантика интенсификации в рамках фрейма ОТНОШЕНИЕ, и в английском языке используется прилагательное *own* в сочетании с притяжательным местоимением. Данная модель позволяет говорить о том, что в английском языке ИДЕНТИЧНОСТЬ рефлексивов и интенсификаторов может иметь в некоторых случаях характер частичной идентичности, когда наблюдается кореференция по признаку принадлежности (*everyone/his*; *the fist/its*). Фактически лексема OWN, в своем системном значении дублирующая семантику принадлежности (*own/his*), выступает, тем самым, в функции интенсификатора. Такого рода «смещение» наиболее явно просматривается в безглагольных конструкциях с именами существительными:

1) *Каждый **сам себе** прокурор?*

*Everyone **his own** prosecutor? (НКРЯ)*

2) *Кулак - **сам себе** государь.*

*The fist is **its own** lord and master. (НКРЯ)*

3) *... каждый человек будет **сам себе** хозяин.*

*Each man would become **his own** master. (НКРЯ)*

4) *Но лучше, когда **сам себе** хозяин.*

*But it's better to be **your own** boss. (НКРЯ)*

5) *Будь **сам себе** начальником.*

*Every man be **his own** chief. (НКРЯ)*

3. Особые случаи перевода

Случаи, когда в языке перевода отсутствуют формальные способы передачи рефлексивно-интенсивных конструкций, заслуживают отдельного внимания:

1) *Я **сам себя** спрашивал: «Почему поехал?».*

*I used to **wonder** why I'd volunteered. (НКРЯ)*

2) *Тут вдруг все увидели, что шар **сам собой** медленно поднялся кверху и натянул сетку, которой был привязан к корзине.*

*Suddenly everybody **saw it rise** slowly and draw the net tight. (НКРЯ)*

3) Он дал сам себе клятву никогда в жизни не ворчать больше и быть довольным всем на свете.

*And he **swore** he would never grumble again <...>. (НКРЯ)*

В ходе анализа подобных случаев было сделано предположение, что семантика данных выражений может быть передана (а) лексически (*сам себя спрашивал — wonder*), (б) морфосинтаксическими конструкциями (конструкция сложного дополнения – *saw it rise*, (в) импликацией собеседника — поклялся КОМУ — подразумевает «самому себе» (*he swore*).

Отдельно отметим случаи, когда выражение САМ СОБОЙ имплицитно естественное, неконтролируемое действие/процесс, сопровождающего спонтанную эмоциональную реакцию. Как показывают примеры, адекватным переводом такого рода примеров является использование лексических единиц адвербиального характера с семантикой спонтанности, бесконтрольности и под:

1) Страх просто сам собой вытек.

*The fear had simply drained out of me **spontaneously**. (НКРЯ)*

2) И стоило скрюченному Артуру хоть на шаг уклониться от направления, как рот Рэдрика сам собой раскрывался, и хриплый предостерегающий оклик сам собой вылетал из глотки.

*And Arthur had only to stray a single foot from their path for Redrick's mouth to open and the hoarse warning to fly **automatically** from his throat. (НКРЯ)*

3) У продавицы даже ротик сам собой открылся.

*The girl's small mouth opened **in surprise**. (НКРЯ)*

Кроме того, были выявлены примеры, в которых выражения с рефлексивной семантикой не были представлены в ПЯ:

1) И ты становишься не нужен сам себе; с тебя снимается защитный каркас силы и жесткости, а других защит у тебя нет.

*You become **superfluous**; the protective carcass of strength and harshness comes off and you have no other defenses. (НКРЯ)*

2) Как-то сам собою образовался «ролл-ройс», <...>

*Somehow a Rolls-Royce **appeared**, <...> (НКРЯ)*

3) Но тут Мак перебил сам себя.

*But Mac **broke in**. (НКРЯ)*

Нередко для передачи рефлексивного смысла высказывания переводчики обращаются к перифразу:

1) Я сам себе назначаю отпуск, я ни от кого не завишу.

I take off whenever I want to. (НКРЯ)

2) И почему-то, будто сам себе не поверил, посмотрел на газету.

*As if **doubting my memory**, I glanced at the newspaper. (НКРЯ)*

3) «Но зачем дальше скрывать эту тайну, когда я сам уже успел проникнуть ее? — говорю я сам себе.

“Why conceal the secret any longer, now that I have discovered it?” I reflected. (HKPЯ)

Заключение

В качестве предварительных выводов считаем необходимым отметить следующее. Прежде всего, английский и русский языки являются антагонистами по параметру «формальное совпадение/формальное различие» рефлексивов и интенсификаторов: в русском языке данные единицы различны, в английском – совпадают. В силу данного положения дел перевод выражений с кореферентным субъектом и интенсификатором в отношении языковой пары английский/русский требует обращения к более широкому репертуару средств выражения рефлексивности и интенсивности, с выходом за пределы соответствующих морфологических разрядов местоимений. Обращение к фреймовому моделированию позволяет выделить особенности взаимодействия участников ситуации в данных случаях, основным признаком которых оказывается совмещение актанных ролей (агенса/бенефициара). Анализ переводческих эквивалентов показал, что подобное совмещение ролей, представленное в русском языке грамматически, при помощи комбинации относительного и возвратного местоимений, может реализоваться в английском языке лексически, например, при помощи самостоятельных лексем или прилагательного OWN. Тем самым обнаруживается, что стандартно постулируемая для английского языка «идентичность» рефлексивов и интенсификаторов оказывается частичной.

Литература:

- Алимов В. В. Теория перевода: Пособие для лингвистов-переводчиков / В. В. Алимов. М.: Ленанд, 2016. 240 с.
- Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – Т. 4. – С. 10-20.
- Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 8. – С. 5-22.
- Липатова Г. А. Рефлексивность в языке и речи. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Череповец, 2001.
- Лютикова Е. А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>
- Перцепция. Рефлексия. Язык: монография / А. И. Варшавская, О. Е. Мельникова, Е. С. Петрова, Е. Г. Хомякова и др.; под ред. Е. Г. Хомяковой; - СПб. - 2010. – 260 с.
- Ремхе И. Н., Нефедова Л. А. Метод фреймового моделирования перевода на примере корпусной системы FrameNet // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12. – № 2. – С. 5-9.
- Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - М. - 1980-. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. - М. -1980. - 783 с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – М. - 2008. – 878 с.
- Gast V. The grammar of identity: Intensifiers and reflexives in Germanic languages. – Routledge, 2007.
- König, Gast 2006 — E. König, V. Gast. Focused assertion of identity: A typology of intensifiers // Linguistic Typology 10 (2), 2006. P. 223–276.

König E., Siemund P, Töpfer S. Intensifiers and Reflexive Pronouns // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.), 2013. *WALS Online* (v2020.3) [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7385533> (Available online at <http://wals.info/chapter/47>, Accessed on 2023-02-17.)

World Atlas of Linguistic Structures <https://wals.info/>

References:

Alimov V. V. Theory of Translation: Manual for linguists-translators V. V. Alimov. Alimov. Moscow: Lenand, 2016. 240 c.

Boldyrev N. N. Cognitive schemes of linguistic interpretation // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. - 2016. - VOL. 4. - PP. 10-20.

Boldyrev N. N. Language categories as a format of knowledge // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. - 2006. - № 8. - C. 5-22.

Lipatova G. A. Reflexivity in language and speech. - Avtoref. diss. ... kand. philol. nauk. - Cherepovets, 2001.

Ljutikova 2002 - E. A. Ljutikova. Cognitive Typology: Reflexives and Intensifiers. M.: IMLI RAN, 2002.

National Corpus of the Russian Language <https://ruscorpora.ru/>.

Perception. Reflexion. Language: a monography / A. I. Varshavskaya, O. E. Melnikova, E. S. Petrova, E. G. Khomyakova, et al; ed. by E. G. Khomyakova; - St. Petersburg. - 2010. - 260 c.

Remhe I. N., Nefedova L. A. Method of frame modeling of translation on the example of FrameNet corpus system // *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: Linguistics. - 2015. - T. 12. - №. 2. - C. 5-9.

Russian Grammar: [In 2 vol. / Edkol.: N. Y. Shvedova (chief ed.) and others]. - M. - 1980-. T. 1. Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology / [N. S. Avilova, A. V. Bondarenko, E. A. Bryzgunova and others]. - M. -1980. - 783 c.

Phraseological dictionary of the Russian literary language: about 13000 phraseological units / A. I. Fedorov. - M. - 2008. - 878 c.

Gast V. The grammar of identity: Intensifiers and reflexives in Germanic languages. – *Routledge*, 2007.

König, Gast 2006 — E. König, V. Gast. Focused assertion of identity: A typology of intensifiers // *Linguistic Typology* 10 (2), 2006. P. 223–276.

König E., Siemund P, Töpfer S. Intensifiers and Reflexive Pronouns // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.), 2013. *WALS Online* (v2020.3) [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7385533>

World Atlas of Linguistic Structures <https://wals.info/>

Банникова У. К.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ПЛАТФОРМ В РАЗВИТИИ УМЕНИЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ У СТУДЕНТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА (НА ПРИМЕРЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА)

В исследовании рассматриваются интерактивные платформы в обучении профессионально-ориентированному монологическому высказыванию на итальянском языке и отражаются полученные результаты в ходе работы на семинарских занятиях со студентами исторического факультета. Актуальность обусловлена особенностями такого монолога, потребностями в профессиональной среде и отсутствием специализированных учебных пособий, удовлетворяющих их. В статье описывается три этапа развития монологической речи у студентов-историков и содержатся примеры упражнений. На первом студентам предлагается работать с небольшими текстами и выполнять на их основе определенные задания. Такими могут стать, к примеру, создание учебного модуля с выбранной из текста опорной лексикой в приложении Quizlet, конструирование и комментирование интерактивных карт на сайте BatchGeo. На втором обучающиеся переходят к анализу и имитации речи итальянских историков, отмечая конструкции, которые они используют, и разделяя их по группам (введение, основная часть, заключение и пр.). Источниками в данном случае выступают записи лекций, конференций, отдельных выступлений на круглых столах. Один из вариантов упражнений – создание цифрового рассказа на похожую тему на платформе Powtoon с применением ранее выделенных профессионально-ориентированных ключевых слов и выражений. На третьем этапе студенты обращаются к исследованию сайтов итальянских библиотек и архивов с целью поиска источников и литературы для потенциального исследования. Итогом может стать интерактивная презентация, сделанная на платформе Prezi, с устным представлением результатов. Таким образом цифровые инструменты могут не только способствовать развитию умений монологической речи, но и вносить творческую составляющую в учебный процесс.

Ключевые слова: интерактивные платформы, монологическая речь, студенты-историки, итальянский язык

Bannikova Uliana K.

M. V. Lomonosov Moscow state university

USING OF INTERACTIVE PLATFORMS FOR THE DEVELOPMENT OF MONOLOGICAL SPEECH SKILLS OF THE STUDENTS OF THE HISTORICAL DEPARTMENT (ON THE EXAMPLE OF THE ITALIAN LANGUAGE)

The study examines interactive platforms in teaching professionally oriented monologue statement in Italian language and reflects the results obtained during seminars with the students of the Faculty of History. The relevance is due to the peculiarities of such a monologue, the needs in the professional environment and the lack of specialized manuals that would satisfy them. The article describes three stages of the development of the monological speech of the students of history and

contains examples of exercises. At the first stage, the students are invited to work with small texts and complete certain tasks based on them. Such can be, for example, the creation of a study set with a reference vocabulary selected from the text in the Quizlet application, the construction and commenting of interactive maps on the BatchGeo website. At the second stage, students proceed to the analysis and imitation of the speech of Italian historians, noting the constructions they use and dividing them into groups (an introduction, the main part, a conclusion, etc.). The sources in this case are recordings of lectures, conferences, individual speeches at round tables. One of the alternatives to the exercise is creating a digital story on a similar topic on the Powtoon platform using previously selected professionally oriented keywords and expressions. At the third stage, the students turn to the study of the websites of Italian libraries and archives in order to find sources and literature for potential research. The outcome can be an interactive presentation made on the Prezi platform, with an oral commentary of the results. Thus, digital tools are able to not only contribute to the development of monologue speech skills, but also incorporate a creative component into the learning process.

Keywords: interactive platforms, monological speech, history students, Italian language

В настоящее время применение иностранного языка в собственной профессии является необходимостью. Большинство из них требует владения культурой устного иноязычного общения на высоком уровне со стороны квалифицированных специалистов, одними из которых являются историки. Выступления на конференциях и других научных мероприятиях, а также взаимодействие с иностранными коллегами, предполагает наличие определенных компетенций и умений, связанных с владением других языков.

В связи с чем возникает потребность в разработке современных учебных программ и пособий, которые будут учитывать развитие современных технологий в сфере образования и способствовать развитию умений устной речи у студентов исторического факультета. Образовательный процесс должен соответствовать требованиям времени и избавляться от изживших себя форм ведения занятий, уступая место интерактивному обучению, что обеспечит не только практическую отработку передаваемых знаний, умений и навыков, но и создаст комфортную среду и возможность выбора учащимися личной образовательной траектории [Заблочки, Тихонова, 2022, с. 96].

Интерактивные платформы позволяют не только разнообразить учебный процесс благодаря широкому спектру заданий для различных форм работы и внедрить дополнительные ресурсы и материалы в очные занятия, но и равномерно развивать все умения речи – аудирования, чтения, говорения, письма; вызывать у студентов интерес к языку; начать говорить на нем. Знакомясь с тем или иным интерактивным методом, преподаватель определяет его педагогические возможности, идентифицирует с особенностями студентов, предлагаемого содержания [Хохлова, 2015, с. 69]. В то же время цифровые инструменты вносят творческую составляющую и предоставляют обучающимся возможность начать проявляться в будущей профессии.

Иностранный язык является одним из инструментов историка. Главная цель преподавателя исторического факультета – научить студентов применять его в своих исследованиях путем поэтапного внедрения истории на семинарских занятиях. Перед педагогом стоит задача не изучать историю на иностранном языке, а сделать так, чтобы язык стал частью профессии будущих историков.

В ходе семинарских занятий со студентами 1 и 2 курсов исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова автором были апробированы результаты исследования и выделены три этапа обучения. На первом преподаватель осуществляет внедрение истории в процесс обучения, организует работу с

небольшими текстами по истории Италии и выполнение на их основе определенных заданий. Источником работы может послужить учебное пособие «Storia italiana per stranieri» («Итальянская история для иностранцев»). Перед непосредственным переходом к изучению истории на итальянском языке должна быть осуществлена предварительная подготовка в виде анализа периодизации как мировой истории, так и истории России, обсуждения разницы между «источниками» и «литературой» и внедрения первых исторических терминов. В качестве заданий студентам могут быть предложены следующие: 1. создание учебного модуля в приложении Quizlet на основе прочитанного текста, 2. ведение совместного словаря в Google Docs и внесение в него исторических терминов из пособия, 3. работа с картами на платформе BatchGeo.com, 4. коллективная работа на платформе Google Jamboard. Для упрощения процесса обучения переход на онлайн платформы возможен с помощью QR кодов. Отслеживанию общей удовлетворенности и дальнейших пожеланий обучающихся способствуют опросы в Telegram или на Google Forms.

На втором этапе студенты начинают анализировать и имитировать речь итальянских историков. Основной задачей здесь является выделение опорных конструкций и слов в иноязычной профессионально ориентированной речи. Первый шаг – прослушивание небольших отрывков из записей лекций, конференций, выступлений на круглых столах или документальных передач и заполнение пропусков в тексте. Задания такого типа могут быть выполнены на платформе Learning.apps или в Google Forms. Вторым шагом станет разделение лекции по группам: 1 вариант – введение, основная часть, заключение; 2 вариант – глаголы, наречия, коллокации; 3 вариант – причины событий, события, личности, последствия и др. Студентам может быть предложено внести лексические единицы в приложения Memrise, Quizlet или интерактивную доску Migo. Третий шаг – внедрение изученного материала в собственную речь путем проектирования плакатов для конференций/посвященных исторической личности/событию и т.д. на платформах Canva.com, Calaméo.com, их устного представления и описания; путем создания интерактивных рассказов на платформе Powtoon.com.

Третий этап обучения предполагает осуществление первых шагов в работе над собственным потенциальным исследованием. В течение одного семестра обучающимся выполняются небольшой проект по поиску источников и литературы для предполагаемой темы курсовой работы или диплома и выделения ее «проблем». С помощью сайтов российских и итальянских архивов и библиотек студенты приобретают навыки поисково-исследовательской работы и учатся отбирать подходящие для их будущей курсовой или дипломной работы источники и литературу на русском, итальянском и при необходимости других иностранных языках. В качестве подготовки к устному выступлению обучающимся может быть предложено обратиться к выделенным ими ранее лексическим единицам на втором этапе обучения и изучить дополнительные вспомогательные материалы в Google Docs, представленные в виде опорных конструкций для вводной части монолога, основной части и заключения. Для закрепления изученного материала студенты могут обратиться к выполнению заданий на платформе Worldwall. Итогом проектной деятельности должна стать интерактивная презентация, созданная с помощью платформы Prezi.com, включающая в себя устное представление темы потенциального исследования, 3-4 проблем, главных источников и литературы с применением ранее изученных конструкций.

Благодаря внедрению интерактивных платформ в учебный процесс возрастает его эффективность. Цифровые инструменты способствуют систематизации учебных материалов, формированию у студентов навыков самостоятельной и коллективной работы и навыков научно-исследовательской деятельности, повышают мотивацию. Обучающиеся совершают первые шаги в потенциальном исследовании на иностранном языке и постепенно начинают понимать, как применять его в своей профессии.

Безусловно, современные платформы и онлайн обучение не могут исключить применение традиционной методики преподавания. Как показывает практика, путь отрицания одной методики в пользу другой является тупиковым, было бы верным взять из имеющихся наработок все лучшее, то, что является эффективным и проверено опытом предыдущих поколений преподавателей и на этот багаж «надстраивать» всевозможные инновации [Заблочки, Тихонова, 2022, с. 100]. Таким образом для достижения лучшего результата оптимальным решением станет сочетание уже устоявшихся и интерактивных методов преподавания.

Литература:

- Вихорева Л. Г. Мультимедиа как фактор интеллектуализации и глобализации образовательного процесса // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. Серия «Филология». 2018. – № 2 (26). – Том 2. – С. 194-203.
- Заблочки Э. Ю., Тихонова А. Ю. Эффективность интерактивных методов при формировании иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся // Вестник СПбГИК. 2022. – № 4 (53) – С. 94-102.
- Тарасенко В. В. Особенности профессионально ориентированного монологического высказывания студентов исторического факультета // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради [Текст]. СПб., 2008. – № 33(73), ч.2: (Педагогика и психология, теория и методика обучения). – С.193-196.
- Хохлова А. А. Интерактивные методы обучения в преподавании иностранного языка неязыковым вузе // Проблемы и перспективы развития образования в России: сборник материалов XXXIV Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. – С. 65-69.

References:

- Vihoreva L. G. Mul'timedia kak faktor intellektualizacii i globalizacii obrazovatel'nogo processa [Multimedia as a factor of intellectualisation and globalisation of the educational process]. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva. Seriya «Filologiya» [The V. N. Tatishchev Volga State University Bulletin. Series «Philology»]. 2018, № 2 (26), vol. 2, 194-203.
- Zablocki E. Y., A. YU. Tihonova A. Y. Effektivnost' interaktivnyh metodov pri formirovanii inoyazychnoj kommunikativnoj kompetencii obuchayushchihsya [The effectiveness of interactive methods in the formation of foreign language communicative competence of the students] Vestnik SPBGIK [SPBGIK Bulletin]. 2022, № 4 (53), 94-102.
- Tarasenko V. V. Osobennosti professional'no orientirovannogo monologicheskogo vyskazyvaniya studentov istoricheskogo fakul'teta [Peculiarities of professionally oriented monologue speech of the students of the historical department] Izvestiya Rossijskogo gosudarstvenno go pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. Aspirantskie tetradi [Text] [A. I. Herzen Russian State Pedagogical University Bulletin. Postgraduate notebooks [Text]. SPb., 2008. № 33(73), part 2: (Pedagogika i psihologiya, teoriya i metodika obucheniya) [Pedagogy and psychology, theory and teaching methods], 193-196.
- Hohlova A. A. Interaktivnye metody obucheniya v prepodavanii inostrannogo yazyka neyazykovom vuze [Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii: sbornik materialov XXXIV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii] / Pod obshch. red. S. S. Chernova [Interactive methods in teaching a foreign language in a non-linguistic university], Novosibirsk: Izdatel'stvo CRNS [CRNS Publisher], 2015, 65-69.

Барбина Н. С.

Иркутский государственный университет путей сообщения
Байкальский государственный университет

РЕКОНФИГУРАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ КРИТИКИ

Статья представляет опыт анализа дискурсивной новации в виде культуры отмены с точки зрения реконфигурации стандартов критики. Объектом исследования выступают критические суждения в практике культуры отмены. В работе поставлены следующие задачи: 1) описать научные представления о критике с точки зрения рационального действия 2) рассмотреть один из современных форматов критики с помощью категории «дискурсивная практика» посредством применения лингвоаргументативного анализа. Такой анализ дает возможность оценить рациональность критики с помощью логического аппарата в совокупности с языковыми особенностями ее представления. В статье рассмотрен кейс отмены одной из компаний в виде рекламного текста-стимула и текстов-реакций, показывающих, что авторы первого неверно оценили тематический потенциал представленной ими аргументации. Основной вывод статьи заключается в том, что те особенности критики, которые ранее были на периферии ее понимания как конструктивного явления стали играть более значимую роль. Промежуточным выводом является наблюдение о роли сетевой коммуникации в этом процессе.

Ключевые слова: критика; дискурсивная практика; рациональность; логика; лингвоаргументология; ценности; культура отмены.

Natalia S. Barebina

Irkutsk State Transport University
Baikal State University

RECONFIGURING CONTEMPORARY DISCURSIVE PRACTICE OF CRITICISM

The article presents the experience of analyzing discursive innovation in the form of cancel culture from the point of view of reconfiguring the standards of criticism. The object of the study is critical judgments in the practice of cancelling. The following tasks are set in the work: 1) describe scientific ideas about criticism from the point of view of rational action 2) consider one of the modern formats of criticism using the category “discursive practice” through the use of linguistic-argumentative analysis. Such an analysis makes it possible to evaluate the rationality of criticism using a logical apparatus in conjunction with the linguistic features of its presentation. The article examines the case of the cancellation of one of the companies in the form of an advertising stimulus text and reaction texts, showing that the authors of the first incorrectly assessed the thematic potential of the argumentation they presented. The main conclusion of the article is that those features of criticism that were previously on the periphery of its understanding as a constructive phenomenon began to play a more significant role. An intermediate conclusion is an observation about the role of network communication in this process.

Keywords: criticism, discursive practice, rationality, logic, linguoargumentology, values, cancel culture.

Введение

Несмотря на то, что критика является естественным и очевидным проявлением языкового взаимодействия в противоречивых ситуациях, ее анализ не так часто становится предметом дисциплинарного исследования. Так, запрос «критика» от 30.09.2023 в НЭБ (elibrary) по опциям «диссертации», «материалы конференций», «книги», «статьи в журналах» дал на выходе всего 8 статей, связанных с лингвистикой.

Проблема, которую мы планируем осветить в статье, состоит в том, что современная коммуникативная среда придает критике все новые черты, которые совсем ей не присущи в классическом понимании. Получившееся дискурсивное образование, оставаясь под «брендом» критики, на самом деле лишь имитирует рациональный способ анализа недостатков, но при этом выполняет и другие важные цели. Эту проблему необходимо локализовать с точки зрения того, как функционирует императив критического мышления в современном социуме.

Материал исследования и методы анализа

Современный информационный контент представляет собой обширный полевой материал для анализа языковых проявлений критики. Авторская картотека включает двести кейсов на русском и английском языках, которые относятся к явлению культуры отмены. В статье проанализирован один кейс. В исследовании были задействованы средства лингвоаргументативного анализа, который заключается в реконструкции диалогического аргументативного дискурса путем последовательной экспликации, замены, удаления и восстановления элементов логической пропозиции аргумент→инференция→тезис. Пользуясь данными из работ по лингвопрагматике, в которых установлен ретроспективный статус критики [Медведева, 2015], предложения, содержащие критические суждения, были рассмотрены как реакции по отношению к тексту-стимулу. Для выявления пропозициональной структуры текста-стимула и текстов-реакций применялась расширенная вариация анализа в виде модели критической дискуссии [Eemeren, 2023], которая позволяет фиксировать роли участников, реконструировать реплики по модели аргументативных функций и анализировать ошибки аргументации разных типов [Walton, 2007].

Технологизация коммуникации как фактор языковых изменений

Научные наблюдения из разных дисциплин фиксируют значительные преобразования языковой ткани общения, обусловленные сетевой морфологией коммуникации, которые уже привели к изменениям. Это коснулось и критики. Социологи и политологи описывают ситуацию кризиса критического мышления в отсутствие свежих парадигм [Мещерякова, 2021; Nagsoht, 2019] и сворачивание критики до минимума, что обусловлено «трэндом цикличности критики» [Тимофеева, 2020, с. 125]. Последнее явление связано с политическими событиями общества. «Эффект ускорения времени» [Вайсман, 2022], обусловленный цифровыми коммуникациями, приводит к тому, что длинные рассуждения становятся не нужны. Скорость коммуникации вынуждает человека поглощать значительные объемы информации без критического осмысления. Утрата этого навыка ведет, по мысли Г. Л. Тульчинского, к росту инфантилизма, сжиманию горизонта ответственности [Тульчинский, 2020, с. 15]. Одновременно с этим сетевая коммуникация имеет потенциал для появления девиантных или комбинированных форм критики. Если говорить собственно о критике в проекции на социум, то важно отметить следующее. Коммуникация в условиях шедшей до недавнего времени полным ходом глобализации обусловила и появление новых форматов критики, которые имеют западные

корни и ранее были не присущи тому или иному обществу. Один из таких форматов критики, который появился в Российском социальном поле, рассмотрим подробнее.

Дискурсивная новация культуры отмены

Недавно возникшее в современном коммуникативном пространстве явление культуры отмены уже стало предметом изучения специалистов [Быков, 2021, Дашинамаева, 2021; Былевский, 2022; Субботина, 2022]. Культура отмены (англ. cancel culture) является новой формой речевого воздействия, способной влиять на формирование общественного мнения, а также манипулировать существующими взглядами посредством критики. А. Щипков указывает, что культура отмены является синонимом цензуры, ученый отмечает также, что в постглобализационном мироустройстве для цензуры характерно изменение системы запретов на *систему фильтров* [Щипков, 2022] (курсив наш). Культура отмены имеет большой мобилизующий потенциал, она способна задействовать значительное количество последователей.

Будучи реалией современного общества, данное действие активно функционирует как способ 1) выражения негативной оценки, 2) привлечения внимания к критикуемой проблеме, 3) привлечения к ответственности объекта критики, будь то отдельный человек, группа, организация и даже страна.

Культура отмены может выражаться по-разному, например, в отказе посещать лекции профессора, допустившего расистское высказывание, нежелании покупать продукцию бренда, слушать музыку исполнителя, уличенного в неэтичном поведении. Однако нас интересует языковой аспект этой проблемы, который лучше всего исследовать с помощью понятия «дискурсивная практика». Сошлемся на работу О. С. Иссерс, в которой ученый характеризует дискурсивную практику как динамичную коммуникативную систему, которая обнаруживает свойственное для определенного социума речевое поведение и мышление, но также формирует новые формы коммуникации, характерные для социокультурной реальности [Иссерс, 2021, с. 65]. Данный методологический конструкт актуален для нашего исследования в связи с тем, что, во-первых, есть возможность исследовать речевое поведение, что можно обозначить фразой «сейчас принято так говорить», не ограничиваясь рамками определенного дискурса, а, во-вторых, феномен критики можно рассматривать как коммуникативный объект, находящийся в постоянном изменении, и динамике. Это дает возможность проследить реконфигурацию дискурсивной практики, когда аспект, который был маргинальным, становится центральным [там же, с. 24]. Действительно, в рамках модели описания дискурсивных практик наиболее заметными для наблюдения являются параметры «установка/тональность», «языковые маркеры» которые выражаются в нестандартных методах критики в культуре отмены. Обратимся к анализу.

Недостатка в материале для анализа нет, так как главной площадкой культуры отмены стали социальные сети, где пользователи активно выражают недовольство и осуждение и так же активно комментируют эти инициативы, которые могут перерасти в массовые бойкоты.

Рассмотрим кейс отмены сети магазинов «ВкусВилл». Контекст: 30 июня 2021 г. продуктовая сеть «ВкусВилл» опубликовала материал «Рецепты семейного счастья» о семьях своих клиентов с рассказами и фотографиями. Среди пяти семей одна – однополая женская пара, а также сестра одной из девушек и ее мать. Героини из квир-семьи рассказали, что живут дружно четвером. Все четверо – веганки и выступают за этичное потребление, сортируют и сдают мусор. За этим последовала волна критики и осуждения из разных медиаплатформ в виде комментариев под постами.

Приведем текст рекламы-стимула критики.

«У нас большая и очень дружная семья. Юма – моя мама, наши матриарх. Алина – моя сестра, а Ксюша – ее невеста. Они обручились буквально пару недель назад. Мы все веганки. Сортируем мусор, ездим на собираторы и сдаем абсолютно все, вплоть до кассовых чеков и ленточек от тортов» (1).

Рассуждение представляет собой индуктивное умозаключение следующего вида:

Посылки:

Проведем реконструкцию по модели аргументативных функций, которая предполагает, что части текста или высказываний выполняют определенную функцию, которая соответствует аргументу, тезису, инференции.

Аргумент 1. Мы – дружная семья (Арг 1.1. Мы не лицемерим и не скрываем, что среди нас есть однополая семейная пара) (+)

Аргумент 2. Мы – веганки (+)

Аргумент 3. Мы выступаем за этическое потребление (+)

Инференция: Мы все являемся постоянными покупателями компании ВкусВилл

Заключение: клиенты компании ВкусВилл обладают положительными качествами

Имплицитный декларативный Тезис: *люди, которые обладают рядом положительных качеств, служат примером для других (они искренние, поддерживают друг друга, заботятся о природе и своем здоровье) являются покупателями компании ВкусВилл.*

Из этого следует макротезис: *Поступайте, как мы.*

Оценивая эту аргументацию, отметим, что это пример множественной аргументации, аргументы между собой не связаны. Такая структура аргументации предполагает, что каждый аргумент достаточен для обоснования тезиса, однако мы видим, что авторы ввели в структуру совершенно спорный для своих адресатов аргумент, снабдив его подчинительным аргументом 1.1. Схема этой аргументации – это «аргумент по аналогии», которая достигается путем перенесения информации из одного случая в другой на основании того, что у них есть общие признаки или характеристики. Трудно сказать, получилось это случайно, или нет, но очевидно, что произошла попытка экстраполяции положительных качеств двух других аргументов на первый (здоровый образ жизни и поддержка экологии поставлены в один ряд с однополыми браками). Это индуктивное рассуждение в результате должно бы было дать вывод, однако произошло обратное действие, в котором и два других аргумента стали некачественными в свете первого.

Рассмотрим примеры критики:

Основным и главным поводом для критики пользователей Сети стали транслируемые в рекламе ЛГБТ-ценности (Аргумент 1.1.), которые в данной культуре совершенно неприемлемы:

«@byfre4445 Никаких «ценностей» и «миссии» кроме зарабатывания бабла у коммерческих организаций нет и быть не может. Должны быть наказаны за заигрывание с модной повесточкой.

@user-xv6ux1ks6y Позорище. Пусть в Европе это показывают! А пока живы в России адекватные люди с нормальными ценностями – не пройдет такой номер!!!!!!

@sfguyrhjkuytd8802 Закреть все эти магазины!!!!

@user-gc5rp2ic3v Все. Больше ни ногой к этим извращениям» (2).

Критике подверглись участницы проекта. Хотя этот вопрос не касается текста-стимула, но показательное отношение к ним:

@nickolaykononov Несчастливая семья, которая согласилась сняться для Вкусвилла и услышала а) публичное признание своей неполноценности, б) унижительные извинения за свою неконвенциональность. Этический прецедент потрясающей силы. Нет ли тут повода для обращения в Суд по правам человека, например?» (3).

Можно отметить, что аргументация содержит еще ошибки, которые хорошо считаются адресатом рекламы. Так, мы видим попытку уравнивать аргумент Аргумент 1 и Аргумент 2 и 3 и провести эту ценность в аргументацию под видом положительных качеств. Это составляет еще одну группу критических суждений, где указывается на отсутствие связи между зеленой повесткой, ценностями ЛГБТ, а также ангажированностью рекламы.

«Неизвестный: Продались глобалистам. Печально. Я, представитель традиционных ценностей, не пойду больше в ваш магазин! Потому что, то что вы сделали в разгар ментальной войны, это предательство, это нож в спину. Я кстати тоже сортирую мусор, в СССР вообще с этим все на уровне было, стеклянные бутылки, сортировка, переработка, не было этой кучи пластика, были авоски. Не надо это преподносить как нечто «продвинутое», связанное с веганством и лгбт. Это не ваше изобретение ребят. Разочарование» (4).

«Неизвестный: Испытала потрясение. Это предательство по отношению к стране и нормальным людям. Быстро поместили свою принадлежность к зелёной повестке? Множество людей собирают мусор отдельно, многие люди вегетарианцы, но при чем тут ЛГБТ? Придется отказаться от вашего магазина» (4).

В тексте-стимуле допущена ошибка по отношению к доводам: ни один из них не является уместным для данного тезиса (при условии, что мы правильно его реконструировали). Но самый неуместный довод представлен аргументом 1.1. Это тоже показывают критические суждения в комментариях.

@dezmond8416 С каких пор магазины стали заниматься сексуальными проблемами? Пусть лучше занимаются проблемой качества своего товара!

@konstantinr7193 Не имеет значения, кто клиенты магазина, все клиенты равны. А продвижение сексуальной ориентации – это уже в политическом поле» (6).

Мы недаром указали выше, что представленные аргументы нерелевантны тезису при условии, что мы правильно его реконструировали (хотя логическая форма индуктивного рассуждения предполагает именно такое заключение и тезис). На самом деле скандальный аргумент является доводом в пользу совсем другого тезиса. И действительно, многие комментаторы увидели в рекламе политическую подоплеку. Беспринципность компании стала еще одним поводом для критики.

@maratmipt Я думал, во вкусвилл ходят из-за того, что там продукты покачественней) но принципы, конечно, дороже!!

@user-jx1on6gq3d Не только политическая ненависть, но и народная брезгливость.

После критики компания спешно удалила публикацию, извинилась, признала свою ошибку что вызвало усиление критики – уже от представителей ЛГБТ-сообщества.

@antiORANGEXXI Поздно извиняться теперь! Что сделано, то сделано, вкусвиллу после такого – реклама и её отмена – не отмыться никогда!

@adfeinstoryteller9199 Я к ним больше ни ногой из-за того, что они извинились перед гомофобами. Стыдно за них. Очень мерзко от этой ситуации.

@user-mt1gq4du7j Вот уж противно от этих извинений. .... конкретно. Гомофобы – одни из самых мерзких существ в этом мире. Извиняться перед ЭТИМИ за задетое чувство ненависти к другим людям – худшее, что можно было сделать. Раз взялись за что-то хорошее – надо было отстаивать до конца» (7).

К бойкоту подключились тиктокеры.

«Уважаемое руководство «ВкусВилл», генеральный директор, если ваша компания считает самых незащитных людей «ошибкой», то таких как я – людей, которые им сочувствуют, ваша компания больше не увидит. Я возвращаю ваши продукты назад» (8).

Обсуждение результатов

Начиная исследовать явление культуры отмены с точки зрения критики, мы были уверены, что главной особенностью кэнселлинга является нарушение стандартов рациональности, которое выражается в эмоциональности, импульсивности, нарушении последовательности и связности рассуждения [Барбина, 2022]. Однако сейчас мы убеждаемся, что это не так. На первый взгляд, эти особенности, безусловно, являясь аргументативными пороками, отдалают отмену от идеалов критики. Но, во-первых, как показывают вышеприведенные реконструкции, суждения, содержащие критику, очень точно идентифицируют ошибки аргументации, как логико-категориальные, типа неправильной аналогии, так и ошибки особого случая в виде уловок и манипуляций. То есть, если считать, что рациональность – это способность критически мыслить и анализировать информацию, то примеры показывают рациональную критику.

Во-вторых, действительно, в критических суждениях мы видим пейоративную лексику. Однако и это не является главной особенностью так называемой культуры отмены. Ниже мы приведем фрагмент критики, написанной в редакцию газеты «Куранты» задолго до появления этой новации:

«Я бывший сын “врага народа”, бывший фронтовик – инвалид ВОВ, бывший разработчик электронной аппаратуры предприятий МРП и МЭП, бывший сторонник Президента Горбачева... И как бы мне не стать бывшим человеком! Противно смотреть наше ТВ, еще противнее читать большинство газет и журналов. Противно заходить в пустые магазины и бегать в поисках мяса или картошки.

Стало противно жить в нашей противной стране, которой отдана вся жизнь, все способности, работа и надежды!

Лев Теплов.

1991.05.07. (Опубликовано)» (9).

Как видим, пример содержит крайне негативную оценку и порицание.

В-третьих, с точки зрения логических стандартов, рациональный критик в кейсе с компанией ВкусВилл должен был бы ответить примерно таким образом:

@user-tl8bx6mg6s Какая разница кого они поддерживают? Самое главное качество их продуктов! Мир сошел с ума.

Однако таких комментариев в Сети единицы. Текст-стимул представляет собой пример «практической аргументации» (в терминах Е. Н. Лисанюк [Лисанюк, 2018, с. 14]), которая отвечает на вопросы, какими ценностями и нормами следует руководствоваться и почему. Те высказывания, в которых авторы-критики пытаются установить объективную истину, не набирают положительных комментариев и не находят последователей.

Считаем, что главным ориентиром современной критики является *приемлемость ценностей*. Вглядываясь в то, что человек утверждает или критикует, можно увидеть мир, в котором он живет. Пример с двойной отменой компании показывает реальную картину в отношении приемлемости традиционных ценностей. Вторая особенность – это фактура интернет-коммуникации, емкие фразы и семантическая компрессия, обусловленные фактором компрессии времени, а также моментальное распространение информации объясняют чрезвычайно высокий мобилизирующий потенциал современной критики. Если сравнить пример в виде фрагмента письма с критикой государства, нашедшего своего читателя лишь через 30 лет в книге главного редактора, решившего опубликовать не вошедшие в последний номер письма перед закрытием газеты, то объект критики в современном обществе становится в центре внимания обсуждений во всевозможных сетях, тогда как ранее критика была исключительным явлением, ограниченным небольшим кругом лиц.

Заключение

Безусловно, существуют такие объекты, по отношению к которым в обществе сложился бессрочный консенсус, и они никогда не оказываются предметом споров. Другие объекты критикуются, причем критика эта может принимать разные формы. Реконфигурация дискурсивной практики критики представляет собой динамический процесс изменения способов и форматов ее представления. Рассмотренное в статье явление показывает, что те особенности критики, которые ранее были на периферии ее понимания как конструктивного явления (рабулистика, например), стали играть более значимую роль.

В заключение подчеркнем, что не имеет смысла спорить о том, допустимо это явление или нет. Следует как можно глубже и отчетливее понять, как работает современная критика, что может прояснить многие вопросы современного миропорядка, который сейчас складывается.

Литература:

- Барбина Н. С. Моделирование категории рациональности критики в культуре отмены // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK322.pdf>
- Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 14–26. DOI 10.24334/KBSU.2021.1.1.002
- Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
- Вайсман Д. Времени в обрызг: ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2022. 304 с.
- Дашинаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурят. гос. ун-та. Серия: Философия. 2021. № 1. С. 19–24.
- Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: Ленанд, 2021. 272 с.

- Медведева А. В. Содержательная емкость понятия «критика» в англоязычной коммуникации (на материале современного английского языка) // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 2. С. 436–440.
- Мещерякова Н. Н. Теория и практика современной критики (о книге “A Time for Critique”) // Политические исследования. 2021. № 2. С. 171–179.
- Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 34–37.
- Тимофеева Д. О. Публичная критика как средство предупреждения насилия в обществе // Политическая наука, 2020, № 3. С. 114–146.
- Тулчинский Г. Л. Междисциплинарный потенциал социальной семиотики и антропология цифровизации // Социальная семиотика: точки роста. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 12–17
- Harcourt B. E. Critique and Praxis: A Critical Philosophy of Illusions, Values, and Action. N. Y.: Columbia University Press, 2020. 684 p.
- Walton D. Dialog Theory for Critical Argumentation. Amsterdam: John Benjamins, 2007. 307 p.

Источники:

- Скандал вокруг рекламы «Вкусвилла» с лесбийской парой: хронология событий и реакция в соцсетях // Spltnk. 5 июля 2021 г. URL: <https://spletnik.ru/102227-skandal-vokrug-vkusvill-s-lesbiyskoj-paroj-khronologiya-reakciya-99281> (дата обращения 13.10.2023).
- «В магазин ни ногой»: «ВкусВилл» грозят бойкотом из-за ЛГБТ-рекламы. URL: https://www.youtube.com/watch?v=n54Bf4zi_p0 (дата обращения 13.10.2023).
- Все обсуждают рекламу ВкусВилл с ЛГБТ-семьей // Flow. 5.07.2021 г. URL: <https://the-flow.ru/news/vse-obsuzhdayut-reklamu-vkusvill-s-lgbt-semej> (дата обращения 13.10.2023).
- «Любящие нас люди»: «ВкусВилл» показал квир-семью в тематическом промо // Sostav. 1.07.2021 г. URL: <https://www.sostav.ru/publication/vkusvill-pokazal-kvir-semyu-v-promo-kodnyu-rozhdeniya-49226.html> (дата обращения 13.10.2023).
- «В магазин ни ногой»: «ВкусВилл» грозят бойкотом из-за ЛГБТ-рекламы. URL: https://www.youtube.com/watch?v=n54Bf4zi_p0 (дата обращения 13.10.2023).
- «В магазин ни ногой»: «ВкусВилл» грозят бойкотом из-за ЛГБТ-рекламы. URL: https://www.youtube.com/watch?v=n54Bf4zi_p0 (дата обращения 13.10.2023).
- Билык К. Тиктокеры присоединились к бойкоту «ВкусВилла», фаундеры в Facebook заступились за сеть // RB.RU. – 6.07.2021 г. URL: <https://rb.ru/news/vkusvill-boycott-and-support/> (дата обращения 13.10.2023).
- Панков А. С. Письма из 90-х с надеждой и разочарованием. М.: Перо, 2018. 356 с.

References:

- Barebina N. S. Modelirovanie kategorii ratsional'nosti kritiki v kul'ture otmeny [Modeling the category of rationality of criticism in the culture of cancellation]. *Mir nauki. Sociologija, filologija, kul'turologija* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 2022. Vol. 13. No. 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK322.pdf> (in Russ.)
- Bykov I. A., Ahmedova Ju. D. Kul'tura otmeny v politicheskom diskurse sovremennoj Rossii [Cancel culture in the political discourse of modern russia]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovaniye. Slovesnost'* [Bulletin of Kabardino-Balkarian State University: Journalism. Education. Literature], 2021. Vol. 1, no. 1, Pp. 14–26. DOI 10.24334/KBSU.2021.1.1.002 (in Russ.)

- Bylevskiy P. G., Tsatskina E. P. Fenomenologicheskii analiz yavleniya «kul'tura otmeny» [Phenomenological Analysis of the Notion “Cancel Culture”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2022. Iss. 2 (857). Pp. 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162 (in Russ.)
- Vaysman D. *Vremeni v obrez: uskorenie zhizni pri tsifrovom kapitalizme* [Time is Running Out: Accelerating Life Under Digital Capitalism]. M., Publishing house “Delo”, 2022. 304 p. (in Russ.)
- Dashinimaev G. Yu. Cancel culture kak novaya sotsial'naya real'nost' [Cancel culture as a new social reality]. *Vestnik Buryat. gos. un-ta*. [Bulletin of Buryat University. Philosophy], 2021. No 1. Pp. 19–24. (in Russ.)
- Issers O. S. *Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [Discursive Practices of Our Time]. Moscow, Lenand, 2021. 272 p. (in Russ.)
- Medvedeva A. V. Soderzhatel'naya emkost' ponyatiya «kritika» v angloyazychnoy kommunikatsii (na materiale sovremennoy angliyskogo yazyka) [Content Capacity of the Concept of “Criticism” in English-language Communication (based on the material of modern English)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. 2011. Vol. 16. No. 2. Pp. 436–440. (in Russ.)
- Meshcheryakova N. N. Teoriya i praktika sovremennoy kritiki (o knige “A Time for Critique”) [Theory and Practice of Modern Criticism (about the book “A Time for Critique”)]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies]. 2021. No. 2. Pp. 171–179. (in Russ.)
- Subbotina M. V. Kul'tura otmeny: proyavlenie sotsial'noy spravedlivosti ili novyy instrument manipulyatsii [Cancel Culture: a Manifestation of Social Justice or a New Tool of Manipulation]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy]. 2022. No. 3. Pp. 34–37 (in Russ.)
- Timofeeva D. O. Publichnaya kritika kak sredstvo preduprezhdeniya nasiliya v obshchestve [Public criticism as a means of preventing violence in society]. *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2020. No 3. Pp. 114–146.
- Tul'chinskii G. L. *Mezhdistsiplinarnyy potentsial sotsial'noy semiotiki i antropologiya tsifrovizatsii* [Interdisciplinary Potential of Social Semiotics and the Anthropology of Digitalization]. *Social'naya semiotika: točki rosta*. [Social Semiotics: Points of Growth]. St. Petersburg, Skifia-print, 2020. pp. 12–17 (in Russ.)
- Harcourt B. E. *Critique and Praxis: A Critical Philosophy of Illusions, Values, and Action*. N. Y., Columbia University Press, 2020. 684 p.
- Walton D. *Dialog Theory for Critical Argumentation*. Amsterdam, John Benjamins, 2007. 307 p.

Бахарева Е. Д.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЖАРГОН КАК СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ

Статья посвящена исследованию Интернет-жаргона и его влиянию на грамотность населения. Сеть Интернет стала средством общения для многих людей. Тексты пишутся «на бегу» и выглядят примерно одинаково: без знаков препинания, часто без прописных букв, с многочисленными сокращениями и опечатками. Помимо этого, Интернет-жаргонизмы под влиянием моды стали проникать в повседневную речь людей. Сетевой язык превратился из модного течения в стиль повседневного общения.

Ключевые слова: жаргон, Интернет, коммуникация, язык, стандартный русский язык, общение, речевая модель

Bakhareva E.

Volgograd State Pedagogical University

JARGON AS WORDCRAFT IN INTERNET COMMUNICATION

The article is devoted to the study of Internet jargon and its impact on the literacy of the population. The Internet has become a means of communication for many people. Texts are written “on the run” and look approximately the same: without punctuation marks, often without capital letters, with numerous abbreviations and typos. In addition, Internet jargonisms under the influence of fashion began to penetrate into people’s everyday speech. Online language has turned from a fashionable trend into a style of everyday communication.

Keywords: jargon, Internet, communication, language, standard Russian language, interaction, speech model.

Являясь неотъемлемой частью жизни человека, язык выполняет следующие функции: коммуникативная, когнитивная, или гносеологическая, и аккумулятивная. Из-за того, что человеку в течение дня приходится часто переключаться между разными речевыми моделями, язык вынужден постоянно меняться и адаптироваться под современные реалии общения. Однако коммуникация строится не только в формате личного общения и его новой формой стало Интернет-общение. Интернет-коммуникация – это способ общения, при котором передача информации происходит по каналам Интернет с использованием стандартных протоколов обмена и представления информации, которая представлена различными способами, такими как: голосовые сообщения, видеосообщения, различные документы, обмен мгновенными сообщениями, отправка различных файлов, и другие. Интернет-общение понимается как когнитивно-семантическое явление, и связывается оно с адресованностью, ментальными схемами, сценариями, фреймами, то есть с различными моделями репрезентации общения в сознании. Адресованность Интернет общения обычно воспринимается как первичное свойство, которое присуще высказыванию и тексту в целом. Семантика адресованности многослойна, она включает фатичность, персональность, интеррогативность, оценочность [Шмаков, 2014, с.11].

Среди особенностей Интернет-общения выделяют следующие: анонимность, отсутствие видимых эмоций, ответных реакций, невозможность понять реальное настроение собеседника и другие. Так, Т. Ю. Виноградова [Виноградова, 2004, с. 64] выделяет:

1. Своеобразное протекание процессов межличностного восприятия, заключающееся в сильном влиянии стереотипизации, идентификации, установки на ожидание желаемых качеств партнера;
2. Анонимность, подразумевающую снижение психологического и социального риска, что в свою очередь приводит к ненормативности общения. Помимо этого, выделяют «языковую личность». Это значит, что в Интернете человек может стать кем он захочет, так как на восприятие легко повлиять.
3. Затруднение эмоциональности общения – не видя реальной эмоции собеседника можно неверно интерпретировать его сообщение. При этом эмоциональность достигается за счет использования смайликов, восклицательных знаков и т. п.;
4. Стремление к атипичному и ненормативному общению по причине снижения социального контроля. Отсюда вытекает проблема повышенного использования Интернет-жаргонизмов.

Также при общении в Интернете возникают коммуникативные сбои [Мун, 2009, с 32]. К трудностям восприятия собеседников и организации их образа приводит отсутствие эмоций и ответных поведенческих реакций.

О. А. Гулевич [Гулевич, 2007, с. 236] выделяет следующие психологические особенности Интернет-коммуникации:

1. Разорванность, мозаичность коммуникации. Участники коммуникации совершают короткие коммуникативные акты;
2. Специфический этикет общения, сильно отличающийся от общепринятого;
3. Высокая эмоциональность общения. Пользователи часто прибегают к использованию слов и знаков, обозначающих эмоции. Таким образом можно преодолеть вербальный барьер, который препятствует расшифровке эмоционального состояния виртуального собеседника.
4. Потеря ощущения времени, погруженность в деятельность, чувство контроля над ситуацией, смена объекта деятельности. Однако вкупе с этим, появляется чувство постоянной нехватки времени, проведенного в Интернете. Это в свою очередь негативно сказывается на эмоциональном и психическом состоянии Интернет пользователя.

Главная особенность Интернет-общения – это краткость и лаконичность. Достичь высокой скорости обмена информацией можно за счет использования сокращений и заимствований из иностранных языков. Однако в современном Интернет-общении сложился феномен так называемого «словопорчества» – нарочито ошибочное написание слов, полное игнорирование правил грамматики и пунктуации. В данной статье мы рассмотрим понятие «жаргон», а также определим каким образом жаргон влияет на речь и грамотность в целом.

Рассмотрим понятие жаргон. Так, О. С. Ахманова [Ахманова, 2007, с. 150] в «Словаре лингвистических терминов» предлагает несколько вариантов понятия: 1. Разговорный вариант профессиональной речи, который доступен только людям из определенной сферы. 2. Элементы разговорного варианта той или другой профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или в речь людей, приобретают в этих разновидностях языка

особую эмоционально-экспрессивную окраску. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 2008, с. 341] дано следующее определение жаргона: жаргон – это речь какой-либо социальной или объединенной общими интересами группы, содержащая много слов и выражений, отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных. Так, в энциклопедическом словаре приведено следующее значение: жаргон, разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией, особым использованием словообразовательных средств. Применяется преимущественно в устном общении какой-либо устойчивой социальной группой (жаргон программистов, молодежный жаргон). Иногда термин «жаргон» используется для обозначения искаженной, неправильной речи.

Необходимо отметить, что специфика жаргона заключена непосредственно в лексике. Жаргонизмы заключают в себе специальный смысл, отличаются по форме от общепринятого стандартного русского языка.

Соответственно Интернет-жаргонизмы – это нестандартная или неофициальная форма языка, используемая людьми в Интернете для общения друг с другом. Жаргон служит эмфатизатором в высказывании – благодаря наличию жаргонизма оно становится более эмоциональным и ярким. Таким образом можно понять эмоцию собеседника. Помимо этого, жаргон служит неким опознавательным знаком, что человек знаком с интернет культурой. Во многом русский Интернет-жаргон представлен заимствованиями из разных языков, чаще всего из английского. Такая ситуация сложилась из-за того, что большая часть контента в Интернете публикуется на английском языке. Еще одной причиной может являться отсутствие некоторых понятий в русском языке, а также мощным источником неологизмов являются компьютерные игры или другой онлайн контент.

Условно мы выделили следующие типы Интернет-жаргона:

- Сокращения – спс от спасибо;
- Заимствования – баттл (англ. battle) – состязание, лук (англ. look) – образ;
- Замена букв или нарочитые ошибки в написании – наmano, деффчонки;
- Написание по произношению – харашо,
- Использование значков вместо букв.

С помощью сокращений и заимствований можно более ёмко выразить мысль, не тратя время на написание длинного сообщения. В целом, Интернет-жаргон можно обозначить как симбиоз письменной и устной формы русского языка – благодаря этому достигается скорость и лаконичность общения и при этом нет смысловых потерь.

Н. В. Виноградова [Виноградова, 2001, с. 6] предлагает классификацию, в которой отражается возникновение жаргонизмов в языке.

К первой группе относится прямая транслитерация английского слова при сохранении основного значения лексемы. Например, баг (от англ. «bug») – ошибка в программе.

Ко второй группе относятся примеры, связанные с фонетическим и грамматическим искажением. В данном случае происходит своеобразная «русификация» или локализация оригинала. Сюда можно отнести многочисленные глаголы с английской транслитерированной основой и русскими грамматическими показателями. Например, «заюзать», «зазиповать», «заигнорить», «пофиксить» и т.д.

Третью группу представляют слова, имеющие омонимы в составе литературного языка. К этой группе можно отнести следующие разновидности: русские слова, выбранные по подобию английским оригиналам; группа слов, которая приобрела новое значение в результате переосмысления существующей лексемы. К этой группе, во многом, относится лексика, связанная с техникой или компьютерными программами. Например, блин – компакт-диск, железо – внутренние составляющие компьютера и тому подобное.

Четвертая группа слов – это акронимы. Это английские по происхождению и по способу образования сложносокращенные слова, но еще не прижившиеся в русском языке. Например, P. S. (post scriptum) – З. Ы. Аббревиатура создана по аналогии с расположением букв на клавиатуре. Также иногда в русскоязычном сегменте Интернета можно встретить вариант «Пы. Сы.», который имитирует звуковую оболочку оригинальной аббревиатуры.

Как мы видим жаргонизмы оказывают огромное влияние на язык, привнося разнообразие. Однако такого рода развитие имеет негативные результаты. Если раньше Интернет-жаргонизмы использовались исключительно в целях онлайн общения, то сейчас стали активно входить в повседневную речь. В устной речи стали употребляться нарочито неправильно произнесенные слова, обилие заимствований, сокращений. В обществе значительно снизилась культура речи. Наоборот, в Интернет-пространстве чаще всего высмеивают людей, которые пишут грамотно. В современном обществе появилась «мода» на использование видоизмененных слов. Особенно остро это проявляется в речи молодежи.

В письменном варианте также произошли изменения – появилась популярность написания слов с намеренными ошибками. Такого рода выражения очень быстро закрепляются в употреблении. Это в свою очередь оказывает влияние на грамотность населения. Со временем граница между Интернет-коммуникацией и грамотным русским языком может полностью исчезнуть. Многие дети начинают пользоваться Интернетом в раннем возрасте и, соответственно, они впитывают именно язык Интернет-коммуникации.

Острым остается вопрос почему на просторах Интернета грамотность уходит на второй план. Хотя изначально целью жаргона было упростить общение в интернете и сделать его более быстрым, это не подразумевало отмену соблюдения грамматики и знаков препинания. Тексты, которые создаются в Интернете очень спонтанны и подвержены влиянию разговорной речи. Язык становится не только средством общения, но и средством создания новой реальности. Участники виртуального общения становятся творцами не только самого виртуального пространства, но и языка, на котором происходит общение.

По сравнению с стандартным литературным русским языком, пласт, так называемого, Интернет-языка более подвижен – быстрее закрепляются новые слова и выражения. Интернет-жаргон является новым, юмористическим и интересным, и он обладает качествами, привлекающими внимание. Напротив, литературный язык более надежен, чем нелитературный язык [Смирнов, 2006, с. 146]. Литературный язык более устойчив и меньше подвергается различным влияниям извне. Быстрота закрепления жаргонизмов связана с распространением таких слов в Интернет-общении. Во многом влиянию жаргона подвержена молодежь. Молодые люди начинают повторять слова, которые они увидели на просторах Интернета, таким образом показывая, что они вписываются в коллектив, и они тоже «в теме». Использование жаргона помогает чувствовать принадлежность к той или иной группе. Однако жаргонизмы не задерживаются долго в языке, так как их употребление зависит от того, что в данный момент пользуется популярностью в Интернете. Всплеск неологизмов может быть спровоцирован выходом нового сериала, онлайн игры или другого вида онлайн-контента.

Мы решили обратиться к статистике и результаты оценок, полученных участниками в рамках проекта «Тотальный диктант». Мы взяли статистику за 2022 и 2023 года. Всего в мероприятии приняли участие более чем 780 тысяч человек. Из них результат «отлично» был у 7% участников. В 2023 году в Тотальном диктанте приняло участие около миллиона человек и более 10% участников справились с диктантом на «отлично». Для сравнения приведем результаты «Тотального диктанта» за 2016 год – тогда полностью без ошибок с заданием справились всего 1-2% участников (всего приняли участие 150 тысяч человек). Из приведенной выше статистики можно сделать вывод, что грамотность населения возрастает с каждым годом.

Результаты опроса населения ВЦИОМ о том, как респонденты (2000 человек) сами оценивают свое знание русского языка, следующие: около 12% населения считают, что их знание языка можно оценить, как «отличное», примерно 50% оценивают свои знания «хорошо». На «удовлетворительно» свои знания оценивает каждый третий (35%) опрошенный, еще 2% – на «плохо».

Мы решили разработать собственный опросник и провести исследование. Наш тест состоял из 15 вопросов и содержал задания на правильную расстановку запятых, постановка ударений и правописание. В нашем опросе приняли участие 122 студента 3 и 4 курсов. По результатам опроса мы получили следующие результаты: 12% студентов справились с заданием идеально, не допустив ни одной ошибки. Оценку «хорошо», допустив 2-4 ошибки, получили 68% респондентов. 15% респондентов допустили 5-7 ошибок и получили оценку «удовлетворительно». Оставшиеся 5% респондентов справились с заданием неудовлетворительно, допустив более 8 ошибок. Проанализировав результаты, мы пришли к выводу, что чаще всего допускались ошибки в пунктуации и правописании. В целом, мы считаем, что результат неплохой.

По результатам исследования статистики «Тотальных диктантов» и нашего опросника, мы пришли к выводу, что грамотность населения, в целом, держится на хорошем уровне и даже возрастает по сравнению с прошлыми годами. Интернет-жаргонизмы, несомненно, влияют на речь человека в негативном ключе – появляется много так называемых «слов паразитов», заимствований, исковерканных слов. Однако сейчас Интернет-жаргон можно назвать отдельным языком – с его помощью люди чувствуют себя частью группы, жаргон упрощает общение, делает его более эмоциональным, что помогает донести до собеседника свои чувства.

В заключении мы хотим подчеркнуть, что Интернет-жаргонизмы действительно негативно влияют на состав устной речи, привнося в неё заимствования. Но по результатам нашего исследования и по анализу оценок «Тотального диктанта», мы можем с уверенностью сказать, что большинство людей все же обеспокоены качеством русского языка, и присущий Интернет-общению стиль, остается преимущественно на его просторах.

Литература:

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. Москва: КомКни га, 2007. – 571 с.
- Бородулин В. И. Иллюстрированный энциклопедический словарь: (Малый) / Москва: ОНИКС, 2000. - 1038 с.
- Виноградова Н. В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам. Корейская ассоциация славистов, Сеул, 2001 – 6 с.
- Виноградова Т. Ю. Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63–67.

- Голованова Е. С. Влияние интернет-сленга на речевую культуру современной молодежи // Юный ученый. 2019. № 3 (23). С. 1-3. URL: <https://moluch.ru/young/archive/23/1409/>. (дата обращения: 23.10.2023)
- Гулевич О. А. Психология коммуникации. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.
- Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.
- Костенко Е. В. Компьютерный и интернет-сленг. // URL: <http://www.fa.ru/science/studevents/mnsk/V/Научное%20направление%20международных%20экономических%20отношений/Русский%20язык/Костенко%20Е.В.pdf>. (дата обращения: 21.10.2023)
- Лихолитов, П. В. Компьютерный жаргон // Русская речь. М., 1997. – № 3. – С. 15–21.
- Мун Л. Н. Синтез искусств как системообразующий фактор художественного образования: Автореф. дис. д-ра пед. наук. М., 2009. 54 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка, Издательство: ИТИ Технологии, 2008 г. – 944 с.
- Смирнов Ф. О. «Искусство общения в интернете. Краткое руководство». Научно-популярное издание. М.: Издательский дом Вильямс, 2006.
- Тихтievская, М. А. Сетевой жаргон и его роль в актуализации инофона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. – № 12(66). – Ч. 2. – С. 175–177.
- Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. ... канд. филол. наук. – Л., 1980. – 168 с.
- Шмаков А. А., Бытие текста с обращением в интернет-коммуникации (на мат. русскояз. блогов и форумов): автореф. дис. на с. уч. ст. канд. филол. н. - Омск, 2014. - 23 с.
- РИА новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20220511/diktant-1787880043.html> (дата обращения: 20.10.2023).
- ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5262940> (дата обращения: 22.10.2023).

References:

- Ahmanova O. S. Slovar` lingvisticeskikh terminov. – 4-e izd., ster. – Moskva: KomKniga, 2007. – 571 s.
- Borodulin V. I. Illyustrirovanny`j e`nciklopedicheskij slovar`: (Maly`j) / Moskva: ONIKS, 2000. - 1038 s.
- Vinogradova N. V. Komp`yuterny`j sleng i literaturny`j yazy`k: problemy` konkurencii // Issledovaniya po slavyanskim yazy`kam. Korejskaya associaciya slavistov, Seul, 2001 – 6 s.
- Vinogradova T. Yu. Russkaya i sopostavitel`naya filologiya: lingvokul`turologicheskij aspekt. Kazan`, 2004. – S. 63–67.
- Golovanova E. S. Vliyanie internet-slenga na rechevuyu kul`turu sovremennoj molodezhi // E. S. Golovanova. S. 7-9 URL: file:///C:/Users/%D0%A1%D0%A1%D0%A1/Downloads/yun_23_m8006MP.Pdf
- Gulevich O. A. Psixologiya kommunikacii. M.: Moskovskij psixologo-social`ny`j institut, 2007. 384 s.
- Zherebilo, T. V. Slovar` lingvisticheskix terminov / T. V. Zherebilo. – Nazran`: ООО «Piligrim», 2010. – 486 s.
- Kostenko E. V. Komp`yuterny`j i internet-sleng. S. 1-5. URL: <http://www.fa.ru/science/studevents/mnsk/V/Научное%20направление%20международных%20экономических%20отношений/Русский%20язык/Костенко%20Е.В.pdf>. (accessed: 21.10.2023)

- Lixolotov, P. V. Komp'yuterny`j zhargon // Russkaya rech`. M., 1997. – № 3. – S. 15–21.
- Mun L. N. Sintez iskusstv kak sistemoobrazuyushhij faktor xudozhestvennogo obrazovaniya: Avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. M., 2009. 54 s.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka, Izdatel'stvo: ITI Texnologii, 2008 g. – 944 s.
- Smirnov F. O. «Iskusstvo obshheniya v internete. Kratkoe rukovodstvo». Nauchno-populyarnoe izdanie. M.: Izdatel'skij dom Vil'yams, 2006. – 240 s.
- Tihtievskaya, M. A. Setevoy zhargon i ego rol` v aktualizacii inofona // Philology. Theory & Practice. Tambov: Gramota, 2016. – № 12(66). – Ch. 2. – S. 175–177.
- Homyakov, V. A. Nestandartnaya leksika v strukture anglijskogo yazy`ka nacional'nogo perioda: avtoref. kand. filol. nauk / V. A. Homyakov. – L., 1980. – 168 s.
- Shmakov A. A., By`tie teksta s obrashheniem v internet-kommunikacii (na mat. russkoyaz. blogov i forumov): avtoref. dis. na s. uch. st. kand. filol. n. - Omsk, 2014. - 23 s.
- RIA novosti: [site]. URL: <https://ria.ru/20220511/diktant-1787880043.html> (accessed: 20.10.2023).
- TASS: [site]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5262940> (data obrashheniya: 22.10.2023).

Бедрина И. С.

Уральский государственный юридический университет

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена вопросам преподавания юридического перевода в Уральском государственном юридическом университете в рамках программы дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»: определение юридического перевода, классификация юридических текстов, критерии и принцип отбора учебного материала, цель и задачи обучения, формирование переводческого мышления и переводческой компетенции.

Ключевые слова: юридический перевод, юридические тексты, параюридические тексты, техника перевода, переводческое мышление, переводческая компетенция

Bedrina Irina S.

Ural State Law University

LEGAL TRANSLATION IN LINGUODIDACTIC ASPECT

The article deals with the problems of teaching legal translation within the framework of the programme “Interpreter in the Sphere of Professional Communication” in the Ural State Law University: definition of legal translation, classification of legal texts, criteria and the principle of selecting the teaching material (texts for translation), the aim and tasks of teaching, forming translation thinking and translation competence.

Keywords: legal translation, legal texts, paralegal texts, technique of translation, translation thinking, translation competence

Обучение юридическому переводу в УрГЮУ целенаправленно осуществляется в рамках программы дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» [Бедрина, 2023], хотя с различными аспектами юридического перевода в разной степени знакомятся и студенты, обучающиеся по основным образовательным программам в рамках дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык в сфере юриспруденции» [Бедрина, 2022]. Все учебные материалы (научные тексты, видео и аудио курсы, тексты юридических документов и т.д.) так или иначе связаны с правовой материей, поэтому проблемы юридического перевода актуальны для всех видов и уровней образования.

Значимость права, которое пронизывает всю нашу жизнь и является неотъемлемым, важным, масштабным компонентом нашей культуры, трудно переоценить. Всеохватность права обуславливает исключительно важную роль юридического перевода, которому надо специально обучать. Юридический перевод требует от переводчика очень многого: высокого уровня владения родным и иностранным языком, адекватной переводческой стратегии и овладения профессиональной техникой перевода, обширного и актуального лингвоправового тезауруса, постоянного интеллектуального напряжения и развития, богатого культурного багажа, аналитического «поискового» мышления и умения работать с большим объемом информации

для проверки адекватности и эквивалентности вариантов в тексте перевода в сравнении с исходным текстом. Очень трудно преуменьшить ответственность переводчика, особенно если он переводит тексты документов, которые предусматривают и влекут определенные юридические последствия (исковое заявление, тендерная заявка, доверенность, претензия, учредительные и регистрационные документы юридических лиц, экспертное заключение, нормативно-правовой акт, судебное решение, нотариальное свидетельство, дарственная, выписка из реестра, договор, дополнительное соглашение, протокол о намерениях и т.д.). При этом курс юридического перевода не выделяется в отдельную дисциплину в университетских программах подготовки переводчиков.

Качественное обучение предполагает четко сформулированные цели и задачи, определение основных дидактических и методических принципов, многообразие учебного материала и определение критериев его подбора, высокий уровень переводческой компетентности преподавателя, профессионализацию процесса обучения в целом и профессиональное представление о переводческой деятельности.

Что такое юридический перевод? Разумеется, любой перевод является коммуникацией, точнее, межкультурной коммуникацией, поскольку право глубоко укоренено в национальной культуре. Юридический перевод всегда представляет собой перевод из одной правовой системы в другую. Как отмечает Ж.-К. Жемар, «юридический перевод есть всегда акт сравнительного правоведения плюс собственно переводческая операция, а переводчик, подобно юристу-компаративисту, занимается толкованием текста, хотя и с иными, нежели юрист, целями и иными способами» [Gémar, 2015, p.481]. Минималистическое определение юридического перевода, данное Д. Н. Шлепневым, выглядит очень просто, но вполне адекватно отражает переводческую действительность: «юридический перевод есть перевод юридических текстов» [Шлепнев, 2017, с.175].

Какие тексты являются юридическими? Является ли юридическим учебный текст о системе законодательных органов в Великобритании? Являются ли юридическими однотипные обзорные тексты о правовом устройстве различных стран? Каковы критерии отнесения текстов к юридическим?

На занятиях по практике профессионально-ориентированного перевода будущих юристов-переводчиков мы читаем и переводим разные тексты, в том числе, например, газетные или журнальные статьи, посвященные праву или конкретным правовым вопросам (н-р, конкретному уголовному или гражданскому делу в конкретной стране). Являются ли такие тексты юридическими или их нужно отнести к текстам параюридическим? В переводческих компаниях к юридическим текстам относят главным образом юридические документы, поскольку в переводческие агентства клиенты чаще всего обращаются именно с переводом документов.

Определение критерия(ев) отнесения текста к категории юридических текстов позволило бы не только отделить юридические тексты от других текстов правовой тематики, но и выделить различные типы (жанры) юридических текстов. Такое определение должно опираться на юрислингвистический и переводческий подходы. Д. Н. Шлепнев определяет юридические тексты следующим образом: «юридические (правовые) тексты – это тексты разных жанров в различных коммуникативных ситуациях, общим для которых является их институциональное отношение к созданию, реализации и разъяснению права» [Шлепнев, 2017, с.175].

Опираясь на это определение (институциональное отношение – важнейший параметр!), возможно грамотно и максимально адекватно отобрать учебный материал к курсу юридического перевода. Кроме этого, необходимо учитывать общие требования к подбору текстов:

максимально широкий охват юридического дискурса, аутентичность и актуальность, репрезентативность различных жанров. Тексты должны также отбираться с учетом того, что их будет переводить, а не обсуждать, например. Это должны быть тексты для обучения именно переводу, и здесь основная роль отводится преподавателю перевода: профессионализм преподавателя заключается в определении дидактической ценности текста для перевода.

Какие юридические тексты мы переводим со студентами на занятиях по практическому курсу профессионально-ориентированного перевода? Это нормативно – правовые акты разных уровней (законы, постановления исполнительной власти, международные договоры, нормативные акты международных организаций, конституции, подзаконные акты и т.д.); тексты судебных решений, процессуальные документы и документы правоохранительных органов (заявления о преступлении, исковые заявления, жалобы, постановления о возбуждении дела, протоколы допросов и судебные протоколы); монографии и статьи по правовым проблемам; корпоративные документы (устав, локальные акты, регламенты); тексты частных юридических актов (договоры, доверенности, расписки, завещания); различные индивидуальные документы (свидетельства о рождении, о браке, справки, сертификаты, дипломы и т.д.). Все эти тексты имеют институциональное отношение к созданию, реализации и разъяснению права.

Помимо вышеперечисленных категорий текстов я отбираю в качестве учебного материала для перевода и некоторые параюридические тексты, особенно на начальном этапе обучения юридическому переводу. Это прежде всего тексты СМИ на юридическую тематику и публицистические выступления юристов, в которых широко представлена юридическая терминология и отражен юридический узус. В этих текстах обычно содержится актуальная и крайне полезная для профессионального образования и развития будущих юристов информация. Так, например, текст “Resolution in a Neutral Forum” (Financial Times) о международном коммерческом арбитраже был очень информативным, поскольку в рамках основного образования они еще не приступали к изучению арбитражного права и процесса. Значительный объем новой лексики, причем в виде связанных словосочетаний, а не отдельных слов, плюс множество переводческих проблем, решение которых потребовало обращения и к трансформационному, и интерпретационному методам перевода. Или текст “Court to Hear Key Case on Discrimination” (Financial Times) о рассмотрении Верховным Судом США крайне сложного дела о дискриминации, который помимо новой информации по квалификации действий работодателя как вопиющей дискриминации, предоставил будущим юристам возможность провести сравнительное исследование данной юридической проблемы в двух правовых системах двух стран. Газетный текст значительно расширил юридический кругозор студентов, заставил обратиться к указанным в нем законодательным актам и определить новые юридические категории и понятия, не существующие в российской правовой системе (egregious discrimination, punitive damages). Особая благодарность автору за демонстрацию многих переводческих проблем: от различного рода дирем с подлежащими разных видов до сложных с точки зрения коммуникативной перспективы высказываний.

Какова цель обучения юридическому переводу будущих юристов? Понимая, чему надо обучать, легче сформулировать цель курса теории и практики перевода: «сформулировать верное представление о специфике юридического перевода, структуре и взаимосвязи его проблем и о возможных путях их решения для производства качественного продукта;<...> научиться принимать ответственные обоснованные стратегические (глобальные) и тактические (локальные, частные) решения, приемлемые для данных материалов в данных ситуациях» [Шлепнев, 2020, с.428].

Главная задача – обучение технике перевода, алгоритму работы с юридическим текстом любой сложности и любого жанра. И главная проблема здесь даже не терминологическая, хотя

юридическая терминология несомненно отражает многие переводческие проблемы. Главная проблема состоит в том, что перевод осуществляется из правовой реальности одной страны в правовую реальность другой страны. Даже в странах, принадлежащих к одной правовой семье, наблюдаются существенные различия, не говоря уже о различиях в правовых системах стран, принадлежащих к разным правовым семьям. Правовая система Великобритании и правовые системы других англоязычных стран отличаются от правовой системы России. Данное различие порождает большинство переводческих проблем, и терминологические проблемы предопределяются экстралингвистическими факторами. Поэтому в юридическом переводе крайне важна работа с дополнительными информационными ресурсами, причем не только в лингвистическом плане, но прежде всего – в плане содержательном. Словаря здесь явно недостаточно, тем более, что в словаре могут вообще отсутствовать терминологические эквиваленты: их нужно искать, формулировать, анализировать на предмет адекватности и точности. Существующие же термины могут искажать содержание и объем понятия (явления), о котором идет речь в исходном тексте. Как и в любом виде перевода, переводятся не слова, а мысль, но в юридическом переводе несовпадение юридических реалий усложняет перевод в разы и заставляет студента обращаться за дополнительной информацией к самым разнообразным источникам, включая иноязычных специалистов (если таковые имеются). Юридический перевод предполагает наличие хотя бы базовых знаний в области правовой материи и постоянное их приумножение, умение осуществлять лингвоправовые поиски, наличие интеллектуального и культурного багажа, аналитических умений и логического мышления [Некрасова, 2012].

Основной целью курса юридического перевода является не знакомство с правовой тематикой на иностранном языке и некоторыми узуальными формулировками в данной предметной области, а формирование профессиональной переводческой (лингвистической) компетенции: идентифицировать переводческие проблемы и находить обоснованные и адекватные переводческие решения разного уровня сложности для конкретных юридических текстов в конкретных ситуациях [Иванов, Сдобников, 2020]. Такая компетенция демонстрирует владение техникой перевода. Переводческая компетенция подразумевает формирование и развитие переводческого и юридического мышления, постоянное повышение уровня владения иностранным и родным языком и расширение юридического кругозора, что способствует формированию профессиональной личности юриста.

Необходимо научить студента понимать специфику юридических текстов, искать любую необходимую для работы с текстом информацию, изучать профессиональный узус и овладеть профессиональным узусом, искать и находить терминологические эквиваленты (а иногда и создавать их!), профессионально относиться к юридическому переводу (юридическому переводу мы обучаем в рамках лингвистического образования). Мы не можем перевести все юридические тексты по всем отраслям права на занятиях, но мы можем научить студента, как следует работать с любым конкретным текстом и как осуществлять качественный функциональный перевод.

Преподаватель перевода – ключевая фигура в процессе обучения профессионально-ориентированному переводу. Это не преподаватель юридического английского, это преподаватель именно перевода – письменного или устного (последовательного). Преподаватель определяет цель и задачи обучения, отбирает учебный материал, работает с релевантными для обучения юридическому переводу текстами разных жанров, организует процесс обучения таким образом, чтобы на базе юридического и переводческого мышления (Who says what to whom in which channel with what effect? – формула Г.Лассвелла) студент находил переводческие проблемы и их решения, применяя различные переводческие методы,

приемы и технологии. Профессионализм преподавателя предполагает владение общедидактическими и специально-дидактическими компетенциями, владение переводческими компетенциями, наличие опыта переводческой деятельности в сфере юридического перевода, совместное со студентами участие в крупных переводческих конкурсах и проектах [Бедрина, 2020; Вайпан, 2011]. «Общедидактические компетенции (должны быть) присущи преподавателю безотносительно преподаваемого предмета. Специально-дидактические – связаны с преподаванием собственно переводческих дисциплин, т.е. это сфера дидактики перевода как таковой. Внутри модулей «переводческие компетенции» и «специально-дидактические» предлагается выделить общие, или стержневые, и частные компетенции. Это существенная деталь...» [Шлепнев, 2020, с.423]. Очевидно, что преподавание разных видов перевода требует от преподавателя разных специально-дидактических и переводческих компетенций. Несомненно, преподаватель перевода должен иметь опыт переводческой деятельности. Более того, он должен заниматься переводческой деятельностью параллельно с деятельностью преподавательской, т.е. помимо огромного количества требований педагогического и дидактического характера, предъявляемых к педагогу высшей школы независимо от преподаваемого им предмета, он должен постоянно поддерживать необходимый уровень переводческой компетентности и демонстрировать этот уровень студентам в реальной практической деятельности. К такому выводу приходят и многие зарубежные авторы [EMT Expert Group, 2013; Kelly, 2008, p.101; Massey, Kiraly, Ehrensberger-Dow, 2019; Orlando, 2019; Orlando, 2011]. Перед преподавателем юридического перевода стоит сложная и многоаспектная задача: формирование у будущих юристов профессиональной переводческой компетенции на основе постоянно развиваемого переводческого мышления.

Литература:

- Бедрина И. С. Обучение юридическому переводу в рамках программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» // Перевод как профессия, наука, творчество. Сборник трудов МГЛУ в 2-х томах. 2023. С.177-185.
- Бедрина И. С. Профессиональная иноязычная коммуникация как цель, метод и форма организации обучения иноязычному юридическому дискурсу // Обучение иностранным языкам – современные проблемы и решения: материалы III Международной научно-практической конференции им. Е. Н. Солововой. 2022. С.252-257.
- Бедрина И. С. Мутгорты как эффективный метод обучения студентов-юристов языку профессионального общения // Правоохранительные органы: теория и практика. 2020. №1. С.189-191.
- Вайпан Г. В. «Мутный» лик юридического образования // Международное правосудие. 2011. №1. С.128-134.
- Иванов В. А., Сдобников В. В. Формирование переводческих компетенций как основная задача преподавателя перевода // Межкультурная коммуникация и обучение иностранным языкам. Актуальные проблемы образования. Вестник НГЛУ. 2020. Выпуск 3(51). С.117-131.
- Некрасова Т. П. Юридический перевод. Сборник статей. Москва: Р.Валент, 2012. -304с.
- Шлепнев Д. Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №12 (78). Ч.2. С.174-177.
- Шлепнев Д. Н. Общие методические принципы курса «Юридический перевод»: контрольный список //Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV международной научно-практической конференции / гл. ред. М. В. Норец. 2020. С.427-432.

- Шлепнев Д. Н. К вопросу о компетенциях преподавателя перевода: попытка общей модели (рамочной конструкции) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV международной научно-практической конференции / гл. ред. М. В. Норец. 2020. С. 422-427.
- EMT Expert Group. The EMT Translator Training Profile. Competences of the Trainer in Translation [online]. [Electronic resource] // 2013. Mode of access: URL: <http://docplayer.net/14445272-The-emt-translator-trainer-profile-competences-of-the-trainer-in-translation.html> (дата обращения 5.01.2020).
- Gémar J.-C. De la traduction juridique à la jurilinguistique: la quête de l'équivalence // Meta: Journal des traducteurs. 2015. Vol. 60. № 3. P. 476-493.
- Kelly D. Training the Trainers: Towards a Description of Translator Training Competence and Training Needs Analysis // TTR: Traduction, Terminologie, Redaction. 2008. №21(1). P.99-125.
- Massey G., Kiraly D., Ehrensberger-Dow M. Training the translator trainers: an introduction // The Interpreter and Translator Trainer. 2019. № 13:3. P. 211–215.
- Orlando M. Training and educating interpreter and translator trainers as practitioners-researchers-teachers // The Interpreter and Translator Trainer. 2019. №13:3. P.216-232.
- Orlando M. Evaluations of Translations in the Training of Professional Translators: At the Crossroads between Theoretical, Professional and Pedagogical Practices // The Interpreter and Translator Trainer. 2011. № 5 (2). P. 293–308.

References:

- Bedrina I. S. Obuchenie yuridicheskomu perevodu v ramkakh programmy «Perevodchik v sfere professional'noi kommunikatsii», Perevod kak professiya, nauka, tvorchestvo. Sbornik trudov MGLU v 2-kh tomakh. 2023. pp.177-185.
- Bedrina I. S. Professional'naya inoyazychnaya kommunikatsiya kak tsel', metod i forma organizatsii obucheniya inoyazychnomu yuridicheskomu diskursu, Obuchenie inostrannym yazykam – sovremennye problemy i resheniya: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii im. E. N. Solovovoi. 2022. pp.252-257.
- Bedrina I. S. Mutkorty kak effektivnyi metod obucheniya studentov-yuristov yazyku professional'nogo obshcheniya // Pravoohranitel'nye organy: teoriya i praktika. 2020. No1. pp.189-191.
- Vaipan G. V. «Mutnyi» lik yuridicheskogo obrazovaniya, Mezhdunarodnoe pravosudie. 2011. No1. pp.128-134.
- Ivanov V. A., Sdobnikov V. V. Formirovanie perevodcheskikh kompetentsii kak osnovnaya zadacha prepodavatelya perevoda, Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya i obuchenie inostrannym yazykam. Aktual'nye problemy obrazovaniya. Vestnik NGLU. 2020. Vypusk 3(51). pp.117-131.
- Nekrasova T. P. Yuridicheskii perevod. Sbornik statei. Moskva: R. Valent, 2012. -304p.
- Shlepnev D. N. Yuridicheskii perevod, yuridicheskii tekst, yuridicheskii diskurs: k voprosu ob opredelenii, Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No12 (78). Ch.2. pp.174-177.
- Shlepnev D. N. Obshchie metodicheskie printsipy kursa «Yuridicheskii perevod»: kontrol'nyi spisok, Perevodcheskii diskurs: mezhdistsiplinarnyi podkhod: materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, gl. red. M. V. Norets. 2020. pp.427-432.
- Shlepnev D. N. K voprosu o kompetentsiyakh prepodavatelya perevoda: popytka obshchei modeli (ramochnoi konstruksii), Perevodcheskii diskurs: mezhdistsiplinarnyi podkhod: materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, gl. red. M. V. Norets. 2020. pp.422-427.

Березина О. А., Ильенкова Е. А.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

Несмотря на обилие литературы, посвященной изучению комического, описание данного феномена демонстрирует некоторые лакуны – исследования в этой области носят аспектирующий характер, что проявляется и в лингвистической теории комического. В частности, недостаточно представлены исследования, посвященные роли грамматического уровня в создании комического эффекта. Ввиду этого факта представляется актуальным исследование и систематизация грамматических средств, участвующих в продуцировании комического эффекта.

Ключевые слова: комическое, комический эффект, языковые средства, грамматические средства, лексические средства.

O. A. Berezina, E. A. Ilyenkova

Herzen State Pedagogical University of Russia

GRAMMATICAL MEANS OF CREATING A COMIC EFFECT

Despite the abundance of literature devoted to the study of the comic, the description of this phenomenon manifests certain lacunas – the research has been undertaken within certain aspects, which is also manifested in the linguistic theory of the comic. In particular, the role of the grammatical level in creating a comic effect has rarely come into researchers' focus of interest. In view of this fact, it is necessary to thoroughly examine and describe in greater detail, as well as systematize the grammatical means involved in the production of the comic effect.

Keywords: the comic, means of creating a comic effect, language means, grammatical means, lexical means.

Первые попытки описать комическое были предприняты еще в Античности – очевидно, что в фокусе оказывались философские аспекты данного явления. С развитием научной мысли представилась возможность рассмотреть комическое под новыми углами зрения – различные гуманитарные науки значительно расширили объект исследования, включая в его образ психологические, культурные характеристики автора комического и рассматривая изменения канонов комического от эпохи к эпохе с учетом социального заказа аудитории. Кумулятивное и революционное надстраивание лингвистических теорий позволило в очередной раз сдвинуть план исследования – под взором внимательного ока ученых оказались языковые средства выражения комического. Действительно, особым образом проявления комического отражены в лингвистическом плане. Именно язык на лексическом, фонетическом и грамматическом уровнях (при конвергенции разноуровневых средств в актуализируемой структуре, при доминирующей функции синтаксической, или конструктивной организации высказывания)

предоставляет практически неограниченный репертуар средств создания, трансляции и восприятия комического эффекта (далее – КЭ).

Выдвижение разными учеными все новых гипотез об определении комического не могло не развить новаторские подходы к изучаемому объекту, и впервые глобально провозглашенная междисциплинарность лишь способствовала данной эволюции. Так, возникшие в 60-е годы теории законов искусственного интеллекта оказались эффективными в применении к определению комического. Фокус исследования сменился на строго операциональный аспект продуцирования и рецепции комического, однако он выстраивался на базе предыдущих достижений науки в данном вопросе: учитывались индивидуальные психические и физиологические особенности автора, свойства объекта, мировоззренческие установки аудитории и связанные с контекстом фоновые знания и многое другое. Сложившийся подход принято считать когнитивным – он получил широкое распространение в современных гуманитарных исследованиях.

Одной из фундаментальных в когнитивном подходе теорий видится теория фреймов **М. Минского**, с помощью которой была описана система хранения информации в компьютерных системах и отмечены основы искусственного интеллекта – однако ненамеренно фреймовая концепция способствовала лучшему пониманию структуры сознания самого человека. Под фреймом, в применении к человеческому мышлению, подразумевается ячейка знания, содержащая минимально возможную, но критически важную информацию о каком-либо предмете, явлении или процессе. Идеи **М. Минского** были развиты в работах целого ряда ученых: наиболее выдающиеся труды в этой области принадлежат **А. Кестлеру**, **С. Аттардо** и **В. Раскину**.

А. Кестлер расширил определение фрейма до ассоциативного контекста, включающего в себя (помимо фрейма) сценарий стереотипной ситуации – таким образом, стало очевидно, что благодаря фреймам индивид формирует представления о типичном ходе события, на основе которого может прогностически выстраивать возможные сценарии развития этой ситуации, а также действовать и принимать закономерные решения. О тезисах других упомянутых ученых речь пойдет далее.

Каким образом данные теории фреймов **М. Минского** и ассоциативных контекстов **А. Кестлера** связаны с феноменом комического? Установлено, что необходимым условием для продуцирования комического является переосмысление ситуации с помощью переключения с одного фрейма на другой – именно в результате данного процесса (т.е. в результате повторного осознания уже известного контекста с принципиально новой точки зрения) рождается смех – причем **М. Минский** и **А. Кестлер** правомерно отмечали неожиданность, новизну такого переключения. **С. Аттардо**, в отличие от упомянутых выше ученых, фокус своего анализа направил на субъекты комического – автора и реципиента, подчеркнув, что оба субъекта должны обладать высоким уровнем языковой компетентности для порождения и восприятия ситуации соприкосновения фреймов: помимо общих знаний, необходимых для создания и прочтения комического, автор и реципиент объединены общей культурой, оценкой действительности, мировоззренческими установками, ценностями – без перечисленных условий реципиенту невозможно разделить с автором комическую ситуацию.

В. Раскин, также основывающий свои тезисы на теории **М. Минского**, предположил, что смена ассоциативных контекстов, введенных **А. Кестлером**, неизбежно порождает в сознании индивида одну из двух оппозиций: реальное – нереальное, возможное – невозможное, достоверное – ошибочное и др. Кроме того, **В. Раскин** уделял особое внимание самому акту смены фреймов – он заключил, что существует некий триггер – пусковой механизм, провоцирующий столкновение матриц (фреймов, ассоциативных контекстов). Для того, чтобы

фреймы были способны к взаимодействию, они должны пересекаться в какой-либо точке – именно эта точка и послужит триггером для резкой смены фреймов, что, в свою очередь, породит КЭ. Соответственно, смежные по какому-либо факту действительности фреймы способны к взаимодействию, переключение прочтения ситуации с одного фрейма на другой возможно с помощью триггера, а в результате такого переключения возникает одна из двух оппозиций любого характера, что в итоге и является основой КЭ.

Что может послужить триггером для переключения фреймов? Поскольку комическое выражается по большей части вербально, именно язык играет важнейшую роль в продуцировании, узнавании и толковании комического – в связи с этим языковая компетенция субъектов комического должна быть очень высокой. Это положение легко подтверждается тем фактом, что не-носитель языка или индивид с низким уровнем знания языка неспособен адекватно воспринять и понять большинство комических контекстов; в то же время выделение и интерпретация комического носителем языка могут быть затруднены компетенциями другого порядка – профессионального, бытового, научного, культурного, общеинтеллектуального и пр. При неправильном осмыслении комическое может восприниматься реципиентом как непреднамеренная ошибка со стороны автора или вовсе может оказаться незамеченным аудиторией. Все это обуславливает первостепенную роль языкового оформления комического.

Лингвистический аспект в создании комического строится на трех уровнях языка: фонетическом, лексическом и грамматическом. Любая единица одного (или нескольких) из перечисленных уровней языка может послужить триггером для смены фреймов – например, переключение ассоциативных контекстов возможно выстроить на основе омоформ, омофонов и омографов (фонетический уровень), полисеманта (лексический уровень), нарушения грамматической структуры или формы (грамматический уровень). Каким бы ни был триггер комического, он маркирует собой определенное несоответствие привычной индивиду норме – этот факт согласуется с теориями комического как отклонением от нормы (К. Грос, Т. Пейпер, Н. П. Акимов и др.) и как противоречием (Ф. Фишер, Ю. Б. Борев, М. С. Каган и др.).

Из трех уровней языка при исследовании языковых средств создания КЭ наиболее полного описания традиционно удаётся лексический [Вайкум 2015, Чжон 2000, Шевченко 2021]. Причин такого выделения лексики из обилия языкового материала несколько: во-первых, актуализацию средств этого уровня распознать несколько легче, чем фонетического или, тем более, грамматического, т.к. лексика, очевидно, обладает своим независимым денотативным значением, которое на подсознательном уровне выделяется реципиентом; во-вторых, арсенал лексических средств заметно богаче, чем средств двух других уровней языка, ограниченных кратким перечнем приемов; в-третьих, единицы лексического уровня, как правило, более экспрессивны и эмоционально окрашены, своей яркостью они обращают на себя первостепенное внимание реципиента. Впрочем, единицы фонетического уровня также хорошо изучены и описаны в теоретической литературе [Кадеева 2011] – к сожалению, относительно грамматических средств создания КЭ крайне трудно сделать подобный вывод.

Несомненно, грамматика является неким каркасом для построения высказывания любого характера, и в отличие от лексического и фонетического уровней языка, она подчиняется более строгим, фиксированным правилам, а потому, характеризуясь невысокой степенью вариативности, обладает меньшей выразительностью и красочностью – из-за данных характеристик грамматика если и рассматривается, то как некий фон для единиц других уровней. Однако когнитивная концепция грамматики (позиций которой придерживаются и авторы настоящей статьи) помимо общих базовых лингвокогнитивных посылов [Evans 2006, с. 471] фактически возводит в аксиому тот факт, что абсолютно все инструменты грамматики,

включая морфологию, синтаксис и пунктуацию, обладают самостоятельным значением [Langacker 1991, с. 282].

Признавая абстрактный характер семантики грамматических единиц (см. [Smith 2005, с. 87]), пионеры когнитивных теорий грамматики, среди которых одной из фундаментальных является «Когнитивная грамматика» Р. Лангакера, единодушно описывают грамматическую семантику как конвергенцию особой «образности» (*imagery*) и конструктивных схем. Образность постулируется как актуализация пропозиционального содержания различными языковыми формами, детерминруемая способностью субъекта речевой деятельности к «...ментальному построению воображаемой ситуации альтернативными способами» [Лангакер 1992, с. 11]. Таким образом, указанная «схема ментального конструирования» [Smith 2005, с. 91] совместно с денотатом, или объективно отраженной онтологической ситуацией формируют общую кумулятивную семантику конструктивно неэлементарной грамматической единицы (пропозиции).

Вслед за Р. Лангакером [Langacker 1987, с. 47]. Е. С. Кубрякова трактует лексическо-грамматические системы любого естественного языка как хранилища «конвенциональной образности», которые определенно не совпадают в различных языках [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 50]. Вербализуя один и тот же опыт различными лексико-грамматическими средствами (например, *cold, have cold, it is cold to me*), говорящий объективизирует различную семантику, поскольку использует различные структуры для языкового кодирования аналогичного опыта [там же 1996, с. 50]. Грамматические единицы, таким образом, рассматриваются в когнитивных теориях грамматики как двусторонние знаковые единицы, из чего следует, что любые трансформации или изменения на уровне структуры влекут за собой семантическую вариативность. По мнению Р. Лангакера синтаксический уровень не может рассматриваться как уровень исключительно структурный, или конструктивный, поскольку конструктивные модификации всегда отражают модификации на семантическом или прагматическом уровне [Langacker 1991, с. 53]. В связи с вышесказанным, можно утверждать, что и структура, и семантика такой комплексной единицы, как предложение отражает ментальное конструирование говорящим определенного сегмента реальной онтологической ситуации. Таким образом единицы различных уровней, которые отбирает говорящий с целью языкового кодирования определенного содержания, выбираются не случайным образом. Более того, грамматика обеспечивает говорящего исключительно богатым репертуаром разнообразных структур, которые являются средствами концептуализации коллективного опыта языковой общности, возникающего в контакте с онтологией и в ходе последующей когнитивной обработки. Вследствие этого грамматический уровень языковой системы должен обладать значительным прагматическим потенциалом, что проявляется, в частности, в вовлечении единиц данного уровня в процесс порождения КЭ.

Грамматические единицы, обладая самостоятельным значением, способны выражать утверждение, отрицание и вопрос, краткость и емкость мысли или, наоборот, ее развернутость, официальность или разговорность речи, параллельность стоящих рядом высказываний, монотонность повествования, вопросно-ответное изложение, интонацию (благодаря знакам препинания) и другие оттенки коммуникативных ситуаций. Разумеется, без лексического воплощения передача языковой информации невозможна, но данный факт не отрицает и не отменяет важность грамматического смысла – грамматика выполняет функцию организующего коммуникацию уровня языка. В коммуникации единицы всех уровней языковой системы реализуются не раздельно, а дополняя друг друга – и это общеизвестно. Комическое, выстраивающееся на основе языкового выражения, также выражается не только в лексике и фонетике, но и в грамматике – однако поиск данного материала затруднителен, он требует

много времени, внимания и глубокого анализа с целью выявления собственного грамматических значений (многие из них не являются эксплицитно, формально выраженными), разграничения форм грамматического и лексического или фонетического выражения. Перечисленные факты становятся причинами немногочисленности исследований, посвященных непосредственно и исключительно грамматическим средствам создания КЭ (направление таких исследований крайне узкое, малоизученное и трудоемкое, однако очень важное для полноценного определения комического и средств его создания), что вновь провоцирует сложности в обнаружении и описании грамматического материала. Ввиду данного факта при анализе практического материала в рамках комической литературы исследователи нередко ошибочно относят грамматический материал к лексическому (например, перекатегоризацию глагола) или вовсе игнорируют грамматические средства создания КЭ, отдавая предпочтение описанию и анализу лексических значений (чаще так происходит неумышленно, а по причине недостаточной дифференциации грамматических средств и незавершенного описания перечня грамматических средств, используемых при создании комического).

На наш взгляд, стоит острая необходимость изучения и классификации грамматических средств создания КЭ. Поиск грамматического материала важно вести и в уже проанализированных другими авторами текстах с целью обнаружения собственно грамматических средств и приемов. Впрочем, нужно учитывать и упомянутый выше факт: лексика и фонетика словно надстраиваются поверх грамматического уровня, тем самым все три уровня языка работают в некотором симбиозе, усиливая значения друг друга и холистически продуцируя большой КЭ вместе, нежели по отдельности.

Рассмотрим пример использования средств создания КЭ и его анализ в научной статье, в котором правомерно выделяются и грамматические значения:

[Тиханова 2013, с. 187].

Автор статьи, в которой был обнаружен данный пример, отмечает, что такая реклама очевидно вызывает улыбку, т.к. в ней «в игровой форме обыгрываются выгодные покупателю условия» [Тиханова 2013, с. 187-188]. Но что именно является средством создания КЭ в данном примере? Тиханова К. Д. видит основу в формировании КЭ в повторе с дополнением уточняющих деталей (повтор рассматривается на лексическом уровне) – однако трудно согласиться с тем, что КЭ достигается исключительно благодаря этому повтору лексического наполнения структур. Скорее такой повтор дополняет другое, центральное языковое средство в

данном случае – а именно, экспрессивное использование грамматических категорий (в данном случае – рода). Кроме того, нельзя не отметить, что в создании КЭ участвует и прагматическая составляющая: уделяется внимание и нормам вежливой коммуникации – однако данный материал не является целью нашего исследования. Таким образом, в данном примере основой создания КЭ является не лексическое, а грамматическое средство на морфологической основе; в самом анализе, к сожалению, грамматическое средство игнорируется, а предпочтение отдается лексической стороне вопроса – хотя важно отметить, что в других примерах этот же автор грамматический материал замечает и анализирует.

Какие грамматические средства используются с целью создания КЭ? Стоит заметить, что на данном этапе понимания комического список грамматических средств, увы, в некоторой степени субъективен и неполон, что связано с ограниченным количеством исследований, посвященных обозначенному вопросу – именно по этой причине область изучения грамматических средств создания КЭ видится крайне перспективной и востребованной. Авторами данной работы были выделены или заимствованы у коллег следующие грамматические средства (также реализующиеся морфологически, синтаксически и пунктуационно), попадавшие в фокус существующих исследований:

- словообразование (создание новых значений на уровне морфологии),
- окказиональные грамматические формы, (на базе словосложения и компрессии, в рамках видо-временной категории глагола – отмечается разными исследователями),
- грамматические категории (число, род),
- сослагательное наклонение,
- двойное отрицание,
- языковая интерференция на уровне синтаксиса,
- неверный порядок слов,
- эллипсис,
- синтаксический параллелизм,
- импликация,
- прагматические вставки,
- вопросительные предложения,
- вопрос и ответ-императив,
- виды связи предложений,
- диалоговая форма повествования,
- смещение прямой и косвенной речи,
- анаколуп (грамматическая несогласованность),
- пунктуация,
- а также, в целом, любое нарушение нормы (грамматическая девиация).

Таким образом, участвовать в формировании КЭ, по всей видимости, могут не только традиционно выявляемые стилистические средства на уровне грамматики (асиндетон, парцелляция, умолчание и под.), но и структуры и формы, не рассматриваемые в плане создания

какой бы то ни было экспрессивности и стилистической окрашенности – однако КЭ нередко вызывает именно нарушение грамматических норм; так, взять на себя роль создания КЭ могут императивы, вопросительные предложения, эллипсисы и т.д. В связи с вышесказанным, представляется необходимым выразить надежду на дальнейшее расширение перечня грамматических средств создания КЭ – по двум причинам: во-первых, ввиду обогащения теоретического исследовательского материала в связи с актуальностью проблемы (что позволит четко обозначить и полноценно описать уже используемый авторами репертуар средств), во-вторых, вследствие развития арсенала авторских приемов при создании комического текста в целом (благодаря неминусемому развитию литературы возможно появление еще не описанных в научных исследованиях грамматических средств, поскольку потенциал в создании КЭ этих средств ещё не был оценен авторами).

Литература:

- Вайкум Л. А. Функционирование языковых средств и приемов выражения комического в современных прозаических произведениях / Л. А. Вайкум // Пятый этаж : СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ. – Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2015. – С. 22-25.
- Кадиева А. А. Каламбур как основное средство создания комического эффекта в анекдотах / А. А. Кадиева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – № 3(16). – С. 99-103.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Т. Панкрац. – М.: Изд-во МГУ. – 1996. – 245 с.
- Лангакер Р. У. Когнитивная грамматика. (Серия: Актуальные проблемы прикладного языкознания) [Текст] / Р. У. Лангакер. – М.: ИНИОН, 1992. – 56 с.
- Тиханова К. Д. Языковые средства создания комического эффекта в американской и российской рекламе // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2013. – Вып. 7. – С. 176-200.
- Чжон Т. О. Языковые средства создания комического в рассказах М. Зощенко / Т. О. Чжон // Язык, сознание, коммуникация. Том Выпуск 12. М. : Издательство Диалог-МГУ, 2000. – С. 117-120.
- Шевченко Л. Л. Средства выражения комического и их национально-культурная специфика (на материале произведений Хелен Фильдинг) / Л. Л. Шевченко, К. С. Некрасова // Педагогическое образование на Алтае. – 2021. – № 1. – С. 90-94.
- Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An Introduction [Текст] / V. Evans, M. Green. – Edinburgh University Press, 2006 – 830 p.
- Langacker R. Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar (Cognitive Linguistics Research) [Текст] / R. Langacker. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
- Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar [Текст] in 2 volumes / R. W. Langacker. Vol.1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. – 540 p.
- Smith M. B. The Conceptual Structure of German Impersonal Constructions [Текст] / M. B. Smith // Journal of Germanic Linguistics. – 2005. – № 17.2. – pp. 79-140.

References:

- Chzhon T. O. Yazykovye sredstva sozdaniya komicheskogo v rasskazakh M. Zoschenko [The language means of creating the comic in the stories by M. Zoschenko]. Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya [Language, cognition, communication]. Vol. 12. Moscow, 2000. – p. 117-120.
- Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An Introduction. Edinburgh University Press, 2006 – 830 p.

- Kadiyeva A. A. Kalambur kak osnovnoye sredstvo sozdaniya comicheskogo effekta v anekdotakh [Pun as the main means of the comic effect creating in anecdotes]. Izvestiya dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Obschestvennye i gumanitarnye nauki [Dagestan state university bulletin. Humanities]. – 2011. – № 3(16). – p. 99-103.
- Kratkiy slovar kognitivnykh terminov [Concise dictionary of cognitive terminology]. Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats U. T. Moscow. – 1996. – 245 p.
- Langacker R. U. Kognitivnaya grammatika. (Seria: Aktualnye problemy prikladnogo yazykoznaniiya) [Cognitive grammar. (Relevant issues in applied linguistics)]. – Moscow, 1992. – 56 p.
- Shevchenko L. L. Sredstva vyrazheniya komicheskogo i ikh natsionalno-kulturnaya spetsifika (na materiale proizvedeniy H. Fielding) [The comic effect expressive means and their national and cultural peculiarity (in H. Fielding works)]. Pedagogicheskoye obrazovaniye na Altaye [Pedagogical education in Altai]. 2021. – № 1. – p. 90-94.
- Tikhanova K. D. Yazykovye sredstva sozdaniya comicheskogo effekta v amerikanskoj i rossijskoj reklame [The language means of comic effect creating in American and Russian advertizing]. Lingvokulturologiya [Linguoculturology]. Yekaterinburg, 2013. – Issue 7. – p. 176-200.
- Vaykum L. A. Funktsionirovaniye yazykovykh sredstv i priyomov vyrazheniya komicheskogo v sovremennykh prozaicheskikh proizvedeniyakh [The language means and devices functioning for the comic expressing in modern prose]. Pyaty etazh [The fifth floor]: young scholars' papers collection. Barnaul, 2015. – p. 22-25.
- Langacker R. Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar (Cognitive Linguistics Research) / R. Langacker. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
- Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar in 2 volumes / R. W. Langacker. Vol.1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. – 540 p.
- Smith M. B. The Conceptual Structure of German Impersonal Constructions / M. B. Smith // Journal of Germanic Linguistics. 2005. – № 17.2. – pp. 79-140.

Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

АРКТИКА В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БАЛЕТА

В статье рассматривается отражение темы Арктики в зеркале русского балета. Под словами «русский балет» авторы понимают балет эпохи СССР и современной России. Цель статьи – выявить балетные постановки, посвященные Арктике, ее природе, коренным народам Крайнего Севера, их культуре, быту, обрядам, занятиям, мифам и истории. Авторы приводят классификацию балетов, посвященных Арктике, выделяют их специфические черты, основные сюжеты, образы, выразительные средства. Также авторы статьи анализируют роль балета в популяризации Арктики, ее природного и культурного наследия, отмечают эстетическую, воспитательную, образовательную функцию балета, его широкие возможности для представления культуры народов Арктики как в России, так и за рубежом. В итоге авторы приходят к выводу, что тема Арктики весьма востребована на балетной сцене России как в прошлом, так и в настоящем, о чем свидетельствуют многочисленные постановки.

Ключевые слова: Арктика, коренные народы Крайнего Севера, балет, эпос, Россия.

Bogolyubova N. M., Nikolaeva Yu. V.

Saint Petersburg State University

THE ARCTIC IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN BALLET

The article examines the reflection of the Arctic theme in the mirror of Russian ballet. By the words “Russian ballet” the authors mean ballet from the era of the USSR and modern Russia. The purpose of the article is to identify ballet performances dedicated to the Arctic, its nature, the indigenous peoples of the Far North, their culture, way of life, rituals, activities, myths and history. The authors provide a classification of ballets dedicated to the Arctic, highlighting their specific features, main plots, images, and means of expression. The authors of the article also analyze the role of ballet in the popularization of the Arctic, its natural and cultural heritage, note the aesthetic, educational, educational function of ballet, its wide possibilities for representing the culture of the peoples of the Arctic both in Russia and abroad. As a result, the authors come to the conclusion that the Arctic theme is in great demand on the Russian ballet stage, both in the past and in the present, as evidenced by numerous productions.

Keywords: Arctic, indigenous peoples of the Far North, ballet, epic, Russia.

Введение

Культура и традиции русской Арктики и населяющих ее народов необычайно богаты и разнообразны. Это уникальное богатство не раз становилось источником творческого вдохновения для поэтов и писателей, композиторов и хореографов, режиссеров и сценаристов, художников и скульпторов. Знакомство с Арктикой, ее природой и культурой в отражении балетного искусства разных лет позволит лучше узнать эту суровую, но прекрасную территорию России, окунуться в мифы, преданья и эпическое наследие народов Крайнего

Севера, воплощенные с помощью танца. Искусство балета как ничто иное способно увлекать, пробуждать интерес, обогащать новыми знаниями, воспитывать чувство прекрасного. Отраженная в зеркале балетных спектаклей, поставленных на советской-российской сцене, Арктика с ее бесценными природными и культурными богатствами станет ближе и понятнее. Обращение искусства балета к Арктике как источнику творческого вдохновения будет способствовать лучшей популяризации арктического наследия как в России, так и за ее пределами.

Русский-советский балет всегда играл важную роль в формировании позитивного имиджа нашего государства, был эффективным инструментом культурной дипломатии, ярко представлял многонациональную русскую культуру в мире. Сила русского балета заключается в невероятной эмоциональной, эстетической силе воздействия на зрителя как в самой стране, так и за ее пределами [Балетная дипломатия, 2022].

Образы Арктики на балетной сцене СССР и России

К теме Арктики композиторы, либреттисты и постановщики балетных спектаклей обращались довольно часто. Впервые образы Арктики в классическом танце были включены в оперу-олохно «Нюргун Боотур» - первую национальную якутскую оперу, поставленную в 1940 г.¹ по мотивам одноименного эпоса на музыку М. Н. Жиркова в Якутском музыкальном театре. В нескольких танцевальных сценах («Березки», «Кумысный танец», «Удаганки», «Богатырский танец») зрители увидели инсценировку народных плясок якутов, поражавших свои колоритом и экспрессией. В декабре 2022 г. для гастролей в Москве и Санкт-Петербурге, приуроченных к столетию образования Якутской АССР, именно эта опера «Нюргун Боотур» в ее обновленном варианте была выбрана Якутским театром оперы и балета и имела огромный успех.

Среди балетов на «арктическую тему» можно выделить особую группу постановок на сюжеты из якутских сказок. Эти балеты полны волшебства, превращений, в них в увлекательной форме передаются вечные истины: верность, дружба, любовь к Родине. Первым полноценным балетным спектаклем, постановщики которого обратились к арктическим мотивам, стал балет «Сир симгэ», или «Полевой цветок», поставленный в 1947 г. на сцене Якутского музыкально-драматического театра. Либретто было написано народным писателем Якутии Д. К. Сивцевым – Суорун Омоллоном, взявшим за основу якутскую сказку «Старуха Бэйберикээн», полную превращений (цветок превращается в девушку и т.п.). Авторы музыки М. Н. Жирков и Г. И. Литинский активно использовали якутские народные мелодии, а постановщик балета С. Владимиров-Климов включил в него фольклорные элементы, якутские народные танцы, игры, обряды и даже мотивы шаманских камланий [Владимиров-Климов, 1947, с.3]. «Полевой цветок» - это классический балет, но с большой долей национального якутского колорита, что придавало ему особую зрелищность и интерес зрителей.

В 1961 г. был написан черновой клавиур музыки к еще одному якутскому балету-сказке «Камень счастья». Композитор Г. Григорян не успел завершить начатое, поэтому оркестровку музыки сделал другой композитор Л. В. Фейгин. В основе балета лежит сказочный сюжет, написанный Д. К. Сивцевым – Суорун Омоллоном о поисках волшебного камня, который должен принести людям счастье. Действующие лица – охотники и оленеводы Севера, а также персонажи народных преданий: Черный ворон, Бык Холода, Хозяйка Земли. Национальный колорит подчеркивают не только герои, но и декорации, и костюмы: в них отчетливо видны якутские узоры. Премьера балета состоялась лишь в 1985 г. на сцене Якутского музыкального

---

¹ В 1940 году «Нюргун Боотур» была поставлена как музыкальная драма, а в 1947 году как опера.

театра, однако сейчас он прочно вошел в его репертуар и пользуется неизменной популярностью у зрителей.

Близок по сюжету еще один национальный балет Якутии «Чурумчуку», поставленный в 1964 г. Он рассказывает о любви охотника Чурумчуку и девушки по имени Нюргуяны, которые с помощью Драгоценного камня, дающего счастье, побеждают козла злого тойдона (вождя) Чупчуруйдаана. В этом им помогают животные и духи Арктики: Волшебный конь, Добрый огонь, белые журавли-стерхи, создающие особый сказочный колорит.

Надо заметить, что довольно часто героями балетов об Арктике становились птицы, обитающие в этих холодных краях и олицетворяющие особую красоту тех мест. Так, в 1969 г. был поставлен детский балет-сказка «Орлы летят на Север» на музыку композитора Г. Н. Комракова. С помощью выразительной танцевальной пластики в балете передается уникальный мир природы Крайнего Севера, который завораживает суровой, но удивительной красотой. Птицы стали центральным образом и в другом детском балете «Сказочная долина» (2021) по мотивам народной сказки, обработанной И. Гоголевым, «Долина стерхов». Главные героини балета - дочери божеств Верхнего мира, которые превращаются в стерхов.

Отдельно надо упомянуть балеты, основу которых составляют мифы и предания коренных народов Крайнего Севера: якутов, юкагиров, эвенов и др. Постановка 2002 г. балета «Ярхадаана» З. Степанова сделана на основе юкагирских легенд, повествующих о необходимости сохранения гармонии между людьми и природой. Одноактный балет «Севэки» по мотивам юкагирского фольклора на музыку В. Шадрина в постановке Ю. Фёдорова рассказывает о юкагирском боге Севэки, который в мифах северных народов предстает как владыка Верхнего мира, бог-творец, создавший землю, зверей и людей. Этому и посвящен сюжет балета.

Среди балетов, в основе которых лежит мифологическое наследие северных народов, нужно особо выделить так называемые балеты-олонхо - особый жанр балетов, поставленных по мотивам героического эпоса якутов. К этому жанру относятся балеты «**Күөрэгэй Күө**» (1995) и «Воители Верхнего мира» (2010) В. Ксенофонтова, «Нижний мир» П. Ивановой (2006), «Кулустай Бэргэн» (2019) И. Воробьева.

Интерес к сказочной, мифологической тематике и преданиям народов Арктики был весьма характерен для периода 1940-х – 1960-х гг., а затем возродился уже в конце 90-х гг. – начале 2000-х. Заметим, что к образам Арктики обращался не только Национальный театр оперы и балета Якутии, но и другие театры балета России. Так, в репертуаре Русского национального балета «Кострома» есть балет «Легенда Севера» в постановке Ю. Царенко (2015), поставленный на музыку северных народов. В основе балета легенда о девушке, которую отец, чтобы разлучить с любимым, бросает в море. Но девушка не погибает, а становится морским духом - Покровительницей морских существ. Иногда, как гласит легенда, возлюбленные встречаются, предвстая друг перед другом: она - в образе морского животного, он - в виде волка.

В «сказочных» балетах Арктика служит превосходной декорацией для развития волшебных, мифологических сюжетов, заимствованных из сказаний и легенд народов Севера. Украшение этих балетов - танцевальные номера, поставленные по мотивам плясок и обрядов коренных жителей, колоритные национальные костюмы, особая пластика, основанная на народных движениях, национальные мотивы в музыке, нередко исполняемой народными инструментами.

Другая большая группа балетов, в которых действие разворачивается на фоне Арктики, может быть условно названа «этно-балеты». Этно-балет – это классический танец, основанный

на богатом этнографическом, фольклорном материале. Известным постановщиком «арктических» этно-балетов был якутский хореограф Г. С. Баишев, который в 90-е гг. XX в. впервые создал несколько балетных постановок в этом жанре. Среди них - балет «Уруу» (Земное родство), поставленный на сцене Якутского музыкального театра в 1994 г. на музыку А. Самойлова. В основе балета лежит якутский свадебный обряд. В этно-балете «Бохсуруйуу» (Возвращение души, или Изгнание злого духа), поставленном в 1997 г. на музыку В. Ксенофонтова, Г. С. Баишев обратился к традициям и обрядам шаманизма народов Арктики. Взятые за основу этно-балетов фольклорные и обрядовые мотивы, народные танцы и игры придавали им особый интерес, т.к. наряду с эстетическим воспитанием они знакомили зрителя с традициями и обычаями коренных народов Арктики.

Интерес к этно-балету проявляли многие хореографы и в последующие годы. Так, в балете «Атыыр мунха» (Большая рыба, 1998 г.) Н. Берстова изображен подледный лов и «рыбное царство» Крайнего Севера. балет «Легкое дыхание» (1998) Е. Неустроева по мотивам новеллы Н. М. Заболоцкого рассказывает о дореволюционной жизни якутов. Поставленный в 2012 г. балет «На краю Ойкумены» на музыку композитора А. Томского повествует о жизни переселенцев из Новгорода, отправившихся на Крайний Север. Действие происходит в XVI столетии. Сцены традиционных занятий, природы и костюмы – все это передано с особой точностью, что создает неповторимую атмосферу жизни людей, по воле случая оказавшихся в суровых условиях Арктики, ставшей их новой родиной. Также в XVI в. происходит и действие балета «Ньырбакаан» (2013) В. Ксенофонтова, в котором рассказывается о вражде среди якутских племен. К этно-балетам можно отнести и балеты, поставленные по мотивам празднеств коренных народов - балеты-сюиты «Ысыах» (1977) и «Пробуждение Туймаады» (1991) В. Ксенофонтова.

Несколько в стороне по своему сюжету находится одноактный балет «Геологи», который впервые был поставлен в Большом театре 26 января 1964 г. Эта героическая поэма в танце композитора Н. Каретникова рассказывает о геологах, которые ищут алмазы, о сложностях профессии, человеческих отношениях, дружбе и взаимопомощи, о Крайнем Севере и его людях.

Теме Арктики посвящены и многочисленные отдельные танцевальные номера. На I-м Всесоюзном конкурсе артистов и балетмейстеров в Москве в 1972 г. были показаны оригинальные номера «Охотник и олень» и «Северная баллада», исполненные под аккомпанемент якутского народного музыкального инструмента хомуса. Партии исполнили танцовщики из Якутии А. Ултургашев и С. Саввина. Танцы и их исполнители были удостоены специальных грамот жюри, а также высоких оценок корифеев советского балета Ольги Лепешинской и Юрия Григоровича.

Другой яркий пример - танец «Ритмы тундры» в постановке Г. Баишева, созданный известным якутским хореографом в 1986 г. Он же является постановщиком многочисленных классических танцевальных номеров на основе народного танца: «Подснежники», «Праздник оленеводов», «Осуохай», «Якутяночка», «Танец священного орла», «Стерх», «Танцующий олень»; балетные сюиты «Память», «Песнь жизни», эвенкийский «Сээдьэ» и юкагирский «Лондол» в постановке М. Жорницкой [Крылова, 2013, с. 269]. В программе прославленного отечественного коллектива - ансамбля народного танца им. Игоря Моисеева - есть номер «Борьба нанайских мальчиков». Эти примеры убедительно показывают неизменный интерес авторов-постановщиков балетных спектаклей к природе Арктики, занятиям ее коренных жителей, праздникам и обрядам северян.

Обращает на себя внимание тот факт, что в начале 2020-х гг. заметен всплеск интереса к теме Арктики на отечественной балетной сцене. Балеты на арктическую тему, поставленные в последние 2020-е гг., правило, сочетают в себе классический и современный танец, их

характеризует сложность музыки, в которой переплетаются народные напевы и новые музыкальные стили (рейв, техно и др.). В 2022 г. в Якутске, Новосибирске, Москве с успехом прошла премьера этно-балета «Дети Белого Солнца», поставленного Национальным театром танца Республики Саха (Якутия) имени С. А. Зверева – Кыыл Уола на музыку известного композитора из Татарстана Рашида Калимуллина. Уникальность этого спектакля в том, что он создан на стыке жанров и культур: в нем переплелись современная электронная и классическая музыка с народными мотивами, якутские напевы слились с татарскими мелодиями. В балете сочетается классическая и новаторская хореография, активно используются сценические эффекты, этническое пение, звучание национальных инструментов. В основе сюжета лежит древнее предание о временах, когда боги и люди жили вместе, о вражде племен, о прародительнице тюркских народов Матери Волчице. Завершает балет осуохай – древний якутский танец поклонения солнцу, которое дарует людям несметные богатства и саму жизнь.

Особенностью одноактного балета «Арктика» А. Пимонова на музыку А. Светличного, поставленного в Пермском театре оперы и балета в 2022 г., является его бессюжетность. Белое пространство с жёлтым, красным и синим кругами на заднем фоне декораций – «своего рода оптический эффект, имеющий место в северных широтах» [Пимонов, 2022] - дали название балету. Балет решен в стиле минимализма, музыкальное сопровождение - сочетание симфонического техно и трансцендентного рейва. Как отметил постановщик, Арктика в балете – «не местоположение, а состояние природы, какие-то явления — солнечные, погодные» [Пимонов, 2022].

В том же 2022 г. состоялась еще одна балетная премьера на тему Арктики - одноактный балет «Нарын таптал» (Светлая любовь) на музыку К. Герасимова. Балет повествует о драматических отношениях главной героини, девушки по имени Нарыйаану, и двух влюбленных в нее братьев Нюргуна и Сандала и вновь черпает вдохновение из легендарного наследия коренных жителей Арктики. В 2023 г. Национальный театр танца имени С. А. Зверева-Кыыл Уола презентовал мировую премьеру хореографической легенды «Ситим» (Связь). Постановщики вновь обратились к бессмертному якутскому эпосу Олонхо. Динамичное сценическое действие состоит из чередования ярких, законченных номеров, в которых сочетается классическая хореография и народный танец. Действие разворачивается в долине реки Лены на фоне знаменитого природного памятника - Ленские столбы. Самобытная якутская музыка звучит в исполнении оркестра национальных инструментов, что придает всему зрелищу особый настрой и позволяет глубже окунуться в мир якутских легенд и преданий.

Арктика стала сюжетом и для двух необычных балетов. Уникальным сценическим действием, созданным на стыке искусства балета и живописи, можно назвать одноактный балет «Сияние Севера» на музыку В. Бочарова [Борисова, 2017, с. 7-8]. В 1972 г. хореограф А. Попов обратился к изобразительному искусству Якутии, взяв за основу графические работы народного художника РСФСР А. Мунгалова. Балет состоит из нескольких миниатюр («Счастье», «Клятва», «Олень гонки» и др.) и в целом образует рассказ о жизненном пути человека Севера и его творческом потенциале. Балет «Арктические песни» В. Самодурова на музыку современного финского композитора Э. Раутаваара (премьера в 2013 г.), рассказывает про человеческое одиночество. Отношения двух людей развиваются на фоне арктической природы – северного сияния, снега, метели. Необычность этого симфонического произведения заключается в использовании записи пения арктических птиц, служащих музыкальным фоном для танца.

Заключение

Тема Арктики в балете главным образом связана с преданиями и мифами коренных народов, в первую очередь, с величайшим нематериальным наследием якутского народа – эпосом Олонхо. Это неудивительно, ведь эпос несет в себе богатый материал для понимания «вечных ценностей».

Народные танцы, обряды, фольклорные темы в музыке, костюмы танцоров с северными узорами служат украшением балетов на арктическую тему. Нередко такие балеты поставлены по сказкам, и в таких балетах наряду с персонажами из мира людей появляются духи, животные, птицы, цветы. Важно отметить, что большинство балетов, посвященных Арктике, несут позитивный заряд, они учат верности, дружбе, уважению к человеку и его труду, любви к природе, своему дому, своей Родине. Сказочные, мифологические, эпические, жанрово-бытовые сюжеты, музыкальные пейзажные зарисовки – вот основные черты балетов, рассказывающих об Арктике [Добжанская, 2020, с. 20].

Балет поможет обратить внимание на традиционную культуру народов Севера, их занятия, праздники и обычаи: с помощью пластических образов балет способен рассказать о красоте природы Арктики, ее богатом животном мире, несметных богатствах, хранящихся в недрах северной земли.

Для такой многонациональной и многокультурной страны как Россия очень важно, чтобы все национальные культуры были хорошо известны, широко представлены, активно изучались и бережно сохранялись. Балет как эмоционально-зрелищный вид искусства, имеющий множество почитателей, способен стать прекрасным популяризатором любой национальной культуры нашей страны, в том числе, безусловно, и культуры народов Арктики. Важно, чтобы балеты, посвященные теме Арктики, включались в репертуар не только национальных театров, но и в программы ведущих балетных сцен страны, в частности, Большого и Мариинского театров. Хорошую помощь в этом вопросе окажут и фильмы-балеты об Арктике, которые найдут еще более массового зрителя.

Балет без преувеличения играет важную роль в формировании имиджа России за рубежом. В балете, на наш взгляд, заключена особая сила эмоционального воздействия, которая способна объединить самую широкую аудиторию зрителей вне зависимости от их национальной и религиозной принадлежности [Боголюбова, Николаева, 2014, с. 124]. Но не менее важно, чтобы искусство балета служило интересам граждан своей страны, воспитывало в них чувство уважения к различным народам и культурам, было носителем национальной идеи.

Литература:

- Антон Пимонов: «Арктика» – это звучит загадочно и романтично (2022) <https://www.newsko.ru/articles/nk-7413553.html> (дата обращения: 20.09.2023)
- Балетная дипломатия: Иногда шаг к миру делается на пуантах... / Официальный сайт Ассамблеи народов Евразии. 26.09.2022 URL: <http://eurasia-assembly.org/ru/news/baletnaya-diplomatiya-inogda-shag-k-miru-delaetsya-na-puantah> (дата обращения: 20.09.2023)
- Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Диалог культур: тема Востока в русском балете эпохи романтизма // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 1 (18) март. С. 120-124.
- Борисова И. И. Графика Афанасия Мунхалова в якутской хореографии // Вестник АГИКИ. 2017. № 1 (18). С. 7-11.
- Владимиров-Климов С. Первый якутский балет // Социалистическая Якутия. 1947. 21 октября. С. 3.

- Добжанская О. От героического эпоса олонхо — к опере и киномузыке (этапы развития композиторской музыки Якутии) //Журнал Общества теории музыки. 2020. Выпуск 2 (30). С. 13-21 URL: https://journal-otmroo.ru/sites/journal-otmroo.ru/files/2020_2_%2830%29_2_Dobzhanskaya_Sakha_stages%20%281%29.pdf (дата обращения: 20.09.2023)
- Крылова В. К. Якутская национальная танцевальная культура в ритме времени: на примере Государственного ансамбля танца Якутии//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 10-2. С. 268-272.

References:

- Anton Pimonov (2022): «Arktika» – eto zvuchit zagadochno i romantichno [“Arctic” – it sounds mysterious and romantic]. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-7413553.html> (accessed 20.09.2023) (in Russian)
- Baletnaya diplomatiya: Inogda shag k miru delaetsya na puantah... / Oficial'nyj sajt Assamblei narodov Evrazii [Ballet diplomacy: Sometimes a step towards peace is made on pointe shoes...]. Official website of the Assembly of Peoples of Eurasia. 26.09.2022. URL: <http://eurasia-assembly.org/ru/news/baletnaya-diplomatiya-inogda-shag-k-miru-delaetsya-na-puantah> (accessed 20.09.2023) (in Russian).
- Bogolyubova N. M., Nikolaeva YU. V. (2014). Dialog kul'tur: tema Vostoka v russkom baletе epohi romantizma [Dialogue of Cultures: the theme of the East in the Russian Ballet of the Romantic Era] //Vestnik SPbGUKI. № 1 (18), mart. P. 120-124 (in Russian).
- Borisova I. I. (2017). Grafika Afanasiya Munhalova v yakutskoj horeografii [Afanasy Munkhalov's graphics in Yakut choreography] // Vestnik AGIKI. № 1 (18). P. 7-11.
- Vladimirov-Klimov S. (1947). Pervyj yakutskij balet [The first Yakut Ballet]. //Socialisticheskaya YAkutiya 21 oktyabrya. P. 3 (in Russian).
- Dobzhanskaya O. (2020). Ot geroicheskogo eposa oлонho — k opere i kinomuzыke (etapy razvitiya kompozitorskoj muzyki YAkutii) [From the heroic epic of Oлонkho to opera and film music (stages of development of the composer's music of Yakutia)] //Zhurnal Obshchestva teorii muzyki. Vypusk 2 (30). P. 13-21 URL: https://journal-otmroo.ru/sites/journal-otmroo.ru/files/2020_2_%2830%29_2_Dobzhanskaya_Sakha_stages%20%281%29.pdf (accessed: 20.09.2023) (in Russian).
- Krylova V. K. (2013). YAkutskaya nacional'naya tanceval'naya kul'tura v ritme vremeni: na primere Gosudarstvennogo ansamblya tanca YAkutii [Yakut national dance culture in the rhythm of time: on the example of the State Dance Ensemble of Yakutia] //Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. № 10-2. S. 268-272 (in Russian)

Борисова Л. А.

Воронежский государственный университет

ОБ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭКВИВАЛЕНТАХ ТЕРМИНОВ «УК РФ», «УПК РФ», «УИК РФ»

Статья носит прикладной характер и посвящена изучению вопроса перевода трех юридических терминов – «УК РФ», «УПК РФ» и «УИК РФ» – на английский язык. Целью исследования является выявление переводных эквивалентов указанных терминов и сопоставление объема значения русскоязычных и англоязычных терминов на предмет обеспечения точности юридического перевода. Указывается, что перевод юридической терминологии в паре английский – русский языки осложняется принадлежностью стран к разным правовым системам. В одних случаях перевод термина однозначен ввиду давно сложившейся практики, в других варианты перевода отличаются друг от друга синтаксисом. Однако есть термины, несущие на себе более выраженный отпечаток правовой культуры, в результате чего возникает вариативность переводческих решений. В статье рассматриваются некоторые факторы, обуславливающие принятие переводческого решения, такие как семантика терминов в двух языках, частотность употребления тех или иных переводных эквивалентов, контекст и коммуникативная ситуация перевода в целом. Делается вывод о конкретных англоязычных переводных эквивалентах исследуемых терминов с учетом указанных факторов.

Ключевые слова: юридический перевод, юридическая терминология, термин, перевод с русского на английский

Lydia A. Borisova

Voronezh State University

ENGLISH TRANSLATION EQUIVALENTS OF SOME RUSSIAN LEGAL TERMS DESIGNATING CRIMINAL LAW CODES

The paper considers the issue of translating some Russian legal terms designating criminal law codes. Its results can have practical application in translation. The purpose of the research is to establish the English translation equivalents of the Russian terms concerned, to compare the meanings of the English and Russian terms in order to ensure further precision in legal translation. The paper states that translation from Russian into English and vice versa poses certain difficulties because of the differences in the legal systems between the countries. In some cases the translation equivalent has long been established while in others the translation equivalents can only differ syntactically. Yet there are culturally marked legal terms, which leads to a whole range of translation equivalents. The paper analyses certain factors affecting a translator's choice such as the meaning of the terms in both languages, the frequency of use of certain translation equivalents, the context and the communicative situation in general. In conclusion, the author provides particular translation equivalents of the Russian terms accounting for the above listed factors.

Key words: legal translation, legal terminology, terms, translation from Russian into English

Любой специальный перевод предполагает в первую очередь владение отраслевой терминологией. Юридический перевод в этом отношении не является исключением. Одной из главных трудностей юридического перевода является перевод юридических терминов, особенно в ситуации, когда страны относятся к разным правовым системам, как в случае с переводом в паре английский-русский.

«При юридическом переводе с русского на английский возникает целый ряд сложностей. Связаны они с весьма существенными различиями в правовых системах и понятиях, и с необходимостью передачи чисто российских реалий средствами чужого языка, и с особенностью юридического словоупотребления вообще, и со спецификой индивидуального стиля автора или иного юридического документа в частности» [Некрасова, 2012, с.7].

Юридический термин служит обозначением конкретного понятия, и юридический переводчик должен обеспечить максимальную точность при передаче содержания этого понятия средствами языка перевода.

Источниками юридической терминологии чаще всего выступают законодательные тексты. В России законы могут сводиться в кодексы, и названия таких кодексов отражают действующее в нашей стране деление на отрасли права, следовательно, входящие в состав названия кодексов термины, по сути, выступают номинациями отраслей права. Однако «основания классификации отраслей права в Англии и России могут отличаться, что объясняется принадлежностью этих стран к разным правовым системам. Поэтому юридическому переводчику надо быть готовым к терминологическим проблемам. Есть отрасли права, которые принято выделять в английской системе, но которые не выделяются отдельно в российской и наоборот» [Борисова, 2023, с.17].

В данной статье мы подробно рассмотрим русскоязычные термины, выступающие номинациями тех отраслей права, которые связаны с понятием «преступление», а также их переводные эквиваленты в английском языке.

В России разграничивают уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право, для регулирования отношений в каждой из этих сфер приняты соответствующие кодексы (УК РФ, УПК РФ, УИК РФ).

Уголовный кодекс Российской Федерации

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) представляет собой «систематизированный законодательный акт, определяющий, какие общественно опасные деяния являются преступными, и устанавливающий наказания за их совершение» [Юридическая энциклопедия, URL].

Двуязычные и корпусные словари единодушны, предлагая переводной эквивалент «Criminal Code of the Russian Federation». Например:

Помимо этого, *Уголовный кодекс Российской Федерации* устанавливает минимальный возрастной предел для применения некоторых видов наказания. – In addition, the *Criminal Code of the Russian Federation* establishes a minimum age for the application of some forms of punishment [Reverso, URL].

Термин «Criminal Code» применительно к УК РФ используется также как на англоязычных версиях сайтов государственных структур (например, сайта Президента России [President of Russia, URL]), так и в аутентичных источниках.

“The Federal Security Service of the Russian Federation has opened a criminal case against a U.S. citizen on the grounds of a crime under Article 276 of the *Criminal Code of the Russian Federation* – ‘Espionage’,” the FSB said in a statement [Reuters, URL].

Таким образом, с точки зрения перевода термин «Уголовный кодекс» представляет наименьшую сложность, его традиционным эквивалентом в английском языке выступает «Criminal Code».

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) – «основанный на Конституции РФ федеральный закон, устанавливающий порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации. Он представляет собой систематизированный свод правовых норм, во взаимосвязи и содержательном единстве регулирующих уголовное судопроизводство в целом, отдельные его стадии, части, этапы, а также принятие отдельных решений и производство отдельных действий» [Большой юридический словарь, URL].

Согласно словарям, переводные эквиваленты термина «УПК» – Code of Criminal Procedure, Criminal Procedure Code.

Трудно сказать, в пользу какого из двух предложенных вариантов стоит сделать выбор переводчику, если учесть, что оба они с одинаковым успехом используются на достаточно авторитетных сайтах, причем нередко одних и тех же, и примерно совпадают по частотности.

Judgement of 16 December 2021 No. 53-II in case on the review of constitutionality of Articles 416 and 417 of the *Criminal Procedure Code of the Russian Federation* in connection with the complaint of citizen F.B. Iskhakov [2021 Decisions Constitutional Court of the Russian Federation, URL].

Vladimir Putin signed the Federal Law On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the *Criminal Procedure Code of the Russian Federation* [President of Russia, URL].

The *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation* shall be amended accordingly in order to clarify the jurisdiction and investigative jurisdiction of criminal cases involving crimes, liability for which is established by Federal Law [President of Russia, URL].

Under article 166 of the *Code of Criminal Procedure*, video recordings may be used in the course of an investigation (during questioning, for example) [UN Women, URL].

Таким образом, можно сказать, что термин «Уголовно-процессуальный кодекс» имеет несколько англоязычных переводных эквивалентов, но все они так или иначе содержат в своем составе слова «criminal» и «procedure». Варианты перевода отличаются друг от друга синтаксической формой словосочетания, а именно: Code of Criminal Procedure или Criminal Procedure Code.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) является основным источником уголовно-исполнительного права, под которым понимается «самостоятельная отрасль права РФ, представляющая собой совокупность юридических норм, регулирующих порядок и условия исполнения и отбывания наказаний» [Юридическая энциклопедия, URL].

Пожалуй, это единственный кодекс из трех анализируемых, при переводе названия которого налицо вариативность переводческих решений. Двухязычный МультиТран предлагает

Penal Code, Penitentiary Code, Correctional Code, Penal Enforcement Code, criminal law enforcement code, criminal penal code, penal execution code.

Reverso добавляет еще несколько вариантов: Code of Execution of Criminal Sentences, Punishment Code of the Russian Federation, Criminal Penitentiary Code of the Russian Federation, например:

В *Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации* введена глава 3, посвященная вопросам ведомственного и вневедомственного (общественного, независимого) контроля за учреждениями и органами, исполняющими наказание. – Chapter 3 of the *Punishment Code of the Russian Federation* deals with departmental and extra-departmental (public and independent) monitoring of correctional establishments and authorities [Reverso, URL].

Столь большое разнообразие переводных эквивалентов объясняется различиями в правовых системах США и Великобритании, с одной стороны, и России, с другой стороны.

Проанализируем некоторые из переводных эквивалентов термина «уголовно-исполнительный». Так, одним из них выступает термин «penal». Black's Law Dictionary определяет его значение следующим образом: «of, relating to, or being a penalty or punishment, especially for a crime» [Black's, 2009, с.1246]. Термин «penal», безусловно, содержит сему наказания, что позволяет предложить его в качестве переводного эквивалента термина «уголовно-исполнительный», предполагающего исполнение наказаний. Однако стоит обратить внимание и на дефиницию термина penal code в том же словаре: «penal code – a compilation of criminal laws, usually defining and categorizing the offenses and setting forth their respective punishments» [Black's, 2009, с.1247]. Семантика данного термина больше соотносится с нормативными положениями, которые в России предусмотрены Уголовным кодексом. Неслучайно словарная статья содержит помету «Also termed criminal code» [там же]. Таким образом, если перевести «Уголовно-исполнительный кодекс» как Penal Code, есть вероятность неточного понимания сути российского нормативно-правового документа англоязычной аудиторией. «Penal Code» с таким же успехом может выступать переводным эквивалентом названия другого российского кодекса – Уголовного.

В Кодексе США (US Code) есть раздел 18 (Title 18) Crimes and Criminal Procedure следующего содержания:

Part I — Crimes (§§ 1 – 2725)

Part II — Criminal Procedure (§§ 3001 – 3772)

Part III — Prisons and Prisoners (§§ 4001 – 4353)

Part IV — Correction of Youthful Offenders (§§ 5001 – 5043)

Part V — Immunity of Witnesses (§§ 6001 – 6005) [US Code, URL]².

Как видно из содержания, этот раздел содержит правовые нормы, которые в России относятся к трем отраслям и соответствующим кодексам: Crimes – к Уголовному кодексу, Criminal Procedure – к Уголовно-процессуальному кодексу, Prisons and Prisoners – к Уголовно-исполнительному кодексу.

Таким образом, термин «penal code» нельзя отнести к категории терминов, максимально точно передающих значение русскоязычного термина «уголовно-исполнительный кодекс». Англоязычный термин гораздо шире по семантике.

Это обуславливает необходимость поиска других переводных эквивалентов. Подсказкой для переводчика может стать американский Модельный уголовный кодекс (Model Penal Code (MPC)). В п. 1 ст. 1.01 содержится следующее положение: «This Act is called the Penal and

² U.S. Code: Table of Contents. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (дата обращения 24.10.2023)

Correctional Code...» [Model Penal Code, URL]³. Термин «correctional» соотносится с целями наказания, предусмотренными ст.1 УИК РФ: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» [УИК РФ, URL]⁴.

Он нередко комбинируется с прилагательным *criminal* и в такой форме довольно распространен в различных интернет-источниках. В большинстве своем он используется в научных публикациях русскоязычных авторов, в особенности в аннотации и ключевых словах на английском языке.

Термин «Criminal Correctional Code of the Russian Federation» встречается в англоязычной версии доклада за 2017 год Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации:

«...On liberalization of legislation on women in prisons for the commission of minor offenses, including the wider application of the grounds for exemption from serving the sentence provided for in Article 172 of the *Criminal Correctional Code of the Russian Federation* with regard to pregnant women and women who have young children, in accordance with the National Strategy of Action for Women 2017–2022» [The Annual 2017 Report, 2017, с.281].

В два раза больше поисковых запросов выпадает на термин «Correctional Code of the Russian Federation». Среди источников встречаются публикации российских ученых-юристов, отчеты Совета Европы или иных зарубежных организаций.

Наконец, не менее частотным, чем «Correctional Code», является такой переводной эквивалент как «Penitentiary Code». Помимо научных статей российских исследователей, этот термин встречается, например, в публикации британского профессора права [Thornhill, 2018].

Кроме того, он используется на англоязычной версии сайта Российского агентства правовой и судебной информации (РАПСИ):

Amendments are proposed to the Law On the Detention of Persons Suspected and Accused of Committing Crimes and the *Penitentiary Code of the Russian Federation* [Burnov, 2020].

Один из новостных блоков агентства ТАСС также содержит этот термин:

The Federal Penitentiary Service reminded that according to article 17 of the *Penitentiary Code of the Russian Federation* notification of the convict's arrival to the destination where the sentence will be served is sent to only one relative of the convict no later than ten days after arrival [Nadezhda Tolokonnikova..., 2013].

Наконец, термин зафиксирован в аутентичной публикации Международного научного центра имени Вудро Вильсона:

Article 24 of the *Penitentiary Code of the Russian Federation* enumerates a closed list of public officials... [Cannon Fodder for "Putin's Chef", URL].

Другим примером аутентичной публикации может быть отчет одного из комитетов Совета Европы:

A new Law on the execution of sentences (*Penitentiary Code*) was adopted by the State Duma on 18 December 1996, and by the Federation Council on 25 December 1996. It entered into force on 1 June 1997 [Honouring of Obligations, URL].

---

³ Model Penal Code. – URL: https://archive.org/details/ModelPenalCode_ALI/mode/2up (дата обращения 24.10.2023)

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.07.2023) // Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения 24.10.2023)

Подобного рода контексты и авторитетность ряда источников могут склонить переводчика в пользу выбора эквивалента «Penitentiary Code».

Одним из авторитетных источников является и англоязычная версия сайта Президента России, на которой в новостных сообщениях используется термин «Criminal Penitentiary Code»:

Dmitry Medvedev signed Federal Law On Amendments to Article 117 of the *Criminal Penitentiary Code of the Russian Federation* [President of Russia, URL].

Суммируя вышесказанное, отметим, что по многообразию переводных эквивалентов термин «уголовно-исполнительный кодекс» явно выделяется среди других терминов-номинаций кодексов. Такое многообразие объясняется различиями в правовых системах. Выбирая вариант перевода из ряда зафиксированных разными источниками, стоит обратить внимание на частотность использования эквивалента, категорию источника и его авторитетность. При таком подходе мы бы предложили использовать Correctional Code of the Russian Federation или Penitentiary Code of the Russian Federation.

Подведем итог. Обеспечение точности при передаче семантики юридического термина крайне важно в ситуации юридического перевода. В случае различий правовых систем перевод терминологии может в некоторых случаях стать непростой задачей. Русскоязычные термины, выступающие номинациями отраслей права, связанных с понятием «преступление», имеют как вполне устоявшиеся переводные эквиваленты, что позволяет переводчику сделать однозначный выбор, так и вариативные, отличающиеся своей спецификой в английском языке, что требует от переводчика более вдумчивого анализа семантики терминов в двух языках, анализа контекста и коммуникативной ситуации в целом.

Источники:

- 2021 Decisions of the Court. Constitutional Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.ksrf.ru/en/Decision/Judgments/Pages/2021.aspx> (дата обращения 24.10.2023)
- Burnov, Vladimir. Russian penitentiary officials next to police may be authorized to issue cautions News, 14:14 13.01.2020. – URL: https://www.rapsnews.com/legislation_news/20200113/305302161.html (дата обращения 24.10.2023)
- Cannon Fodder for “Putin’s Chef”. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/cannon-fodder-putins-chef> (дата обращения 24.10.2023)
- Honouring of obligations and commitments by the Russian Federation. Information report. 1998. – URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=8566&lang=EN> (дата обращения 24.10.2023)
- Nadezhda Tolokonnikova will be transferred to another penal colony. 18 Oct 2013, 15:51 // TASS Russian news agency. – URL: <https://tass.com/russia/702446> (дата обращения 24.10.2023)
- President of Russia. – URL: <http://en.kremlin.ru/> (дата обращения 24.10.2023)
- Reverso Context. – URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения 24.10.2023)
- Russia’s FSB spy agency opens espionage case against U.S. citizen // Reuters January 19, 2023. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russias-fsb-opens-spying-case-against-us-citizen-2023-01-19/> (дата обращения 24.10.2023)
- The Annual 2017 Report on the activity of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. – URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/027fa129-f1a1-4d85-abe2-b5ac118a74ac/d218e82a-fd85-4ec0-a6e2-eb4a3a50ed5b.pdf> (дата обращения 24.10.2023)

- Thornhill, C. (2018). *Politics Becomes the Law // The Sociology of Law and the Global Transformation of Democracy* (Global Law Series, pp. 277-419). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781108186049.005 URL: <https://www.cambridge.org/core/books/sociology-of-law-and-the-global-transformation-of-democracy/politics-becomes-the-law/5F9C4AE184519B5B1318E0BF5BFA984A> (дата обращения 24.10.2023)
- UN Women. Global Database on Violence against Women. – URL: <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/europe/russian-federation/2002/code-of-criminal-procedure-of-the-russian-federation> (дата обращения 24.10.2023)

Литература:

- Большой юридический словарь // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://jurisprudence.academic.ru/> (дата обращения 24.10.2023)
- Борисова Л. А. Номинация отраслей права в английском и русском языках: переводческий аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 16–22. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_16
- Некрасова Т. П. Юридический перевод. Сборник статей. С русского юридического на английский общепонятный. – М.: Р.Валент, 2012. – 304 с.
- Юридическая энциклопедия // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: https://yuridicheskaya_encyclopedia.academic.ru/ (дата обращения 24.10.2023)
- Black's Law Dictionary / Ed. by Bryan Garner. – Ninth edition. – West, Thomson Reuters business, 2009. – 1920 p.

References:

- big legal dictionary // dictionaries and encyclopedias on academica. - url: <https://jurisprudence.academic.ru/> (accessed: 24.10.2023)
- borisova l. a. nomination of branches of law in english and russian languages: translation aspect // bulletin of moscow state linguistic university. humanities. 2023. vyp. 5 (873). c. 16-22. doi 10.52070/2542-2197_2023_5_873_16
- nekrasova t.p. legal translation. collection of articles. from russian legal to english commonly understood. - moscow: r. valent, 2012. - 304 c.
- legal encyclopedia // dictionaries and encyclopedias on akademik. - url: https://yuridicheskaya_encyclopedia.academic.ru/ (accessed: 24.10.2023)

Бугреева Е. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИНТЕГРАЦИЯ СИНХРОННОГО ПОТОЧНО-ГРУППОВОГО И АСИНХРОННОГО ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В последние десятилетия в сфере высшего образования происходят значительные изменения. Наиболее заметными трендами являются формирование новой образовательной модели и нового образовательного опыта студентов и пересмотр традиционных подходов к определению образовательных результатов. В докладе рассматриваются преимущества и ограничения интеграции синхронного поточно-группового и асинхронного проектно-ориентированного обучения в подготовке специалиста в рамках разрабатываемой автором системно-матричной образовательной модели. Предлагаемый подход основывается на принципах андрагогики, хьютагогики, а также модели конструктивной согласованности Дж. Биггса и теории обучения через действие Р. Реванса. В исследовании используются такие методы, как наблюдение, эксперимент, моделирование. Результаты исследования могут быть интересны всем участникам образовательного процесса.

Ключевые слова: асинхронное проектно-ориентированное обучение, системно-матричная образовательная модель, персонафикация обучения, андрагогика, хьютагогика, обучение через действие, модель конструктивной согласованности

Elena Bugreeva

Saint Petersburg State University

INTEGRATING TRADITIONAL SYNCHRONOUS LEARNING AND ASYNCHRONOUS PROJECT-BASED LEARNING FOR DEVELOPING A PROFESSIONAL AT UNIVERSITY

In recent decades, significant changes have been taking place in higher education in Russia. The most noticeable trends include designing new educational models, developing new educational experience of students, and the revision of traditional approaches to determining learning outcomes. This article discusses the advantages and limitations of integrating traditional synchronous and asynchronous project-based learning for developing a successful specialist within the framework of a system-matrix educational model designed by the author. The proposed approach is based on the principles of andragogy, heutagogy, as well as constructive alignment by John B. Biggs and action learning by Reginald W. Revans. The author uses research methods such as observation, experiment, and modelling. The results could be interesting for all stakeholders of learning.

Keywords: asynchronous project-based learning, system-matrix educational model, personification of learning, andragogy, heutagogy, action learning, constructive alignment

Введение

В последние десятилетия в сфере высшего образования происходят значительные изменения. Наиболее заметными трендами являются формирование новой образовательной модели, нового образовательного опыта студентов и пересмотр традиционных подходов к определению образовательных результатов.

Одним из современных трендов на рынке труда и, как следствие, в обучении является гибридизация профессиональной деятельности. Многие профессии сейчас предполагают постоянное приращение навыков, которые ранее не входили в круг обязательных. Высшая школа вынуждена отвечать на запросы рынка труда новыми образовательными инициативами.

Одной из таких инициатив является предоставление обучающимся возможности в рамках освоения образовательных программ высшего образования получать одновременно несколько квалификаций.

Министерство науки и высшего образования РФ предлагает три модели реализации образовательной программы.

Модель № 1 – образовательная программа высшего образования по нескольким направлениям подготовки (специальностям) соответствующего уровня высшего образования.

Модель № 2 – образовательная программа высшего образования, интегрированная с программой (-ами) профессиональной переподготовки.

Модель № 3 – образовательная программа высшего образования, интегрированная с программой (-ами) профессионального обучения.⁵

Актуализировалось также направление на персонализацию обучения. Персонализированное обучение (Personalization of Learning) — учебные программы, разработанные с учетом интересов, опыта, предпочтительных способов и темпов обучения конкретного человека. В зависимости от используемых технологий и методов преподавания выделяют четыре формы персонализированного обучения: расширение автономности обучающегося, самообразование, дифференцированное обучение и адаптивное обучение [EduTech, 2019, с. 4]. Идея персонализации обучения развивалась в трудах Жана-Жака Руссо (Jean-Jacques Rousseau), Марии Монтессори (Maria Montessori) (1907), Хелен Паркхерст (Helen Parkhurst) («Дальтон-план», 1914), Бенджамина Блума (Benjamin Bloom) (1968), Дэна Бакли (Dan Buckley) (2005). Симпозиум Фонда персонализированного обучения ASCD (2010) определил пять ключевых характеристик персонализированного обучения: гибкость; более широкое понимание роли учителя; метод проектного обучения; обучение, управляемое обучающимися; развитие на основе компетенций. Журнал Forbes назвал персонализированное обучение одним из основных трендов образования 2019 года [EduTech, 2019, с. 3]. Журнал СберУниверситета EduTech выделяет следующие наиболее методологические тренды, связанные с персонализированным обучением: 1) слушатель как соавтор процессов обучения и преподавания; 2) обучение, основанное на данных о том, как обучающиеся взаимодействуют с учебным материалом; 3) учёт эмоционального настроения слушателя для более эффективного обучения [EduTech №4(55), 2023, с. 9].

---

⁵ Письмо Министерства науки и высшего образования РФ от 21 июля 2023 г. N МН-5/2645-ДА «О применении отдельных норм законодательства об образовании». Методические рекомендации по разработке и реализации образовательных программ высшего образования, предусматривающих возможность одновременного получения обучающимися нескольких квалификаций <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407342267/>

Цель данного исследования – показать интеграцию синхронного поточно-группового и асинхронного проектно-ориентированного обучения как один из возможных путей подготовки специалиста с несколькими квалификациями. Задачи исследования: описать преимущества, инструменты и ограничения интеграции синхронного поточно-группового и асинхронного проектно-ориентированного обучения в рамках разрабатываемой автором системно-матричной образовательной модели подготовки специалиста с несколькими квалификациями.

Методы исследования

В исследовании используются такие методы, как наблюдение, эксперимент, моделирование. Метод наблюдения позволил выделить проблему исследования. Эксперимент позволил проверить действенность предлагаемых инструментов на практике. С помощью метода моделирования автор разработал системно-матричную образовательную модель.

Системно-матричная образовательная модель

На современном этапе необходима разработка конкретных инструментов организации обучения на стыке нескольких квалификаций. Одним из решений этой задачи может стать системно-матричная образовательная модель (Рис. 1).

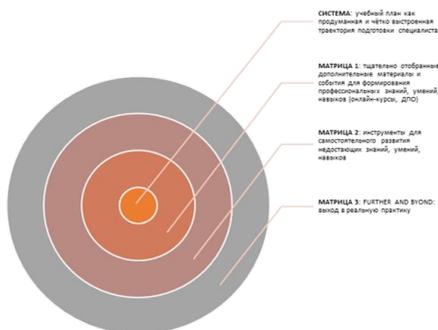

Рис. 1. Системно-матричная образовательная модель

Интеграция синхронного поточно-группового и асинхронного проектно-ориентированного обучения в подготовке специалиста является одной из составляющих такой модели обучения. Преимуществами такого подхода являются:

- реализация принципов андрагогического (vs педагогического) и хьютагогического подходов к обучению, а также концепции непрерывного обучения в течение всей жизни и устойчивого профессионального развития специалиста;
- персонификация и индивидуализация обучения [см: Bugreeva, 2023];
- повышение мотивации, и автономии обучающегося и, как следствие, осознанности обучения;
- формирование умения брать на себя ответственность за результаты обучения;

- объёмное видение и ориентация в разных аспектах будущей профессиональной деятельности;
- постоянное приращение новых умений и навыков;
- самореализация и самопрезентация обучающегося как будущего успешного профессионала;
- нетворкинг.

Предлагаемый подход основывается на принципах андрагогики, хьютагогики, персонализации обучения, а также модели конструктивной согласованности Джона Б. Биггса и теории обучения через действие Реджинальда Реванса.

В 2000 г. С. И. Змеев писал: «Андрогогика играет в настоящее время и будет играть в XXI веке огромную роль как в теории, так и в практике обучения людей. Она является реальной научной базой, обеспечивающей обучение взрослого человека. Андрогогика способствует дальнейшему развитию всей сферы образования и формированию системы наук, которые бы рассматривали в комплексе все аспекты процесса образования человека на протяжении всей его жизни» [Змеев, 2000, С. 39].

Новый подход предложили психолог Стюарт Хейс (S. Hase) и эксперт в сфере обучения Крис Кеньон (Ch. Kenyon) в 2000 г. «Хьютагогика основана на персонализации и предполагает, что обучающийся будет сам отвечать за свое образование. Преподаватель лишь предоставляет ресурсы, а учащийся планирует обучение: выбирает уровень сложности, материалы, задания, темп и форматы [Hase, Kenyon, 2000]. С. Хейс и К. Кеньон вывели четыре ключевых положения хьютагогики: 1) обучение начинается тогда, когда ученик готов; 2) обучение — созидательный процесс, создание новых связей навыков и смены фокуса внимания; 3) учитель — не главный, учащийся ориентируется на опыт и знания, которые могут выходить за горизонт осведомленности педагога; 4) ориентация на ученика, его потребность и желание изучить новое.⁶ «Хьютагогика – это новая революция в педагогическом сообществе, позволяющая продвинуться на один шаг дальше андрагогики к новой системе принципов и образовательных практик, которые могут быть применимы к любым точкам образования и обучения человека в течение всей жизни» [Игнатович, 2013].

Модель конструктивной согласованности (Constructive Alignment), которую разработал австралийский психолог и педагог, Джон Бервилл Биггс (John B. Biggs) предполагает согласование трёх компонентов обучения: учебных активностей и методик их организации, результатов обучения и их оценки.

Теория обучения через действие (Action Learning) Реджинальда Реванса (Reginald William Revans) предполагает, что обучаемые не только активно формируют свои навыки на практических задачах, но и помогают осваивать материал друг другу, признавая собственные слабые места и ликвидируя пробелы в знаниях с помощью правильных вопросов [Revans, 1982; 2011].

Эксперимент

Инструментами интеграции синхронного поточно-группового и асинхронного проектно-ориентированного обучения являются:

- инфузионные практики (приглашение экспертов из отрасли);

---

⁶ Хьютагогика — как научить учиться. Автор: П. Сукманов <https://blog.talentrocks.ru/heutagogy/>

- поддержка инициативы студентов;
- организация посещения занятий на других программах обучения;
- совместное преподавание дисциплин;
- событийный формат (организация mock-конференций [см: Bugreeva, 2018], составление матрицы мероприятий на период обучения, организация совместных проектов для студентов разных направлений подготовки);
- популяризация индивидуальных достижений студентов;
- кастомизация рамочных программ для разных категорий обучающихся;
- формирующее оценивание и учет реальных достижений, в том числе, индивидуальных, в финальной оценке по дисциплине.

Покажем применение этих инструментов на практике на примере реализации программы магистратуры «Иностранные языки и перевод в СМИ» (с дополнительными квалификациями «Педагог дополнительного образования» / «Переводчик в сфере профессиональной и межкультурной коммуникации» / «Учитель иностранного языка») по направлению подготовки «Лингвистика».

Карта обучения (фрагмент представлен на Рис. 2.) включает дисциплины текущего КОУП (отмечены*) и внеучебные события, напрямую связанные с тремя основными направлениями профессионального развития: работа в сфере медиакоммуникаций, перевод медиаматериалов и преподавание медиадисциплин в корпоративном обучении.

Рис. 2. Карта обучения (фрагмент) для программы магистратуры «Иностранные языки и перевод в медиа»

Например, магистранты имеют возможность обучаться в Школе рекламы (творческие мастерские), организованной кафедрой рекламы ВШЖ и МК СПбГУ, регулярно приглашаются на фестивали, конкурсы, конференции, семинары, открытые лекции, студенческие и профессиональные конкурсы. Запланировано совместное преподавание ряда дисциплин с другими преподавателями и проведение mock-конференции для всех обучающихся на магистерских программах. Создан канал Media English, где регулярно публикуются карточки слов с медиатерминами и другие материалы.

Ограничения и барьеры

Однако предлагаемая интеграция синхронного поточно-группового и асинхронного проектно-ориентированного обучения в подготовке специалиста имеет следующие ограничения и барьеры:

- сложность организации,
- ограниченность человеческих, финансовых ресурсов и технического обеспечения,
- невостребованность частных инициатив,
- отсутствие командной работы НПП,
- сложность разработки критериев оценивания участия обучающихся и поощрения НПП,
- инертность обучающихся и преподавателей, невостребованность обратной связи от студентов или неумение использовать её для совершенствования учебного процесса.

Заключение

Таким образом, интеграция синхронного поточно-группового и асинхронного проектно-ориентированного обучения может стать эффективным инструментом в подготовке специалиста будущего при условии заинтересованного сотрудничества всех участников образовательного процесса. Перспективой эксперимента может быть интеграция карты обучения с карьерограммами, отражающими все необходимые навыки будущего специалиста и инструменты их освоения.

Литература:

- Змеёв С. И. Становление андрагогики: развитие теории и технологии обучения взрослых. Автореф. дисс. ... док. пед. наук. М., 2000.
- Игнатович Е. В. Хьютагогика как зарубежная концепция самостоятельного обучения // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 3. DOI: 10.15393/j5.art.2013.2151
- Персонализация обучения: дорога в страну Oz? EduTech. 2019. №2(25). [Электронный ресурс] URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/journals/958/> (дата обращения 25.11.2023)
- Персонализация в обучении: технологии или методология? EduTech 2023. №4(55). [Электронный ресурс] URL: https://sberuniversity.ru/upload/uf/ac1/gey5u67x1zw3ek6s9d1twx47q2beinf8/EduTech_55_web.pdf (дата обращения 25.11.2023)
- Bugreeva E. A. (2018). Mock Conference as an Approach to Cross-Disciplinary Integration in ESP. GSOM Emerging Markets Conference-2018 St. Petersburg, 4-6 October 2018. Pp. 127-128. <https://gsom.spbu.ru/files/emc/GSOM%20EMC%20proceedings%202018%20final.pdf>
- Bugreeva E. A. (2023). Go further and beyond: Personification and Individualisation in Learning and Teaching Master's Students // Языки и культуры: междисциплинарные исследования. Сборник статей / под ред. С. Ю. Рубцовой (отв. ред.), Е. К. Рохлиной. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. С. 80–94.
- Revans R. W. (1982) The origins & growth of action learning. Bromley: Charwell Bratt.
- Revans R. (2011) ABC of Action Learning. Farnham: Gower.
- Hase S., Kenyon Ch. (2000) From Andragogy to Heutagogy [Электронный ресурс] URL: <https://www.researchgate.net/publication/301339522> (дата обращения 25.11.2023)

References:

- Zmeev S. I. Stanovleniye andragogiki: Razvitiye teorii i tekhnologii obucheniya vzroslykh [Evolution of andragogy: Theory and techniques for teaching adults]. Moscow, 2000. (in Russ).
- Ignatovich E. V. Khutagogika kak zarubezhnaya kontseptsiya samostoyatel'nogo obucheniya [Heutagogy as a foreign concept of individual learning] // Life-long learning: 21st century. No. 3. DOI: 10.15393/j5.art.2013.2151 (in Russ).
- Personifikatsiya obucheniya: Doroga v stranu Oz? [Personification of learning: A path to Oz?] EduTech. 2019. No. 2(25). URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/journals/958/> (accessed 25.11.2023) (in Russian).
- Personifikatsiya v obuchenii: Tekhnologii ili metodologiya? [Personification in learning: Techniques or methodology?] EduTech 2023. No. 4(55). URL: https://sberuniversity.ru/upload/uf/ac1/gey5u67x1zw3ek6s9d1twx47q2beinf8/EduTech_55_web.pdf (accessed 25.11.2023) (in Russian).
- Bugreeva E. A. Mock conference as an approach to cross-disciplinary integration in ESP. GSOM Emerging Markets Conference-2018 St. Petersburg, 4-6 October 2018. Pp. 127-128. URL: <https://gsom.spbu.ru/files/emc/GSOM%20EMC%20proceedings%202018%20final.pdf>
- Bugreeva E. A. Go further and beyond: Personification and individualisation in learning and teaching master's students // Languages and cultures: Interdisciplinary research. St. Petersburg, 2023. p. 80–94.
- Revans R. W. The origins & growth of action learning. Bromley: Charwell Bratt, 1982/
- Revans R. ABC of action learning. Farnham: Gower, 2011.
- Hase S., Kenyon Ch. (2000). From andragogy to heutagogy. URL: <https://www.researchgate.net/publication/301339522> (accessed 25.11.2023)

Быкова О. В., Седых Л. В., Шамова Д. М.

Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ В БГТУ «ВОЕНМЕХ» ИМ. Д. Ф. УСТИНОВА

В данной статье описывается опыт реализации интерактивных методов обучения устному переводу в Балтийском техническом университете имени Д. Ф. Устинова. Интерактивные методы обучения переводу включают в себя применение интерактивных технологий в процессе обучения, а также деловые игры по типу «конференция» и «интервью» в рамках изучаемой тематики (общественно-политической, медицинской и других). Проведение деловых игр позволяет обучающимся выступать последовательно, как в роли выступающего, так и в роли переводчика, тренируя навыки универсальной переводческой скорописи при последовательном переводе. В статье также представлены этапы деловой игры с описанием ролей участников. Количество ролей зависит от количества обучающихся в группе. Интерактивные методы обучения могут использоваться и в обучении синхронному переводу, для тренировки вероятностного прогнозирования и закрепления уже полученных навыков.

Ключевые слова: дидактика, устный перевод, обучение, деловая игра, интерактивные технологии.

Bykova O., Sedykh L., Shamova D.

Baltic State Technical University «Voennmeh» named after D. F. Ustinov

IMPLEMENTING INTERACTIVE METHODS IN TEACHING INTERPRETING AT BALTIC STATE TECHNICAL UNIVERSITY «VOENMEH» NAMED AFTER D. F. USTINOV

This article describes the experience of implementing interactive methods of teaching interpretation at the Baltic Technical University named after D. F. Ustinov. Interactive methods of teaching interpreting include the use of interactive technologies in the learning process, as well as roleplays such as “conference” and “interview” within the topics studied (socio-political, medical and others). Roleplays allow students to act consistently, both as a speaker and as an interpreter, training the skills of universal translation cursive in consecutive translation. The article also presents the stages of the roleplay with a description of the roles for participants. The number of roles depends on the number of students in the group. Interactive teaching methods can also be used in teaching simultaneous interpreting, to train forecasting and improve skills students already acquired.

Keywords: didactics, interpretation, training, roleplay, interactive technologies.

Темп, задачи и цели современного мира влияют на все области деятельности человека, в том числе и на деятельность переводчика. Новые ситуации коммуникации требуют адаптации методики обучения переводу в высшем учебном заведении. Для обеспечения не только общих языковых и профессиональных компетенций, но и конкретного тематического лексического минимума используются интерактивные методы обучения переводу. В данной статье

рассматриваются роли и сценарии деловых игр для студентов-переводчиков, реализуемых в «Балтийском техническом университете «Военмех» имени Д. Ф. Устинова».

Отличительной особенностью вуза являются тематики интерактивных деловых игр и конференций: медицина, космос, военное дело, морской флот. Устный перевод реализуется в рамках дисциплин «Перевод специализированный», «Профессионально-ориентированный перевод», «Практический курс перевода первого иностранного языка».

Как результат обучения, студенты как сами проводят авторскую экскурсию в музей, так и участвуют в качестве переводчиков, взаимодействуя с настоящими экспонатами. Обучение происходит с учетом требуемых компетенций и задач, описанных в стандарте «Специалист в области перевода».

Деловая игра на занятии по обучению последовательному и синхронному переводу – эффективная, максимально сжатая по времени и интересная по форме возможность попробовать себя в различных ролях на всех этапах переводческого процесса.

Основатель транзакционного анализа Эрик Берн утверждал, что любой человек практически в каждый момент своей жизни находится в состоянии игры, а сама игра представляет собой акт общения, единицу соотношения одного человека с другим и является специфической моделью социальных отношений [Берн, 2016, с. 41-53].

Я. М. Бельчиков и М. М. Бирштейн дают следующее определение деловой игры как метода имитации принятия решений руководящих работников или специалистов в различных производственных ситуациях, осуществляемый по заданным правилам группой людей, при наличии конфликтных ситуаций или информационной неопределенности [Бельчиков, Бирштейн, 1989, с.53].

Как отмечает И. В. Макаренко, преимущество деловых игр по сравнению с традиционным обучением состоит в следующем: (1) в игре воссоздаются основные закономерности движения профессиональной деятельности и профессионального мышления на материале динамически порождаемых и разрешаемых совместными усилиями участников учебных ситуаций; (2) метод деловых представляет собой специально организованную деятельность по операционализации теоретических знаний, переводу их в деятельностный контекст [Макаренко, 2010].

Деловая игра, как один из векторов обучения через действия, основывается не на прямой передаче готовых знаний, а на создании условий для творческой деятельности, активности, которые способствуют усвоению знаний и формированию умений, так и являются эффективным способом подготовки к профессиональному общению. Таким образом деловую игру можно определить как метод по коллективной выработке стратегии в искусственно-созданных условиях, имитирующих реальные ситуации. Важным аспектом деловых игр является то, что действия в игре условны, а сопровождающие их мысли реальны, что позволяет с одной стороны получить ценный опыт профессиональный и социальный опыт, а с другой стороны избежать жертв и потерь, в случае принятия неверного решения, как например в случае, когда военная стратегия воплощается в игре в шахматы, где король представляет собой крепость, а ферзь - пехоту.

Деловая игра позволяет задать в обучении предметный и социальный контексты будущей профессиональной деятельности переводчика и тем самым смоделировать более оптимальные, по сравнению с традиционным обучением, условия формирования личности специалиста. Использование деловых игр позволяет успешно преодолеть психологической и лингвокультурный барьеры в ситуациях делового общения на иностранном языке и ведет к

формированию профессиональной корпоративной коммуникации. Критериями профессиональной подготовленности будущих переводчиков к корпоративной коммуникации в ходе деловой игры выступает мотивационно-ценностный, познавательно-практический, самостоятельно-ориентированный и рефлексивный опыт; а также уровни (низкий, базовый, продвинутый) сформированности профессиональной корпоративной коммуникации переводчика.

Методика организации и успешное проведение деловой игры требуют подробного структурирования всех её элементов. **Структура деловой игры** включает четыре блока.

1-й блок – организационно-методический. Данный блок включает такие компоненты, как: а) цели б) сценарий в) лексико-грамматическое наполнение г) правила д) рабочие материалы для участников процесса е) распределение ролей студентов.

2-й блок – подготовительный - доигровой брифинг, т.е. психологическая информационная и языковая подготовка участников процесса к правильному выполнению своей роли, обдуманному обоснованному ролевому и речевому поведению в игре и взаимодействию с другими участниками деловой игры.

3-й блок – собственно деловая игра, которая воплощается в групповое скоординированное действие. Модератор деятельности направляет и координирует деятельность, уточняет условия, предлагает новые обстоятельства, возражает, направляет, подводит итоги деловой игры. Группа экспертов (из числа студентов, в которой обязательно присутствует ротация процесса) обсуждает, комментирует работу каждого участника игры, озвучивая личную и коллегиальную оценку деятельности.

4-й блок – постигровой брифинг - разбор и анализ игры, обмен впечатлениями, комментариями, ценными рекомендациями.

Так как особенностью ВУЗа является тематика деловых игр в рамках дисциплин “English for special purposes”, то перед студентами ставится задача общения в рамках официально-делового стиля, который предполагает:

- (1) Отсутствие эмоционально-окрашенных слов и выражений (absence of emotiveness);
- (2) Использование специальной терминологии (the usage of special terminology);
- (3) Использование слов в их основном узуальном неметафорическом значении (the usage of words in their dictionary meaning);
- (4) Использование аббревиатур (the usage of abbreviations);
- (5) Использование синонимов, характерных для официально-делового и научного стилей (the usage of special bookish words);
- (6) Использование клишированных фраз (the usage of cliché's);
- (7) Использование пассивного залога (the usage of passive voice);
- (8) Использование неличных форм глагола (причастия, герундия, инфинитива - the usage non-finite verb forms: the Participle, the Gerund, the Infinitive);
- (9) Использование союзов для логической связки предложений (the usage of conjunctions and connectives to show the logical connection between utterances).

Особенно актуальна деловая игра на занятиях по специализированному переводу (военному) и подготовке специалистов в сфере профессиональной военной коммуникации.

Работа военного переводчика может быть крайне разнообразна. Она может включать в себя как работу с текстом письменный перевод, так и устный перевод, двусторонний последовательный синхронный; так же, зачастую аннотирование и реферирование военных, военно-технических и военно- политических текстов. Военный переводчик должен не только владеть военным переводом как видом специального перевода и уметь осуществлять его в любой обстановке, но и владеть знаниями обязательными для специалиста в области межкультурной коммуникации, и на основании всей полноты знаний проводить анализ военно-политической обстановки, сопутствующей военному переводу.

Качество профессиональной подготовки военных переводчиков также обусловлено интенсивностью коммуникативной деятельности в условиях внедрения новых информационных технологий. Некоторые вопросы языковой подготовки военных переводчиков требуют детальной проработки. Важно изучать лингвострановедческие реалии стран, военный сленг и жаргон, а также изучение военной терминология связанной, с новейшими образцами вооружений и военной техники.

Но основе вышесказанного возникает необходимость формирования профессиональной идентичности военных переводчиков на занятиях по «Специальному переводу». Мы предлагали дидактический подход к формированию требуемых компетенций военного переводчика в образовательной среде ВУЗа. В условиях деловой игры на занятиях студенты могут выполнять **роль** военного корреспондента, радиотелефониста, медика, фельдшера, и собственно военного переводчика, диктора на ТВ. Рассмотрим каждую из ролей подробнее:

Военный корреспондент, (военкор) – корреспондент, сопровождающий армию, авиацию и флот во время военных действий и освещающий военные события в прессе. Основным поставщиком оперативной информации о конфликтах и других политических событиях, происходящих в мире, продолжают оставаться средства массовой информации, деятельность военных журналистов чрезвычайно важна, как правило, встречаются три дефиниции, определяющие лицо специализирующегося в данном виде медиа:

1. Defense Journalist – журналист по оборонным проблемам.
2. War Correspondent – собственно военный корреспондент.
3. Hot Spot Reporter – репортер, работающий в горячих точках.

На занятиях целесообразно использовать задания на «расширение текста» по 10 лексемам и, реферирование статей газеты RT, работать с телеграфной лентой новостей (агентства RT, ИТАР-ТАСС или РИА-новости) - на последовательный перевод, а потом на основе пресс-релиза подготовить свою заметку по теме. В начале каждого занятия важно освещать кратким сообщением события, которые происходят в мире на данный момент, эти краткие сообщения могут излагаться студентами соответственно их ролям:

Военный врач, фельдшер

Особенности работы военного медика предполагают базовые знания иностранного языка, в частности английского. На занятиях «Специального перевода» по военно-полевой медицине необходимо, прежде всего, отрабатывать медицинскую терминологию и сокращения.

Медицинские тексты, где заявлен только один параграф и 10 лексем после – эффективный метод на формирование коммуникативной компетенции языковой догадки, и применение фоновых знаний по теме.

Военный радиотелефонист

Радиотелефонист обслуживают радиостанцию обеспечивает радиосвязь с подразделениями вышестоящим командованием. Информация передается главным образом по слуховому каналу, соответственно, на занятиях крайне необходимо тренировать студентов на восприятие аудиоинформации с последующим воспроизведением: 3, 4 минуты непрерывного текста и полное воспроизведение услышанного. Очень четко строится работа по отработке универсально- переводческой скорописи и аббревиатур.

Военный репортер

Военный репортер ведет репортаж из горячих точек, освещает военную тематику в СМИ, выполняет редакционные задания, связанные с описанием деятельности силовых структур, а также ведет фото и видеосъемку. Это творческая деятельность, связанная с риском. На занятиях целесообразно использовать упражнения на постредктирование текста; “восстановление” поликодовых текстов и, собственно, их составление; реферирование информации при работе с аудио и видеоматериалом по военной тематике; “расширение” текста по 10 лексемам.

Диктор на ТВ

Диктор – сотрудник радиостанции или телевидения, который занимается четкой текстов в прямом эфире или под запись. Характер информации, в частности военные новости, требует высокой личной ответственности и концентрации. Ошибки в прямом эфире недопустимы.

В работе диктором первостепенное значение имеет умение интонационно выражать смысловые точки текста, редакция текстов, а также владение правилами речевой культуры и невербальными коммуникациями. На занятиях работа строится с звукозаписывающим оборудованием – камерой, микрофоном для формирования собственного медиа-имиджа и возможности получения аудио - видеозаписи обучающегося с последующим комментарием преподавателя, коллег по видео фрагменту.

Для постановки четкости голоса необходимы предварительные фонетические упражнения на занятии, направленные как на снятие фонетических трудностей по военной тематике, так и упражнения из курса «Культура речевого общения» для формирования имиджа диктора в медиа среде [Погодин, 2015].

Феномен деловой игры на занятиях по обучению последовательному и синхронному переводу, это прежде всего потенциал раскрытия широких возможностей по вовлечению студентов в профессиональные виды деятельности. Профессионально – ориентированная деловая игра включает студентов в осуществление реальных видов деятельности специалиста и является мощным средством развития профессиональной переводческой компетенции.

Имитационно-деловая игра как ключевой компонент методики применения игрового моделирования требует от обучающихся выполнения разнообразных ролей, что, в свою очередь, развивает следующие компетенции личности переводчика:

1. Собственно переводческую, т.е. способность к осуществлению переводческих функций в зависимости от обстоятельств, контекста и роли переводчика.
2. Рефлексивную – умение анализировать результаты собственной работы и делать выводы.
3. Психологическую, которая заключается в личностной готовности к выполнению профессиональных действий и высокого уровня мотивации.

Рассмотрим структуру деловой игры «Пресс-конференция» с выявлением специфики ролей обучающихся и вариативности упражнений переводческого процесса. Студенты

выступают в роли модераторов, спикеров; журналистов; пресс-секретаря, ведущего протокол мероприятия, ньюс-мейкеров – команды, которая готовит пресс – материалы. Особую роль в этом моделировании отводим журналистам, которые задают вопросы провокационного, уточняющего, анализирующего характера. Модератор следит за регламентом выступлений и очередностью этапов (встреча гостей, аккредитация, представление спикеров, презентация, сессия вопрос – ответ).

Спикеров может быть несколько, интересно, когда они представляют разные подходы к решению проблемы, но они не имеют право вступать в споры и конфронтацию с другими спикерами. Спикеры имеют четко ограниченные полномочия в фактическом материале. Например, один спикер раскрывает техническую сторону вопроса, другой – информационную, третий – экономическую, четвертый – этическую и т.д.

Для организации пресс – конференции обязательно наличие проекционного оборудования, звука, света, а также аудиоустройств для осуществления записи перевода на диктофон (CD, в формате mp3 и прочее).

Брендинг мероприятия также способствует созданию аутентичной атмосферы пресс – конференции (конференции, когда в зале размещается символика по теме (баннеры, стены с логотипами и др).

Не менее интересна роль эксперта(ов) по вербальным и невербальным коммуникациям, который(ые) в процессе пресс-конференции фиксирует соблюдение (несоблюдение правил переводческого поведения (прямая осанка, сдержанная мимика, жестикуляция)); соблюдение/несоблюдение правил выполнения устного перевода (четкая артикуляция звуков, уверенная интонация речи, громкий голос, отсутствие сорных звуков и слов, линейная речь, отсутствие повторов); полное/неполное выполнение перевода (наличие/отсутствие пропусков в тексте перевода, перевод заголовка и т.д.); соблюдение/несоблюдение конвенций и стиля определенного типа текста; правильная/неправильная передача тема – речитической структуры оригинала.

Использование адекватной/неадекватной технологии перевода; наличие/отсутствие нарушений нормативно – языкового плана. Эксперт также фиксирует полноту перевода (процент немотивированного и неоправданного опущения информации).

Подводя итоги, стоит отметить, что в зависимости от специфики деловой, профессионально – ориентированной игры, варьируются **роли обучающихся** с обязательной ротацией ролей во время проведения самого мероприятия. Актуально воссоздание следующих реалий современного мира и конференц – перевода, в частности:

1. Конференция;
2. Пресс – конференция;
3. Саммит;
4. Международный экономический форум;
5. Перевод презентации;
6. Перевод деловых проектов;
7. Перевод нормативных документов в переводческой отрасли в формате проведения лекции преподавателя;
8. Перевод спикера/ментора с Ted -talk платформы, воссоздание этой платформы студентами;

9. Перевод собеседования при устройстве на работе;
10. Перевод интервью на различные социально – политические и общегуманитарные направленности.

Для качественной подготовки обучающихся к вышеперечисленной переводческой деятельности предлагаем использовать следующие **упражнения и приемы**:

1. Составление глоссария по теме с последующим его обменом с коллегами;
2. Упражнение на развитие переводческой памяти и расширение активного лексического запаса; Абзацно – фразовый перевод;
3. Микрореферирование – пофразовый последовательный перевод. Упражнения на смысловое запоминание;
4. Осуществление двустороннего перевода согласно карточкам с заданиями;
5. Перевод английского текста с листа, объемом 180-200 лексических единиц;
6. Упражнения в сложном аудировании (перевод аутентичных спикеров с платформы Ted, аудио – фрагменты из репозитория речей);
7. Упражнения на различные варианты оформления УПС; Использование опыта Д. М. Бузаджи и его страницы в VK;
8. Упражнения на перевод имен собственных, терминов, смысл которых может меняться в зависимости от контекста;
9. Упражнения на общеупотребительную аббревиатуру по теме.
10. Письменные диктанты на остаточные знания географических названий, российских и международных организаций;
11. Запись перевода новостных сообщений, “озвучивание” кинофрагментов на диктофон;
12. Спектр упражнений на формирование переводческой компетенции в устном переводе.

Результатом моделирования реальных условий становится не только овладение лексическими единицами в рамках заданной тематики, но и формирование психологической устойчивости к стрессу и уменьшение влияния окружающей среды и ряда экстралингвистических факторов на качество перевода. Таким образом, вопрос организации деловой игры в ходе профессиональной подготовки специалиста - переводчика является предметом актуального изучения и применения. Будущий переводчик в ходе деловой игры способен выстраивать собственную познавательную траекторию самоорганизовать и саморегулировать процесс выполнения исследовательской, поисковой, эвристической переводческой деятельности, которая является необходимой и первостепенной при овладении спецификой корпоративной коммуникации.

Литература:

Бельчиков, Я. М. Деловые игры / Я. М. Бельчиков, М. М. Бирштейн. - Рига: АВОТС, 1989.-304 с.
Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э.Берн. - Москва: Эскимо, 2016. - 576 с.

- Макаренко, И. В. Деловая игра как метод активного обучения [Электронный ресурс] / И. В. Макаренко // Актуальные проблемы бизнес-образования : материалы IX междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8-9 апреля 2010 г. / Белорус. Гос. ун-т; редкол.: В. В. Апанасович (гл.ред.) [и др.] Режим доступа: http://www.sbmt.bsu.by/Data_RUS/ContBlocks/01108/Makarenko.pdf. - Дата доступа: 24.01.2019.
- Погодин Б. П. Конференц-перевод в международных организациях. Рабочие форматы и сценарии. Документация. Лексика. С аудиоприложением. — М.: «Р. Валент», 2015. — 164 с.

References:

- Belchikov, Ya. M. Business games / Ya. M. Belchikov, M. M. Birstein. - Riga: AVOTS, 1989.-304 p.
- Bern, E. Games that people play. People who play games / E. Bern. - Moscow: Eskimo, 2016. - 576 p.
- Makarenko, I. V. Business game as a method of active learning [Electronic resource] / I. V. Makarenko // Actual problems of business education : materials of the IX International Scientific and Practical Conference, Minsk, April 8-9, 2010 / Belarusian State University; Editor: V. V. Apanasovich (Chief Editor) [and others] - Access mode: http://www.sbmt.bsu.by/Data_RUS/ContBlocks/01108/Makarenko.pdf. - Access date: 24.01.2019.
- Pogodin B. P. Konferenc-perevod v mezhhdunarodnyh organizacijah. Rabochie formaty i scenarii. Dokumentaciya. Leksika. S audioprilozheniem [Conference Interpreting in International organisations. Working formats and scenarios. Documentation and Vocabulary. With audio tracks]. — М.: «R. Valent», 2015. — 164 s.

Ваничева М. Н., Соснина М. Н.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АУДИОВИЗУАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТСКОЙ АУДИТОРИИ

В статье предпринята попытка интегрировать принципы функционально-прагматического подхода в перевод аудиовизуальной продукции для детей и оценить существующий перевод с позиции прагматики текста. Материалом исследования послужил английский перевод популярного российского мультсериала «Смешарики», для которого характерны жанровое разнообразие и интертекстуальность. Рассмотрены сильные и слабые стороны перевода с учетом влияния прагматического фактора на целостность образов персонажей. Разработанные авторами исследования рекомендации направлены на достижение различных уровней переводческой адекватности при работе с аудиовизуальным контентом, а также осуществление сбалансированной культурной адаптации произведения к определенному социокультурному контексту. Материалы исследования могут быть использованы начинающими и опытными переводчиками в своей профессиональной деятельности и служить основой для проведения дальнейших исследований в области аудиовизуального перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, лингвокультурная адаптация, прагматика текста, социокультурный контекст, функционально-прагматический подход

Maria N. Vanicheva, Maria N. Sosnina

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC APPROACH TO AUDIOVISUAL TRANSLATION OF PRODUCTS FOR CHILDREN

The paper aims at integrating the principles of the functional and pragmatic approach into the translation of audiovisual products for children and assessing an existing translation given the text pragmatics. The research material is the English translation of “Smeshariki” (KikoRiki), a popular Russian animated television series, whose distinctive feature is genre diversity and intertextuality. The strengths and weaknesses of the translation are considered from the perspective of the pragmatic factor that influences the integrity of the characters. The recommendations offered by the authors of the paper can help you achieve different levels of translation adequacy and reach a balanced cultural adaptation of an audiovisual product to a sociocultural context. The research materials can be used by novice and experienced translators in their professional activity and be the ground for further research into audiovisual translation.

Kywords: audiovisual translation, functional and pragmatic approach, linguistic and cultural adaptation, socio-cultural context, text pragmatics

Проблема лингвокультурной адаптации произведений для детей уже долгое время находится в центре внимания специалистов по переводу, межкультурной коммуникации,

педагогов и представителей других профессий. Однако в 21 веке расширение медийного пространства и появление многочисленного аудиовизуального контента, адресованного детской аудитории, способствовали еще большей актуализации обозначенной проблемы, повысив спрос на качественный и культурно адаптированный перевод как произведений на иностранных языках, так и популяризацию российской медийной продукции, в частности анимационных фильмов, для зарубежного зрителя. В России, где киноперевод осуществляется с последующим дублированием, проблемы перевода и адаптации произведений на иностранном языке зачастую остаются незамеченными массовым зрителем. И если взрослая аудитория может поставить под сомнение качество предлагаемого переводного материала, то дети не способны к критике потребляемого аудиовизуального контента. Таким образом, авторы настоящего исследования рассмотрели аспекты прагматики переводного текста, предназначенного для детской аудитории, а также затронули особенности социокультурного контекста, в котором находится рецептор перевода. Целью исследования является анализ английского перевода российского мультсериала «Смешарики», вышедшего в 2008 г. на американском канале The CW под названием «GoGoRiki», выявить его сильные и слабые стороны, составить методические рекомендации по выполнению аудиовизуального перевода с русского языка на английский для детской аудитории с учетом компонентов функционально-прагматического подхода.

Функционально-прагматический подход в отечественном переводоведении основывается на динамической модели перевода, выдвинутой А. Д. Швейцером, согласно которой основными прагматическими факторами перевода являются [Швейцер, 2009]:

1. Коммуникативная интенция отправителя;
2. Установка на получателя;
3. Коммуникативная установка переводчика.

С точки зрения функционально-прагматического подхода, переводчик концентрирует своё внимание на интенциях исходного текста и вырабатывает определённую стратегию перевода, которая включает в себя несколько этапов анализа текста оригинала. Кроме того, стратегии могут строиться на создании функционально-коммуникативного рисунка, зависящего от формы, содержания и коммуникативной направленности текста оригинала. Практическая часть процесса перевода строится на реализации выбранной переводческой стратегии с учётом прагматических факторов, в первую очередь затрагивающих характеристики потенциальных получателей перевода, или рецепторов, их возраста, знаний, характера, окружающего социума и других характерных черт. Зная особенности рецептора, можно предположить, какова будет реакция, эмоциональная или поведенческая. Если возникает задача добиться исходного коммуникативного эффекта, необходимо прибегнуть к прагматической адаптации текста.

В отношении перевода произведений для детской аудитории подобная практика широко распространена, что в некоторых случаях приводит к тому, что имплементируемая переводческая стратегия представляет собой именно прагматическую адаптацию, а не перевод. В качестве примера можно привести советскую адаптацию детской книги «Удивительный волшебник страны Оз» американского писателя Л. Фрэнка Баума. Создавая «Волшебника Изумрудного города», А. Волков осуществил не перевод, а именно адаптацию, изменив сюжет и самостоятельно написав последующие пять книг серии [Комиссаров, 2002].

Говоря о функционально-прагматическом подходе при переводе произведений для детей, наряду с такими категориями, как возраст, пол, образование, необходимо учитывать и социокультурный контекст, в котором находятся дети-рецепторы перевода. В таком случае перед переводчиком более остро встает задача эксплицирования фоновой информации. Соответственно текст перевода требует дополнений и разъяснений, особенно в отношении

географических, исторических, бытовых реалий, а также интертекстуальных элементов, содержащихся в тексте оригинала.

С точки зрения прагматики в процессе художественного перевода специалист может пренебречь точностью в угоду стилю или целостного понимания текста, поэтому допустимы опущения некоторых деталей или реалий, неизвестных рецептору перевода, если это ведет к незначительной потере информации. Так, например, в английском переводе российского мультсериала «Смешарики» опускается топоним «Кострома» в эпизоде «Эффект Бабушки», поскольку для сюжета данный фрагмент незначителен и не искажает целевого восприятия.

Похожие принципы транслирует и теория скопоса, сформулированная К. Райс и Х. Фермеером [Reiß, Vermeer, 1984]. Приоритетное положение в теории скопоса занимают адресат перевода и конечный текст, тогда как исходному тексту отводится менее значительная роль. Скопос, благодаря которому переводчик выбирает адекватные стратегии и методы перевода, может быть сформулирован только после выявления целевой читательской аудитории. Из этого следует ещё одно преимущество скопос-теории – пересмотр функциональных отношений между оригинальным и переведенным текстами. Основное внимание уделяется содержанию, а не форме, и задача переводчика заключается в передаче концептуального содержания оригинального текста, а не в обязательном сохранении его стиля или языковой формы, поскольку целевой текст должен реализовывать свой скопос (функцию). Однако в случае, если скопос переведенного текста не совпадает со скопосом оригинала, переводчик вместо того, чтобы максимально придерживаться оригинального текста, должен создавать на его основе функционально адекватный перевод.

Данный принцип часто реализуется при аудиовизуальном переводе. Понятие аудиовизуального перевода в теории и практике отечественного переводоведения обычно употребляется в отношении художественного аудиовизуального перевода, хотя художественный аудиовизуальный перевод или киноперевод, является подвидом аудиовизуального перевода, который охватывает помимо фильмов, мультипликаций, сериалов и других художественных мультимедийных произведений, перевод документальных фильмов, рекламных роликов, интернет-ресурсов в видеоформате и пр. Российские ученые, рассматривая аудиовизуальный перевод в аспекте соблюдения правил переводческой адекватности и достижения коммуникативной задачи, концентрируются на следующих моментах [Горшкова, 2006; Малёнова, 2020; Матасов, 2009]: 1) преобладание монологической и диалогической речи персонажей в аудиовизуальных произведениях и соответствие перевода монологических и диалогических реплик общему сюжетному развитию; 2) наличие изображения, содержащего текст. Существует деление таких текстовых элементов на элементы немедленной значимости, отложенной значимости и незначимые элементы. Последняя категория текстовой информации не подлежит переводу и является так называемым «текстовым шумом». К первой категории относятся текстовые элементы, непосредственно влияющие на понимание произведения, то есть те, без которых не будет передано содержание. Ко второй категории также относится текстовая информация, необходимая для понимания, но влияющая на сюжет в более поздние периоды. В таких случаях используются разнообразные приемы для перевода текстовой информации: ретушь и наложение текста перевода на исходный текст оригинала, закадровая озвучка, или субтитрование; 3) понятие синхронизма, которое достигается при соответствии изображения и звука, звука и артикуляции, ритма, жестикации, мимики, ситуации, заключенной в визуальном сопровождении и пр. Синхронизм делится на семантический, драматический и фонетический [Горшкова, 2006].

Западные ученые в аспекте аудиовизуального перевода обращают внимание на комплексный выбор стратегий перевода при трансформации текста оригинала в текст перевода.

В частности, профессор Фредерик Шауме, специалист в области аудиовизуального перевода рассматривает такой перевод с двух позиций:

1. Процесс трансформации одного аудиовизуального текста в другой аудиовизуальный текст с применением определенных стратегий и с учетом особенностей структуры текста;
2. Результат данного процесса, представляющий аудиовизуальный продукт, который следует рассматривать с лингво-дискурсивной, кинематографической, идеологической, культурной и прочих точек зрения [Chaume, 2016].

Представляется очевидным, что в основе научного подхода к аудиовизуальному переводу лежит принцип соблюдения структурного единства текстов оригинала и перевода с учетом возрастной, социокультурной, идеологической составляющей целевой аудитории, что, в свою очередь, и является прагматическим компонентом данного перевода.

Изложенные в настоящей статье результаты исследования представляют собой попытку интегрировать принципы функционально-прагматического подхода в перевод аудиовизуальной продукции для детей и оценить существующий перевод с позиции прагматики текста. Материалом исследования послужил английский перевод 99 серий российского мультсериала «Смешарики». Выбор данного произведения был обоснован не только популярностью у зрителей («Смешарики» были переведены на 50 языков и транслировались в 90 странах), но и жанровым разнообразием мультфильма, реализующим концепцию «мир без насилия», интертекстуальностью содержания, самобытностью созданных персонажей, интегрированных в российскую культурную реальность. Всё вышеперечисленное представляет интерес для перевода мультсериала не только с точки зрения соблюдения различных уровней переводческой адекватности, но и сбалансированной культурной адаптации произведения к определенному социокультурному контексту.

Поскольку перевод мультсериала на английский язык с последующим озвучиванием американскими актерами был осуществлен американской переводческой компанией или филиалом FUN Union в США, при проведении лингвокультурологического анализа можно с уверенностью утверждать, что текст перевода ориентирован на усредненного американского рецептора. В этой связи для оценки качества созданного англоязычного аудиовизуального продукта было выделено несколько переводческих критериев: 1) адаптация диалогической и монологической речи; 2) адаптация онимов; 3) передача реалий исходного текста и интертекстуальных включений.

В результате проведенного исследования были выявлены достоинства и недостатки перевода мультсериала по каждому критерию, что помогло прийти к обобщенным выводам относительно влияния прагматической установки, отражающей в данном случае восприятие усредненного американского ребенка при использовании той или иной переводческой стратегии.

Таким образом, монологическая и диалогическая речь в американском варианте «Смешариков» подверглась значительному упрощению. Часто авторы перевода делают акцент на юмористической составляющей диалогов, игнорируя воспитательный или образовательный момент, который ярко представлен в исходном тексте. Именно поэтому инструмент нарратива в виде закадрового рассказчика не используется в англоязычной версии. Также отсутствует перевод экранного текста, видимо, по причине того, чтобы не перегружать зрителей лишней информацией. Однако, упрощение и снижение стиля отчасти компенсируется удачным использованием каламбуров, риторических восклицаний и синтаксических сокращений на основе звемги. Все вышеперечисленные особенности перевода, в первую очередь, связаны с восприятием и установкой на американского зрителя, который воспринимает детскую

анимацию как преимущественно развлекательный жанр, где морализаторский компонент должен быть незаметен или отсутствовать вовсе.

Прагматический фактор оказал влияние и на целостность образов персонажей. У нескольких персонажей «Смешариков» есть свои коронные фразы (catchphrase), такие как «ёлки-иголки», «кукуси меня пчела», «феноменально». При изучении перевода от FUN Union было обнаружено, что частота и стабильность использования коронных фраз значительно снижена. Например, «ёлки-иголки» имеет три варианта в переводе: “oh carrots” и вариативное ему “holy carrots” (персонаж является кроликом), “oh man”. В оригинальном варианте у фразы «ёлки-иголки» наблюдается широкий спектр эмоциональной окраски, которая включает в себя досаду, радость, удивление, гнев и прочее. В английском варианте в негативных ситуациях используется преимущественно “oh man”, из-за чего не реализуется принцип многократного использования и стирается само значение коронной фразы.

Как и речь героев «Смешариков», адаптация онимов строится на функционально-прагматическом подходе. Говорящие имена персонажей в английском варианте в первоначальной семантике не сохранились. Большинство имен собственных приобрело новое значение, понятное для американского зрителя, например, «Крош» (сокр. от «крошечный») — “Krash” (стилизованное написание слова “crash”), «Лосяш» — “Dokko” (что можно расценивать одновременно как стилизованное “doc”/“doctor”, указывающее на научный род деятельности персонажа, либо же стилизованную версию слова “doe”). В случае с именем “Krash”, перевод находится в рамках характера героя. Подобная стратегия в переводе имен собственных решает прагматическую сверхзадачу адаптации оригинального произведения для детской аудитории, но иногда в ущерб эквивалентности и отдалению от оригинала.

Относительно реалий и интертекстуальных включений прагматический компонент проявился наиболее ярко, так как большинство единиц безэквивалентной лексики и аллюзий на явления российской культуры можно сделать доступными для американской детской аудитории только через нахождение аналогов в привычной для них лингвокультурной среде, чем и обусловлен здесь функционально-прагматический подход. В эпизоде из серии «Прощай, Бараш!» (в переводе — “Bon Voyage, Wally!”) фраза «А кушать хочется, даже когда бушует ураган» переведена “And you can’t exactly order a Chinese dinner when you’re steering a sloop through a squall!” Объяснить перевод можно американской привычкой заказывать на дом доставку китайской еды, что стало синонимом быстрого и дешевого ужина.

Особый интерес представляет перевод названий серий. Например, серия «Эффект бабушки» отсылает к эффекту бабочки и содержит каламбур. В переводе название звучит как “The Grandmother Effect”, где каламбур утрачен. Вероятно, таким образом переводчики пытались сделать отсылку к так называемому «парадоксу дедушки» (англ. “grandfather paradox”), который часто эксплуатируется в сюжетах о путешествиях во времени.

На основе проведенного анализа были предложены следующие методические рекомендации по выполнению аудиовизуального перевода для детской аудитории:

- Создать приблизительный социокультурный портрет целевой аудитории;
- Максимально сохранять элементы характера персонажей, их речевого поведения;
- Выбирать переводческие стратегии в соответствии с установленными авторскими жанрово-стилистическими рамками;
- Оценивать социокультурные особенности страны языка перевода и адаптировать материал в соответствии с ними;

- Руководствоваться аудиовизуальным сопровождением при переводе и адаптации реалий, онимов, фразеологизмов;
- Оптимально использовать переводческие приемы нейтрализации и добавления;
- Учитывать музыкальное и визуальное сопровождение;
- По возможности переводить экранный текст путем закадрового озвучивания.

Перечисленные рекомендации и материалы исследования могут быть использованы действующими и начинающими переводчиками в профессиональной деятельности, а также для проведения дальнейших исследований в области аудиовизуального перевода.

Литература:

- Горшкова В. Е. Перевод в кино: монография. Иркутск: МИГЛУ, 2006. — 278 с.
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. — 424 с.
- Малёнова, Е. Д. К определению понятия «аудиовизуальный перевод» // Вестник НГЛУ. — 2020. — № 48. — С. 64-73.
- Матасов Р. А. Перевод кино / видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: Дис... канд. филол. наук. — М., 2009. — 23 с.
- Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. — М.: Librokom, 2009. — 216 с.
- Chaume F. Audiovisual Translation Trends. Growing Diversity, Choice, and Enhanced Localization // Media Across Borders: Localizing TV, Film and Video Games. London: Routledge, 2016. — P. 68-84.
- Reiß Katharina, Vermeer Hans. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen: Niemeyer, 1984.
- FUN Union : сайт. URL: <https://fununion.net> (дата обращения: 20.06.2023)

References:

- Gorshkova V. E. Perevod v kino: monografiya [Film translation: monograph]. Irkutsk, MIGLU [Journal of Irkutsk Branch of Moscow State Linguistic University], 2006, 278 p.
- Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie [Contemporary translation studies]. Moscow: ETS, 2002, 424 p.
- Malenova, E. D. K opredeleniyu ponyatiya «audiovizual'nyi perevod» [Defining audiovisual translation]. Vestnik NGLU [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin], 2020, No. 48, Pp. 64-73.
- Matasov R. A. Perevod kino / video materialov: lingvokul'turologicheskie i didakticheskie aspekty: Dis... kand. filol. Nauk [Translation of film / video materials: linguistic, cultural and didactic aspects: abstr. of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2009, 23 p.
- Shveitsler A. D. Teoriya perevoda. Status, problemy, aspekty [Theory of translation. Status, problems, aspects]. Moscow, Librokom, 2009. — 216 p.
- Chaume F. Audiovisual Translation Trends. Growing Diversity, Choice, and Enhanced Localization // Media Across Borders: Localizing TV, Film and Video Games. London: Routledge, 2016. — P. 68-84.
- Reiß Katharina, Vermeer Hans. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen: Niemeyer, 1984.
- FUN Union : сайт. — URL: <https://fununion.net> (дата обращения: 20.06.2023)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В РАМКАХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ДИСКУРСА

В данной статье рассматриваются лингвистические особенности рекламного дискурса высших учебных заведений, главным образом ресурсы медиа-коммуникации, которые университет задействует для продвижения своих ценностей и задач, а также коммуникативные стратегии, реализуемые в рамках рекламного университетского дискурса, их направленность и степень выраженности. В качестве основных методов исследования выступают: метод прагмалингвистического анализа, медиалингвистический метод, метод контент-анализа. При рассмотрении и анализе контента официального сайта Челябинского государственного университета прослеживается тесное взаимодействие различных видов дискурса (рекламного, научного, университетского, академического), все коммуникативные стратегии (информативная, модально-оценочная, регулятивная, метакоммуникативная) в полной мере реализуются в дискурсе веб-сайта ЧелГУ, однако в зависимости от целей адресанта та или иная коммуникативная стратегия выступает доминирующей.

Ключевые слова: университетский дискурс, коммуникативная стратегия, ЧелГУ, веб-сайт, рекламный дискурс

Elena V. Viktorova

Chelyabinsk State University

IMPLEMENTATION OF COMMUNICATION STRATEGIES WITHIN UNIVERSITY DISCOURSE

This article examines the linguistic features of the advertising discourse of higher education institutions, mainly the media communication resources that the university uses to promote its values and objectives, as well as communication strategies implemented within the advertising discourse, their focus and degree of expression. The main research methods are: the method of pragmalinguistic analysis, the mediallynguistic method, the method of content analysis. When considering and analyzing the content of the official website of CSU, a close interaction of different types of discourse can be traced; all communicative strategies are fully implemented in the discourse of the CSU website, however, depending on the goals of the addressee, one or another communicative strategy is dominant.

Keywords: university discourse, communication strategy, CSU, website, advertising discourse

За последние десятилетия исследования понятия дискурса в лингвистике весьма значительны. Дискурс выступает в роли «человеческой жизни в языке», или, как говорит Б. М. Гаспаров, «языковым существованием» [Гербер, 2014, с. 69]. Арутюнова понимает дискурс как «общепринятый вид речевого поведения субъекта в различных сферах человеческой деятельности, определенной совокупностью социальных, культурно-исторических, идеологических, психологических и других факторов» [Арутюнова, 1999, с. 239].

Е. В. Найдён в свою очередь подчеркивает, что понятие «дискурс» существует в текстах, обладающих особой грамматикой, лексикой, семантикой и правилами словоупотребления. Существуют большое разнообразие видов дискурса: политический, юридический, медицинский, и т.д. Анализ типов дискурса осуществляется с различных позиций, но существуют основные посылки для их изучения, одной из них является подробный анализ коммуникативной ситуации. И поскольку главную роль в коммуникативной ситуации играют участники общения, важно проанализировать, каким образом это общение реализуется с точки зрения социокультурного аспекта.

Анализ исследований, проведенных за последние пять лет, которые посвящены проблематике типологии дискурсов, позволяет сделать вывод, что различные типы дискурса необходимо рассматривать в рамках динамической модели языка, основываясь на коммуникации людей, выражающих свои чувства, идеи и опыт.

В последнее время огромный интерес ученых-лингвистов направлен на изучение университетского дискурса, выступающего основной единицей коммуникации представителей академического сообщества. Его активным изучением занимаются такие лингвисты, как Т. Н. Парулина, И. Ю. Хомутова, Е. В. Найдён, Н. В. Денисова, В. В. Максимов и др.

Т. Н. Парулина и И. Ю. Хомутова рассматривают понятие «университетский дискурс» с позиции «интегрального подхода к языку и тексту» [Хомутова, Парулина, 2018, с. 33]. Лингвистами предложена базовая, так называемая «интегральная модель университетского дискурса», в рамках которой ученые разработали его типологию. В трудах А. Н. Серебренниковой, Е. В. Найдён, В. В. Максимова университетский дискурс рассматривается в рамках лингвокультурного подхода, который основывается на концептуальных полях «знание-образ-компетенция». Изучением прагматических особенностей университетского дискурса занимаются Ю. Е. Кочнева, О. Д. Пастухова, Е. А. Титова.

На сегодняшний день активное внедрение компьютерных технологий и маркетингизация высшего образования отводят рекламе важную роль в продвижении различного рода услуг. Именно интернет-дискурс выступает в качестве эффективного канала взаимодействия участников коммуникации. Тесное взаимодействие университетского дискурса и интернет-дискурса наглядно продемонстрировано сайтами высших учебных заведений. Дискурс веб-сайта университета отличается тем, что в нем присутствуют черты различных видов дискурса: научный, образовательный, рекламный, административный, бытовой, художественный, академический и т.д., тем самым отображается его комплексная структура. Как подчеркивает И. Ю. Парулина, «университетская действительность, типовые участники (представители университета и люди, косвенно с ним связанные) и корпоративная культура университета» [Парулина, 2016, с. 72] являются основанием для объединения вышеперечисленных типов дискурса. Однако преломление вышеуказанных дискурсов через призму гипертекста позволяет дискурсу университетского веб-сайта приобрести новые черты и свойства.

Осуществление эффективной коммуникации вузов со своими потенциальными студентами определено прагматической направленностью дискурса интернет-сайтов университетов. Увеличение количества поступающих на различные факультеты вуза, привлечение ученых, распространение достижений в области науки и образования и, главное, создание образа престижного и «идеального» учебного заведения обязует дискурс веб-сайтов вузов использовать яркие, выразительные, убедительные средства в создании имиджа университета. Рекламные сообщения, направленные на создание подобного образа, являются центральным элементом контента университетской интернет-страницы.

В данной статье рассматриваются лингвистические особенности рекламного дискурса высших учебных заведений, главным образом ресурсы медиа-коммуникации, которые университет задействует для продвижения своих ценностей и задач, а также коммуникативные стратегии, реализуемые в рамках рекламного университетского дискурса, их направленность и степень выраженности. Следует подчеркнуть, что степень изученности университетского дискурса на сегодняшний и его освещение в лингвистических трудах весьма неглубоки. Отдельного рассмотрения требуют вопросы определения места университетского дискурса среди других видов дискурса и возможности разработки его типологии.

Взаимодействие университетского, интернет-дискурса и дискурса рекламы в эпоху компьютеризации является перспективным направлением исследований в области дискурса с позиции «когнитивных, языковых, социокультурных и коммуникативных особенностей университетского интернет-дискурса» [Хомутова, Парулина, 2018, с. 35].

Анализ рекламного дискурса университетских веб-сайтов проводится на примере официального сайта Челябинского государственного университета. Подробно рассматривается раздел сайта Челябинского государственного университета «Приемная кампания 2023», поскольку именно приемная кампания является ключевым событием для каждого университета. Анализ рекламных стратегий, реализуемых в рамках приемной кампании, является важным для понимания механизмов ее воздействия на целевую аудиторию. В качестве основных методов исследования выступают: метод прагмалингвистического анализа, который позволяет выявить прагматически маркированную лексику, посредством которой совершается манипуляция, и установить коммуникативное намерение авторов; медиалингвистический метод, посредством которого выявляются особенности взаимодействия вербального и невербального (медийного) рядов, и метод контент-анализа, позволяющий осуществлять преобразование информации медиапространств в количественные показатели посредством статистического подсчета вербальных и невербальных текстовых единиц.

Е. И. Горшкова выделяет следующие виды стратегий коммуникации: «информативная, модально-оценочная, регулятивная, метакоммуникативная (или контактоустанавливающая)» [Горшкова, 2013, с.12]. Далее мы рассмотрим, каким образом данные коммуникативные стратегии реализуются на примере официального сайта ЧелГУ, и какие прагматические, языковые средства при этом используются.

Как пишет Е. И. Горшкова, целью информационной стратегии является «модифицировать речевое или неречевое поведение субъекта, снизить его уровень неопределенности в отношении сообщаемого/обсуждаемого объекта» [Горшкова, 2013, с. 16]. Для осуществления вышеуказанной стратегии используются точные даты и цифры, факты. В разделе «Сведения об образовательной организации» присутствует полное наименование университета, дата создания, место нахождения филиалов образовательной организации, указаны контакты. В то же время на ключевые позиции сайта организация выносит те сведения, которые могут представить ее в выгодном свете для абитуриента, т.е. реализуют помимо коммуникативной рекламную функцию. Рассмотрим некоторые примеры таких случаев:

«Образование в ЧелГУ — это 20 000 студентов со всего мира, 200 образовательных программ, более 1200 бюджетных мест» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)].

«Сегодня ЧелГУ — член Евразийской ассоциации университетов, Международной ассоциации университетов при ЮНЕСКО, Ассоциации классических вузов России» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)].

«Второе место в рейтинге количества подготовки профессиональных кадров банковской сферы» (агентство ВЭП) [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)].

«Наши ученые открыли протогород Аркаим» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)].

Как видно из приведенных примеров, университет стремится к эргономичной форме подачи информации, представляя ее четко, лаконично и аргументированно. Адресат может сделать вывод, что отправитель сосредоточен на результате исполнения предлагаемой услуги. Упоминание достижений вуза в области науки, а также членства в престижных и узнаваемых среднестатистическим пользователем ассоциациях, помогает отправителю создать образ передового и перспективного образовательного учреждения в сознании абитуриента.

Модально-оценочная стратегия направлена на «выражение адресатом своего отношения к предмету общения, субъективной оценки явлений и фактов окружающей действительности» [Горшкова, 2013, с.17]. Указанная стратегия достигается путем широкого использования экспрессивного синтаксиса: вопросительных и восклицательных предложений, императива. Как пример хотелось бы рассмотреть обращение ректора ЧелГУ С. В. Таскаева к абитуриентам:

«Обязательно приходите к нам, и вы не потратите даром ни одной минуты!» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)], «Ждем вас на факультетах» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)], «Есть вопросы? Задай нам!» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)].

Широкое использование имен прилагательных в превосходной степени, а также прилагательных и причастий с ярко выраженной положительной коннотацией позволяет отправителю выразить свою крайнюю удовлетворенность условиями обучения, предоставляемыми в вузе: «Студенты, работодатели и сотрудники отметили высочайший уровень образовательных программ, аудиторный фонд и активную научную деятельность» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)].

«ЧелГУ — это современное классическое образование по востребованным направлениям и специальностям. За свою историю ВУЗ накопил авторитет и научный потенциал, получил международное признание» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)]. Приведенные примеры наглядно иллюстрируют персуазивное воздействие так называемой функции убеждения, что невольно подчеркивает превосходство вуза над другими высшими учебными заведениями и формирует «статусный образ» вуза в сознании абитуриента. Приведенные примеры демонстрируют «открытую интеграцию университетского и рекламного дискурса, полифункциональность текстовых элементов медийного ряда» [Гербер, 2014, с.70]. Языковые средства реализованы с различным модальным значением, кроме персуазивного воздействия мы наблюдаем актуализацию категорий авторитарности и достоверности.

«Контактоустанавливающая стратегия имеет цель расположить к адресанту целевую аудиторию, создать благоприятное впечатление у посетителя веб-сайта» [Горшкова, 2013, с. 18]. Особо ярко контактоустанавливающая, или метакоммуникативная стратегия, а также рекламный дискурс в целом, представлены разделом «Приемная кампания — 2023». Здесь наблюдается частое использование местоимения «мы», местоимений второго лица («ты/вы») в обращении к потенциальным студентам вуза, а также глаголов, выражающих помощь и поддержку студента со стороны университета:

«Мы делаем немного больше, чем просто учим, мы учим учиться, даем возможности для развития, предлагаем выжать максимум из своего потенциала» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)].

«Вам поможет определиться с профессией наша дополнительная общеразвивающая программа «Профнавигатор» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)].

Особое внимание следует уделить стилистике глагола. В разделе «Приемная кампания 2023» официального сайта ЧелГУ активно используются глаголы будущего времени: научат, студенты получают подготовку, будут востребованы в будущем. Таким образом происходит своего рода указание на время ожидания результата для обозначения полной уверенности в осуществлении процесса.

В описании направлений подготовки наблюдается постоянный диалог с абитуриентом, обращение к потенциальному студенту. Диалоговая форма общения реализуется через вопросно-ответную форму изложения: «Не удалось найти нужную информацию на сайте? Обязательно загляни в этот раздел!», «Чему я научусь и кем я буду?», «В ЧелГУ ты можешь быть самим собой! Далеко не все вузы могут похвастаться такой атмосферой. А мы можем!» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)].

Персуазивное воздействие на адресата, формирование «чувства общности» реализуется при помощи обращения на «ты». Такое общение носит легкий непринужденный характер, создавая атмосферу, где все равны. Вся информация представлена в доступной для абитуриента форме. Несмотря на обилие красочных фото и мультимедиа, которые значительно усиливают рекламное воздействие на абитуриентов, вся необходимая фактическая информация для поступления (контактные данные, вступительные испытания, предметы, необходимые для поступления) представлена полностью и легко находится при поиске на сайте.

Следующая коммуникативная стратегия, стратегия регулятивная, «направлена на контроль и координирование речевой и неречевой деятельности адресата» [Горшкова, 2013, с. 19], «т. е. координирование образовательного процесса и поведения его участников» [Горшкова, 2013, с. 19]. Рассмотрим примеры:

«В случае, если результатов флюорографии нет, исследование необходимо сделать до медосмотра», «Все граждане РФ мужского пола, поступившие на первый курс очной формы обучения (учащиеся колледжа, бакалавры, магистранты, аспиранты), обязаны встать на воинский учет в военно-учетном столе ФГБОУ ВО «ЧелГУ» [URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023)].

Несмотря на стремление вуза создать положительный имидж в глазах абитуриента, университет оставляет в полной мере за собой право контроля, воспитательного процесса и организации учебного плана. Наличие операторов долженствования, широко используемых в образовательном дискурсе, подчеркивает связь образовательного и университетского дискурса в интернет-пространстве.

Таким образом, при рассмотрении и анализе контента официального сайта ЧелГУ прослеживается тесное взаимодействие различных видов дискурса, наблюдается своего рода «преломление» их отдельных особенностей и черт. Поскольку интернет-пространство является местом, где данная коммуникация протекает, мы видим наложение черт рекламного дискурса на те части университетского дискурса, которые изначально реализовывали традиционные коммуникативные стратегии. Подобная интеграция наиболее ярко наблюдается в период приемной кампании вуза.

Как удалось установить из проанализированного материала, в разделе «Приемная кампания» регулятивная стратегия менее выражена, чем контактоустанавливающая или модально-оценочная. Следует подчеркнуть, что все вышеперечисленные коммуникативные стратегии в полной мере реализуются в дискурсе веб-сайта ЧелГУ, однако в зависимости от целей адресанта та или иная коммуникативная стратегия может выступать доминирующей.

Литература:

- Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 239.
- Гаспаров, Б. М. Лингвистика языкового существования // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 9. – С. 352.
- Гербер, Д. Е. Гетерогенность дискурса университетских веб-сайтов, 2014. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 8. С. 67-73.
- Горшкова, Е. И. Блог как вид интернет-коммуникации: автореф. дис. ...канд. филол. Наук. СПб., 2013. С.12-20.
- Денисова, Н. В. Рекламные жанры научнообразовательного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. – С.22.
- Найдён, Е. В. Жанровое своеобразие научно-образовательного дискурса современного вуза: к постановке проблемы // Известия Томского политехнического университета. – 2010, Т.316, №6.
- Парулина, И. Ю. Университетский дискурс: сбор корпуса (на материале романа Д. Тартт «Тайная история») / И. Ю. Парулина // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 13, № 2. – С. 70-74.
- Хомутова, Т. Н., Парулина И. Ю. Интегральная модель университетского дискурса в жанре университетского романа / Т. Н. Хомутова, И. Ю. Парулина // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 32–40.
- Хомутова, Т. Н. Тематическая структура новостного университетского дискурса / Т. Н. Хомутова, И. Ю. Парулина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 32-40.
- Челябинский государственный университет. URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 9.07.2023).
- Yanakhodkina.com. URL: <https://yanakhodkina.com/chem-otlichaetsya-blog-ot-sajta/> (дата обращения 3.08.2023)

References:

- Arutyunova N. D. Language and human's world. Moscow: Language of the Russian culture; 1999. P. 239.
- Gasparov B. M. Linguistics of linguistic existence // New literary review. – 1996. – No. 9. – P. 352.
- Gerber D. E. Heterogeneity of discourse on university websites, 2014. Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. 2014. Vol. 8. pp. 67-73.
- Gorshkova E. I. Blog as a type of Internet communication: abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. – St. Petersburg, 2013. – P.12–20.
- Denisova N. V. Advertising genres of scientific educational discourse: abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. – Tomsk, 2008. – P.22.
- Naiden E. V. Genre originality of the scientific and educational discourse of a modern university: towards the formulation of the problem // News of the Tomsk Polytechnic University. 2010, T.316, No. 6.
- Parulina I. Yu. University discourse: collecting a corpus (based on the novel “The Secret History” by D. Tartt) / I.Yu. Parulina // Bulletin of the South Ural State. un-ta. Series: Linguistics. 2016. – T. 13, No. 2. – P. 70–74.
- Khomutova T. N., Parulina, I.Yu. Integral model of university discourse in the genre of university novel / T. N. Khomutova, I.Yu. Parulina // Vestnik Yuzhno-Ural. state un-ta. Series: Linguistics. – 2018. – T. 15, No. 3. – P. 32-40.
- Khomutova T. N. Thematic structure of university news discourse / T. N. Khomutova, I. Yu. Parulina // Bulletin of SUSU. Series “Linguistics”. – 2017. – T. 14, No. 4. – P. 32-40.

Chelyabinsk State University. URL: <https://www.csu.ru/> (accessed 07/9/2023).

Yanakhodkina.com. URL: <https://yanakhodkina.com/chem-otlichaetsya-blog-ot-sajta/> (accessed 08/3/2023)

Вышенская Ю. П.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КУРТУАЗНОЙ ПРОЗЫ)

В предлагаемом исследовании, выполненном в русле исторической стилистики, обобщаются наблюдения за процессами порождения художественного стиля в эпоху средневековья. Иллюстративным материалом служит корпус примеров, отобранный из текстов французского куртуазного прозаического рыцарского романа, как одного из наиболее репрезентативных в этой модификации жанров. Исследование направлено на изучение взаимосвязанных процессов эволюции стиля и национального французского языка и осуществляется на примере дихотомии “повествование vs прямая речь”. Поставленная проблема изучается на основе применения к анализируемому материалу соответствующим образом адаптированной триады «текст – стиль – дискурс».

Понимание стилистического элемента сужается до художественного стиля куртуазного романа в прозе, материализованного дискурса абстракции. Стиль являет собой вербальную оболочку куртуазной идеологии, возникающую вследствие изменения, в том числе, морфосинтаксических связей, в силу возложения на них в новых текстовых условиях стилистической нагрузки.

В рамках куртуазного текстового целого ряд грамматических времен функционирует в строго отведённых для них сферах, в частности, прямой и косвенной речи, собственно повествовании, осуществляя стилистическую нагрузку, обусловленную жанровой принадлежностью произведения.

Ключевые слова: дискурс, повествование, прямая речь, стиль.

Vyshenskaya Yuliya P.

Herzen State Pedagogical University

THE TENSE GRAMMAR CATEGORY STYLISTIC RESOURCES IN THE TEXTS OF FRENCH *COURTOIS* PROSE

The article, completed within the scope of historical stylistics, includes some observations over style creating processes in the Middle Ages.

The empirical material is borrowed from the texts of medieval French romances, considered the most representational type of the genre under study.

The very investigating procedure is aimed at making explicit inter-relations of the style evolutionary processes and the one in the sphere of French national language. The analysis is accomplished as applied to the dichotomy “narration vs direct speech” on the basis of the “text - style – discourse” adapted triad.

The stylistic element concept is perceived as of the prosaic romance style, the materialized *courtois* discourse abstraction. Style is a verbal covering of the *courtois* ideology, which appears as a result of the morphological-syntactical connections' transformation under new textual circumstances, caused by the fact of getting by them a new stylistic load.

In the texts of French prosaic romances there are instances of the formed grammar categories' stylistic use, including the one of the tense.

In the textual structures a certain number of grammatical tenses functions in a certain number of spheres, direct and indirect speech, narrative part, where they obtain some stylistic load, determined by the genre of a literary work.

Keywords: discourse, narration, direct speech, style.

Текстовый материал французской средневековой художественной литературы предоставляет богатую иллюстративную базу для изучения реляционных связей элементов триады «текст – стиль - дискурс». Стиль куртуазного литературного текста являет собой вербальное воплощение куртуазной идеи, идеала, иными словами, дискурса-абстракции. В качестве материальной основы стиля, соединительного звена текста и дискурса, используются ресурсы формирующихся в рассматриваемый период времени национальных языков, в частности, в области морфологии.

Настоящее исследование обращено к изучению реализации категорией времени стилистического потенциала в рамках дихотомии «повествование vs прямая речь». Первый опыт подобного рода анализа предлагается в работах австрийского филолога Ф. Стефенелли-Фюрст (Stefenelli-Fuerst, 1968).

В настоящей статье основные оригинальные исследовательские линии получают дальнейшее развитие на материале корпуса иллюстративных примеров, зафиксированных в произведениях французской (не)рыцарской прозы в области варьирования глагольных форм.

Понятие о стиле в рассматриваемый период времени, как известно, тесным образом взаимосвязано с понятием нормы, принимающей стилистическое обличье [Алисова 1963, с. 50].

Введенное в научный обиход понятие социолекта, либо высокого, либо низкого [Евдокимова 1997, с. 8; Берков 2011, с. 4; Лобачёв 1982, с. 85] отклонения от нормы, расширяет представление европейской научной филологической мысли о её стилистической разнovidности.

Важная роль в процессе формирования стилистической куртуазной техники, используемой в текстах произведений французской литературы, принадлежит феноменам повествования и прямой речи.

Согласно результатам исследования стилистического аспекта распределения времён в дихотомии «повествование vs прямая речь» Ф. Стефенелли-Фюрст, свободное варьирование грамматических времен наличествует в авторском повествовании и не фиксируется в речи персонажей [Stefenelli-Fuerst, 1968, с. 50].

Аналогов эстетике сложившейся дихотомии в латинской риторической традиции не существует, что и составляет оригинальность этого феномена в национальном французском языке периода формирования.

В силу действия стилистического принципа, положенного в основу дихотомии «авторское повествование vs прямая речь» в рыцарском романе, обособленное выше

чередование времён ограничивается собственно повествованием. Прямая речь, как репрезентация разговорной разновидности обращается в сферу применения набора присущих ей грамматических времён.

В текстах французских прозаических романов содержится достаточно ярких примеров отмеченного типа варьирования:

Or dist l'ystoire que Remondin quant il fu parti de sa dame qu'il vint a Poitiers ou il trouva le conte et sa mere et grant foison des barons du pays qui fort lui firent bienvenant et lui demenderent don't il venoit. Il respondi qu'il venoit d'esbatre. Et quant ilz orent une piece parlé d'unes choses et d'autres, Remondin vint devant le conte et s'agenoilla et lui dist: "Chiers sires, je vous en prie, sur tous les services que je vous purroyes jamais faire, qu'il vous plaise a moy faire tant d'onour que de venire lundi a mes espousailles ...". Quant le conte l'entendy, si fu tous esbahiz: "Dieux, dist ly contes, Remondin, beaulx cousins, estes vous si estrainges de nous que vous vous mariéz sans ce que nous en ayons rien sceu jusques a l'espuser?..."

[<http://archive.org/details/MLusineOuLaNobleHistoireDeLusignanJeanDArrasCs/page/n185/mod/e/2up>].

[И говорится в той легенде, что когда Ремонден оставил общество своей дамы, то отправился в Пуатье, где встретил он графа и его матушку и многих баронов той стороны, которые приветствовали его и спросили, откуда он прибыл. Ответствовал он на то, что возвращается из сражения. И когда они ещё поговорили немного, приблизился Ремонден к графу, стал перед ним на колени и произнёс "Любезный господин, я прошу Вас, ради всех подвигов, которые никогда не буду я в состоянии совершить во имя Ваше, оказать мне любезность и прийти в понедельник на мою свадьбу. Когда услышал граф слова эти, изумили они его. "Бог мой!" - ответил граф, - "Ремонден, любезный кузен, неужели ты так недоверчив, что скрывал от нас свою невесту до самого дня свадьбы?"... – перевод наш, Ю. В.]

Рассматриваемый пассаж содержит комбинацию собственно повествовательной части, косвенной речи и диалогической разновидности прямой речи.

Повествовательный сегмент, вследствие соблюдения универсального правила возведения конструкции средневекового художественного текста, в том числе, и своей куртуазной разновидности, начинается с инициальной формулы *or dist l'ystoire*. Этот тип формулы используется в качестве первого звена в цепочке разного типа придаточных, образующих длинное предложение.

В придаточных предложениях фиксируется довольно репрезентативный набор видо-временных глагольных форм, стилистически связанных с тем или иным срезом художественного хроноса, природа связи находится непосредственной зависимости от типа придаточного предложения.

Так, *Present Indicatif* традиционно используется для маркирования действия универсального характера, оторванного от некоего конкретного сегмента временной шкалы.

Влияние типа придаточного предложения на дистрибуцию грамматических времён обнаруживается и в собственно повествовании.

Придаточные предложения времени являют собой сферу функционирования аналитического перфекта *fu parti (de sa dame)*, *orent une piece parlé d'unes choses et d'autres*. Однородные глаголы сказуемые в придаточных дополнительных *vint, trouva, firent, demanderent vint devant le conte, s'agendeilla et lui dist* используются в *Presens* для обозначения однократно производимого действия.

Иная картина дистрибуции видовременных глагольных форм наблюдается в репликах персонажей. В репликах графа Ремондена, например, превалируют времена группы *Presens*: *je vous prie, il vous plaise a moy faire tant d'onnour, estes vous, vous en donnons grant merveille*.

Следует отметить принадлежность реплик графа к формулам вежливости, выработанным в рамках куртуазной культуры, выступая, таким образом, свидетельством высокого рыцарского вежества персонажа, его учтивости, умения держаться в обществе.

Формы сослагательного наклонения в ответах графа: *je vous pourroye (jamais faire), u vueilliéz admener, se vous eussiez voulenté de femme prendre, vous vous mariéz* иллюстрируют иной вариант формул куртуазного этикета.

В результате аналитической процедуры становится очевидным, что процессы эволюционного движения языка, в том числе, морфологической сфере, протекают одновременно с процессами в области его стилистического применения. Стилистическая нагрузка, возлагаемая на грамматические времена, заключается в соответствии определённым временным сферам определённых времён грамматического спектра. Таким образом формируется обширная временная панорама, а также декорируется стиль художественного текста.

Характерная стилю куртуазного произведения несколько искусственная пышность и витиеватость слога, приметы куртуазного социолекта, являет собой непосредственное следствие принадлежности к куртуазному жанру. Примерами проявления служат этикетные клише *je vos en prie*.

Иной чертой, присущей сфере куртуазного социолекта, являют собой примеры авторской коммуникации, характеризующиеся регулярностью появления в текстах куртуазных романов, например, “*Histoire du chevalier Parys et Vienne*” (“История о рыцаре Парисе и Вьенне”):

Après fist venir deuant lui Paris qui tantost vint, tout ainsi arme comme il estoit, adonc le roy print en sa main les trios bannieres puis commença a parler et dist ainsi. Sire cheualier pour la prouesse et beaulx faiz darmes que vous auez fait au iourduy et au jour dyer aussi, ie vous donne ces trois bannieres ...qui ont ete transmises pour chascune des trios dames pour qui cestes armes ont ete faites et aussi il vous donne de lez et lonneur et le prise pour le mieuulx faisant darmes de tous les chaulers qui ont este en ceste place

[http://books.google.se/books?id=CMNQAAAAcAAJ&printsc=frontcover&hl=ru&source=gb_s_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=fals].

(Затем пред ним предстал облачённый в латы Парис. Король же, взявши все три знамени, повёл разговор и произнёс: “Мессир шевалье, за бесстрашие, проявленное Вами и славные подвиги, совершенные Вами сегодня и вчера, я отдаю Вам все три знамени, переданные каждой из трёх дам, в честь которых Вы совершили эти подвиги. Знамёна эти также делают честь Вам и служат наградой за самые доблестные подвиги, совершённые на этом поле битвы - перевод наш, Ю. В.).

Текстовому пассажиру присуща ситуативная ёмкость, участникам описываемой сцены, Парису и королю, как представителям куртуазного сообщества, даются довольно полные характеристики.

Отсутствие лаконичности авторской коммуникации составляет своего рода уникальность цитаты. Стилистическая репрезентация заключается во введении реплик персонажей посредством образующих синонимическую пару глаголов сказуемых (*puis*) *commence a parler et dist ainsi*, свидетельство очевидного стремления к цветистости стиля.

Использование глагольных форм тесным образом взаимосвязано со стилистическим использованием личных местоимений. Так, в обращении короля к Парису, который проявил чудеса героизма на турнире, сражаясь за честь трёх прекрасных дам одновременно, в изъятие из общего правила, содержится местоимение личного разряда *ie*, вместо характерного *Pluralis Majestatis*. Благодаря этому стилистическому ходу создаётся эффект разговорной речи, слова персонажа обретают личный характер, что способствует очеловечиванию образа монарха.

Собственно план применения видовременных глагольных форм, ограничивающихся сферой употребления аналитического перфекта, характеризуется однородностью, что в стилистическом отношении придаёт повествованию гладкость, плавность, размеренность.

Прямая речь монарха образуется тремя объединёнными синтаксическими блоками, формируемыми на основе параллельной репризы предикативного ядра *ie vous donne*, благодаря чему возникает эффект особой торжественности.

В силу действия средневекового принципа симметрии отмеченный тип репризы обнаруживается и в придаточных дополнительных, где поясняются причины почестей, оказанных Парису монархом.

Ограничение видовременных форм глагола в повествовании пределами одного грамматического времени *Passé Simple* являет собой пример собственно стилистической реализации выделенного принципа. Чередование в прямой речи аналитического перфекта с *Presens* говорящего (короля) способствует созданию эффекта живой разговорной речи.

Во французской куртуазной прозе средневекового периода существует особый тип произведений, в текстовую ткань которых вплетаются поэтические вставки. Объём таких включений, резюмирующих основные события предшествовавших им прозаических пассажей, различен.

Иллюстрацию подобного рода организации текстовой конструкции являет собой известный куртуазный нерицарский роман “*Aucassin et Nicolette*”:

Et on li dist qu'ele est en l'ost et si i avoit mené tox ciaxe du païs; et Aucassin l'oï, si li vint a grant merveille et vint au palais et descendi et il monta au palais, l'espee çainte, et erra tant qu'il vint en canbre ...

XXXIX Or se cante

En la canbre entre Aucassin, / il est venus dusques au lit / Si parla oés que dist: “Di va fau, qui fais tu ci? / Dit li rois: “Je gis d'un fil; / don't irai le messe oïr, / Si commes ancestre fist, / et me grant guerre esbaudir; / Nel lairai mie

[<http://txm.ish-lyon.cnrs.fr/bfm/pdf/aucassin.pdf>].

[Когда Окассен услышал это ...приблизился ко входу во дворец и сошёл с коня ...опоясанный мечом вошёл в покой и бродил там повсюду, пока не набрёл на покой, где лежал король.

Теперь поют

Торопливою стопой / Окассен вошёл в покой. / Видит он – постель стоит, / А на ней король лежит. / Окассен ему кричит: / “Что ты делаешь дурак?” / А король ответил так: / “Будет у меня сынок. / Я обедно отслужу, / Как обычай мне велит, - / А потом за край родной / Постою я головой - / Славно повоюю”

[Окассен и Николетта, 1974: 251].

Гетерогенность текстовой ткани оказывает влияние на селекцию и дистрибуцию видовременных глагольных форм, а также и соразмерность повествования, прямой и косвенной речи, сегментов сфер их функционирования.

Отсутствие в повествовании прямой речи привлекает внимание к действиям героя, тем самым оказывая влияние на формирование набора грамматических времён, соответствующих тому или иному виду художественного хроноса.

Объективное художественное время традиционно обозначается *et on li dist Presens*, последовательность действий в прошлом маркируется *Imparfait* или аналитическим перфектом, его альтернативой.

В анализируемом романе, несмотря на сочетание поэтических и прозаических форм бытования произведения, роль регулятора дистрибуции видо-временных форм также возлагается на тип придаточного (времени или дополнительного).

Таким образом, временная группа *Presens* ограничивается повествовательной частью в стихотворной врезке, расширяясь включением *Future* в прямой речи. Тем самым ритму посылается оживляющий его импульс, что способствует созданию иллюзии правдоподобности. Между тем, согласно сюжетному ходу, действие происходит в некоей условной реальности, вымышленном замке *Togelore*, пространства действия принципа *à l'envers*, что сближает её с карнавальной разновидностью реальности условного характера.

Изучение текстов прозаических французских куртуазных романов выявляет ритмичность процессов развития грамматических категорий, в том числе, времени, и раскрытия их стилистического потенциала в цельных текстовых структурах. Природа обретаемой морфологическими формами стилистического функционирования регулируется фактом жанровой принадлежности произведения.

Литература:

- Алисова Т. Б. Синтаксис и стиль в процессе формирования письменной нормы литературного итальянского языка XIII – XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия VII. Филология, журналистика. № 1. – М., 1963. с. 46 – 58.
- Берков В. П. Несколько соображений о языковой норме // Работы по языкознанию. - СПб., 2011. С. 41 – 50.
- Евдокимова Л. В. У истоков французской прозы: Прозаическая и стихотворная форма во французской литературе XIII в. - М., 1997. 397 с
- Лобачёв Б. З. О понятии стиля во французском и русском языках // Синтаксис и стилистика. М., 1982. С. 83 – 107.
- Stefenelli-Fuerst F. Die Tempora der Vergangenheit in der Chanson de Geste // Romance Philology. Vol. XXI. № 4. May. - 1968. p. 570 – 574.
- Окассен и Николетт // Средневековый роман и повесть. М., 1974. С. 229 – 261.
- Aucassin et Nicolette [Electronic resource]: <http://txm.ish-lyon.cnrs.fr/bfm/pdf/aucassin.pdf> (дата обращения: 15.04. 2022).
- Histoire du chevalier Parys et de la belle Vienne [Electronic resource]: http://books.google.se/books?id=CMNQAAAACAAJ&printsc=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 08.04. 2022).
- Melusin ou La Noble Histoire de Lusignan [Electronic resource]: <http://archive.org/details/MlusineOuLaNobleHistoireDeLusignanJeanDArrasCs/page/n165/mod/e/2up> (дата обращения: 12.02. 2022).

References:

- Alisova T. B. Sintaksis i stil' v processe formirovanija pis'mennoj normy literaturnogo ital'janskogo jazyka XIII – XVIII v. [Syntax and Style during the Italian Literary Language Norm Forming Process (XIII – XVIII centuries)] // The Philology and Journalism Bulletin. Serija VII. № 1. – Moscow, 1963. p. 46 – 58.
- Berkov V. P. Neskol'ko soobrazhenij o jazykovej norme [Glimpses about the Language Norm] // Raboty po jazykoznaniju [Works in General Linguistics]. - SPb., 2011. P. 41 – 50.
- Evdokimova L. V. U istokov francuzskoj prozy: Prozaicheskaia i stihotvornaja forma vo francuzskoj literature XIII v. [French Prose Origin: The Prosaic and Poetic Forms in the French Literature of the XIII-th century] - Moscow, 1997. 397 p.
- Lobachjov B. Z. O ponjatii stilja vo francuzskom i ruskom jazykah [The Style Concept in French and Russian] // Sintaksis i stilistika [Syntax and Stylistics]. M., 1982. P. 83 – 107.
- Stefenelli-Fuerst F. Die Tempora der Vergangenheit in der Chanson de Geste // Romance Philology. Vol. XXI. № 4. May. - 1968. p. 570 – 574.
- Aucassin et Nicolette [Electronic resource]: <http://txm.ish-lyon.cnrs.fr/bfm/pdf/aucassin.pdf> (accessed: 15.04. 2022).
- Histoire du chevalier Parys et de la belle Vienne [Electronic resource]: http://books.google.se/books?id=CMNQAAAAcAAJ&printsc=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed: 08.04. 2022).
- Melusin ou La Noble Histoire de Lusignan [Electronic resource]: <http://archive.org/details/MlusineOuLaNobleHistoireDeLusignanJeanDArrasCs/page/n165/mod/e/2up> (accessed: 12.02. 2022).
- Okassen i Nikolett [Aucassin and Nicolette] // Srednevekovyj roman i povest [Medieval Novel and Story]. M., 1974. P. 229 – 261.

Гаврилюк М. А., Жилюк С. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье исследуется потенциал и способы использования аутентичных поликодовых текстов для формирования межкультурной компетенции у студентов языковых специальностей. Несмотря на то, что поликодовые тексты уже некоторое время находятся в центре внимания лингводидактики, формирование с их помощью межкультурной компетенции исследовано ранее не было. Выдвигается гипотеза о том, что поликодовые тексты (карикатуры, рекламные плакаты, в том числе и социальная реклама, мемы, комиксы) содержат реалии, факты культуры и истории, сведения об актуальных проблемах общества страны изучаемого языка, следовательно, они необходимы для формирования межкультурной компетенции. Путем контролируемого отбора было выявлено 35 немецкоязычных поликодовых текстов, затем проанализированных с применением методов дискурс-анализа и лингвокультурологического анализа. В ходе исследования обнаружено, что поликодовые тексты действительно обладают широким лингвокультурологическим потенциалом, многие из них содержат информацию о культуре и обществе страны изучаемого языка, о которой необходимо иметь представление будущим специалистам по межкультурной коммуникации, медиации и переводу.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, межкультурная коммуникация, поликодовые тексты, лингводидактика

Maria Gavrilyuk, Sergei Zhilyuk

Saint Petersburg State University

USE OF POLYCODE TEXTS IN THE DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCE IN LINGUISTICS STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF GERMAN LANGUAGE)

The article explores the potential and ways of using authentic polycodal texts in the development of intercultural competence in linguistics students. Despite the fact that polycode texts have been in the center of attention of linguodidactics for some time, the development of intercultural competence with their help has not been investigated before. The hypothesis is that such polycode texts as cartoons, advertising posters (including social advertising), memes, comics contain a large number of realities, cultural and historical facts, information about problems of the society of the country of the studied language, and this makes their use necessary for the formation of intercultural competence. By means of controlled selection 35 German-language polycode texts were selected and then analysed with the help of discourse analysis and linguocultural analysis methods. The study reveals that polycode texts have a wide linguocultural potential; some of them contain a wide range of up-to-date realities, norms and values of language culture, and are able to represent acute social problems which future experts in intercultural communication, mediation and translation should be aware of.

Keywords: intercultural competence, intercultural communication, polycode texts, linguodidactics

Введение

Главной целью обучения иностранным языкам на современном этапе является формирование у обучающихся вторичной языковой личности и развитие способности успешно осуществлять межкультурную коммуникацию [Гальскова, Гез, 2006, с. 65]. Для полноценного участия в коммуникации с представителями страны изучаемого языка необходим не только высокий уровень коммуникативной компетенции, но и сформированная межкультурная компетенция, которая включает в себя такие умения, как: вести себя сообразно нормам и ценностям другой культуры, ориентироваться в культурных фактах и реалиях, осознавать факт равнозначности культур, умение преодолевать стереотипы и т. д. В первую очередь это касается студентов языковых специальностей (лингвистов, переводчиков), будущая профессиональная деятельность которых напрямую связана с иностранным языком и межкультурной коммуникацией.

Для формирования межкультурной компетенции необходимы аутентичные материалы, затрагивающие актуальные события из жизни страны; в рамках настоящей статьи предполагается, что такими материалами могут стать поликодовые тексты. Активно изучается формирование с их помощью различных знаний, умений и навыков во всех видах речевой деятельности (аудировании, чтении, письме и говорении), — однако использование поликодовых текстов для развития непосредственно межкультурной компетенции исследовано слабо.

Цель настоящего исследования состоит в определении потенциала и способов использования немецкоязычных поликодовых текстов для формирования у студентов языковых специальностей межкультурной компетенции. **Материалом** для исследования выступают немецкоязычные поликодовые тексты со статичным невербальным компонентом; в рамках работы был проведен анализ 35 немецкоязычных поликодовых текстов. Для отбора практического материала был применен метод контролируемого отбора; ввиду специфики материала и необходимости описать его включенность в культурное поле был использован метод дискурс-анализа.

Межкультурная компетенция и ее элементы

Феномен межкультурной компетенции рассматривался в рамках различных областей знания (менеджмент, медицина, культурология), что объясняет зачастую разнородный состав компетенции и различные точки зрения на ее структуру; в том числе и в рамках лингводидактики. В настоящей работе мы придерживаемся модели межкультурной компетенции, разработанной для лингводидактики И. Г. Герасимовой. Модель создана на основании изучения других моделей межкультурной компетенции и, на наш взгляд, является не избыточной, но и не чрезмерно упрощенной. Она учитывает все необходимое для формирования межкультурной компетенции и состоит из следующих элементов:

1. Знания: знание иностранного языка, знания о связи культуры и языка, фактов о стране изучаемого языка, знание реалий, норм и культурных ценностей;
2. Умения: к ним относятся умения усваивать, интерпретировать и применять новые знания на практике, а также работать в команде;

3. Установки: нацеленность на открытость, толерантность, активность в общении;
4. Стратегии: преодоление этноцентризма, осознание факта равнозначности культур, направленность на достижение результата, адаптивность;
5. Личностно-деятельностный компонент: стили общения, личный опыт, мотивация, рефлексия [Герасимова, 2008, с. 61].

Важно при этом отметить, что для формирования межкультурной компетенции значение имеет не простое запоминание культурных фактов или перенимание тех или иных моделей поведения, характерных для представителей другой культуры – необходимо обращать отдельное внимание на различия между своей и чужой культурами, поскольку личный культурный опыт в любом случае будет доминировать [Гальскова, Гез 2006; с. 76].

Поликодовые тексты: понятие и компонентный состав

Под поликодовыми текстами мы понимаем тексты, главной чертой которых является такое сочетание вербальных и невербальных компонентов (где под «вербальным» имеется в виду текст, а под «невербальным» — знаки других семиотических систем, например, изображение или аудио), что оно образует единое целое, комплексно воздействующее на реципиента [Анисимова, 2003, с. 71]. Невербальный компонент поликодовых текстов может являться как статичным (изображение), так и динамичным (видео- или аудиофайлы) [Пойманова 1997]. К поликодовым текстам относят: афиши, листовки, комиксы, плакаты, карикатуры [Чернявская 2009; с. 87]; в этот перечень также входит презентация, лонгрид, буктрейлер, майндмэп, инфографика, визуальная заметка [Браташ, Риехакайнен, Петрова 2022; с. 10-14]. Ряд исследователей рассматривает в качестве поликодового текста кинотекст, а также аудио- и видеоматериалы.

В рамках настоящего исследования материал был нами ограничен до поликодовых текстов со статичным невербальным компонентом, к которым относятся такие жанры, как: рекламные объявления (в том числе и объявления социальной рекламы), плакаты, комиксы, карикатуры, мемы, страницы сайтов. Мы предполагаем, что все перечисленные жанры поликодовых текстов обладают широким лингвокультурологическим потенциалом: в их сжатой форме заключен большой объем информации о ценностях, культуре и истории общества страны изучаемого языка; такие явления, как интернет-мемы, создаются часто в ответ на актуальные события и проблемы — следовательно, в них можно почерпнуть информацию о том, что в данный момент волнует общество.

Материал исследования составляют 35 немецкоязычных поликодовых текстов, которые могут способствовать развитию межкультурной компетенции. Отбор производился в рамках определенных тем; ряд тематических групп отражает актуальные для немецкого общества проблемы (миграция, религия, экология и т.д.), выделение других групп обусловлено спецификой феномена межкультурной компетенции — так, для ее формирования предполагается развитие у обучающихся умения распознавать и преодолевать стереотипы, поэтому были отобраны поликодовые тексты, так или иначе отражающие стереотипы о немцах.

Были выделены следующие тематические группы:

1. Миграция и поликультурное общество;
2. Церковь и религия;
3. Защита окружающей среды;

4. Инклюзивность;
5. Восточная и Западная Германия, проблемы объединения Германии;
6. Стереотипы о немцах;
7. Немецкие федеральные земли;
8. Система образования.

Перед использованием поликодового текста на занятии по немецкому языку для формирования межкультурной компетенции необходимо проанализировать лингвокультурологический потенциал каждого текста, т. е. определить, какую информацию несет в себе поликодовый текст, какие ценности и нормы немецкой культуры он отражает, а также: как на примере предложенного поликодового текста можно провести сравнение немецкой и русской культур. Проанализируем некоторые поликодовые тексты и продемонстрируем на их примере потенциал и способы использования поликодовых текстов для формирования различных знаний и умений, входящих в состав межкультурной компетенции.

Потенциал и способы использования поликодовых текстов для формирования межкультурной компетенции

Одним из важных компонентов в структуре компетенции являются знания о культуре и истории страны изучаемого языка, по этой причине следующие предлагаемые для анализа тексты и задания к ним направлены на формирование фоновых знаний, необходимых для осуществления успешной межкультурной коммуникации.

В тематической группе «Церковь и религия» для анализа предлагается плакат из кампании 2019 года, целью которой было привлечение внимания немецкого общества к проблемам, связанным с церковью. На всех плакатах из серии изображены люди с телефонами в руках, рядом с ними — текстовые сообщения в мессенджерах.

На рисунке 1 изображена девушка, отправившая следующее сообщение: *Hallo Kirche, wir sind jetzt seit 100 Jahren getrennt, aber du liegst mir immer noch auf der Tasche. Es reicht! (Привет, церковь, мы уже 100 лет не вместе, но ты до сих пор сидишь у меня на шее. С меня хватит! — Перевод наш)* Проблема, которую затрагивает этот текст, заключается в том, что, хотя в 1919 году Веймарская конституция провозгласила независимость церкви от государства и юридически этот факт закрепила, церковь до сих пор получает от государства субсидии и при этом в ряде аспектов ограничивает свободы граждан.

Рис. 1. (Источник: <https://schlussmachen.jetzt>)

Плакат на рисунке 2 содержит сообщение: *Herrgott! Wie kann es sein, dass du ein ganzes Universum erschaffst, aber dein Personal so überhaupt nicht im Griff hast?! (Господи! Как возможно то, что ты создал целую Вселенную, но не можешь контролировать своих подчиненных?! — Перевод наи)* Внимание привлекается к высокому проценту насилия над детьми в религиозных учреждениях, что является известной проблемой, которая, однако, до сих пор не решена — как утверждается на плакате, причиной этому служит то, что государство покрывает преступников и те остаются безнаказанными.

Рис. 2. (Источник: <https://schlussmachen.jetzt>)

Работу с данными поликодовыми текстами на занятии можно построить следующим образом:

1. Преподаватель предлагает студентам два поликодовых текста, в которых скрыты слова, отсылающие к церкви и религии (*Kirche, Herrgott*), а также убрана нижняя часть плакатов, информирующая о кампании (Рис. 3, Рис. 4). Студентам необходимо предположить, какие слова могут скрываться за прямоугольниками и перечислить ассоциации, возникающие с плакатами. После этого следует обсуждение, затем преподаватель показывает тексты с открытыми словами, но все еще скрытой информационной частью.

Рис. 3.

Рис. 4.

2. Когда студенты понимают, что речь идет о религии, преподаватель открывает скрытые слова; при этом мы предлагаем не раскрывать суть кампании и не показывать ту часть текстов, что эксплицитно поясняет проблемы, на которые кампания нацелена (Рис. 5, Рис. 6).

Рис. 5.

Рис. 6.

К текстам на Рис. 5 и Рис. 6 предлагаются заранее подготовленные вопросы, призванные помочь студентам самостоятельно сформулировать возможные проблемы, которым посвящены поликодовые тексты, например:

1. *К какому жанру, по вашему мнению, относятся изображения?*
2. *Что означает выражение „auf der Tasche liegen“? С кем церковь «не вместе» уже 100 лет?*
3. *Что означает выражение „im Griff haben“? Кто не может контролировать своих подчиненных? В каком смысле?*

После краткого анализа следует обсуждение предположений и вариантов ответа с преподавателем, затем преподаватель предоставляет студентам полную версию поликодовых текстов и дает комментарий по тем проблемам, которые тексты освещают. В процессе работы прежде всего стоит обратить внимание учащихся на тот факт, что, в отличие от Германии, в России ни одна конфессия не платит обязательных церковных налогов и не содержится государством, по этой причине в России влияние религии на частную жизнь меньше, чем в Германии. Также тему религии в современной Германии можно обсудить не только с точки зрения межкультурных различий, но и затронуть немецкую историю (*Почему кампания приурочена именно к этим датам? Что провозглашала Веймарская конституция?*). Тем самым у обучающихся будут актуализированы и дополнены фоновые знания, необходимые для успешной межкультурной коммуникации.

На основе проанализированных поликодовых текстов можно предложить студентам ряд вопросов для обсуждения и рефлексии межкультурных различий, благодаря чему у них будет развиваться умение критически относиться к своей и чужой культуре, а также — выделять и анализировать межкультурные различия.

Примеры вопросов:

1. *Разделены ли церковь и государство в России? Как вам кажется, насколько церковь в России влияет на частную жизнь?*
2. *Почему такая кампания проходит именно в Германии? Была бы она возможна в России?*
3. *Почему все чаще немцы отказываются от принадлежности к определенной конфессии? Какова ситуация в России?*

Обратимся далее к тематической группе «Стереотипы». Одним из важных умений для развития межкультурной компетенции является умение критически относиться к стереотипам и бороться с ними, поскольку именно стереотипы могут в значительной степени осложнить межкультурную коммуникацию и, более того, привести к нежеланию погружаться в культуру дальше. По этой причине предлагается комплекс поликодовых текстов, так или иначе затрагивающих такое стереотипное качество немцев, как пунктуальность.

Рисунок 7 представляет из себя комикс; на нем изображен офис, перед дверью стоит работник, часы над его головой показывают время 10:59. Происходит следующий диалог между секретаршей и работником: *Wollen Sie nicht reingehen? – Das Meeting ist um elf (Вы не войдете? – Встреча в 11)*. Служащий ждет ровно одиннадцать часов, чтобы зайти в кабинет. Комикс высмеивает и утрирует пунктуальность, которая считается типично немецким качеством.

Рис. 7. (Источник: <https://www.dw.com/de/verstehen-sie-deutschdeutsche-eigenarten-im-cartoon/a-46169513>⁷)

Поликодовый текст на Рис. 8 освещает известную в Германии проблему опозданий поездов компании *Deutsche Bahn*. Мем состоит из фотографии вокзального табло, которое сообщает об опоздании поезда на 810 минут, и надписи сверху, которая иронизирует над *Deutsche Bahn*. Надпись звучит так:

DB: wir sind auf Wintereinbruch vorbereitet

Auch DB wenn eine Schneeflocke fällt: 810 Minuten spät

(DB: мы готовы к наступлению зимы

Также DB, когда пролетает одна снежинка: опоздание на 810 минут — Перевод наш)

Надпись, таким образом, ссылается на фотографию и высмеивает транспортную компанию, которая отменяет и переносит поезда даже по самому незначительному поводу.

⁷ Издание Deutsche Welle включено в реестр СМИ, выполняющих функции иностранных агентов

DB: wir sind auf Wintereinbruch
vorbereitet
Auch DB wenn eine Schneeflocke fällt:

Рис. 8. (Источник: <https://debeste.de/176302/DB-wir-sind-auf-den-Wintereinbruch-vorbereitet>)

На Рис. 9 изображены двое мужчин, по всей видимости, на собеседовании; у руководителя возникает вопрос по поводу пробела в резюме кандидата, на что тот отвечает *Da war ich mit der Bahn von Hannover nach Oberhausen unterwegs* (Я ехал на поезде из Ганновера в Оберхаузен). Таким образом, в утрированной форме изображается проблема опоздания поездов *Deutsche Bahn* на столько, что это может привести к появлению пробелов в резюме.

Рис. 9. (Источник: https://www.stern.de/kultur/humor/cartoons-zum-thema-deutsche-bahn_7532550-7532516.html)

Мы предлагаем следующий порядок работы с приведенными поликодовыми текстами:

1. С помощью нескольких вопросов преподаватель вводит тему «Стереотипы». Вопросы могут звучать следующим образом: *Нapiишите свои ассоциации со словами Deutsch и Deutschland. Как вы считаете, это стереотипы или нет? Какие стереотипы по поводу немцев могут быть у ваших знакомых или членов семьи?*

2. Преподаватель выдает студентам поликодовые тексты с вопросами:

1. *Что высмеивают изображения?*
2. *Соответствуют ли они вашему восприятию немцев или нет?*
3. *Как вам кажется, соответствуют ли стереотипы действительности или нет?*

После обсуждения вопросов возможно знакомство студентов с материалами (например, статьями в СМИ), посвященными проблемам непунктуальности *Deutsche Bahn*.

Другим возможным путем развития темы представляется рассмотрение стереотипов о России и русских, существующих в немецкой культуре. После обсуждения студентам может быть предложено вернуться (в устном или письменном виде) ответить на вопрос: *Почему стереотипы опасны?*

Выводы

В настоящей статье был проанализирован потенциал поликодовых текстов для формирования межкультурной компетенции – при этом можно отметить, что важна не столько поликодовость текстов (то есть, их сложная семиотическая структура), но жанровая принадлежность. Такие аутентичные поликодовые тексты, как социальная реклама, карикатуры, комиксы и интернет-мемы, содержат большой объем информации, необходимой студентам для обеспечения будущей успешной межкультурной коммуникации (реалии страны изучаемого языка, прецедентные имена и события, устойчивые выражения и пр.), поэтому их необходимо использовать на занятиях со студентами языковых специальностей. Нельзя также упускать из виду и сложную семиотическую структуру поликодовых текстов: при работе могут быть предложены задания по заполнению пропусков в поликодовом тексте, подборе надписи и т.д.

Использование поликодовых текстов для формирования межкультурной компетенции позволяет актуализировать и формировать у студентов культурные знания, необходимые для формирования межкультурной компетенции, развивает умение осознавать и выделять межкультурные различия, умение критически оценивать собственную и чужую культуры, умение принимать во внимание возможные стереотипы, а также способствует развитию эмпатии, толерантности, преодолению этноцентризма и осознанию факта равнозначности культур.

Литература:

- Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 107 с.
- Браташ В. С., Риехаккайнен Е. И., Петрова Т. Е. Зачем нужны поликодовые тексты? Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 71 с.
- Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
- Герасимова И. Г. Структура межкультурной компетенции // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №67. С. 59-62.
- Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста: дис. ... канд. филол. наук 10.02.19. М., 1997. 237 с.
- Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. – М.: УРСС, 2009. 248 с.

References:

- Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkulturnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov). – M.: Akademiya, 2003. 107 p.
- Bratash V. S., Riekhakainen E. I., Petrova T. E. Zachem nuzhny polikodovye teksty? Uchebno-metodicheskoe posobie. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2022. 71 p.
- Galskova N. D., Gez N. I. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika. – M.: Izdatelskii tsentr «Akademiya», 2006. 336 p.

- Gerasimova I. G. Struktura mezhkulturnoi kompetentsii // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2008. №67. 59-62.
- Poimanova O. V. Semanticheskoe prostranstvo videoverbalnogo teksta: dis. ... kand. filol. nauk 10.02.19 / Poimanova O. V. – Moskva, 1997. 237 p.
- Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta. Polikodovost. Intertekstualnost. Interdiskursivnost. – M.: URSS, 2009. 248 p.

Источники:

- Schlussmachen jetzt! — Die säkulare Buskampagne 2019 [Электронный ресурс] URL: <https://schlussmachen.jetzt> (Дата обращения: 06.11.2023)
- Deutsche Welle⁸ [Электронный ресурс] URL: <https://www.dw.com/de/verstehen-sie-deutschdeutsche-eigenarten-im-cartoon/a-46169513> (Дата обращения: 06.11.2023)
- Debeste [Электронный ресурс] URL: <https://debeste.de/176302/DB-wir-sind-auf-den-Wintereinbruch-vorbereitet> (Дата обращения: 06.11.2023)
- Stern.de [Электронный ресурс] URL: https://www.stern.de/kultur/humor/cartoons-zum-thema-deutsche-bahn_7532550-7532516.html (Дата обращения: 06.11.2023)

---

⁸ Издание Deutsche Welle включено в реестр СМИ, выполняющих функции иностранных агентов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХЕДЖИНГА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В настоящей работе изложены особенности использования хеджинга в обучении диалогической речи на немецком языке студентов гуманитарных специальностей. Диалогическая речь рассматривается как процесс непосредственного общения между двумя или более лицами. Так как в ходе обмена информацией интервьюер и интервьюируемый зачастую прибегают к стратегии уклонения, нами были проанализированы особенности использования такой дискурсивной стратегии, как хеджинг. Поскольку использование дискурсивных стратегий в ходе проведения беседы связано с получением информации, нами были также рассмотрены примеры использования хеджинга, взятые из аутентичных интервью с различными политическими деятелями, представляющими особый интерес для аудитории. Полученные результаты будут использованы в дальнейших исследованиях при обучении студентов гуманитарных специальностей диалогической речи.

Ключевые слова: диалогическая речь, интервью, хеджинг.

Galchinskii D. N.

Saint Petersburg State University

USING HEDGING IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO STUDENTS OF HUMANITIES

This paper outlines the features of the use of hedging in teaching dialogical speech in German to students of humanities. Dialogical speech is considered as a process of direct communication between two or more persons. Since during the exchange of information the interviewer and the interviewee often resort to a digression strategy, we analyzed the features of using such a discourse strategy as hedging. Since the use of discourse strategies in conversation is related to the acquisition of information, we also examined examples of the use of hedging taken from authentic interviews with various political figures of particular interest to the audience. The results obtained will be used in further research when teaching dialogical speech to students of humanities.

Keywords: dialogical speech, interview, hedging.

Обучение студентов гуманитарных специальностей диалогической речи на основе аутентичных интервью носит профессионально-ориентированный характер. В этой форме обучения особую значимость набирают дискурсивные стратегии, которые используются в ходе проведения интервью.

Обучение диалогической речи является одной из центральных тем лингводидактики и об этой форме писали многие исследователи (М. М. Бахтин, В. Л. Скалкин, Е. И. Пассов и мн. др.)

И. Л. Бим, выдающийся исследователь в области теории обучения иностранным языкам и педагог, рассматривала диалогическую речь как «процесс непосредственного общения, который характеризуется поочередно сменяющимися друг друга и порождающими одна другую репликами двух или более лиц. Продуктом данной формы речевого высказывания является диалог разной степени развернутости» [Бим, 1988, с. 176].

Несомненно, актуальность развития умений диалогической речи студентов гуманитарных специальностей сохраняется по сей день. Так как речь, являясь средством общения, возникает и развивается в процессе общения, то организация обучения должна предусматривать и развитие навыков диалогического общения на английском языке. Следовательно, овладение связной диалогической речью – это одна из первостепенных задач речевого развития студентов.

Как и любой другой способ общения, диалог имеет ряд особенностей, к которым относятся следующие: 1) участие двух или более лиц, 2) невозможность точно предугадать ответную реплику партнера, 3) краткость реплик, которые образуют диалогическое единство, 4) свободное оформление синтаксических высказываний, не требующих придерживания к определенным правилам, а также 5) использование разговорных клише [Шукин, Фролова, 2015, с. 208].

Е. Н. Соловова рассматривает следующие коммуникативные особенности диалогической речи: 1) смена коммуникативных ролей в процессе общения; 2) привязанность к определенной речевой ситуации. При этом под сменой коммуникативных ролей подразумевается то, что каждый из участников поочередно выступает в роли слушающего и говорящего, так как сам диалог представляет собой «процесс непосредственного общения, который характеризуется поочередно сменяющимися друг друга и порождающими одна другую репликами» [Соловова, 2006, с. 176].

В последнее время внимание как лингвистов [Van Dijke 1985, 2017], так и ученых в области прикладной лингвистики – теории обучения иностранным языкам сосредоточено на особенностях профессионального дискурса [Тарнаева, 2017а], дискурсивных стратегиях при обучении диалогической речи на английском языке [Besidena, Dudkina, Kopylovskaya, 2018]. Коммуникативным стратегиям уделяет внимание такой выдающийся социолингвист как Д. Кристалл [Crystal, 1988]. При этом дискурсивные стратегии синонимичны коммуникативным в контексте теории обучения иностранным языкам и обучении диалогической речи.

Более того, стратегии, применяемые интервьюером и интервьюируемым в ходе беседы представляют собой огромную значимость при формировании межкультурной компетенции.

Как правило, в интервью используются стратегии для того, чтобы избежать открытого конфликта, поддерживать общение в течение всего интервью, а также подвести респондента к раскрытию фактов, представляющих особый интерес для публики.

Использование дискурсивных стратегий в ходе проведения беседы зачастую связано с получением информации, что, в свою очередь, может проявляться в виде прямого запроса или приемов воздействия, стимулирующих выдачу информации респондентом.

Однако стоит учитывать, что респондент может отказаться придать огласке информацию. В таком случае необходимо выведать ее в условиях сопротивления, что, следовательно, можно определить как стратегию получения информации. Более того, ряд исследователей отмечает, что такой способ получения информации является своего рода коммуникативным насилием, осуществляемым мирным путем в рамках социальных конвенций [Иссерс, 2003, с. 108].

Несомненно, основной спецификой жанра интервью является наличие двух или более участников: интервьюер и интервьюируемый. Согласно Т. ван Дейку, участники диалога производят одновременно много различных речевых действий. Таким образом, они вынуждены прибегать к когнитивному планированию, выполнению, поддержанию и контролю над действиями, пониманию, запоминанию и обработке информации о диалоге [Van Dijk, 1985, с. 13].

Одной из наиболее заметных стратегий аутентичных интервью является стратегия *хеджинга* (*hedging*) которая активно используется как в английском, так и немецком языках в ходе диалогического общения.

Термин «хеджинг», или уклонение от прямого ответа, был введен Дж. Лакоффом в работе «Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts» [Lakoff, 1972, 458]. Согласно Дж. Лакоффу, хеджинг имплицитно некую завесу неточности, неясности, который выражается в речи с помощью *хедж-маркеров*, «слов, которые подразумевают неясность».

Лингвистическими средствами выражения дискурсивной стратегии хеджинга являются: использование средств модальности и сослагательного наклонения с точки зрения грамматики, лексических (раундеры, аппроксиматоры), а также синтаксических (порядок слов).

В немецком языке можно выделить следующие слова – маркеры применения стратегии хеджинг (далее хедж-маркеры): *zumindest* (по крайней мере), *vielleicht* (возможно), *so etwas wie* (нечто вроде), *vermeintlich* (предположительно). Таким образом, хеджинг представляет собой форму проявления тактичности (ограничение высказывания путём добавления хедж-маркеров, подчеркивающих неточность) и активное использование эвфемизмов в стремлении защититься от возможной критики (попытка уйти от прямого ответа, где необходима точная информация) [Besedina, Dudkina, Kopylovskaya, 2018, с. 355]. В научной литературе также используется термин «*downtoner*» – даунтонер, который также означает снижение категоричности высказывания [O’Keefe, 2007].

Хеджинг также активно рассматривался в рамках «лингвистической теории вежливости» Брауна – Левинсона (П. Браун и С. Левинсон), использование которого заключалось в «сохранении лица» при коммуникации. В основе данной теории лежат два определения – *позитивное* и *негативное лицо*.

Позитивное лицо отвечает за стремление человека нравится окружающим, в то время как *негативное лицо* подразумевает желание человека быть свободным и отстаивать свою независимость. Сохранение лица (*face-saving*), в том числе и с помощью хеджинга, признается важной задачей каждого члена общества [Brown, Levinson, 1987; Ларина, 2009].

Как отмечали Ф. Фарр и др. в своей работе, использование хедж-маркеров может проявляться во всех видах дискурса: академическом (разговор лектора и студентов об их успеваемости), новостном (ток-шоу, интервью), а также обиходно-бытовом (разговоры между членами семьи, обмен репликами (продавец – покупатель)) [Farr F., Murphy B., O’Keefe A, 2004].

Более того, с точки зрения теории «лингвистической вежливости», дискурсивные стратегии олицетворяют понятие «вежливость» и сводятся к использованию всех возможных социальных средств для того, чтобы все участники коммуникации чувствовали себя комфортно в процессе этой коммуникации [Brown, Levinson, 1978].

Говоря о политическом интервью, к примеру, данные стратегии реализуются в высказываниях, в которых проявляется преувеличенный интерес к собеседнику и в стремлении избежать диссонанс. Несмотря на то, что интервьюеру порой приходится сталкиваться с

довольно жестким тоном в ходе беседы, ему удастся снизить категоричность высказываний за счет использования средств модальности и сослагательного наклонения в предложениях, например:

*Stefanie Zobl: Was **müssten** die anderen Parteien denn tun?*

(Стефания Цобль: В конце концов, что **должны** были **бы** делать другие партии? [Интервью на канале DW Deutschland].

В данных конструкциях модальность выражается с помощью модального глагола *müssen*, который смягчает категоричность высказывания, а также подчеркивает некую возможность или неясность.

В качестве стратегии вежливости, которая является моделью речевого поведения в ходе межкультурной коммуникации, имеющего ярко выраженный акцент или нечеткую артикуляцию, рассматривается поведение ведущих. Как правило, ведущий программы не вносит вправки в лексико-грамматические погрешности интервьюируемого, а наоборот, добивается полного взаимопонимания путем использования дополнительных вопросов или перефразирует утверждение говорящего как в данном фрагменте интервью:

*Die Zeit: Sie haben jetzt eine allgemeine Impfpflicht für spätestens Februar angekündigt? Bisher waren Sie immer dagegen. **Woher kommt der Sinneswandel?***

(Цайт: Итак, вы объявили о всеобщем обязательном проведении вакцинации не позднее февраля? До сих пор они всегда были против этого. **Откуда взялось изменение взглядов?**)

Olaf Scholz: Wenn sich die Lage ändert, muss man seine Position überdenken. Diese Wochen zeigen gerade, welche bösen Folgen es haben kann, wenn nicht genügend Bürgerinnen und Bürger geimpft sind. Darunter leiden alle. Viele Abgeordnete im Deutschen Bundestag über Parteigrenzen hinweg halten eine Impfpflicht für richtig, um möglichst alle zu schützen – dazu gehöre auch ich.

(Олаф Шольц: Когда ситуация меняется, нужно пересматривать свою позицию. Эти недели как раз показывают, к каким неприятным последствиям может привести недостаточное количество вакцинированных граждан. От этого страдают все. Многие депутаты Бундестага Германии, не имеющие партийных границ, считают правильным обязательную вакцинацию, чтобы защитить всех, насколько это возможно, – в том числе и я.)

*Die Zeit: Ein Argument war immer, die Impfpflicht würde zur Spaltung der Gesellschaft führen. **Stimmt das jetzt nicht mehr?***

(Цайт: Одним из аргументов всегда было то, что обязательная вакцинация приведет к расколу общества. **Теперь это уже не так?**)

Olaf Scholz: Gerade erleben wir, dass wir weite Teile des öffentlichen Lebens für Nicht-Geimpfte schließen müssen, um die anderen zu schützen. Die Impfung beugt also einer weiteren Spaltung vor.

(Олаф Шольц: Сейчас мы сталкиваемся с необходимостью закрыть большую часть общественной жизни для невакцинированных, чтобы защитить остальных. Таким образом, вакцинация предотвращает дальнейшее расщепление) [Интервью с Олафом Шольцем].

Еще одним примером стратегии вежливости является использование сослагательного наклонения (Konjunktiv):

*Die Zeit: Ein Argument war immer, die Impfpflicht **würde** zur Spaltung der Gesellschaft **führen**. Stimmt das jetzt nicht mehr?*

(Цайт: Одним из аргументов всегда было то, что обязательная вакцинация **приведет** к расколу общества. Теперь это уже не так?) [Интервью с Олафом Шольцем].

Таким образом, интервьюер ссылается на общепринятое мнение, снимая с себя ответственность за сказанное.

Использование «прагматических маркеров» в немецком языке также тесно связано с хеджингом. Данный термин был впервые введен американским лингвистом Б. Фрэйзером в работе “Towards a theory of discourse markers”, который отмечал, что прагматические маркеры используются в разговоре для указания на значимость последующей информации, обозначения перехода к другой теме разговора [Fraser, 2006, с. 189]. Эта группа слов включает в себя лишённые своей семантики побудительные конструкции типа *komm* (хватит), *guck mal* (глянь-ка), *sag mal* (скажи-ка), *weißt du* (знаешь); наречия типа *vielleicht* (возможно), *quasi* (почти / как бы), *doch* (всё-таки), *also* (следовательно) и *jetzt* (сейчас); коннекторы типа *obwohl* (хотя), *weil* (потому что); слова, выражающие личное мнение (*denken, glauben, wissen, vermuten, hoffen*). Данные маркеры могут служить как для реализации стратегии уклонения, так и для стратегии сотрудничества, когда интервьюер пытается установить контакт с респондентом [Сереброва, 2023, с. 870].

Стоит также обратить внимание на то, что в немецком языке особую роль занимает контекст и порядок слов, посредством которых можно определить, есть ли в высказывании неясность:

– *Vielleicht ist es eine gute Arbeit.*

(– **Вероятно**, это хорошая работа).

– *Das ist vielleicht eine gute Arbeit!*

(– Это, **пожалуй**, хорошая работа!).

В первом примере наречие “*vielleicht*” имеет функцию хеджинга и подразумевает неопределенность, а во втором “*vielleicht*” является модальной частицей, выражающей акцентирование [Wellner, 2023, с. 24].

Еще одним типом прагматических маркеров являются *аппроксиматоры* или *адапторы*, которые выражают неточность, приближение к истине. Среди них можно выделить модальные глаголы (*wollen, können, müssen, sollen, dürfen, mögen*) неопределенные местоимения (*jemand, niemand, jeder, ein bisschen*), модальные наречия (*eigentlich, sozusagen, eher*):

*Olaf Scholz: **Eigentlich** sollten wir zurückkehren zu Koalitionsverträgen wie in den sechziger Jahren, einfach nur wenige Seiten aufschreiben und dann loslegen.*

(Олаф Шольц: **На самом деле**, мы должны вернуться к коалиционным соглашениям, как в шестидесятые годы, просто записать несколько страниц, а затем приступить к работе) [Интервью с Олафом Шольцем].

Среди наиболее употребляемых дискурсивных маркеров исследователи (Teresa Wellner) также выделяют неопределенное местоимение *man* и безличное местоимение *es*, которые подчеркивают тот факт, что говорящий опирается не на личное мнение, а общественное, то есть ограждая себя от ложных показаний:

*Angela Merkel: Wenige Überstunden können schon dazu führen, dass **man sich** mit einem Einkommen, das nicht allzu hoch ist, plötzlich im Bereich des Spitzensteuersatzes **befindet**.*

(Ангела Меркель: Даже небольшая сверхурочная работа может привести к тому, что человек с не слишком высоким доходом внезапно **окажется** в зоне действия максимальной ставки налога) [Интервью с Ангелой Меркель].

В данном примере показана конструкция с неопределенным местоимением *man*, таким образом, формулируя утверждение о том, человек с не слишком высоким доходом может получить повышенный налог, что не просто является субъективным мнением говорящего, а скорее общепринятым убеждением.

Еще одной примечательной особенностью использования дискурсивных маркеров в немецком языке являются *раундеры* [Wellner, 2023, с. 25]. Среди них можно выделить такие лексические единицы, как *circa* (примерно), *fast* (почти), *schätzungsweise* (приблизительно), *etwa* (примерно), *rund* (около), которые выражают неточность, приблизительность:

*Ursula von der Leyen: In **rund** einem Monat soll ein beladenes Spezialschiff, eine sogenannte schwimmende Speicher- und Regasifizierungsanlage (FSRU), an dem Landungsplatz anlegen.*

(Урсула фон дер Ляйен: **Примерно** через месяц к месту высадки должно прибыть загруженное специальное судно, так называемое плавучее хранилище и регазификационное оборудование (FSRU)) [Интервью с Урсулой фон дер Ляйен].

Таким образом, использование такой дискурсивной стратегии как хеджинг обладает огромным лингводидактическим потенциалом в контексте обучения немецкому языку студентов гуманитарных специальностей, так как аутентичные материалы, используемые на занятиях, способствуют более эффективному формированию грамматических навыков, а также навыков диалогического общения. Полученные результаты будут использованы нами в дальнейших исследованиях.

Литература:

- Бим И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1988. – 255 с.
- Горина О. Г., Храброва В. Е. Лингвистический хеджинг как коммуникативная стратегия (в русле корпусных исследований) //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15. – №. 3. – С. 44-53.
- Иссерс О. С. Тактики выведывания информации [Текст] / О. С. Иссерс // Прямая и непрямая коммуникация: сб. ст. – Омск, 2003.
- Сереброва О. Ф. ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ И РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА) //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – №. 3. – С. 867-873.
- Скалкин, В. Л. Обучение диалогической речи на материале англ. языка //Киев: Рад. – 1989.
- Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и особенность лексического слоя профессионального дискурса в межъязыковом сопоставлении //Мир русского слова. 2017а. №. 2. С.23-27.
- Тарнаева Л. П. Идиоматичность институционального дискурса в свете проблем перевода //Индустрия перевода. 2017. Т. 1. С. 159-164.
- Щукин А. Н., Фролова Г. М. Методика преподавания иностранных языков / А. Н. Щукин, Г. М. Фролова М. 2015. 203 с.
- Besedina Y. I., Dudkina A. I., Kopylovskaya M. Y. Learning discourse strategies for international relations //Методички видици. 2018. Т. 8. –№. 8. С.355-372.

- Brown P., Levinson S. C. Universals in language usage: Politeness phenomena //Questions and politeness: Strategies in social interaction. Cambridge University Press, 1978. P. 9-13
- Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English: A comprehensive guide: Spoken and Written English Grammar and Usage. 6th printing. S. 1, Cambridge Uni. Press, 2011, 973 p. ISBN 978-0-521-85767-3.
- Crystal D. On Keeping One's Hedges in Order // English Today. 1988. Vol. 4. No. 3 (15). p. 46–47.
- Farr F., Murphy B., O'Keeffe A. The Limerick corpus of Irish English: design, description and application // F. Farr, A. O'Keeffe (eds.). Corpora, Varieties and the Language Classroom. Special Edition of Teanga 21. Dublin: IRAAL, 2004. P. 5–29.
- Fraser B. Towards a theory of discourse markers //Approaches to discourse particles. – Brill, 2006. C.189-204.
- Lakoff D. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. Journal of Philosophical Logic, 1972, no. 2 (4), p. 458–508.
- O'Keeffe A., McCarthy M., Carter R. From Corpus to Classroom: language use and language teaching. Cambridge Uni. Press, 2007, – 315 p.
- Van Dijk T. A. Discourse and communication //Berlin: W. de Grueter. – 1985.
- Van Dijk T. A. Discourse and power. – Bloomsbury Publishing, 2017.
- Wellner T. Towards a taxonomy of hedging devices in Standard German. – 2023.

Источники:

- DW Deutschland** – AfD - warum die Politik der Rechtspopulisten so viel Zustimmung bekommt | DW Nachrichten. URL: AfD - warum die Politik der Rechtspopulisten so viel Zustimmung bekommt | DW Nachrichten (дата обращения: 02.10.2023)
- ZEIT** – Olaf Scholz im Interview mit der ZEIT. URL: <https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Interviews/2021/2021-12-02-zeit.html> (дата обращения: 02.10.2023)
- SPD** – Olaf Scholz im Interview mit der Bild am Sonntag. URL: <https://olaf-scholz.spd.de/aktuelles/detail/news/olaf-scholz-im-interview-mit-der-bild-am-sonntag/05/02/2023> (дата обращения: 03.10.2023)
- DUB** – Interview mit Angela Merkel. URL: <https://www.dub.de/management/interview-mit-angela-merkel/> (дата обращения: 03.10.2023)
- Deutschlandfunk** – Interview der Woche mit Ursula von der Leyen. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/interview-der-woche-ursula-von-der-leyen-100.html> (дата обращения: 04.10.2023)

References:

- Besedina Y. I., Dudkina A. I., Kopylovskaya M. Y. Learning discourse strategies for international relations //Методички видици. – 2018. – Т. 8. – №. 8. С.355-372.
- Bim I. L. Theory and practice of teaching the German language in secondary school: textbook. allowance. M.: Education, 1988. – 255 p.
- Brown P., Levinson S. C. Universals in language usage: Politeness phenomena //Questions and politeness: Strategies in social interaction. – Cambridge University Press, 1978. – P. 9-13
- Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English: A comprehensive guide: Spoken and Written English Grammar and Usage. 6th printing. S. 1, Cambridge Uni. Press, 2011, 973 p. ISBN 978-0-521-85767-3.
- Crystal D. On Keeping One's Hedges in Order // English Today. 1988. Vol. 4. No. 3 (15). p. 46–47.

- Farr F., Murphy B., O’Keeffe A. The Limerick corpus of Irish English: design, description and application // F. Farr, A. O’Keeffe (eds.). *Corpora, Varieties and the Language Classroom. Special Edition of Teanga 21*. Dublin: IRAAL, 2004. P. 5–29.
- Fraser B. Towards a theory of discourse markers // *Approaches to discourse particles*. – Brill, 2006. C.189-204.
- Gorina O. G., Khrabrova V. E. Linguistic hedging as a communicative strategy (in line with corpus research) // *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. – 2017. – T. 15. – No. 3. – pp. 44-53.
- Issers O. S. Tactics for finding out information [Text] / O. S. Issers // *Direct and indirect communication: collection. Art.* – Omsk, 2003.
- Lakoff D. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 1972, no. 2 (4), p. 458–508.
- O’Keeffe A., McCarthy M., Carter R. *From Corpus to Classroom: language use and language teaching*. Cambridge Uni. Press, 2007, – 315 p.
- Serebrova O. F. DISCOURSE MARKERS AND SPEECH STRATEGIES (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE) // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. – 2023. – T. 16. – No. 3. – pp. 867-873.
- Shchukin A. N., Frolova G. M. *Methods of teaching foreign languages / A. N. Shchukin, G. M. Frolova - M. - 2015. 203 p.*
- Skalkin, V. L. *Teaching dialogical speech using English materials. language / V. L. Skalkin // Kyiv: Rad. – 1989.*
- Solovova, E. N. *Methods of teaching foreign languages. Basic course of lectures: a manual for pedagogical students. universities and the peculiarity of the lexical layer of professional discourse in interlingual comparison // World of Russian Word. – 2017a. – No. 2. – pp. 23-27.*
- Tarnaeva L. P. Idiomaticity of institutional discourse in the light of translation problems // *Translation Industry*. – 2017. – T. 1. – P. 159-164.
- Van Dijk T. A. *Discourse and communication // Berlin: W. de Gruyter. – 1985.*
- Van Dijk T. A. *Discourse and power*. – Bloomsbury Publishing, 2017.
- Wellner T. *Towards a taxonomy of hedging devices in Standard German*. – 2023.

**АНТИНОМИЧНОСТЬ СМЕХА. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»)**

В данной работе производится попытка вывести основные антиномичные компоненты смеха с помощью разноуровневого лингвистического и междисциплинарного анализа языковой личности. Хотя амбивалентность смеха как концепта обсуждалась на протяжении многих столетий учеными из различных сфер знания, интерес к настоящей проблеме не угасает до сих пор. Принимая во внимание то, что концепт невозможно полностью выразить в речи, наша статья ставит своей целью выявить ценностное наполнение смеха на определенном языковом материале, и внести свой вклад в развитие и расширение описания ядра и периферии данного концепта. Материалом для статьи послужили диалоги Вильгельма Баскервильского и Хорхе из Бургоса в романе У. Эко «Имя Розы». Непосредственной задачей является отбор и анализ в выбранном тексте релевантных лексем-маркеров, стилистических и грамматических особенностей речи персонажей и последовательное создание ядра и периферии концепта, которая отражает его внутреннюю антиномичность. Основные методы продиктованы самой двойственностью темы: метод изучения словарных дефиниций и метод контекстуального анализа позволяют двигаться от частного к общему, и от общего к частному. Наибольший интерес представляют те примеры, в которых концепт предстает в особенно противоречивых ценностных проявлениях. Предварительные результаты позволяют сделать выводы, что концепт смеха сложен и многогранен и состоит из множества антиномичных наполнений, выражаемых в языке различными способами.

Ключевые слова: лингвоаксиология; аксиологическая лингвистика; ценность; оценка; концепт; лингвоаксиологический анализ; ядро и периферия концепта; языковая личность; антиномия.

Geraseva Aleksandra

Saint Petersburg State University

**ANTINOMY OF LAUGHTER. LINGUO-AXIOLOGICAL ASPECT (IN TERMS OF
THE NOVEL BY U. ECO «THE NAME OF THE ROSE»)**

This paper attempts to derive the main antinomic components of laughter through a multilevel linguistic and interdisciplinary analysis of linguistic personality. Although the ambivalent nature of laughter as a concept has been discussed for centuries by scientists in various fields of knowledge, the interest in this problem has not waned to this day. Taking into account the fact that the concept cannot be fully expressed in speech, our article aims to make an attempt to identify the value content of laughter based on a certain linguistic material, and to contribute to the development and expansion of the description of its core and periphery. The material under scrutiny is drawn from the dialogues of William of Baskerville and Jorge of Burgos in the U. Eco's novel «The Name of the Rose». The underlying hypothesis is to select and to analyze in the selected text relevant lexeme-markers, stylistic and grammatical peculiarities of the characters' speech and to consistently create the core and

periphery of the concept, which reflects its internal antinomy. The main research methods are dictated by the duality of the topic: conceptual analysis and analysis of definitions allow us to move from private to general, and from general to private. Of greatest interest are those examples in which the concept appears in particularly contradictory value manifestations. The tentative conclusions allow to deduce that the concept of laughter is complex and multifaceted and consists of many antinomic fillings expressed in language in various ways.

Keywords: linguoaxiology; axiological linguistics; value; evaluation; concept; linguoaxiological analysis; core and periphery of the concept; linguistic personality; antinomy.

Смех выступает проявлением специфики человеческого и на протяжении многих веков является предметом изучения и анализа ученых и исследователей: И. Кант, Г. Гегель, З. Фрейд, В. Я. Пропп, М. М. Бахтин. Одним из первых наиболее полно раскрыл его проблематику Аристотель: «Смешное — это некоторая ошибка и безобразие; никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное» [Аристотель, 2000, с. 53]. «Ошибочность и безобразность» смеха, таким образом, представляют его парадокс, так как смех в общности своей имеет целью показать предмет для смеющегося так, чтобы тот имел возможность оценить его меру зла. Вызывая положительные по своей сути эмоции, смех в своем «движении» направлен на отрицательное явление, сам нередко этим явлением становясь. Помимо своей оценочной функции, смех также выступает в роли «разграничителя» правды и лжи. Об этом пишет Д. С. Лихачев: «Функция смеха — обнажать, обнаруживать правду, раздвигать реальность от покровов этикета...» [Лихачев, 1984, с. 17]. Неизменность противоречит самой натуре смеха, так как его истина — это движение, динамика. Кроме того, важно вывести тезис о смеховом переживании как об опыте «переживания ситуации выхода за границы» [Рымарь, 2004, с. 4]. Смех, базируясь на представлениях о реальном мире, существовании методов и мер их реализации, знании границ, создает свой мир, который разные исследователи называют миром изнаночным, кромешным, потусторонним (М. М. Бахтин, С. С. Аверинцев).

Антиномия смеха проявляется прежде всего в его существовании одновременно как ценности и антиценности. Следует дать определение данным понятиям, а также обозначить дисциплины, которые занимаются их изучением. Выведением положительной, нейтральной и отрицательной значимости объектов занимается аксиология, а исследованиями «языкового воплощения ценностей», определяющих «выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения» [Карасик, 2019, с. 4] — аксиологическая лингвистика. В ее поле оказывается весь инструментарий языка, способный выражать оценку. Связь ценности и оценки можно описать следующим образом: ценности наделяют все составные части пространства существования человека аксиологической значимостью, и «при посредстве языка говорящий субъект сам ориентируется в мире своих ценностей» [Серебренникова, 2011, с. 20], а оценка становится результатом «обладания» ценностью и представляет собой определенную реакцию *говорящего* на различные объекты и признаки [Папина, 2002, с. 267].

Для анализа ценностей мы прибегаем к анализу их речевых манифестаций в языке. Е. Ф. Серебренникова выделяет три основных направления лингвоаксиологического анализа [Серебренникова, 2011, с. 44-47]. Первым является анализ всего базиса слов и выражений, который составляет аксиологический маркированный лексико-семантический пласт языка. Данный тип позволяет понять внутреннее смысловое наполнение лексики и идиоматических оборотов. Вторым типом становится анализ тех источников, в которых содержится непосредственно личная и прямая оценка говорящего или пишущего. К подобным речевым актам относятся эксплицитно и имплицитно построенные речевые акты, в которых выражается

оценочное отношение. Третьим типом является анализ так называемой неявной оценки. Здесь мы должны анализировать логико-грамматическую организацию акта речи.

В анализе смеха как концепта мы будем ссылаться на два основных подхода: лингвокультурологический (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев) и когнитивный (Д. С. Лихачев, Н. Д. Арутюнова, З. Д. Попова, И. А. Стернин). Ссылаясь на исследователя В. И. Карасика, концепт — это ментальная единица, в которой присутствуют понятийный, образный и ценностный компоненты [Карасик, 2002, с. 187]. З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин, 2001, с. 93].

Наиболее важным в анализе концепта является определение его ядра и периферии, т. е. выявление базовых языковых представлений концепта, анализ его номинативного поля, перечисление его когнитивных признаков и моделирование его как единицы сознания, обращение к его контекстам, ассоциациям, коннотациям [Попова, Стернин, 2001, с. 98-101].

Антиномия смеха, под которой мы понимаем «сочетание двух взаимопротиворечащих суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта...» [Грузберг], и которая обнаруживается при создании ядра и периферии концепта, парадоксально унифицирует его в сознании, доказывает его динамическую и непостоянную природу, и являет собой целое во взаимодействии противоположных составляющих.

Художественный мир У. Эко в романе, несмотря на полноценную принадлежность к средневековому универсуму, очень сильно походит на современный мир, карнавалю обряженный в одежды четырнадцатого века. Яркие, независимые умы и приспешники бездумного догматизма, лицемеры и искренно верующие, сомневающиеся, обычные, неповторимые, способные на убийство, пойманные в тиски плотских удовольствий, запутавшиеся и ищущие свет — эти персонажи населяют как мир У. Эко, так и реальный.

Проблемы героев и универсума автор описывает, используя весь диапазон смеха — от теплой улыбки до едкого иронического хохота. В произведении У. Эко «Имя розы» смех становится одним из главных действующих лиц. Два центральных персонажа романа: Хорхе и Вильгельм — показаны как противопоставленные друг другу образы: доминиканец и францисканец, воплощение догмы и воплощение анализа, ярый борец против смешного и его ярый защитник. Они ведут борьбу за смех, и борьба эта актуальна не только для четырнадцатого века, — она актуальна для автора, является актуальной в наши дни. Важно отметить, что персонажи воспринимаются как языковые личности, в структуре которых ценности играют важную роль и находят свое отражение в речи [Карасик, 2002, с. 166].

В словаре Treccani смех определяется следующим образом: как способность («*la facoltà*»), как действие («*l'azione*»), как способ («*il modo*»), но также как чувство («*il sentimento*») [Treccani]. Из представленного списка определений можно сделать вывод о том, что практически любой эмоции и любому порыву (как мыслительному, так и физиологическому) свойственно выражение в виде смеха.

Первый идеологический спор двух персонажей о смехе и комическом происходит в скриптории. Отправной точкой для него становятся маргиналии Адельма [Есо, 2001, р. 84-89]. Смех подобно вирусу заражает всех участников и слушателей диалога: улыбается Вильгельм («*Guglielmo le esaminava sorridendo*»), борется со смехом Адсон («*combattuto tra l'ammirazione muta e il riso*»), даже на губах Малахии появляется слабая улыбка («*un pallido sorriso illuminò le sue labbra*»). Настоящее смеховое действие запускают монахи (*mettersi a ridere* → *seguire a ridere* → *mentre ancora ridevano*), на последнем его этапе появляется Хорхе, прекращая его одной

фразой: «*Verba vana aut risui apta non loqui*», т. е. «Non pronunciare parole vane o parole che inducono al riso».

Слова, ведущие к смеху, и пустые слова («vano» — «privo di realtà, di sostanza effettiva, o di contenuto, di fondamento» [Treccani]), в восприятии Хорхе становятся одинаково вредны, сливаются в одно. Иллюзорность смеха лишает его смысла и правды, сам смех отрезает возможность ощутить почву под ногами, фундамент и основание. В описании смеха и смешного Хорхе использует лексику с прямой отрицательной коннотацией («cattivo», «mentire» — противопоставление концептам добра и правды), прибегает к использованию превосходной степени сравнения, чтобы подчеркнуть уровень неприемлемости смеха и смешного («la giocondità più inopportuna»). В речи Хорхе мы встречаем упоминание перевернутого мира смеха: «a capo in giù», «a testa in giù», «inverso». В самом перевороте смысла старец видит необратимую конвертирующую силу, способную преобразовать прекрасное («capolavoro della creazione») в нечто ужасное («materia del riso»), и выражает это в речи с помощью одинаково построенных грамматических конструкций, в которые вложен противоположный смысл. Причастие «stabilito», которое Хорхе употребляет в отношении мира, созданного Богом, имеет общие семы с причастиями «fissato» и «fermato», как нечто, лишённое движения. Мир смеха, которому даются определения «inverso», «opposto», и потому «dinamico», по мнению Хорхе, хочет разрушить установленный порядок вещей, скрывшись под карнавальной маской мнимой готовности открыть всем желающим божественные истины: «pretesto» — *qs. che «maschera reali motivi»* [Treccani].

Вильгельм отвечает на доводы Хорхе прямо противоположным утверждением о том, что смех является одним из инструментов познания, который позволяет человеку достигнуть добродетели, так как используется «per fini di edificazione» («edificazione» — «incitamento al bene, alla virtù, alla rettitudine, rafforzamento e approfondimento della vita religioso-morale» [Treccani]). Смех выступает проводником информации, выполняет обучающую функцию, на примере несурзадного и несерьёзного показывая людям границу между пороком и добродетелью. Маргиналии и потешные тексты, в сознании Вильгельма, являясь кривым зеркалом, парадоксально помогают четче увидеть реальность, задействуя воображение слушающего или смотрящего («per toccare l'immaginazione («forma di movimento»; «particolare forma di pensiero, che non segue regole fisse né legami logici») delle pie folle» [Treccani]). Используя в речи лексемы «faceto» и «pugae» по отношению к смеху и смешному, Вильгельм не вкладывает в них отрицательного значения. Для него способность использовать смех как движущую силу познания является свидетельством острого ума (*faceto* → *arguto* → *acuto*). Кроме того, он ссылается на Ареопагита и Гугона Викторянца, великих христианских мыслителей, чтобы доказать свою точку зрения: «...quanto più la similitudine si fa dissimile, tanto più la verità ci è rivelata sotto il velame di figure orribili e indecorose, tanto meno l'immaginazione si placa nel godimento carnale ed è obbligata a cogliere i misteri che si celano sotto la turpitudine delle immagini». Он использует сравнительные союзы («quanto più», «tanto più», «tanto meno»), чтобы показать противоречивую взаимосвязь смехового мира и истины. Семантически антонимичные пары однокоренных слов *similitudine* - *dissimile* (сходство - несходный), *rivelare* - *velame* (открывать - покров), намеренно употребленные вместе, также подчеркивают противоречивость этой взаимосвязи и необходимость самой противоречивости в поиске истины («verità»), которая является «финальной точкой» и «центральным элементом» юмора и сопряженного с ним уродства.

Таким образом, смеховая антиномия проявляется прежде всего в характеристике смеха как потенциального инструмента переворота, который в мировоззренческой парадигме индивида и общества кажется невозможным, но тем не менее происходит. Смех становится

ликующим осуществлением немислимого. Реакция на этот переворот также противоречива — Хорхе видит в нем бесполезное и парадоксально при этом губительное действие, а для Вильгельма оно связано с уродством, которое помогает прийти к благодетели.

Таким образом, парадоксальность проявляется в восприятии смеха одновременно как противного божественному началу, и, следовательно, воспрещенному человеку, а, с другой стороны, свойственного человеку, следовательно, не осуждаемому Богом.

Последний диалог Вильгельма и Хорхе, закольцовывая композицию романа, вновь ведется о смехе [Есо, 2001, р. 477-481]. В нем Хорхе присваивает смеху сдерживающую функцию для низших слоев населения; смех дает им ощущение мнимой свободы: у площадного смеха одновременно появляются глаголы-маркеры «scaricare» («sfogare, dare sfogo» [Treccani]) и «trattener» («frenare», «contenere» — «tenere dentro, impedire che esca o si sfoghi» [Treccani]). Смех и насилие у простолюдинов, по мнению старца, не страшны прежде всего потому, что не оставляют видимого отпечатка. Хорхе прибегает к градации, лексически выраженной в схеме «traccia → disegno → latino» (т. е. lingua scritta). Вещественная манифестация смеха в любом проявлении от случайного отпечатка до задокументированности в письменном виде, напротив, ужасает Хорхе, так как у смеха есть освободительная, отменяющая и разрушительная сила («liberarsi», «annullare», «distruggere»). Смех способен убить страх, который в системе моральных координат Хорхе является главной причиной существования «правильного мира», а разум может узаконить смех («legittimare il capovolgimento»). В речи персонажа смех при этом связан с самыми низкими концепциями: как животный, плотский порыв («operazione del ventre»), как низость и ограниченность души («limite di peccatori»), как влияние дьявола («scintilla luciferina»). Смех и мятеж сливаются в образе пламени, что подчеркивают употребленные Хорхе лексемы «scintilla», «incendio», «Prometeo».

Вильгельм отвечает Хорхе: «Mi batterei, la mia arguzia contro l'arguzia altrui. Sarebbe un mondo migliore di quello in cui il fuoco e il ferro rovente di Bernardo Gui umiliano il fuoco e il ferro rovente di Dolcino». По мнению Вильгельма, уничтожение зла путем разума лучше, чем уничтожение зла с помощью силы, как противопоставление движения ума, остроумия («arguzia» — «pensiero arguto, motto vivace e spiritoso» [Treccani]), и физического насилия, воплощающегося в образе жара, огня («fuoco», «ferro rovente»). Для Вильгельма, в отличие от Хорхе, огонь не становится олицетворением адского пламени или язычества. Он напрямую связан с жесткостью людей, об этом нам говорят имена собственные («di Bernardo Gui», «di Dolcino»).

Разница в восприятии смеха для Вильгельма и для Хорхе основывается на разности восприятия ими Бога и божественного. Для Вильгельма Бог представляется прежде всего созидательной силой, как и смех, не признающей ограничений: «creare» — «non nascondere, parlare di tutto» [Treccani]. Для Хорхе же Бог ограничивает, разделяет, призывает к молчанию: «i semplici non debbono (глагол долженствования в отрицательной форме) parlare», «ci sono dei confini» («confini» — «limite» [Treccani]).

На собранном в тексте материале четырех диалогов между Вильгельмом Баскервильским и Хорхе из Бургоса мы можем представить ядро и периферию концепта:

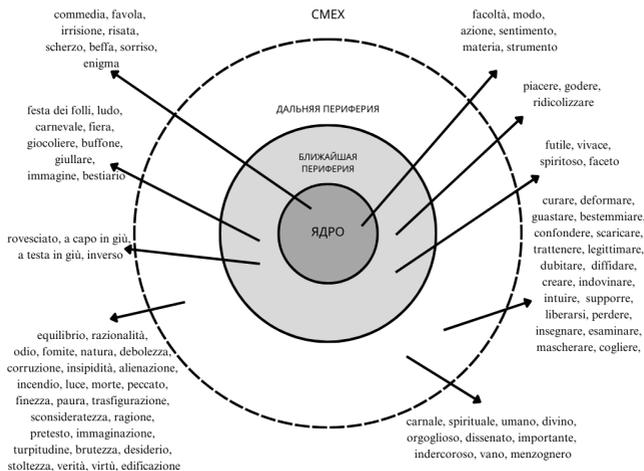

Рис. 1. Ядро и периферия концепта «смех»

Смех, существуя как концепт в сознании индивидов, может иметь полностью противопоставленные по сути своей оценки, которые формируются под влиянием одинаковых постулатов. Любой концепт в мировоззрении отдельного человека чаще всего отличается от его формального определения, однако в случае со смехом, разность восприятия и проявления его в разных формах в социальной и культурной жизни становится наиболее очевидной. Смех, способный просвещать, разрушать, возвышать, низвергать, ограничивать, моделировать, изменять, расширять, открывать, находясь при этом в своем, созданном по образу и подобию видимой реальности, мире, перевернутом с ног на голову, отделенном, но неразрывно связанным с нашим миром, предстает перед читателем романа У. Эко «Имя Розы» в своем многоликом великолепии. Познание и открытие мира Вильгельмом с помощью смехового инструментария в итоге ведет к разрушению с помощью него же мира Хорхе, и это становится как «смеховой победой», так и «смеховым проигрышем».

Литература:

- Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
 Грузберг Л. А. Антиномия. — [Электронный ресурс]. — URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_2_40.
 Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
 Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
 Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / под ред. Е. Ф. Серебренниковой. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
 Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Р. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. 296 с.
 Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал УРСС, 2002. 386 с.
 Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 191 с.

- Рымарь Н. Т. Смех и поэтика экстатического // Смех в описании: семантика, аксиология, полифункциональность. Самара, 2004. С. 3-18.
- La cultura italiana. Vocabolario. Treccani. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.treccani.it/vocabolario>.
- Umberto E. Il nome della rosa. Milano: Bompiani, 2001. 540 p.

References:

- Aristotel'. Ritorika. Poetika [Aristotle. Rhetoric. Poetics]. Labirint [Maze]. Moscow, 2000, 224 p.
- Gruzberg L. A. Antinomiya [Antinomy]. Elektronnyj resurs [Electronic resource]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_2_40.
- Karasik V. I. Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy [Language spiral: values, signs, motives]. Gnozis [Gnosis]. Moscow, 2019, 424 p.
- Karasik V. I. Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Peremena [Change]. Volgogard, 2002, 477 p.
- La cultura italiana. Vocabolario. Treccani. Electronic resource. URL: <https://www.treccani.it/vocabolario>.
- Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko R. V. Smekh v Drevnej Rusi [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad, 1984, 296 p.
- Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya cennostnyh smyslov: kollektivnaya monografiya, pod red. E. F. Serebrennikovoj [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings: a collective monograph, edited by E. F. Serebrennikova]. TEZAURUS [THESAURUS]. Moscow, 2011, 352 p.
- Papina A. F. Tekst: ego edinicy i global'nye kategorii [Text: its units and global categories]. Editorial URSS [Editorial URSS]. Moscow, 2002, 386 p.
- Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoj lingvistike [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, 2001, 191 p.
- Rymar' N. T. Smekh i poetika ekstatcheskogo [Laughter and the poetics of ecstatic]. Smekh v opisani: semantika, aksiologiya, polifunkcional'nost' [Laughter in description: semantics, axiology, polyfunctionality]. Samara, 2004, pp. 3-18.
- Umberto E. Il nome della rosa. Milano: Bompiani, 2001. 540 p.

Гимон Е. В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ОБРАЗЫ РОССИИ И РУССКИХ В СОВРЕМЕННОЙ АРАБСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА СИРИЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ШАХЛИ АЛЬ-УДЖЕЙЛИ)

Статья посвящена анализу образов России и русских в романе сирийской писательницы Шахли аль-Уджейли «Лето с врагом». Хотя русская тема и не занимает главного места в романе, однако отсылки к ней являются весьма показательными для понимания восприятия арабами русского национального характера, русской культуры и места России в мировой культуре и политике. Вывод, который можно сделать после анализа текста, заключается в том, что образы России и русских трактуются двояко. Россия предстает и как страна великой культуры и науки, и как страна, с которой связаны разочарования части арабского мира; русские традиции и образ жизни вызывают одновременно удивление и интерес, также с русскими связан ряд стереотипов. Русская тема в произведениях иностранных авторов довольно хорошо изучена на материале западных и некоторых восточных литератур, однако в отечественной арабистике подобные работы почти отсутствуют. В данной статье делается попытка частично заполнить эту лакуну.

Ключевые слова: русские, русская культура, современная арабская литература, Шахля аль-Уджейли

Elena Gimon

High School of Economics

IMAGES OF RUSSIA AND RUSSIANS IN MODERN ARAB FICTION (BASED ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF THE SYRIAN WRITER SHAHLA AL-UJAYLI)

The article is devoted to the analysis of the images of Russia and Russians in the novel “Summer with the Enemy” by the Syrian writer Shahli al-Ujayli. Although the Russian theme does not occupy the main place in the novel, references to it are very indicative for understanding the Arabs’ perception of the Russian national character, Russian culture and Russia’s place in world culture and politics. The conclusion that can be drawn after analyzing the text is that the images of Russia and Russians can be interpreted in two ways. Russia appears both as a country of great culture and science, and as a country of disappointments for a certain part of the Arab world; Russian traditions and way of life evoke both surprise and interest, while a number of stereotypes are associated with Russians, too. The Russian theme in the works of foreign authors has been quite well studied using the material of Western and some Eastern literatures, but in Russian Arabic studies such works are very rare. This article attempts to partially fill this gap.

Keywords: Russians, Russian culture, modern Arabic literature, Shahla al-Ujayli

В фокусе внимания современных арабских авторов нередко оказывается русская тема. Надо отметить, что в целом, объем арабских романов о России значительно меньше, чем романов о Западе. Ряд исследователей обращают внимание на парадоксальный факт: не смотря

на значительное культурное и политическое влияние СССР на арабские страны во второй половине XX века, «на обширных просторах арабской «эмигрантской» литературы мы обнаруживаем сравнительно немного произведений литературы о социалистическом блоке и особенно о Советском Союзе. Это тем более удивительно, поскольку в 1960–1980-е годы в СССР учились тысячи арабских студентов, в том числе ряд будущих писателей»⁹ [1, Suvorov, 525]. Романов о постсоветской России также немного, однако русская тема регулярно появляется в современных арабских романах, в том числе в номинированных на престижную литературную премию арабского мира «Арабский Букер».

Для классификации таких произведений могут быть предложены различные подходы (жанровый, региональный и др.), в том числе разделение арабских романов с русскими мотивами по критерию объема русской тематики на две группы:

1) романы с центральной русской темой, которые целиком или в значительной степени посвящены России (советской или постсоветской); главным местом действия (или одним из главных) является Россия; русские фигурируют в этих произведениях как центральные персонажи; 2) романы, действие которых происходит вне России, русские выступают в них в качестве второстепенных, эпизодических персонажей, однако могут нести важную смысловую нагрузку для той или иной авторской идеи; русские персонажи могут вообще отсутствовать в этих романах, однако в тексте встречаются значимые отсылки к русской культуре или рассуждения о русском национальном характере. При этом оценки России и русских в обеих группах романов могут быть совершенно разными, даже диаметрально противоположными.

В первой группе произведений можно выделить следующие: «Мгновения, когда затонула Рыба-остров» Мухаммеда аль-Махзанги (1998), «Лейла, снег и Людмила» Кафы аль-Зооби (2007), «Али и его русская мать» Александры Шрайтех (2009), «Лед» Суналлы Ибрагима (2011), «Время красной свирели» Сурайи аль-Баксами (2012), «Я и бабушка Нина» Ахмеда аль-Рахби (2015), «Русский квартал» Халили ар-Резза (2019), «Утро 19-го августа» Дохи Асси (2022) и др. Авторы этих романов, как правило, учились и продолжительное время жили в России, а следовательно глубоко погружены в русский культурный контекст. Ко второй группе можно отнести следующие произведения: «Бруклин Хайтс» Мираль ат-Тахави (2010), «Внук Синдбада» Хабиба Сорури (2016), «Лето с врагом» Шахли аль-Уджейли (2018), «Имя на прикладе» Дыйа Джубейли (2018), «Записки книготорговца» Джалаля Барджаса (2020), «Файл 42» Абдель Маджида Себбаты (2020), «Мелодия для кролика» Мухаммада аль-Харради (2022) и др. Авторы подобных романов, как правило, приезжали в Россию на короткое время, либо вовсе в ней не были, поэтому часто демонстрируют меньшую степень погруженности в культуру, их романы содержат большее количество стереотипов.

Сюжетно-тематическая реализация русской темы в современном арабском романе весьма разнообразна: это критика социалистической действительности в СССР и утрата иллюзий, связанных с коммунистической идеей, «лихие 90-е годы» с их турбулентностью и кризисом, проблема радикализации ислама в России, пресловутая «русская мафия» и образы русской эмиграции – как современной (например, в США), так и эмиграции начала XX века, вызванной Октябрьской революцией, когда большие русские общины сформировались в арабских странах Северной Африки, сюда же относятся тема русских женщин, проблемы межнациональных браков, поиск самоидентичности и др.

Роман сирийской писательницы Шахли аль-Уджейли «Лето с врагом», который можно назвать типичным образцом жанра автофикшн, также затрагивает русскую тему, хотя и эпизодично. Героиня по имени Лямис рассказывает историю трех поколений женщин своей

⁹ Перевод с английского выполнен автором статьи

семьи: бабушки, матери и свою собственную¹⁰. Одна из главных сюжетных линий строится вокруг фигуры профессора из Германии, приехавшего изучать в маленький сирийский город Ракку, наследие средневекового арабского астронома аль-Баттани. Между матерью героини и ученым возникают недолгие романтические отношения, которые вызывают неоднозначные чувства у Лямис (так, что немецкий профессор даже воспринимается девочкой-подростком как враг – отсюда название романа). После того, как много лет спустя в Сирии начинается гражданская война и город занимают террористы ИГИЛ (это второй враг героини), мать и дочь вынуждены бежать из родной страны в Германию, где должны снова встретиться со своим старым знакомым, однако мать подрывается на mine и погибает. Хотя русская тема не является доминантой романа, «русское присутствие» ощущается в некоторых главах произведения.

Первая глава романа «Лето с врагом» посвящена детству главной героини в городе Ракка на севере Сирии. Важное место в социальной и культурной жизни города занимает т.н. восточно-европейская «коммуна»: это сирийцы, которые когда-то учились в странах соцлагеря, и их жены-иностранки. Среди таких стран упоминаются Советский Союз, ГДР, Чехословакия, Югославия, Польша, Венгрия, Румыния. Однако некоторые критики считают, что под иностранками имелись в виду прежде всего русские¹¹. Действительно, многочисленные исторические, географические, бытовые, культурные реалии отсылают нас именно к русской культуре.

Рисуя образ «другого», автор отмечает ряд культурных отличий этих семей от арабских в образе жизни, традициях, быте, воспитании детей, попутно останавливаясь на некоторых стереотипах.

- Опрятность детей, хорошая учеба, хобби. «Они были чистенькими, опрятными, сосредоточенными, серьезно относились к учебе, увлекались чтением и музыкой. И почти у каждого был домашний питомец – кошка или собака»¹².
- Досуг. Героиня удивляется тому, что матери-иностранки отпускали своих детей гулять редко, только после выполнения уроков, в основном на каникулах, в то время, как арабские дети свободно гуляли и часто были предоставлены сами себе. «Это оставляло у меня такое чувство, будто я не получила хорошего воспитания в отличие от мальчиков и девочек, которым не позволялось выходить из дома», – замечает Лямис.
- Традиции и устройство дома. Героиня отмечает, что иностранцы празднуют дни рождения (в традиционных арабских мусульманских семьях это не принято), а также удивляется устройству их дома. «Они отмечали дни рождения в своих маленьких невысоких, но тёплых домах, где все указывало на хороший художественный вкус и практический опыт: каждая вещь на своём месте, ничего лишнего».
- Еда и напитки: Автор прогнозируемо указывает на отличие иностранной еды от арабской и особое место отводит описаниям алкогольных напитков, подчеркивая т.н. «русский след». «Напитки у них не были похожи на арак или виски, с которыми выходили покупатели лавки Абу Ибрагима, пряча их в бумажных стаканчиках. Они привозили грузинское вино из лозы, росшей на склонах Кавказа, или водку из московского гастронома, и когда прославился тот, кто привёз ее в Ракку, те самые врачи, инженеры и фармацевты стали гнать самогон кустарно, превратившись в самых активных производителей алкоголя, который готовился в карнавальном атмосфере».

¹⁰ <https://www.arabfiction.org/en/node/1400> (Дата обращения: 08.11.2023)

¹¹ <https://www.alqabas.com/article/678239> (Дата обращения: 08.11.2023)

¹² Здесь и далее перевод автора статьи

смеха, пения и дружеских перебранок <...> Они могли делать то, что возвращало их во времена учебы в стране снега, мехов и сладкого картофеля». Примечательно, что автор детально описывает процесс приготовления домашнего самогона на картофельных очистках, а также упоминает историю водки, состав которой был запатентован Д. И. Менделеевым в 1894 году под маркой «Московская особая», «что способствовало развитию русской экономики», как отмечает нарратор. В целом роль восточно-европейской общины оценивается как положительная: «она давала нашему городу крылья».

Однако русское (шире – восточноевропейское) может получать и негативную оценку в устах ряда персонажей. Автор иронично пишет о злословии арабов, особенно незамужних, в адрес женщин Восточной Европы, и стереотипах о «блондинках и красотках». Так, незамужняя арабская золовка одной из героинь, словачки Анны, «вечно шепталась с подружками о том, что ее брат и ему подобные ели свинину и сами освинели, и что эти блондинки, которые помогали нашим мужчинам там, став им подругами, а потом и жёнами, таким способом просто избежали нищеты и проституции, а потом приехали сюда, чтобы быть под защитой. А в старости у них появляются усы!».

С Россией связан образ Сергея Васильевича Рахманинова, которого музыковеды часто именуют «самым русским композитором», «певцом русской души». Героиня романа Лямис зачарованно слушает Второй концерт Рахманинова в исполнении матери своего лучшего друга, уточненной и элегантной Анны, над инструментом которой висит портрет русского гения. Лямис утверждает, что выучила каждое движение пианистки, ей даже кажется, что она слышит мелодии, которые та исполняла в институтах Москвы, Петербурга и Праги. Примечательно, что в своих интервью писательница признавалась, что работала над романом под музыку Рахманинова (вторым таким вдохновителем ее литературного творчества был Шопен). Автор приводит множество биографических подробностей из жизни композитора: огромный рост – 198 см, прозвище «биг хэндз», описание огромных ладоней пианиста, которые берут на клавиатуре интервал в 13 клавиш и др.

Шахля аль-Уджейли пишет о Рахманинове, как воплощении русского характера, в котором сочетаются широта души, заключенная в его музыке, и т.н. «русская тоска». Продлившийся 25 лет эмигрантский период творчества композитора после отъезда из советской России в США был действительно печальным: Рахманинов остро переживает потерю Родины, он редко улыбается на фото, сторонится прессы, живет довольно замкнуто, его сочинения американского периода полны тоски и ностальгии, все они написаны в миноре. «Он жил замкнуто в одиночестве, которое было подобно кристаллам, разрастающимся в глубине тяжелых зим в глухих сибирских лесах. Потому его и прозвали “шесть футов два дюйма русской тоски”». Прозвище «шесть с половиной футов угрюмости» (*six and a half foot scowl*) дал Рахманинову другой известный композитор, Игорь Стравинский, также эмигрировавший в США. Однако аль-Уджейли немного меняет цитату, добавляя эпитет «русская» к арабскому слову «кааба» (كعبة - тоска, уныние, печаль, депрессия).

Выбор фигуры Рахманинова не случаен: его образ важен и для самой писательницы, и для атмосферы романа. Судьба композитора, потерявшего Родину и живущего в тоске вдали от нее, созвучна судьбе главной героини, которая вынуждена бежать из родной страны от войны и поселиться на чужбине. В целом, эмигрантская тема представляется одной из важнейших для современной арабской литературы, а судьбы известных эмигрантов вызывают у арабов интерес и эмоциональный отклик.

Еще одна важная фигура, связанная с Россией (точнее с СССР) – первый сирийский космонавт Мухаммед Фарис (род. 1951). В последней главе героиня вспоминает, как в детстве в

те самые минуты, когда летним днем 1987 года они играли с лучшим другом Аббудом, космический корабль Союз-ТМЗ, на борту которого был первый сирийский космонавт, пристыковался к орбитальной станции «Мир» (впоследствии Мухаммед Фарис назвал одного из своих сыновей Миром в честь этой станции). Героиня описывает, как родные и соседи смотрят по телевизору запуск космического корабля в прямом эфире, переживают за экипаж, возносят за космонавтов молитвы, чувствуя при этом причастность к советской космической программе и некое единство с СССР: «В тот момент все социалистические страны казались одной семьей», «Евфрату, протекавшему рядом с нами, в пяти километрах, было неизвестно, что эксперимент, который пройдет в космосе, назовут его именем, и что у нас на орбите будет свой дом, даже если исчезнут наши дома на земле».

Известно, что Мухаммед Фарис стал после того полета национальным героем Сирии, был награжден Орденом Ленина и звездой Героя Советского Союза, обласкан сирийской властью, возглавил военное училище, стал советником правительства; в его честь названы улицы, школа, аэропорт. Однако после событий 2011 года он встал на сторону оппозиции, эмигрировал в Турцию и выступает сегодня с резкой критикой внешнеполитического курса России. Многие детали биографии Мухаммеда Фариса упомянуты в романе. Героиня сравнивает два своих впечатления от космонавта: первое, относящееся к 1987 году, когда молодой и спортивный Мухаммед Фарис, отобранный из 50 лучших летчиков страны, проводит на орбите 13 научных экспериментов, восторженно рассказывает, как прекрасен вид родной страны из космоса, и второе, когда постаревший, поникший духом генерал дает интервью французскому телеканалу 30 лет спустя: «тело его поразила старость, он поседел», «он был очень подавлен». На вопрос журналистки, чем он сейчас занимается в Стамбуле, экс-космонавт отвечает: «Особо ничем. Курю кальян, сижу в кафе и гостиных».

Фигура космонавта Мухаммеда Фариса, введенная в роман, может трактоваться и как символ раскола в сирийском обществе, и как символ несбывшихся надежд, и как символ водораздела между прошлым и настоящим героини: беззаботное детство и юность в социалистической Сирии (при этом автор сирийскую действительность не идеализирует, называя ее «наше сирийское болото 80-х») и печальное настоящее в эмиграции после потери матери и потери Родины. Через эту фигуру обозначен и поворот в отношении к России части сирийцев, в том числе учившихся в СССР, которые приняли сторону оппозиции и стали критиками России.

Примечательно, что сама писательница, придерживающаяся оппозиционных взглядов и критично относящаяся к роли России на Ближнем Востоке, не занимается т.н. отменой культуры. Аль-Уджейли ценит и русскую литературу, и русскую музыку. Одно из последних ее произведений посвящено Чехову: оно так и называется «Чехову». Это социальная проза, сборник рассказов, в которых автор обращается к Антону Павловичу и рассказывает о забавных случаях из жизни современного арабского общества, которые перекликаются с чеховскими историями, отсылающими нас к России конца XIX века.

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что образы России и русских трактуются в романе по-разному и не имеют однозначной интерпретации. С одной стороны, Россия представляется страной высокой развитой культуры и науки, быт и традиции русских вызывают интерес, подчас смешанный с удивлением; с другой стороны, автор указывает на распространенные в арабском обществе стереотипы, например, о русских женщинах, а также не скрывает разочарования в России как во внешнеполитической силе, пишет об утраченных иллюзиях «социалистического братства» и разрыве части сирийского общества с современной Россией.

Литература:

Suvorov M. N. The Soviet Union in two Arab novels // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3.
2018، شهلا العجيلي، صيف مع العدو، منشورات ضفاف، بيروت،

References:

Suvorov M. N. The Soviet Union in two Arab novels. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 27(3), 523–531.
Al-Ulayli Shahlya, Saif ma'a al-'aduww, Manshurat Dyfaf, Beirut, 2018

Голубева С. Л.

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Рохлина Е. К.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ: НА ПРИМЕРЕ ТОВАРОВ ДЛЯ ЖИВОТНЫХ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Авторами предпринята попытка определить эффективность использования вербальных и невербальных компонентов рекламы, апеллирующих к эмоциональному интеллекту. Для анализа были отобраны рекламные тексты разных типов, используемых в индустрии «Забота о животных», поскольку уход за домашними питомцами всегда отражает вовлеченность эмоционального интеллекта. Кроме того, были проанализированы общие тенденции продвижения экологичного образа жизни в рекламе индустрии «Забота о животных» и в социальной рекламе. Было обнаружено что общей тенденцией как на уровне локальных (региональных), так и на международных производителей и сообществ, наблюдается тенденция к большей однородности использования каналов передачи и форм взаимодействия с адресатом.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, рекламные тексты, забота о животных, продвижение экологичности

Svetlana L. Golubeva

St Petersburg State University of Film and Television

Elena K. Rokhlina

Saint Petersburg State University

PERSUASION TOOLS IN ADVERTISING TEXTS: THE SAMPLE OF PET CARE INDUSTRY AND SOCIO-ENVIRONMENTAL PROBLEMS

The paper presents the attempt to estimate the effectiveness of verbal and non-verbal elements of advertising, which exploit emotional intelligence. For this reason, the authors selected different types of advertising in the Pet Care industry and social advertising. One of the findings demonstrated the common tendency to promote the eco-life trend via advertisements in Pet Care industry and in social advertising campaigns. Another result showed that both locally (regionally) and internationally operating producers and communities tend to use quite homogenous range of channels of distribution and forms of interaction with their addressee.

Keywords: emotional intelligence, advertising, Pet care, promotion of sustainable ecology

Введение

С развитием Интернета, различных каналов передачи информации (социальные сети, мессенджеры) и доступностью технологий верстки, увеличивается конкурентность. В период

сложной экономической и геополитической ситуации социальные проблемы обостряются, модифицируя поведение людей, общественное мнение и социальную мобильность. Вышеупомянутые факторы обуславливают своевременность исследования, поскольку для того, «чтобы быть услышанными, рекламодателям необходимо находить эффективные инструменты воздействия на «новую» целевую аудиторию» [Ильдуганова, Гараева, Нуриева, 2022, с. 881].

Целями данной работы – исследовать влияние вербальных и невербальных элементов рекламных текстов, популяризирующих экологичные товары, в частности, по уходу за животными в русском и английском языках, на степень воздействия рекламы на адресата.

В связи с этим, необходимо в первой части статьи выполнить следующие задачи:

1. рассмотреть особенности рекламного текста в рекламном дискурсе товаров для животных и социальной рекламе (продвижение экологичного образа жизни);
2. исследовать специфику креолизованных (мультимодальных) текстов в рекламном дискурсе.

Исследовательские вопросы:

Являются ли стратегии размещения рекламы товаров для животных универсальными?

Являются ли наборы типов рекламных текстов универсальными?

Гипотеза:

Выбор каналов размещения, комбинации типов рекламных материалов и средств эмоционального воздействия зависят от специфических черт национального характера, в частности в отношении условий содержания животных, и уровня культуры производства и социальной ответственности компании-производителя.

Теоретические рамки рассмотрения проблемы основываются на междисциплинарном подходе: эмоции анализируются, исходя из принципов антропоцентризма, лежащего в основе и философского, и когнитивного подходов к изучению феномена эмоций. Так, Заботкина В. И. отмечает, что «когниция эмоциогенна и всегда ситуативно/контекстно обусловлена» [Заботкина, 2019, с. 68]. Также используются основные положения теории эмоционального интеллекта, разработанной Сэловеем, Майером и Карузо [Mayer, Caruso, Salovey, 2016]. Под рекламным текстом в данной работе понимается любое рекламное произведение, размещенное в различных каналах.

Актуальность работы связана, в первую очередь, с насущной необходимостью продвижения и внедрения в сознание потребителей экологичного образа жизни, а также проявления эмпатии к окружающему миру. Кроме того, в работе представлен первичный сравнительно-сопоставительный анализ рекламы товаров для животных на русском и английском языках, включая переводы рекламы товаров, реализуемых на международном рынке, а также рекламы изначально, созданной на русском/английском языке для товаров местных производителей.

Методы и материал

Материалом исследования послужили видео ролики и тексты (мономодальные и мульти-модальные), рекламирующие товары для животных. Критериями отбора явились следующие: 1) принадлежность к разным рынкам и уровням распространения (массовости); 2) принадлежность к временной шкале с 2015 года по 2023 год; 3) известность/популярность; 4) доступность

рекламных материалов. Исследование было проведено с использованием сопоставительного, описательного, интерпретативного методов.

Обзор литературы

При попытке найти в интернете ответ на вопрос «Сколько рекламных сообщений в день видит среднестатистический человек?» множество статей и блогов выдают цифры от 3000 до 10000. В апреле 1922 года молодой редактор из Лондона подсчитал, что за день он увидит 93 рекламных объявлений [Anderson, May 3, 2023]. Это приближённая цифра (точный расчет зависит от того, к какой демографической группе принадлежит адресат, от его вида деятельности, внимательности и других персональных и внешних факторов), тем не менее, она демонстрирует насколько сложная задача стоит перед адресантом: создать рекламное сообщение таким образом, чтобы оно не потерялось в информационном шуме. Чиркин отмечал, что теорию информации можно использовать и в лингвистике, т.к. в любой системе информация представляет собой поток закодированных знаковых сообщений [Чиркин, 2013, с.13]. Два из постулатов успешного функционирования информационных систем могут быть приложены и для рассмотрения потоков информации в человеческом сообществе:

«Сообщения могут передаваться по каналу связи в закодированном виде с возможностью однозначного декодирования на приемной стороне.

Сообщение считается принятым при успешно осуществленной (и однозначной!) операции декодирования» [Чиркин, 2013, с. 14].

Рекламодатели используют различные инструменты для привлечения внимания и повышения эффективности рекламы, включая музыку, картинки, привлечение медийных персонажей, использование инновационных технологий, например, нейросетей и модных тенденций, таких как экологичный образ жизни. Наиболее действенным инструментом рекламы, по нашему мнению, является язык как жизненно важное средство коммуникации. В отличие от других литературных стилей, рекламный текст имеет особую функцию привлечения внимания потребителей и убеждения их совершить покупку в очень короткие сроки. Кроме того, рекламный текст обладает уникальными стилистическими характеристиками лексики, синтаксиса и риторики. Другими словами, рекламный текст можно рассматривать как речевой акт в контексте коммуникативного намерения: кто является объектом коммуникации, что служит предметом, в какой ситуации, учитывая специфику общественных отношений, типы различных медиа и акторов, вовлечённых в процесс и их взаимоотношения. Профессор прикладной лингвистики Г. Кук, анализируя рекламный дискурс в коммуникационном контексте, использует термин *текст* для обозначения лингвистических форм, временно извлечённых из контекста для последующего исследования, и термин *контекст*, в который он вкладывает следующие понятия:

1. Субстанция (непосредственно физический материал, который несет или передает текст)
2. Музыка и картинки
3. Параязык (невербальная составляющая, включая жесты, выражение лица, особенности голоса, выразительность речи, а также выбор размера и типа шрифта)
4. Ситуация (взаимосвязь объектов и людей в рамках текста, в плане восприятия текста участниками)

5. Ко-текст (co-text – совместный текст, который предшествует, или сопровождает анализируемый образец и объединён с ним смысловой связью; участники принадлежат одному и тому же дискурсу)
6. Интертекст (участники воспринимаются как принадлежащие к другому дискурсу, но находятся во взаимодействии с анализируемым образцом, связаны с ним ситуативно, или содержательно)
7. Участники (их намерения, суждения, знания, отношения, аффилиации и чувства. Для обозначения участников обычно употребляются термины *отправитель* и *получатель*, или *адресант* и *адресат*, отличающиеся по смысловому наполнению: адресант – это тот, кто транслирует сообщение, например, актёр в скрытой рекламе, или телерекламе; отправитель – это рекламное агентство; получатель – это любой, кто видит рекламу; адресат – это целевая аудитория)
8. Функция (на что нацелен текст отправителей/адресантов и как он воспринимается получателями/адресатами) [Cook, 2001, с. 3-4]

Таким образом, рекламный дискурс представляется как взаимодействие непосредственно текста и контекста, включающего перечисленные выше понятия, из которых следует, что содержание рекламного продукта должно соответствовать не только когнитивным процессам, но и культурным особенностям получателей/адресатов (целевой аудитории).

Язык рассматривается как опосредующее средство в процессе производства рекламы, позволяющее потребителям уловить намерение рекламодателя (коммуникативное намерение) и совершить покупку (коммуникативный эффект). Лингвисты К. Кресен и Р. Уинкс, исследуя влияние языковых фреймов на эффективность рекламы, выделили четыре цели использования языка: самовыражение, экспозиция, искусство и убеждение [Winks R., Cresen K, с. 30]. Чтобы выбрать правильный инструмент для создания рекламы, важно проанализировать рынок, выяснить предпочтения адресатов, использовать инновационные методики и быть в состоянии удивить (зацепить) публику. Согласно Э. Берну, применение транзактного анализа позволяет понять состояние участников коммуникации, что обеспечивает успешную и эффективную коммуникацию [Берн, 1992].

Специалист в области рекламных исследований Эрик дю Плесси утверждает, что эмоции являются ключевым аспектом рекламы поскольку они стимулируют мыслительный процесс и способствуют принятию решений. [Du Plessis, 2005 с. 88-89]. Плесси сформулировал «Новую парадигму для рекламы», основанную на концепции о преобладающем влиянии эмоций на поведение человека: эмоции управляют нашими бессознательными реакциями, но также определяют то, что становится сознательным, формируют и контролируют нашу сознательную мысль. Поскольку эмоции играют ключевую роль в направлении нашего внимания, задача рекламы – вызвать в нас эмоции. [Du Plessis, 2005, с. 4].

В ходе исследования мы обнаружили совсем незначительное количество публикаций по теме исследования на указанном материале. Среди них публикация Сычевой Е. М. и Бошаровой С. В. [Сычева, Бошарова, 2021], анализирующая рекламные тексты кормов для животных, а также Исаевой А. А. [Исаева, 2023], чье исследование обращено к социальной проблеме – создание и содержание приютов для животных. Таким образом, благодаря охвату тематики (товары для животных, включая их содержание, и связь с социальной рекламой) наше исследование носит оригинальный характер.

Результаты исследования и обсуждение

Традиционно в рекламе используется такой метод как использование образов, понятий и слов с эмоциональной окраской, соотнесенных с базовыми ценностями в той или иной стране (для той или иной социальной группы). Этот феномен рассматривался исследователями как воздействие креолизованных текстов на получателя информации [Сорокин, Тарасов, 1990; Пальгова, 2012; Омеляненко, Ремчукова, 2018]. Такие тексты включают в себя визуальную метонимию/метафору [Гайнутдинова, Илюхина, 2021].

Как уже было сказано выше, при передаче информации сообщение можно считать успешным с точки зрения реализации коммуникативной задачи и прагматической функции, только если оно было успешно и однозначно декодировано. Например, если рекламный текст (или видеоролик) включают юмор, иронию, сатиру, то создатель рекламы должен быть уверен, что целевая аудитория распознает его именно таким образом. В противном случае, может возникнуть когнитивный диссонанс и конфликтная ситуация.

Яркий пример несовпадения интерпретации аудиторией смысла рекламного ролика с базовой идеей, заложенной создателями, описан Е. А. Карповой на примере эксперимента с видеороликом компании *Lacoste*. В силу различий в когнитивных системах, наборе когнитивных составляющих, возник когнитивный диссонанс, и испытуемые на первое место в списке эмоций поставили тревогу, а не любовь – эмоцию, которая была заложена создателями ролика в рекламное сообщение [Карпова, 2020, с. 362].

Еще одним «рабочим» приемом является также апеллирующее к эмоциональному интеллекту использование юмора. Однако, как мы отмечали выше, если не учитываются

когнитивные особенности, то шутка будет восприниматься как сарказм, или даже оскорбление. Так, например, использующая визуальную метонимию реклама липкого ролика для чистки одежды у носителей русской культуры, скорее всего, будет ассоциироваться с проявлением жестокости (Ср. Рис. 2).

Рис. 1. Англоязычная реклама липкого ролика

Рис. 2. Русскоязычная реклама липкого ролика

В ходе исследования с применением доступной и сплошной выборки были отобраны рекламные тексты на английском и русском языках за период 2015 – 2023 гг.

Табл. 1. Сравнение трех групп производителей

Бренд/ линейка продуктов	Рынок и язык	Принцип создания рекламных текстов	Каналы размещения
Nestle Purina Petcare	Международный В соответствии со страной	Перевод дословный, без локализации	Интернет-сайт компании (две версии) телевидение/ социальные сети/цифровой билборд (электронный экран)
Hills	Международный В соответствии со страной	Перевод дословный, без локализации	Youtube, официальный сайт, социальные сети
Whiskas	Международный В соответствии со страной	Элементы локализации	официальный сайт (две версии) социальные сети
Grandorf (European) Grandorf (Russia)	Международный В соответствии со страной	Различная стилистика дизайна,	официальный сайт (две версии) Инстаграм и Фейсбук в Европе, нет социальных сетей в России
Butcher's	Локальный англоязычный	Для носителей языка	официальный сайт

Harringtons		Для носителей языка	официальный сайт
Alpha Pet	Локальный русскоязычный	Для носителей языка	официальный сайт, социальные сети
«Мираторг»	Локальный русскоязычный	Для носителей языка	Youtube, Telegram, официальный сайт
«ГАТЧИНСКИЙ ККЗ». «ТерраКот» и «ТерраПёс»	Локальный русскоязычный	Для носителей языка	официальный сайт, телевидение

В текущей ситуации на рынке в индустрии Pet Care, чтобы быть востребованными и обеспечить лояльность необходимо сочетать знание нужд клиентов и новые технологии.

Одна из таких нужд – желание обеспечить качественный уход за своим питомцем: с точки зрения когнитивистики это можно объяснить проявлением эмоционального интеллекта, который отвечает на стимулы: 1) отклик на предшествующий эмоциональный опыт, который вызван рекламным текстом, 2) конвенционально имеющий положительную коннотацию «экологичный образ жизни», 3) положительные ассоциации (юмор, самоирония).

В ходе сравнительного анализа англоязычных и русскоязычных версий сайтов компаний *Hill's* и *Whiskas*, работающих на международном рынке, было обнаружено следующее: 1) задействованы схожие каналы передачи информации (официальные сайты на двух языках; социальные сети), однако *Hill's* активнее использует социальные сети (разные для разных стран) и переводит уход за питомцами на укрупненную шкалу, продвигая идею заботы о всех животных и об окружающей среде; 2) подходы к переводу также различались – до недавнего времени *Hill's* давал дословный перевод, например, не свойственное для русского менталитета «Вам понравится» или «Вы оцените этот корм», тем не менее в 2023 году была сделана корректировка перевода «Вы или ваш питомец» [<https://www.hillspet.ru/about-us/satisfaction-guaranteed/>], в то время как *Whiskas* всегда использовал элементы локализации «Ваш питомец полюбит» [<https://www.whiskas.co.uk/>; <https://whiskas.ru/>], 3) рубрики и их содержательное наполнение совпадают на обеих версиях сайта *Hill's*, но различаются на сайтах *Whiskas*. Логично предположить, что это связано с особенностями портрета среднестатистического потребителя этих компаний и политики позиционирования.

Сами тексты рекламных компаний также различаются в эмоциональном компоненте.

Так, *Whiskas* в 2015 для продвижения линейки кормов «Feeding Your Cat's Instincts» и *Purina* «For the wild at heart» выбрали весьма агрессивные визуальные элементы, подчеркивающие природные охотничьи инстинкты кошек и собак.

Рис. 3. Рекламная кампания “Feeding your cat’s instincts”

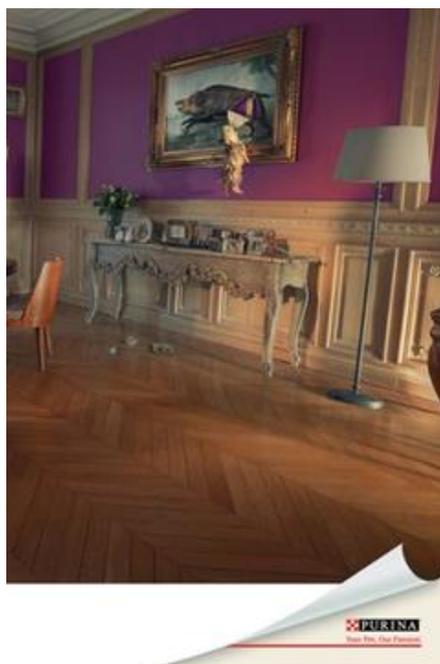

Рис. 4. Рекламная кампания “For the wild at heart” линейки корма Adveturous

Однако в рекламе брендов *Purina* в 2020 и *Whiskas* в 2021 акцент сместился в сторону природного любопытства в рекламных кампаниях «*Hunters at heart*» и «*Feed their curiosity*». Акцент смещен в сторону духа приключений, свойственного кошкам и собакам.

Российские бренды *AlphaPet* и *Muramorg*, производящие линейки кормов премиум и супер-премиум классов, – новички на рынке, поэтому, несмотря на то, что используют все доступные инструменты и каналы, отстают в зрелищности и интерактивности. При этом акцент делается на натуральности ингредиентов, ответственном производстве, а в качестве инструмента апеллирования к эмоциональному интеллекту используется, в первую очередь, ирония и опора на понятия верности традициям и семье. Также подобная стратегия наблюдается и в позиционировании марок «Терра кот» и «Терра пес» Гатчинского ККЗ (Рис. 5).

Рис. 5. Реклама брендов ТерраКот и ТерраПес [<http://www.terra-kot.com/>]

Среди видеороликов были отмечены типы рекламы: предлагающая решение проблемы, информирующая, имиджевая. При этом и те, и другие могут использовать специальные эффекты, фантазийные образы (иногда их комбинирование).

Известные компании (и популярные бренды) участвуют в социальных акциях, что способствует созданию положительного имиджа. Так, производитель *Mercedes-Benz* откликнулся на призыв волонтеров о собаке Банни, сбитой автомобилем, потерявшей задние лапки и брошенной хозяевами. Инженеры компании построили для нее кресло-тележку, благодаря которой она снова может бегать. Серия видео о Банни стала очень популярной в соцсетях, что естественно, послужило укреплению имиджа *Mercedes-Benz* как надеждой, ответственной компании, делающей все возможное для безопасности на дороге.

Компания *Яндекс.Такси* использует образ экзотического питомца Н. Н. Дроздова, позиционируя использование их службы как возможность освободить время для общения со своими любимыми членами семьи, в том числе питомцами.

Образы животных используются также в социальной рекламе во многих странах. Например, ставший вирусным видеоролик из Белоруссии о раздельном сборе мусора со слоганом «Раздельный сбор отходов – наша забота, а не енота» также использует визуальную метафору [<https://www.youtube.com/watch?v=dEGUaWnZIDc>].

Заключение

В ходе исследования было отмечено, что все рассмотренные бренды используют в качестве каналов передачи свои официальные сайты, группы в социальных сетях и в мессенджерах. Используемые невербальные составляющие мультимодальных текстов и каналы передачи становятся универсальными; вербальные же компоненты оказываются «чувствительными» к национальным и социальным особенностям восприятия.

Тем не менее, реклама дешевых брендов является более навязчивой. Бренды, производящие корма классов премиум и супер-премиум, чаще апеллируют в равной мере и к логической составляющей (социальная ответственность) и к эмоциональному интеллекту (проявление ласки, нежности, заботы). Отметим, что эти производители чаще используют форму электронного журнала со статьями, блоги с историями покупателей [Manap, Adzharudin, 2013]. Среди различий наиболее явным является подход к использованию символики и цветовой гаммы при продвижении себя как ответственного производителя: к первой группе отнесем производителей, которые на страницах, посвященных ответственному производству, используют цвета бренда, а ко второй можно отнести тех, кто использует «био» и «эко» цветовую гамму.

Литература:

- Берн Э. Л. Трансакционный анализ в психотерапии. «Эксмо», 1992.
- Гайнутдинова А. А., Илюхина Н. А. Визуальная метонимия в креолизованных рекламных текстах//XVI Королевские чтения. Сб. матер. Международной молодёжной научной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю. А. Гагарина. Том 2. Самара, 2021. С. 831-832.
- Заботкина В. И. Соотношение когниции и эмоции в антропоцентрической парадигме//Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 68-72.
- Ильдуганова Г. М., Гараева Л. М., Нуриева Г. Р. Лингвостилистические средства в слоганах англоязычной социальной рекламы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 3. С. 881-886.
- Исаева А. А. Социальная реклама приютов для животных// Вестник науки. Том: 3. № 7 (64). 2023. С. 196-202.
- Карпова Е. А. Эмоциональный интеллект и его роль в массовой коммуникации// Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Том 1. Екатеринбург. 2020. С. 360 – 363.
- Мокшанцев Р. И. Психология рекламы: учеб. пособие. М.: Инфра-М, Новосибирск: Новосибирское соглашение, 2000.
- Омельяненко В. А., Ремчукова Е. Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3(17). С. 66-78.
- Пальгова З. Ю. О специфике интерпретации многомерных рекламных медиатекстов // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12, №2. С. 32 – 39.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990.
- Сычева Е. М., Бошарова С. В. Особенности текстов, связанных с рекламой кормов для животных//Современные экологически устойчивые технологии и системы сельскохозяйственного производства. Сборник материалов международной научной конференции. Том 2. Смоленск, 2021. С. 344 – 347.
- Чиркин Д. Е. Теория информации и кодирования: курс лекций. Казанский университет, 2013.

- Anderson S. How many ads do we really see in a day? Spoiler: it's not 10,000/ S. Anderson // The Drum. May 3, 2023. URL: <https://www.thedrum.com/news/2023/05/03/how-many-ads-do-we-really-see-day-spoiler-it-s-not-10000> (Дата обращения: 11.09.2023)
- Cook, Guy. *The Discourse of Advertising/ Guy Cook. 2nd ed.* Routledge: London, 2001.
- Du Plessis, E. *The advertised mind: groundbreaking insights into how our brains respond to advertising / Erik du Plessis.* London: Kogan Page Ltd, 2005.
- Jun S., Holland S. Information-processing strategies: a focus on pictorial information roles. // *Journal of Travel Research.* 2012. № 51. P. 205–218.
- Kres G., Van Leeuwen T. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication.* Oxford: Oxford university press, 2001.
- Kress G., Leeuwen T. van. *Reading Images: The Grammar of Visual Design.* L.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2021.
- Mayer J. D., Caruso D. R. Salovey P. The ability model of emotional intelligence: Principles and updates // *Emotion Review.* 2016. 8, 1-11. DOI: 10.1177/1754073916639667
- Манар К. Н. А., Adzharudin N. A. The role of user generated content (UGC) in social media for tourism sector. // In *Proceedings of the 2013 WEI International Academic Conference Proceedings, Istanbul, 16 January 2013.* Istanbul: The West East Institute, 2013. P. 70-76.
- Winks R., Cresen K. Impact of Language Frames in Advertising Effectiveness// *International Journal of Linguistics.* Vol.1, No.1, 28-33. 2021.

Источники:

- Grandorf (European) URL: <https://grandorf.eu/> (Дата обращения: 11.09.2023)
- Grandorf (Россия) URL: <https://grandorf.ru/?ysclid=llnnrn35cr417714189> (Дата обращения: 11.09.2023)
- Alphapet URL: <https://alphapet.ru/?yclid=3702588254246404095>, <https://vk.com/alphapet?ysclid=llnovdwnka268126090> (Дата обращения: 05.09.2023)
- URL: https://zooinform.ru/business/companies/gatchinskiy_kkz/ (Дата обращения: 05.09.2023)
- URL: <https://www.stout-pride.com/produkt/koshki/vlaznie/st-201.html> (Дата обращения: 11.09.2023)
- URL: <https://www.hillspet.com/about-us/media-kit> (Дата обращения: 11.09.2023)
- Butcher's URL: <https://butchersdogfood.co.uk/> (Дата обращения: 11.09.2023)
- Harrington's URL: <https://www.youtube.com/@harringtonspetfood/videos> (Дата обращения: 11.09.2023)
- Nestle Purina Petcare URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zT8897C1gsc>
- Whiskas URL: <https://www.whiskas.co.uk/>; <https://whiskas.ru/>
- <https://www.youtube.com/watch?v=htdiMQ4CJGo> (Дата обращения: 11.09.2023)
- Телеграм-канал Олдскульный маркетинг t.me/marketingold (Дата обращения: 05.09.2023)
- URL:<https://www.youtube.com/watch?v=J12QbXOJ1mg>
- <https://www.youtube.com/watch?v=ANMONC56HNA>.
- Мираторг реклама Winner URL: https://www.youtube.com/watch?v=bILAtvEaC_Y (Дата обращения: 05.09.2023)
- Реклама раздельного сбора отходов URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dEGUaWnZIDc> (Дата обращения: 05.09.2023)

References:

- Anderson S. How many ads do we really see in a day? Spoiler: it's not 10,000/ S. Anderson // The Drum. May 3, 2023. URL: <https://www.thedrum.com/news/2023/05/03/how-many-ads-do-we-really-see-day-spoiler-it-s-not-10000> (accessed: 11.09.2023)
- Berne E. L. *Transactional Analysis in Psychotherapy.* 1992. Eksmo. (in Russ)

- Chirkin D. E. Theory of information and coding: a course of lectures. Kazan University, 2013. (in Russ)
- Du Plessis E. The Advertised mind: groundbreaking insights into how our brains respond to advertising. London & Sterling, Cogan Page. 2005.
- Gainutdinova A. A., Ilukhina N. A. Visual metonymy in creolized advertising texts //XVI Korolev's readings. Conference proceedings. Samara. 2021. Vol. 2. (in Russ)
- Ilduganova G. M., Garaeva L. M., Nurieva G. R. Linguostylistic Means in Slogans of English-Language Social Advertising// Philology. Theory & Practice. 2022. T. 15, № 3. С. 881-886. (in Russ)
- Isaeva A. A. Social Advertising of Animal Shelters // Vestnik nauki. 2023Vol. 3. № 7 (64). С. 196-202.
- Karpova E. A. Emotional intelligence and its role in mass communication // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Vol. 1. Екатеринбург. 2020. pp. 360 – 363. (in Russ)
- Mokshantsev R. I. Psychology of advertising: course book. Moscow, Novosibirsk, 2000. (in Russ)
- Omelianenko V. A., Remchukova E. N. Polycode texts in the aspect of the multimodality theory // Communication Studies. 2018. № 3(17). P. 66 – 78.
- Palgova Z.Yu. In the specifics of the interpretation of multidimensional multimodal advertising media texts // Izvestiya of Saratov University. 2012. T. 12, №2. С. 32 – 39. (in Russ)
- Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Creolised texts and their communicative function// Optimisation of linguistic manipulation. Moscow: Nauka, 1990. (in Russ)
- Sycheva E. M., Bosharova S. V. Specifics of advertising for pet and animal food//Contemporary substantial technologies and systems of agricultural production. The book of proceedings. Vol. 2. Smolensk, 2021. P. 344 – 347.
- Cook, Guy. The Discourse of Advertising/ Guy Cook. 2nd ed. Routledge: London.
- Jun S., Holland S. Information-processing strategies: a focus on pictorial information roles // Journal of Travel Research. 2012. № 51. P. 205–218.
- Kress G., Van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. Oxford: Oxford university press, 2001.
- Kress G., Leeuwen T. van. Reading Images: The Grammar of Visual Design. L.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2021.
- Manap K. H. A., Adzharudin N. A. The Role of User Generated Content (UGC) in Social Media for Tourism Sector. // In Proceedings of the 2013 WEI International Academic Conference. Istanbul: The West East Institute, 2013. P. 70-76.
- Winks R., Cresen K. Impact of Language Frames in Advertising Effectiveness// International Journal of Linguistics. Vol.1, No.1, 28-33. 2021.
- Zabotkina V. I. Cognition-Emotion Interface within Anthropocentric Paradigm // Cognitive Studies of Language. 2019. 37. P. 68 – 72.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СОЦИОНИМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЦАРСКИХ СЛУЖАЩИХ В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ

Для современного человека важно комплексное изучение библейской традиции, в которой видное место занимают ветхозаветные тексты исторической направленности – книги Самуила и Царей. Ведь, именно, в них содержатся повествования о жизни и деятельности Саула, Давида, Соломона, Ахава – фигур, имеющих мировое историко-культурное значение. Большое значение имеет лексика их английских переводов поскольку английский язык выполняет важную роль международного научного языка в том числе и в гуманитарной сфере. Ключевым для понимания библейской лексики следует считать методологический принцип тематической классификации лексических единиц, основанный на выделении соционимов, антропонимов (имен собственных), теонимов, этнонимов, топонимов. Лексемы и словосочетания, обозначающие социальные реалии следует разделить на несколько групп. К первой группе следует отнести социальные реалии, описывающие структуру родоплеменного общества. Ко второй группе следует отнести слова и словосочетания, обозначающие власть правителя. Лексемы для описания структуры управления обществом относятся к третьей группе. К четвертой группе относится лексика, используемая для характеристики хозяйственных реалий. Библейская лексика, описывающая древнеизраильскую структуру управления, лексемы обозначающие служащих царя является наиболее сложной по использованию стратегий для передачи значения. Так, преобладает использование приемов частично эквивалентного (50%) и описательного (40%) перевода. Описательный перевод часто употреблен для сохранения точности соционимов этой группы. Наряду с этим, в некоторых случаях использованы лексемы, связанные с лингвокультурным контекстом современности. В более редких случаях употреблены приемы калькирования (5%) и приближенного (5%) перевода.

Ключевые слова: библейская традиция, соционимы, литературный нарратив, лексема, английские переводы, служащие царя, Древний Израиль.

Gorokhov Anatoly A.

Tobolsk Theological Seminary

THE PECULIARTIES OF THE TRANSLATION OF SOCIAL REALITIES DENOTING THE SERVANTS OF THE KING IN THE ENGLISH TRANSLATIONS OF THE BIBLE

A comprehensive study of the biblical tradition is important for modern people. The Old Testament texts of historical orientation occupied a large place in it. These are the biblical books of Samuel and the Kings. These books contain narratives about the life and work of Saul, David, Solomon, Ahab – historical figures who have world historical and cultural value. The lexemes of their English translations are of great importance because English plays an important role as an international scientific language, including in the humanities. The key to understanding the biblical vocabulary should be considered the methodological principle of thematic classification of lexical units, based on

the allocation of socionyms, anthroponyms (proper names), theonyms, ethnonyms, toponyms. The first group should include social realities describing the structure of tribal society. The second group should include words and phrases denoting the power of the ruler. The lexemes for describing the social structure of ancient Israel belong to the third group. The fourth group includes vocabulary used to characterize economic realities. The biblical vocabulary describing the ancient Israeli management structure, for example, the lexemes denoting the servants of the king is the most difficult to use strategies to translate the meaning. In this group of words, the use of partially equivalent (50%) and descriptive (40%) translation techniques prevails. Descriptive translation is often used to preserve the accuracy of the socionyms of this group. In some cases, lexemes associated with the linguistic and cultural context of modernity are used. Methods of calculus (5%) and approximate (5%) translation are rarely used.

Keywords: biblical tradition, socionyms, literary narrative, lexeme, English translations, servants of the king, Ancient Israel.

Для современного человека важно комплексное изучение библейской традиции, в которой видное место занимают ветхозаветные тексты исторической направленности – книги Самуила и Царей. Ведь, именно, в них содержатся повествования о жизни и деятельности Саула, Давида, Соломона, Ахава – фигур, имеющих мировое историко-культурное значение. Большое значение имеет лексика их английских переводов, поскольку английский язык выполняет важную роль международного научного языка в том числе и в гуманитарной сфере.

Ключевым для понимания библейской лексики следует считать методологический принцип тематической классификации лексических единиц, основанный на выделении соционимов, антропонимов (имен собственных), теонимов, этнонимов, топонимов. Основываясь на анализе английских переводов Библии, можно выявить основные особенности приемов передачи значения на английский язык в лексемах и словосочетаниях, обозначающих основные структурные элементы социально-политической системы, как они отражены в книгах Самуила и Царей. Обозначающие социальные реалии (соционимы) лексемы и словосочетания следует разделить на несколько групп. Так, лексемы первой группы отражают родоплеменную структуру общества. Ко второй группе – следует отнести слова и словосочетания, которые обозначают власть правителя. К третьей группе относятся лексемы для описания структуры управления обществом. Вместе с тем, к четвертой группе относится лексика, используемая для характеристики хозяйственных реалий.

Для анализа автор статьи выбрал разные по своему типу переводы библейского текста на английский язык. Во-первых, это буквальные переводы: The King James Authorized Version (KJV), The American Standard Version (ASV), The New American Standard Bible (NASB). Кроме того, в качестве материала взяты семантические переводы: Complete Jewish Bible (CJB), New Jerusalem Bible (NJB). Также рассмотрен ряд переводов смешанного типа с чертами буквальности и коммуникативности по своей стратегии: The Holy Bible: New International Version (NIB), Holy Bible, New Living Translation (NLT), Today's New International Version (TNIV). Кроме того, в статье проанализированы коммуникативные переводы, как: New English Translation (NET), The Message (MSG).

Одними из основных служащих царя в управленческой структуре Древнего Израиля являлись "соффер (др. евр.) – писец" и "мазкир (др. евр.) – глашатай". Об этом написано в первом (2 Sam. 8: 16–18) и втором (2 Sam. 20: 23–26) списках царских слуг царя Давида и списке царя Соломона (1 Kg. 4: 1–19).

Если проанализировать передачу лексемы “софер” в стихе “...and Seraiah was the scribe” (2 Sam. 8:17) то в библейских переводах на английский язык встречаются два варианта выполненных с помощью частичных эквивалентов. Во-первых, “scribe – писец, переписчик, книжник, секретарь” (KJV, ASV, NET). Во-вторых, “secretary – секретарь, референт, помощник, руководитель учреждения, министр” (CJB, NASB, NIB, NJB, NLT, TNIV, MSG). Для буквальных переводов Библии на английский язык (KJV, ASV) характерна лексема “scribe”. В большинстве семантических и коммуникативных современных английских переводов содержится слово “secretary”. Данный факт говорит о использовании в них норм современного английского языка и контекста историко-культурных реалий. Прослеживается стратегия использования научных филологических и исторических данных в современных переводах Библии на английский язык.

В некоторых английских библейских переводах встречаются примеры использования описательного и приближенного перевода. В качестве примера проанализируем стих “And Sheva was scribe” (2 Sam. 20:25). Так, “the court secretary – секретарь царского двора/дворцовый секретарь” (NLT) – это передача на английский язык, сделанная путем использования описательного перевода. В других примерах использована стратегия приближенного перевода. Во-первых, “recorder – протоколист, регистратор” (CJB). Во-вторых, “historian – историк, также этим словом называют советника в конгрессе США, который отвечает за обеспечение сохранности исторических документов палаты и ее членов, а также способствует проведению исследований по истории палаты в конгрессе” (MSG). Два последних варианта передачи не способствуют точности в понимании историко-культурного контекста социальных реалий Древнего Израиля поэтому их следует считать отрицательными примерами лексической передачи с ИЯ на ПЯ.

В царской гражданской администрации Древнего Израиля имела иная основная должность чиновника, которая обозначена словом “мазкир”. Основные его обязанности заключались в сообщении царю о важных мероприятиях а также в обеспечении регламента придворных церемоний. С точки зрения ряда ученых Й. Бегриха, Т. Меттингера, Н. Фокса, главной задачей этого управленца являлось обеспечение информационной коммуникации между правителем и областями страны [Begrich 1941: 12–13; Mettinger 1971: 52–61; Fox 2000: 110–121]. В стихе “...and Jehoshaphat the son of Ahilud was recorder” (2 Sam. 8:16) имеются следующие варианты передачи с использованием частичных эквивалентов. Во-первых, “recorder – архивариус” (KJV, ASV, NASB, NIB, TNIV). Во-вторых, “chief adviser – глава совета” (CJB). В-третьих, “secretary” (NET). В-четвертых, “herald – глашатай, вестник, герольд” (NJB). В-пятых, “royal historian – царский историк” (NLT). В-шестых, “clerk – клерк, администратор, секретарь” (MSG). В этом случае при передаче происходит преобразование в форме конкретизации значения. Это характерно для любого из приведенных вариантов. Лексема “herald” (NJB), по-видимому, является наиболее аутентичным вариантом перевода, так как в нем отражается историко-культурный контекст. Лексема “recorder” и выражение “royal historian” отражает только один из аспектов управленческой деятельности этого чиновника. Передача с помощью лексем “clerk” и “secretary” представляет собой не точные варианты.

Административный аппарат стал более сложным во второй половине царствования Давида. В структуре управления возникла новая должность “ал-хаммас (др. евр.) – начальник над трудовой повинностью”. Рассмотрим стих “And Adoram was over the tribute” (2 Sam. 20: 24). При передаче содержатся следующие варианты, сделанные с помощью описательного перевода. Например, для Библии короля Иакова характерен перевод “over the tribute – над податью, данью” (KJV). В других двух буквальных переводах приведены выражения: “over the men subject to taskwork – над людьми, подвергаемыми урочной работе” (ASV) и “over the forced labor

– над принудительным трудом” (NASB). В ряде переводов, как семантических, так и смешанного типа приведено выражение “charge of forced labor – заведующий принудительным трудом” (CJB, NIB, NJB, TNIV). Также встречаются варианты передачи на ПЯ с помощью выражений: “charge of the labor force – заведующий рабочей силой” (NLT), “over the work crews – над рабочими группами/бригадами” (MSG), и “supervisor of the work crews – смотритель/надзиратель рабочих групп/бригад” (NET).

С учетом историко-культурного контекста передача лексемы “ал-хаммас” наилучшим образом осуществлена с помощью описательного перевода словосочетанием “charge of forced labor”. Такие варианты: “over the forced labor”, “charge of the labor force”, “over the work crews”, “supervisor of the work crews” также следует считать адекватными. Тем не менее выражение “over the men subject to taskwork” выглядит тяжеловесным хотя и передает семантику ИЯ. Однако если проанализировать выражение “over the tribute” в KJV, то здесь мы имеем дело с фразой, переведенной не библейского иврита, а с древнегреческого текста перевода – Септуагинты... “Αδωνираφί ἐλί τοῦ φόρου”. Книги Samuel и Kings были переведены на древнегреческий язык во II в. до н.э. Это был в период эллинизма. Многие реалии древнего Ближнего Востока, в частности, мобилизации свободного земледельческого населения по трудовой повинности, уже потеряли свое значение. Отсюда берет начало появление лексемы “the tribute” в Библии короля Иакова

Во время царствования Соломона появилась новая должность “ал-хаббайит (др. евр.) – начальника над царским домом”. Его основной задачей было хозяйственное обеспечение царского двора и налаживание правильного функционирования дворцовых служб. В стихе “And Ahishar was over the household” (1 Kg. 4:6) при передаче этого выражения в английских переводах встречаются такие варианты. Например, передача с помощью приема калькирования “over the household – над домом, домашним хозяйством” (KJV, ASV, NASB). Кроме того, в ряде переводов использована стратегия передачи с употреблением описательного перевода. Во-первых, “charge of the palace – ответственный за дворец/резиденцию царя” (CJB, NIB). Во-вторых, “supervisor of the palace – смотритель дворца” (NET). В-третьих, “manager of the palace property – управляющий дворцовым имуществом” (NLT). В-четвертых, “manager of the palace – управляющий дворцом” (MSG). В-пятых, “palace administrator – дворцовый распорядитель” (TNIV). В-шестых, “master of the palace – старший во дворце” (NJB).

Вариант его передачи с помощью описательного перевода словосочетанием “manager of the palace property” следует назвать наиболее адекватным в плане отражения историко-культурного контекста. Ряд вариантов, как: “charge of the palace”, “supervisor of the palace”, “manager of the palace”, “palace administrator” также адекватно выражают семантику данной социальной реалии. Вариант “over the household” сделанный с помощью эквивалента передает семантику, но не может быть понят читателем вне текстуального контекста. Читатель должен знать, что речь идет не просто о чьем-либо домоправителе, а об управляющем дворцовыми службами царя Соломона. Лексема “master” многозначна. Ее использование затруднит понимание историко-культурного контекста для читателя. Поэтому употребление выражения “master of the palace” для перевода нежелательно.

Таким образом, социально-политическая лексика, обозначающая царских служащих, является наиболее сложной для перевода. Прием описательного перевода часто использован для сохранения исторической точности слов и выражений. Определенную сложность вызывает использование слов, связанных неразрывно с современным лингво-культурным контекстом. При передаче преобладает использование приемов частично эквивалентного (50%) и описательного (40%) перевода. Только в редких случаях употреблены прием калькирования (5%) и приближенного (5%) перевода.

Литература:

- American Standard Version, 1901 Ed. [Electronic resource: Libronix Digital Library System] / Libronix Corporation. – Atlanta: AT&T Corp., 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Begriff J. Söfer und Mazkīr. Ein Beitrag zur inneren Geschichte des davidisch-salomonischen Großreiches und des Königreiches Juda // ZAW. – 1941. – Vol. 58. – Iss. 1–2. – S. 1–29.
- Biblia Hebraica Stuttgartensia / Eds. K. Elliger, W. Rudolph. – 5, verb. Aufl. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997. – LXIX, 1574 p.
- Fox N. S. In the Service of the King. Officialdom in Ancient Israel and Judah. – Cincinnati: Hebrew College Press, 2000. – XIII, 366 p.
- Complete Jewish Bible / by D. H. Stern. Clarksville: Messianic Jewish Bible, 1998. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Holy Bible, New Living Translation. Carol Stream: Tyndale House Publishers, 2007. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- King James Authorized Version (1611/1769) with Codes. Ontario: the Online Bible Foundation and Woodside Fellowship, 1988–1997. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Mettinger T. N. D. Solomonic State Officials. A Study of the Civil Government Officials of the Israelite Monarchy. – Lund: CWK Gleerups Förlag, 1971. – 186 p.
- New English Translation. L. L. C., Biblical Studies Press, 1996–2006. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)
- New Jerusalem Bible / Ed. by H. Wansbrough. Darton, Longman & Todd Limited and Doubleday, 1985. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes; Duo volumina in uno / Ed. A. Rahlfs. – Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. – Vol. I. Leges et historiae. – LXIX, 1184 p.; Vol. II. Libri poetici et prophetici. – 941 p.
- The Holy Bible: New International Version. London: Hodder & Stoughton. Ltd, 1984. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- The Message: The Bible in Contemporary Language/ by Eugene H. Peterson. Colorado Springs: NavPress Publishing Group, 2002. [Electronic resource: Libronix Digital Library System] / Libronix Corporation. – Atlanta: AT&T Corp., 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- The New American Standard Bible. The Lockman Foundation, 1995. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Today's New International Version. Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 2011. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯДЕРНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ОБЛАДАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКЕ НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ *PLAUDIETSCH*

В данной статье рассматривается сопоставление ядерных лексем немецкого языка и языка немцев-меннонитов *Plautdietsch*, как материнского и дочернего языков. В статье уделяется внимание языковому статусу *Plautdietsch* и приводятся аргументы в пользу определения идиома языком, а также дается обоснование выбора семантической группы обладания как ключевой для настоящего исследования. Также подробно рассматриваются материал исследования и методология проведения ассоциативных экспериментов, поскольку особенности материала на каждом из языков определяют характер анализа полученных в ходе экспериментов реакций. Так, ввиду отсутствия устойчивой письменной традиции в *Plautdietsch* в работе встречаются различные формы записи на языке. В данной работе предлагается рассматривать ассоциативно-вербальные модели семантического поля обладания в форме парадигмы «ядро-полупериферия-периферия», основанной на распределении всех ассоциаций по тематическим группам, базирующихся на лексическом значении слов. Сама парадигма строится в обоих анализируемых языках на основании частотности употребления ассоциаций, однако учитывая преимущество единичных реакций на материале *Plautdietsch*, применяется подсчет общего индекса яркости. Проведенное исследование позволяет выявить особенности ядерных лексем как в немецком языке, так и в языке немцев-меннонитов *Plautdietsch*, а также сделать выводы об уникальности «образов» обладания в каждом из языков.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальная модель, меннониты, немцы Сибири, немецкий язык, *Plautdietsch*, психолингвистика, ядерная лексика.

Alena S. Grigoryeva

Novosibirsk State University

CONTRASTIVE ANALYSIS OF CORE LEXICAL UNITS OF THE SEMANTIC FIELD OF POSSESSION IN GERMAN AND IN THE LANGUAGE OF MENNONITE GERMANS *PLAUDIETSCH*

This article compares core lexemes of German and the language of German Mennonites *Plautdietsch* as mother and daughter languages. The article pays attention to the linguistic status of *Plautdietsch* and argues in favor of defining the idiom as a language, as well as justifies the choice of the semantic group of possession as the key one for the present study. The material of the research and the methodology of the associative experiments are also discussed in detail, since the peculiarities of the material in each language determine the character of the analysis of the reactions obtained during the experiments. Thus, due to the lack of a stable written tradition in *Plautdietsch*, various forms of written language are encountered in the work. This paper proposes to consider associative-verbal models of the semantic field of possession in the form of a «core-semi-periphery-periphery» paradigm based on the distribution of all associations into thematic groups based on the lexical meaning of

words. The paradigm itself is constructed in both languages analyzed on the basis of the frequency of use of associations, but taking into account the advantage of single reactions on the Plautdietsch material, the calculation of the general brightness index is used. This study allows us to identify the peculiarities of core lexemes in both German and *Plautdietsch*, as well as to draw conclusions about the uniqueness of the “image” of possession in each language.

Keywords: associative experiment, associative-verbal model, Mennonites, German language, Germans of Siberia, Plautdietsch, psycholinguistics, core vocabulary.

Plautdietsch – один из существующих на территории Сибири языков российских немцев, а именно – немцев-меннонитов. *Plautdietsch* может считаться особым идиомом, поскольку на сегодняшний день нет единого мнения насчет его языкового статуса, а также нет единой письменной традиции. В данном исследовании *Plautdietsch* определяется языком по ряду причин: он не ограничен территориально – меннониты проживают на территориях таких стран, как Америка, Германия, Казахстан, Канада, Россия и др., также *Plautdietsch* входит в список языков, находящихся под защитой Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, и обладает несколькими собственными диалектами, что характерно именно для языков.

Носители *Plautdietsch* традиционно считаются немцами, а сам *Plautdietsch* – одним из дочерних языков немецкого языка. Ядерная лексика языка в целом или определенной лексической группы раскрывает особенности языкового сознания носителей того или иного языка. Именно поэтому в данной работе ядерные лексемы семантической группы обладания рассматриваются как «ключ» к установлению степени схожести «образа» обладания в немецком языке и *Plautdietsch*.

Для исследования была выбрана семантика обладания, поскольку «на протяжении всей своей жизни человек всегда чем-то и кем-то владел» [Милованова, 2007, с. 95]. В более широком смысле, согласно К. Г. Чинчлей, посессивность можно определить «как связующее значение, реализующееся в сочетаниях самой различной семантики» [Чинчлей, 1996, с. 100]. Таким образом, семантическая группа обладания, являясь полифункциональной категорией, отражающей связи между лицами и объектами действительности, находящимися в каких-либо отношениях друг к другу, кроме соположения, позволяют выявить особенности восприятия окружающего мира носителей какого-либо языка.

Материалом исследования послужили ассоциативные эксперименты, проведенные с носителями обоих исследуемых языков. Анкета на немецком языке включала в себя 50 слов-стимулов. Выбранные посредством лексикографического анализа [DWDS; Duden] 11 глаголов, содержащих семантику обладания: *aufweisen* ‘обнаруживать’, *bekommen* ‘получать’, *besitzen* ‘владеть, обладать’, *erfahren* ‘узнавать, получать опыт’, *erleben* ‘узнавать, убеждаться на опыте’, *gehören* ‘принадлежать’, *genügen* ‘хватать, быть достаточным’, *haben* ‘иметь’, *halten* ‘хранить’, *profitieren* ‘иметь выгоду’, *reichen* ‘хватать’. А также 39 слов-пустышек – наиболее частотных слов немецкого языка по версии онлайн-словаря [Duden]. Так, в онлайн-формате были опрошены 100 носителей немецкого языка в возрасте от 13 до 68 лет. Стимульный список для эксперимента с носителями *Plautdietsch* составили те же лексемы, переведенные консультантом-носителем на *Plautdietsch*. Однако эксперимент был проведен в 2 этапа: на первом этапе – в экспедиции в д. Неудачино Новосибирской области – нами были опрошены 13 немецко-меннонитов (от 14 до 76 лет), ввиду отсутствия общепринятой письменной традиции, стимулы были заранее записаны консультантом, а затем поочередно воспроизводились респондентам, чьи реакции также были записаны на диктофон, а затем расшифрованы. Во время проведения

второго этапа был проведен онлайн-эксперимент на *Plautdietsch*. Участниками онлайн-анкетирования выступили жители д. Неудачино, с. Аполлоновка, с. Миролюбовка, г. Омска, п. Любино, д. Пучково и г. Бологое (от 11 до 30 лет). В связи с зависимостью формы записи от конкретного человека (исследователя или носителя) в данной работе встречаются несколько форм записи (кириллицей, кириллицей с использованием диакритических знаков – авторская форма записи, а также латиницей). Таким образом, нами были получены 408 разнообразных реакций на немецком языковом материале и 212 на материале *Plautdietsch*. Важно отметить, что небольшое количество респондентов-носителей *Plautdietsch* не умоляет значимости материала, поскольку численность немцев-меннонитов крайне мала, например, в д. Неудачино проживает около 400 человек, не все из которых владеют языком.

Для выявления ядерных компонентов предлагается рассмотреть полученные реакции в виде ассоциативно-вербальных сетей, основанных на парадигме «ядро-полупериферия-периферия», сформированной на основании тематических групп, главным критерием составления которых является лексическое значение слов. Так, немецкое слово *Geheimnis* / *-se* ‘тайна, тайны’ было отнесено к группе «Информация», поскольку рассматривалось как скрытая информация, раскрытие которой может нести последствия. Помимо этого, учитывались экстралингвистические факторы – внеязыковые связи. Например, глагол *zeigen* ‘показывать’ состоит в семантической группе «Состояние человека и опыт», так как процесс демонстрации рассматривается как передача информации о чем-либо. А в *Plautdietsch* реакции *meschinj* / *машин* (2)* ‘машина’, *ойнэ машин* / *нэмшинь* (2) ‘машину’ встречаются в тематических группах «Хозяйство и быт» и «Благополучие и достаток». Поскольку автомобиль может играть важную роль в ведении хозяйства – как обычного средства передвижения, например, до работы в соседние населенные пункты, так и для транспортировки животных, товаров домашнего приготовления на продажу и т. п., кроме того, машина может быть и символом состоятельности – покупка и содержание автомобиля требуют определенных финансовых вложений.

Таким образом, посредством тематического деления нами были сформированы 27 групп (см. табл. 1), 12 из которых в том или ином виде встречаются в обоих исследуемых языках. В качестве примеров были выбраны лексемы, наиболее ярко отражающие семантику тематической группы.

Таблица 1 Тематические группы семантического поля обладания немецком языке и в *Plautdietsch*

Тематическая группа	Примеры	
	Немецкий язык	<i>Plautdietsch</i>
1. Быт / Хозяйство и быт	<i>Wasser</i> (7) ‘вода’, <i>Glas</i> (3) ‘стакан, стекло’	<i>фой</i> (2) ‘скот’, <i>de zache</i> ‘вещи’
2. Возможности и удовольствие	<i>Spaß</i> / <i>Spaß haben</i> (8) ‘удовольствие, иметь удовольствие’, <i>können</i> (6) ‘мочь’	Продолжение табл. 1
3. Время	<i>heute</i> ‘сегодня’, <i>niemals</i> ‘никогда’	

* В скобках указано количество употреблений лексемы в качестве реакции.

4. Деятельность и досуг	<i>Kino</i> (2) ‘кино’, <i>reisen</i> (2) ‘путешествовать’	<i>höle en tent</i> ‘держат ребёнка’, <i>uabit</i> ‘работа’, <i>grötэ шпэл</i> ‘большая игра’, <i>зэні</i> ‘петь’
5. Животные	<i>Hund</i> (5) ‘собака’, <i>Pferd</i> ‘лошадь’	
6. Инструменты	<i>Lupe</i> (2) ‘лупа’	
7. Интеракция		<i>eschentj</i> (ешеньть) / <i>йеиешеньть</i> / эн еиешеньть / <i>ешеньть</i> (5) ‘подарок’, <i>iwe</i> / <i>йивэ</i> (4) ‘давать’
8. Информация	<i>Auskunft</i> (3) ‘справка’, <i>Information</i> (4) ‘информация’	<i>бук</i> ‘книга’, <i>дэ ворхэт эрфоре</i> ‘узнать правду’
9. Качества	<i>Merkmal</i> (3) ‘особенность’	
10. Количество		<i>viel</i> (фил) / <i>фил</i> / <i>fiel</i> ‘много’ (5), <i>jenuch</i> (енух) / <i>енух</i> (2) ‘достаточно / быть достаточным’
11. Локус		<i>de zache ene hont</i> ‘вещи в руке’, <i>дэ шт’ыт</i> ‘место’
12. Люди / Семья и люди	<i>Baby</i> (5) ‘младенец’, <i>Mama</i> (4) ‘мама’	<i>этэ хаб фоя тэня</i> ‘у меня 4 детей’, <i>бэ дэ мэни</i> ‘человеку’
13. Обладание чем-то физическим	<i>Auto</i> (3) ‘машина’, <i>Dinge</i> (3) ‘вещи’	
14. Владение	<i>erhalten</i> (12) ‘хранить’, <i>kriegen</i> (10) ‘получать’	
15. Получение и непосредственное обладание	<i>beherrschen</i> (3) ‘овладевать’, <i>besorgen</i> (3) ‘достать, раздобыть’	
16. Принадлежность	<i>meins</i> (5) ‘мое’, <i>Zugehörigkeit</i> (3) ‘принадлежность’	<i>erent wem sinja</i> ‘чей-то’, <i>nem lond</i> ‘стране’
17. Природные явления / Природа	<i>Erdbeben</i> ‘землетрясение’	<i>ись</i> ‘лед’
18. Продукты питания / Трапеза	<i>Wein</i> (2) ‘вино’, <i>Kartoffel</i> ‘картофель’	<i>апл</i> / <i>о:пл</i> (2) ‘яблоки’, <i>брот</i> (2) ‘хлеб’
19. Собственность	<i>Besitz</i> (14) ‘владение’, <i>Eigentum</i> (13) ‘собственность’	
20. События		<i>тэрых</i> ‘война’, <i>эн ерегнис</i> ‘событие’
21. Состояние человека и опыт	<i>Abenteuer</i> (21) ‘приключение’, <i>Erfahrung</i> (12) ‘опыт’	<i>fred</i> ‘радость, мир’, <i>violet</i> <i>derchmoke</i> ‘многое пережить’

22. Сохранение	<i>prägen</i> (2) ‘запечатлевать’, <i>halten</i> ‘хранить’	
23. Указания на что-либо		<i>dot olos</i> ‘это все’, <i>därxh</i> ‘через’ <i>Окончание табл. 1</i>
24. Украшения	<i>Kette</i> (2) ‘ожерелье’	
25. Финансовое состояние / Благосостояние и достаток	<i>Geld</i> (43) ‘деньги’, <i>Reichtum</i> (10) ‘богатство’	<i>hab oles jenuch</i> ‘всего достаточно’, <i>dät üэлт</i> <i>puim mo</i> ‘денег достаточно’
26. Характеристики	<i>kompliziert</i> (2) ‘сложный’, <i>intensiv</i> ‘интенсивный’	<i>eschte sene</i> ‘быть первым’, <i>freshet upmoke</i> ‘открывать свежее’
27. Части тела	<i>Hand</i> (3) ‘рука’, <i>Finger</i> (3) ‘палец’	<i>hont (хонт)</i> ‘рука’, <i>хэнь</i> ‘руки’

Зонирование полученных тематических групп, согласно парадигме «ядро-полупериферия-периферия», было смоделировано соответственно характеру результатов эксперимента на каждом из языков – с учётом специфики материала: большого преимущества респондентов и количества реакций для немецкого языка и преобладания единичных реакций на *Plautdietsch*.

Итак, парадигма «ядро-полупериферия-периферия» на материале немецкого языка базируется на частоте упоминания. К ядру отнесены наиболее частотные первичные реакции, встречающиеся в качестве ассоциации более десяти раз суммарно, т. е. сразу для нескольких глаголов со значением обладания: *haben* (105) ‘иметь’, *besitzen* (47) ‘обладать’, *Geld* (43) ‘деньги’, *ausreichen* (29) ‘быть достаточным’. На полупериферии расположены первичные реакции, полученные от трех до десяти раз: *schaffen* (9) ‘создавать’, *wissen* (9) ‘знать’, *gewinnen* (8) ‘выигрывать’, *Spaß / Spaß haben* (8) ‘удовольствие, иметь удовольствие’. К периферии отнесены ассоциации, встреченные нами дважды, а также единичные реакции: *Alter* (2) ‘возраст’, *Anerkennung* (2) ‘признание’, *Achterbahn* ‘американские горки’, *Adresse* ‘адрес’. Затем лексемы каждого уровня были распределены по тематическим группам, некоторые из которых повторяются на каждом из уровней. Например, тематическая группа «Финансовое состояние и достаток» встречается на всех трех уровнях, из чего следует, что данную группу можно отнести к ядру семантической группы обладания в современном немецком языке.

На материале *Plautdietsch*, ввиду относительно небольшого количества реакций и преобладания единичных ассоциаций, для выявления ядерных, полупериферийных и периферийных значений нами был произведен подсчет общего индекса яркости (ИЯ), т. е. ИЯ для каждой семантической группы. «ИЯ семы представляется очень важным показателем семантического компонента, так как он показывает реальное место, занимаемое им в значении слова в языковом сознании носителя языка, отражает степень актуальности того или иного семантического компонента для языкового сознания. Вычисляется также совокупный индекс яркости значения (СИЯ) как сумма индексов яркости всех образующих значение сем, что позволяет выделить более и менее яркие, ядерные и периферийные значения в семанте слова и ранжировать их по яркости» [Стернин, Рудакова, 2011, с. 101]. Для подсчета общего ИЯ нами использовалась формула вида: отношение количества употреблений к количеству респондентов, умноженной на количество компонентов группы. К ядру ассоциативно-вербальной сети *Plautdietsch* нами были отнесены группы с ИЯ выше 1 (максимальный ИЯ – 1,44): «Интеракция» (*loit* ‘разрешил’) – 1,44; «Состояние и опыт» (*зорь* ‘заботы’) – 1,32; «Хозяйство и быт» (*фой*

‘скот’) – 1,24; «Благосостояние и достаток» (*фил ид* ‘много земли’) – 1,16 и «Характеристики» (*вот шворэ* ‘что-то тяжелое’) – 1,12. Полупериферия формируется группами с ИЯ от 0,5 до 1: «Деятельность» (*воушт* ‘мыть’) – 0,96; «Семья и люди» (*онэрэ элрэ* ‘наши родители’), «Трапеза» (*тезрип* ‘конфеты’) – 0,68; «Принадлежность» (*ерент вем синја* ‘чей-то’) – 0,64. Соответственно периферия образуется семантическими группами с ИЯ ниже 0,5: «Информация» (*дэ ворхэт эрфоре* ‘узнать правду’), «Количество» (*веныхь* ‘мало’) – 0,52; «Досуг» (*spell (шпэл) / schpel / дэ шпил / эн шпэл* ‘игра’) – 0,44; «Локус» (*эн лонд* ‘страна’) – 0,36; «Указания на что-либо» (*вот* ‘что-то’) – 0,32; «Время» (*лут* ‘поздно’) – 0,16; «Части тела» (*хэ.нь* ‘руки’), «События» (*тьрых* ‘война’) – 0,12; «Природа» (*ись* ‘лед’) – 0,04.

При сопоставлении парадигм немецкого языка и *Plautdietsch* (см. рис. 1), можно отметить как пересечения, так некоторые расхождения в представлениях о семантической группе обладания в языковой картине мира носителей языков. Для ядра каждого из языков характерны группы «Благосостояние и достаток» / «Финансовое состояние и достаток», а также «Состояние человека и опыт». Кроме того, в анализируемых языках в том или ином виде на разных уровнях встречаются «Принадлежность», «Быт», «Информация», «Досуг», «Части Тела», «Характеристики», «Трапеза», «Время» и «Качества».

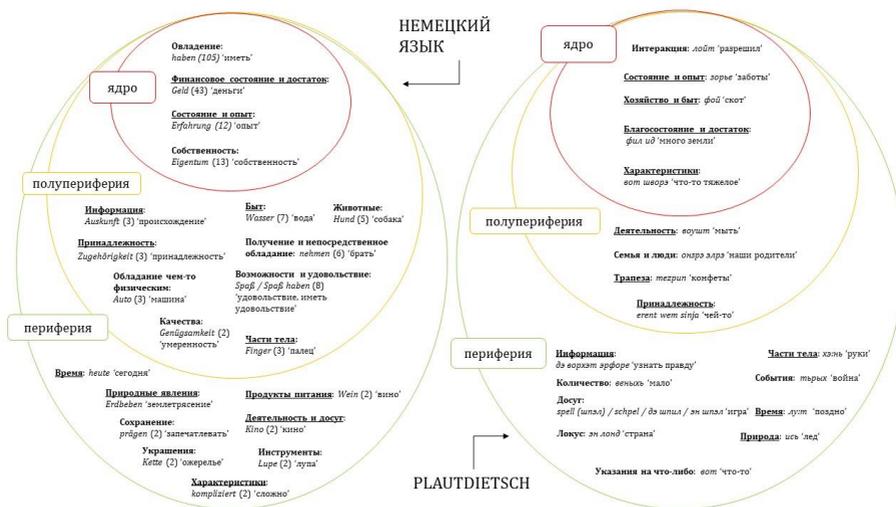

Рис. 1. Тематические ядро, полупериферия и периферия (немецкий язык и Plautdietsch)

Несмотря на глобальную схожесть ассоциативно-вербальных моделей – 44 % совпадений тематических групп, «образ» обладания, типичный для языкового сознания носителей языков, на наш взгляд, содержится в зоне ядра.

Так, в «образе» обладания носителей немецкого языка превалируют реакции, отражающие материальные блага, а также отсутствуют ассоциации, основанные на взаимодействии с другими людьми. В «образе» обладания у носителей *Plautdietsch* также присутствует значимость материальных ресурсов, однако он другоцентричен, т. е. направлен на восприятие через других людей и объекты действительности, а не «через себя». Ядро

семантической группы обладания в *Plautdietsch* также неразрывно связано с повседневностью носителей языка – большой ролью ведения сельского хозяйства.

Основываясь на результатах исследования, мы можем сделать вывод, что ядерная лексика семантического поля глаголов обладания в немецком языке и языке немцев-меннонитов *Plautdietsch* имеет некоторые общие черты, такие как тематические группы «Состояние и опыт» и «Финансовое состояние / Благосостояние и достаток», но не является идентичной. В языковом сознании немцев-меннонитов существует уникальный «образ» обладания, отличающийся репрезентацией коммуникации и связи с окружающим миром. Следовательно, контрастивный анализ ядерных лексем материнского немецкого языка с дочерним *Plautdietsch* может быть рассмотрен в качестве одного из оснований выделения последнего самостоятельным языком.

Литература:

- Милованова М. В. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2007. С. 95–102.
- Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Саарбрюккен: Ламберт, 2011. 192 с.
- Чинчлей К. Г. После посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики. СПб.: Наука, 1996. С. 100–105.

Электронные ресурсы:

- Duden Online – Словарь Duden онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de>
- DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dwds.de>

References:

- Milovanova M. V. Ponyatie posessivnosti: problemy opredeleniya i struktury // Vestn. Volgograd. gos. un-ta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2007. P. 95–102.
- Sternin I. A., Rudakova A. V. Psiholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie. Sa-arbryukken: Lambert, 2011. 192 p.
- Chinchlej K. G. Posle posessivnosti i posessivnye situacii // Teoriya funkcional'noj grammatiki. SPb.: Nauka, 1996. P. 100–105.

**ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ЗАКОНА О ЯЗЫКЕ В ОТНОШЕНИИ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ХАЙДЕГГЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТРАКТАТА «ПУТЬ
К ЯЗЫКУ»)**

В продолжение обсуждения нового закона о государственном языке рассматриваются предпосылки защиты языка как таковой в свете концепции Мартина Хайдеггера. Его труды не только констатируют естественную потребность языка в сохранении прозрачности и незамутненности своей внутренней структуры, но и основаны на доказательствах, вытекающих из самого строя языка – в данном случае немецкого – которые прекрасно передаются и русским языком. Анализ перевода трактата «Путь к языку» выявляет демонстративную способность и чуткость русского языка, передающего ход мысли без потерь, а иногда даже более выигрышно. Напротив, неразборчивость русского языка в употреблении заимствований связана в том числе с прекращением массового преподавания языков-источников, таких как латинский и французский. Эта закономерность экстраполируется на англоязычные заимствования, которые зачастую используются для введения в заблуждение путем смещения оценочного значения, а иной раз ничего не добавляют русскому языку, образуя массу лексем, которая в дальнейшем может подвергнуться искажению смысла в силу недоступности для носителей русского языка их внутренней структуры и коннотативных связей, образуемых ими в языке происхождения.

Ключевые слова: закон о языке, философия языка, заимствования, переводческий анализ, лингвистика

Grishin Alexey

Moscow state linguistic university

**THE RELEVANCE OF THE LANGUAGE LAW REGARDING BORROWINGS IN THE
LIGHT OF HEIDEGGER'S CONCEPT (ON THE MATERIAL OF TRANSLATION
ANALYSIS OF THE TREATISE "THE WAY TO LANGUAGE")**

Continuing the discussion on the new state language law, the prerequisites for protecting the language are scrutinized in the light of Heidegger's concept. His works not only substantiate the essential need of language to preserve its transparency and clarity of its internal structure, but are also built on evidence arising from the internal structure of German. This evidence is transmitted perfectly by the Russian language due to the variety and discernibility of its expressive means, which make it possible to convey the course of thought without loss and sometimes even more advantageously, as far as appears from the translation analysis of the treatise "The Way to Language". On the contrary, the negligence of the Russian language in the use of loanwords is due to the cessation of mass teaching of source languages such as Latin and French. This pattern is extrapolated to English loanwords, which are often used to mislead by shifting axiological evaluations, and sometimes do not add anything to Russian, forming a mass of lexemes, which in the future may be subject to distortion of meaning due to the inaccessibility of their internal structure and connotative relations formed by them in English.

Keywords: law on language, philosophy of language, foreign borrowings, translation analysis, linguistics

В продолжение дискуссии в связи с внесением изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» представляется целесообразным рассмотреть предпосылки защиты языка как таковой. Новый закон в целях сохранения чистоты языка налагает ограничения на использование в официальных контекстах иностранных слов, за исключением тех, которые «не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке». В этой связи уместно обратиться к концепции одного из создателей философии языка Мартина Хайдеггера. Выбор для этой цели именно его трудов обусловлен не только тем, что они обосновывают естественную потребность языка в сохранении своей необходимой для выстраивания знаковой системы указательной потенции,¹³ проявляющей себя лишь в силу прозрачности и незамутненности его внутренней структуры, но и тем, что доказательства Хайдеггера, вытекающие именно из внутренней структуры языка – в его случае немецкого – прекрасно передаются и русским языком благодаря богатству и наглядности его выразительных средств. Таким образом, для нас в равной мере важны и форма, и содержание, так как второе выкристаллизовывается из первого. Поскольку необходимо оценить не только то, что говорит Хайдеггер, но и то, как он это говорит, представляется оправданным привести ключевой фрагмент из его трактата «Путь к языку» [Хайдеггер, с. 366-367]:

«Назовем искомое единство области языка разбиением... «Разбить» говорится в смысле «разметить». Мы слышим это «разбить» часто лишь в стершемся значении, как например «разбить стакан». Между тем «разбить сад» еще и сегодня в родной речи значит: разметить, вскопать, посадить саженцы. Разбить значит разомкнуть таким образом замкнутость земли, чтобы она приняла в себя семена и побегов. Разбиение есть собрание черт той разметки, которая прочерчивает разомкнутое, открытое пространство языка. Разбиение — рисунок области языка, строение показывания».

Оставляя пока за скобками и без того, впрочем, очевидный посыл автора, нельзя не отметить поразительную близость между русским и немецким языками, которая только и позволила выполнить перевод столь органично, словно эта мысль вызрела в недрах именно русского языка. Это дает повод говорить о некоей универсальности восприятия и выражения, выводящей нас на более высокий, надязыковой и чисто понятийный уровень. Сближения и переплетения прямых и переносных лексических значений между немецким и русским языками служат наилучшей иллюстрацией мысли Хайдеггера о том, как язык размежевывает семантические поля. В немецком оригинале вместо «разбить стакан» используется «трещина в стене» (*Riß in der Wand*) [Heidegger, с. 240]. Примечательно также то обстоятельство, что в русском языке этот немецкий корень проявляет себя в техническом термине «крика»,¹⁴ который обозначает в том числе прочерчивание линии будущего отреза или разлома, так что идея разграничения оказалась в данном случае перенесена и в русский язык. Остальные метафоры также совпадают: русскому «разбить сад» соответствует «провести борозду», «размежевать поле».

¹³ Ср.: «Все знаки возникают из указывания» [Хайдеггер, с. 368] и «Превращение знака из указания в обозначение» [Хайдеггер, с. 362]

¹⁴ Историко-этимологический словарь современного русского языка П.Я. Черного (изд. «Русский язык», 1999 г., с. 116) приводит в качестве возможного источника слова немецкое *Riß* (чертёж) и глагол *reißen*, *riß*, *gerißen* в устаревшем значении «чертить».

Далее Хайдеггер пространно объясняет, как это «разбиение» способствует прояснению смыслов, анализируя значения глаголов «sagen», «zeigen» и «erscheinen»,¹⁵ что приводит его к выводу о смежности их семантических полей и об их развитии одного из другого, хотя лексико-семантическая основа немецкого языка не дает такого повода, поскольку sagen и zeigen не однокоренные глаголы. Тем не менее мысль Хайдеггера очевидна и подкреплена в том числе надязычковыми явлениями на основе не только русского, но и латинского языка, поскольку dico (говорить), будучи этимологически однородно греческому δείκνυμι (показывать), представляет собой развитие значения глагола «сказать» из глагола «показывать».¹⁶

Русский язык в данном случае иллюстрирует мысль корифея герменевтики нагляднее, чем его родной немецкий, именно потому, что структурно-семантически демонстрирует происхождение речи из указывания и знаков, складывающихся в систему. Введенная переводчиком разрядка в словах «с-сказать» и «с-каз» вовсе не случайна. Хайдеггер настаивает на «единстве области языка» (Einheit des Sprachwesens) [Heidegger, с. 240], которое представляет собой «искомое герменевтики», и на необходимости угадывания «единения всех отношений» (Einigende der Bezüge) [Heidegger, с. 242], возникающих в этой области. Структура русского языка позволяет прояснить концепцию «сказа»,¹⁷ как некоего комплексного указания или указания всей суммой средств, если истолковывать таким образом значение приставки «с-», обозначающей совокупность и единение. Понимая «сказ» как «скрепляющую всякую явь обрванность многосложного в себе показывания» [Хайдеггер, с. 371], мыслитель указывает на синергию всех составляющих элементной базы языка. Здесь следует обратить внимание на предположение, что «все знаки возникают из указывания». Оно должно относиться не только лексемам, имеющим некий вещественный денотат, но даже в большей степени к случаям префиксации, поскольку значения всех приставок развиваются именно из пространственных отношений, а далее экстраполируются на временные, и затем и на абстрактные.

Подход Хайдеггера к языку в целом и применимость этого подхода к русскому языку в частности должны привести нас по крайней мере к двум выводам: во-первых, для языка крайне важно сохранять проприоцепцию, проще говоря sensus sui, по отношению к каждому из своих членов, и во-вторых, что русский язык благодаря хорошо сохранившейся в нем индоевропейской морфологии бывает необыкновенно чуток к формируемому на его субстрате смыслам.

Представляется уместным продемонстрировать и обратные примеры, показывающие, насколько язык может быть нечувствителен по отношению к чужеродным элементам. Внедрившееся в язык чужое слово легко отрывается от своего первоначального значения, поскольку утрачивает возможности для его фиксации в виде коннотативных и морфологических связей, вписывающих его в систему языка.

В качестве примера можно привести глубоко вторгшееся в русский язык слово «продукты» – настолько глубоко, что на бытовом уровне оно даже вытеснило исконно русские слова и теперь к пресловутым «продуктам питания» трудно подобрать полноценный синоним. Между словарь Даля, выдержавший с 1863 года и до Русской революции три переиздания, не отмечает никакой связи между «продуктами» и питанием человека.¹⁸ Начавшийся

¹⁵ «Sagen» heißt: zeigen, erscheinen-, sehen- und hören-lassen [Heidegger, с. 241] (С-сказать — значит показать, объявить, дать видеть, слышать – разрядка переводчика В. В. Бибихина [Хайдеггер, с. 367]).

¹⁶ Etymological dictionary of the Latin language, F. E. J. Valpy, London, 1828 г., с. 122.

¹⁷ По-немецки Sage [Heidegger, с. 242]. Это слово родственно названию древнескандинавских сказаний – саг, так что и здесь русский перевод оказывается на высоте.

¹⁸ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, издание третье, изд. О. М. Вольф, т. 4, 1909 г., с. 1258.

формироваться значительно позднее, на рубеже XIX-XX вв., корпус Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона уже выделяет «продукты рыбные»¹⁹ как «добываемые из рыбы и приготовляемые в пищу» съестные припасы. Однако еще нет никаких признаков того, что «продукты» сами по себе могут обозначать съестное. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) до 1917 года фиксирует лишь единичное употребление²⁰ словосочетания «продукты питания». Массовое его употребление начинается, согласно поисковой системе того же Корпуса русского языка, лишь с 1924 года, при том, что само слово «продукт» используется с 1770 года. Очевидно, что частотность использования словосочетания «продукты питания» и породило, в свою очередь, независимое использование слова «продукты» в значении съестных припасов. О том же говорит и возникшее уже на почве русского языка прилагательное «продуктовый»²¹ в отличие от оригинального латинского «продуктивный».

Изначальное значение слова «продукт» выдерживается в русском языке только в научно-специальных пластах словоупотребления, например в таких контекстах как «продукт перегонки нефти» или «продукт распада химического соединения». Рассмотренное с этой точки зрения словосочетание «продукты питания» сразу обнаруживает свою семантическую несостоятельность, поскольку должно было бы обозначать вовсе не пищу, а скорее противоположное ей вещество, вырабатываемое в результате ее приема. Это ли не явный пример того притупления языкового чутья и неряшливости мысли, против которых восставал Набоков в своем «Даре»?²²

В романских и английском языках производные от латинского слова *productum* сохраняют свое первоначальное значение «произведения» (в том числе в математике), «произведенного» «производного». Сама структура толковых словарей этих языков показывает, что производные от латинского слова *productum* (фр. *produit*, ит. *prodotto*, англ. *product*) определяются и проясняются соответствующими глаголами (*produire*, *produire*, *produce*). Наиболее авторитетные французские и итальянские словари помещают существительное (а скорее субстантивированное причастие) в лемму соответствующего глагола.²³ Французский словарь никак не выделяет преимущественного отношения слова *produit* к съестным припасам: «конечный продукт, потребительский, промышленный, получаемый в результате обработки сырья, продукт для мытья посуды, чистящие продукты, продукт урожая, продукт продажи». Итальянский словарь приводит единственную привязку к продовольственным товарам в виде «продуктов из рыбы» (*prodotti della pesce*) среди восемнадцати других примеров с несъедобными предметами, в том числе с произведениями искусства (*prodotti dell' arte*). Более того, один из этих примеров свидетельствует о том, что первоначальное значение «продукта» как произведения, как результата выработки прочно закрепилось в итальянском языке. Речь идет о *prodotti dell' allevamento*, что представляет собой вовсе не «продукты питания», как можно было подумать по корням, но «продукты выкармливания», то есть животноводства. Оксфордский словарь также определяет *product* через *produce*, приводя среди примеров только один вид съедобных продуктов – *dairy products* (молочные продукты).²⁴ Даже в немецком языке,

¹⁹ Энциклопедический словарь, издатели Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон, С-Петербург, т. XXV (полумтом 49), 1898 г., с. 363.

²⁰ События дня (15.11.1915) // газета «Новое время», 1915.

²¹ Слово употребляется, согласно Корпусу русского языка, с 1913 года.

²² «Отчего это в России всё сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так обобланиться и притупиться?» (Владимир Набоков, Дар // Собрание сочинений в четырех томах. Том 3, изд. Правда, Москва, 1990, с. 80).

²³ *Dizionario italiano ragionato* Firenze: G.D'Anna-Sintesi, 1988, с. 1415 и *Larousse dictionnaire essentiel du français contemporain*, Paris: Larousse, 1992, с. 920.

²⁴ *Oxford dictionary of English*, Oxford univ. press, 2003, с. 1404.

для которого лексемы латинского происхождения не являются столь органичным субстратом как для английского и романских языков, не обнаруживается склонности к приписыванию «продуктам» питательных свойств по умолчанию.²⁵

Хотя словосочетание «продукты питания» и имеет место в европейских языках,²⁶ семантические различия проявляются как минимум двум параметрам: во-первых, в европейском обиходе слово «продукты» само по себе никак не отсылает к продовольствию (что подтверждается и запросом изображений в поисковых системах) и во-вторых, слово «продукт» никогда не теряет своего изначального значения «производного», полученного в результате действия глагола «производить». Для носителя же русского языка семантическая связь между «продуктом» и «продосером» вовсе не так очевидна.

В качестве примера другого катахрестического употребления латинизма можно привести слово «эвакуация» (от латинского *evacuatio* – опорожнение, опустошение) и соответствующий глагол «эвакуировать», объектом которого в строгом смысле может выступать только помещение или населенный пункт, но никак не люди и ценности, так как их не «опустошают», а вывозят. Корректное употребление аналога слов «эвакуация» и «эвакуировать»²⁷ наблюдается в греческом языке, не терпящим заимствований. Сочетаемость этих слов не позволяет использовать в качестве дополнителя при них лексем, обозначающих лиц и ценности. В этих случаях употребляются слова *απομάκρυνση* и *απομάκρυνω*, означающие «удаление» и «удалить».

Русский язык вобрал в себя не только латинизмы, но и множество заимствований из французского, преподавание которого в течение XX века неуклонно снижалось. Следствием именно такого развития ситуации оказалось растиражированное СМИ высказывание спикера Госдумы «Парламент – не место для дискуссий».²⁸ Для носителя французского или итальянского языка сам сигнификат «парламент» непосредственно отсылает к коммуникативному действию, пользуясь терминологией Хабермаса, к «великому разговору», который продуцирует и универсальную прагматику, и основу для intersубъективного признания [Тетюев, с. 172], к «практическому дискурсу, то есть к такой форме аргументации, в которой тематизируются притязания на нормативную правильность» [Хабермас, с. 43].

Иностранные слова именно в силу отсутствия прозрачности внутренней структуры и оторванности от естественных для родного языка коннотаций легко изменяют свое значение, прежде всего в отношении своего оценочного компонента и могут быть использованы для различных языковых манипуляций. Так слова «коллоборант» и «коллоборация» в конце XX века изменили свое оценочное значение с отрицательного на положительное, а слово «киллер» было заимствовано для замены словосочетания «наемный убийца» в целях снятия негативного оценочного компонента. Нередки случаи, когда заимствуемое слово не привносит ничего нового в русский язык и используется для привлечения людей, приписывающих заимствованию большую емкость и выразительность по сравнению с русским аналогом. Так, недавнее

²⁵ В словаре *Deutsches Wörterbuch* под редакцией Wahrig, Gerhard, Gütersloh; München 1993, из съестного приводятся только «сельскохозяйственные продукты».

²⁶ *Produits d'alimentation* и *produits alimentaires*. См. *Le Petit Robert*, Paris, 1992, с. 1538.

²⁷ Слова *εκκένωση* (древн. *ἐκκένωσις*) и *εκκενώνω* (древн. *ἐκκενῶω*) полностью гомологичны латинским *evacuatio* и *evacuare*, будучи образованными из приставки *εκ-*, соответствующей русской приставке *из-*, *вы-*, и корня *-кев-*, обозначающего пустоту.

²⁸ См. в частности, «Парламент – не место для дискуссий» (газета «Коммерсант» от 14.12.2011, с. 1), «Грызлов больше не спикер Госдумы («Комсомольская правда» от 14.12.2011, с. 1). Сама формулировка, впрочем, оспаривалась спикером Госдумы Б.В.Грызловым (См. «Грызлов признал парламент “Местом для дискуссий”» РИА-Новости от 19.03.2010, код доступа <https://ria.ru/20100319/215366607.html?ysclid=loq9ym9i4803639267>, дата доступа 9.11.2023). Впрочем, сам заголовок, отсылающий к этой ставшей крылатой фразе, лишь подчеркивает популярность высказывания.

заимствование из английского look (вид, образ) не представляется более содержательным или выигрышным ни с точки зрения внутренней структуры, ни с точки зрения учета образуемых им коннотаций в английском языке, а наличие двойной омонимии у слова «лук» в русском языке никак не добавляет этому заимствованию привлекательности. Французская академия признала заимствование look избыточным англицизмом, поскольку его эквивалент существует во французском языке [Кравченко, с. 60].

Зачастую вводимое в язык слово иностранного происхождения используется для переименования понятия в целях достижения терпимого к нему отношения. На его основе формируется эвфемизм, требуемый для смещения окна приемлемого согласно концепции Овертона [Якоба, с. 178]. Одним из таких стало слово «гей», изначально лишённое в русском языке оценочного значения, и аббревиатура ЛГБТ с его использованием.

Россия совершает первые шаги по защите языка от чужеродных элементов. Между тем подобная деятельность ведётся во многих странах. Известна работа, проводимая Французской академией наук по защите языка от англицизмов. В Германии в разное время действовало несколько институтов по защите немецкого языка (Sprachpflege), сперва от галлицизмов, а затем и от англицизмов. Представляется, что весьма показательным примером могла бы послужить Греция. Ещё в 1966 году при Афинской академии наук был создан национальный Центр Изучения Научной Терминологии и Неологизмов. Благодаря его усилиям веками формировавшийся греческий понятийный и терминологический аппарат продолжает по достоинству использоваться как основа для передачи новейших научных и технологических достижений. В результате даже для таких технических новшеств, как сервер, роутер (маршрутизатор), роуминг и т. д. находятся адекватные и прозрачные для восприятия греческие аналоги. Центр Изучения Научной Терминологии находится в тесном контакте с Парламентом Греции, оказывая свое влияние на законодательную инициативу. В результате Греции практически удалось исключить использование слов иностранного происхождения в научных и официальных контекстах. В этом отношении Россия вполне могла бы присмотреться к очевидно эффективному греческому опыту, тем более что многочисленные англоязычные заимствования, сделанные русским языком в течение 90-х годов, рискуют остаться без поддерживающего их фундамента в виде повсеместного знания английского языка, повторив судьбу латинизмов и галлицизмов – ведь если в недавнем прошлом трудно было представить себе возможность сворачивания преподавания английского языка в России, теперь в контексте текущей политической ситуации эта перспектива оказывается если не ожидаемой, то по крайней мере воображаемой.

Литература:

- Heidegger Martin Der Weg zur Sprache, in der Gesamtausgabe, I Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910-1976, Band 12 Unterwegs zur Sprache, Frankfurt am Mein, 1985, S. 227-258
- Кравченко О. В. Языковая политика Франции по предотвращению проникновения в язык иностранных слов и выражений // Филологический аспект: международный научно-практический журнал, № 6 (50) июнь 2019, Н. Новгород, изд. «Открытое знание», с. 55-64
- Тетюев Л. И. Философия языка Юргена Хабермаса: Рациональная теория универсальной прагматики // Известия Саратовского ун-та, № 2 2019, с. 171-174.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности, Москва: Весь мир, 2002
- Хайдеггер М. Путь к языку в сборнике Время и бытие: статьи и выступления, пер. с нем. В. В. Библихина, С-Петербург: Наука, 2007, с. 359-378
- Якоба И. А. Деконструкция технологии «Окно Овертона» в американском медийном дискурсе // Вестник Череповецкого государственного ун-та 5/2019, с. 175-187.

References:

- Habermas Yurgen Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti, Moskva: Ves' mir, 2022. (in Russ)
- Heidegger Martin Put' k yazyku v sbornike Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya, per. s nem. V. V. Bibikhina, S-Peterburg: Nauka, 2007, p. 359-378. (in Russ)
- Heidegger Martin Der Weg zur Sprache, in der Gesamtausgabe, I Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910-1976, Band 12 Unterwegs zur Sprache, Frankfurt am Mein, 1985, S. 227-258.
- Kravchenko O. V. Yazykovaya politika Frantsii po predotvrashcheniyu proniknoveniya v yazyk inostrannykh slov i vyrazheniy // Filologicheskiy aspekt: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal, № 6 (50) iyun' 2019, N. Novgorod, izd. «Otkrytoe znanie», p. 55-64.
- Tetyuev L. I. Filosofiya yazyka Yurgena Habermasa: Ratsional'naya teoriya universal'noy pragmatiki // Izvestiya Saratovskogo un-ta, № 2 2019, p. 171-174. (in Russ)
- Yakoba I. A. Dekonstruksiya tekhnologii «Okno Overtona» v amerikanskom mediyonom diskurse // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo un-ta 5/2019, p. 175-187. (in Russ)

Гунсурунова А. В.

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПРАЙМИНГ В ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Б. С. ДУГАРОВА)**

Лингвистика, как и любая другая наука, на сегодняшний день представляет собой трансдисциплинарное поле для исследований. Основные языковые явления начинают рассматриваться с позиции различных дисциплин. Переводоведение также задает трансдисциплинарный вектор в изучении перевода и его составляющих. К психолингвистике и когнитивистике в переводе в последнее время уделяется большой научный интерес, а именно к изучению языковых феноменов с позиции антропологии. Одним из актуальных направлений психолингвистического изучения дискурса в условиях моделирования межкультурного посредничества в целом, и переводческой интерпретации текста в частности, является изучение феномена «прайминг». Прайминг в предпереводе позволяет обосновать процессы отбора определенных языковых единиц, транслирующих концептуальную картину мира автора текста, и, тем самым, осуществляет возможность формирования определенного репертуара лексем для дальнейшего создания целевого текста. Масштабирование ментальных процессов на этапе предперевода помогает переводчику декодировать максимально, насколько это возможно, точно авторский замысел и передать его в принимающую лингвокультуру. В прямой взаимосвязи с когнитивными процессами создания текста и его восприятия, прайминг можно охарактеризовать как один из основных этапов семиозиса, понимание которого необходимо на всех стадиях перевода. Особой актуальностью прайминг пользуется в предпереводе и интерпретации семантически насыщенных текстов, к которым можно отнести поэтический дискурс. Лирический текст может выполнять не только эстетическую и эмоциональную функцию, но и являться транслятором авторского сознания и его мировосприятия, отражая тот или иной дискурс личности автора. Таким образом, при переводе является необходимым донести до реципиента помимо визуальной и прагматической характеристики текста, его когнитивную составляющую, ту незримую и глубокую нить, которая передает своеобразие и уникальность оригинального текста.

Ключевые слова: прайминг, метафорический репертуар, концепт-связи, дискурс, когитосфера

Anna V. Gunsurunova
Banzarov Buryat State University

**METAPHORICAL PRIMING IN PRETRANSLATION ANALYSIS OF B. S.
DUGAROV'S LINGUOCULTURAL POETIC DISCOURSE**

At present, Linguistics as the other fundamental studies has transdisciplinary perspective for scientific researches. That is all the basic language phenomena are more likely to investigate in aspects of different fields. Translation studies also tend to interdisciplinarity in investigation of translation and its processes. Recently, there has been a significant amount of scientific interest in psycholinguistics

and cognitive linguistics in perspective of anthropocentrism. One of the main directions in psycholinguistic studies of discourse in aspects of cross-cultural mediation modelling and text interpretation is the phenomenon of priming. Priming in pretranslation step recreates author's conceptual linguistic world image through the explanation of the lexeme selection processes. Thereby it's possible to form a specific lexeme repertoire for further text translation to target language and culture. Mental processes expansion in pretranslation step helps to interpret the text as close as possible to the author's idea and to transfer it into the target linguoculture. According to the direct connection with cognitive system, priming can be identified as one of the main stages of semiosis especially in interpretation of texts with complex semantic structure such as poetic texts. Poetic discourse actualizes not only esthetic and emotional functions but also represents author's cognitive structure. Hence it is necessary to implement in translation all original text features including its cognitive elements which recreate uniqueness of the origin.

Keywords: priming, metaphorical repertoire, conceptual links, discourse, cognitive sphere

Междисциплинарный характер переводческой деятельности затрагивает многофакторность природы данного явления и раскрывает основные этапы переводческой интерпретации оригинала и его трансляции в систему целевого языка. В работе с письменным переводом особого внимания требует этап предперевода как основного шага к достижению коммуникативной цели. Постановка основных предпереводческих задач в письменном переводе осуществляется в прямой взаимосвязи от жанра дискурса.

В данной статье объектом предпереводческого анализа является поэтический текст, который в условиях переводческой медиации представляет собой не только транспонирование в целевую культуру целостного художественного произведения со всеми его стилистическими особенностями, но также отражает весь комплексный процесс предпереводческой интерпретации авторской мысли посредством анализа культурно- и личностно-ориентированных языковых констант.

Экспликация авторского замысла в поэтическом дискурсе, в первую очередь, реализуется через интерпретацию речевых конструкций, введенных автором, как для усиления выразительности речи, так и для демонстрации уникального образного восприятия мира [Черкасова, 2018, с. 6].

Согласно идеям когнитивной лингвистики и психолингвистики к наиболее наглядным речевым константам можно отнести метафоры, материализующие в языковом знаке систему концептуальной картины мира автора.

Этнолингвистическая и концептуальная картины мира предполагают синтез лингвокультурного и психолингвистического подходов к исследованию, в особенности, если реципиент не знаком с данной лингвокультурой и личностью автора [Синцов, 2008, с. 3].

Таким образом, перед переводчиком ставится задача интерпретировать и максимально полно, насколько возможно, сконструировать авторский текст в принимающей лингвокультуре.

Настоящее исследование предлагает осуществить данные задачи посредством прайминга, актуального психолингвистического феномена, эксплицирующего речемыслительную деятельность автора. Исследование строится вокруг изучения поэтического дискурса и дискурса личности представителя бурятского лингвообщества – Баира Сономовича Дугарова.

Согласно данным статистического исследования М. В. Щербаковой, начиная с середины XX вв., современные лингвистическое знание актуализирует феномен прайминга в изучении

психологической и когнитивной составляющих в процессе речемыслительной деятельности [Верещагина, 2020].

В связи с относительной новизной, на данный момент понятие «прайминг» не имеет общепринятого определения, однако, является возможным детерминировать перечень универсальных признаков данного явления.

Впервые термин «прайм», как методологическая основа экспериментального исследования, был применен в 1977 году американскими психологами Э. Тори Хиггинсом, Вильямом С. Ролсом и Карлом Р. Джоном. В своей работе *Category Accessibility and Impression Formation* авторы фокусируют внимание на перспективности исследования экспликации ненаблюдаемых процессов ментальной системы индивида посредством анализа рефлексивной деятельности его механизма восприятия и обработки информации на поступающий «стимул». Подобный подход позволяет охарактеризовать процесс преактивизации категориального строя мышления и обуславливает развитие теорий о вербализации системы концептуальной картины мира личности во взаимосвязи с сенсомоторным мышлением. Понятие «прайминг» в аспекте данного исследования рассматривается как причина преактивизации концепт-связей и их последующей вербализации, а также как целостный процесс, включающий в себя данные этапы. Данное исследование послужило толчком для развития идеи прайминга в когнитивной психологии и нейронауки [Higgins, 1977].

Более поздние работы по данной тематике сужают поле исследования и рассматривают прайминг только в аспекте одной из многих функций данного феномена, так например, в исследовании М. Нийдерле и А. Спрингера 1986 года, предварительное воздействие, оказывающее влияние на последующую реакцию, принято определять праймингом; в работе 1990 года Э. Тульвинг и П. Шах рассматривают данное явление как «процесс активации»; в более поздних работах прайминг изучается как полигранное явление и не имеет четких исследовательских границ, однако, динамические развитие исследовательского интереса к праймингу, позволяет сформировать следующий перечень его характеристик:

- прайминг – это рефлекторная реакция мышления на воздействие внешнего стимула в условиях существующих концепт-связей;
- прайминг – это процесс, в результате которого формируются новые или укрепляются, образованные ранее, концепт-связи;
- прайминг – это бессознательное явление мыслительной деятельности индивида, однако, детальное изучение его особенностей позволило осуществлять данный процесс сознательно;
- прайминг может влиять на последующее восприятие информации, поведение или реакции индивида, его эмоциональное состояние, а также сенсомоторную деятельность [Bock, 1986].

Психологические и когнитивный подходы к изучению данного явления обусловили развитие данных идей в лингвистике. В условиях речемыслительной деятельности человека затрагиваются основные моменты функционирования прайминга. Стимулом и результатом сложного ментального процесса в подобных исследованиях выступает языковой знак.

Так, в современных исследованиях данного явления, для того, чтобы разграничить прайминг как результат и прайминг как процесс, вводятся такие термины, как «прайм» и «прайминг-эффект» [Фаликман, 2008]. Согласно М. В. Фаликману, данные понятия не стоит разграничивать, поскольку их определение выводится из довольно широко спектра свойств самого феномена прайминг.

Таким образом, можно сформулировать следующее понимание явления прайминг в целом и коррелирующих с ним понятий в частности: Прайминг – это бессознательное воздействие внешнего языкового знака на сознание индивида для идентификации и воссоздания ментальных процессов речепостроения, перцепции последующих языковых знаков и концептуальной памяти; прайминг-эффект – это результат взаимодействия двух когнитивных систем, который способствует экспликации речемыслительной деятельности одного из коммуникантов. В системе язык-мышление, прайминг обуславливает основные процессы семиозиса и обосновывает актуальность определенного языкового репертуара.

Теория языковых или интерпретативных репертуаров также является относительно новым явлением в гуманитарных науках. Впервые она была упомянута в книге американских лингвистов – Джоннатана Поттера и Маргарет Уезерелл в 1987 г. Концепция строится вокруг идеи о функциональности языка, раскрывая антропоцентрическую направленность в лингвистике. Процесс коммуникации происходит уже не в связке язык в человеке, а человек в языке. Авторы объясняют данную теорию с позиции того, что за каждым речевым взаимодействием следует определенная коммуникативная цель. В этой связи, раскрываются 2 важнейших аспекта. Во-первых, при помощи языка люди конструируют определенный образ мира и самих себя – и тогда задачей любого дискурс-анализа является прослеживание путей и результатов такого конструирования. Во-вторых, функциональность языка предполагает принятие инструментальной модели коммуникации: входе реальных интеракций человек использует язык, чтобы добиться конкретных целей взаимодействия; высказывания не столько отражают личностные особенности говорящего, сколько встроены в диалог и выполняют в этом диалоге определенные информативные и оперативные функции [Гунсурунова, 2022].

Данные концепции вполне применимы и к исследованию перевода т.к. отражают суть предпереводческой деятельности – имея в распоряжении определенный набор языковых знаков, переводчик оперирует ими для достижения поставленной цели – перенести дискурс в систему другого языка и культуры, не потеряв исходную авторскую и культурную аутентичность текста.

Поскольку условия переводческой медиации напрямую коррелирует с идеей праймиг-эффекта, нами была предпринята попытка синтезировать данный метод и метод интерпретативных репертуаров для эффективизации передачи «затекстовых» процессов в принимающую культуру.

Присвоение статуса перевода целевому тексту напрямую зависит от реализации сложного лингвистического и экстралингвистического анализа оригинала текста и когнитивной и когнитивной сферы автора данного текста [Сорокин, 2001]. Посредством выведения общего знания о культурной и социальной принадлежности автора обосновывается его языковой репертуар. Соответственно, языковой знак, так или иначе, является транслятором авторской картины мира и позволяет понять его когнитивные процессы, в том числе, процессы, которые были задействованы в создании текста.

Особенно актуально данное видение в аспекте работы с дискурсами и авторами ранее неизвестными реципиенту и тогда перед переводчиком ставится задача – познакомить целевую аудиторию с новой лингвокультурной картиной мира, сохранив при этом структурную и прагматическую целостность текста.

Наглядность синтеза данных подходов в нашем исследовании осуществляется в аспекте поэтического дискурса Б. С. Дугарова. Переходя к практическому материалу исследования, стоит упомянуть, что личность автора поэтических текстов играет не самую маловажную роль. Так, например, исследование дискурсов Баира Сономовича Дугарова позволяет воспринимать его не только, как представителя бурятской лингвокультуры, но и как полилингва, а также как

научного деятеля и лирика. Пересечение всех данных «дискурсов» уже самой личности позволяет интерпретировать тексты на более объективном уровне.

В нашем исследовании было проанализировано 22 стихотворения, отобранных методом случайной выборки, среди которых было выделено 8 метафорических репертуаров.

Следует отметить, что в работе с данным жанром, за основу анализа были взяты метафоры, как наиболее семантически и прагматически насыщенные единицы [Нагорный, 2018]. Составление репертуаров довольно сложный процесс, поскольку отбор и поиск метафор не детерминирован, но количество и репертуар метафор представляет собой некое подспорье для переводчика.

Метафорический репертуар Б. С. Дугарова отражает количественную и концептуальную составляющую лексем исследуемого материала. В ходе предпереводческого анализа метафорического дискурса поэтических текстов были определены следующие репертуары и их количественная составляющая:

- Метафора оппозиции «свой-чужой», которая отражает противоборство разных поколений (97 единиц): И кони из бронзы – городского асфальта; Горожанином – кочевникам; оседлые предки иных поколений;

- Природная метафора, обусловленная особенностями флоры и фауны региона проживания автора (74): степная, бурные волны, ветер медвежий, небесные горы;

- Метафора специфики этнокультурного уклада жизни, характеризующая основу жизнедеятельности бурятского этноса (48): тихо музыка звучала, всадник пыльный, пронзала стрела, иркиты кочевье, чашу испило;

- Метафора исторических реалий, т.е. упоминание исторических событий важных для становления бурятской культуры (29): столетий караваны, Чингисхана, таежное племя ирkitов;

- Метафора буддийской тематики, определяющая религиозную принадлежность представителей данной культуры (23): таинственной Тары, белых брызг, Лхамо, небес воинственная дама, четки поколений;

- Этнолингвистическая метафора, к которой относятся описания реалий и прямые заимствования (22): Хурчин, морин-хур, дым полыни, струна волосая, юрты, Хубсугул;

- Соматическая метафора, отнесенная к специфике визуального восприятия представителей данной культуры (12): улыбка степи на лице, улыбка добра, твоей улыбки на ветрах пространства, смуглые доярки, скулам Чингисхана;

- Метафора лингвистического знания, перенятая из профессиональной деятельности исследуемого автора (10): наречие, вопросительный знак, монгольские языки.

Из выявленного метафорического репертуара следует вывод о том, что этнолингвистический дискурс в поэзии Б. С. Дугарова преобладает в большей мере, следовательно, при переводе данных стихотворений необходимо уделить внимание культурологическим реалиям бурятского народа и обратить внимание на возрастающую проблему преемственности поколений. Семантическая и прагматическая функция стихотворений сужает поле для поиска необходимых переводческих трансформаций и определяет вектор развития переводческой мысли.

Литература:

- Гунсурунова А. В. Научно-ориентированная метафора как средство интерпретации восприятия мира автором vs поэтический перевод // Исследования языка и современное гуманитарное знание. №2 – 2022. С. 110-119
- Нагорный И. А., Чересюк П. А. Прагматические функции метафоры в тексте (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина») // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. №3 – 2018. С. 367-368
- Синцов В. Ю. Подходы к интерпретации этнолингвистической картины мира. Вестник ЧелГУ. №30 – 2008. С. 153-155.
- Сорокин Ю. А. “Азбука классики” ИЛИ АЗБУКА ПОГРЕШНОСТЕЙ? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. №2 – 2001. С. 80-87.
- Фаликман М. В. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. №3 – 2005. С. 86–97.
- Черкасова И. П. Структурно-семантическая организация поэтического дискурса // Вестник ТГПУ. №4 (54) – 2018. С. 96-102.
- Щербакова М. В. Значение прайминга в современной психолингвистике // БГЖ. №2 (31) – 2002. С. 334-336.
- Bock J. K. Syntactic persistence in language production // Cognitive psychology, 18 (3), 1986, 355-387, [http://dx.doi.org/10.1016/0010-0285\(86\)90004-6](http://dx.doi.org/10.1016/0010-0285(86)90004-6)
- Higgins T. E., Rholes W. S., Jones C. R. Category accessibility and impression formation // Journal of experimental social psychology, 13 – Princeton University, NJ, Princeton University Press, 1977, 141-154.

References:

- Gunsurunova A. V. Nauchno-orientirovannaya metafora kak sredstvo interpretacii vospriyatiya mira avtorom vs poeticheskij perevod [Scientific-oriented metaphor as an author's perception interpreting tool vs poetic translation]. Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie. [Language Studies and Modern Humanities]. №2. 2022. 110-119
- Nagornyy I. A., Cheresyuk P. A. Pragmaticheskie funkcii metafory v tekste (na materiale romana L. N. Tolstogo “Anna Karenina”) [Pragmatic functions of metaphors in the text (based on the novel by L. N. Tolstoy's «Anna Karenina»)]. Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija [Issues in journalism, education, linguistics]. №3. 2018. 367-368
- Sincov V. YU. Podhody k interpretacii etnolingvisticheskoj kartiny mira [Approaches to ethnolinguistic worldview interpretation]. Vestnik ChelGU [Bulletin of Chelyabinsk State University]. №30. 2008. 153-155.
- Sorokin YU. A. “AZBUKA KLASSIKI” ILI AZBUKA POGRESHNOSTEJ? [“Alphabet of Classics” or Alphabet of inaccuracy?]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezkul'turnaya kommunikaciya [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication]. №2. 2001. 80-87.
- Falikman M. V. Vidy prajminga v issledovaniyah vospriyatiya i perceptivnogo vnimaniya [Priming types in studies of perception and perceptual minding]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya. № 3. 2005. 86–97.
- CHerkasova I. P. Strukturno-semanticheskaya organizaciya poeticheskogo diskursa [Structural-semantic formation of poetic discourse]. Vestnik TGGPU [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. №4 (54). 2018. 96-102.
- SHCHerbakova M. V. Znachenie prajminga v sovremennoj psiholingvistike [The value of priming in the modern psycholinguistics]. BGZH [Baltic Humanitarian Journal]. №2 (31). 2002. 334-336.

- Bock J. K. Syntactic persistence in language production. *Cognitive psychology*, 18 (3), 1986. 355-387, [http://dx.doi.org/10.1016/0010-0285\(86\)90004-6](http://dx.doi.org/10.1016/0010-0285(86)90004-6)
- Higgins T. E., Rholes W. S., Jones C. R. Category accessibility and impression formation. *Journal of experimental social psychology*, 13. Princeton University, NJ, Princeton University Press. 1977. 141-154.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВИНЫ И СТЫДА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРВЬЮ

Категория эмотивности может быть реализована на различных языковых уровнях. В статье рассматриваются лексические единицы, при помощи которых осуществляется репрезентация вины и стыда в англоязычном интервью. Материалом послужили различные англоязычные интервью. Автором статьи предлагаются определения понятий «эмотивность», «микротекст», «вина», «стыд», уточнение статуса категории эмотивности, а также анализ лексических единиц, служащих средством выражения вины, стыда и других соответствующих эмоциональных состояний интервьюируемых и интервьюеров.

Ключевые слова: эмотивность; стыд; вина; эмоция; интервью

Oleg Dudkin

Saint Petersburg State University

REPRESENTATION OF GUILT AND SHAME IN ENGLISH INTERVIEW

Linguistic category of “emotiveness” can be realized at multiple language levels. The article considers the problem of lexical units that nominate and represent shame and guilt and is based on interviews conducted in English language. The author of the article defines the status of “emotiveness” as a linguistic category, suggests definitions of the terms “emotiveness”, “microtext” as well as “shame”, “guilt” and other relevant feelings and emotions. The author also analyses words and phraseological units by means of which interviewers and interviewees express the emotional states.

Keywords: emotiveness; shame; guilt; emotion; interview

Для гуманитарных наук настоящего времени радикальное разделение рационального и эмоционального компонентов сознания и мышления представляется крайностью. Уже, условно говоря, во второй половине XX века учёные приходили к выводу о неразрывной связи этих разделяемых ранее компонентов.

В. И. Шаховский пишет, что эмотивность является «важнейшим компонентом прагматики языка, так как наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию: словесные и несловесные эмоциональные реакции наиболее чутки к эмоциональным стимулам, в роли которых могут выступать и эмотивы» [цит. по Филимоннова, 2007, с. 21].

Поскольку объектом исследования при изучении реализации категории эмотивности могут быть как единицы, конституирующие текст (слова, фразы, предложения), так и целые микротексты и тексты, мы будем говорить об эмотивности как о категории, имеющей полистатусный характер. Данная категория может проявляться в языке на фонетическом, лексическом, фразеологическом, синтаксическом, морфологическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом и межтекстовом, уровнях. Существуют несколько основных способов представления эмоционального состояния в языке: 1) прямая номинация; 2) описание

эмоционального состояния; 3) прямое выражение эмоции (примером может служить употребление междометий); 4) употребление слов, имеющих выраженную положительную или отрицательную коннотацию.

Американский психолог Кэрол Изард относит вину (раскаяние) и стыд к базовым человеческим эмоциям (наряду с радостью, интересом, удивлением, горем (страданием), отвращением, страхом, гневом и презрением) [Изард, 2012, с. 25]. В настоящей статье мы рассмотрим лексические средства, при помощи которых осуществляется номинация вины, стыда, раскаяния и неловкости и описание данных эмоциональных состояний. Зачастую провести чёткую границу между этими состояниями, особенно опираясь на письменный текст, не представляется возможным, поэтому мы приведём примеры выражения достаточно широкой палитры эмоций, определённо не являющихся положительными. Приведённые в настоящей статье лексемы и выражения зафиксированы в современных британских и американских интервью и, следовательно, являются актуальными и присутствуют в живой и спонтанной речи носителей английского языка.

Взятые в качестве примеров ответы на вопросы интервью мы будем рассматривать как микротексты. Данный термин определяется Т. В. Матвеевой как «текст-высказывание, часть более крупных структурных образований – текстового блока (субтекста) и целого текста, содержательное ядро которого отмечается единством частной темы (микротемы)» [Матвеева, 2010, с. 211].

Рассмотрим примеры прямой номинации эмоциональных состояний вины, стыда и чувства неловкости. Наиболее часто употребляемыми лексемами, служащими средством репрезентации рассматриваемых эмоций в британских и американских интервью, являются «embarrassment» и другие лексемы с тем же корнем:

I got tired and embarrassed by the constant poverty of those years (Hunter S. Thompson, American journalist and author) [Hunter S. Thompson interview].

В словаре «Longman Dictionary of American English» (далее LDOAE) прилагательное «embarrassed» имеет определение «ashamed, nervous, or uncomfortable, especially in front of other people». Следует отметить, что изучающие английский язык как иностранный часто путают прилагательные «embarrassed» и «ashamed», однако они обозначают несколько различные состояния. Прилагательное «embarrassed» может обозначать неловкость, смущение из-за собственных или чужих действий, а репрезентируемое при помощи англоязычного прилагательного «ashamed» состояние больше соответствует русскоязычному понятию стыда. Ниже рассмотрим примеры прямой номинации при помощи лексемы «shame» и других однокоренных слов:

*1) I'd come to associate it with what I perceived as my mother's obsession with appearances—her dictating what I wore to school, her constant fussing with the decoration of our house, her **shame** about having kids who were different from her friends' kids, the general barrenness of worrying so much about surfaces (Peter Matthiessen, American novelist) [Peter Matthiessen interview].*

*2) Since then I have spent a lot of time with Indian people, and I realize now that part of his alienation and anger was that he was a traditional from the remote mesas who scarcely spoke English and was **ashamed** of that (Jonathan Franzen, American novelist) [Jonathan Franzen interview].*

В словаре LDOAE существительное «shame» в свою очередь определено как «the feeling of being guilty or embarrassed that you have after doing something that is wrong».

Номинация вины может быть также осуществлена при помощи лексемы «guilt» и других лексем с идентичным корнем:

1) *I feel like criminals used to feel when they felt **guilty** about being criminals, when they **regretted** their crimes. It's **horrible** to **feel felonious** every second of the day (Fran Lebowitz, American author and public speaker) [Fran Lebowitz interview].*

2) *The trouble with all this love business is one or the other partner ends up **feeling bad or guilty** because they don't have it the way they've read it. I'm afraid things went off a lot more happily when marriages were arranged by parents (Wystan Hugh Auden, British-American poet) [W. H. Auden interview].*

В словаре LDOAE существительное «guilt» имеет дефиницию «strong feeling of shame and sadness that you have when you know or believe you have done something wrong». Во втором микротексте интервьюируемый употребляет фразеологизм «feel bad about something», имеющий в словаре LDOAE дефиницию «to feel ashamed or sorry about something», на основании чего можно сделать вывод о широком спектре репрезентируемых эмоциональных состояний (от сожаления до стыда).

Следующей лексемой, при помощи которой осуществляется прямая номинация рассматриваемых эмоций, является прилагательное «apologetic» и образованное от него наречие «apologetically»:

*Maybe he just didn't like it, but what he told me was that he had a book coming out, and a friend of his had a book coming out, and they were going to assist one another. This, he said **apologetically**, precluded his efforts on behalf of anyone else's work, so as to maximize the impact (Mark Helprin, American novelist) [Mark Helprin interview].*

В словаре LDOAE прилагательное «apologetic» определено как «showing or saying that you are sorry about something». В электронном словаре Collins имеется уточнение о том, что употребление данного прилагательного в значении осознания и демонстрации чувства вины характерно для американского варианта английского языка.

Чувство стыда и/или неловкости также может быть репрезентировано при помощи лексемы «cringe» и других однокоренных лексем:

*I'll probably **cringe** when I read this interview. I **cringe** when I see documentaries on bands, it's just like, "**Oh my god**" -- people filming you being a **f***** imbecile**, just acting like a retard. It feels **uncool** being on tour in a van just making **sh**** jokes** (Sam France, American musician) [Sam France and Jonathan Rado interview].*

Рассматриваемый глагол употребляется в приведённом микротексте дважды, в настоящем и будущем времени. В словаре LDOAE глагольная форма «cringe» имеет дефиницию «to feel embarrassed by something». Нельзя не отметить, что в последнее десятилетие данное слово было заимствовано юными носителями русского языка, стало сленговым и иногда служит средством номинации неловкости и стыда в речи подростков.

В следующем микротексте присутствуют сразу две лексемы, являющиеся средством репрезентации вины и стыда:

*I'm more interested if people are **guilty** that they show a bit of **contrition**, stop making things worse and admit straight away (Kenneth Harry Clarke, British politician) [Ken Clarke interview on rape sentencing].*

В словаре LDOAE прилагательное «contrite» имеет дефиницию «feeling guilty and sorry for something bad that you have done». В этом же словаре к данной лексеме приведён следующий синонимический ряд: «guilty», «ashamed», «embarrassed». В электронном словаре Cambridge Dictionary существительное «contrition» определено как «a very sorry or guilty feeling about something bad you have done, or the act of showing that you feel like this», а в электронном словаре Collins — как «deeply felt remorse; penitence», на основании чего можно сделать вывод о высокой интенсивности эмоционального состояния, репрезентируемого при помощи данной лексемы. Отметим, что в исследуемых интервью с американскими политиками, писателями и представителями творческих профессий, объём которых в два раза превышает объём проанализированных британских интервью, употребление данной лексемы не зафиксировано, при этом в интервью с британскими респондентами оно встретилось трижды. На этом основании мы можем сделать вывод о том, что лексема более характерна для живой и спонтанной речи британцев.

Вина может быть также выражена при помощи словосочетания «guilty conscience»:

*They were there, I decided (and I still don't know whether this is historically true or not) because at the time that Christ was confronting his devils, any of his contemporaries who had a problem — a **guilty conscience**, cancer, madness, a desire to overthrow the Romans, people living on the edge—would have gone off to the wilderness in order to greet their own devils* (James Crace, English novelist) [Jim Crace interview].

В LDOAE одна из дефиниций существительного «conscience» сформулирована следующим образом: «the set of feelings that tell you whether what you are doing is morally right or wrong», что эквивалентно русскоязычному понятию «совесть». Словосочетание «guilty conscience» определено как «feeling of guilt». В электронном словаре Collins указывается, что словосочетание характерно для британского варианта английского языка, что подтверждается нашей выборкой, поскольку в проанализированных американских интервью данное словосочетание зафиксировано не было.

Чувства вины и стыда также могут быть репрезентированы при помощи номинации состояний, соответствующих русскоязычному понятию «раскаяние»:

*As I look back, I have feelings of immense gratitude and feelings of unappeasable loss and feelings of **remorse*** (Geoffrey William Hill, English poet) [Geoffrey Hill interview].

В словаре LOAE существительное «remorse» имеет определение «a strong feeling of being sorry for doing something very bad». На основании данной дефиниции можно сделать вывод о том, что речь идёт о высокоинтенсивной эмоции.

На следующем примере продемонстрируем описание эмоционального состояния, посредством которого осуществляется его репрезентация:

*I'm so puritanical that I can't describe a kiss without **blushing*** (Anthony Burgess, English writer) [Anthony Burgess interview].

Словарь LOAE определяет существительное «blush» как «the red color on your face that appears when you are embarrassed, confused, or ashamed». Глагольная форма «blush» определена в том же словаре как «to become red in the face, usually because you are embarrassed». Там же имеется указание на то, что слово происходит от древнеанглийского «blyscan», имевшего значение «покраснеть», которое в свою очередь образовывалась от существительного «blysa», обозначавшего пламя.

Таким образом, в англоязычных интервью зафиксировано употребление следующих лексем (включая лексемы с идентичным корнем), при помощи которых осуществляется репрезентация вины, раскаяния и стыда: embarrassment, shame, guilt, guilty conscience, feel bad, apologetic, cringe, contrition, remorse, blushing. Благодаря вычислению частотности употребления приведённых лексем удалось выявить некоторые закономерности: лексемы contrition, remorse и conscience (и другие лексемы с идентичным корнем) как средства прямой номинации вины, стыда и раскаяния более характерны для речи британцев, а лексема cringe (включая другие однокоренные лексемы) примерно в три раза чаще употребляется в живой разговорной речи американцев.

Источники:

- Anthony Burgess interview, The Art of Fiction No. 48. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/3994/the-art-of-fiction-no-48-anthony-burgess> (дата обращения: 05.11.2023).
- Fran Lebowitz interview, A Humorist at Work. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/1931/a-humorist-at-work-fran-lebowitz> (дата обращения: 05.11.2023).
- Geoffrey Hill interview, The Art of Poetry No. 80. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/730/the-art-of-poetry-no-80-geoffrey-hill> (дата обращения: 05.11.2023).
- Hunter S. Thompson interview. URL: <http://www.fargonebooks.com/hunter.html> (дата обращения: 05.11.2023).
- Jim Crace interview, The Art of Fiction No. 179. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/122/the-art-of-fiction-no-179-jim-crace> (дата обращения: 05.11.2023).
- Jonathan Franzen interview, The Art of Fiction No. 207. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/6054/the-art-of-fiction-no-207-jonathan-franzen> (дата обращения: 05.11.2023).
- Ken Clarke interview on rape sentencing. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-13444770> (дата обращения: 05.11.2023).
- Mark Helprin interview, The Art of Fiction No. 132. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/1962/the-art-of-fiction-no-132-mark-helprin> (дата обращения: 05.11.2023).
- Peter Matthiessen interview, The Art of Fiction No. 157. URL: www.theparisreview.org/interviews/985/the-art-of-fiction-no-157-peter-matthiessen (дата обращения: 05.11.2023).
- Sam France and Jonathan Rado interview. URL: www.pitchfork.com/features/interview/9049-foxyugen/ (дата обращения: 05.11.2023).
- W. H. Auden interview, The Art of Poetry No. 17. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/3970/the-art-of-poetry-no-17-w-h-auden> (дата обращения: 05.11.2023).

Словари:

- Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 05.11.2023)
- Collins online dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 05.11.2023)
- Longman Dictionary of American English. 4th ed. / Pearson Education Limited. Pearson Education ESL, 2008

Литература:

- Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Изард. – СПб. : Питер, 2012. – 464 с. : ил. – (Серия «Мастера психологии»).
- Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 576 с.
- Филимонова, О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте : учебное пособие. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 448 с.

Dictionaries:

- Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (data obrashheniya: 05.11.2023)
- Collins online dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (data obrashheniya: 05.11.2023)
- Longman Dictionary of American English. 4th ed. / Pearson Education Limited. Pearson Education ESL, 2008

References:

- Izard, K. E'. Psixologiya e`mocij / K. Izard. – SPb. : Piter, 2012. – 464 s. : il. – (Seriya «Mastera psixologii»).
- Matveeva, T. V. Polny`j slovar` lingvisticheskix terminov /T. V. Matveeva. – Rostov n/D : Feniks, 2010. – 576 s.
- Filimonova, O. E. E`mociologiya teksta. Analiz reprezentacii e`mocij v anglijskom tekste : uchebnoe posobie / O. E. Filimonova. – SPb. : ООО “Knizhny`j Dom”, 2007. – 448 s.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭФФЕКТА

Проведенное на материале художественной литературы исследование показало, что персонажи довольно часто оказываются в ситуации обманутых ожиданий, в которой наблюдается конфликт двух психолингвистических явлений – предсказуемости и непредсказуемости. Статья посвящена языковой актуализации эффекта обманутого ожидания (ОО) как следствия нарушения экспектаций персонажей художественной литературы, обусловленных прошлым личным опытом и фоновыми знаниями, с одной стороны, и разного рода социальными стереотипами (гендерными, возрастными, профессиональными и др.), с другой. Выделены две наиболее частотные модели ситуации ОО: одна из них служит для выражения полного несовпадения ожиданий и реального положения дел, в другой эксплицитно выражена идея сравнения. Выявлены наиболее характерные эмоции, сопровождающие обманутые ожидания и подтверждающие их конфликтогенность в случае нереализации экспектаций.

Ключевые слова: эффект обманутого ожидания, экспектации, социальные стереотипы, предсказуемость, непредсказуемость

Olga Emelianova

Saint-Petersburg state university

ON SOME LINGUISTIC MEANS EXPRESSING THE EFFECT OF DEFEATED EXPECTATIONS

The paper studies the effect of defeated (deceived) expectations as a consequence of violating a fiction character's expectations and stereotypes. In cognitive linguistics and psycholinguistics, the effect of deceived expectations is considered in connection with psycholinguistic phenomena of textual ambiguity, the phenomenon of surprise, and probabilistic forecasting. Expectation is a state whose essence is the belief or prediction that some event or state of affairs will develop in a certain way or that someone or something will be characterized by certain properties or behavior. Expectations are generally based on a person's individual perceptions drawn on personal experience. However, the analysis proves that stereotypes also acquire considerable importance. In some cases, it is difficult to draw a clear and unambiguous line between situations in which the deceived expectation is related to the character's life experience, or a certain stereotype. In the material under study, situations of the first type prevail. The main marker of the situation is the verb *expect* and its derivatives. Two language models are the most frequent; one of them serves to express a complete mismatch between expectations and the real state of affairs: The second model explicitly expresses the idea of comparison. Expectations can be realized as a system of requirements that are imposed on a person because of the social role he or she plays, including the way he or she looks and manner of dress; in such cases, deceived expectations are associated with violation of occupational/professional age and gender stereotypes.

Keywords: effect of defeated expectations, social stereotypes, predictability, probabilistic forecasting

Эффект обманутого ожидания давно привлекает внимание исследователей. Главным образом он трактуется как средство усиления выразительности текста, основанное на нарушении предположений, ожиданий и предчувствий читателя. Стоявший у истоков данного направления Р. Якобсон рассматривал обманутое ожидание, или «несбывшееся предсказание» (defeated expectancy) как общий принцип всякого речевого изменения, производимого со стилистической целью и представляющего собой отклонение от нормы [Jacobson, 1987, p.26]. Развивая мысль Р. Якобсона, И. В. Арнольд рассматривает эффект обманутого ожидания, ссылаясь на М. Риффатера, в рамках стилистического контекста как элемент текста, обладающий по отношению к данному контексту свойством непредсказуемости, т.е. как нарушение линейности и непрерывности речи [Арнольд, 2002, с.106]. В результате такого подхода сложилась устойчивая традиция изучения эффекта ОО как особого проявления стилистического использования категории установки на читателя. В отличие от этого, в настоящей работе эффект ОО исследуется не как стилистический прием, нарушающий предположения *читателя*, а как следствие нарушения экспектаций и стереотипов *персонажа* (Курсив наш – О. Е.).

В когнитивной психологии и лингвистики экспектации как важные составляющие индивидуального сознания обычно трактуются в терминах прогнозирования, таким образом эффект обманутого ожидания связан с осуществлением наименее прогнозируемого исхода ситуации. Способность к вероятностному прогнозированию кроется в особенностях организации памяти, сохраняющей информацию о событиях в прошлом опыте данного индивида, о последовательности этих событий, о том, как часто имела место та или иная цепь событий в прошлом [Умеренкова, 2008, с.147]. Иными словами, экспектация – это состояние, сущностью которого является вера или прогноз, что какое-либо событие или состояние дел будут развиваться определенным образом или что кто-то, или что-то будут характеризоваться определенными свойствами или поведением. В этой дефиниции наибольший интерес для нас представляет вторая часть, касающаяся ожиданий относительно свойств или поведения объекта. Эти ожидания должны быть на чем-то основаны; безусловно, важную роль играют собственные индивидуальные, сформированные на личном опыте представления. Однако, как показывает анализ материала, весьма велико и значение стереотипов, которые существенно облегчают нашу жизнь, ускоряя восприятие, задавая критерии для оценок; приобретаая форму полезного знания, стереотипы помогают ориентироваться в социальных ценностях [Змановская, 2005:12]. Сразу следует оговорить, что в ряде случаев трудно провести четкую и однозначную границу между ситуациями, в которых обманутое ожидание связано с жизненным опытом персонажа, с одной стороны, и с определенным стереотипом, с другой.

В исследованном материале преобладают ситуации первого типа. Так называемый закон опережающего отражения действительности диктует прогнозирование, предвосхищение событий, основанное на опыте, повторяемости, постоянстве. Тем не менее спрогнозированная линейная цепочка событий может нарушаться, когда конечное «ожидаемое» звено заменится «неожиданным» [Карпухина, 2013, с.22].

Судя по примерам, чаще всего обманутые ожидания возникают, когда персонаж приходит куда-то (дом, квартира, служебное помещение, бар, ресторан и т.д.) или встречается с кем-то. Само выражение «ожидания» свидетельствует о том, что у человека уже есть какие-то сформировавшиеся ранее представления о том, что/кого он увидит /услышит и пр. В качестве основного маркера ситуации обманутого ожидания выступает глагол *expect* и его производные.

Наиболее частотны две языковые модели; одна из них служит для выражения полного несовпадения ожиданий и реального положения дел: *This wasn't what he had been expecting*. Во второй модели эксплицитно выражена идея сравнения: *The bedroom was neater than Jen had expected*. Детектив-сержант Рафферти тщательно готовилась к разговору с матерью совершившего самоубийство подростка; обдумывая план беседы, пытаясь предугадать реакцию пережившей страшную трагедию женщины, героиня основывалась на собственном профессиональном опыте общения в подобных ситуациях и общих представлениях, однако реальная ситуация оказалась для нее несколько неожиданной: (1) "***Jen wasn't sure what she'd been expecting***. A nutter perhaps. Someone hysterical. Or greedy, just desperate for compensation. 'Thanks for getting in touch. How can I help?'" (Cleeves, 2021, p.75). Вряд ли героиня ожидала услышать спокойный, «нормальный» голос женщины, обнаружившей готовность к сотрудничеству. Скорее, она была готова к совсем другому (A nutter perhaps. Someone hysterical. Or greedy, just desperate for compensation). Показательно, что героиня признается себе, что сама не была уверена в том, что же она ожидала. Предположительная модальность выражается модальным словом *perhaps*. Таким образом, реальность оказалась прямо противоположной возможным ожиданиям персонажа, и это к лучшему, поскольку гораздо легче иметь дело и получить нужную информацию от «нормального», вменяемого человека, чем от обезумевшей от горя, истеричной и желающей компенсации матери, потерявшей сына.

В целом ряде примеров читатель не сразу узнает, что ожидания персонажа обмануты. В поисках хозяина дома героиня тщательно осматривает все помещения; она думает, что он вот-вот появится, поскольку его обязательно рассердит вторжение полиции. Ожидания героини основаны главным образом на опыте общения с этим человеком и знании его характера. Следует детальное описание осмотра всего дома, после которого становится ясно, что эти ожидания обмануты: хозяин дома бесследно исчез: (2) "***She moved on through the house, all the time expecting Ley to appear, angered by the intrusion*** <...> *She found a wheelbarrow half full of weeds, but they were dry and shrivelled, and had obviously been there for some time. Ley himself seemed to have disappeared*" (Cleeves, 2021, p.145). Таким драматическим образом заканчивается глава.

Если в предыдущих примерах обманутые ожидания связаны главным образом с личным опытом персонажа, то в следующем явно прослеживается влияние стереотипов: (3) "***Gorsehill, where Mack had been treated, was a modern building not far from the main hospital building. It was run by the same trust. Jen wasn't sure what she'd been expecting: locked doors, mad people howling at the sky. Instead it could have been any health centre in the country***" (Cleeves, 2021, p.234). Можно отметить определенное сходство с примером (1): здесь тоже ожидания героини оказались обманутыми, если можно так выразиться, «в лучшую сторону». Кроме того, также эксплицитно выражена неуверенность героини относительно того, что именно она ожидала увидеть при посещении медицинского учреждения для людей с нарушениями психики: (*Jen wasn't sure what she'd been expecting*); наконец, в данном примере, как и в (1), приводится описание/перечисление того, что она себе представляла как возможный вариант: *locked doors, mad people howling at the sky*. На чем могли быть основаны подобные ожидания? Возможно, здесь сработал распространенный стереотип относительно того, как выглядят подобные заведения и их обитатели. Насколько известно из текста романа, героиня никогда прежде не бывала в таких местах (у нее нет подобного собственного опыта); ее представления, скорее всего, подчерпнуты из книг, кино и телевидения. Скорее всего, стереотип сложился на основании реального существования именно таких заведений. Однако в описываемой ситуации автор фиксирует нарушение стереотипа, вводя краткое описание вполне благополучной картины при помощи сопоставительного дискурсивного маркера *instead*.

Экспектации могут реализоваться как система ожиданий и требований, которые накладываются на человека из-за исполняемой им *социальной роли*, включая внешний вид и манеру одеваться; в таких случаях обманутые ожидания оказываются связанными с нарушением профессиональных, возрастных и гендерных стереотипов. Так, владелец процветающего развлекательного комплекса выглядит не как преуспевающий бизнесмен, а, скорее, как отошедший от дел фермер: (4) “...a man walked in through a door behind her. **Joe wasn't sure what he had been expecting. Some kind of businessman, perhaps, but not this. Daniel Rede was wearing checked shirt and jeans and looked more like a retired farmer than the head of a multimillion leisure company**” (Cleeves, 2022, p.89).

В отличие от предыдущего примера, в котором на первый план выходит представление о социальном статусе персонажа, следующая ситуация показывает сочетание уже других стереотипов: (5) “**But Dr Wilde is here. Let's see what she has to say. The woman who walked in was not what he'd expected. For a start, she looked like an adolescent still waiting for their growth spurt. Barely five feet tall, she was lean as a whippet. Dark hair pulled back from a face dominated by large grey eyes and a wide mouth accentuated the comparison. She wore construction boots, jeans and denim shirt faded almost white in places under a battered waxed jacket. Lees had never seen anyone who looked less like an academic**” (McDermid, 2009, p.178). Вместо типичного ученого – немолодого, солидного человека, предпочитающего соответствующий стиль в одежде, герой увидел юную девушку, одетую как подросток. Обманутые ожидания связаны здесь с разрушением гендерных, возрастных и профессиональных стереотипов.

В исследованном материале отмечено частое использование существительного и глагола *surprise* для выражения эмоциональной реакции на нарушение привычных стереотипов и неожиданный ход событий; это далеко не случайно, поскольку именно элемент неожиданности является основной семантической составляющей эмоции удивления [Лепёнышева, 2012, с.21]; (6) “**Mathew went through the formalities and switched on the recorder. 'Miss Mackenzie. 'He paused. 'Janey, perhaps you can explain what happened the night you killed your brother.' Jen thought Venn had the knack of sounding interested and the use of the woman's first name made him come across as fatherly, not in the least bit intimidating. He gave the impression that he wasn't there to progress the case, but because he genuinely wanted to understand. Janey looked up, surprised. It wasn't the question she'd been expecting**” (Cleeves, 2021, p.268). Из более широкого контекста романа известно, что допрашиваемая девушка совершила три убийства, причем если подозрения в двух из них основаны на очевидных фактах и не вызвали бы у нее удивления, первое убийство всеми было воспринято как самоубийство психически неустойчивого молодого человека, и совершившая это преступление сестра никак не ожидала, что полиция узнает об этом. Вопрос оказался неожиданным, и реакция удивления совершенно естественна. Как было сказано выше, обманутые ожидания, или “фрустрированные экспектации” связаны с осуществлением наименее прогнозируемого исхода ситуации. Допрашиваемая девушка не проявила в должной мере способность к вероятностному прогнозированию и оказалась не готова к такому развитию событий. Напомним, что под вероятностным прогнозированием принято понимать «...способность сопоставлять поступающую через анализаторы информацию о наличной ситуации с хранящейся в памяти информацией о соответствующем прошлом опыте и на основании этого сопоставления строить предположения о предстоящих событиях, приписывая каждому из предположений ту или другую степень достоверности» [Фейгенберг, 1986, с.91].

Следующий пример интересен с точки зрения эмоций, сопровождающих ситуацию обманутых ожиданий; кроме того, это один из очень немногочисленных примеров обманутых ожиданий в прямой речи персонажа, а не в авторском тексте (хотя в авторском комментарии также присутствует глагол *expect*). Появление мужа дома в необычное время, да еще и с

букетом цветов вызывает у жены не только удивление, но и смущение и замешательство. Она прямо говорит, что не ожидала его (7) *"He was about to reach out and pick it up when the door opened and Mel came in. She looked flushed and flustered, surprised to see him. 'I wasn't expecting you to be here.' 'I bought you flowers,' he said. 'Oh!' It wasn't the response he'd been expecting or hoping for. It was surprise, not pleasure. And there was a kind of guilt in there somewhere, as if she thought she didn't quite deserve the gesture. She must have realized that more was expected, because she smiled and touched his shoulder. 'That's lovely. Really lovely. '"* (Cleaves, 2021, p.96). Реакция жены оказывается совсем не такой, как рассчитывал муж. И здесь регулярно сопровождающая подобные ситуации эмоция удивления кажется мужу странной: он-то хотел порадовать жену, сделать ей приятное, доставить удовольствие, однако ее поведение каким-то образом наводит его на мысль о ее вине. Жена быстро сообразила, что своей вялой реакцией обманула ожидания мужа, и поспешила исправиться, изменив свое вербальное и невербальное поведение. Троекратное употребление основного маркера ситуации обманутых ожиданий глагола *expect* в сочетании с несколькими номинациями эмоций позволяет автору передать напряжение в отношении супругов и заподозрить неладное. Назревавший конфликт, вроде бы, разрешился, но какой-то осадок, недоговоренность остались. Описанная ситуация полностью соответствует наблюдениям психологов: большие надежды на будущее и завышенный уровень притязаний могут быть конфликтогенны в случае их нереализации и привести к внутреннему конфликту обманутого ожидания. Дефицит внимания, неподтверждение межличностных дружеских, семейных, любовных, супружеских, социальных отношений также служит достаточным основанием для возникновения внутриличностного конфликта этого характера, как и неожиданный, непрогнозируемый ход коммуникативных действий [Непшекуева, 2006, с.442].

Проведенное на материале художественной литературы исследование показало, что персонажи довольно часто оказываются в ситуации обманутых ожиданий, в которой наблюдается конфликт двух психолингвистических явлений – предсказуемости и непредсказуемости. Способность к вероятностному прогнозированию, основанная на сохранении в памяти индивида информации о прошлом опыте и фоновых знаниях, иногда дает сбой, что приводит к несопадению экспектаций и реального положения дел. Кроме того, обманутые ожидания часто связаны с нарушением разного рода социальных стереотипов – гендерных, возрастных, профессиональных и пр.

Литература:

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов. 4-е издание, испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. — 384 с.
- Змановская Е. В. Руководство по управлению личным имиджем. — СПб.: Речь, 2005. 158 с.
- Карпухина Т. П. Эффект обманутого ожидания при взаимодействии морфемного повтора и синтаксического параллелизма (на материале англоязычной художественной прозы) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 3 (131). С. 22–27.
- Лепеньшева А. А. Языковая репрезентация эмоции удивления в английском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. СПб, 2012. 26 с.
- Непшекуева Т. С. Обманутое ожидание как основа внутреннего конфликта // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета Краснодар: Куб ГАУ, 2006. – №04(020). С. 439 – 456.
- Умеренкова А. В. Эффект обманутого ожидания в моделях восприятия речи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008 № 4 (017). С.145-150.
- Фейгенберг И. М. Вероятностное прогнозирование и преднастройка к действиям //Фейгенберг И. М. Видеть-предвидеть-действовать. – М.: Знание, 1986. 158 с.
- Jakobson R. O. Language in Literature. –USA: Harvard University Press, 1987. 657 p.

Источники:

- Cleaves A. *The Heron's Cry*. Minotaur Books, 2021
Cleaves A. *The Rising Tide*. Macmillan, 2022
McDermid - McDermid V. *A Darker Domain*. N. Y., Harper, 2009

References:

- Arnol'd I. V. *Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk. Uchebnik dlya vuzov. 4-e izdanie, ispr. i dop.* M.: Flinta: Nauka, 2002. — 384 s.
- Zmanovskaya E. V. *Rukovodstvo po upravleniyu lichnym imidzhem.* — SPb.: Rech', 2005. 158 s.
- Karpuhina T. P. Effekt obmanutogo ozhidaniya pri vzaimodejstvii morfejnogo povtora i sintaksicheskogo parallelizma (na materiale angloyazychnoj hudozhestvennoj prozy) // *Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta (TSPU Bulletin)*. 2013. Vyp. 3 (131). S. 22–27.
- Lepenyshva A. A. *Yazykovaya reprezentaciya emocii udivleniya v anglijskom yazyke. Avtoref. diss. kand. filol. nauk.* SPb, 2012. 26 s.
- Nepshkueva T. S. Obmanutoe ozhidanie kak osnova vnutrennego konflikta // *Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Krasnodar: KubGAU*, 2006. – №04(020). S. 439 – 456.
- Umerenkova A. V. Effekt obmanutogo ozhidaniya v modelyah vospriyatiya rechi // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2008 № 4 (017). S.145-150.
- Fejgenberg I. M. *Veroyatnostnoe prognozirovanie i prednastrojka k dejstviam // Fejgenberg I. M. Videt'-predvidet'-dejs'tvovat'.* – M.: Znanie, 1986. 158 s.

Зорина Е. С.

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

В статье предпринимается попытка показать возможности анализа современного художественного текста в дискурсивном аспекте. Междисциплинарность выбранного подхода предполагает обращение к актуальным для художественного текста институциональным дискурсам. Особую роль в романе «Лавр» Е. Водолазкина играет Православный дискурс, который вступает во взаимодействие – диалог – с целым рядом других институциональных дискурсов. Анализ языковых маркеров институциональных дискурсов позволяет рассматривать текст в аспекте замысла автора.

Ключевые слова: современный художественный текст, дискурс, дискурсивное повествование, православный дискурс, диалогичность

Ekaterina S. Zorina

Saint Petersburg State University

DIALOGUENESS OF THE ORTHODOX DISCOURSE IN THE NOVEL “LAVR” BY E. VODOLAZKIN

The article deals with the analysis of the modern fictional text in the discursive aspect. The multidisciplinary concept focuses on the analysis of the institutional discourses, significant and relevant for the fictional text. The text of the novel “Lavr” by E. Vodolazkin is open to a variety of the institutional discourses. The narrative is organized as a dialogue between institutional discourses, the most significant of which is the Orthodox discourse. The analysis of the lexical and grammar markers of the institutional discourses opens the perspective to get the author’s intention. It is stated that the modern fictional text analysis in many ways shows its importance for different educational and cultural purposes.

Key words: modern fiction text, discourse, discursive narrative, orthodox discourse, dialogueness

Междисциплинарный подход сегодня имеет особое значение для анализа художественных текстов. Перспективным в анализе художественного текста является дискурсивный подход, который открывает возможность лингвистического анализа полимодального художественного повествования в аспекте замысла автора.

Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). [Арутюнова 1989, с.136]. «Социальное

действие и событийность» из определения Н. Д. Арутюновой реализуется в художественном тексте в рамках институциональных дискурсов, которые представлены в одном пространстве с сюжетным повествованием художественного текста.

Для определения понятия «институциональный дискурс» можно обратиться к рассуждениям Владимир Ильича Карасика, который определяет институциональный дискурс как общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений, например: политических, юридических, военных, педагогических, религиозных, мистических и т.д. отношений [Карасик 2004, с. 299]. Цель собственно лингвистического анализа – выявление маркеров институциональных дискурсов в художественном повествовании. Дискурсивизация художественно текста является результатом обращения автора к той или иной сфере «общения» из определения Карасика.

Для романа Евгения Водолазкина «Лавр» значимыми являются: исторический, социальный, дидактический и православный институциональные дискурсы. Православный дискурс представляет особый интерес, так как на это указывает и определение жанра произведения - «современное житие»; построение сюжета, в основе которого лежит житийное описание пути главного героя. [Маглий 2015, с.179], и целый ряд собственно языковых маркеров институционального дискурса. Важно сказать, что «полидискурс» отличается от интертекстуальности. Полидискурсивный текст обращен к целому ряду институциональных дискурсов, которые воспроизводят себя в открытом множестве текстов, объединенных общей сферой применения и специфичной идеологией [Белоглазова 2009, с. 67]. Если интертекстуальность предполагает замысел автора во взаимодействии двух конкретных текстов (более того, в тексте-приемнике можно найти конкретные языковые маркеры из текста-источника), то полидискурсивность (или интердискурсивность) направлена на использование множества текстов. Полидискурсивность – это, во-первых, имманентная характеристика всех текстов эпохи постмодерна; а, во-вторых, это вид диалогичности, который реализуется во взаимодействии институциональных дискурсов. Такой диалог направлен на читателя, которому необходимо воспринять и декодировать всю совокупность информации, формирующей тот или иной институциональный дискурс. Диалог не противоречит субъектной структуре художественного повествования, так как интенция автора реализуется в многократном усложнении коммуникативной ситуации.

В первую очередь, речь идет о лингвистическом декодировании. Для понимания следующих фрагментов текста требуются знания о стилистической принадлежности лексических единиц и конструкций:

«К Амвросию продолжали ходить болящие. Их было много, хотя в иных обстоятельствах пришедших могло бы быть и больше. Сокращению потока способствовало несколько причин. Главной из них был старец Иннокентий, который запретил беспокоить Амвросия попусту. Лечение зубов, сведение бородавок и тому подобные вещи он не считал достойными поводами для обращения, ибо они отвлекали Амвросия от других, более серьезных случаев.

Такие вопросы, объявил старец, прошу решать по месту жительства». [Водолазкин 2021, с. 383]

«Теперь, когда в отношении конца света мы более или менее спокойны, настало время для уединения. Готовься, Амвросие, сего лета примешь схиму». [Водолазкин 2021, с. 398]

Лексические элементы и синтаксические конструкции, типичные для канцелярского языка середины и конца XX века, и даже канцелярита (во втором фрагменте) создают, «стилистический контраст» с элементами, маркирующими исторический и христианский православный дискурс.

Еще один яркий фрагмент:

«Они хотят увести Устину с ребенком в скудельницу, сказа Арсений. И совершенно не понимают, что умершие вот-вот могут воскреснуть.

[...]

Отдай им эти тела, ведь не в телах же дело, сказал старец. Если положишь их в обычную могилу, то эти, - он показал Арсению ножом на толпу, - выруют их в ближайшую засуху. Выросте ведь, нехристи, спросил он у стоявших, и те потупились. Как пить дать выруют. Что же до воскресения и спасения душ преставльшихся раб Божиих, то эту информацию я предоставляю тебе, что называется, тет-а-тет». [Водолазкин 2021, с. 111]

Православный дискурс в романе маркирован целым рядом лексических средств:

1) Название романа «Лавр»

Название «Лавр» не является прямой отсылкой, но раскрывает жанровое своеобразие текста «современное житие». Каноны и литературный этикет древнерусских житий обязательным условием подразумевал название жития – имени святого. У главного героя имя в ходе романа меняется, но Лавр – это имя, нося которое герой завершает свой путь «становления» святым.

2) Цитаты (с атрибуцией и без) в составе текста

Цитаты на русском, церковнославянском и древнерусском языках. Сами по себе цитаты маркируют христианский православный дискурс, но их презентация маркирует дидактический дискурс в романе. Презентация связана не с «эстетической» стороной, а с особенностями перевода текстов на современный русский язык. Так, например, в цитате: «Трие ми суть невозможная уразумети, и четвертаго не вем: следа орла, паряща по воздуху, и пути змиа ползуща по камени, стези корабля плывуща по морю и пути мужа в юности его» [Водолазкин 2021, с. 66] сохранение церковнославянского варианта позволяет оставить фокус внимания на «путей мужа в юности его», но и в дискурсивном аспекте указать на смещение акцента в переводе: «пути мужчины к девице». Таким образом, цитаты следует рассматривать не в аспекте интертекстуальности, а именно в дискурсивном аспекте.

Принципиально, что большинство цитат представляют собой вольное изложение без указания источника. Наиболее показательным примером в данном случае является назидательная речь героя Христофора: «Токмо не гордитесь паче меры, предупреждал их Христофор. Гордыня бо есть корень всем грехом.» [Водолазкин 2021, с. 18]. Высказывание является вольной цитатой поучения Святителю Иоанна Златоуста: «Гордость – начало греха. С нее начинается всякий грех и в ней находит свою опору» [Творения ... 1905, 575]. С одной стороны, опора на авторитет святого, а с другой – вневременная установка: второе предложение оформлено генеритивным регистром речи.

Речения, связанные с текстами молитв, представляют особый интерес. Например, речение «Слава Тебе, Господи Вседержителю, яко не остави ны» [Водолазкин 2021, с. 49] является молитвенной формулой, созданной из частей разных молитв. А во фрагменте «Если же любовь твоя, Арсение, неложна и не сотрется с течением времени, то почему же, спрашивается, вам не узнать друг друга тамо, идеже несть болезнь, ни печаль, ни въздыхание, но жизнь бесконечная.» [Водолазкин 2021, с. 99] в прямую речь включена цитата «...идеже несть болезнь, ни печаль, ни въздыхание, но жизнь бесконечная». Цитируемый текст - прямое цитирование молитвы (а именно, кондака, чина Литии) «Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих...», которая звучит в церкви во время богослужений, посвященных усопшим, – отпевания и

панихиды. Молитвенные формулы напрямую связаны с проявлением авторской интенции. Рассматриваемый кондак – первая дословная цитата из текста молитвы, появляющаяся в тексте романа с момента «падения» главного героя, а именно, его встречи с девицей Устиной. Так проявляется и реализуется дидактическое начало в романе – не в прямом назидании, а только в дискурсивном аспекте; и ставятся вопросы нравственности.

3) Пересказ чужого текста, включенный в новое произведение

Пересказ как способ повествования чаще всего встречается в эпизодах, относящихся к детству главного героя, тогда он носил имя Арсений. Пересказ текстов Ветхого завета включен в прямую речь наставника главного героя, старца Христофора. Здесь маркируется целый ряд дискурсов: педагогический, дидактический, философский, так как возникает вопрос передачи вечного знания и важности овладения кодом для его понимания. Например:

«В начале сотвори Господь небо и землю. Того ради сотвори, дабы не мнели человеци, яко без начала суть небо и земля. И разлучи Бог межю светом и тьмою. И нарече Бог свет день, а тьму нарече ночь» [Водолазкин 2021, с. 29].

Большая часть вольного пересказа текстов священного писания приведена на церковнославянском языке. Но есть и переходы на современный русский язык: «Да в общем... Христофор наморщил лоб. Окружность Луны составляет сто двадцать тысяч стадий, а окружность Солнца – приблизительно, конечно, – три миллиона стадий. Это они только кажутся маленькими, но настоящие их размеры трудно себе даже представить. Вьзди на гору высокоу и воззри на поле. Тамо пасома стада не яко ли мравие мнятся зраку твоему? Тако и светила» [Водолазкин 2021, с. 29].

Житийный путь героя от мальчика Арсения до святого Лавра – это путь духовного становления каждого – от познания кода из уст учителей – до самостоятельного порождения высказываний, оформленных генеритивным регистром речи; и путь становления Православного христианства: от «детства» и средневековых ересей до просветления и истины. Приведем пример для иллюстрации:

«Ты знаешь, страче, что в прошлом году был голод. И причиной тому была связь девки Анастасии с Дьяволом.

<...>

Анастасию мы сожгли, продолжает кузнец Аверкий, но голод не утих. О чем это говорит, страче?

Лавр переводит взгляд на кузнеца.

Это говорит о том, что в ваших головах мрак.

Ты, старче, неправ. Это говорит о том, что мы ее не сожгли». [Водолазкин 2021, с. 425]

Экспрессия на уровне синтаксиса, выраженная разрывом синтагматической цепочки, особым абзачным членением и особым пунктуационным оформлением диалога, формирует дискурсивное противопоставление света, исходящего от Господа, и мрака, в котором живут православные христиане средневековья в романе.

Диалогичность православного дискурса (понятие диалогичности ввел М. М. Бахтин [Бахтин 1979]) стирает временные границы, границы между религиозным, языческим и научным мировоззрением. Маркеры православного дискурса вступают в диалог с другими «сферами коммуникации» из определения Карасика: исторической, дидактической, философской, нравственной и т.д. Маркированные дискурсивные высказывания

воспринимаются в дискурсивном диалоге с христианским знанием и носят надтекстовый характер, что дает основания воспринимать их как позицию автора, без грамматической локализации точки зрения автора [Дымарский 2006].

Разрушение временных границ на языковом уровне: элементы, принадлежащие разным стилям и разным историческим периодам развития стилистической системы русского языка; жизненный путь героя, описанный в рамках житийного канона; дидактическое христианское начало расширяют время романа до бесконечности, а все события на векторе времени оказываются одновременными и вневременными.

Принципиальной характеристикой полидискурсивности является диалогичность всех институциональных дискурсов. Особая роль христианства для русской истории, культуры и литературы позволяет говорить о важности инициируемого автором диалога в культурологическом, дидактическом и нравственном аспектах.

Практика дискурсивного диалога требует от читателя широты знаний, способности декодировать и самостоятельно анализировать многомерное художественное повествование. В основе декодирования такого текста лежат лингвистические знания и навыки читателя, так как «анализ» и «чтение» основываются на анализе языковых маркеров дискурсов.

Дискурсивные тексты художественной литературы приобретают особое значение и становятся культурными феноменами.

Источники:

Водолазкин Е. Лавр: роман М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. – 440 с.

Литература:

Арутюнова Н. Д. Дискурс //Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 136-137.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. - М.: Искусство, 1979. – 423 с.

Белоглазова Е. В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия СПбУЭФ. 2009. №3. С. 66—71.

Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX – XX вв. Изд-е 3-е, испр. М.: КомКнига, 2006. – 296 с.

Карасик В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. С. 226-364.

Маглий А. Д. Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр» / А. Д. Маглий // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2015. № 1. С. 177-186

Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. 2-е изд., СПб, 1905. Том 11 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/ (дата обращения: 20.11.2023).

References:

Arutjunova N. D. Diskurs //Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. Jarceva. M., 1990. S. 136-137.

Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva / Primech. S. S. Averinceva, S. G. Bocharova. - M.: Iskuststvo, 1979. – 423 s.

Beloglazova E. V. Polidiskursnost' kak osobyj issledovatel'skij fokus // Izvestija SPbUJeF. 2009. №3. S. 66—71.

- Dymarskij M. Ja. Problemy tekstoobrazovanija i hudozhestvennyj tekst: Na materiale ruskoj prozy XIX – XX vv. Izd-e 3-e, ispr. M.: KomKniga, 2006. – 296 s.
- Karasik V. I. Jazykovyj krug: lichnost', koncepty, diskurs / V. I. Karasik. M.: Gnozis, 2004. S. 226-364.
- Maglij A. D. Zhanrovoe svoeobrazie romana E. Vodolazkina «Lavr» / A. D. Maglij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologija. 2015. № 1. S. 177-186
- Tvorenija izhe vo svjatyh otca nashego Ioanna Zlatousta, Arhiepiskopa Konstantinopol'skogo. 2-e izd., SPb, 1905. Tom 11 [Elektronnyj resurs]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/ (accessed: 20.11.2023).

ПРИНЦИПЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются принципы разработки/подбора учебных материалов для занятий по практической языковой подготовке будущих учителей иностранного языка, позволяющих обеспечить их ценностное ориентирование. На основе теоретического анализа проблемы и обобщения результатов исследований по вопросам аксиологии иноязычного образования предложена совокупность принципов проектирования учебных материалов, имеющих потенциал ценностного воздействия на обучающихся. Для подтверждения актуальности предложенных принципов и раскрытия их содержательного наполнения проведено анкетирование 86 будущих учителей иностранного языка в Брянском государственном университете имени академика И. Г. Петровского. В статье рассматриваются принципы: актуальности тематики, мультимедийности, визуализации, аксиологической модальности, эмоциогенности, поликультурности и рефлексивности. Решение задач ценностного ориентирования будущих учителей иностранного языка на занятиях по практической языковой подготовке станет возможным при условии подбора/проектирования учебных материалов, отвечающих совокупности выделенных принципов.

Ключевые слова: учебные материалы, ценностное ориентирование, мультимедийность, визуализация, аксиологическая модальность, поликультурность, эмоциогенность, рефлексивность.

Izotova Natalia V.

Bryansk State Academician I. G. Petrovski University

PRINCIPLES OF DESIGNING EDUCATIONAL MATERIALS FOR LANGUAGE TRAINING IN THE CONTEXT OF VALUE ORIENTATION OF FUTURE TEACHERS OF FOREIGN LANGUAGES

The article deals with the principles of design / selection of educational materials for practical language training of future foreign language teachers, which can contribute to their value orientation. Based on the theoretical analysis of the problem and generalization of research results on the axiology of foreign language education, a set of principles for designing educational materials with the value impact potential is proposed. To confirm the relevance of the proposed principles and reveal their content, a survey was conducted. 86 future foreign language teachers at the Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, studying in language training profiles were interviewed. The article discusses the principles of: relevance of the subject, multimedia, visualization, axiological modality, emotionality, multiculturalism and reflexivity. The solution of the tasks of value orientation of future foreign language teachers in practical language training classes will be possible provided that the selection / design of educational materials is based on the proposed principles.

Keywords: educational materials, value orientation, multimedia, visualization, axiological modality, multiculturalism, emotionality, reflexivity/

Современные реалии иноязычного образования в России требуют пересмотра и дополнительного изучения не только его концептуальных основ, но и реализуемых в практике иноязычного образования стратегий подготовки будущих учителей иностранного языка. По мнению Е. Г. Таревой, новые вызовы времени обусловили потребность оценить существующие лингвообразовательные тенденции с акцентом на ценностные ориентации иноязычного образования [Аксиология, 2020, с. 36].

Основной задачей современной подготовки будущего учителя является формирование у него готовности проектировать образовательную среду, направленную на нахождение баланса между культурным многообразием и сохранением и развитием культурных реалий собственной страны/нации с целью прогрессивного развития личности в информационно- и технологически-насыщенном поликультурном социуме. В профессиональном языковом образовании стала доминировать его аксиологическая, ценностно-ориентированная составляющая, собственно личность учителя приобрела ценностный смысл [Аксиология, 2020].

Безусловно, исключительное влияние на аксиологическую составляющую личности будущего учителя оказывает содержание психолого-педагогических дисциплин, реализуемых в основных образовательных программах вузов. Вместе с тем, анализ существующего опыта подготовки современного учителя иностранного языка показывает, что языковая подготовка имеет для студента зачастую первостепенное значение. В этой связи, нам представляется объективной тенденция, когда значительная часть взаимодействия студентов с аксиологическими установками и их осмысление (и, возможно, принятие) происходит на занятиях по практической языковой подготовке. В ходе изучения больших объёмов учебных материалов на иностранном языке (текстов, видео, подкастов и т.п.) и их обсуждения создается уникальная система взаимодействия культурных смыслов, а, значит, и ценностей. Именно поэтому содержание и принципы разработки/подбора учебных материалов и проектирования упражнений имеют определяющее значение для ценностного ориентирования будущих учителей иностранного языка.

Под учебными материалами мы понимаем информацию на печатном или электронном носителе, которая подбирается, системно структурируется в соответствии с целями учебной дисциплины и представляется в форме, удобной для использования в образовательном процессе [Лыгина, 2006].

Анализ современных исследований, посвященных проблемам аксиологии иноязычного образования [Аксиология, 2020], а также обобщение педагогического опыта позволили нам сформулировать основные принципы отбора учебного материала и проектирования заданий, нацеленных на ценностное ориентирование студентов: актуальность тематики, мультимедийность, визуализация, аксиологическая модальность, эмоциогенность, поликультурность, рефлексивность.

С целью более глубокого понимания особенностей применения указанных принципов и уточнения их содержания нами был проведен опрос студентов факультета иностранных языков Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, обучающихся по языковым профилям подготовки на уровнях бакалавриата (4-5 курсы) и магистратуры (1-2 курсы). Целевая аудитория для опроса была выбрана осознанно: у студентов старших курсов бакалавриата и магистрантов наблюдается достаточно высокий уровень развитости навыков самоанализа: они способны осознанно и критично определять основные черты и результаты

собственной образовательной деятельности. Всего в исследовании приняли участие 86 студентов.

Рассмотрим выделенные принципы проектирования/подбора учебных материалов и особенности их реализации на практике с позиций ценностного ориентирования, опираясь на теоретические положения исследований смежной тематики и учитывая результаты анкетирования.

Актуальность тематики позволяет привлечь внимание студента к проблеме на начальном этапе, создать первичные условия для ценностного ориентирования. В данном случае необходим учет интересов и потребностей студентов. Определить тематические предпочтения можно на основе мини-опросов и в ходе бесед с обучающимися. Кроме того, анализ результатов опроса позволит преподавателю получить предварительные данные о системе ценностей, уже сложившейся в той или иной группе. Респонденты отметили, что материалы, которые предлагает преподаватель на занятиях по языковой практике, должны прежде всего быть насыщены языковыми реалиями (77,9 %) и актуальными по тематике (76,7 %). Тематические предпочтения студентов представлены в таблице 1.

Табл. 1. Тематические профили учебных материалов по результатам анкетирования

Тема	Частотность выбора (%)
Love and Relations	74,4
Psychology	69,8
Cinema	59,3
Cultural Differences around the World	57
Music	55,8
Being a Teacher	53,5
Family Matters	47,7
Modern Technologies	43
Environment	33,7
Theatre	33,7
Political Leaders	19,8
Globalization VS Glocalization	19,8
Sport	19,8

Очевидно, что для указанной выборки опрошенных актуальными являются материалы, отражающие современный уровень развития общества: взаимоотношения людей, проблемы взаимодействия языков и культур, культурные и технологические достижения человечества, острые социальные вопросы и специфика профессиональной деятельности.

Принцип мультимедийности предполагает включенность в комплекс учебных материалов не только традиционных печатных текстов, но и мультимедиа- презентаций, инфографики, видео и аудиоматериалов. Современная образовательная среда имеет набор средств обучения более выразительных, чем текст, она оперирует не словом, а аудиовизуальными образами. При этом важно отметить, что мультимедийность материалов в данном случае основана на синкретичном сочетании эмоциональной, информативной и эстетической компоненты, в единстве задающих учебное воздействие; это делает представление захватывающим, вызывает повышенный интерес и внимание у аудитории [Сидорова,

Саланкова, 2020]. Следовательно, такие материалы способны в большей мере запоминаться и оказывать эмоциональное воздействие на обучающегося. В рамках проведенного опроса респондентам было предложено продолжить высказывание: «*Больше всего мне запоминается информация из ...*». Результаты опроса представлены на рисунке 1. По-прежнему важнейшее значение для обучающихся имеет текстовая форма представления информации (36,5 %), однако, вместе с текстовой информацией улучшают запоминание визуальные образы и инфографика (36,5 %). Указанная тенденция подтверждает, что инфографические тексты, обладая очевидной спецификой (в основе их создания лежат различные способы обработки и компоновки информации), привлекают студентов и позволяют представлять факты, явления, события и закономерности в компактном и удобном для восприятия виде, улучшая их запоминание [Клименко, 2019, с.210].

Рис. 1. Учебные материалы, позволяющие наиболее прочно запоминать информацию

Вместе с тем, чтобы определить степень эмоционального воздействия различных видов учебного материала на студентов нами предлагалось в рамках анкетирования продолжить высказывание, выбрав предложенный вариант ответа: «*Больше всего на нас оказывают влияние и заставляют размышлять ...*». Результаты анкетирования представлены на рисунке 2. Анализ полученных данных подтверждает тот факт, что наибольшее воздействие на студента оказывает видео контент (47,7 %), что свидетельствует о значительной роли визуальной составляющей учебных материалов в восприятии и осознании ситуаций, задающих аксиологические ориентиры.

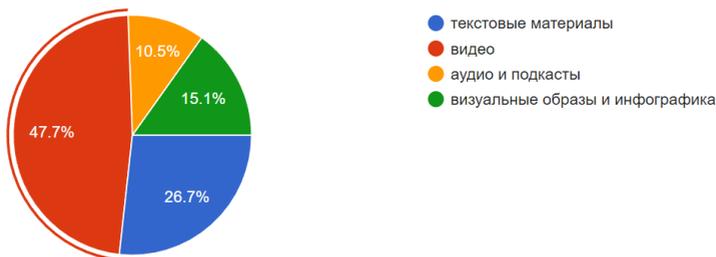

Рис. 2. Учебные материалы, позволяющие наиболее эмоционально воспринимать информацию

Таким образом, наиболее перспективными с точки зрения воздействия на память и эмоциональное состояние обучающихся, а, значит, и на процесс ценностного ориентирования, являются видеоматериалы, тексты, визуальные образы и инфографика.

Принцип **визуализации** тесно связан с предыдущим принципом, однако, имеет свою специфику, поскольку его соблюдение предполагает включение в учебные материалы средств визуализации информации. Они выполняют особую роль в образовательном процессе: знакомят изучающего иностранный язык с миром иноязычной культуры и языка, как его важной составляющей, представляя сообщения в уже переработанном, «сжатом» виде, и выступают одновременно в роли визуального стимула общения [Изотова, Буглаева, 2015]. Именно по этой причине в комплекс учебных материалов мы рекомендуем включать визуальные объекты современной культурной реальности (рекламные билборды, инфографики, афиши, вывески и т.п.). Это обеспечит создание аутентичной языковой среды на занятии по практической языковой подготовке, приблизит студента к реальным событиям, создаст ощущение «правдивости» происходящего, а, значит, обеспечит возможность воздействовать на эмоциональное восприятие событий, фактов, явлений культуры, представленных в учебных материалах.

Принцип **аксиологической модальности** предполагает присутствие в материалах аксиологических смыслов и отражение определённых ценностных ориентиров (как личностных, так и коллективных). Модальность, выражающая «характеристику объекта с точки зрения определенной системы ценностей», называется аксиологической модальностью [Ивин, 1998, с. 147]. В этой связи учебные материалы должны представлять некую систему ценностей на уровне, прежде всего, текста. Аксиологический статус событий и фактов, описываемых в тексте чаще всего вербализован – 1) *прямым способом*: выражен в высказывании с помощью определенных лингвистических средств оценочной семантики (эксплицитных и имплицитных); 2) *косвенным способом*: представлены лингвистические средства без прямой номинации оценочного смысла (эксплицитных и имплицитных) [Кобызева, 2011]. Индикаторами аксиологической модальности становятся лексические и стилистические средства: существительные и прилагательные оценочной семантики, глаголы, выражающие эмоциональную реакцию, синтаксические конструкции и т.п. Использование в учебных материалах таких прилагательных как *heart-warming*, *heart-breaking*, *awe-inspiring*, *world-changing*, отражает очевидную аксиологическую ценность изучаемых текстов и сразу же привлекает внимание обучающихся к описываемым событиям, настраивая их на определенное ценностное восприятие фактов и явлений.

Эмоциогенность связана с освещением в учебных материалах впечатляющих историй и событий, способных оставить в памяти обучающихся сильный эмоциональный отклик. Применительно к учебным материалам мы будем рассматривать эмоциогенность как способность объекта изучения (факта, явления, события или личности человека) оказывать эмоциональное воздействие на обучающегося, при этом воздействующая сила заключена в характере содержания и в личности самого реципиента [Пиотровская, 2021]. По данным опроса, к эмоциям, позволяющим посмотреть по-иному на ситуацию и/или пересмотреть свою позицию, относятся как положительные, так и отрицательные эмоции: сопереживание (46,5 % и 25,6% соответственно), радость (32,6 % и 19,8 %), возмущение (31,4 % и 15,1 %), воодушевление (30,2 % и 25,6 %). Важное значение с точки зрения вызова эмоции приобретает источник информации. Наибольший эмоциональный отклик, по мнению опрошенных, имеют истории и события из реальной жизни (64 %) и кинофильмов (23,3 %).

Поликультурность связана с представленностью изучаемого события/явления/факта в различных культурах и реализацией идеи взаимодействия культурных смыслов. С методической

точки зрения поликультурность подразумевает реализацию стратегии последовательной культурной вариативности: *родная культура-культура страны изучаемого языка-культура мира* [Исаев, 2016]. Содержание учебных материалов, опираясь на культуру родной страны и культуру страны изучаемого языка, в конечном итоге призвано акцентировать внимание на общечеловеческих ценностях, которые и выступают в силу своей универсальности как безусловный ценностный ориентир иноязычного образования в современных условиях. Важно показать актуальность универсальных ценностей на реальных примерах и событиях, подчеркивая их объединяющую роль и доказывая необходимость сопричастности обучающихся к системе *общечеловеческих традиционных ценностей*.

Рефлексивность означает нацеленность материалов на осмысление и/или сопоставление событий/явлений/фактов в различных культурах. Ценностное ориентирование в контексте иноязычного образования предполагает обобщение, сравнение и обсуждение информации, представленной в учебных материалах. Рефлексивная деятельность выступает в данном случае в качестве механизма формирования и развития личностных ценностей. Как отмечает Ермолаева Е. Г., рефлексия способствует переводу социальных мнений и ценностных представлений в индивидуальную систему ценностей [Ермолаева, 2013]. Осмысление и обсуждение культурных явлений, фактов и событий – есть основа ценностного ориентирования студентов в процессе обучения иностранному языку. Следовательно, подбор учебных материалов необходимо осуществлять с позиций потенциальной возможности провести сравнение и сопоставление фактов, событий, явлений и т.п., при этом учитывая этическую сторону вопроса: самобытность и самодостаточность изучаемых культур, их уникальность и ценность для всей глобальной цивилизации.

Таким образом, решение задач ценностного ориентирования будущих учителей иностранного языка на занятиях по практической языковой подготовке возможно при условии целенаправленного подбора/проектирования учебных материалов, отвечающих совокупности принципов: актуальности тематики, мультимедийности, визуализации, аксиологической модальности, эмоциогенности, поликультурности и рефлексивности.

Литература:

- Аксиология иноязычного педагогического образования: монография / коллектив авторов; по итогам Международного научно-практического форума, посвященного 65-летию кафедры методики преподавания иностранных языков (Москва 6-7 декабря 2019 г.) / М. А. Ариян [и др.]; под ред. А. К. Крупченко, С. В. Чернышова. – М.: МПГУ, 2020. – 376 с.
- Ермолаева Е. Г. Роль самосознания и рефлексии в процессе формирования и развития ценностно-смысловых ориентаций личности // Вестник Курганского государственного университета. - 2013. - №1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-samosoznaniya-i-refleksii-v-protseesse-formirovaniya-i-razvitiya-tsenostno-smyslovyh-orientatsiy-lichnosti> (дата обращения: 09.11.2023).
- Ивин А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифорович. – М.: ВЛАДОС, 1998 – 383 с.
- Изотова Н. В. Система средств визуализации в обучении иностранному языку / Н. В. Изотова, Е. Ю. Буглаева // Вестник БГУ. - 2015. - № 2. - С. 70-74.
- Исаев Е. А. Поликультурный подход в иноязычном образовании: вопросы методологии // Вестник БГУ. - 2016. - №3 (29). - С. 217-220.

- Клименко М. В. Инфографика как средство организации самостоятельной работы студентов языковых вузов / М. В. Клименко // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов. В 2 томах, Москва, 22–23 марта 2019 года. Том 2. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2019. С. 208-214.
- Кобызева С. В. Аксиологическая модальность и специфика ее реализации в рекламном тексте // Вестник ЧелГУ. 2011. №20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-modalnost-i-spetsifika-ee-realizatsii-v-reklamnom-tekste> (дата обращения: 07.09.2023).
- Лыгина Н. И. Учебное издание: принципы разработки, основные компоненты и виды, оценка качества / Н. И. Лыгина, Т. Ю. Сурнина, Е. М. Турло. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2006. 81 с.
- Пиотровская, Л. А. Эмотивность и эмоциональность учебного текста / Л. А. Пиотровская, П. Н. Трущелов // Слово. Словарь. Словесность: Выдающиеся имена Герценовской русистики : Сборник научных статей / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – без места : Издательские решения, 2021. С.224-231.
- Сидорова Л. В., Саланкова С. Е. Образовательное мультимедиа и методические особенности обучения его разработке // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26242> (дата обращения: 01.09.2023).

References:

- Aksiologiya inoyazychnogo pedagogicheskogo obrazovaniya: monografiya / kolektiv avtorov; po itogam nauchno-prakticheskogo foruma, posvyashchennogo 65-letiyu kafedri metodiki преподаvaniya inostrannykh yazykov [Axiology of foreign language pedagogical education: monograph / team of authors; based on the results of the International Scientific and Practical Forum dedicated to the 65th anniversary of Methods of Teaching Foreign Languages Department] (Moscow, 6-7th December 2019) / M. A. Ariyan [i dr.]; pod. red. A. K. Krupchenko, C. B. Chernyshova. M.: MPGU, 2020. 376 p.
- Ermolaeva E. G. Rol samosoznaniya i refleksii v protsesse formirovaniya i razvitiya tsennostno-smyslovykh orientatsy lichnosti [The role of self-awareness and reflection in the process of formation and development of value-semantic orientations of personality]. Vestnik Kurganskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of Kurgan State University]. 2013. No.1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-samosoznaniya-i-refleksii-v-protsesse-formirovaniya-i-razvitiya-tsennostno-smyslovykh-orientatsiy-lichnosti>
- Ivin A. A. Slovar po logike [Dictionary of Logic] / A. A. Ivin, A. L. Nikiforovich. M.: VLADOS, 1998. 383 p.
- Izotova N. V. Sistema sredstv vizualizatsii v obuchenii inostrannomu yazyku [System of visualization tools in teaching a foreign language] / N. V. Izotova, E. U. Buglaeva. Vestnik BGU [Bulletin of BSU]. 2015. No. 2. pp. 70-74.
- Isaev E. A. Polikulturny podkhod v inoyazychnom obrazovanii: voprosy metodologii [Multicultural approach in foreign language education: questions of methodology]. Vestnik BGU [Bulletin of BSU]. 2016. No. 3 (29). pp. 217-220.
- Klimenko M. V Infografika kak sredstvo organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov yazykovykh vuzov [Infographics as a means of organizing independent work of students of language universities] / M. V. Klimenko. Magiya INNO: integrativnye tendentsii v lingvistike i lingvodidaktike; sbornik nauchnykh trudov, V 2 tomakh. [Magic INNO: integrative trends in linguistics and linguodidactics: a collection of scientific papers. In 2 volumes]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2019. pp. 208-214.

- Kobyzeva S. V. Aksiologicheskaya modalnost i spetsifika ee realizatsii v reklamnom tekste [Axiological modality and specifics of its implementation in the advertising text]. Vestnik ChelGU. [Bulletin of ChelSU]. 2011. No.20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-modalnost-i-spetsifika-ee-realizatsii-v-reklamnom-tekste>.
- Lygina N. I. Uchebnoe izdanie: printsipi razrabotki, osnovnye komponenty i vidy, otsenka kachestva [Educational publication: principles of development, main components and types, quality assessment] /N. I. Lygina, T. U. Surmina, E. M. Turlo. Novosibirsk. Izd-vo NGTU. 2006. 81 p.
- Piotrovskaya L. A. Emotivnost i emotsiennost uchebnogo teksta [Emotivity and emotionality of the educational text] /L. A. Piotrovskaya, P. N. Trushchelev. Slovo. Slovar. Slovesnost: Vydavushchiesya imena Gertsenovskoy rusistiki. Sbornik nauchnykh statey. Rossiyskiy gosudarstvenniy pedagogicheskiy universitet im. A. I. Gertsena. Izdatelskie resheniya, [Word. Dictionary. Literature: Outstanding Names of Herzen's Russian Studies : A collection of scientific articles] / A. I. Herzen Russian State Pedagogical University: Publishing solutions]. 2021. pp. 224-231.
- Sidorova L. V. Salankova S. E. Obrazovatelnoe multimedia i metodicheskie osobennosti obucheniya ego razrabotke [Educational multimedia and methodological features of teaching its development]. Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. 2017. No. 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26242>

Казачкова Ю. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Слесова Е. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХОРРОР-ЛИТЕРАТУРЫ: АМЕРИКАНСКАЯ И НЕМЕЦКАЯ ТРАДИЦИИ

Данная научная статья представляет собой лингвокультурологический анализ хоррор-литературы, сосредотачиваясь на американской и немецкой традициях. Исследование охватывает языковые особенности, культурные контексты и сходства/различия в использовании жанровых элементов, а также более основательно рассматривается влияние лингвокультурных факторов на создание художественного образа страха в литературе обеих стран.

Ключевые слова: лингвокультурология, хоррор-литература, американская традиция, немецкая традиция, жанровые элементы, культурные контексты, образ страха

Kazachkova Yulia

Saint Petersburg State University of Economics

Slesova Ekaterina

Saint Petersburg State University

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF HORROR LITERATURE: AMERICAN AND GERMAN TRADITIONS

This scientific article presents a linguocultural analysis of horror literature, focusing on American and German traditions. The study covers linguistic features, cultural contexts, and similarities/differences in the use of genre elements, providing an in-depth look at the influence of linguocultural factors on the artistic portrayal of fear in the literature of both countries.

Keywords: linguoculturology, horror literature, American tradition, German tradition, genre elements, cultural contexts, image of fear

Хоррор-литература как жанр занимает особое место в мировой культуре и искусстве. Она пронизана ужасом и мистикой, заставляет читателей встречаться с самыми глубокими страхами человеческой природы. Этот жанр играет важную роль в формировании культурных идентичностей и коллективного бессознательного, а также позволяет нам погрузиться в мир таинственности и неизвестности.

Американская и немецкая хоррор-литературные традиции представляют уникальные подходы к жанру – каждая со своими особенностями, культурными символами и аллюзиями. Американский хоррор часто представляют воплощением американских мифов, образов и ценностей. Такой жанр отражает социальные и политические тревоги общества. Немецкий

хоррор, в свою очередь, уходит корнями в германский фольклор и тесно связан с германской литературной традицией, а также пронизан философскими и психологическими аспектами.

Значимость хоррор-литературы в американской и немецкой культурных традициях не ограничивается простым развлечением или созданием страшных сюжетов. Она предоставляет возможность обсудить и исследовать различные аспекты человеческой природы, моральные дилеммы, культурные табу и древние страхи, которые преследуют человечество на протяжении веков.

Говоря об американской литературной традиции, нельзя не упомянуть готический роман, зародившийся в Англии в конце XVIII века. Под словом «готический» (англ. “gothic”) изначально понималось «средневековый». Гораций Уолпол употребил в подзаголовке к роману «Замок Отранто» (1764) термин “Gothic story”. Данный роман считается родоначальником жанра готической литературы. Сам писатель говорил, что в произведении «была сделана попытка соединить черты средневекового и современного романов» [Walpole, 1764]. Помимо этого, слово “gothic” относится к готам – древнегерманским племенам, а еще так ссылались на «варварскую» средневековую культуру в эпоху Просвещения. По-другому такие романы назывались «романами ужасов» или «черными романами», а их сюжеты повествовали о мистических преданиях и легендах, о таинственном и сверхъестественном.

Говард Филлипс Лавкрафт выделил основные причины, сформировавшие атмосферу средневековых страхов, повлиявших в будущем на содержание готических романов [Назарова, 2016, с. 29-34]:

1. Противостояние официальной церкви и тайных языческих культов, вызвавшее «охоту на ведьм» в Европе.
2. Вера в наличие неких сатанинских сект; страх перед одержимостью демонами.
3. Частые эпидемии, которым приписывалась мистическая природа.
4. Постоянное столкновение средневекового человека со смертью.

В XIX веке готический роман стал популярен среди американских писателей. Одним из основоположников жанра ужасов в американской литературной традиции по праву считается Эдгар Аллан По. Его произведения стали обращать больше внимания не на внешние проявления ужасного, в которых сам ужас передается через атмосферу окружения, где будет старый замок, призраки, загадочная девушка или странные голоса, а на то, как ужас отражается в нефизических категориях, демонстрируется при помощи чувственного восприятия. Психологическое состояние героя в рамках пугающей действительности мрачных локаций, где сон и реальность смешиваются воедино, ставится на первый план при столкновении со сверхъестественным. Последователем Э. А. По стал Г. Ф. Лавкрафт. Автор писал, что «страх – древнейшее и сильнейшее человеческое чувство, но самый древний и самый сильный страх – страх неизведанного» [Лавкрафт, 1925-1927].

Лавкрафт расширяет понятие ужаса, изменяя представление о сущности зла. Безусловно, писатель затрагивает психологическое пространство персонажей, однако его монстры отличаются от классических. Он создал целую вселенную, где зло, воплощенное в виде различных инопланетных созданий, обладает невероятной силой, а человек представляется маленьким и незначительным на фоне безграничной Вселенной, что еще больше пугает читателей, подталкивая к осознанию места человечества в мире и к тому, что так много истин недоступно нашему пониманию.

Немного по-иному представила жанр ужаса немецкая литературная традиция, взглянув на готический роман через призму романтизма. В данном направлении можно выделить таких авторов, как Э. Т. А. Гофман, Генрих Вильгельм фон Клейст и братья Гримм [Павлова, 2014, с 463-474]. Герои и сюжеты их произведений часто сталкиваются с таинственными и загадочными событиями, а символика играет ключевую роль в изображении ужаса. Эти авторы обращали внимание на человеческие страхи и психологические аспекты, что создавало атмосферу мистики и неопределенности. Хотя немецкая литература не так широко известна своим вкладом в жанр хоррора, как американская, немецкие авторы внесли огромный вклад в создание мистических и ужасных произведений, а их работы остаются интересными для анализа в контексте лингвокультурологии и исследования ужаса в литературе.

Несмотря на существующие исследования в области хоррор-литературы и лингвокультурологии остается несколько важных неразрешенных вопросов. Например, сравнительные исследования между американской и немецкой хоррор-литературой являются менее распространенными, и более глубокий анализ различий и сходств между этими традициями может создать условия для формирования контекстов, в которых страх и ужас реализуются в разных культурах. Помимо этого, исследований, посвященных влиянию лингвокультурных особенностей на восприятие хоррор-литературы у читателей из разных стран, существует немного. Эта область является значимой для дальнейшего изучения, так как понимание того, какие элементы и приемы вызывают страх и ужас у реципиентов, принадлежащих к различным культурам, может предоставить важные сведения для писателей и переводчиков.

Для нашего исследования лингвокультурологического анализа хоррор-литературы в американской и немецкой традициях в качестве художественных произведений мы выбираем следующие:

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ	
The Haunting of Hill House («Призрак дома на холме») – Ширли Джексон.	Готический хоррор-роман «Призрак дома на холме» Ш. Джексона является классикой американской хоррор-литературы. Это произведение исследует темы изоляции, психологических травм и непостижимого сверхъестественного страха.
Bird Box («Птичий короб») – Джош Малерман.	Постапокалиптический роман «Птичий короб» Д. Малермана получил широкую известность благодаря уникальной идее – главные герои вынуждены жить с закрытыми глазами, чтобы избежать ужасающего зрительного контакта с неизвестными сущностями. Этот роман обращается к темам материнства, семьи и человеческого выживания в условиях безысходности и страха.
It («Оно») – Стивен Кинг.	Роман «Оно» С. Кинга, опубликованный в 1986 году, является ведущим произведением в жанре хоррора, где психологический страх играет ключевую роль. В романе С. Кинг исследует темы дружбы, силы коллективного сопротивления и страха перед неизвестным в лице клоуна Пеннивайза.

НЕМЕЦКАЯ ТРАДИЦИЯ	
Der Vorleser («Чтец») – Бернхард Шлинка.	Роман «Чтец» Б. Шлинки является значимым произведением немецкой литературы. Воплощая темы прошлого и вины, он исследует сложные отношения между главными героями, а также темы личной ответственности и моральной дилеммы. Данный роман не является типичным хоррором – произведение затрагивает темы страха и ужаса в необычной форме.
Der Sandmann («Песочный человек») – Э. Т. А. Гофман.	Короткий рассказ немецкого автора Э. Т. А. Гофмана, опубликованный в начале XIX века, является классическим примером немецкого романтического ужаса и рассказывает о страхах, связанных с человеческой психологией и навязчивыми идеями. Рассказ оказал значительное влияние на хоррор-литературу, стал частью коллективного бессознательного и вдохновил последующие поколения писателей.
Die Verwandlung («Превращение») – Франц Кафка.	Классическое произведение немецкой литературы, написанное в начале XX века. Этот роман является одним из самых известных и влиятельных произведений в жанре литературного ужаса. В нем затрагиваются сложные темы человеческой самоидентификации, изоляции и абсурдности бытия.

Выбранные произведения предоставляют уникальные возможности для сравнительного лингвокультурологического анализа хоррор-литературы в американском и немецком контекстах, а также позволяют изучить, как эти произведения воплощают культурные и языковые особенности каждой страны, влияя на создание и восприятие страха и ужаса в обществе.

Введение в американскую хоррор-традицию.

- “Hill House, not sane, stood by itself against its hills, holding darkness within” [Shirley, 1984].

Этот пример из романа «Призрак дома на холме» олицетворяет дом, изображая его так, будто он обладает злонамеренным сознанием. Упоминание о доме, «хранящем тьму внутри», является как метафорическим, так и буквальным. Предполагается, что сам дом является источником тьмы и страха.

- “Fear is the relinquishment of logic, the willing relinquishing of reasonable patterns” [Shirley, 1984].

Цитата из романа «Призрак дома на холме» наводит на размышления о природе страха. В американской хоррор-литературе нередко создаются сюжеты и образы, которые заставляют персонажей отказаться от логики и рационального мышления. Мы можем проследить за тем, как в американской хоррор-литературе страх разрушает обычные паттерны поведения и мышления человека.

- “In all our conscious minds, as we sit here, and talk, however stable we seem to be, we are utterly mad” – *The Haunting of Hill House* [Shirley, 1984];

- “It’s better to face madness with a plan than to sit still and let it take you in pieces” – *Bird Box* [Malerman, 2014].

В американской литературе ужасов исследование тонкой грани между здравомыслием и безумием является повторяющимся и заметным мотивом. Даже в моменты кажущейся стабильности и рациональности существует скрытый потенциал для безумия или погружения в иррациональность. Американская литература ужасов углубляется в психологические аспекты страха и террора, подчеркивая уязвимость человеческого разума перед внешними или внутренними силами, которые могут довести людей до безумия.

- “Whatever walked there, walked alone” – *The Haunting of Hill House* [Shirley, 1984];
- “There are things out there that will get us. And it’s not gonna stop” – *Bird Box* [Malerman, 2014];
- “The creatures won’t stop until they find us” – *Bird Box* [Malerman, 2014];
- “You’ll never see me, only your greatest fear” – *It* [King, 1986].

В американской литературе ужасов также исследуется идея встречи с неизвестным и непостижимым. Это подчеркивает явное отчуждение и страх столкнуться с чем-то, что находится за пределами понимания, за пределами того, что известно и разделяется другими. Чувство изоляции является мощным элементом в создании ощущения страха и хоррора в жанре. Цитата из «Оно» Стивена Кинга подчеркивает идею, что настоящий страх существует в неизведанных уголках нашего сознания. В таком контексте персонификация страха, представленная в виде главного злодея Пеннивайза, делает его не только иррациональным и неуловимым, но и более устрашающим, так как он становится частью самого глубокого внутреннего страха каждого человека.

Введение в немецкую хоррор-традицию.

- “Und es war wie eine Bestätigung seiner neuen Aufgabe, als er zum ersten Mal versuchte, sich aufzurichten, und sich mühsam auf den Rücken drehte” – *Die Verwandlung* [Kafka, 1915];
- “Ich weiß nicht, ob mich das zur Depression trieb oder ob es umgekehrt war, und ich weiß nicht, ob die Schuld oder die Depression mich ins Erwachsenenalter brachte” – *Der Vorleser* [Schlink, 1995].

Вышеперечисленные цитаты акцентируют внимание на теме изоляции и отчуждения, что довольно распространено в немецкой литературе ужасов. Борьба главного героя за передвижение и его физические трудности иллюстрируют его изоляцию и отчуждение – распространенный мотив в немецком хорроре. Также раскрытие прошлых поступков Ханны и нравственных дилемм, с которыми сталкивается Михаэль, создают ощущение экзистенциального страха и морального паралича.

- “Und was war er für ein Mensch gewesen! Eher hatte er auf dem Rücken gelegen und war entkräftet gewesen, als dass er sich hätte zu entschließen vermocht, auch nur ein einziges Mal seiner Mutter um Verzeihung zu bitten und alles gutzumachen.” – *Die Verwandlung* [Kafka, 1915];
- “Was immer ich getan habe, es war schlimm genug, dass ich nicht glaube, jemand könnte es mir verzeihen” – *Der Vorleser* [Schlink, 1995];
- “Meinen geliebten Vater und mein theures liebes Schwesterchen vor dem gräßlichen Unhold zu retten!” – *Der Sandmann* [Hoffmann, 1817].

Данные примеры затрагивают темы сожаления и вины, исследуемые в немецкой литературе ужасов. Саморефлексия главного героя и угрызения совести усиливают психологический ужас и внутренние терзания, характерные для этого жанра.

Немецкая литературная традиция ужасов обращается к темам изоляции, экзистенциального страха и вины. Такие элементы служат основой для создания атмосферы ужаса и психологического напряжения, что характерно для многих немецких хоррор-произведений. В обоих случаях – и в «Чтеце» Б. Шлинка, и в «Песочном человеке» Э. Т. А. Гофмана – эти темы используются для формирования мрачных и загадочных сюжетов, которые заставляют читателей задуматься над природой страха и ужаса в человеческом опыте.

Исходя из нашего анализа, мы можем выделить первоначальные образы, которые являются основными во многих произведениях американской и немецкой литературных традиций:

ОБРАЗЫ	АМЕРИКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ	НЕМЕЦКАЯ ТРАДИЦИЯ
	Различные материальные источники зла	Метаморфозы
	Иррациональный источник страха	Изоляция и отчуждение
	Безумие	Сожаление и вина
	Неизвестное и непостижимое	Экзистенциальный страх

Исследование американской и немецкой хоррор-литературы подчеркивает фундаментальные различия в подходах к созданию страха и ужаса. В американской традиции акцент делается на разнообразных материальных источниках зла, иррациональном страхе, безумии и неизвестном. С другой стороны, немецкая традиция выделяется метаморфозами, изоляцией, сожалением и виной, а также экзистенциальным страхом.

Анализ использования культурных символов и аллюзий в хоррор-литературе обеих традиций позволит нам выявить, какие элементы и мотивы характерны для каждой культурной среды и как они влияют на создание атмосферы страха и ужаса.

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ		ПРИМЕРЫ
Национальные мифы и легенды	Американская хоррор-литература часто использует индейские легенды, призраков и сверхъестественных существ (например, вампиров и оборотней). Эти символы помогают укоренить произведения в американской культуре и передать специфические национальные страхи и тревоги.	Вендиг и индейцы в романе «Последнее племя» С. Кинга: В этом романе С. Кинг использует мифологию индейцев Абенаки и образы вендиг. Сельская мифология и духи в романе «Дети кукурузы» С. Кинга. В этом романе С. Кинг использует мифы о духах и страхах перед загадочными явлениями в сельской местности.

Городская и пригородная среда	Американская литература ужасов сосредотачивается на страхах, связанных с городской жизнью, а также на таинственных событиях, происходящих в тихих районах.	В романе С. Кинга «Оно», город Дерри, штат Мэн, играет ключевую роль в создании атмосферы страха. Дерри предстает перед читателями как типичный американский город, но под его фасадом кроются темные и ужасные тайны. С. Кинг использовал город как символическую площадку, на которой раскрываются не только физические угрозы, но и внутренние страхи и травмы персонажей.
Культурные и исторические события	Американская хоррор-литература иногда использует культурные и исторические события, такие как колонизация, рабство, войны и массовые истерии, массовые убийства или социальные конфликты, для создания темной атмосферы и отражения коллективных страхов и травм.	В романе С. Кинга «Оно» в сюжете переплетаются мистические элементы с реальными социокультурными аспектами, такими как расизм, буллинг и насилие.
НЕМЕЦКАЯ ТРАДИЦИЯ		
Германские фольклорные персонажи	Немецкая хоррор-литература часто использует персонажей и существ из германского фольклора, таких как духи, ведьмы и демоны. Эти символы связаны с давними культурными традициями.	Работы таких авторов, как братья Гримм с их собранием народных сказок, а также произведения Э. Т. А. Гофмана и других интегрируют этих традиционных персонажей в свои истории.
Романтизм, экспрессионизм и готические элементы	В немецкой хоррор-литературе можно обнаружить элементы романтизма и экспрессионизма. Также используются готические мотивы, включая темные замки, мистические события и сверхъестественные явления.	Роман Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек» можно привести в качестве примера хоррор-литературы с элементами романтизма.
Философские и психологические аспекты	Немецкая хоррор-литература отличается более глубокими философскими и психологическими аспектами, отражающими германскую литературную традицию. Сюда можно включить исследование психики, сновидений и подсознания.	Кафка в произведении «Превращение» исследует тему человеческой идентичности через метаморфозу Грегора Замзы.

Исследование культурных символов и аллюзий в хоррор-литературе обеих традиций поможет нам лучше понять, как каждая культура воплощает свои уникальные страхи, мифы и образы в художественных произведениях. Это позволит оценить, каким образом лингвокультурологические аспекты формируют представление о страхе и ужасе в разных культурных контекстах и как это влияет на интерпретацию и рецепцию хоррор-литературы.

Исследование человеческой природы	Хоррор-литература затрагивает темы человеческих страхов, желаний и темных сторон личности. Благодаря этому читатель осознает сложность и противоречивость человеческой природы.
Социокультурные особенности	Некоторые хоррор-произведения могут быть использованы авторами для комментирования социокультурных явлений, проблем и вызовов. Автор может поднять вопросы о справедливости, неравенстве, аморальности и другие актуальные социальные темы.
Расширение границ воображения	Хоррор-литература представляет читателям миры и ситуации, которые являются абсурдными или невероятными.
Эмпатия и чувствительность	Чтение хоррор-литературы может помочь развить эмпатию и чувствительность к чужим страхам и тревогам, формируя более толерантное и сострадательное общество.

Однако следует также учитывать, что хоррор-литература, особенно описывающая насилие и жестокость, может иметь негативные последствия и травмировать некоторых читателей. Поэтому важно соблюдать этические принципы и создавать контент, поддерживающий психологический комфорт и безопасность аудитории.

Цветан Тодоров в своих литературных исследованиях неоднократно подчеркивал, что такие произведения нередко выступают «как зеркало для общественных страхов и тревог». Они могут отражать коллективные ценности и оказывать поддержку.

С. Кинг как активный автор и популяризатор хоррор-литературы также не раз высказывал мнение о хоррор-литературе – он рассматривает произведения в жанре ужаса как средство обсуждения и исследования общественных и личных страхов. Таким образом, хоррор-литература играет важную роль в формировании культурных ценностей и норм, расширении понимания человеческой природы. Однако авторы и читатели должны быть осознанными в использовании и восприятии хоррор-контента, чтобы обеспечить позитивное и вдохновляющее воздействие на общество.

В заключение хоррор-литература является отражением культурных особенностей и социокультурного контекста каждой страны. Любая культура формирует уникальное представление о страхе и ужасе, что находит отражение в литературе и влияет на восприятие читателями. Эмоциональная роль хоррора, лингвистические особенности и воздействие на общество выделяют различия в подходах и тематиках. Данное исследование предоставляет основу для глубокого понимания того, как хоррор влияет на культуру и общество, а также указывает на необходимость дальнейших исследований в этой области.

Литература:

Назарова Ю. В. – Текст: непосредственный // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2016. – № 2(18). С.29–34.

- Павлова, Н. С. Ни классик, ни романтик: Генрих фон Клейст и его стиль / Н. С. Павлова // История немецкой литературы: новое и новейшее время. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2014. С.463-474.
- Пушкина А. А. Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2, № 2. С.319–330.
- Осовский О. Е., Бурькина Т. М. Готическая традиция в англоязычной прозе: история и современность. Обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: реф. журн. – 1998. – № 2. С.48–66.
- King S. IT / Stephen King. New York: Viking, 1986. 1138 p.
- Malerman, J. (2014). Bird Box. Noura Books.
- Shirley J. The Haunting of Hill House. London, Penguin Books, 1984.
- Hoffmann E. T. A. Der Sandmann, 1817.
- Kafka F. Die Verwandlung. 1993 Routledge
- Schlink B. Der Vorleser. Bern: Diogenis, 1995.

Источники:

- Лавкрафт Г. Ф. Сверхъестественный ужас в литературе. 1925-1927. URL: <http://literature.gothic.ru/hpl/hpl-esse.htm>
- Walpole, Horace. The Castle of Otranto: A Gothic Story. Ed. Jack Lynch. <https://andromeda.rutgers.edu/~jlynch/Texts/otranto.html>

References:

- Nazarova Y. V. –Text: immediate // Humanitarian Vedomosti TSPU named after L. N. Tolstoy. – 2016. – № 2(18). – 29-34 p.
- Pavlova, N. S. Neither classic nor romantic: Heinrich von Kleist and his style / N. S. Pavlova // History of German Literature: New and Modern Times. - Moscow: Russian State University for the Humanities, 2014. – 463-474 p.
- Pushkina, A. A. Gothic novel and the emergence of neo-Gothic direction in culture // Bulletin of the Pushkin Leningrad State University. – 2015. – Т. 2, № 2. – 319-330 p.
- Osovsky O. E., Burykina T. M. Gothic tradition in English-language prose: history and modernity. Review // Social and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 7, Literary Studies: ref. magazine – 1998. - № 2. – 48-66 p.
- King S. IT / Stephen King. New York: Viking, 1986. 1138 p.
- Malerman, J. (2014). Bird Box. Noura Books.
- Shirley J. The Haunting of Hill House. London, Penguin Books, 1984.
- Hoffmann E. T. A. Der Sandmann, 1817.
- Kafka F. Die Verwandlung. 1993 Routledge
- Schlink B. Der Vorleser. Bern: Diogenis, 1995.

Sources:

- Lovecraft G. F. Supernatural Horror in Literature. 1925-1927. URL: <http://literature.gothic.ru/hpl/hpl-esse.htm>
- Walpole, Horace. The Castle of Otranto: A Gothic Story. Ed. Jack Lynch. <https://andromeda.rutgers.edu/~jlynch/Texts/otranto.html>

Китаева Е. М., Озерова О. В.
Санкт-Петербургский государственный университет
Батурина Ю. В.
Независимый исследователь

КРЕАТИВНОЕ ПИСЬМО В КУРСЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

В настоящее время потребность в квалифицированных специалистах, способных творчески применить полученные во время обучения знания, умения и навыки, высока. Цель и задачи настоящего эксперимента - выяснить, целесообразно ли использовать «креативное письмо» в курсе английского языка для специальных целей (ESP) для развития у студентов креативных навыков, выявить и описать реакцию студентов на предлагаемые задания. В пилотном эксперименте приняли участие 43 студента бакалавриата и 16 магистрантов Факультета психологии СПбГУ. Работа в рамках эксперимента велась только в исследуемых группах. Анкета, разработанная преподавателями, опросник DAT и тест субъективной оценки творческих способностей были использованы для определения эффективности данной методики. Основными техниками креативного письма, которые предлагались студентам, стали техника свободного письма, свободного сфокусированного письма и рефлексивное письмо. Задания разрабатывались на основе художественных текстов и произведений искусства. Анализ полученных данных показывает, что студенты были полностью вовлечены в процесс. Несмотря на то, что выборка эксперимента и его продолжительность недостаточны для однозначных выводов, можно сказать, что методика креативного письма работает эффективно в рамках курса ESP и вызывает интерес у студентов.

Ключевые слова: курс ESP, креативное письмо, свободное письмо, свободное сфокусированное письмо, рефлексивное письмо

Elena Kitaeva, Olga Ozerova
St Petersburg University
Julia Baturina
Independent researcher

CREATIVE WRITING IN THE ESP COURSE

Nowadays there is a growing demand for qualified specialists who know how apply their knowledge and skills and be able to think outside the box. The aim and objectives of the present experiment are to find out, whether employing creative writing in an ESP course contributes to the development of creative skills in students, and to describe their involvement into the process. This pilot study was conducted at the Faculty of Psychology, St Petersburg University. The sample consisted of 43 bachelor students and 16 master's students.

The classes were held by qualified ESP instructors, trained at SPbU to teach creative writing. An inquiry form developed by the course instructors, DAT questionnaire and Self-assessment test of

Diagnostics of personal creativity were used to measure the efficiency of the method. Students were offered the basic creative writing techniques: free writing, free focused writing, and reflective writing. The study showed that students became deeply involved in the study process. The beginning of the experiment period was marked with significant effort applied by the students. Further into the study it became obvious that students got used to the tasks' procedure and requirements and opted for more non-standard ways to solve it. The sample of the experiment presented and the duration of it do not allow for major conclusions, and further investigation is needed. However, it can be stated that creative writing techniques are efficient in the ESP course and provide positive feedback from the students.

Keywords: ESP course, creative writing, free writing, free focused writing, reflective writing

Креативное письмо в курсе ESP

Жизнь в современном мире требует от человека не только определенного запаса знаний, но и их адекватного применения. Для реализации личного и профессионального потенциала, будущим специалистам необходимо развитое мышление в сочетании с инициативностью и способностями к творчеству. В настоящее время освоение учебного материала университетской программы возможно с помощью целого спектра методик, часть которых направлена на развитие у студентов креативности.

Сегодня растет потребность в квалифицированных специалистах, способных творчески переработать и применить полученные во время обучения знания, умения и навыки. По мнению Т. А. Ляховой: «... уже недостаточно обеспечить овладение студентами суммой знаний и компетенций, а требуется формирование готовности студента к реализации своего личного и профессионального потенциала на высоком уровне качества, проявляя творчество, инициативность, профессионализм» [Ляхова, 2013, с. 17]. В процессе творческого мышления в полной мере раскрываются способности человека, его творческий потенциал, который получает выражение в быстром усвоении знаний, самостоятельном оперировании ими» [Ляхова, 2013, с. 160].

Настоящее пилотное исследование ставит своей целью выяснить, как креативное письмо, в рамках курса английского для профессиональных целей (ESP), помогает развить креативность и активизировать творческое мышление, а также выявить и описать реакцию студентов на предлагаемые, выходящие за рамки профессионального английского, задания. Задачами эксперимента были: стимулировать активный поиск новой информации, поощрять интенсивно проявляющуюся познавательную потребность; стимулировать творческую поисковую активность и способность к нахождению нестандартных решений; активировать способность прогнозирования и предвидения; создать возможность формирования идеалов, определяющих высокие интеллектуальные, эстетические, нравственные оценки [Кибальченко, 2021].

Обзор литературы

Исследователи, занятые проблемой креативного письма, высказывают различные точки зрения при определении термина. Так, Г. Бреннер говорит о новых, экспериментальных выразительных средствах речи, которые принципиально не должны быть новыми. Данные средства должны являться новыми для конкретных учащихся [Brenner, 1998, p. 15]. По мнению К. Шпиннера, в процессе креативного письма активно задействована сила воображения для создания нового, по крайней мере нового взгляда на нечто уже известное [Spinner, 1993, p. 21].

Креативное письмо является как отражением своего «Я», мыслей и чувств автора текста, так и инструментом для лучшего понимания других людей [Schreiter, 2002, p. 13]. В. А.

Покидова определяет креативное письмо как «один из методов активного обучения... вид письма, который выходит за рамки академической или профессиональной деятельности студентов, технической и учебно-методической литературы, имеет повествовательную форму изложения, предполагает создание главных героев, персонажей текста и их развитие, используя при этом различные средства выразительности» [Покидова, 2016, с. 64].

Обобщив, можно сказать, что креативное письмо – это навык свободного письма, задействующий творческий потенциал студента, и развивающий его творческое мышление. Включение заданий по креативному письму в цикл занятий позволяет быстрее достичь успеха в изучении ряда академических дисциплин, в том числе – английского языка как иностранного.

В процессе исследования в работе со студентами использовались различные техники креативного письма, а именно свободное нефокусированное письмо, свободное сфокусированное письмо и рефлексивное метакогнитивное письмо.

Свободное нефокусированное письмо – *free writing* – стратегия письма, предложенная в 1973 году Питером Элбоу (Peter Elbow) [Позднякова, 2018]. По своей сути, свободное нефокусированное письмо сходно мозговому шторму в письменной форме: пишущий свободно излагает мысли на бумаге, без какой-либо заданной темы. На выполнение задания дается от 3 до 5 минут [MIT Global Studies & Languages]. Важнейшей характеристикой является непрерывность такого изложения. Такая техника позволяет улучшить беглость речи при изучении иностранного языка: непрерывное письмо на иностранном языке обеспечивает и непрерывный мыслительный процесс на этом языке. [Позднякова, 2018]. Студенты осведомлены, что никто не прочитает написанное ими в рамках этого задания, и свобода, с которой они выражаются на письме, позволяет в дальнейшем четче формулировать мысли и находить важные идеи.

Свободное сфокусированное письмо – *focused free writing* – также выполняется непрерывно, но уже имеет заданную тему: это направляет внимание пишущего; работая с текстом позднее, он может удалить все идеи не по теме, или идеи, не поддерживающие основной тезис текста [Fawcett, 2018]. Формулировка темы должна обеспечивать вариативность мнений или подходов. Хотя определенных требований к форме и объему изложения нет, студенты знают о том, что их попросят показать небольшой фрагмент. Такая методика работы с текстом позволяет сконцентрироваться на заданной теме и сориентировать письменный текст на адресанта. Время выполнения задания 5–10 минут [MIT Global Studies & Languages].

Техника свободного сфокусированного письма организует ход мыслей пишущего [Vilardi, 2009]. Так, студент может продвинуться в понимании заданной темы, поиске ключевых слов, и новых направлений для будущей работы [MIT Global Studies & Languages].

Рефлексивное метакогнитивное письмо – *reflective writing* – выполняется по мотивам просмотренного/прочитанного материала [Воробьева, с. 172]. Автор текста пытается передать свой мыслительный процесс, задействовав прием интроспекции: описывает сцену, событие или воспоминание, и анализирует, добавляя к тексту свое восприятие. Студент может обратить внимание на детали в изменении понимания темы письма, свои эмоции и состояние в целом в процессе выполнения работы.

Рефлексивное письмо метакогнитивно по своей природе, т. к. ученый – наблюдатель в момент эксперимента находится внутри процесса, или модели, в противовес классической научной модели, где ученый – всегда наблюдатель *внешний*. Именно метакогнитивность помогает пишущему лучше развивать рефлексивность, и подняться над буквальным смыслом текста. Задание на рефлексивное письмо выполняется в течение 10 минут. [Воробьева, с. 172].

Внедрение рефлексивных практик в изучение иностранного языка улучшает понимание студентом поставленных задач, и делает обучение более эффективным [Алмабекова, 2012, с. 17]. В настоящее время такие техники письма приобретают все большее значение для обучения. Письмо, организованное по любой из предложенных методик, помогает студенту пройти путь от знания к действию, развивает критическое мышление и навыки аргументации.

Дизайн эксперимента и методы.

В пилотном эксперименте в 2021/ 2022 учебном году приняли участие 43 студента бакалавриата и 16 магистрантов Факультета психологии СПбГУ. Занятия проводили преподаватели, ведущие курс ESP и прошедшие курс подготовки по креативному письму на базе СПбГУ. Работа в рамках эксперимента велась только в исследуемых группах; контрольные группы не привлекались.

При организации процесса обучения креативному письму соблюдались следующие требования: психологическая комфортность; достаточный языковой уровень, наличие языковой и креативной среды.

Психологическая комфортность достигалась путем предварительной договоренности о возможности свободного письменного выражения собственных суждений и избегании критических оценок работ других студентов в ходе урока.

Языковой уровень подготовки студентов соответствовал уровню B1- B2, согласно Европейской шкале языковой компетенции.

Языковая среда организовывалась посредством коммуникации на иностранном языке.

Креативная среда подразумевала «свободу действий, отсутствие принуждения к выполнению упражнения тем или иным способом; поощрение инициативы и риска; присутствие необычных, оригинальных примеров заданий, решений, ответов, тем, способов деятельности, вопросов и т. д.» [Житкова, 2021, с. 54]. В ходе занятий использовались такие техники как ассоциирование, креативное изложение, личная эмпатия, составление рассказа из нескольких малосвязанных слов, смена ролевых функций.

Все преподаватели использовали методики свободного письма, свободного сфокусированного письма, рефлексивного письма; работа велась как индивидуально, так и в малых группах.

Материалом для восприятия и последующего творческого анализа стали художественные тексты, визуальные образы и отрывки музыкального произведения.

Примерный план занятий выглядит следующим образом:

1. Вводная часть занятия – выполнение задания свободного письма на английском языке, без темы, заданной преподавателем.
2. Основная часть – работа с текстом (снятие языковых трудностей для понимания сложных конструкций, а также составления краткого словаря незнакомых слов и выполнения упражнений на понимание текста)
3. Блок творческих заданий на основе текста, который включал письменную и устную части

Целью занятий являлось формирование умения строить свободное/сфокусированное свободное/ рефлексивное письменное сообщение.

В ходе уроков реализовывались следующие задачи:

1. развивать умение описания ситуации/произведения искусства;
2. осваивать употребление маркеров оценочных суждений при описании;
3. строить аргументированное высказывание с использованием аргумента и его поддержки для убеждения адресата;
4. тренировать самонаблюдение и рефлексию при описании действующих лиц и ситуаций;
5. учиться при описании выбирать вариант развития ситуации из поля возможных.

Рассмотрим более подробно одно из занятий на тему «*Иллюзорный мир*» по картине Нила Саймона. В основной части занятия, после знакомства с картиной, студенты письменно излагали свою версию сюжета, а также возникшие ассоциации и мысли. Затем студентам предлагалось вспомнить и передать на письме свое эмоциональное состояние в процессе восприятия картины, а также придумать ей название. После обмена мнениями в группе, преподаватель сообщал авторское название картины, а также кратко рассказывал студентам о личности и творчестве автора.

На стадии сфокусированного свободного письма было предложено задание: «Опишите место, в котором могла бы находиться эта картина». По завершении работы, студенты по желанию зачитывали свои работы. Также, студенты письменно составляли портреты владельцев этой картины, описывали их внешность, черты личности, вкусы, привычки, манеру говорить. Представив, что описываемую картину могут окружать другие художественные произведения, студенты подбирали им названия.

После составления собственного списка из 4 названий студенты в подгруппах по 3 человека составляли один общий список, включающий только 5 названий. Для согласования общего списка, и убеждения участников группы в необходимости внести конкретное название картины в общий список, студенты использовали аргументацию и приемы убеждения.

Стоит коснуться еще одного занятия для освоения техники креативного письма, во время которого студенты выполняли задание на основе краткого отрывка из рассказа *Roads of Destiny* by O.Henry.

На индивидуальном этапе творческой работы студенты письменно составляли описание участников диалога, выявляли наличие конфликтной ситуации, определяли повод для столкновения интересов участников диалога. Затем, часть из составленных сообщений были зачитаны в аудитории.

На втором этапе работы, выявлялись ведущие сюжетные линии в описании, и на основе схожести описаний формировались малые группы. Заданием было письменное составление коллективного варианта разрешения предложенной ситуации; представитель каждой группы зачитывал вариант. Затем, из всех ответов, выбирался наиболее удачный.

На проведенных занятиях в процессе эксперимента решались следующие задачи: 1) стимулировать познавательную потребность студентов; 2) развивать их творческую поисковую активность; 3) улучшать способность к нахождению нестандартных решений; 4) активировать способность прогнозирования и предвидения.

В завершение цикла занятий был проведен опрос студентов с применением: анкеты, разработанной преподавателями – участниками эксперимента, опросника Divergent Association Task (DAT) [Olson, 2021] и теста субъективной оценки Diagnostics of personal creativity.

Результаты и обсуждение

Анализ данных показал, что креативное письмо способствует развитию вербальной креативности; творческого потенциала; формирует навык разрешения конфликтных ситуаций; развивает способности прогнозирования; тренирует воображение; улучшает критическое мышление; учит выражать свое мнение и аргументировать свою позицию.

Первая анкета была разработана преподавателями. Она состояла из 10 вопросов, как открытых, так и закрытых. В закрытых вопросах, студентам предлагалось оценить по десятибалльной шкале уровень интереса к предложенной деятельности, уровень психологической комфортности, уровень обеспечения креативной среды в процессе занятий. Открытые вопросы были связаны с обучением иностранному языку, например: был ли достаточным языковой уровень студента при создании образцов креативного письма, как повлияли занятия по креативному письму на развитие речевых умений, способствовала ли креативная среда развитию речи на иностранном языке.

При анализе анкеты было выявлено, что студенты заинтересованы в освоении креативного письма, а по мере работы их интерес возрастает.

Студенты положительно оценили уровень психологической комфортности и оценили этот фактор как одно из важнейших условий для создания креативной среды.

Необходимый языковой уровень, который требовался для работы на занятиях, был заявлен как B2, поэтому студенты уверенно отвечали на вопрос о том, был ли он достаточен.

78% студентов отметили, что занятия по креативному письму заметно повлияли на развитие их речевых умений; 22% студентов не смогли отметить столь заметного влияния.

Следующим шагом нашего анализа стало исследование креативности у студентов. Отметим, что до начала эксперимента студенты также измеряли свой уровень креативности, выполняя задачу на дивергентную ассоциацию (DAT) [Olson, 2021]. Тестирование на развитость дивергентного мышления – важного компонента креативности – позволяет определить, в какой мере человек способен мыслить нестандартно, например, избегать ассоциативных связей при выполнении вербальной задачи. Оценка уровня дивергентного мышления проводится с учетом развитости четырех важнейших аспектов этого мышления, среди которых: оригинальность ответа – *Originality*- статистически низкая частотность выбора того или иного варианта; качество ответа – *Fluency*- количество предложенных решений; гибкость – *Flexibility* -степень отличия решений друг от друга, иначе говоря- принадлежат ли все предложенные решения одной ветви размышлений, или разным; детальная проработка ответа – *Elaboration*- количество деталей и нюансов в решении.

Для изучения изменений уровня креативности студентов мы обратились ко второму инструменту анализа - Self-assessment тесту - тесту субъективной оценки *Diagnostics of personal creativity*. Это опросник заданий закрытого типа из 50 утверждений, которые помогают раскрыть качества личности, связанные с креативностью [Tunick Tests].

Анализ показал, что в ходе работы все 4 основных элемента дивергентного мышления преобразились. Во время первых попыток развития дивергентного мышления, студенты давали статистически частотные ответы, предлагали не более одного решения, думали в одном ключе, не прорабатывали детали и нюансы финального решения.

Однако в середине эксперимента студенты зарегистрировали следующие изменения: выросло количество возможных ответов; улучшилась детализация и степень продумывания различных сценариев; ответы стали отличаться оригинальностью, а решения эффективностью.

Использование инструментов анализа, направленных на выявление субъективной оценки, в рамках данного исследования оказалось оправданным, т. к. качественные данные на данном этапе превалируют над количественными ввиду статистической незначительности имеющейся выборки.

Заключение

Включение в курс ESP различных техник и методов креативного письма демонстрирует свою эффективность. Создание креативной среды и атмосферы психологического комфорта позволили студентам раскрыть свои навыки и приобрести новые; студенты преуспели не только в освоении техник креативного письма, но и улучшили свои профессиональные качества – критическое мышление, наблюдательность, способность рефлексировать и сопереживать, и т.п.

Для продолжения исследования на следующем этапе было бы перспективным: расширить выборку по количеству специальностей; дать задания не только на основе художественных материалов, но и на визуальном и текстовом материале будущей специальности; провести опрос преподавателей об эффективности методики.

Несмотря на то, что выборка эксперимента и его продолжительность недостаточны для однозначных выводов, можно сказать, что полученные данные доказывают уместность применения техник креативного письма в обучении иностранному языку, и их эффективность в курсе ESP.

Литература:

- Алмабекова О. А. Рефлексивная практика как технология обучения иностранному языку для профессиональных целей. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (13). С. 16–20. С 17.
- Воробьева М. В., Кочухова Е. С. Зачем преподавателю философии методики из системы либерального образования. Случай регионального вуза. Вопросы образования 2017. № 1. С.167-181. С.172. <http://vo.hse.ru>.
- Житкова Е. В., Карпова Н. А., Козловская Е. В. Креативное письмо при обучении взрослых иностранному языку. Учебно-методическое пособие. Томский государственный университет. Томск, 2021. 108 с.
- Кибальченко И. А. Психология креативности, одаренности и гениальности: учебник / И. А. Кибальченко, Т. В. Экса Кусто; Южный федеральный университет.; Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021.; 237 с.
- Ляхова Т. А. Творческое развитие личности студента в условиях реализации компетентностного подхода в вузе. (Докторская диссертация). Москва, 2013. С. 25.
- Позднякова А. А., Чепкова Т. П. Теория свободного письма и ее влияние на современную орфографию. Преподаватель XXI век. 2018/2. С. 367–375.
- Покидова В. А. Технология креативного письма в обучении иностранному языку в вузе// Высшее образование сегодня. 2016. С. 64–68.
- Brenner G. Creative writing: a handbook for the training. Berlin, Cornelsen Scriptor Publ.,1998, 192.
- Fawcett, S. 2018. Evergreen: A Guide to Writing with Readings (11th ed.). Boston, MA: Cengage Learning.
- MIT Global Studies and Languages. The Writing Process. <https://writingprocess.mit.edu/>
- Olson J. A., Nahas J., Chmoulevitch D., Webb M. E. Divergent Association Task (DAT). Retrieved from <https://www.datcreativity.com/>

- Schreiter I. Trying to write. Creative writing for people who learn German as a foreign language. Munich. Lidicum Publ., 2002. 235 c.
- Spinner K. Creative writing. Praxis Deutsch, 1993, No. 119. 17–23.
- Tunick E. E. Diagnostics of personal creativity. Retrieved from <https://voilokmaikop.ru/en/tunik-luchshie-testy-na-kreativnost-diaagnostika-lichnostnoi.html>
- Vilardi, T. and Chang, M. (Eds.) 2009. Writing Based Teaching: Essential Practices and Enduring Questions. New York, NY: State University of New York Press.

References:

- Almabekova O. A. Refleksivnaya praktika kak tekhnologiya obucheniya inostrannomu yaziku dlya professionalnykh tseley. [Reflective practice as a foreign language learning technology for professional use]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philological Sciences. Theory & Practice]. Tambov: Gramota, 2012. No. 2 (13), 16–20. 17 p.
- Vorobieva M. V., Kochukhova E. S. Zachem prepodavatel'nyy filosofii metodiki iz sistemy liberalnogo obrazovaniya. Sluchay regionalnogo vuza. [Why a philosophy teacher would use liberal education teaching methods. A regional college case]. Voprosy obrazovaniya. [Educational Studies]. 2017. No. 1, 167-181. 172 p. <http://vo.hse.ru>.
- Zhitkova E. V., Karpova N. A., Kozlovskaya E. V. Kreativnoye pismo pri obuchenii vzroslykh inostrannomu yaziku. [Creative writing in foreign language learning for adults] Uchebno-metodicheskoye posobie [a study-guide]. Tomskiy gosudarstvennyy universitet. Tomsk, 2021. 108 p.
- Kibalchenko I. A. Psihologiya kreativnosti, odarennosti i genialnosti: uchebnik/ I. A. Kibalchenko, T. V. Eksta Kusto; [Psychology of creativity, giftedness and genius: a textbook]. Yuzhniy federalniy universitet; Rostov-na-Dony; Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo federalnogo universiteta, 2021, 237 p.
- Lyakhova T. A. Tvorcheskoye razvitiye lichnosti studenta v usloviyakh realizatsii kompetentnogo podkhoda v vuze. [Creative personality development in students of higher education institutions employing the competent-based approach]. (Doktorskaya dissertatsiya). [Doctor of Sciences dissertation]. Moscow, 2013, 25 p.
- Pozdnyakova A. A., Chepkova T. P. Teoriya svobodnogo pisma i ee vliyaniye na sovremennuyu orfografiyu. [Free writing theory and its impact on modern orthography]. Prepodavatel XXI vek. [Prepodavatel XXI vek]. 2018/2, 367–375.
- Pokidova V. A. Tekhnologiya kreativnogo pisma v obuchenii inostrannomu yaziku v vuze [Creative writing technology in foreign language learning for higher education institutions]// Vyshee obrazovanie segodnya. [Higher education today], 64-68.
- Brenner G. Creative writing: a handbook for the training. Berlin, Cornelsen Scriptor Publ., 1998, 192.
- Fawcett, S. 2018. Evergreen: A Guide to Writing with Readings (11th ed.). Boston, MA: Cengage Learning.
- MIT Global Studies and Languages. The Writing Process. <https://writingprocess.mit.edu/>
- Olson J. A., Nahas J., Chmoulevitch D., Webb M. E. Divergent Association Task (DAT). Retrieved from <https://www.datcreativity.com/>
- Schreiter I. Trying to write. Creative writing for people who learn German as a foreign language. Munich. Lidicum Publ., 2002. 235 p.
- Spinner K. Creative writing. Praxis Deutsch, 1993, No. 119. 17–23.
- Tunick E. E. Diagnostics of personal creativity. Retrieved from <https://voilokmaikop.ru/en/tunik-luchshie-testy-na-kreativnost-diaagnostika-lichnostnoi.html>
- Vilardi, T. and Chang, M. (Eds.) 2009. Writing Based Teaching: Essential Practices and Enduring Questions. New York, NY: State University of New York Press.

Климовская А. Я.

Санкт-Петербургский государственный университет

**ОБРАЗ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦА –
РОМАНЫ БАРБАРЫ ПИМ 1950-Х**

Предметом исследования стал художественный образ второй Мировой войны в прозе британской писательницы Барбары Пим (1913–1980), непосредственной свидетельницы военных событий. Пим оставила после себя и художественный отклик («Превосходные женщины» (1952), «Сосуд, полный благословений» (1958)), и документальный отчет о событиях войны в дневниках «Очень личный взгляд» (1985). Тексты анализируемых романов и дневников интерпретируются с помощью методов сравнительно-сопоставительного, мотивного, дискурсивного анализа и гендерного подхода. Вторая Мировая война описана Пим ретроспективно, она не выносится в центр событий, но присутствует в завуалированных ссылках. Исторические события представляют для писательницы интерес в той мере, в которой они воздействует на частную жизнь, и отражаются в виде субъективных впечатлений. Делается вывод о том, что тема войны активно развивается романисткой в аспекте повседневности. Жестокие обстоятельства войны не лишают персонажей Пим естественной тяги к личной жизни. В этом состоит гендерное своеобразие трактовки образа войны. Война, воссозданная Пим, меняет повседневную жизнь британских женщин, их облик и гендерные роли.

Ключевые слова: Барбара Пим, художественный образ второй Мировой войны, роль женщин в войне, послевоенный британский женский роман 1950-х, гендерная роль

Alisa Ia. Klimovskaia

Saint Petersburg State University

**THE IMAGE OF WORLD WAR II WITNESSED AND REFLECTED BY BARBARA
PYM IN HER NOVELS OF THE 1950S**

The article deals with the artistic image of World War II in the prose of the British writer B.Pym (1913–1980) who was the witness of those events. Pym left both novels (“Excellent Women” (1952), “A Glass Full of Blessings” (1958) and diaries and memoirs (“A Very Private Eye” (1985)) devoted to the war. Methods of comparative, motif, discourse analyses as well as gender approach are applied to the above texts. The war is described in a retrospective way. It is not in the center of the narrative, but referred to implicitly in subjective impressions. The everyday life of men and women in the postwar London is described by Pym as a novelist. It is concluded that the accent is put on daily life with its pursuit of personal relationships. This characterizes the gender peculiarity of the topic treatment. The war reconstructed by Pym changes the everyday routine of British women, their appearance and gender roles.

Keywords: Barbara Pym, the artistic image of World War II, women`s role in the war, the British post-war women`s novel of the 1950s, gender role

Статья посвящена авторской трактовке темы второй Мировой войны британской писательницей Барбарой Пим (1913–1980), которая стала непосредственным очевидцем военных событий. Избранная тема представляется актуальной, ибо позволяет проанализировать роль второй Мировой войны в жизни британцев – ее современников и потомков. Кроме того, эта тема не становилась предметом отдельного исследования в обширной англо-американской критической литературе о творчестве Пим и, тем более, в России, где творчество Пим не привлекало внимания отечественных литературоведов.

Во время войны, в которую Великобритания вступила 1 сентября 1939 г., в отсутствие ушедших на фронт мужчин женский труд стал необходимым и для отдельной семьи и для страны в целом. «Вклад женщин Великобритании в победу во Второй мировой войне», по свидетельству О. Г. Сидоровой, исследовавшей эту проблематику на примере более молодых британских писательниц, «был очень заметным» [Сидорова, 2023, с. 121]: в декабре 1941 г. незамужние женщины от 19 до 30 лет были в обязательном порядке мобилизованы «для службы во вспомогательные военные части, для работы на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве» [Сидорова, 2023, с. 121]. Подтверждением вышесказанному служит следующий факт из биографии Пим, которой в начале войны исполнилось 26 лет: в 1939–41 гг. в родном городке Освестри в уэльском графстве Шропшир она занималась волонтерской помощью военным и эвакуированным, работала медсестрой в солдатском лагере, а с октября 1941 г. служила в Бристоле цензором по ведомству гражданской переписки, где получила богатейший материал о буднях военной жизни. С июля 1943 г. она состояла на службе в женском вспомогательном корпусе ВМС, которая с 1944 по 1945 гг. проходила в Неаполе. [Об этом подробнее см.: Holt, 1985, с. 134–137].

В годы войны Барбара вела документальный отчет о ее событиях в дневниках, изданных вместе с письмами и записными книжками посмертно ее сестрой Х.Пим и ее лучшей подругой и литературным редактором Х.Холт под названием «Очень личный взгляд» (1985). Отдельная глава мемуаров со вступлением Холт представляет собой скупой детальный отчет о военных буднях, причем акцент ставится автором на повседневной стороне жизни с ее маленькими радостями. Война в трактовке Пим не отменяет личной жизни, которая ассоциируется с чередой неудач, несомненно, оказавших влияние на мировосприятие будущей писательницы. В 1939 г. предметом воздыханий Пим становится восемнадцатилетний Дж.Эймери, будущий известный политик, член парламента, привязанность к которому нашла свое отражение в романах и рассказах конца 30-х гг., которые в большинстве своем остались неопубликованными. Тяжелым ударом оказался и разрыв с писателем Г.Глоувером в 1943 г. В военные годы Пим созданы академический роман «Крэмpton Ходнет» (“Crampton Hodnet”, 1939–1940, опуб. в 1985), неопубликованные романы с «говорящим» названием «Внутренний фронт» (“Home Front”, 1939–1940) и «шпионский» роман «Чрезвычайно секретно» (“So Very Secret”, 1941), к двум последним из которых, к сожалению, мы не имеем доступа.

В первом опубликованном романе Пим «Ручная газель» (“Some Tame Gazelle”, 1950), начатом ею еще в годы обучения в Оксфордском университете в 1934 г., как и в «Крэмpton Ходнет», не нашли отражения военные события, произошедшие за годы их переработки. Писательница создает уютный мир английской провинции довоенных 1930-х, где тяжелая работа по дому выполняется прислугой, а бомбежки, голод и карточная система распределения товаров, которая просуществовала в Британии вплоть до 1954 г., еще никому не ведомы.

В следующем нравоописательном романе «Превосходные женщины» (“Excellent Women”, 1952) война проходит рефреном, она описана ретроспективно и фрагментарно и изображается не как период тягот, а выведена как время, когда влюбленным легко поддаться взаимному влечению без каких-либо обязательств. Жилец главной героини Рокингхэм Нейпир

служил в годы войны в Неаполе в чине военно-морского офицера. Будучи флаг-адъютантом адмирала, женатый Роки по долгу службы оказывал знаки внимания и заводил кратковременные романы с бесчисленными англичанками-офицерами женского вспомогательного корпуса ВМС, по поводу чего не испытывает угрызений совести. К женщинам он относится как к «игрушкам» [Рум, 1985, с. 159], с которыми можно позабавиться. Любовь хорошей женщины, символа вечной верности, сопоставима для него с безрадостным серым армейским одеялом.

По свидетельству автора, жестокие обстоятельства войны не лишают и женщин естественной тяги к личным интересам. Так, брачный союз Роки и Елены складывается в годы войны, когда, по свидетельству автора, «как многие тогда они влюбились друг в друга глупым романтическим образом» [Рум, 1985, с. 26]. В романе Пим «Сосуд, полный благословений» (“A Glass Full of Blessings”, 1958) в годы войны, когда главная героиня Вилмет Форсит и ее подруга Ровена Тэлбот вместе работали в женской вспомогательной службе ВМС, девушки были безнадежно влюблены в того же Роки Нэйпира. «Ровена написала Роки любовное письмо с цитатой из стихотворения Дж.Донна «Разбитое сердце» (“The Broken Heart”): «Осколки моего сердца могут испытывать привязанность, желать и обожать, / но после такой любви любить уже не могут» [Рум, 1989, с. 36]. «Выполняя характерологическую функцию, эта цитата, быть может, некогда и передавала ощущения Ровены, однако теперь вспоминается ею со стыдом» [Климовская, 2021, с. 561]. Она быстро справилась с всепоглощающей страстью, вышла замуж и завела детей, а нынешний статус не оставляет ей надежд на сильные романтические переживания.

Очаровательный «недалекий» [Рум, 1985, с. 107] Роки привносит любовные переживания и в жизнь невзрачной незамужней главной героини романа «Превосходные женщины» тридцатилетней Милдред Лэтбери.

Название романа Пим свидетельствует о том, что он посвящен целой общности женщин послевоенной Британии при возникшем остром дисбалансе полов, при котором представители сильного пола воспринимались желанной наградой в жесткой конкурентной борьбе. Этот сквозной образ всего творчества писательницы, характеризующий определенный тип женского начала, вынесен в заглавие и проходит через весь роман [См.: Рум, 1985, с. 67, 124, 150, 158, 176, 200, 237]. «Превосходные женщины» (сама Милдред, Унифрид Мэлори, поддерживающей вопреки желаниям брата-священника его домашний очаг, мисс Эдгар и мисс Бонифас) – прекрасная опора в несчастье и в любой момент готовы бескорыстно прийти на помощь. Воспринимая себя старыми девами, эти женщины нивелирует внешние проявления своего гендера, тем самым лишая себя сексуальной привлекательности в глазах противоположного пола. В память о военных лишениях они одеты в «бесформенную» [Рум, 1985, с. 8], «унюлую» [Рум, 1985, с. 129] поношенную одежду, носят практичную обувь и не используют косметики и духов. В нравственном отношении более достойные, нежели их самоуверенные соперницы, они стойчески отказывают себе в праве на любовные переживания.

После знакомства с Роки Милдред воспринимает себя, как «Алису в стране чудес» [Рум, 1985, с. 35] из одноименного романа Л.Кэрролла (“Alice’s Adventures in Wonderland”, 1865): с ней происходит что-то не вполне правдоподобное. «Дверь в квартиру супругов Нэйпиров всегда наполовину приоткрыта: Милдред как бы приглашает приобщиться к другой, «непревосходной» жизни» [Климовская, 2004, с. 154]. В первый вечер после возвращения с войны Роки дарит смущенной Милдред фарфоровую фигурку козлика, которая ассоциируется с плотским началом, своеобразным Паном. Забыв помолиться, она ставит этот подарок на тумбочку около кровати, однако ночью, будучи примерной прихожанкой и опорой прихода, видит во сне церковного старосту, который с упреком грозит ей пальцем. Этот сон символизирует подсознательный запрет на проявление плотских желаний, который, по

свидетельству Э. М. Цагарис, свойственен незамужним женщинам в послевоенные годы в Великобритании, никогда открыто не обсуждавшим этой запретной темы [Tsagaris, 1998, с. 66].

«Общение с Роки», по словам американского литературоведа Р. Лонга, «не только дает Милдред понять, что жизнь может быть полнее и богаче той, к которой она себя приговорила, но и дает новое осознание грозящего ей одиночества» [Long, 1986, с. 51]. До сих пор она ни разу «ни в чьей жизни в первых строках не значилась», ей «так легко можно найти замену» [Рум, 1985, с. 39]. Однообразие, отсутствие смысла анонимного существования, страх приближающейся смерти гнетет героиню. На примере хорошенькой Елены Нэйпир (блондинки с броской внешностью и яркой одеждой) Милдред убеждается, что мужчин добиваются «непревосходные» женщины, и решает стать активной участницей жизни: она начинает обращать больше внимания на свой внешний вид и одежду; после отъезда Роки она вдруг испытывает усталость от необходимости решать чужие проблемы и осознает, что могла бы с большим успехом потратить силы на обустройство личной жизни. Она решает завоевать внешне прекрасного, но холодного и сухого антрополога Эверарда Боуна.

Героиня Пим стремится выйти замуж, дабы избежать одиночества, быть кому-то полезной и обрести respectable социальный статус (вспомним, что во время встречи бывших выпускниц школы, на которой присутствует Милдред, признаком состоявшейся женской судьбы считается обручальное кольцо на левой руке, каким бы «непримечательным оно ни было, как, впрочем, и сам мужчина, надевший его» [Пим, 2015, с. 143]). Милдред в духе послевоенного времени, отмеченного в Британии 1960-х расцветом идей феминизма, стремится сделать свою жизнь полноценной. Хотя ей приходится отказаться от мечты о романтической любви, она готова выполнить свой христианский долг по отношению к мужу Эверарду Боуну (его предложение руки имеет под собой исключительно собственные утилитарные интересы: она сможет корректировать его рукописи, составлять именные указатели, а для разнообразия почистит картошку, вымоет посуду и избавит от надоедливых преследований Елены Нейпир). Лонг справедливо отмечает, что «вступление в научное общество придаст ее жизни не больше смысла, чем участие в жизни прихода» [Long, 1986, с. 55]. Она повторит судьбу жены Президента научного общества антропологов, которая всю жизнь помогала мужу в работе, ничего в ней не смысля. Этот брак не принесет главной героине счастья, ибо не будет отличаться взаимностью чувств. Остроумный отзыв о браке Милдред и Эверарда находим у того же Лонга, который использует значения слов, от которых образованы их фамилии: фамилия Боун (англ. bone – кость) вполне соответствует роду занятий Эверарда, а фамилия Милдред объединяет в себе два английских слова – «планка, которая используется для обшивки штукатурки» (lath) и «закапывать, хоронить» (to bury). Союз «планки» и «кости» представляется Лонгу самым неестественным в истории романтической литературы [Long, 1986, с. 53].

Свои отношения с Эверардом Милдред характеризует понятием «тяжелой ноши», которой недостоен ни один мужчина, однако женщины «бодро и весело взваливали ее себе на плечи, и, в конце концов, она могла оказаться не такой уж тяжелой» [Рум, 1985, с. 232]. Выполняя в романе функцию нарратора двуголосого повествования, когда за поверхностным голосом героини подспудно, как реплика в сторону, звучит другой – ироничный, высмеивающий гендерные нормы и стандарты, с которым солидарен и сам автор, – Милдред выступает против патриархального представления о маргинальном положении женщины в обществе.

Хотя, как и прежде, героиня определяет свои приоритеты, исходя из потребностей других, «се самопожертвование, – отмечает американский исследователь Д. Бенет, – неотделимо от личной заинтересованности» [Benet, 1986, с. 42]. Ее, по мысли американского критика Дж. Литтл, действительно ожидает «наполненная жизнь», но лишь в том традиционном

значении дискурса повседневности, которое она сама ассоциирует с этим понятием [Little, 1996, с. 82]. Но не в том смысле, который вкладывает в него эмансипированный антрополог Елена, для которой «полноценная жизнь» подразумевает успешную научную карьеру и наличие любовника, свободу (с которой, по иронии автора, так стремится покончить Милдред) и независимость в ущерб домашним обязанностям, которыми она пренебрегает.

«Война радикально изменила положение женщины в социальной структуре британского общества» [Сидорова, 2023, с. 122]. Девушки из средних слоев, увидев для себя новые перспективы, стремились получить высшее образование. Однако с окончанием военных действий вновь обретенной долгожданной независимости пришел конец в результате требований вернуть женщин к домашнему очагу, культ которого обрел второе рождение. Женщинам среднего класса в отсутствие нянь пришлось жертвовать своими личными и профессиональными интересами ради воспитания детей и заботы о супруге, примером чего служит судьба Елены, которая, как становится известно из романа «Сосуд, полный благословений», возвращается к мужу, бросает антропологию и становится матерью.

Согласно любопытному наблюдению Дж. Литтл, которая пользуется в своем исследовании терминологией М. М. Бахтина, понятие «полноценная жизнь», столь важное для послевоенных феминисток, теряет у Пим «монологическое значение», оно «диалогически расширено» и объединяет собой «два языка, две системы ценностей» [Little, 1996, с. 81], каждая из которых становится объектом иронии Пим в отношении двух выведенных здесь типов женского начала. Дж. Россен называет ее писательницей-феминисткой 1950-х, ставшей таковой задолго до того, как феминизм стал модным течением [Rossen, 1988, с. 2]. Кроме того, устами Милдред Пим описывает послевоенную жизнь Лондона. Популярный мотив британской прозы о войне – образ города, лежащего в руинах [Сидорова, 2023, с. 122], используется и в «Превосходных женщинах»: окна церкви Сент-Мэри, прихожанкой которой является Милдред, повреждены взрывом бомбы, а в Сент-Эрмин, сильно пострадавшей от бомбежек, остался целым только один предел. Свидетельством того, что события войны все еще остаются актуальны в 1950-х, служит сравнение поведения активных прихожанок на церковном базаре с «десантниками во время высадки в Нормандии» [Рум, 1985, с. 59].

Подводя итоги, отметим, что вторая Мировая война описана Пим фрагментарно и ретроспективно. Война не выносится в центр описываемых событий, но присутствует в завуалированных ссылках. Исторические события представляют для Пим интерес в той мере, в которой они воздействуют на частную жизнь, и отражаются в виде субъективных впечатлений. Тема войны активно развивается писательницей в аспекте повседневности. Жестокие обстоятельства войны не лишают ее персонажей естественной тяги к личной жизни. В этом состоит гендерное своеобразие трактовки этого образа. Романы Пим 1950-х, опережая сочинения ее писательниц-современниц, отражают послевоенные изменения социальной роли и облика британок (финансовая независимость, изменения семейных и профессиональных ролей, мода на брюки среди женщин). В дальнейшем представляется возможным расширить рамки данного исследования военной проблематики, обратившись к творчеству Ф. Уэлдон, А. С. Байетт, А. Брукнер, П. Фитцджеральд, Б. Бэйнбридж. На основании чего можно будет усмотреть закономерности, сделать заключения о наличии типологической общности в реализации темы войны.

Источники:

- Пим Б. Замечательные женщины / Пер. А. А. Комаринец М.: Изд-во АСТ, 2015. 320 с.
Рум В. Excellent Women. Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1985. 238 p.
Рум В. A glass of blessings. London: Pan Books Ltd, 1989. 251 p.

Pym B. *A Very Private Eye: An Autobiography in Letters and Diaries* / Ed. H. Holt and H.Pym. London, 1985. 492 p.

Литература:

- Климовская А. Я. Романы Барбары Пим: проблема интертекстуальности: дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2004. 237 с.
- Климовская А. Я. Знаки итальянской культуры в романной прозе Б.Пим // *Языки и культуры: междисциплинарные исследования. Сборник статей II Международной конференции/ под ред. С. Ю. Рубцовой (отв.ред.) Е. К. Рохлиной.* СПб.: Изд-во С.-Петербурга. Ун-та, 2021. С. 556–563.
- Сидорова О. Г. Женское лицо войны в прозе современных британских писательниц // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* 2023. Том 15. Вып.2. С.121–130.
- Benet D. *Something to Love: Barbara Pym's Novels.* Literary Frontiers Edition 27. Columbia: University of Missouri Press, 1986. 164 p.
- Holt H. 1940–1945 // *Pym B. A Very Private Eye: An Autobiography in Letters and Diaries/* Ed. H. Holt and H. Pym. London: Macmillan; New York: Dutton, 1985. pp.134–137.
- Little J. *The Experimental Self: Dialogic Subjectivity in Woolf, Pym and Brook-Rose.* Carbondale, Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1996. pp.77–105.
- Long R. E. *Barbara Pym.* New York: Ungar, 1986. 256 p.
- Rossen J. *Introduction//Independent Women. The Function of Gender in the Novels of Barbara Pym/Ed. J. Rossen.* Brighton: Harvester; New York: St. Martin's, 1988. pp.1–7.
- Tsagaris E. M. *The Subversion of Romance in the Novels of Barbara Pym.* Bowling Green (Ohio): Bowling Green State University Popular Press, 1998. 213 p.

References:

- Pim B. *Zamechatel'nye zhenshiny [Excellent Women]* / Per. A. A. Komarinec. Moscow, Publ.house AST, 2015. 320
- Pym B. *Excellent Women.* Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1985. 238 p.
- Pym B. *A glass of blessings.* London: Pan Books Ltd, 1989. 251 p.
- Pym B. *A Very Private Eye: An Autobiography in Letters and Diaries* / Ed. H. Holt and H.Pym. London, 1985. 492 p.
- Klimovskaya A.Ya. *Romany Barbary Pim: problema intertekstual'nosti: diss. ... kand. phil. nauk [The Novels of Barbara Pym: Inertextuality Aspect: PhD Thesis in Philological Sciences].* SPb, 2004. 237 p.
- Klimovskaya A.Ya. *Znaki ital'yanskoj kul'tury v romannoj proze B. Pim [The Signs of Italian Culture in the novels of B. Pym]* // *Yazyki i kul'tury: mezhdisciplinarnye issledovaniya. Sbornik statey II Mezhdunarodnoj konferencii/pod. red. S. U. Rubcovoj (otv.red) E. K. Rohlinoj [Languages and Cultures: interdisciplinary studies. A Collection of articles of the II International Conference / Ed. by S. U. Rubtsovoi (chief ed.), E. C. Rokhlinoi].* SPb, SPbU Publishing House, 2021. Pp. 556–563.
- Sidorova O. G. *Zhenskoe lico vojny v proze sovremennyh britanskikh pisatel'nic [The Female Face of the War]* // *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Vestnik of Perm University. Russian and Foreign Literature].* 2023. Volume 15. Issue.2. Pp.121–130.
- Benet D. *Something to Love: Barbara Pym's Novels.* Literary Frontiers Edition 27. Columbia: University of Missouri Press, 1986. 164 p.
- Holt H. 1940–1945 // *Pym B. A Very Private Eye: An Autobiography in Letters and Diaries/* Ed. H. Holt and H. Pym. London: Macmillan; New York: Dutton, 1985. Pp.134–137.

- Little J. *The Experimental Self: Dialogic Subjectivity in Woolf, Pym and Brook-Rose*. Carbondale, Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1996. Pp.77–105.
- Long R. E. *Barbara Pym*. New York: Ungar, 1986. 256 p.
- Rossen J. Introduction//*Independent Women. The Function of Gender in the Novels of Barbara Pym*/Ed. J. Rossen. Brighton: Harvester; New York: St. Martin`s, 1988. Pp.1–7.
- Tsagaris E. M. *The Subversion of Romance in the Novels of Barbara Pym*. Bowling Green (Ohio): Bowling Green State University Popular Press, 1998. 213 p.

Колядин А. В.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ДИСКУРСИВНОГО
ИНФОРМАТИВНОГО КОДА УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
КИТАЙСКОГО ГОРОДА ГОНКОНГ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ
ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА»)**

В статье проводился анализ публицистического текста с точки зрения лингвокультурного аспекта дискурсивного информативного кода. В качестве материала исследования используется статья журнала «Вокруг света», посвященная урбанистическому пространству китайского города Гонконг. Исследование маркеров дискурсивного информативного кода было проведено на основе существующей в научной литературе классификации компонентов дискурсивного информативного кода. Результаты проведенного анализа позволили выявить частотность употребления проксем и лингвокультурем в публицистическом тексте журнала «Вокруг света» и определить лингво культурологическую взаимосвязь маркеров информативного кода в публицистическом тексте об урбанистическом пространстве города Гонконг.

Ключевые слова: дискурсивный информативный код, дискурс, лингвокультурный аспект, хронемы, проксемсы, колоративы, урбанистика.

Koliadin A.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

**LINGUOCULTURAL ASPECT OF THE DISCOURSE INFORMATIVE CODE OF
HONG KONG URBAN SPACE (A CASE STUDY OF THE JOURNALISTIC TEXT
FROM «VOKRUG SVETA»)**

The article analyzed the journalistic text from the point of view of the linguocultural aspect of the discursive informative code. The study is based on an article from the magazine "Vokrug sveta", dedicated to the urban space of the Chinese city of Hong Kong. The study of markers of a discursive informative code was carried out on the basis of the classification of components of a discursive informative code existing in the scientific literature. The results of the analysis made it possible to identify the frequency of use of proxemes and linguoculturemes in the journalistic text of the magazine "Vokrug sveta" and to determine the linguistic and cultural relationship of informative code markers in the journalistic text about the urban space of the city of Hong Kong.

Keywords: discursive informative code, discourse, linguocultural aspect, chronemes, proxemes, coloratives, urban studies.

Публицистический дискурс, вне всякого сомнения, представляет собой огромный пласт для изучения функционирования текста в лингвокультурологическом аспекте. Поэтому исследование текстов публицистического дискурса нацелено на выявление различных смысловых маркеров дискурсивного информативного кода, посредством которых привлекается

и удерживается внимание читателя. Рассмотрение маркеров дискурсивного информативного кода способствует выявлению различных аспектов публицистических текстов, в том числе, лингвокультурологических, которые позволяют раскрыть дискурсивную природу языковых образов.

Актуальность исследования заключается в том, что изучение маркеров дискурсивного информативного кода современных социокультурных текстов позволяет моделировать и интерпретировать динамику социокультурных преобразований в обществе, проецируемых в публицистическом дискурсе. Каждый публицистический текст характеризуется определенным информативным кодом, отражающим его лингвокультурные особенности, обусловленные спецификой топонима, которому посвящена та или иная статья. В данной статье исследования проведены на материалах публицистического дискурса урбанистической направленности.

Цель данного исследования заключается в выявлении информативного кода в публицистическом тексте.

Интерпретация маркеров дискурсивного информативного кода представляет собой лингвистическую интерпретацию, которая «специфически проявляется в разных типах дискурса» [Карасик, 2022, с.564]. Интерпретация маркеров также способствует созданию «количественных и качественных параметров статичных и динамичных структур» при условии, что «текст и дискурсе сопряжены» [Огнева, Трофимова, с. 297].

А. П. Садохин отмечает, что культурный код каждого публицистического текста характеризуется определенными особенностями, которые отмечает в своей работе указывающий на то, что каждая языковая культура через вербальные и невербальные средства отражает определенные национальные привычки, стиль поведения, свойственный представителям конкретного этноса, особенности организации пространства и т.д. [Садохин, 2014, с. 72].

А. П. Садохин считает важными ряд специфических характеристик информативного (культурного) кода каждого публицистического текста, в частности [Садохин, 2014, с. 81]:

- 1) специфику поведения человека, которые обусловлены определенными физиологическими реакциями на раздражители;
- 2) некие самоадапторы, которые свойственны представителям конкретного этноса, существование которых обусловлено целым рядом факторов, имеющих социально-культурный характер;
- 3) специальные знаки невербального коммуникации, которые применяются человеком намеренно для донесения важной информации до других.

Публицистический урбанистический текст характеризуется специфическим информативным кодом, в силу того, что он, как правило, представлен определенными группами маркеров, обозначающих внешние признаки объектов, составляющих архитектурное пространство определенной топонимической единицы.

Под маркерами информативного кода понимаются речевые номинации компонентов невербальной коммуникации. К маркерам невербального кода коммуникации относятся кинемы, такемы, проксемы, хронемы, сенсемы как исследовательские конструкции. Для нашего исследования наибольший интерес представляют проксемы и хронемы. Под проксемами понимаются маркеры невербального кода, номинирующие компоненты описываемого пространства. К хронемам относят маркеры невербального кода, номинирующие время [Огнева, Трофимова, с. 296].

Ещё одним маркером информативного, представляющий исследовательский интерес с лингвокультурологической точки зрения, является колоратив. К колоративам относятся языковые единицы, чьи корневой морфы семантически или этимологически связаны с цветонаименованием [Зубарева, 2013].

Колоративная лексика может описывать разные оттенки цвета и выполнять такие функции в публицистическом тексте, как описание и конкретизация отдельных пространств в культурной среде страны, описываемой в тексте

В рамках исследования проводился анализ дискурсивного информативного кода текста статьи Дмитрия Воздвиженского «Город жизни» из журнала «Вокруг света», которая посвящена урбанистическому пространству одного из городов Китая.

В качестве теоретической основы для проведения исследования была выбрана классификация компонентов информативного кода публицистического текста, представленная в статье Е. А. Огневой и Н. А. Трофимовой «Маркеры невербального кода как компоненты дискурсивного информативного кода» (на материале газеты «The New York Times») [Огнева, Трофимова, с. 296].

Для настоящего исследования наиболее актуальны тексты урбанистической направленности, а встречающиеся в них маркеры информативного кода - это хронемы, проксеммы и лингвокультуремы.

В общей сложности в тексте статьи было обнаружено 34 маркера информативного кода, которые в данном исследовании разделены на три основные категории, согласно списку номинантов по классификации лингвиста Е. А. Огневой.

К первой категории были отнесены проксеммы. Отметим, что большая часть из них могут трактоваться как проксеммы-топонимы. Данный факт обуславливается тем, что данная статья посвящена истории становления Гонконга. Разумеется, цель автора статьи - познакомить читателя с основными событиями и географическими изменениями в истории Гонконга, которые сопровождаются названиями районов, островов, стран: *«тысячелетий остров Гонконг», «специального экономического района КНР», «все части Гонконга связаны между собой», «на китайской земле», «полуостров Макао», «вблизи не было крупных городов и поселений», «на этом маленьком клочке земли размером, меньшим, чем 20 квадратных километров», «город в устье Жемчужной реки», «крошечной рыбацкой деревенькой», «устье Янцзы», «Шанхай», «остров Стоункатер», «право аренды новых территорий, прилегающих к островам», «особый административный район КНР».*

Ряд проксемм чётко указывают на расположение Гонконга вдали от Китая, подчёркивая отдалённость острова: *«маленький остров», «у берегов Китайской империи», «до берегов Китая», «полуостров Коулун и прилегающие к нему обширные Новые территории».* Данные проксеммы-топонимы формируют урбанистическое пространство, моделируемого в рамках данного текста.

Ко второй категории маркеров информативного кода были отнесены хронемы. В исследуемой статье было выявлено 17 хронем: *«несколько столетий назад», «в XV веке», «на протяжении 300 лет», «к началу XIX века», «с момента появления», «На протяжении тысячелетий», «Во время позднего средневековья», «в 1839 году», «в 1842 году», «в 1898-м », «на 99 лет», «рано или поздно», «в 1997 году», «в далеком 1898 году», «спустя сто лет», «1 июля 1997 года», «новая эпоха».*

При описании географических мест автор приводит исторические факты и события, позволяет читателю не только прочувствовать пространство, но и окунуться в историю города.

Следующая категория маркеров в данной статье является сравнительно немногочисленной. При повествовании истории Гонконга было зафиксировано использование лингвокультурем, таких, как «*ян гуйцзы*», что означало «морские черти» и «чай». Их употребление в тексте статьи позволяет читателю буквально соприкоснуться с историей Гонконга. Использование лингвокультурем при описании культурно-исторических объектов и урбанистических пространств помогают читателю познакомиться с культурой страны, региона, которому посвящён текст статьи.

Проведенное исследование показало, что основными маркерами информативного кода публицистического текста являются хрономы, проксеммы и лингвокультуремы. Лингвокультуремы как маркеры информативного кода присутствуют в небольшом объеме в рассматриваемом тексте урбанистической направленности, тем не менее, их употребление позволяют точно описать урбанистическое пространство Гонконга с учётом исторических и культурологических особенностей.

Литература:

- Воздвиженский Д. Город жизни // Вокруг света [Электронный ресурс]. 2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/32/> (дата обращения: 23.09.2023).
- Зубарёва А. В. Проблематика колоративной лексики в современной лингвистике // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. — М., 2013. С.15–21.
- Карасик В. И. Самовыражение в разных типах дискурса // Коммуникативные исследования. 2022b. Т. 9. № 3.
- Огнева Е. А. Архитектоника научно-популярного концепта-доминанты «географические открытия» в свете интерпретативного моделирования // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 2. С. 82–89.
- Огнева Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. М.: Эдитус, 2019. 268 с.
- Огнева Е. А., Трофимова Н. А. Маркеры невербального кода как компоненты дискурсивного информативного кода (на материале газеты «The New York Times») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 296–300.
- Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Учебное пособие. М.: Кнорус, 2014. 256 с.

References:

- Vozdvizhenskii D. Gorod zhizni [City of life// Around the world] // Vokrug sveta [Elektronnyi resurs]. 2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/32/> (data obrashcheniia: 23.09.2023). Around the world [Online resource]. 2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/32/> (data: 23.09.2023).
- Zubareva A. V. Problematika kolorativnoi leksiki v sovremennoi lingvistike [Problems of color vocabulary in modern linguistics] // Iazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeistviia. — M., 2013. — S. 15–21. // [Language and law: current problems of interaction. — Moscow, 2013. — P. 15–21.
- Karasik V. I. Samovyrazhenie v raznykh tipakh diskursa [Self-expression in different types of discourse] // Kommunikativnye issledovaniia. 2022b. Vol. 9. № 3. [Communication studies. 2022b. Vol. 9. № 3].

- Ogneva E. A. Arkhitektonika nauchno-populiarnogo kontsepta-dominanty «geograficheskie otkrytiia» v svete interpretativnogo modelirovaniia [Architectonics of the popular scientific dominant concept “geographical discoveries” in the light of interpretive modeling] // Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki. 2021. T. 7. № 2. S. 82–89. [Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics. 2021. Vol. 7. № 2. P. 82–89].
- Ogneva E. A. Kontsepty-dominanty kak informativnye konstruktivy tekstovykh mirov. [Dominant concepts as informative constructs of text worlds], Moscow, Editus, 2019, 268 p.
- Ogneva E. A., Trofimova N. A. Markery neverbal'nogo koda kak komponenty diskursivnogo informativnogo koda (na materiale gazety «The New York Times»). [Markers of non-verbal code as components of a discursive informative code (based on the newspaper “The New York Times”)] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. Vyp. 1. S. 296–300. [Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2023. Vol. 16. Edition. 1. P. 296–300].
- Sadokhin A. P. Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoi kommunikatsii. [Introduction to intercultural communication]. Uchebnoe posobie [Textbook]. Moscow, Knorus, 2014, 256 p.

**МАГИЯ СТРУКТУРЫ: СИНТЕТИЧЕСКАЯ ПРОЗА АЛЕНА-ФУРНЬЕ
В СВЕТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО АНАЛИЗА**

Настоящее исследование видит своей целью установление соотношения между необъяснимостью, загадочностью искусства и его толкованиями, предпринятыми научной мыслью, на примере изучения одного из самых глубоких и таинственных произведений французской литературы – романа «Большой Мольн» Алена-Фурнье. Необычный текст, возникший на рубеже XIX и XX веков, он с самого первого издания привлекал критиков своей парадоксальной и сложной природой. Однако лишь в 1970-е годы структуралистская критика выдвинула критерии анализа произведения, адекватные самому тексту и солидарные с эстетическими поисками самого автора: синтез поэтического и прозаического начал, характер композиции, система персонажей, проблема повествователя. Структуралисты отвели Алену-Фурнье место среди авторов-модернистов, сознательно строящих корпус своих произведений как определенную модель мира, мысленную концепцию, призванную быть увиденной и понятой читателем. Тем самым они задали верный ракурс изучению романа как намеренно поставленного вопроса, некоей тайны, стремящейся к собственной разгадке, предугадав возможный путь развития исследовательской мысли как увлекательного приключения под стать самому тексту Алена-Фурнье, в котором изначальный уровень сложности, заданный текстом, был бы сохранён, а разгадка произведения своим изяществом и глубиной не уступала бы загадке самого романа.

Ключевые слова: литературный анализ, структурализм, проблема жанра, код текста, модернизм, авторская интенция

Kondrateva Ekaterina A.

Saint Petersburg State University

**MAGIC OF STRUCTURE: ALAIN-FOURNIER'S SYNTHETIC PROSE IN THE
LIGHT OF LITERARY ANALYSIS**

The present study aims to establish the relationship between the inexplicability, mystery of art and its interpretations undertaken by scientific thought through examining one of the most profound and mysterious works of French literature, Alain-Fournier's novel *Le Grand Meaulnes*. An unusual text that emerged at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, it attracted critics with its paradoxical and complex nature from the very first edition. However, it was not until the 1970s that structuralist criticism put forward criteria for analyzing the work that were adequate to the text itself and in solidarity with the author's own aesthetic research: the synthesis of poetry and prose, the nature of composition, the system of characters, the problem of the narrator. Structuralists gave Alain-Fournier a place among the modernist authors who consciously build the corpus of their works as a certain model of the world, a mental concept designed to be seen and understood by the reader. In doing so, they gave the right perspective to the study of the novel as a question deliberately asked by the author, a certain mystery seeking its own solution, anticipating the possible path of development of

literary research as a fascinating adventure as complex as the initial text is, and the elegant and deep study of the text would not yield to the mystery of the novel itself.

Keywords: literary critics, Structuralism, the problem of genre, text code, Modernism, author's intention

Существуют книги, самым фактом своего появления на свет ставящие коренные вопросы предназначения литературы, её функционирования, соотношения популярности и непреходящей ценности текста. Такой книгой поистине стал роман молодого французского писателя Алена-Фурнье «Большой Мольн» (Alain-Fournier, Henri Alban Fournier, «Le Grand Meaulnes») (1913) [Alain-Fournier, 2006] и, шире, всё творчество автора, почти неизвестное публике до начала 1920-х гг. Выход романа и его дальнейшая судьба означены рядом парадоксов, каждый из которых сообщает тексту характер настоящей загадки:

1. Творчество самого Алена-Фурнье оборвалось на взлёте его писательской карьеры: через год после публикации первого романа, ставшей ярким событием в литературных кругах (роман был номинирован на Гонкуровскую премию и остановился в шаге от неё), начинается Первая мировая война, Фурнье идёт на фронт офицером и погибает осенью 1914 года. Таким образом, в истории литературы он остался как автор одного романа, хотя среди завершённых и не завершённых текстов, написанных им, числится ряд стихотворений, созданных в юности, и образцов малой прозы. Они могут считаться отдельными от романа, а могут восприниматься как подходы к роману и своеобразные черновики, таким образом, весь корпус произведений Алена-Фурнье может считаться единым текстом.

2. Благодаря работе его друзей по сохранению наследия рано погибшего товарища почти весь архив Алена-Фурнье сохранился. Особенную ценность представляют его письма друзьям, в том числе и двухтомник переписки с лучшим другом, писателем, критиком Жаком Ривьером, оценившим творчество молодого автора прежде других критиков в силу хорошей осведомлённости о направлении эстетических поисков молодого автора. В 1910-20-е годы он пишет ряд эссе, проливающих свет на творчество друга и служащих своеобразным предсказанием развития литературной мысли в определённом ключе.

3. Тексты Алена-Фурнье написаны предельно просто и ясно, и тем интенсивнее исследовательское погружение в них. На примере его романа производятся попытки толкования литературного произведения как такового.

4. Творчество молодого писателя создавалось на самом рубеже XIX и XX веков, в эпоху становления нового типа литературного высказывания, которое впоследствии будет названо модернистским, и находится на грани спонтанной лёгкости рассказа о ранней поре жизни и сознательной авторской работы над словом и его восприятием. Роман будто бы вобрал в себя различные литературные тенденции XIX века и предшествующих веков, ассимилировал и переработал в синтетической манере и предвосхитил дальнейшее развитие литературы XX века. Таким образом, книга представляет собой синтез как предшествующих, так и последующих тенденций развития литературной мысли. При этом роман написан в уникальной стилистике, он не похож ни на реалистические произведения, ни на современную ему лирическую прозу. Из-за нарочито простого языка роман порою классифицируется как детский или подростковый, изучается в средней школе, но при этом считается образцом классического стиля и возглавляет рейтинги любимых книг французов.

5. Помимо предвосхищения развития литературных тенденций XX века, творчество Алена-Фурнье ещё и предвосхитило развитие течений литературоведения XX века: нет ни

одного направления критического анализа, которое бы не откликнулось на этот текст. Роман удобен для исследования и как бы напрашивается на него самой своей природой, широким полем для истолкования, которое он предоставляет. Более того, некоторые парадоксы научной мысли, к примеру, квантовой физики, находят своё подтверждение в замысле «Большого Мольна», что неудивительно, поскольку этот сдержанный и ясный роман написан в духе веяний новой эпохи и сообразно с современной ему философией.

6. «Большой Мольн» послужил отправной точкой и источником вдохновения для многих писателей, от Джона Фаулза и Джека Керуака до Дэвида Митчелла. Этот типично французский роман вырос из английской прозы на основе впечатлений Алена-Фурнье от чтения серьёзной и приключенческой литературы британских авторов, а уже в XX веке он возвращается на англоязычную почву разнородных литературных тенденций.

7. Роман – точка преломления двух тенденций: «чистой красоты», не нуждающейся в интерпретации, которая может разрушить хрупкое единство словесной ясности и гармонии, и научной мысли, требующей установить свои законы толкования непрявленного, чересчур герметичного текста. Более того, само то волшебство, о котором как о главном впечатлении от текста говорят читатели, как бы ищет объяснения. В нём есть некая сила, не дающая трактовать одномерно пространство текста. Мир, представленный на страницах прозы Алена-Фурнье, описан особым образом, он не стабилен и не укоренён в себе и просит дополнения в виде научных построений.

Пример творчества Алена-Фурнье – одновременно образцовый (пример для пристального чтения, пример для анализа) и уникальный (благодатный пример для анализа: все элементы, которые только могут заинтересовать исследователя, сошлись в неповторимом единстве и сочетании – как любой поистине живой организм).

Автор и сам всегда стремился создать произведение, в котором ощущение жизни как бесчисленных возможностей сквозило бы из самой поэтики текста. На страницах писем Жаку Ривьеру он интерпретирует эпизоды романов Диккенса и Гонкуров в своём собственном ключе, с точки зрения впечатления, которое эти эпизоды производят. О «Дэвиде Копперфильде» он пишет: «И мы живем с ним, мы должны жить его жизнью, мы должны видеть, как жизнь разрастается вокруг него, и она вправду примется разрастаться всеми возможными способами: колебаниями, гримасами, слезами...но мы узнаём только то, что произошло в этом мире, мы будем любить, желать только этого, сожалеть только об этом» [Rivière, Alain-Fournier, 1991, с.86]. Впечатления этой внутренней жизни передают детали, подробности внешнего мира. Их характер индивидуален, связь с героем прослеживается, и всё же эти впечатления обособлены от него, что даёт ещё большую напряженность и загадочность. Технику, нечаянно обнаруженную в реалистических романах XIX века, писатель возьмёт с собой в век двадцатый. Уже на первых страницах его собственного повествования, когда в городок Сент-Агат, где живет рассказчик Франсуа, приезжает новый ученик Огюстен Мольн, его приезд окрашен в яркие и всё же скупые тона; многозначительность его личности для рассказчика подчёркивается прерывистыми деталями; их появление гармонирует с вечерним полумраком, царящим в доме [Alain-Fournier, 2006, с.16-19].

Таким образом, каждый персонаж получает двойственную трактовку за счёт скупых и в то же время индивидуальных авторских характеристик. То ли авторское слово являет эскиз к цельной, сложной, зачастую противоречивой личности? То ли оно обнаруживает схематичность образа, восходящего к архетипу или символической фигуре. На этих противоречиях трактовки и строится роман.

Достаточно долго присутствующее в произведениях писателя и особенно в его законченном романе «Большой Мольн» напряжение и предвидение как минимум двумерного бытия давало основания литературоведам 1940-60-х гг. трактовать творчество Алена-Фурнье как построенное на дуализме земного и небесного, на мифологеме потерянного рая детства. В такого рода литературном анализе выделяются категории божественного, высшего бытия, духовного прозрения. Сами заглавия монографий свидетельствуют об этом: «Ален-Фурнье, или Искушение детством» Жана Бастера, «Ален-Фурнье и тайная реальность» Кристиана Дедеяна, «Ален-Фурнье, или прозрачная тайна» Мишеля Сюффрана [Bastaire, 1964, Dédéyan, 1967, Suffran, 1969]. Этот подход, не лишённый поэтичности и ясности, интуитивного прозрения, иногда бывает чересчур описательным, в нём не хватает методологических построений.

Лишь в 1970-е – 80-е гг. приходит время другого типа исследований. Структуралисты стремятся вскрыть некие коды, заложенные в тексте, расшифровать своеобразное тайное послание автора, адресованное потомкам-читателям. Их интересуют прежде всего скрытые элементы: мотивы, детали, фрагменты структуры, канва композиции. Таким образом, анализ произведения подводит ближе к автору и его изначальному намерению. Задача исследователя в таком случае – не ошибиться в найденном коде. Показателен здесь случай австралийского литературоведа Мари МакЛин, автора монографии по мотивам диссертации о творчестве Алена-Фурнье – «Верховная игра: структура и темы «Большого Мольна»» [Mac Lean, 1973]. В своём исследовании она вооружается кодом игры – детской, театральной, почти азартной, с её непредсказуемостью и запутанностью. Действительно, главный мотив поисков Затерянного Поместья напоминает подобную игру, но не все элементы книги полностью отвечают избранному исследователем коду. К примеру, на роль центральной сцены романа, дающей разгадку всему тексту, она определяет сцену театрального представления, устроенного одним из героев, Францем. Сцена неоднозначна и предполагает множество трактовок, но, выбирая ее в качестве центральной, исследователь выпрямляет более сложную структуру текста, из трех частей романа формируя две (попадая в ловушку дуализма): первая – восходящая линия фантазии, вторая – нисходящая линия реальности. Композиционно же три части соответствуют трём мужским персонажам текста. Первая часть, погружение в волшебство, почти целиком за персонажем, чьё имя в основе романа, – за Мольном. Третья часть – погружение в реальность – отводится рассказчику Франсуа, которому достается обретение того же волшебного мира, но в будничных красках; вторая же часть, пространство игры, достается Францу, персонажу отчасти лишнему, отчасти добавочному. Именно он разрушит судьбы многих персонажей в финале; но, с другой стороны, он отвечает за создание волшебного мира первой части, ведь именно на его несостоявшуюся свадьбу попадает Мольн. Два движения – навстречу фантазии и навстречу реальности – развиваются в пространстве не дуальном, а трёхчастном. Третий элемент – лишний и в то же время совершенно обязательный. Надо сказать, что роман и строится в этой конфликтной структуре – диалоге симметрии и асимметрии. В то же самое время этот диалог обеспечивает и ощущение гармонии.

Текст романа благодарно откликается на попытки трактовок, и схема Мари Мак Лин выглядит убедительной; но вместе с этим произведение Алена-Фурнье принимает эти изыскания с неким недоверием. Ему необходима непротиворечивая интерпретация, которая смогла бы превзойти имеющиеся и в то же время включить их все в себя. Роман-синтез нуждается в подобном же толковании.

Ближе к разгадке находится англичанин Роберт Гибсон, автор монографии «Ален-Фурнье: «Большой Мольн»» [Gibson, 1986]. Его код – проблема повествователя в контексте допущенной им намеренной ошибки, проблема сбоя текста. Он внимателен к нарративу, и это справедливо. Не случайно первая глава второй части романа носит название «Большая игра»

[Alain-Fournier, 2008, с.85], что представляет собой намёк на тайную разведку, этот термин используется в романе Р. Киплинга «Ким». Если проблема поиска является центральной проблемой текста, то облик искомой точки в пространстве возникает через получаемую героями информацию, через слово. Именно это слово, переходящее от говорящего к говорящему сквозь призму непрямого рассказывания от первого лица (Франсуа – синхронный переводчик романа: слушающий и передающий далее информацию), успешно исследует Гибсон. Эта призма работает как искривляющая, узурпирующая чужие переживания в пользу собственной, часто неверной, трактовки. Иногда это трактовка событий, очевидцем которых рассказчик был, иногда – нет. Но эта неверная трактовка дает повествованию дополнительный объём, стереоскопический эффект, который позволяет увидеть в романе целостную структуру. Таким он и был задуман автором. Если бы начала реальности и воображения не были так плотно пригнаны друг к другу, так уравновешены посредством этих приёмов, текст распался бы, перестал бы восприниматься как произведение искусства [Gibson, 1986, с.78]. К примеру, описывая сцену после свадьбы Мольна и Ивонны, свидетелем которой он явно не мог быть, рассказчик, излагая свои догадки относительно происходящего между ними, буквально в одной фразе передает психологическое взаимодействие между персонажами, сложную эмоцию, исходящую от каждого из них по-своему, разделяющую и в то же время соединяющую их.

Возможно, ближе всех к загадке произведения, к его кольцевой композиции находится концепция Хеди Бурауи. Этот поэт и исследователь из Туниса, живущий в Канаде, ищет свой ключ к произведению и находит его: это жанровый ключ. По-французски жанр – это и вид, и род, и соединением жанров он называет соединение родовых начал поэзии и прозы. Для него «Большой Мольн» – это «стихотворение романного типа». Данной интенции подчинены и другие поиски исследователя: композиция, персонажи. Дуализм родовых начал подчеркивается дуализмом трактовки персонажей, которых Ален-Фурнье еще на первой стадии подхода к роману характеризовал как «приливы и отливы жизни и их встреч» [Rivière, Alain-Fournier, 1991, с.289]. Таким образом, персонажи друг относительно друга играют попеременно роли то частиц, то волн, в зависимости от ракурса. «Мольн – центр созвездия персонажей... От него зависят все остальные протагонисты. Образы Ивонны и Валентины (два женских персонажа) можно сравнить с двумя лучами, сходящимися на нём» [Bougaoui, 1976, с.29-30]. В действительности, слияние двух тенденций – поэзии и прозы – двух движений романа – формирует, относительно всего корпуса текстов Фурнье, гибридные жанры: это прозаические Миракли, стихотворения в прозе, стихотворения – баллады. Дуальное начало порождает множественную суть, превосходящую эту двойственность. И всё же роман, пусть даже пронизанный лирическим началом, представляет собой особенный, новый жанр, в котором автору позволено играть со «смешением формальных техник, давая тем самым ему абсолютную свободу выстраивать архитектурное целое своего произведения» [Bougaoui, 1976, с.200]. Этот жанр – «не соединение различных материй, но преодоление, проекция на ткань того, что мы назовём «стихотворением романного типа», результатом «автопортрета художника»» [Bougaoui, 1976, с.19].

Роман как будто бы существует в диалоге со своими трактовками. Каждая из монографий интересна сама по себе, читается как литературный детектив, каждая порождает живой отклик и желание спорить. Несмотря на всю стройность концепций, некоторые построения грешат натянутостью, некоторые схемы, иллюстрирующие структуру, произвольны. Это естественное следствие интерпретации как таковой, которая неизбежно представляет собой некую статичную, застывшую конструкцию, а текст, построенный таким образом, как текст Фурнье, предполагает динамику (тем более, основанный на идее поиска). Идеальным построением была бы научная концепция, дающая максимальную свободу изучаемому тексту; заключающая в себе все

предыдущие трактовки и обгоняющая каждую из них; исследующая противоречия и несоответствия, не отказываясь от них, но внедряя их в ткань размышлений над текстом.

Интересно, что после структуралистских исследований, изучая роман Алена-Фурнье, авторы сужают свою сферу распространения, сводя работу к интерпретации локального, частного характера (психоанализ, постмодернистские практики, исследование тем, лексики, связи текста с отдельными жанрами). Таких глобальных поисков, как структуралисты, они более не предпринимают. И всё же исследования романа, проведённые во второй половине XX века, могут и сейчас подтолкнуть к новым горизонтам литературного анализа, к поиску ясных концепций и решений, адекватных не только данному тексту Алена-Фурнье, но и другим произведениям мировой литературы, к которым еще предстоит подобрать ключи.

Литература:

- Alain-Fournier, *Le Grand Meaulnes*. - Fayard, 2006. 258 p.
Bastaire, J., *Alain-Fournier ou la Tentation de l'enfance*. – Paris, Plon, 1964. 191 p.
Bouraoui, H.-A., *Structure intentionnelle du « Grand Meaulnes » : Vers le poème romancé*. – Paris, Librairie Nizet, 1976. 224 p.
Dédéyan, C., *Alain-Fournier et la réalité secrète*. – Paris, SEDES, 1967. 180 p.
Gibson, R., *Alain-Fournier « Le Grand Meaulnes »*. – Grant&Cutler, 1986. 116 p.
Mac Lean, M., *Le jeu suprême : Structure et thèmes dans « Le Grand Meaulnes »*. – Librairie José Corti, 1973. 214 p.
Rivière, J., *Alain-Fournier, Correspondance 1904-1914*. – In 2 vol. Vol.1. Gallimard, 1991. 722 p.
Suffran, M., *Alain-Fournier ou le Mystère limpide*. – Paris, Wesmaël-Charlier, 1969. 247 p.

References:

- Alain-Fournier, *Le Grand Meaulnes*. - Fayard, 2006. 258 p.
Bastaire, J., *Alain-Fournier ou la Tentation de l'enfance*. – Paris, Plon, 1964. 191 p.
Bouraoui, H.-A., *Structure intentionnelle du « Grand Meaulnes » : Vers le poème romancé*. – Paris, Librairie Nizet, 1976. 224 p.
Dédéyan, C., *Alain-Fournier et la réalité secrète*. – Paris, SEDES, 1967. 180 p.
Gibson, R., *Alain-Fournier « Le Grand Meaulnes »*. – Grant&Cutler, 1986. 116 p.
Mac Lean, M., *Le jeu suprême : Structure et thèmes dans « Le Grand Meaulnes »*. – Librairie José Corti, 1973. 214 p.
Rivière, J., *Alain-Fournier, Correspondance 1904-1914*. – In 2 vol. Vol.1. Gallimard, 1991. 722 p.
Suffran, M., *Alain-Fournier ou le Mystère limpide*. – Paris, Wesmaël-Charlier, 1969. 247 p.

Кривенко О. А.

Медицинский колледж министерства здравоохранения
и демографической политики Магаданской области

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ XX-XI ВВ.

Современная языковая политика Магаданской области нацелена на то, чтобы языки коренных малочисленных народов Севера продолжали функционировать и развиваться. В статье рассматриваются современное состояние языковой политики Магаданской области, а также история развития языковой политики в области этноязыкового образования коренных народов, каждый этап которой определяется принятыми законодательными документами, определившими специфику и направление государственной политики, позволившей дать стимул к развитию и функционированию языков коренных малочисленных народов Севера в регионе.

Ключевые слова: языковая политика, сохранение, функционирование и развитие языков коренных малочисленных народов Севера, программы поддержки языков коренных малочисленных народов Севера в Магаданской области.

Olga A. Krivenko

Medical College of the Ministry of Health and
Demographic Policy of the Magadan Region

ON THE DEVELOPMENT OF LANGUAGE PLANNING ON THE TERRITORY OF MAGADAN REGION IN XX-XI CENTURIES.

The modern language planning of the Magadan region is aimed at further functioning of languages of the indigenous peoples of the North. The article discusses methods of supporting the cultural and linguistic diversity of the Magadan region, as well as the history of the development of language planning in the field of ethno-linguistic education of indigenous peoples, each stage of which is determined by regulatory documents that determined the specificity and direction of state policy, which made it possible to provide an incentive to the development and functioning of the languages of indigenous peoples in the region.

Keywords: language planning, functioning and development of languages of indigenous peoples of the North, programs to support the languages of the indigenous peoples of the North in the Magadan region.

Магаданская область является регионом, на территории которого проживают более 10 этносов, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Согласно Всероссийской переписи населения 2020 года на территории Магаданской области проживают следующие представители коренных малочисленных народов:

ительмены – 541 чел., камчадалы – 156 чел., коряки – 742 чел., орочи – 94 чел., чуванцы – 33 чел., чукчи – 294 чел., эвены (ламуты) – 2064 чел., юкагиры – 69 чел.²⁹

Академик А.С. Герд определяет языковую политику (языковое планирование) как «сознательное воздействие государства на функционирование языка в обществе, находящемся на той или иной государственной или административной территории». Автор отмечает, что языковая политика в определенном смысле является отражением политики государства, осуществляемой через систему государственных мероприятий [Герд, 2005, с. 93].

В рамках реализации языковой политики государство принимает нормативные и законодательные акты о языках, которые неизбежно затрагивают общественно-политическое сознание граждан и оказывают воздействие на социальные, экономические, культурные стороны их жизни.

Языковая политика Магаданской области всегда была нацелена на то, чтобы языки коренных малочисленных народов Севера (далее языки КМНС) продолжали функционировать и развиваться. Для языковой политики региона в тот либо иной ее период, было характерно наличие определенных нормативных и законодательных актов, являющимися основополагающими для дальнейшего развития и сохранения языков КМНС.

Языковая политика имеет долгий период становления на территории Магаданской области, обусловленный различными факторами. Возникновение первых русских поселений на Северо-Востоке России привело к активизации контактов коренного и русского населения, определив процесс взаимодействия и взаимовлияния их культур. Интенсивность этого процесса нарастала постепенно и достигла наивысшего развития в XIX в. восприятие от русского населения новых черт хозяйства и быта проходило без предубеждения и сопротивления со стороны народов края³⁰.

Лингвистических данных по этноязыковому взаимодействию языков коренных малочисленных народов Севера с русским языком немного. Многие причины языковой ассимиляции рассмотрены в трудах ученых Магаданской области, а также зафиксированы в государственном архиве Магаданской области.

На протяжении XIX века на территории Северо-Востока России происходили значительные изменения в языковой ситуации, повлиявшие на дальнейшее функционирование языков коренных малочисленных народов Севера.

Во второй половине XIX в. область распространения эвенов достигла наибольших размеров. «Оседлые эвены Охотского побережья в этот период настолько сблизились с русскими старожилами, что, полностью обрусели. Их уклад и хозяйство приближается к русскому сельскому быту» [Гурвич, 1966, с. 164].

Однако основная масса эвенов в конце XIX-начале XX в. несмотря на широкое расселение, сохранила традиционное хозяйство, язык и культурные особенности. Кроме этого, официальное провозглашение христианской веры как государственной также способствовало распространению русского и языков коренных малочисленных народов. Как утверждает Л. Н. Хаховская к началу 1920х годов существовало 4 школы при Ольской, Гижигинской, Ямской и Тауйской церквях, в которые ходили дети коренных народов. Роль церкви в это время возрастает, так именно она является основным источником просвещения для представителей

²⁹ Росстат — Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками (rosstat.gov.ru) URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 09.11.2023).

³⁰ История Северо-Востока России. XIX век : учеб. пособие / Сев.-Вост. гос. ун-т ; отв. ред. Р.П. Корсун. – Магадан: СВГУ, 2017. С. 85-86.

этнического меньшинства. Важным представляется ориентация на билингвизм – использование русского и языков КМНС в богослужении и школьном образовании [Хаховская, 2008, с. 28].

Во времена СССР политика правительства в отношении языков народов Севера прошла через три этапа: период активной поддержки и развития этих языков (1920-е –1930-е годы), период активной ассимиляции и русификации (1950-е – середина 1980-х годов), возврат к политике поддержки коренных малых народов Севера и их языков (с конца 1980-х годов и до распада СССР) [Арефьев, 2014, с. 34].

Так, в период с 1920 по 1933 гг. были организованы пункты так называемой «ликвидации неграмотности» для местного населения – школы и интернаты в Ольском районе, в таких населенных пунктах Магаданской области как Тауйск, Армань, Сиглан, Балаганное, Ола, Гадля, Маякан³¹.

Свидетельством популяризации эвенского языка явилась газетная периодика, выходящая непосредственно на этом языке. Например, в 30е гг. в Магадане издавалась газеты «Айдит ороchel» (с 1935-1936 гг.) и «Оротты правда» (1936-1941)³².

Однако попытки популяризовать языки КМНС в разных сферах жизни не увенчались успехом, газета «Оротты правда» не пользовалась спросом среди местного населения, это печатное издание выходило на эвенском языке, а «грамотность населения заключалась во владении письменным русским», а не родным языком [цит. по Хаховская, 2008, с. 39].

Усилиями Дальстроя в регионе разворачивается ряд образовательных учреждений, способствующих ликвидации неграмотности коренного населения. Так, в пос. Нагаево с 1932 по 1940 работала советско-партийная школа, которая стала «кузницей национальных кадров» [цит. по Хаховская, 2008, с. 38].

Тем не менее, несмотря на предпринятые государством попытки по сохранению, функционированию и развитию языков КМНС, происходил процесс снижения владения родным языком.

В становлении и развитии языков коренных малочисленных народов Севера огромную роль сыграл русский язык. Длительные контакты именно с данным языком, обусловленные внеязыковыми причинами, привели к значительным изменениям в языковой политике на территории Магаданской области.

Во времена Советского Союза больше внимания уделяется изучению русского языка. Преподавание русского языка коренным малочисленным народам стало образовательной практикой, цель которой состояла в том, чтобы улучшить навыки по владению русским языком и способствовать переходу этот язык. «Русский язык не только сыграл для языков народов крайнего Северо-Востока замещающую роль, но и послужил источником заимствований — многие русские слова вошли в языки народов Севера. В эвенском, корякском, юкагирском, чукотском и др. языках местных этносов появились лексические единицы, называющие северные реалии: важенка, нарта, пурга, ровдуга, тундра, шикша и др» [Магерарова, 2022, с. 225].

По мнению магаданского исследователя Ю. Ю. Магераровой, «снижение уровня владения родным языком произошло в силу, одной стороны, намеренного влияния (по свидетельствам очевидцев, прямого запрещения пользоваться родным языком в интернатах для КМНС), с другой стороны, непредумышленного воздействия в течение не одного десятилетия

³¹ ГАМО, ф. Р-17, д. 106, лл. 8, 44

³² Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. С. 279-280.

на автохтонные этносы, которые все это время существовали в иноэтническом окружении, что не могло не привести к ассимиляции этих народов» [Магеромова, 2022, с. 226].

В середине XX века многие представители КМНС владели как русским, так и родным языком. Однако уже в то время в социальных институтах использовался русский язык, а на родных языках говорили только в быту. Постепенно осуществлялся переход на русский язык и в бытовом общении.

Утвержденная в 1991 году Верховным Советом РСФСР Декларация о языках народов России и закон РСФСР «О языках народов РСФСР», действующий с изменениями по настоящее время, провозгласил социальную защиту языков, предусматривающую проведение научно-обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации; «создание всестороннего охвата для дальнейшего сохранения и развития родных языков, в т.ч. через создание условий для распространения через средства массовой информации сообщений и материалов на языках народов Российской Федерации; подготовку специалистов в указанной области, совершенствование системы образования в целях развития языков народов РФ»³³.

В свою очередь, на региональном уровне закон об образовании Магаданской области 1998 г. № 40-ОЗ, утративший силу с 24.10.2008 г.³⁴, провозглашал, что изучение родного языка и литературы КМНС обучающимися из числа указанных народов, проживающих на территории Магаданской области, осуществлялось в пределах национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта.

Как справедливо отмечает Ю. Ю. Магеромова, «специфика лингвистической ситуации, сложившейся на территории Крайнего Северо-Востока России в конце XX – первой трети XXI в., заключается в высокой степени утраты коренными этносами своих родных языков и практически полный их переход на русский как в ситуациях официального общения, так и в бытовой коммуникации» [Магеромова, 2021, с. 249].

В этой связи, для органов государственной власти и органов местного самоуправления необходимым являлось оказание содействия образовательным учреждениям в подготовке специалистов для осуществления образовательного процесса на языках КМНС.

С 1997 по 2013 год в разные периоды, преподавание языков КМНС происходило в местах проживания автохтонного населения. Родные языки изучали в средней школе-интернате им. В. А. Лягушина национального села Гижига Северо-Эвенского района, в основной школе села Тахтоямск Ольского района, в двух начальных школах-детских садах национальных сел Верхний Парень и Тополовка Северо-Эвенского района, в малокомплектной начальной школе-детском саду села Громада Северо-Эвенского района, в школе-интернате им. Д. Б. Закирова в Северо-Эвенском районе, в поселке Эвенск, в начальной школе-детском саду села Гадля Ольского района, в средней общеобразовательной школе поселка Тауйск [Арефьев, 2014, с. 392].

Государственная программа «Развитие образования в Магаданской области на 2001-2005 годы» от 27 июня 2002 года N 138, предусматривала реализацию специальной программы

---

³³ РСФСР Закон о языках народов Российской Федерации (с изменениями на 13 июня 2023 года) URL: О языках народов Российской Федерации от 25 октября 1991 - docs.cntd.ru(дата обращения: 09.11.2023).

³⁴ Закон Магаданской области от 18 февраля 1998 г. N 40-ОЗ «Об образовании в Магаданской области» Глава I. Общие положения (ст.ст. 1-4).Статья Языки обучения. URL: <https://base.garant.ru/26902035/> (дата обращения: 09.11.2023).

«Образование коренных малочисленных народностей Севера»³⁵. Основными проблемами, указанными в программе, являлись: угроза утраты культурной составляющей, языка, мастерства в традиционных видах деятельности, отсутствие специфичного образовательного пространства на всех уровнях образования. В этой связи прогнозировалось дальнейшее образование КМНС на билингвальной основе, формирование собственной гуманитарной и технической интеллигенции, подготовка специалистов различного уровня и профилей.

Процент школьников, изучавших родной язык в указанный период действия программы, с 2001 по 2005 учебный год, в общей численности школьников из коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в Магаданской области составил в 2001-2002 гг. – 42,8%; в 2005-2006 гг. – 19,7%, что говорит о неукоснительном снижении изучающих родной язык [Арефьев, 2014, с. 396].

В современных условиях на территории Магаданской области реализуется государственная программа «Содействие развитию институтов гражданского общества и реализация государственной национальной политики в Магаданской области»³⁶, утвержденная правительством Магаданской области от «30» декабря 2021 г. № 1079-пп (далее-программа), приоритетной целью которой является гармонизации национальных и межнациональных (межэтнических) отношений и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области. В прогнозируемом результате программы значится повышение доступа коренных малочисленных народов Севера к образовательным услугам, а также создание условий для сохранения наследия, развития и популяризации языков КМНС Магаданской области.

В рамках подпрограммы «Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области» запланированы мероприятия по поддержке КМНС области по сохранению этнических языков, целью которых является развитие и популяризация языков коренных народов.

Правительством запланирован ряд мер по предоставлению субсидий из областного бюджета общественным организациям на издание учебно-методической, научной, фольклорной и иной литературы, обеспечивающей сохранение и передачу этнокультурных знаний и традиций, изучение этнических языков коренных малочисленных народов Севера на период с 2022 по 2025 год.

В отношении этнокультурной политики, данная программа позволила достичь определенных результатов, направленных на сохранение языкового своеобразия региона. Так, построен этнокультурный центр в с. Тауйск Магаданской области, изданы книги авторов из числа коренных малочисленных народов Севера (К. Ханькан, А. Чайко, Ч. Моторова), кроме того, проводятся различного уровня конференции, семинары, совещания, конкурсы и национальные праздники – конференция «Богоразовские чтения» на базе МОГАУ ДПО «Институт развития образования и повышения квалификации педагогических кадров» г. Магадана.

Вместе с тем, как отмечается в программе – «сохраняется тенденция ослабления кадрового состава учреждений образования в сельских населенных пунктах – местах традиционного проживания коренных малочисленных народов», что является немаловажным,

³⁵ Об областной программе «Развитие образования в Магаданской области на 2001-2005 годы» от 27 июня 2002. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460500493?ysclid=lotv6rbziw292219048> (дата обращения: 09.11.2023).

³⁶ Об утверждении государственной программы Магаданской области «Содействие развитию институтов гражданского общества и реализация государственной национальной политики в Магаданской области» [сайт]. – URL: <https://www.49gov.ru/documents/one/index.php?id=41006> (дата обращения: 08.11.2023).

ведь для изучения родного языка обязательным фактором является наличие компетентного кадрового состава учреждений образования. На данный момент отсутствует возможность преподавания родных языков как учебной дисциплины, а не только факультативных и кружковых занятий, так как ощущается нехватка педагогических кадров. Кроме того, программой запланировано ежегодное увеличение количества детей, изучающих родной язык коренных народов.

Также, на территории Магаданской области с 2016 года действует закон «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области»³⁷, регламентирующий государственную поддержку сохранения языков КМНС, определяющий содействие в информационном и научно-методическом обеспечении системы образования, а также создание условий для распространения языков КМНС в СМИ, литературных изданиях и подготовку кадров для образовательных организаций, в которых осуществляется обучение родному языку.

Магаданская область – субъект Российской Федерации, на территории которого функционируют языки коренных малочисленных народов Севера. Всестороннего исследования современной языковой ситуации в указанном регионе в рамках социолингвистики не проводилось. Безусловно, на данный момент важным является вопрос совершенствования образовательной стратегии региональной политики в области национальных языков.

Все векторы развития языковой политики в регионе, направленные на сохранение языков коренных малочисленных народов Севера могут действовать как стабилизирующая и укрепляющая сила для обеспечения жизнеспособности родных языков.

Однако в настоящее время языковая политика в Магаданской области не обеспечивает равнозначное развитие всем языкам КМНС. Серьезной проблемой языковой политики в современных условиях является выработка правильного соотношения функционирования языков основных этносов и, прежде всего рациональное сочетание функций языков КМНС и русского языка как языка общероссийского значения.

Владение языками коренных малочисленных народов РФ в Магаданской области согласно данным Всероссийской переписи населения за 2020 год³⁸, представлено следующим образом:

Представители коренных малочисленных народов	Владение языками КМН	Владение русским языком
Ительмены	20 чел. - ительменский	540 чел.
Камчадалы	5 чел. - эвенский	156 чел.
Коряки	151 чел. - корякский 2 чел. - эвенский	741 чел.
Орочи	1 чел. - ороцкий 2 чел. - эвенский	94 чел.
Чуванцы	2 чел. - чукотский	33 чел.
Чукчи	31 чел. - чукотский	293 чел.

³⁷ О родных языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области от 30 марта 2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/438870936?ysclid=lomotegssl331405889> (дата обращения: 09.11.2023).

³⁸ Росстат — Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками (rosstat.gov.ru) URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 09.11.2023).

Эвены	3 чел. - чукотский 2 чел. - эвенкийский 337 чел. - эвенский	2049 чел.
Юкагиры	4 чел. - эвенский 19 чел. - юкагирский	68 чел.

Приведенные статистические данные переписи населения показывают, что для многих носителей языка КМНС родным является русский. На такую дистрибуцию по языковой составляющей, безусловно, влияет распространенность КМНС в различных административно-территориальных образованиях – в настоящее время малочисленные этносы дисперсно проживают на территории Магаданской области, в силу этого отдельные территориальные группы народов Севера находятся в различном иноязычном окружении и представляют собой объект разных форм и направлений для развития региональной языковой политики.

Дистрибуция языков КМНС и русского языка обусловлена внеязыковыми причинами (культурно-историческими и социально-экономическими), которые привели к значительным изменениям в современной языковой политике на территории Магаданской области.

Значимость языков КМНС с каждым поколением уменьшается, знание русского для большинства представителей малых этносов является более предпочтительным, что может служить предпосылкой для языкового сдвига.

Также следует отметить сложные факторы, которые не способствуют интенсивному развитию позитивных процессов в функционировании и развитии языков КМНС. К субъективным факторам в обобщенном виде можно отнести слабую организацию учебного процесса, малоэффективность учебных занятий, недостаточное внимание развитию речевой культуры и обогащению лексического запаса знания языка учащихся из числа КМНС; недостаточность объема и структуры фонда времени на родные языки и национальную культуру.

Язык коренных малочисленных народов Севера – незаменимый носитель культурного и интеллектуального наследия малых этносов, хранящий историю многих тысяч лет его развития. Сохранение языкового разнообразия – это не сентиментальная дань некоему идеализированному прошлому, а часть содействия устойчивому, уместному и расширяющему возможности развитию.

Литература:

- Арефьев А. Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014 — 488 с.
- Хаховская Л. Н. Коренные народы Магаданской области в XX-начале XXI в. / Л. Н. Хаховская; (отв. Ред. А. И. Лебединцев); СВКНИИ ДВО РАН. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. – 229 с.
- Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М.: Наука, 1966. – 275 с.
- Государственный архив Магаданской области (ГАМО), ф. Р-17, д. 106, лл. 8, 44.
- Магерасова Ю. Ю. Лингвистическая ситуация на Крайнем Северо-Востоке России на рубеже веков // Историческая этнология. 2021. Т.6, № 2. С. 243–256.
- Магерасова Ю. Ю. Взаимодействие русского языка с языками коренных малочисленных этносов крайнего северо-востока России // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022, № 7. С. 223-227.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2е изд., исправленное. – СПб.: Изд-во Петерб. университета, 2005. – 457 с.

References:

- Aref'ev A. L. Iazyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniia: istoriia i sovremennost' — Moskva: TSentr sotsial'nogo prognozirovaniia i marketinga, 2014 — 488 p.
- KHakhovskaia L. N. Korennye narody Magadanskoi oblasti v XX-nachale XXI v. / L. N. KHakhovskaia; (otv. Red. A. I. Lebedintsev); SVKNII DVO RAN. Magadan: SVNTS DVO RAN, 2008. 229 p.
- Gurvich I. S. Etnicheskaia istoriia Severo-Vostoka Sibiri. Moskva: Nauka, 1966. 275 p.
- Gosudarstvennyi arkhiv Magadanskoi oblasti (GAMO), f. R-17, d. 106, ll. 8, 44.
- Mageramova I.U. I.U. Lingvisticheskaia situatsiia na Krainem Severo-Vostoke Rossii na rubezhe XX–XXI vekov // Istoricheskaia etnologiia. 2021. T.6, no 2. S. 243–256.
- Mageramova I.U. I.U. Vzaimodeistvie russkogo iazyka s iazykami korennykh malochislennykh etnosov krainego severo-vostoka Rossii // Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi rossii. 2022, no 7. S. 223-227.
- Gerd A. S. Vvedenie v etnolingvistiku: Kurs leksii i khrestomatiia. 2e izd., ispravlennoe. Sankt-Peterburg: Izd-vo Peterb. universiteta, 2005. 457 p.

Лаврова О. В.

Московский государственный педагогический университет
Центр русского языка и культуры «Парус», Аликанте, Испания

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «СМЫСЛОВОЕ ЧТЕНИЕ» У ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ. МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Целью данной статьи является рассмотрение основных этапов становления термина «смысловое чтение» в историческом аспекте. Главная задача исследования – определение влияния данного аспекта на проблему поиска методических подходов к организации обучения смысловому чтению детей-билингвов. Осознание генезиса понятия «смысловое чтение» в отечественной методике позволяет нам выработать новый взгляд на процесс обучения смысловому чтению детей-билингвов, проживающих в условиях ограниченной языковой среды. В статье делается вывод о том, что развитие навыков осмысленного чтения обеспечивает эффективность целостного образовательного процесса младших школьников-билингвов, а также является залогом успешного формирования коммуникативных и метапредметных навыков.

Ключевые слова: смысловое чтение, дети-билингвы, начальная школа, методика обучения чтению

Lavrova Olga

Moscow Pedagogical State University
Center of Russian Language and Culture “Parus”, Alicante, Spain

GENESIS OF THE CONCEPT OF “SEMANTIC READING” IN BILINGUAL CHILDREN. METHODOICAL ASPECT

The purpose of this article is to consider the main stages in the development of the term «semantic reading» from a historical perspective. The main objective of the study is to determine the influence of this aspect on the problem of finding methodological approaches to organizing teaching meaningful reading to bilingual children. Understanding the genesis of the concept of «semantic reading» in Russian methodology allows us to develop a new view on the process of teaching semantic reading to bilingual children living in a limited language environment. The article concludes that the development of meaningful reading skills ensures the effectiveness of the holistic educational process of primary bilingual schoolchildren and is also the key to the successful formation of communicative and meta-subject skills.

Keywords: meaningful reading, bilingual children, primary school, methods of teaching reading

На этапе младшей школы одной из важных проблем, которую должны решать педагоги, является формирование у учащихся (в том числе билингвов) навыка смыслового чтения, поскольку именно смысловое чтение способствует развитию функциональных навыков речевого общения как в устной, так и в письменной форме, навыка анализа текста. Овладев

навыком смыслового чтения, учащиеся могут использовать его в дальнейшем для изучения школьных дисциплин. Смысловое чтение помогает ребенку обогатить его эмоциональный мир, развить интеллектуальные способности, приобщает его к духовным ценностям того народа, язык которого он изучает (в нашем случае это русский язык).

Понятие «смысловое чтение» мы рассматриваем как метод чтения, основанный на понимании содержания текста в целом, а не просто на декодировании отдельных слов. В процессе чтения обучающийся стремимся понять не только отдельные слова, но и связи между ними, и тот контекст, в котором они используются. Результатом смыслового чтения является глубокое понимание текста, способность к рефлексии и анализу его содержания. Смысловое чтение является важным навыком как для учебы и работы, так и для повседневной жизни.

В данной статье проводится анализ основных этапов становления сущности термина «смысловое чтение» в историческом аспекте. Представляется, что такой взгляд на проблему позволяет детально рассмотреть методические подходы к организации обучения смысловому чтению детей-билинггов, в том числе, в условиях ограниченной языковой среды. Сегодня чтение носит коммуникативную направленность, мы понимаем его важность для освоения других учебных дисциплин, современные учебники для детей-билинггов широко используют проектный метод обучения. Основу всех пособий по литературному чтению, развитию речи и по русскому языку для младших школьников-билинггов составляют тексты художественных произведений. Именно наши отечественные ученые, методисты, мыслители рассматривают роль смыслового чтения как одного из главных средств общения учащегося с художественным текстом.

В середине XIX в. теоретических трудах, а также в практике начальной школы России появляется термин «объяснительное чтение». В 1844 году в своем труде «О преподавании отечественного языка» видный российский ученый Ф. И. Буслаев впервые говорит об «отчетливом чтении» (поскольку в то время еще не появился термин «осмысленное, смысловое чтение»). Ф. И. Буслаев утверждает, что в основе и теоретических знаний, и практических языковых навыков должно лежать прочтение художественного литературного текста, созданного писателем.

Активная работа по построению методики обучения смысловому чтению детей школьного возраста начата в России в конце 50-х гг. XIX в. У истоков создания данной методики стояли И. И. Паульсон, И. И. Срезневский и, безусловно, К. Д. Ушинский. С появлением его книг и работ «Детский мир» (1861), «Родное слово» (1864), «О первоначальном преподавании русского языка» (1864), «Руководство к преподаванию по «Родному слову» (1864) происходит утверждение данного метода в отечественной науке. Свой вклад в создание методики объяснительного чтения внес соратник К. Д. Ушинского В. И. Водовозов. Он говорил о том, что беглость и выразительность чтения могут быть сформированы исключительно на основе сознательного понимания учащимися прочитанного текста.

Л. Н. Толстой, обучая крестьянских детей в Яснополянской школе, формирует собственные взгляды на систему организации занятий по чтению. По его мнению, объяснение ребенку незнакомых слов при чтении лишено смысла, поскольку для ученика может быть неизвестно только то слово, которое выражает незнакомое ему понятие. Если же ребенок не знаком с самим понятием, то объяснять его словами совершенно бесполезно. Эта мысль Л. Н. Толстого, на наш взгляд, применима к процессу обучения чтению младших школьников-билинггов, которые изучают русский язык в условиях отсутствия языковой среды. Данная категория учащихся зачастую сталкивается с незнанием понятий, содержащихся в русских художественных текстах. Однако, по мысли Л. Н. Толстого, понимание может прийти в процессе самих занятий чтением. Этому, по мнению великого писателя, должна способствовать «переходная литература», которая поможет ученикам постепенно подготовиться к восприятию

литературного языка, к пониманию условного мира художественной литературы. Именно эту идею реализуют «Книги для чтения» Толстого.

В конце 70-х гг. XIX в. Н. Ф. Бунаков занимался систематизацией значимого научно-методического и практического опыта в области объяснительного чтения. Он развивал методику К. Д. Ушинского, конкретизировал определённые моменты, обогащая данную методику собственными методическими находками.

В этот период развития методической науки такой навык, как сознательность чтения, считается уже его неотъемлемым качеством и признается всеми ведущими методистами. Вырисовывается противоречие между необходимостью формировать у учащихся навык читать с пониманием и необходимостью учить детей глубоко проникать в подтекст художественного произведения. Попытки разрешить это противоречие связаны, прежде всего, с острой критикой метода объяснительного чтения. Так, В. Я. Стоюнин в работе «Руководство для преподавателей русского языка в младших классах» (1876) говорит о недостатках метода, указывая на то, что «мелкими вопросами убивается впечатление от произведения, разрушается целостная образная картина, созданная автором» [Львов, Горецкий, Сосновская, 2007, с.67].

Идеи К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, В. Я. Стоюнина получили свое развитие в докладе «Слово в защиту живого слова в связи с вопросом об объяснительном чтении» В. П. Шереметевского. Он говорит о необходимости раскрыть особый мир художественного произведения, противопоставляет курсорное (безостановочное) чтение значительных по объему произведений объяснительному (остановочному) чтению коротких рассказов.

Представляется важным упомянуть о взглядах методиста К. В. Ельницкого, который объясняет в своих трудах, как правильно организовать работу над беглостью и правильностью чтения, не упуская при этом сознательности чтения, а также дает конкретные рекомендации по разбору художественного произведения. Система анализа художественного произведения, которую разработал К. В. Ельницкий, продолжает быть актуальной и сегодня.

Новый подъем в развитии метода объяснительного чтения связан с именем В. П. Вахтерова. В своей методической системе ему удалось синтезировать познавательное и художественное направления объяснительного чтения. Он развил систему, заложенную еще К. Д. Ушинским и позволяющую давать детям реальные знания в занимательной форме.

Методисты XIX века в объяснительном чтении» видели тот метод, «который может помочь ребенку овладеть сознательным чтением, будет являться способом сообщения знаний из разных областей науки и, наконец, станет первой ступенью в осознанном чтении художественного произведения [Львов, Горецкий, Сосновская, 2007 с.71].

На рубеже XIX – XX вв. развивается методика воспитательного чтения. Она связана с именем Ц. П. Балталона. А также появляется метод литературно-художественного чтения и развивается метод творческого чтения.

В начале XX в. на уроках чтения активно используются рисование, лепка, театрализация и другие новаторские приемы работы. Именно в этот период большое внимание начинает уделяться обучению детей навыку чтения про себя.

В 1932–1969 гг. метод объяснительного чтения был ориентирован на идеи классиков русской методической науки: К. Д. Ушинского, Н. Ф. Бунакова, Н. А. Корфа, Д. И. Тихомирова, В. П. Вахтерова и др. Данный метод получил свое развитие и был обобщен в работах деятелей советской школы: Н. Н. Щепетовой, Е. А. Адамович, А. И. Воскресенской, С. П. Редозубова, М. Л. Закожуриковой, Н. С. Рождественского, А. В. Янковской и др. Синтез всех видов чтения,

а также последовательное применение разных приемов работы в зависимости от жанра и вида читаемого произведения стали главным достижением методической науки 30-х – 60-х годов.

В конце 60-х годов появляются научные исследования Л. В. Занкова, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. Они заложили основу для выработки новых взглядов на процесс обучения чтению. К началу 70-х годов из научной литературы исчезает термин «объяснительное чтение». Обучение чтению начинает рассматриваться как сложный трехуровневый процесс (в соответствии с переходом на трехлетнее обучение в начальной школе). Он включает в себя обучение грамоте, классное и внеклассное чтение. Несмотря на разнообразие приемов, все они подразумевали, что обучающиеся должны будут овладеть умениями, которые сегодня мы называем «смысловым чтением». Впервые этот термин был использован в исследовании Л. Ю. Невуевой и А. А. Зубченко. С этого момента чтение начинает рассматриваться как общеучебный навык.

На актуальном этапе в понятии «навык чтения» выделяются:

- осознанность чтения как ведущее качество навыка чтения;
- правильность чтения как необходимое условие адекватного понимания читаемого текста;
- определенная скорость чтения, которая в идеале должна соответствовать темпу разговорной речи;
- выразительность чтения как показатель понимания. [Зиновьева, Методика, 2016, с.221-222].

В современной методической литературе **сознательность чтения** принято рассматривать как гармоничное соотношение трех компонентов: понимания замысла автора, осознание тех художественных средств, которые помогают ему реализовать этот замысел, а также осмысление учащимся собственного критического отношения к прочитанному [Львов, Горецкий, Сосновская, 2007, с.93].

В современном информационном обществе у смыслового чтения ярко выражен «метапредметный» или «надпредметный» характер. Оно относится к тем универсальным учебным действиям, которые, согласно ФГОС, должны быть сформированы на этапе начальной школы.

«Примерная основная образовательная программа начального образования» рассматривает смысловое чтение как навык, позволяющий реализовывать «осмысление цели чтения и выбор вида чтения в зависимости от цели; извлечение необходимой информации из прослушанных текстов различных жанров; свободную ориентацию и восприятие текстов художественного, научного, публицистического и официально-делового стилей...» [Веб-сайт Министерство]

Многие современные педагоги трактуют смысловое чтение как особый вид чтения, который нацелен на понимание читающим смыслового содержания текста. Так, В. А. Сапа по степени осмысления информации выделяет два вида чтения: «репродуктивное» – первая фаза чтения, при которой воспринимается его общий смысл; «творческое» – вторая и третья фаза чтения, в которых главная роль отводится интерпретации прочитанного, формированию оценки и рефлексии [Сапа, 2014, с. 23-42].

Анализ генезиса термина «смысловое чтение» позволяет нам определить основные методические посылы в обучении осмысленному чтению детей-билингвов. Для построения

диалога между автором художественного произведения и учащимися, необходимо следовать следующей логике в процессе чтения:

- подготовить ученика к восприятию текста;
- помочь понять форму и содержание произведения;
- использовать наводящие вопросы, чтобы помочь выработать свое собственное отношение к читаемому.

Для этого учитель применяет различные виды и приемы работы. С первых шагов обучения чтению мы формируем у детей тип правильной читательской деятельности. Мы должны «учить думать над произведением до чтения, во время и после него» [Львов, Горецкий, Сосновская, 2007 с.101].

Необходимо также учитывать возрастные психологические особенности. Так, у младших школьников восприятие художественного текста связано с трудностями преобразования графических знаков в слова и последующего понимания значений этих слов и связи между ними. Это объясняется тем, что ребенок еще не владеет навыком чтения в достаточной степени. Соответственно, учителю важно первому осуществить чтение произведения вслух, поскольку, так как, если младший школьник сразу начнет читать текст самостоятельно, то он может не до конца уяснить смысл прочитанного. Для педагога важно проводить тщательную словарную работу на всех этапах: объяснять значения слов, уточнять их, обеспечивать предварительное прочтение трудных слов и словосочетаний и фонетическую работу с ними, а также готовить детей эмоционально воспринимать читаемый текст.

Ученик младшего школьного возраста еще не осознает тех законов, по которым автор выстраивает текст художественного произведения, не фиксируется на форме читаемого текста. Мышление ребенка данного возраста остается деятельностно-образным. В его сознании форма слита с содержанием: ему еще сложно разделить сам предмет, слово, которое его обозначает и то действие, которое выполняется предметом. Таким образом, сложная форма может стать преградой на пути к пониманию содержания текста младшим школьником. Одна из важных задач учителя — развить у учащихся умение понимать и чувствовать структуру произведения, закономерности построения художественного текста. Мы можем говорить о динамике понимания художественного произведения и его действующих лиц на этапе начальной школы. Младший школьник вместе с учителем проходит непростой путь от сочувствия какому-либо конкретному герою к пониманию авторской позиции в целом и далее — к обобщенному восприятию мира художественного произведения, к осознанию своего к нему отношения, к осмыслению влияния произведения на свои личностные установки.

Все вышеизложенное актуально и для обучающихся-билингвов. Изучению проблемы смыслового чтения у данной категории учащихся посвящены научные труды Е. А. Хамраевой. Так, в своей статье «Обучение детей-билингвов технике чтения: вы читаете по-русски?» исследователь подчеркивает, что специфика становления механизма чтения на русском языке в детском возрасте (в отличие от других европейских языков) заключается в том, что автоматизация механизма чтения приводит к считыванию целого слова и динамическому словесному чтению. Этот процесс «навсегда останется у ребенка «горизонтальным», а значит – анализирующим» [Хамраева, 2018, с.17-25]. Важную роль в своей статье Е. А. Хамраева отводит механизму формирования понимания чтения. Автор приводит примеры различных приемов, помогающих научить билингва быстрому и легкому чтению. Особое внимание обращается на характер исправления ошибок при чтении.

Пособие «Как преподавать русский язык двуязычным детям» под общей редакцией А. Л. Бердичевского выделяет коммуникативную задачу как основу обучения детей-билингвов и говорит о том, что именно эта задача определяет тот или иной вид чтения [Бердичевский, 2015]. В нем рассматриваются стратегии чтения аутентичного текста, ставится вопрос, с чего нужно начинать обучение технике чтения, приводятся различные виды упражнений и заданий, эффективно формирующих технические навыки чтения у детей-билингвов. Авторы пособия ставят вопрос о том, нужна ли детям специальная книга для чтения, и как необходимо работать с такой книгой, рассматривают различные типы текстов и приемы работы с ними.

Формированию навыков смыслового чтения у младших школьников-билингвов служат элементы метапредметного подхода. Интегрированность учебного процесса важна на данном этапе обучения, поскольку именно в этот период учебная деятельность становится ведущей составляющей развития личности ребенка. Поэтому мы рекомендуем с 1-го класса включать в учебную программу такие предметы, как «Окружающий мир», музыкальное развитие, развитие устной и письменной речи. Сегодня существует множество пособий для детей-билингвов, которые реализуют метапредметный подход к обучению и имеют коммуникативную направленность, способствуют развитию навыков смыслового чтения и анализа текста.

На каждом этапе обучения смысловому чтению необходимо опираться на комплексную диагностику, позволяющую отслеживать динамику формирования данных навыков и степень их сформированности. Для проведения комплексной диагностики младших школьников-билингвов используются различные методики. Это «Лингводидактическая диагностика», реализующая уровневый подход к изучению русского языка детьми-билингвами [Хамраева, Шорина, Саматова], материалы сайта «Русский язык для наших детей» [Веб-сайт Русский язык для наших детей] и др.

Проследив, как изменялось отношение к понятию «осмысленное чтение», начиная с середины XIX в., мы можем сделать вывод о том, что работа по формированию данного навыка у младших школьников напрямую связана с целями и задачами, которое общество на каждом этапе развития образования ставит перед начальной школой. Формирование навыков осмысленного чтения является одним из важнейших аспектов образования двуязычных детей, служит для обеспечения целостности учебного процесса, гарантирует дальнейшее успешное обучение на русском языке в средних и старших классах, является залогом развития метапредметных навыков, а также навыков коммуникации внутри русского сообщества своей страны и за ее пределами. Именно поэтому проблема формирования навыков осмысленного чтения у младших школьников-билингвов продолжает привлекать к себе внимание специалистов.

Литература:

- Бердичевский А. Л., Никитенко З. Н., Хамраева Е. А. Как преподавать русский язык двуязычным детям: методическое пособие для учителей. — Фонд Русский мир. — М., 2015. 239 с.
- Веб-сайт Министерство просвещения РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fgosreestr.ru/>
- Веб-сайт Русский язык для наших детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/>
- Методика обучения русскому языку и литературному чтению: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. Зиновьевой Т. И. — Издательство Юрайт. — М., 2016. 468 с.

- Львов М. Р., Горецкий В. Г., Сосновская О. В. Методика преподавания русского языка в начальных классах: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений — 3-е изд. — Издательский центр «Академия». — М., 2007. 464 с.
- Сапа А. В. Формирование основ смыслового чтения в рамках реализации ФГОС основного общего образования // Эксперимент и инновации в школе. № 5 — М., 2014, с.23-42.
- Хамраева Е. А. Обучение детей-билингвов технике чтения: Вы читает по-русски? // Русский язык за рубежом. № 6 (271) — М., 2018, с.17-25.
- Хамраева Е. А., Шорина Т. А., Саматова Л. М. Дидактическое пособие. Лингводидактическая диагностика. Русский язык: универсальные учебные действия, 6–14 лет. — Русский язык. Курсы. — М., 2020. 144 с.

References:

- Berdichevskiy A. L., Nikitenko Z. N., Hamraeva E. A. Kak prepodavat russkiy yazik dvuyazichnim detiam: metodicheskoe posobie dlia uchiteley. — Fond Russkiy mir. — Moscow, 2015. 239 p
- Web-page Ministry of Education of the Russian Federation [Electronic resource]. - Access mode: <https://fgosreestr.ru/>
- Website Russian language for our children [Electronic resource]. - Access mode: <https://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/>
- Lvov M. R., Goretskiy V. G., Sosnovstaya O. V. Metodika prepodavaniya russkogo yazika v nachalnih klassah: ucheb. posobie dlia ped. ucheb. zavedeniy. — 3 izd. — Izdatelskiy centr “Akademia”. — Moscow, 2007. 464 p.
- Metodika obucheniya russkomu yaziku y literaturnomu chteniyu: uchebnik y praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata / pord red. Zinovievoy T. I. Izdatelstvo Yurait. — Moscow, 2016. 468 p.
- Sapa A. V. Formirovanie osnov smislovogo chteniya v ramkah realizatsii FGOS osnovnogo obshchego obrazovaniya // Eksperiment y innovatsii v shkole. № 5 — Moscow, 2014, p.23-42.
- Hamraeva E. A. Obuchenie detey-bilingvov tehnike chteniya: Vi chitaete po-russki? // Russkiy yazyak za rubezhom. № 6 (271) — Moscow, 2018, p.17-25.
- Hamraeva E. A., Shorina T. A., Samatova L. M. Didakticheskoe posobie. Lingvodidakticheskaya diagnostika. Russkiy yazik: universalnie uchebnie deystvia, 6-14 let. — Russkiy yazik. Kursi. — Moscow, 2020. 144 с.

Маругина Н. И.

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕДИАТЕКСТОВ В ЖУРНАЛЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА «КОСТЁР»

В статье рассматриваются вопросы жанрового разнообразия медиатекстов, формирующие коммуникативное пространство в детско-юношеском журнале «Костёр». Представленные характеристики жанров интервью, научно-популярного рассказа, биографической заметки, художественного очерка демонстрируют, что медиатексты создаются для манифестации культурных ценностей, общественных установок и расширения масштабов интеракции. Выполняя также социальную функцию, медиатексты детско-юношеского журнала «Костёр» способствуют формированию у детской аудитории интереса к познавательной деятельности и развитию критического мышления.

Ключевые слова: медиатекст, жанровые характеристики, детско-юношеские печатные СМИ, ценностные установки.

Nadezhda I. Marugina

National Research Tomsk State University

MAIN GENRE CHARACTERISTICS OF MEDIA TEXTS IN THE MAGAZINE FOR CHILDREN AND YOUTH “KOSTER”

This paper offers a survey of genre diversity of media texts that form the communicative space in the magazine for children and youth “Koster”. The main characteristics of such genres as interview, popular science story, biographical note, and literary story demonstrate that media texts are created to manifest cultural values, social attitudes and expand the scope of interaction. As well as fulfilling a social function, the media texts of the “Koster” magazine contribute to spark children’s cognitive interest and develop critical thinking.

Key words: media text, genre characteristics, magazines for children and youth, cultural values.

Введение

На современном этапе развития социально-гуманитарного научного направления все очевиднее становится необходимость комплексного изучения детских печатных средств массовой информации, так как позволяет нам обозначить их роль в качестве средства общения, мышления, орудия познания и воспитания. Порождение и обмен информацией в пространстве детских СМИ определяют характер коммуникативной среды, которая формируется при помощи современных медиатекстов. Медиатексты, определяющие коммуникативное пространство детско-юношеских журналов являются платформой для интеракции детей и взрослых. Жанровое своеобразие текстов детско-юношеского журнала «Костёр» позволяет выявить их внутренние смысловые особенности, которые репрезентируют ценностные установки общества и позволяют представить уникальный культурный код интеракции детской и взрослой аудитории.

Методология исследования

Термин «медiateкст» начал использоваться в 90-х гг. XX в. в трудах европейских ученых (Т. ван Дейк, Алан Белл, Сьюзен Эрвин-Трип, Дуглас Келлер, Лизбет де Блок, Дэвид Бакингэм и др.).

Британский исследователь Дэвид Бакингэм изучает вопросы взаимодействия детей и медиа. В одной из своих работ «Children and Media» он рассказывает об общеевропейском сравнительном исследовании «Children and their Changing Media Environment», где использование детских СМИ репрезентируется как феномен, который находится в контексте других социально-значимых активностей. Дэвид Бакингэм отмечает, что доступность СМИ для детей зависит от таких факторов, как размер страны или языковое сообщество, средний уровень доходов населения, а также политики, связанной с регулированием СМИ в той или иной стране [Бакингэм, 2002, с.9].

Сара Брэг поддерживает идею Д. Бакингэма о доступности СМИ для детей. Она утверждает, что существуют значительные социальные различия в доступе детей к средствам массовой информации. Дети из семей рабочего класса чаще имеют личный доступ к экрану развлекательных средств массовой информации (телевизоры, игровые приставки, компьютер), и в меньшей степени имеют доступ к книгам. Модели использования средств массовой информации отражают сложную комбинацию социальных отношений, имеющийся семейный доход и собственные вкусы или предпочтения детей [Брэг, 2003, с. 67-68].

В данном исследовании рассматриваются медiateксты детского печатного Всероссийского ежемесячного литературно-художественного журнала для школьников «Костер», поскольку на современном этапе он отвечает многим социальным требованиям.

Прежде всего, следует отметить его *доступность*. Журнал доступен всем детям в печатной и электронной версиях. Дети могут получать не только доступ к медiateкстам журнала, но и становится его активными участниками, вовлекаясь в процесс производства контента.

Вторым определяющим фактором журнала является *вариативность его контента*. В последнее время на рынке масс медиа появляется все больше и больше контента, отвечающего запросам современной детской аудитории. Интересно заметить, что отвечая на современные запросы детской аудитории, журнал «Костер» является мощным и действенным каналом духовного обогащения детей и их нравственного воспитания. Детская картина мира, формируемая при помощи журнала «Костер», зиждется на традиционных мировоззренческих ориентирах и ценностных установках, которые имеют глубокие исторические корни, их истоки уходят далеко в прошлое (трудолюбие, дружба, доверие, любовь к чтению, доброта, уважение, скромность, самостоятельность).

Следующая значимая особенность журнала «Костер» – *способность удерживать внимание детской аудитории*. Медiateксты в коммуникативном пространстве журнала выполняют не столько познавательную функцию, сколько социальную. Это достигается за счет сочетания информации о взрослых и детях, демонстрации их в качестве примеров для подражания. Журнал «Костер» не устанавливает строгих коммуникативных границ. Коммуникативное пространство журнала организовано таким образом, где всякому медiateксту принадлежит свое место, и он существует в диалогической взаимосвязи с другими сообщениями. Журнал «Костер» способен удерживать внимание детей при помощи креолизованных текстов: использования веселых картинок, ярких фотографий, быстрой смены

обстановки за счет различных по жанру медиатекстов, диалогов с читателями, привлечением детей в качестве авторов медиатекстов.

Смотря на веселую и яркую картинку в журнале, ребенок невольно становится заинтересованным и вовлеченным в происходящее. *Способность оказывать влияние* означает, что детский медиадискурс может оказывать влияние на формирование устойчивых представлений о мире у детей, прививать различные ценности детям, демонстрировать четкие поведенческие модели, которые дети могут копировать в своих играх, из-за того, что детские представления о мире еще слабо сформированы. Поэтому родителям очень важно следить, какой медиа контент просматривают и читают их дети, ведь это откладывает свой отпечаток на их развитие.

Среди отечественных лингвистов, занимающихся проблематикой порождения и функционирования медиатекстов следует отметить Т. Г. Добросклонскую, Г. Я. Солганика, Я. Н. Засурского, Н. А. Кузьмину. Н. А. Кузьмина отмечает, что медиатекст представляет собой «динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [Кузьмина, 2011, с. 13]. Я. Н. Засурский считает, что медиатекст – это «новый коммуникационный продукт», который может быть включён в разные медийные структуры вербального, визуального, звучащего, мультимедийного планов, а также в разные медийные обстоятельства: газеты, журналы, радио, телевидение и т.д. [Засурский, 2005, с. 6].

Г. Я. Солганик отмечает специфику медиатекстов, которая состоит в том, что они всегда направлены на массового читателя. Данная особенность позволяет моделировать определенную категорию автора, которая продиктована в основном потребностями общества привлечь детскую аудиторию к доступным познавательным ресурсам. Автор медиатекстов конструирует коммуникативное пространство, выстраивает общение с аудиторией в виде лично-группового обращения к получателю информации – не к отдельной личности ребенка, а к массовому читателю. В печатных СМИ детская аудитория в свою очередь трансформирует лично-групповое общение с автором медиатекстов в своё межличностное пространство, воспринимая автора медиатекстов как единственного и уникального собеседника [Солганик, 2005, с. 11].

Основные результаты исследования

Детский печатный медиатекст функционирует в различных формах. Внутренняя форма медиатекста репрезентирует его жанровую принадлежность. Традиционная классификация жанров сосредоточена на основных трех группах: информационные, аналитические, художественно-публицистические (Киселев А. А., Стрельцов Б. В., Тертычный А. А., Шостак М. И.). Рассмотрим вопрос об основных образующих жанрах медиатекстов в детско-юношеском журнале «Костёр».

На первых страницах детско-юношеского журнала «Костер» всегда помещаются медиатексты публицистического жанра. Такие медиатексты ставят своей целью предоставление новой информации о реальных событиях, мероприятиях, которые произошли совсем недавно в России. Они имеют броское название, сопровождаются большим количеством цветных фотографий и рассказывают подробно о событиях. К примеру,

«И «Оскар» бы позавидовал (фрагмент текста)

Этим летом в Санкт-Петербурге для юных любителей киноискусства и будущих творцов кинематографа открылся Международный детский фестиваль «Киноостров». В конкурсной программе участвовали более 150 фильмов, которые прислали ребята со всей

Росси: от Владивостока до Калининграда. Такое географическое разнообразие вполне соответствовало теме фестиваля – «Точка на карте». На протяжении двух недель в кинотеатре «Родина» проходили показы фильмов-участников, а на торжественной церемонии закрытия фестиваля назвали имена победителей» [Костёр № 8, 2018. с. 3].

Большая часть медиатекстов журнала «Костер» принадлежит к художественно-публицистическому жанру. Медиатексты данного жанра представляют собой сложную комбинацию особого контента, смоделированного взрослыми и детьми на основе реальных или вымышленных событий. Сочетание художественной выразительности с публицистичностью в медиатексте предоставляет возможность для репрезентации документального факта, получения свежего взгляда на конкретную ситуацию, актуализации авторской позиции. В журнале «Костер» можно обнаружить следующие тексты художественно-публицистического жанра: очерк (художественный, сюжетный или описательный), автобиография или автобиографическая история, житейская история, легенда, исторический рассказ. Все медиатексты художественно-публицистического жанра, входящие в коммуникативное поле журнала «Костер» являются очень объемными и чаще всего занимают несколько страниц. К примеру, биография такого известного человека, как В. С. Высоцкий:

«Высоцкий Владимир Семенович (фрагмент биографии)

1938 — 1980

Поэт, прозаик, автор песен, актер.

Родился 25 января Москве в семье военного связиста, прошедшего всю войну. В 1947 — 1949 Высоцкий жил с родителями в Эберсвальде (под Берлином) по месту службы отца; затем с матерью — в Москве.

После окончания школы поступил (по настоянию родителей) в МИСИ на механический факультет, но скоро понял, что это не для него, ушел из института и поступил в студию МХАТ (раньше несколько лет занимался в самодеятельности). Учился с 1956 по 1960.

Окончив училище, начал работать в Московском театре им. А. С. Пушкина, но вскоре ушел и «начал бродить по разным московским театрам».

С 1964 поступил в труппу только что организованного Театра на Таганке, актером которого оставался до конца жизни. Высоцкий сыграл в театре более 20 ролей.

Стихи Высоцкий начал писать очень рано, не бросил это занятие и в юности, поощряемый своими близкими друзьями, для которых и писал, и пел. Первые песни — дань времени — так называемые «дворовые», городские песни. За свою короткую жизнь Высоцкий написал около тысячи песен в разных жанрах: сказки, бурлески, шутки, маршевые ритмы и др.

При жизни поэта не было напечатано ни одного его стихотворения, не было разрешено ни одного открытого концерта. После смерти В. Высоцкого, в Москве, был издан сборник стихов поэта — «Нерв» (1981), составленный Р. Рождественским; позже — небольшой томик его прозы» [Костёр № 8, 2002. с. 3].

Биографические истории используются для установления ценностных и аксиологических ориентиров в пространстве журнала «Костер». Такие медиатексты представляют индивидуальную детскую авторскую позицию, которая вызывает интерес у читательской аудитории к выдающимся личностям и формирует цельно-динамическое мировоззрение — любовь к окружающей действительности, к жизни. Медиатексты, повествующие о героях, являются дискурсивными зонами в пространстве журнала «Костер», способствуют выстраиванию системы ценностей и общественных идеалов человека (любовь к труду, любовь к

природе, любовь к животным, любовь к своему делу, любовь к чтению). Следующий контекст является ярким примером такого медиатекста:

«Пример трудолюбия и порядка (фрагмент биографии)

На 11 августа 2018 года приходится знаменательная дата – 215-летие со дня рождения русского писателя и музыкального критика, князя Владимира Федоровича Одоевского. Одоевский родился в 1803 году и прожил 66 лет. Князь писал рассказы, занимался философией, музыкой, был одним из самых умных и грамотных людей того времени.

Я люблю произведения В. Ф. Одоевского за их простой и понятный язык, за легкое, но в то же время интересное содержание, за неповторимые впечатления, которые остались у меня еще с детства. Особенно мне запомнилась сказка про мальчика Мишу, который получил в подарок отца музыкальную табакерку. Путешествуя внутри механизма, как по сказочному городу, Миша открывает для себя законы перспективы в живописи, музыкальную теорию контрапункта. А главное, когда он просыпается, он понимает, как работает музыкальный ящик, а наблюдая за жизнью внутри табакерки, видит пример трудолюбия и порядка, рождающего музыку. Так и люди могут создавать прекрасное, если они увлечены общей идеей и работают сообща.

Есть у Одоевского и другие, не менее интересные произведения... А в рассказе «Бедный Гнедко» автор пытается пробудить в сердце читателя любовь к животным. В рассказе о судьбе изурнутой лошади, когда-то бывшей веселым жеребенком, писатель будто обращается к детям со словами: «Кто мучит лошадь, собаку, тот в состоянии мучить и человека». Мария Евстигнеева, 15 лет,

9 класс, МАОУ СШ № 3,

р.п. Ильиногорск, Нижегородская область» [Костёр № 8, 2018. с. 16].

Сложно представить печатные СМИ без детской фантазийной составляющей. Медиатексты, включающие небольшие фантазии детей представляют собой индивидуальное знание и опыт. Специфика представления такого опыта состоит в том, что детский авторский текст является лично-ориентированным и раскрывает индивидуальное сознание ребенка, моделирующего подобное произведение. Медиатекст-рассуждение ребенка формирует представление о фундаментальных понятиях: пространство, время, красота, природные явления. Медиатекст-рассуждение представляет модель целостного образа природного мира через воображаемые явления. К примеру,

«Если бы

Если бы радуга была съедобной, то рестораны подавали бы на стол радужный суп, радугу во фритюре, а на десерт – радужное крем-брюлле.

А после дождика дети кусали бы от радуги по кусочку и потихоньку дошли бы до конца, а там стоял бы горшочек с золотыми монетами. Но лепрекон был бы этому не очень-то рад, потому что по вкуснейшей радуге очень легко найти его дорожущий горшочек.

Все любили бы какой-то один вкусный цвет радуги. Кто-то из ребят любил бы больше апельсиновый вкус, кто-то – черничный, а кто-то предпочитал бы просто попить голубой воды. А мне вообще нравится виноградный вкус.

Маруся Мамчур, 9 лет,

Санкт-Петербург» [Костёр № 8, 2018. с. 19].

Научно-популярный жанр в журнале «Костер» представлен зарисовками, научно-художественными рассказами о природе, растениях и животных. Журнал «Костер» предлагает детской аудитории познавательную игру через медиатекст – сжатое, короткое описание природного явления, известных фактов о флоре и фауне, событий из истории и современного состояния науки. В зарисовке присутствует и художественный вымысел, и эстетическая составляющая, например,

«Мать-и-мачеха

На пригорках давно уже появились кучки стебельков мать-и-мачехи. Каждая кучка — семейка. Стебельки постарше — стройные, держат голову высоко, а к ним прижимаются маленькие, толстенные, неуклюжие. Есть совсем смешные, стоят, сгорбившись, оробели, выглядывая на белый свет.

Каждая семейка выросла из подземного корневища. В нем был с осени отложен запас пищи. Теперь он постепенно тратится, но его должно хватить на все время цветения. Скоро каждая головка превратится в желтый лучистый цветок, а точнее, не в цветок, а соцветие, целое собрание маленьких, прижатых друг к другу цветочков.

А когда они начнут отцветать, из корневища вырастут листья и примут на себя заботу — наполнить корневища новым запасом пищи.

Н. Павлова [Костёр № 4, 2003. с. 28].

Согласно Л. С. Выготскому воображение неразрывно связано с мышлением ребенка. Данный факт можно проверить на подобных медиатекстах в журнале «Костер». Ребенок проявляет свои творческие способности, простое описание природного объекта превращается в «живой образ», персонифицируется и наделяется определенными характеристиками и культурными установками (семейные ценности). Таким образом, воображение органически включено в процессы мышления и способствует координации эмоциональных состояний детей.

Интервью (беседа) представляет собой самый популярный способ получения и обмена информации в печатных детских СМИ. Интервью в журнале «Костер» репрезентируется как самое актуальное и общественно-значимое событие. Собеседники участвуют в непосредственном информационном обмене в форме диалога, где адресантом является журналист, а адресатом может выступать либо известный человек или общественно-значимая фигура (взрослый), либо ребенок, рассказывающий широкой аудитории о своих интересах и увлечениях. Интервью всегда имеет целенаправленный характер, и спектр его воздействия распространяется не только на самих собеседников, но и на более широкую аудиторию. Вопросно-ответная, диалогическая форма подачи материала позволяет держать фокус внимания массового читателя.

Взаимодействие журналиста с взрослым собеседником или ребенком в журнале «Костер» может осуществляться в зависимости от цели построения диалога или интервью. Это может быть информативное интервью, нацеленное на сбор информации о новом явлении или событии; интервью-знакомство с человеком (взрослым или ребенком), который проявил себя в работе, учебе или общественной жизни; звездные интервью с выдающимися писателями, поэтами, переводчиками, всеми, кто внес значительный вклад в развитие страны, региона, какой-нибудь отдельной области знания.

Главный ориентир построения диалога – публичная интеракция, коммуникативно-обусловленная социальная практика, основанная на непрерывном диалогическом сотворчестве. Интервью с взрослым собеседником проводится с целью глубокого расследования его собственного примера, жизненного опыта для того, чтобы представить личность с идеальными

характеристиками, актуализировав ценностные ориентиры общества, к примеру, интервью с переводчицей Марией Семёновой.

«Сплошной восторг – постигать новое

1 ноября отметила свой юбилей известная писательница, переводчик, автор более 30 романов и повестей, лауреат многих литературных премий, давний друг и автор нашего журнала – Мария Семенова. Мы сердечно поздравили Марию Васильевну с юбилеем и попросили ответить на несколько вопросов.

- Помните ли Вы, какие книги читали в детстве и какие литературные герои были самыми любимыми? Есть ли такая литературная цитата, которая помогает Вам в трудную минуту?

- Конечно, я хорошо помню книги моего детства. Я выросла на книгах Томаса Майна Рида, Жюль Верна, Джека Лондона. Любимые герои были похожи на капитана Немо – благородные борцы за свободу, при этом гениальные ученые, изобретатели, неутомимые исследователи...

- У Вас техническое образование, и Вы много лет успешно работали по специальности. Почему Вы начали писать? Как и когда обнаружили в себе литературный дар и поняли, что Вы - писатель?

- Я о себе не помню двух вещей – как я впервые начала что-то сочинять и как впервые взяла в руки паяльник. Технический вуз и специальность инженера-электрика были моими осознанным выбором, о котором я отнюдь не жалею, как и о десяти годах работы в технической науке...

Беседовал Николай Харлампиев» [Костёр № 11-12, 2018. с. 4-5].

Интервью-знакомство с талантливым ребенком в журнале «Костёр» ставит своей целью познакомить широкую детскую аудиторию с выдающимися достижениями, уникальными способностями собеседника. Главный ориентир построения интеракции – супергерой или супергероиня, неординарная личность с активной жизненной позицией, обязательно со своей мечтой и планами для ее реализации в жизни. Показательным также являются сам пример самореализации и ценностные установки главного героя – самостоятельность, трудолюбие и умение добиваться поставленных целей, например,

«Посмотрите! Оцените! Я сама!

Давайте познакомимся с юным модельером – Дарьей Палиловой из города Сарова. Наша героиня делится с читателями своим модельным опытом. Ее мечта – стать известным модельером-дизайнером и представить свою первую коллекцию одежды в 20 лет, на большом подиуме Москвы, чтобы ее оценили успешные модельеры.

- Для воплощения всех этих планов нужно долго и вдохновенно работать. Что приближает тебя к твоей мечте?

- Я люблю не только фантазировать, придумывать, но и создавать что-либо новое. Такая возможность у меня есть на занятиях в детском театре моды «Русь», где мы создаем коллекции одежды, а затем показываем их на самом лучшем национальном конкурсе моды для детей Ассоциации «Золотая игла»...

- Но ведь кроме этих красивых и увлекательных занятий еще есть школа! Успеваешь ли ты читать и что именно?

- Мне интересны книги по истории моды, посвященные возникновению и развитию модных направлений, биографии знаменитых кутюрье. Любимые настольные книги в нашем детском театре моды – «Русский народный костюм» и «Композиция костюма» М. Ф. Пармон. Очень интересная книга – «Современная энциклопедия. Мода и стиль»...

Беседовала Надежда Каменева» [Костёр № 10, 2018. с. 16].

Выводы

Медиатексты являются интерактивным и социальным основанием детско-юношеского журнала «Костёр» и формируют открытое пространство для коммуникативного взаимодействия взрослых и детей. Жанровые характеристики медиатекстов детско-юношеского журнала «Костёр» позволили выявить их внутренние смысловые особенности, которые репрезентируют ценностные установки общества и позволяют представить уникальный культурный код интеракции детской и взрослой аудитории. Ценностные установки, актуализируемые в исследуемых жанрах интервью, научно-популярного рассказа, биографической заметки, художественного очерка отражают набор характеристик, которые помогают идентифицировать особенности русской культуры. Ключом к пониманию русской культуры служат медиатексты в журнале «Костёр», концептуально сводимые к вербализации культурной универсалии «любовь». Таким образом, из проанализированных фрагментов мы можем обозначить элементы национального культурного кода: любовь к жизни, любовь к семье, любовь к природе, любовь к труду, любовь к животным.

Литература:

- Засурский Я. Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика 2015 / № 5 Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 3-6.
- Кузьмина Н. А. Современный медиатекст: учеб. пособие. Омск, 2011. 414 с.
- Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 7-15.
- Всероссийский ежемесячный литературно-художественный журнал для школьников «Костер» (2002, 2003, 2018).
- Buckingham, David Children and Media. UNESCO. – London, 2002. 104 p. URL: http://www.chicam.net/media/pdf/DEL1_part2.pdf [date 11.08.2003].
- Buckingham, David and Bragg, Sara. Young people, media and personal relationships. London. 2003. 120 p.

References:

- Zasurskij YA. N. Kolonka redaktora: mediatekst v kontekste konvergencii [Editor's note: mediatext in the context of convergency] // Vestnik MSU. Seriya: Lingvistika 2015 / № 5 Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2005. № 2. PP. 3-6.
- Kuz'mina N. A. Sovremennij mediatekst: ucheb. posobie [Modern mediatext: textbook]. Omsk, 2011. 414 p.
- Solganik G. YA. K opredeleniyu ponyatij «tekst» i «mediatekst» [Defining the terms “text” and “mediatext”] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2005. № 2. PP. 7-15.
- Vserossiiskij ezhemesyachnyj literaturno-hudozhestvennyj zhurnal dlya shkol'nikov «Koster» [All-Russian monthly literary magazine for schoolchildren “Koster”] (2018-2023).

Матияш В. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

АЛОГИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Исследование нацелено на изучение алогизмов в англоязычном рекламном дискурсе с лингвокогнитивных и коммуникативно-прагматических позиций. Выявляются алогизмы, основанные на понятии и суждении, описываются механизмы их порождения, анализируются функции в тексте в соотношении со стратегиями и тактиками воздействия на реципиента.

Ключевые слова: рекламный дискурс, алогизмы, коммуникативные стратегии, убеждение, деривация

Matiash Victoria

Saint Petersburg state university

ALOGISMS IN ANGLOPHONE ADVERTISING DISCOURSE

The research under consideration highlights the problem of alogisms derivation and functions in anglophone advertising discourse. It is set within the framework of cognitive linguistics and communicative pragmatic studies. The subject of the research is alogisms based on the notion and the judgment, the focus is on their derivation and functions in relation to communicative strategies and tactics of influencing the recipient.

Keywords: advertising discourse, alogisms, communicative strategies, persuasiveness, derivation

Специфика рекламы и рекламного дискурса становится предметом междисциплинарных исследований, объединяющих разные области знания, в частности маркетинг и лингвистику. Наше исследование проводится в рамках активных областей современных лингвистических исследований – когнитивной лингвистики и дискурсивных исследований. Проблема рассматривается с междисциплинарной точки зрения и имеет связь с феноменом убеждения в различных типах дискурса, а также с характерными для них коммуникативными стратегиями и тактиками.

Объектом исследования являются алогизмы в рекламном дискурсе, понимаемые как средство коммуникативного воздействия на реципиента. В качестве предмета исследования выступают механизмы деривации и функции алогизмов в англоязычных рекламных текстах. Основная цель данного научного изыскания заключается в выявлении специфики алогизмов в различных видах англоязычной рекламы.

Под рекламным дискурсом в современном языкознании понимается «комплекс речевых актов рекламирования, актуализирующийся в определенных дискурсах...», который «...предполагает наличие отправителя сообщения, его получателя и конкретные цели общения» [Абдуллаева, 2022, с. 10], а также «институциональный феномен, связанный с различными видами деятельности человека и имеющий прагматическую установку, заключающуюся в

привлечении внимания к предмету рекламы и актуализирующую определенную коммуникативную стратегию» [Смагина, 2021, с. 48].

Для достижения необходимого эффекта создатели рекламы прибегают к разнообразным средствам, привлекающим внимание аудитории и влияющим как на рациональную, так и эмоциональную сферу личности потенциального покупателя. В значительной мере стратегии и тактики воздействия в рекламном дискурсе представлены в работах Ф. Котлера [Котлер, 1991, с. 486], который отмечает, например, следующие приемы, характерные для англоязычной рекламы:

1) акцентирование образа жизни – это средство рекламного дискурса фокусирует внимание потенциального покупателя на том, как товар вписывается в образ жизни человека: так, в рекламе «Nike» показываются возможности людей, занимающихся разными видами спорта: легкой атлетикой, ездой на велосипеде, ездой на быках, танцами, футболом и т.п.;

2) создание фантазийной обстановки – данное средство рекламного дискурса позволяет создать вокруг рекламируемого товара ореол фантазии с целью вызывать интерес у реципиента: примером может послужить реклама электрокаров «BMW» с Арнольдом Шварценеггером в главной роли Зевса, где создается фантазийная обстановка горы Олимпа с его обитателями – богами и богинями;

3) создание образа / настроения – данное средство позволяет создать пробуждаемое рекламируемым товаром настроение или образ, например, любви, красоты и т.п., при этом в такой рекламе отсутствуют утверждения о пользе товара: в качестве примера приведем рекламу парфюма «J'adoir», в которой американская актриса Шарлиз Терон иллюстрирует свою красоту и обаяние, цитирует философские высказывания, создает образ успешной и привлекательной женщины в современном мире, но не говорит о преимуществах рекламируемых духов;

4) мюзикл – такое средство представляет собой показ лиц или персонажей, поющих песню о рекламируемом товаре: примером стратегии мюзикла может послужить рекламный ролик канала «Discovery», который построен в виде песни и клипа «I love the world», исполненной звездами канала и простыми людьми;

5) использование символического персонажа – данное средство предполагает создание в рекламном дискурсе персонажа, который олицетворяет собой товар: так, персонажами в рекламных кампаниях «M&Ms» являются конфеты, запоминающиеся реципиенту;

6) использование свидетельств в пользу товара – в этом случае рекламный дискурс становится источником информации, заслуживающим полного доверия, вызывающим симпатию реципиента за счет заявлений знаменитого или простого человека: например, эта стратегия применяется в рекламной кампании Volvo «Epic Split» [20], в которой изображен известный американский актер Жан-Клод Ван Дамм, выполняющий постановку в поперечный шаг. Своими действиями он утверждает и подтверждает систему уникального динамического управления грузовиком.

Языковые средства реализации стратегий в современном рекламном дискурсе также разнообразны, что обуславливает специфику рекламного текста в стилистическом аспекте.

Одним из часто применяемых стилистических ресурсов в рекламном дискурсе является, с нашей точки зрения, алогизм. По мнению И. В. Пекарской, алогизм – это «стилистический прием, близкий оксюмору; умышленное нарушение в литературном произведении логических связей с целью подчеркнуть внутреннюю противоречивость данного положения» [Пекарская, 2014, с. 72].

Греческое по происхождению слово «алогизм» было введено в научный обиход к VI в. н.э., а история изучения обозначенного лингвокреативного феномена восходит к античной философии и риторике. Главными исследователями алогизмов в древние века были Аристотель и философы-софисты.

Алогизмы в дискурсе универсальны и обладают разнообразными качествами. Как полагает Т. Б. Радбиль, свойства алогизмов в общем состоят в следующем: они информативны (позволяют передать какую-то информацию), конструктивны (помогают выразить новую точку зрения, отличную от привычной), эвристичны (намеренное отклонение от нормы всегда является чем-то новым) и эстетичны (создают определенный художественный образ или языковую игру) [Радбиль, 2006, с. 55].

Вместе с тем, они репрезентируют лингвокреативные возможности языка за счет переосмысления отношений объектов внутри ситуации и изменения связи и функции семантических компонентов в предложении, что может привести к ненормативной синтаксической позиции или противоречию между формой и содержанием [Шутёмова, 2021, с. 5]. Именно благодаря смене семантико-синтаксических отношений реализуется эстетическая функция языка. Алогизмы являются выражением идейности, эмотивности и образности текста с использованием языковой формы, тем самым способствуя его уникальности и художественности [Манчинова, 1998; Шутёмова, 2021].

В алогизмах выделяются особенности как плана выражения, так и плана содержания. В плане выражения алогизм представлен разнообразными стилистическими приемами (игрой слов, авторскими неологизмами, каламбурами и т.п.) [Садовников, 2014, с. 17]. В плане содержания алогизм требует знания экстралингвистических, литературоведческих, лингвокультурологических знаний для верной интерпретации языковой аномалии [Третьякова, 2012, с. 176]. Более того, с точки зрения восприятия рекламы важно отметить, что «алогизмы являются средством дезавтоматизации мыслительной деятельности реципиента», а когнитивные механизмы, присущие им, позволяют добиться множества индивидуальных толкований текста [Шутёмова, 2021, с. 3913].

Согласимся с мнением О. А. Вольф, алогизмы довольно часто встречаются в визуальной печатной или интернет-рекламе. Это обусловлено необходимостью сразу «зацепить» внимание потребителя, в первые же секунды, и алогизм, в свою очередь, побуждает реципиента еще раз вернуться к тексту рекламы, чтобы полностью понять его смысл [Вольф, 2019, с. 69]. Об этом же пишет Н. Д. Арутюнова, рассуждая о языковых аномалиях. Она полагает, что первым делом человек обращает внимание на аномальные явления, которые выделяются из обыденности окружающей среды. Они часто могут представляться «загадочными или опасными», поэтому заставляют реципиента задуматься и действовать [Арутюнова, 1987, с. 4].

Например, алогизмы как языковое средство представлены в рекламе Nike и ее товаров. Как мы видим, за заголовком *Heavy as a feather* следует основная часть, содержащая описание нового интеллектуального продукта, а именно куртка Nike ACG Superlight Jacket. Рекламный текст утверждает, на разработку данной куртки ушло 20 лет и она настолько легкая и комфортная, что вы даже не почувствуете ее на себе. Именно эта особенность продукта представлена в заголовке с помощью сравнения, основанного на логических и семантических противоречиях: свойство быть тяжелым приписывается легкому перышку. Согласно Кембриджскому интернациональному словарю английского языка прилагательное “heavy” (тяжелый) обозначает “много весящее и требующее усилий для перемещения или поднятия” (weighing a lot, and needing effort to move or lift), в то время как существительное “feather” (перо) означает “один из многих мягких, легких предметов, покрывающих тело птицы...” (one of the many soft, light things that cover a bird’s body).

Данное логическое и семантическое противоречие может быть рассмотрено как типичный пример оксюморона, поскольку оно соотносится с одним понятием, а не двумя различными и противоположными друг другу. Следовательно, такое сравнение-оксюморон нарушает правила семантической связности и вызывает когнитивный диссонанс в сознании реципиента. Наконец, это делает восприятие рекламы менее линейным и актуализирует особенность продвигаемого продукта, то есть его уникальную, неожиданную легкость.

Другой алогизм содержится в рекламе Coca-Cola *Have a coke and a smile*. Данный слоган объединяет два семантически разных компонента: слова “coke” (кока-кола) и “smile” (улыбка) имеют общий глагол и контекст, но принадлежат к разным категориям и не могут быть связаны таким образом. В первом случае глагол согласуется с существительным, обозначающим напиток, т.е. конкретное вещество, во втором случае – с существительным, обозначающим невербальное поведение. Соответственно, эти словосочетания не могут быть использованы как однородные члены предложения и образуют зевгму внутри него. Аналогично предыдущему примеру это нарушение логической связности приводит к когнитивному диссонансу и подчеркивает особенность продукта, а именно его вкус, который вызывает у потребителя положительные эмоции.

Еще одним примером может послужить алогизм, который представлен в следующем рекламном слогане: *Nothing runs like a Deere* («Deere»). Алогизм обуславливает возможность двойного понимания слова *deere* при прочтении слогана: во-первых, как названия животного *deer* – олень, что соответствует контексту (никто не бежит так, как олень); во-вторых, как названия рекламируемой компании «Deere», которая производит сельскохозяйственную технику.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать вывод, что современная реклама нацелена не только на сообщение информации о рекламируемом продукте, но и на воздействие на реципиента. В связи с этим в рекламном дискурсе, как в традиционном, так и в цифровом формате, создатели текстов пользуются разнообразными рекламными стратегиями, которые реализуются за счет различных вербальных и невербальных средств. При построении рекламного дискурса рекламодатели придерживаются стандартной модели воздействия, учитывают тип медиа, целевую аудиторию, цели и задачи рекламы, лингвокультурные особенности реципиента, наличие и силу конкурентов, и другие факторы. Наиболее яркими средствами рекламного дискурса для воздействия на реципиента и, в общем и целом, для повышения эффективности рекламы являются алогизмы. Они могут быть эффективным способом привлечения внимания, создают интерес к предлагаемому товару или услуги, помогают производителям выделиться среди конкурентов и запомниться потенциальным клиентам. Для создания убедительного сообщения в рекламе алогизмы часто конструируются на основе аналогии или сравнения, выстраивающих параллель между двумя несвязанными вещами и актуализирующих определенный признак товара и выгоду от его приобретения.

Литература:

- Абдуллаева Ч. Б. Функциональная реализация рекламного дискурса // *Мировая наука*. 2022. № 1 (58). С. 10-15.
- Аругонова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // *Вопросы языкознания*. – М.: Наука, 1987. С. 3-20.
- Болдырева Т. В. Формирование рекламной стратегии предприятия в условиях конкурентного рынка // *Наука и общество*. 2014. № 2 (17). С. 18-27.

- Вольф О. А. Использование стилистических фигур алогизма в наружной рекламе // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2019. № 27. С. 66-70.
- Котлер Ф. Основы маркетинга / Пер. с англ. В. Б. Боброва. М.: Прогресс, 1991. 656 с.
- Манчинова Н. В. Деривация и функционирование гипаллагы в поэтическом тексте: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Пермский гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1998. 19 с.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
- Пекарская И. В. Стилистические фигуры принципа алогизма: к проблеме дефиниции и типологии // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2014. № 7. С. 72-80.
- Радбил Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография. – М.: МПГУ, 2006. 320 с.
- Садовников С. А. Алогизм в речи как художественный прием в творчестве А. П. Платонова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород, 2014. 179 с.
- Смагина Е. С. Языковая специфика рекламного дискурса // Инновационная наука. 2021. № 9-2. С. 47-50.
- Третьякова Е. А. Аномалии в оригинальном и переводном художественном тексте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2012. № 3. С. 172-177.
- Шутёмова Н. В. Гипаллага в зеркале художественного перевода // Язык и культура. 2021. № 56. С. 106-128.
- Шутёмова Н. В. Эстетическая функция алогизмов в художественном тексте (на материале рассказа Дж. С. Фюера "Here We Aren't, So Quickly") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 14. С. 3909-3914.
- Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/heavy>.

References:

- Abdullayeva Ch. Funkcional'naya realizaciya reklamnogo diskursa // Mirovaya nauka. 2022. № 1 (58). 10-15 p.
- Arutyunova N. D. Anomalii i yazyk (K probleme yazykovoj «kartiny mira») // Voprosy yazykoznanija. – М.: Nauka, 1987. 3-20 p.
- Boldyreva T. V. Formirovanie reklamnoj strategii predpriyatiya v usloviyah konkurentnogo rynka // Nauka i obshchestvo. 2014. № 2 (17). 18-27 p.
- Vol'f O. A. Ispol'zovanie stilisticheskikh figur alogizma v naruzhnoj reklame // Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 2019. № 27. 66-70 p.
- Kotler Ph. Osnovy marketinga / Per. s angl. V. B. Bobrova. – М.: Progress, 1991. 656 p.
- Manchinova N. V. Derivaciya i funkcionirovanie gipallagi v poeticheskom tekste: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 / Permskij gos. un-t im. A. M. Gor'kogo. Perm', 1998. 19 p.
- Matveeva T. V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. Rostov n/D: Feniks, 2010. 562 p.
- Peckarskaya I. V. Stilisticheskie figury principa alogizma: k probleme definicii i tipologii // Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 2014. № 7. 72-80 p.
- Radbil' T. B. Yazykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie: Monografiya. – М.: МРГУ, 2006. 320 p.
- Sadovnikov S. A. Alogizm v rechi kak hudozhestvennyj priem v tvorchestve A. P. Platonova: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Nizhnij Novgorod, 2014. 179 p.
- Smagina E. S. Yazykovaya specifika reklamnogo diskursa // Innovacionnaya nauka. 2021. № 9-2. 47-50 p.

- Tret'yakova E. A. Anomalii v original'nom i perevodnom hudozhestvennom tekste // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2012. № 3.172-177 p.
- Shutemova N. V. Hypallage in the mirror of literary translation // Yazyk i kul'tura. 2021. № 56. 106-128 p.
- Shutemova N. V. Aesthetic function of alogisms in a literary text (by the material of J. S. Foer's story "Here We Aren't, So Quickly") // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. № 14. 3909-3914 p.
- Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/slovar'/anglijskij/heavy>

Метельская Е. М.

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕХАНИЗМЫ КОММУНИКАТИВНОГО МАРКИРОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ БЕССОЮЗНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Неоднозначность смысловых отношений в бессоюзных предложениях, отсутствие регулярно воспроизводимых элементов структуры являются одной из основных проблем, возникающих в связи с их изучением. Наряду с традиционными методами формальной и функциональной грамматики, логико-семантическим подходом, предлагается рассмотреть новые подходы, которые обусловлены современными тенденциями к комплексному решению вопроса идентификации бессоюзных предложений и описанию их типов. Внимание уделяется как коммуникативной структуре бессоюзного предложения, так и формальным элементам и факторам, отвечающим за адекватную передачу информационной составляющей предложения: порядку слов, структурным элементам, маркерам, категории модальности и референции. В связи с этим сопоставление немецкого и русского языков представляется особенно актуальным.

Ключевые слова: бессоюзное сложное предложение, смысловые отношения, коммуникативная структура, маркеры, порядок слов, категория референции, референциальный выбор

Metelskaya Ekaterina M.

Saint Petersburg State University

COMMUNICATIVE MARKING OF FORMAL STRUCTURE IN ASYNDETTIC SENTENCES IN GERMAN AND RUSSIAN

The report covers not only main approaches to the concept of multiple sentences and asyndetic sentences, but new approaches to this concept related to complex and practical aspect of linguistics. We have numerous asyndetic sentences with reduced identity, syncretism of sense relationships, the consequent change of order of sentence clauses. The complex approach provides patterns and make it possible to speed up the process of identification of asyndetic sentences. The report dwells upon both the communicative structure and the formal elements, which are responsible for the information structure of asyndetic sentences: word order, structure elements, communicative markers, particles, modality and reference category. The data from German and Russian demonstrate the relevance of the reference category in asyndetic sentences

Keywords: asyndetic sentences, asyndeton, complex sentence, communicative structure, word order, markers, sense relationships, reference category, reference choice

История вопроса

Традиционно в исследованиях по бессоюзным сложным предложениям (БСП) авторами отмечаются особенности строения отдельных предложений, наличие некоторых устойчивых

элементов в их структуре, однако до сих пор в полной мере не описаны особенности структуры и семантики бессоюзных предложений как отдельного типа. Неоднозначность, синкретизм смысловых отношений в БСП является еще одной проблемой, возникающей в связи с изучением БСП и разработкой корпусов текстов. В связи с последними применялись различные способы снятия неоднозначности и методы построения типологии бессоюзных предложений, в первую очередь, — структурно-синтаксический и семантический, учитывающий смысловое содержание предикативных частей, а также грамматический — учитывающий формы, преимущественно сказуемых. По отдельности методы формальной и функциональной грамматики, логико-семантический подход дали в итоге различные варианты самых общих классификаций, которые только условно применимы на практике (например, при создании корпусов текстов и разметке данных). Проблема снятия неоднозначности смысловых отношений до сих пор актуальна для БСП, как и вопрос выявления закономерностей построения данных единиц.

Актуальность вопроса и способы решения

Актуальность изучения бессоюзных предложений возросла в связи с исследованиями дискурса и разработкой электронных корпусов текстов, в особенности, многоязычных баз данных, а также в связи с растущим интересом к процессам распознавания речи. Очевидно, что сложные предложения с союзами распознаются программами гораздо легче бессоюзных. Таким образом, в основной круг проблем на современном этапе изучения бессоюзных структур входят:

- неоднозначность смысловых отношений,
- отсутствие общих и регулярно воспроизводимых элементов структуры и, следовательно,
- отсутствие базы для многоуровневой классификации и выявления основных механизмов построения предложений.

Цели и задачи

Решение перечисленных выше проблем не является целью данной работы. Это попытка посмотреть на бессоюзные предложения под другим углом: не как на синтаксическую структуру с лексико-семантическими элементами, а как на коммуникативную единицу. Тем более, что бессоюзие «родом» из разговорной речи.

Любое высказывание – это субъективное восприятие и интерпретация ситуации конкретным субъектом речи. При таком подходе основной фокус должен быть перенесен с синтаксической структуры предложения на содержание и его соотношенность с действительностью, модальность и способы номинации (категорию референции), дискурсивные маркеры. Таким образом, в центре внимания оказываются категории, позволяющие синтаксической структуре БСП стать коммуникативной единицей: категория модальности в широком смысле и категория референции.

Модальность в немецком и русском языках не выражается одной специальной грамматической категорией. Понятие используется для обозначения разных на первый взгляд явлений [Падучева, 2018, с. 85 - 87]: 1) объективной модальности: реальность / ирреальность (наклонение); 2) иллокутивной модальности (коммуникативная цель: вопрос / побуждение / утверждение); 3) субъективной модальности (модальные глаголы и предикаты, вводные слова, частицы).

Кроме того, в настоящее время в связи с категорией модальности принято рассматривать ее так называемые «смежные категории». К смежным с категорией модальности явлениям относят категорию отрицания, значение оценки, категорию эвиденциальности (дискурсивные маркеры: частицы и вводные слова) [Падучева, 2018, с. 90 - 91], фазовые глаголы и глаголы со значением начала и конца действия [Труб, 2017, с. 53].

В связи с этим представляется целесообразным рассматривать бессоюзные предложения как коммуникативную единицу и использовать комплексный подход: а именно, рассмотреть БСП в связи со следующими аспектами:

- модальность в широком смысле (объективную, субъективную и иллокутивную),
- категорию референции (в особенности референциальный выбор при повторной номинации)
- особенности лексического состава (оценочные элементы значения, разного рода коннотации и т.п.),
- категорию отрицания,
- категорию эвиденциальности (дискурсивные маркеры, конъюнктив в немецком языке),
- смысловые отношения между частями предложений,
- особенности синтаксической структуры предикативных частей БСП.

Объективная модальность: сослагательное наклонение в бессоюзных предложениях

В первую очередь традиционно выделяются бессоюзные предложения, которые обладают регулярно воспроизводимыми структурными признаками и, следовательно, являются вариантами регулярно воспроизводимой модели.

Так, в немецком и в русском языках для условных бессоюзных предложений характерны лишь определенные формы глаголов, причем сказуемое занимает начальную позицию. Для большинства примеров данной модели характерна смена модального плана посредством употребления форм **сослагательного наклонения**:

Hätte ich in diesem Augenblick über einen Wunschzauber verfügt, so hätte sich mir nun ein kleiner hübscher Saal dargeboten, Stil Louis Seize, wo ein paar gute Musiker mir zwei, drei Stücke von Händel und Mozart gespielt hätten [Hesse, 1974, 30]

Будь они у меня, будь у меня, например, то глупейшее письмо, которое я с рассчитанной небрежностью показал Орловиусу (после чего и оно было уничтожено), можно было бы перейти на эпистолярную форму повествования [Набоков, Т. 3, 367]

Важно отметить, что в немецком языке такими характеристиками обладают и БСП с уступительными отношениями.

Разновидностью этого подтипа являются предложения, в первой части которых сказуемые выражены глаголами в настоящем или в будущем времени, во второй - выступает форма будущего времени сказуемого:

Nehmen wir irgendeines dieser Gegensatzpaare als Beispiel, etwa das des Heiligen und des Wüstlings, so wird unser Gleichnis alsbald verständlich werden [Hesse, 1974, 44]

- He знаешь, - так я тебе объясню [Набоков, 1990, Т. 3, 384]

Однако такое соотношение форм глаголов-сказуемых более типично для союзных предложений или сферы разговорной речи.

Модальность и эвиденциальность: БСП с раздельным выражением модуса и пропозиции

Бессоюзные сложные предложения изъяснительного типа – еще одна частотная модель со специфической структурой: в первой предикативной единице остается незамещенной позиция при глаголах речемыслительной деятельности:

Ich weiß über dieses Verhältnis gar nichts und will nur hinzufügen: noch einmal sah ich ihn mit jener Frau zusammen, in einer Straße der Stadt [Hesse, 1974, 16]

Нужно признать: восхитительно владею не только собой, но и слогом [Набоков, 1990, Т. 3, 380]

Я пил мелкими глотками огненное кофе и думал: ведь воображения у нее ни на грош [Набоков, 1990, Т. 3, 420]

Повторяю (ритмом повторных заклинаний, набирая новый разгон), повторяю: кое-что знаю, кое-что знаю, кое-что... [Набоков, 1990, Т. 4, 54]

Также в примерах этого типа БСП часто выступают глаголы восприятия:

- Просто вижу: господин интересуется, ну и так далее [Набоков, 1990, Т. 3, 378]

Модель регулярно реализуется в рассматриваемых языках, единственным отличием является особый способ выражения категории эвиденциальности в немецком языке: для передачи чужой речи в предложении используются формы конъюнктива:

Ich dankte und sagte, ich sei nicht gewohnt, auf der Treppe vor anderer Leute Wohnungen zu sitzen [Hesse, 1974, 12]

Er hatte ihr gesagt, er gedenke sich einige Monate in unserer Stadt aufzuhalten, die Bibliotheken zu benutzen und die Altertümer der Stadt anzusehen [Hesse, 1974, 5]

Фазовость для выражения значения «отклонение от нормы»: начало и прекращение действия в причинно-следственных БСП

Для БСП с причинно-следственными отношениями характерно общее значение «отклонение от нормы», которое предполагает последующее объяснение и, соответственно, реализацию определенной модели. Можно выделить регулярный подтип предложений, в первой части которых выражается значение «несоответствие ожидаемому ходу событий», во второй – объяснение причины. Значение несоответствия ходу событий реализуется посредством фазовых и глаголов со значением начала / прекращения действия, в русском – преимущественно с помощью глаголов совершенного вида:

Ich blieb einen Augenblick stehen; immer hatte diese Art von Musik, so sehr ich sie verabscheute, einen heimlichen Reiz für mich [Hesse, 1974, 31]

Ich trat einige Schritte zurück, trat tief in den Schmutz, es kamen keine Buchstaben mehr, das Spiel war erloschen, lange blieb ich im Schmutz stehen und wartete, vergebens [Hesse, 1974, 27]

И вдруг расхохотался вовсю: автомобиль мой был найден [Набоков, 1990, Т. 3, 454]

Категория отрицания: несоответствие норме в причинно-следственных БСП

Значение «отклонение от нормы» находит выражение за счет категории отрицания, которая является одним из важнейших элементов семантики данного типа. Отрицание выступает в первой части предложения, выражая несоответствие норме (ожиданию), и делает необходимым появление второй части – объяснения причины.

Для данной модели можно выделить два подтипа:

1. модель с отрицанием в первой части предложения:

Теперь газет в камеру не доставлялось: заметив, что из них вырезается все, могущее касаться экзекуции, Цинциннат сам отказался от них [Набоков, 1990, Т. 4, 66]

Часто отрицание в этом типе выступает в комплексе с глаголами оценочной семантики:

Sein Gang gefiehl mir anfangs gar nicht, er hatte etwas Mühsames und Unentschlossenes, das nicht zu dem scharfen, heftigen Profil und auch nicht zum Ton und Temperament seiner Rede paßte [Hesse, 1974, 3]

Подобные предложения очень близки второму подтипу.

2. модель с отрицанием в сочетании с субъективной модальностью в первой части предложения:

Dies konnte er nicht, er war ein unzufriedener Mensch [Hesse, 1974, 34]

О каком-либо раскаянии не может быть никакой речи, - художник не чувствует раскаяния, даже если его произведения не понимают [Набоков, 1990, Т. 3, 440]

Und natürlich wollen Sie nicht denken; sie sind ja fürs Leben geschaffen, nicht fürs Denken! [Hesse, 1974, 13]

- Убить себя я не хочу, это было бы не экономно [Набоков, 1990, Т. 3, 461]

Иллокутивная модальность: императив в причинно-следственных БСП

Стилистически маркированным способом выражения значения «отклонение от нормы» (точнее: от привычной модальности высказывания) является императив в первой части БСП. Во второй предикативной единице дается обоснование необходимости перехода на модальность, предполагающую категоричность субъекта речи (императив):

Aber halt, jetzt gelang es mir, hintereinander konnte ich mehrere Worte erhaschen, die hießen: ...“ [Hesse, 1974, 26]

«Закрой, дуэт», - раздался из столовой Лидин голос [Набоков, 1990, Т. 3, 371]

Коммуникативное маркирование структуры бессоюзного предложения осуществляется как единичной формой императива, так и ее повтором:

- Накройтесь, накройтесь, тут прохладно [Набоков, 1990, Т.4, 62]

В примерах русского языка частотна модель, в которой после первой части бессоюзного предложения с императивом выступает часть с категорией состояния:

- Только побудь со мной, мне страшно [Набоков, 1990, Т. 3, 419]

В немецких текстах частотна модель «Императив (иллокутивная модальность) + модальный глагол или предикатив *нужно, можно* (субъективная модальность)»:

«*Aber warten Sie noch einen Augenblick, ich muß Ihnen doch zeigen, warum ich hier ein wenig sitzen bleiben mußte*» [Hesse, 1974, 12]

Подобная модель отмечается и в русских примерах:

- *Садись скорее, нам нужно отъехать отсюда* [Набоков, 1990, Т. 3, 433]

Субъективная оценка в причинно-следственных БСП

В немецком и русском языках представлены бессоюзные причинно-следственные предложения, в которых отмечается лишь закономерности лексического наполнения первой части предложения. В первой предикативной части выражается субъективная оценка (реже состояние) субъекта, во второй – дается объяснение причины такого отношения:

Es war gut, es half, die Laune kam [Hesse, 1974, 29]

Страшно было заглянуть в ящик комода, -- там кишели, свившись в клубок, тряпочки, ленточки, куски материи, ее паспорт, обрезок молью подъеденного меха, еще какие-то анахронизмы, например, дамские гетры -- одним словом, Бог знает что [Набоков, 1990, Т. 3, 347]

В большинстве случаев в качестве основного средства выражения субъективного отношения выступают глаголы со значением оценки:

Vor allem war es das Gesicht des Mannes, das mir von Anfang an gefiehl; trotz jenem Ausdruck von Fremdheit gefiehl es mir, es war ein vielleicht etwas eigenartiges und auch trauriges Gesicht, aber ein waches, sehr gedankenvolles, durchgearbeitetes und vergeistigtes [Hesse, 1974, 4]

Дядя Генрих не сразу с этим смирился – он англичан недолюбливал: холодный, коварный народ [Набоков, 1990, Т. 2, 184]

Категория референции в перечислительных БСП

К основным структурным особенностям данного типа исследователи относят синтаксический параллелизм, повторы и анафорические слова (*первый, второй; один - другой* и т.п.). Перечислительные бессоюзные предложения – самый «безликий» в плане структуры тип БСП ввиду потенциальности перечисленных выше признаков.

Повтор как синтаксическое явление - следствие проявления категории референции при вторичной номинации. Самым простым вариантом является употребление местоимений и наречий для замещения существительного и является семантическим повтором. Такой способ референции характерен как для предложений, так и для текста. В бессоюзных предложениях такой вариант номинации часто отмечается на стыке частей:

Indessen entzifferte ich einige der flüchtig erscheinenden Worte, sie waren schwer zu lesen und mußten halb erraten werden, die Buchstaben kamen mit ungleichen Zwischenräumen, so blaß und hinfällig, und erloschen so rasch [Hesse, 1974, 26].

В данном случае речь идет о семантическом повторе:

Ich trat in das bescheidene Wirtshaus, hier war Zuflucht [Hesse, 1974, 27].

У выхода на дебаркадер стояли в два ряда низкие, удобные, по спинному хребту выгнутые скамейки, там сидели люди, кое-кто дремал [Набоков, 1990, Т. 3, 343]

Лексический повтор₂ то есть собственно повтор слов на стыке частей, встречается реже и по большей части в русском языке:

В ожидании воды Цинциннат сел за стол, стол сегодня немножко колыхался [Набоков, 1990, Т. 4, 34]

- Я всегда был одинок, Феликс, одинок я и сейчас [Набоков, 1990, Т. 3, 382]

Лексический повтор (повтор в чистом виде) в перечислительных предложениях является характерным явлением в художественной литературе и разговорной речи:

Hier warf ich Anker, hier war es für eine Stunde auszuhalten, auch für zwei [Hesse, 1974, 28]

Довольно часто в бессознанных предложениях выступает тройной повтор:

Он воет, он ускоряет ход, он сейчас уйдет за угол, непоправимо, - могучий автобус моего рассказа [Набоков, 1990, Т. 3, 333]

Дискурсивные маркеры в перечислительных, сопоставительных и противительных БСП

Категория референции при повторной номинации приобретает важное значение для структурирования коммуникативного содержания бессознательного высказывания, а повторяющиеся слова становятся структурирующими элементами коммуникации, дискурсивными маркерами:

Вот Мартын приехал в Кембридж, вот первое упоминание о Дарвине, Вадиме, Арчибальде Муне, вот – письмо от девятого ноября, дня его именин: «В этот день, - писал Мартын, - зусь ступает на лед, а лиса меняет нору» [Набоков, 1990, Т. 2, 204].

Jede Menschenart hat ihre Kennzeichen, ihre Signaturen, jede hat ihre Tugenden und Laster, jede ihre Todsünde [Hesse, 1974, 38]

Jedesmal war bei diesem schwer aufwühlenden Erlebnis mein jeweiliges Ich in Scherben zerbrochen, jedesmal hatten Mächte der Tiefe es aufgerüttelt und zerstört, jedesmal war dabei ein gehegtes und besonders geliebtes Stück meines Lebens mir untreu geworden und verlorengegangen [Hesse, 1974, 58]

Разновидностью повтора, структурирующего высказывание, является употребление синонимов и синонимичных словосочетаний (с возможным повтором отдельных слов):

Ein andermal kam es beim Lesen eines Dichters, beim Nachdenken eines Gedankens von Descartes, von Pascal, ein andres Mal leuchtete es wieder auf und führte mit goldner Spur weiter in die Himmel, wenn ich bei meiner Geliebten war [Hesse, 1974, 24]

Ein großer Teil der Bücher jedoch war nicht gelehrten Inhalts, die große Mehrzahl waren Werke der Dichter aus allen Zeiten und Völkern [Hesse, 1974, 10]

К дискурсивным словам относятся также анафорические слова: один – другой, (все) эти – (ещё) другие, первый – второй. сначала - потом и т.п.

Die eine Hälfte dieser Musik, die lyrische, war schmalzig, überzuckert und troff von Sentimentalität, die andre Hälfte war wild, launisch und kraftvoll, und doch gingen beide Hälften naiv und friedlich zusammen und gaben ein Ganzes [Hesse, 1974, 31].

Один из них суетливо клюнул, крошка подскочила, ее схватил другой и улетел [Набоков, 1990, Т. 3, 376]

В немецком и в русском языках анафорические слова регулярно выступают в трех типах БСП: перечислительных, сопоставительных и противительных.

Приведенные выше примеры демонстрируют большей частью один механизм коммуникативного маркирования синтаксической структуры БСП, однако стоит отметить, что зачастую в предложениях представлено несколько вариантов, например:

Im Hof klangen seine schweren Schritte, auf Steinpflaster erst, dann auf einer hölzernen Treppe, dann hörte ich nichts mehr [Hesse, 1974, 33].

Фермеру бывал нужен лишний батрак, лишняя спина требовалась на мельнице [Набоков, 1990, Т. 3, 359]

Выводы

Рассмотрение бессоюзного предложения как коммуникативной единицы позволяет выявить закономерности в семантике и структуре БСП.

Особая синтаксическая структура прослеживается лишь в условных, изъяснительных и уступительных (только в немецком языке) бессоюзных предложениях

Большинство БСП в немецком и русском языках не обладают структурными особенностями: у них стандартный порядок слов в частях (с универсальными вариациями), стандартный набор членов предложения и стандартные формы. Поэтому на первый план выходят особенности семантики и коммуникативная сторона предложений.

При сопоставлении БСП в немецком и русском языках обнаруживаются общие значения «несоответствие норме или ожидаемому» и «отклонение от нормы» для причинно-следственных предложений.

Категории референции, модальности, отрицания, оценочная лексика и дискурсивные маркеры являются важными средствами коммуникативного маркирования синтаксической структуры бессоюзных предложений.

При том, что БСП в немецком и русском языках имеют достаточно много стандартных вариантов выражения, они воспроизводятся с высокой частотностью с помощью определенных грамматических категорий и лексических средств.

Категория модальности и смежные с ней явления придают стандартной синтаксической структуре предикативных частей БСП характерные черты и являются регулярно воспроизводимыми признаками конкретных типов БСП.

Посредством категории референции, категории модальности и смежных с ней явлений появляется возможность дать многоуровневое описание бессоюзных предложений в немецком и русском языках.

Литература:

Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М: ЯСК, 2018. 440 с.

Труб В. М. О некоторых языковых средствах введения в рассмотрение // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. М.: РАН; ЯСК, 2017. С. 53 - 67

Источники:

Hesse H. Der Steppenwolf. Berlin: Suhrkamp, 1974
Набоков В. В. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Правда, 1990

References:

Nabokov V. V. Sbranije sochinenij v 4-h tomah. M.: Pravda, 1990
Paducheva E. V. Egozricheskije edinitsy jasyka. M.: JSK, 2018. 440 S.
Trub V. M. O nekotoryh jasykovyh sredstvah vvedenija v rassmotrenije // Logicheskij analiz jasyka. Chelovek v interjere. Vnutrennyaja I vneshnyaja zhizn cheloveka v jasyke. M.; RAN; JSK, 2017. S. 53 – 67.

Микаелян Э. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ТРЕБОВАНИЯ К ПИЛОТАМ И АВИАДИСПЕТЧЕРАМ К ЗНАНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ФРАЗЕОЛОГИЯ РАДИООБМЕНА И ЕЕ РОЛЬ В БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ

Изучение взрослыми иностранного языка вне его естественной лингвистической среды - сложное занятие, которое требует строгого подбора обучающих материалов, четкого определения целей обучения в общем и на каждом отдельном этапе. Следовательно, наряду с вопросом «что изучать», следует определить «каким образом изучать». В данной статье рассматриваются важные аспекты, связанные с изучением английского языка пилотами и авиадиспетчерами. Мы охватываем требования по уровню владения языком, а также цель обучения, а именно осуществление безопасной и эффективной коммуникации в воздушном пространстве. Статья также анализирует ключевые аспекты коммуникативной компетентности, необходимой для успешного выполнения задач в авиации. Целью статьи является создание информативного и авторитетного исследования, которое подчеркивает важность языковой подготовки для безопасности авиации и помогает специалистам в данной области более полно понять стандарты и требования, установленные ИКАО. Задача заключается в исследовании и анализе современных стандартов и требований, установленных Международной организацией гражданской авиации (ИКАО), в отношении знания английского языка для профессионалов в сфере авиации. В статье будет рассматриваться роль коммуникативной компетентности в авиационной сфере и влияние языковых ошибок на безопасность полетов.

Ключевые слова: авиация, авиационный английский, фразеология, воздушное судно, радиобмен

Mikaelian E.

Saint Petersburg State University of Economics

THE REQUIRMENTS FOR PILOTS AND AIR TRAFFIC CONTROLLERS REGARDING ENGLISH PROFICIENCY: RADIO COMMUNICATION PHRASEOLOGY AND ITS ROLE IN FLIGHT SAFETY

Studying a foreign language by adults outside its natural linguistic environment is a complex undertaking that requires a careful selection of learning materials and a clear definition of learning objectives both in general and at each stage. Consequently, alongside the question of «what to study,» one must determine “how to study.” This article explores essential aspects related to the study of the English language by pilots and air traffic controllers. We cover language proficiency requirements as well as the primary objective of ensuring safe and effective communication in airspace. The article also analyzes critical aspects of communicative competence necessary for the successful execution of aviation tasks. The aim of the article is to create an informative and authoritative study that underscores the importance of language preparation for aviation safety, assisting professionals in this field to better understand the standards and requirements set by the International Civil Aviation Organization (ICAO). The task involves researching and analyzing contemporary standards and requirements set by

ICAO regarding English language proficiency for aviation professionals. The article delves into the role of communicative competence in the aviation sector and the impact of language errors on flight safety.

Keywords: aviation, aviation English, phraseology, aircraft, radio communication

ВВЕДЕНИЕ

Авиационный английский, применяемый в контексте радиообмена между пилотом и диспетчером, относится к категории упрощенных языков, созданных специфически для профессионального использования. Авиационный английский, как пример типичного языка для специальных целей, обладает характеристиками, связанными с использованием специализированной фразеологии и технической терминологии, объединяя в себе элементы технического, профессионального и бытового английского.

Языки, специально созданные для выполнения функций в определенной области, называются оперативными. Они представляют собой адаптацию естественного языка к конкретной оперативной задаче и эффективны лишь в контексте стандартных, предсказуемых профессиональных сценариев. В условиях непредвиденных и экстренных обстоятельств более целесообразно использование естественного языка. Оперативные языки менее универсальны, но более адаптированы к специфической задаче, нежели естественный язык.

Оперативные языки имеют свои специфические ограничения: применение редко используемых слов и строго установленной лексики. Обычно, слова оперативного языка имеют единственное значение. Особенности грамматики оперативного языка определены сравнительно узким набором грамматических правил.

Английский язык, используемый в радиокommunikациях, представляет собой некий «стандартизированный английский». Этот вариант языка отличается сокращенной лексикой и рядом директив для ее использования, что обеспечивает его управляемость.

Фразеология, необходимая для радиотелефонного общения между пилотом и диспетчером, а также степень владения английским языком, регулируются Международной организацией гражданской авиации (ИКАО).

Стоит помнить, что все общение происходит через радиосвязь, поэтому очень важны сбалансированная скорость речи, громкость и ясность произношения. Наличие специальных стандартных фраз облегчает общение, особенно учитывая, что для многих английский язык не является родным.

Согласно стандартам ИКАО, все пилоты и авиадиспетчеры, обслуживающие международные рейсы, должны обладать как минимум 4-м рабочим уровнем владения английским языком по шкале ИКАО. Таким образом, 4-й рабочий уровень по этой шкале является минимальным требованием к знанию английского языка.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ЦЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Все сообщения диспетчера инициируются с позывным воздушного судна, а каждый ответ экипажа включает его в начале или в конце. Данная структура радиокommunikации обеспечивает линейность при передаче информации между диспетчером и группой воздушных судов под его управлением. Согласно этому принципу, при первом контакте экипажа и

диспетчера передается название диспетчерской станции (ее позывной). Как только связь установлена, для упрощения радиообмена название диспетчерской станции больше не используется, а позывные сигналы воздушных судов передаются в упрощенной форме.

Для гарантии точности при приеме и понимании сообщений, все участники диалога подтверждают получение информации словом «подтверждаю» или повторяют ключевую часть сообщения.

В авиации активно используется фонетический алфавит НАТО для того, чтобы грамотно произнести отдельные буквы во время радиообмена. Это способ декодирования и произношения букв.

Фразы, используемые диспетчером ОВД и пилотами, формируются из конечного набора стандартных ответов, представленных полными и неполными предложениями. Отсутствие части информации в этих фразах является условным и зависит от контекста. Обстоятельства и контекст подсказывают участникам общения необходимые элементы для понимания текущей фразы. Иными словами, по умолчанию, каждый участник разговора осведомлен о том, как правильно понять принятое сообщение. К примеру, сообщение пилота: «Backtrack approved, cleared to line up 01» означает: «You have approved our backtrack, now we will line up at runway 01».

Эффективность и стремление к ясному восприятию информации влекут за собой использование упрощенных выражений в радиообмене, которые вполне функционируют как полноценные синтаксические структуры. Опускание одного или нескольких элементов выражения компенсируется зависимыми словами в предложении и контекстом общения. Например, фраза диспетчера: «After passing FL 70 contact 135,225» на деле означает: «Your frequency will be changed to frequency 135,225 when you are passing FL 70», а слова пилота: «Roger, Wilco» означают: «Understand, we will complete your instruction».

Будущие пилоты должны овладеть английским языком на уровне, позволяющем не только принимать и передавать требуемый объем информации, но и уметь общаться, учитывая разнообразные акценты и особенности речи. Отсюда вытекает вывод о важности правильного подбора учебного материала и методов преподавания, а также о необходимости индивидуализации обучения. Обучение должно объединять языковые и профессиональные навыки студентов и учитывать индивидуальные особенности каждого из них, а также его интересы и склонности к обучению.

Организация образовательного процесса по развитию профессиональной компетентности в области иностранных языков требует применения коммуникативных методов. Они подразумевают учет следующих критериев, которые определяют характер образовательного процесса:

- Уровень владения иностранным языком;
- Индивидуальное восприятие учебного процесса;
- Развитие речевых и мыслительных навыков;
- Процесс коммуникации (практика общения);
- Мотивация для учебы;
- Функциональные характеристики образовательной деятельности;
- Новизна и практическая значимость получаемых знаний и умений;
- Создание различных проблемных ситуаций для обучения;

- Интерактивность образовательного процесса.

Стоит отметить, в английском языке все формы глагола, за исключением третьего лица единственного числа в настоящем времени (где добавляется окончание «S») совпадают с формой повелительного наклонения. Следовательно, когда диспетчер выдаёт указания, например, «Climb to FL340», ответ должен быть уже с окончанием -ing. Например:

- «Climb to FL340» - ответ «Climbing to FL340».
- «Taxi to holding point» - ответ «Taxiing to holding point».

Важно помнить, что каждый полет уникален, и стандартные заученные фразы могут не спасти в неординарных ситуациях. Таким образом, для эффективного использования авиационной фразеологии на английском языке, необходим хотя бы базовый уровень английского и знакомство с соответствующей документацией.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ, ЯЗЫКОВЫЕ ОШИБКИ И НЕАДЕКВАТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Лингвистическая компетенция представляет собой осведомленность и умение применять языковые элементы определенного языка или языков. В частности, она включает речевые навыки, такие как аудирование и говорение, которые разбиваются на четыре основных компонента:

а) Лексический (изолированные слова, фразеологизмы); б) Грамматический (синтаксис и морфология); с) Семантический (значение и семантические связи словам и фраз); d) Фонологический (фонемы, слоговая структура, ударение в предложениях, ритм и интонация).

Социолингвистическая компетенция отражает знание социального (включая профессиональный) контекста применения языка. Это подразумевает способность распознавать и корректно использовать языковые индикаторы социальных отношений, вежливые формулы, различные стили коммуникации, диалекты и акценты. [Doc 9835, с. 23]

Прагматическая компетенция включает в себя набор навыков, позволяющих эффективно применять языковые инструменты с определенной функциональной целью, в зависимости от ситуации или контекста. В ней можно выделить:

а) Стратегическую компетенцию, т.е. способность языковых пользователей мобилизовать свои ресурсы или выбрать наиболее подходящую комбинацию для активации навыков и процедур с целью выполнения коммуникационных задач в данном контексте наилучшим или наиболее экономичным способом; б) Дискурсивную компетенцию, или способность создавать логически связанные тексты из предложений или высказываний; с) Функциональную компетенцию, представляющую собой осведомленность о правилах, которые устанавливают обычное или контекстуальное толкование языковых образований, известных как «языковые функции»- и стандартные способы их использования для создания диалоговых структур (интерактивные сценарии или схемы), а также способность пользоваться ими; d) Оценку последствий того как язык может влиять на безопасность и эффективность действий в реальных ситуациях. [Doc 9835, с. 23]

Неизбежные языковые ошибки всегда должны рассматриваться и оцениваться в более широком контексте неуспешной коммуникации или неудачной попытки достичь успешного общения. [Doc 9835, с. 24] Нарушение может возникнуть как на отдельных, так и на нескольких этапах коммуникационного процесса, схематически изображенного на рисунке 2. В таблице 1

представлены различные виды коммуникативных нарушений и их возможные места происхождения.

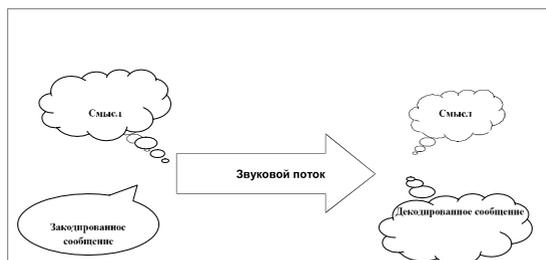

Рис. 1. Классическая модель коммуникационного процесса

Таблю 1. Нарушения процесса коммуникации

<i>Говорящий</i>	<i>Канал</i>	<i>Слушающий</i>
<p>Ошибочная пресуппозиция: Ошибочное предположение, основанное на неправильных фактах или неверных представлениях о контексте и общих знаниях</p>	<p>Отказ канала связи: Искажение передачи звукового сигнала из-за фонового шума и других помех, импульсными, помехами электростатического происхождения, пропускной способностью канала (шириной полосы частот), уровнем сигнала, направленностью источника из-за неправильного использования микрофонов, что может привести к «подрезыванию» импульсов и потере качества звука</p>	<p>Ошибка декодирования: Неправильное восприятие или не восприятие входящего звукового потока, которое может быть вызвано недостаточным знанием языка, ограничениями внимания и краткосрочной памяти, а также ложными ожиданиями</p>
<p>Ошибка кодирования: Ошибки в выборе лексики или синтаксиса при кодировании сообщения, неподходящий выбор регистра речи, недостаточная ясность выражения из-за вежливости или неумения избежать двусмысленности, а также не контекстуальное использование сленга, жаргона или идиом</p>		<p>Ошибки в интерпретации: Последствия ошибок, совершаемых говорящими при кодировании, а также негативные последствия недостаточного владения языком, отсутствия общего знания контекста или простого нежелания понимать</p>

<p>Недостатки в подаче информации:</p> <p>Неподходящая скорость речи, необоснованные паузы, неправильное произношение, неправильное ударение и интонация, недостаточная организация информации и использование оговорок.</p>		<p>Нарушение обратной связи:</p> <p>Ошибки, связанные с пропуском сигналов, которые позволяют говорящему контролировать точность восприятия информации слушающим.</p> <p>[Doc 9835, с.24]</p>
---	--	--

ТРЕБОВАНИЯ ИКАО ПО ВЛАДЕНИЮ ЯЗЫКОМ

Согласно требованиям ИКАО, для достижения 4-го уровня владения языком в авиации, необходимо соответствовать следующим критериям:

1. **Произношение:** Диалект и/или акцент должны быть понятными для авиационного сообщества. Хотя родной язык или особенности регионального диалекта могут влиять на произношение, они не должны серьезно затруднять понимание.
2. **Структура:** Грамматические конструкции и предложения должны соответствовать задаче и быть осознанными. Основные грамматические правила должны использоваться творчески и эффективно. Возможны некоторые ошибки, особенно в особых случаях, но они редко влияют на смысл сказанного.
3. **Словарный запас:** необходимо обладать достаточным запасом слов для эффективного общения по общим, конкретным и связанным с работой темам. Если же слов все-таки не хватает, можно использовать парафразы для передачи значения.
4. **Беглость речи:** Навык поддерживать беглый разговор в разумном темпе. Иногда может возникать неуклюжесть при переходе от стандартных оборотов к более свободному общению, но это не должно мешать эффективному общению. В ограниченных случаях допускается использование эмфатических элементов и заполнителей, однако они не должны препятствовать пониманию.
5. **Понимание:** Основной акцент следует делать на корректное восприятие глобальных, конкретных и профессионально ориентированных тем. Несмотря на акцент или различия в выражениях, которые могут вызывать затруднения для понимания в международном контексте, общее осмысление должно быть достижимым. Если возникают языковые или контекстуальные проблемы, смысл может становиться менее очевидным и требовать дополнительных разъяснений.
6. **Общение:** Ответ должен быть мгновенным, соответствующим и информативным. Требуется начать и поддерживать передачу информации, даже при неожиданном изменении обстоятельств. В случае очевидного недопонимания, требуется правильно проверять, подтверждать или уточнять информацию.

Чтобы обеспечить адекватное отображение прогресса в развитии языковых навыков, шкала была создана с учетом количества уровней, при которых возможно значимое различие между ними без чрезмерного увеличения их числа. Шкала ИКАО не представляет собой «шкалу с одинаковыми промежутками», и время, необходимое для перехода с одного уровня на другой, может различаться. Например, переход с начального уровня 2 на рабочий уровень 3 может

потребовать больше времени и занятий, чем достижение продвинутого уровня 5 с рабочего уровня 4.

Уровни 1-3 шкалы квалификаций ИКАО существуют для помощи государствам-участникам в установлении языковых стандартов, применяемых при подборе и обучении персонала. Уровни 4-6 не только обозначают минимальный рабочий стандарт (уровень 4), но также определяют частоту переоценки или освобождения от необходимости повторной оценки.

Еще необходимо отметить, что атрибуты 6-ого уровня превосходят требования авиационной радиосвязи. Уровень 6 охватывает широкий диапазон языковых навыков, поскольку он нужен для оценки языковой компетентности носителей языка, а также для тех, кто обладает высоким уровнем мастерства в использовании второго родного языка или иностранного языка. Тем не менее, достижение уровня 6 является задачей, выходящей за реальные возможности большинства людей, изучающих язык как второй родной или иностранный. Кроме того, это не является обязательным требованием для успешного выполнения радиосвязи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Получение пилотом 4-го уровня по шкале ИКАО становится конкретной реальностью. Отметим, что пилотам с присвоенным 4-м уровнем необходимо подтверждать его каждые 3 года. Не только радиокоммуникации требуют владения английским языком в авиации, но и взаимодействие с международными органами по надзору за безопасностью полетов, а также в процессе переподготовки на зарубежные типы воздушных судов в глобальных обучающих центрах. Четвертый уровень владения языком предусматривает основные языковые навыки, включая беглость в речи, разнообразный лексический запас, правильное акцентирование и способность воспринимать речь на иностранном языке. Особенно значимым элементом становится также умение эффективно общаться на неродном языке.

Присваивая 4-й уровень, важно быть уверенным не только в том, что его знания актуальны на момент оценки (что достижимо после прохождения интенсивного обучающего курса), но и в том, что его навыки будут сохраняться и развиваться в будущем - через месяц, год или даже три года спустя.

Литература:

- Документ ИКАО 9835. AN/453: Руководство по внедрению требований ИКАО к владению языком. Второе издание. ИКАО 2010. 210 с.
- Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. М., 2003. № 5. 158 с.
- Калашникова О. А. Авиационный английский язык. Учебное пособие. Краснодар, Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА», 2011. 109 с.
- Мальковская Т. А. Авиационный английский язык. Основы радиообмена. Краснодар: Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА», 2011. 70 с.
- Николаева Н. И., Сопова А. С. Формирование профессионально-коммуникативной компетентности будущих летчиков в процессе обучения авиационному английскому языку // Молодой ученый. — 2015. — №13. — 867 с.

References:

- ICAO Document 9835. AN/453: Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements. Second Edition. ICAO. 2010. 210 p.
- Zimnia I. A. Klyuchevie kompetentsii – novaya paradigma rezultata obrazovaniya [Key competencies - a new paradigm of education outcomes]. Vyshee obrazovanie segodnya [Higher education today]. M., 2003. №5 158 p.
- Kalashnikova O. A. Aviatsonny angliyskiy yazik [Aviation English]. Uchebnoe posobie [Training manual]. Krasnodar, MTC AF «AFA» branch, 2011. 109 p.
- Malkovskaya T. A. Aviatsonny angliyskiy yazik [Aviation English] Osnovy radioobmena [Radio communication basics]. Krasnodar, MTC AF «AFA» branch, 2011. 70 p.
- Nikolaeva N. I., Sopova A. S. Formirovanie proffesionalno-komunikativnoy kompetentnosti buduschikh letchikov v processe obucheniya aviatsonnomu anglyiskomu yaziku [Formation of professional-communicative competence among future pilots during aviation English learning]. Molodoy ucheniy [Young scientist]. 2015-№13-867 p.

Микоян А. С.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

НАЗВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Перевод названий произведений изобразительного искусства, прежде всего живописи, а также музыкальных произведений, обычно не выделяется в отдельную переводческую проблему. Однако, название любого произведения представляет его читателю/зрителю, воплощая его тему и замысел автора. Кроме того, названия значимых произведений в сфере искусства (как и в сфере художественной литературы) являются элементом лингвокультурного контекста той страны, откуда эти произведения происходят, и следовательно их адекватная передача чрезвычайно важна. Цель данной статьи – показать, на разнообразном материале, что заглавия всех видов представляют особую переводческую проблему, требующую выработки осознанного подхода и следования определенным принципам перевода.

Ключевые слова: заглавия, искусство, живопись, музыка, названия, опера, перевод, текст, традиция

Aschen Mikoyan

Moscow State Lomonosov University

TITLES OF WORKS OF ART AS A TRANSLATION ISSUE

Translation of titles of works of visual art (e.g., paintings) and music (e.g., operas) is hardly ever treated by translation theorists as a separate translation problem. Yet, a title of any work of art is its integral part, which introduces it to a viewer or listener, and hints at its subject/motif and the author's intention. Besides, titles of artistic (or literary) works of great national significance, themselves become part of the 'linguo-cultural context' of their native country, which makes their adequate translation even more important. The aim of this study, therefore, is to demonstrate, with the help of varied material, that titles of all kinds do indeed constitute a translation problem that requires working out a conscious approach and certain translation principles.

Keywords: art, music, opera, painting, text, titles, tradition, translation

Перевод названий произведений изобразительного искусства, прежде всего живописи, и музыкальных произведений, как правило, не принято выделять в отдельную переводческую проблему, заслуживающую особого внимания. Можно предположить, что по крайней мере одна из причин этого, состоит в огромном разнообразии, разнородности и, главное, полной «непредсказуемости» названий вышеупомянутых видов, а следовательно, в невозможности – реальной или кажущейся – их систематизации и выработки универсальных принципов работы с ними при переводе. Однако, название произведения искусства – важная и неотъемлемая его составляющая: с одной стороны, оно как бы стоит «над» произведением и существует отдельно от него, будучи единицей совершенно иной семиотической системы, с другой стороны, оно

представляет произведение зрителю или слушателю, воплощая (или намечая) его тему и замысел автора.

В книге «Общая теория имени собственного» А. В. Суперанская приводит классификацию имен собственных немецкого лингвиста прошлого века Адольфа Баха,³⁹ по которой «наименования музыкальных мотивов и произведений» заслуженно выделяются им в отдельную категорию, тогда как названия произведений изобразительного искусства относятся Бахом к «именам вещей», наряду с названиями местностей, домов (известных под собственными именами, как, например, Westminster Abbey⁴⁰), средств передвижения (напр., индивидуальными названиями кораблей, фирменных поездов и т.п.), а также названиями астрографических и космических объектов [Суперанская, 2022, с.178]. Такое соседство, возможно, следует объяснить важным общим свойством названий произведений искусства по крайней мере с *частью* названий этого ряда, которое подчеркивает Суперанская, а именно, их «единственностью» [Суперанская, 2022, с.195]. Говоря о других свойствах названий произведений изобразительного искусства, можно предположить, что, в отличие от некоторых других наименований этого ряда в классификации А. Баха, они скорее всего, сравнительно редко переходят в раздел нарицательных, хотя в соответствующем контексте, вполне можно себе представить такую фразу, как, например: «У каждого художника есть своя “Джоконда”». Однако, несмотря на возможность такого употребления, а также несмотря на бесконечное коммерческое тиражирование и воспроизведение этой и других картин на различных предметах, названия произведений изобразительного искусства никогда не потеряют своей уникальности и не встанут в один ряд с, например, товарными знаками – прежде всего потому, как отмечает Суперанская, что они отличаются еще и тем, «что здесь имя дается прежде всего идее, воплощенной в живописи, графике, скульптуре и т.д., а не самому предмету» [Суперанская, 2022, с.195]. В то же время коммерческое использование таких названий, когда, например, конфетам присваивается имя известной картины, может привести к «расщеплению названия художественного произведения на два омонима», то есть название картины и название конфеты [Суперанская, 2022, с. 195], хотя свойства, функции, употребление и статус этих единиц будут совершенно различны.

Как бы то ни было, к какому разряду имен собственных эти названия, а также названия музыкальных произведений, не относились бы различными исследователями, главный тезис данной статьи, а именно, необходимость внимательного отношения и осознанного, «неслучайного» подхода к их переводу остается неизменным. Названия произведений искусства – не в меньшей степени, чем произведения литературно-художественного творчества – являются элементом лингвокультурного контекста той страны, откуда эти произведения происходят, и частью фоновых знаний носителей данного языка. Это – еще одна причина того, что их адекватная передача в переводе не менее важна, чем адекватная передача любого значимого текста. И даже если достижение абсолютно полного эквивалента исходного названия оказывается невозможным (а такие случаи исключать нельзя), переводное название должно тем не менее быть способным выполнять в принимающей культуре сопоставимую с исходным названием лингвокультурную роль и выполнять авторский замысел.

Среди немногих авторов, уделивших особое внимание переводу заглавий и названий произведений изобразительного и музыкального искусства, следует назвать Сергея Влахова и Сидера Флорина, посвятивших этой теме полторы страницы своей знаменитой книги «Непереводимое в переводе» [Влахов, Флорин, 2006, с. 288-289], а также известного

---

³⁹ Adolf Lucian Philipp Bach (1890-1972). *Deutsche Namenkunde*. Heidelberg, 1952. Цитируется в: Суперанская А. В., *Общая теория имени собственного*. М., 1995.

⁴⁰ Пояснения в скобках и пример мои. – А.М.

британского теоретика перевода и переводчика Питера Ньюмарка, который уделил переводу названий произведений искусства один абзац в книге “Approaches to translation” [Newmark, 1995, с. 73]. Главное, что подчеркивается в обоих источниках – это *необходимость учитывать при переводе существующую традицию передачи того или иного типа названий*, уже выработавшуюся в языке перевода и в соответствующей культуре, а также названий отдельных, значимых произведений литературы и искусства, в отношении передачи которых на иностранном или русском языках (речь здесь идет о переводе в обе стороны) существует определенная традиция. Перефразируя рекомендацию Влахова и Флорина, можно сказать, что, прежде чем искать свой вариант перевода (или транскрипции) названия, переводчику следует «справиться, нет ли в ПЯ готового решения» [Влахов, Флорин, 2006, с. 284]. Интересно, что и Ньюмарк, и Влахов и Флорин в качестве категории названий, перевод которых подчиняется определенным канонам, наряду с названиями произведений изобразительного искусства, упоминают названия опер. Однако, поскольку при этом они говорят о *разных* языках перевода, традиции, которые они упоминают в связи с этими названиями, тоже кардинальным образом различаются. Так, у Влахова и Флорина читаем: «Например, популярные оперы, уже вошедшие в сокровищницы национальных культур многих народов, получают в соответствующем языке свое, закрепившееся в определенной форме название (*даже не всегда соответствующее оригинальному, а иногда и просто плохо переведенное*⁴¹)» [Влахов, Флорин, 2006, с. 288]. То есть, перевод названий опер в болгарской традиции рассматривается как нечто само собой разумеющееся. Ньюмарк упоминает перевод как таковой (при этом подчеркивая важность знания «established translated titles») в связи с названиями произведений изобразительного искусства и литературы, тогда как в отношении опер он использует термин «транскрибировать»: «Famous works of art are usually referred to by their established translated titles <...> and Verdi’s and Wagner’s titles are often transcribed» [Newmark, 1995, с. 73].

Итак, начав с названий музыкальных произведений, рассмотрим подробнее, в чем состоят традиции, которых должен придерживаться переводчик при их передаче. Так, если языком перевода является английский, то, в соответствии с существующей в нем традицией, упомянутой Ньюмарком, названия опер (а также классических балетов и некоторых других значимых произведений), использующие в оригинале латинский алфавит, обычно не переводятся, а сохраняются в своей исконной форме (именно это Ньюмарк имел в виду под «транскрибированием» оперных названий), особенно если это – один из основных западноевропейских языков: «L’Elisir d’Amore», «Un Ballo in Maschera», «Der fliegende Holländer», «Cosi fan tutte», «Le Nozze di Figaro» (последняя ставится также и под переводным названием «The Marriage of Figaro») и т.п. Однако, из этого довольно последовательно соблюдаемого правила есть ряд заметных исключений, касающихся, в частности, нескольких немецкоязычных опер Моцарта, прежде всего «Волшебной флейты», которая в английской традиции более известна под переводным английским названием «The Magic Flute», чем под исконным немецким «Die Zauberflöte». Названия опер и балетов на других европейских языках, использующих латиницу (таких, как венгерский, чешский, польский и т.п.), в основном известны англоязычной публике в их переводе на английский язык, например, опера «The Bluebeard’s Castle» венгерского композитора Белы Бартока, название которой в оригинале, «A kékszakállú herceg vára», вряд ли под силу правильно прочитать или, тем более, воспроизвести по памяти людям, не владеющим венгерским языком. Интересный пример сосуществования двух разноязычных версий имени одной и той же героини, а именно, Золушки, представляют собой традиционные английские версии названий оперы и балета соответственно. Опера «Золушка», написанная итальянцем Россини, по обозначенной выше традиции, известна в

---

⁴¹ Курсив мой – А.М.

англоязычной среде как «La Cenerentola», а балет «Золушка», автор которого – русский композитор Прокофьев, ставится в Англии под переводным названием «Cinderella».

Названия на языках, использующих иные алфавиты, напр., кириллицу, при наличии внутренней формы, тоже практически всегда переводятся на английский язык – например, «A Life for the Czár» («Жизнь за царя» Глинки), «The Queen of Spades» («Пиковая дама» Чайковского), «The Swan Lake», «The Sleeping Beauty», и «The Nutcracker» («Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик» Чайковского). Если же в таких названиях понятная для принимающей аудитории внутренняя форма отсутствует (или же они состоят из антропонимов), то они просто транскрибируются, как и имена их авторов (напр., «Khovanshchina», «Boris Godunov» by Mussorgsky).

В то же время, в русской традиции (как и в болгарской, о которой пишут Влахов и Флорин) эти и другие названия опер и балетов бытуют почти исключительно *в переводах*. Таковы названные выше оперы «Любовный напиток» Доницетти, «Бал-Маскарад» Верди, «Летучий Голландец» Вагнера, «Свадьба Фигаро» и «Так поступают все женщины» Моцарта, и т. д. Среди редчайших, если не единственных исключений – две оперы Верди, «Травиата» и «Набукко». Название первой, как известно, – это не имя собственное, а субстантивированное прилагательное (*la traviata* – «заблудшая, грешная»), поэтому, в принципе, могло бы закрепиться в переводе (возможно этого не произошло, потому что опера была впервые представлена в России итальянцами, а также, потому что итальянское слово, в качестве названия оперы, в данном случае звучит более благозвучно, чем его русские словарные эквиваленты). Название «Набукко» – это транскрипция итальянской версии имени «Навуходоносор», и, как следует из Словаря Брокгауза и Ефрона, то именно под названием «Навуходоносор» эта опера была известна в России в XIX веке.

Нечто, напоминающее ситуацию с двойным названием «Золушки» в англоязычной культуре, существует и в русскоязычной традиции. Речь идет о соотношении названий пьесы Бомарше, известной в России как «Женитьба Фигаро», и оперы Моцарта, которая традиционно именуется у нас «Свадьбой Фигаро», хотя и написана на сюжет этой пьесы. Как и в случае с «Золушкой», это произведения на один сюжет, но разных жанров, при этом причина несоответствия названий иная, хотя и столь же простая. «Виноват» в этом разночтении сам Моцарт, который счел нужным заменить слово *matrimonio*, то есть, «женитьба», присутствующее в итальянском названии пьесы Бомарше («La folle giornata o Il matrimonio di Figaro») на *nozze*, то есть, «свадьба». В результате в русской традиции сосуществуют два этих названия, тогда как в англоязычной, и название пьесы, и переводное название оперы совпадают.

В свете сказанного очевидно, что переводчику, переводящему с русского языка на английский или с английского на русский тексты, где присутствуют эти и подобные им названия (а они могут появляться не только в специальных изданиях, посвященных музыкальной культуре, или, например, в театральных афишах, но и в художественных произведениях, а также в текстах других жанров), необходимо принимать во внимание эти закономерности и традиции, помня при этом о наличии исключений, требующих особого внимания и проверки.

Другая категория названий, способы передачи которых во многом также определяются традицией, – это названия произведений изобразительного искусства. Среди них в свою очередь выделяются произведения на религиозные, прежде всего, библейские сюжеты, которые занимают важнейшее место в классической западноевропейской и, хотя и в меньшей степени, русской живописи, и которым полностью посвящена русская иконопись. Прежде всего именно названия картин на библейские темы представляют собой такие единицы перевода, которые, как правило, как это ни парадоксально звучит, нельзя просто переводить, то есть подыскивать для

них эквивалент в языке перевода на усмотрение переводчика. В этой области существуют довольно четкие каноны для каждого языка (здесь идет речь только о паре «русский – английский»), которые, хотя и допускают в некоторых случаях наличие вариантов, последние также берутся из определенного «арсенала» возможных названий, закрепленных традицией для каждого данного сюжета. Не зная этих устойчивых соответствий для того или иного названия, переводчик может допустить ошибку (особенно при переводе на английский, то есть на неродной для себя язык), или же просто создать неточный, корявый или же слишком буквальный перевод.

Можно привести многие примеры библейских сюжетов, названия которых требуют особого внимания со стороны переводчика. Одним из таких сюжетов, популярных в живописи старых мастеров, является сюжет «Жертвоприношение Авраама», который в английской традиции обычно называется «The Sacrifice of Isaac», то есть, в русском названии делается акцент на том, *кто* приносит жертву, в английском же – на том, *кого* собираются принести в жертву, и, при том, что структура этих словосочетаний кажется идентичной, смысл их прямо противоположен. Еще один живописный сюжет, который чреват ошибками в переводе, это «Неопалимая купина». Он известен в англоязычной традиции как «The Burning Bush» (или, как один из вариантов, «[Landscape with] Moses and the Burning Bush»), тогда как православную икону того же названия, изображающую особый иконографический тип Богородицы – принято называть «Theotokos [of] the Unburnt Bush». Чрезвычайно популярный в живописи западноевропейских старых мастеров сюжет, традиционно называющийся по-английски «The Agony in the Garden» в русскоязычной традиции известен как «Моление о чаше» или «Христос в Гефсиманском саду», и при незнании этого правильный перевод с английского на русский или наоборот вряд ли возможен (хотя при дословном переводе *второго* из приведенных русских вариантов названия, англоязычному рецептору по крайней мере будет мере понятно, о каком сюжете идет речь).

Проблемы, хотя иногда и другого свойства, могут возникать и при переводе названий произведений изобразительного искусства на любые другие темы – мифологические, исторические, бытовые (жанровая живопись) – и даже при переводе названий портретов. Хотя и здесь тоже существуют свои традиции и каноны названий сюжетов (например, в мифологической и исторической живописи), помимо этого, при переводе названий неизвестных картин в случае невозможности их увидеть, можно ошибиться при назывании чего-либо или кого-либо на них изображенного. В случае малоизвестной или вообще неизвестной переводчику работы знаменитого художника есть риск назвать ее не так, как ее принято называть на языке перевода. В таких случаях, при полной невозможности увидеть картину или узнать, как она называется, переводчику приходится выбирать между тем, чтобы вообще опустить название (если тип текста и контекст это позволяют), и тем, чтобы на свой страх и риск «смоделировать» подходящее. Само собой разумеется, что ни тот, ни другой путь не приемлем, если переводчик работает над специальным текстом по искусству, музейным или выставочным каталогом и т. п., но в этих случаях у него есть очевидный путь решения всех подобных проблем, а именно, консультация с заказчиками перевода – музейными работниками, организаторами выставки или, наконец, автором текста.

И, наконец, последний пример, который призван показать, что передача на другом языке названия даже такого известного полотна, как «Девятый вал» Айвазовского, может представлять собой определенную переводческую проблему. Проблема, в частности, возникает при переводе этого названия на английский язык, поскольку выражению «девятый вал», связанному с поверьем, что каждая девятая волна во время шторма больше и опаснее восьми предыдущих, в английском языке соответствует синонимичное ему словосочетание *the tenth wave*, то есть «десятая волна/десятый вал». Таким образом, при передаче названия этой картины,

переводчик невольно оказывается перед выбором – сохранить верность образу, живущему в оригинальном названии картины – и в коллективном сознании русской языковой общности, или же уступить особенностям сочетаемости и идиоматики языка перевода. Даже при том, что этот выбор в случае такой знаменитой картины решается относительно легко в пользу кальки с ее оригинального названия, все же, хотя бы подспудно, он существует. Тем более, что в англоязычных источниках, доступных благодаря Интернету, единодушия по поводу названия шедевра Айвазовского нет, и «The Ninth Wave» сосуществует с названием «The Tenth Wave». Таким образом, знаменитое полотно выдающегося мариниста известно в англоязычном мире под двумя разными, хотя и похожими названиями.

В завершение этого далеко не полного списка возможных примеров и переводческих ситуаций, следует еще раз подчеркнуть, что и в отношении значимых музыкальных произведений, и в отношении произведений изобразительного искусства, прежде всего, живописи, особенно, когда речь идет о знаменитых произведениях, признанных шедеврах мирового искусства, существуют традиции межязыковых соответствий названий, которым должен следовать переводчик, встречающийся с этими названиями в своей работе. Помимо традиций и канонов, определяющих общие принципы передачи названий, переводчик, чья работа так или иначе связана с искусством, должен быть знаком с целым рядом произведений мирового искусства, названия которых он должен не переводить, а просто *знать* в их, как минимум, двуязычном воплощении. Это, например, такие картины, как «Девушка с жемужной сережкой» (*Girl with a Pearl Earring*) Вермеера, «Ночной дозор» (*The Night Watch*) Рембрандта и многие, многие другие произведения, чьи названия ни в коем случае нельзя изменять по усмотрению переводчика, потому что любое их изменение будет в лучшем случае восприниматься как случайная оговорка или курьез, а в худшем – как свидетельство непрофессионализма и культурной неграмотности переводчика.

Литература:

- Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М., «ИОСО РАО», 2001.
Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М. «Р. Валент», 2006.
Ермолович Д. И. Русско-английский перевод. Учебник. М. «Аудитория», 2016.
Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., «ЭТС», 2001.
Микоян А. С. Библиейские сюжеты в живописи (русско-английский словарь названий сюжетов живописи). М., издательство МГУ, 1999.
Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии под ред. А. В. Суперанской. М., «Наука», 1988.
Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., ЛЕНАНД, 2023
Newmark P. Approaches to Translation. England, Phoenix ELT, 1995.

References:

- Komissarov V. N. Sovremennoye perevodovedenie. Moscow, ETS, 2001.
Mikoyan A. S. Bibleiskie siuzhety v zhivopisi (rusско-angliiskiy slovar' nazvaniy). Moscow, Moscow University Press, 1999.
Newmark P. Approaches to Translation. England, Phoenix ELT, 1995.
Podolskaya N. V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii. (Ed. by A. V. Superanskaya. Moscow, Nauka, 1988.
Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. Moscow, Lenand, 2023.
Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie. Moscow, IOSO RAO, 2001.
Vlakhov S., Florin S. N. Neperevodimoye v perevode. Moscow, R.Valent, 2006.
Yermolovich D. I. Russko-angliiskiy perevod. Moscow, Auditoria, 2016.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ПРАВДЕ, МОРАЛИ И ДОЛГУ В РАМКАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ PERSONALITY TRAITS

Концептуальная область PERSONALITY TRAITS является очень широкой и разветвленной. В ее состав входит большое количество категорий, которые распределяются по тематическим группам. Большинство категорий включают в себя несколько подкатегорий, каждая из которых имеет набор языковых средств выражения, представленных словами или словосочетаниями. Цель статьи состоит в исследовании тематических групп, связанных с отношением человека к правде, морали и долгу на материале текстовых средств выражения и данных толкового и тезаурусного словарей. Отношение к правде представлено категориями TRUTH, FALSEHOOD, FLATTERY, SECRECY. Отношение к морали и моральным нормам общества представлено, прежде всего, категорией MORALITY, а также PROBITY. Пренебрежительное отношение к моральным нормам репрезентируется категориями IMMORALITY и IMPROBITY. Отношение к долгу представлено подкатегорией DUTIFUL в составе категории DUTY. Указанные категории представлены в тексте разнообразными языковыми средствами на уровне слова и словосочетания. Существенное количество категорий в анализируемых тематических группах, а также большое число языковых средств выражения выделенных категорий свидетельствует о степени их важности в конкретном языковом сообществе.

Ключевые слова: концептуальная область, категория, подкатегория, языковые средства репрезентации, свойства личности.

A. G. Minchenkov

Saint Petersburg State University

CATEGORIZATION AND LINGUISTIC REPRESENTATION OF A PERSON'S ATTITUDE TO TRUTH, MORALITY AND DUTY WITHIN THE CONCEPTUAL DOMAIN 'PERSONALITY TRAITS'

The conceptual domain PERSONALITY TRAITS is very wide and elaborate. It includes a large number of categories grouped by thematic classes. Most of the categories contain several subcategories, each of which has a number of language means of expression represented by words and phrases. The paper aims to study the thematic classes related to a person's attitude to truth, morality and duty based on textual means of expression and data from a monolingual dictionary of English and a thesaurus. Attitude to truth is represented by the categories TRUTH, FALSEHOOD, FLATTERY, SECRECY. Attitude to morality and moral norms of society is represented, first of all, by the category MORALITY and also PROBITY. Contemptuous attitude to moral norms is represented by the categories IMMORALITY and IMPROBITY. Attitude to duty is represented by the subcategory DUTIFUL within the category DUTY. The categories mentioned are expressed in the text by a variety of language units, both words and phrases. The appreciable number of categories within the thematic

groups identified and the large number of textual means of expression testifies to the importance of these groups for the particular language community.

Keywords: conceptual domain, category, subcategory, language means of representation, personality traits.

Признание антропоцентрической природы языка является основополагающим принципом современных когнитивных исследований. С антропоцентрической природой языка напрямую связана его интерпретирующая функция, которая реализуется в языковой картине мира и ее структуре. Специфика репрезентации в языковой картине мира опыта взаимодействия человека с окружающим миром и накопленных знаний о мире заключается в том, что «элементы языковой картины мира и их взаимосвязи не являются прямым отражением объектов мира и его структуры» [Болдырев, 2017, с.25]. Концептуальные области, которые составляют языковую картину мира, как правило, представляют собой результат так называемого обыденного или наивного восприятия мира, то есть языковые репрезентации отражают не объективные характеристики объектов или явлений, а их субъективную интерпретацию носителями того или иного языка. Наивные представления о мире во многих существенных деталях отличаются от строго научных. При этом они нередко столь же сложны и интересны для исследования, чем научные, поскольку могут отражать «опыт интроспекции десятков поколений» [Апресян, 1995, с.39].

Учитывая отмеченную антропоцентрическую природу языка, актуальным представляется изучение концептуальных областей, связанных с представлениями о человеке, среди которых особое место занимает область личных свойств, образующих в совокупности характер человека. Поскольку люди в целом и представители разных культурно-языковых сообществ по-разному воспринимают и по-разному реагируют на одно и то же объективное поведение, категоризация свойств личности очевидно является одной из форм когнитивной деятельности. При этом важно отметить, что, в отличие, например, от эмоциональной реакции людей, личные свойства непосредственно не наблюдаемы. Они, как справедливо отмечает Н. Л. Лукашевич, приписываются их носителям на основе обобщения, извлекаемого из анализа конкретных случаев поведения человека [Лукашевич, 2004, с.1]. Другими словами, характеристики человека вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности. В этом смысле можно говорить о наличии существенных и глубинных когнитивных основ данных характеристик.

Как показывает наше исследование, в лингвистике и психологии существуют достаточно разные подходы к содержанию понятия характера человека. Разные мнения высказываются относительно того, какие черты и свойства человека включаются в характер, а какие нет. В частности, ведутся споры относительно того, можно ли включать в характер волевые качества, а также качества, связанные с интеллектом и способностями человека [Лебедев, 2001, с.33-34; Лукашевич, 2004, с.5]. При этом указанная концептуальная область в целом сравнительно мало изучена применительно конкретно к английскому языку, в связи с чем, учитывая национальную специфику языкового способа концептуализации действительности, исследование такого рода представляется актуальным. Учитывая ориентированность нашего исследования на наивную языковую картину мира и то, что его целью являлось изучение концептуальной области, входящей в картину мира конкретно английского языка с присущей ей национальной спецификой, мы обратили внимание на то, как лексема *character* и близкая к ней по значению лексема *personality* определяются в англоязычном толковом словаре. Значение *character* описывается как “the combination of traits and qualities distinguishing the individual nature of a person”, при этом входящая в описание лексема *trait* определяется как характерное, типичное

свойство (a characteristic feature), а лексема *nature* как “(someone’s nature) is their character which they show by the way they behave”. Определение лексемы *personality* более специальное: “The sum total of all the behavioural and mental characteristics by means of which an individual is recognized as being unique” [Collins, 1995]. Приведенные определения позволили выделить основные признаки англоязычной концептуальной области PERSONALITY TRAITS и обозначить ее пределы. Можно говорить о том, что данная концептуальная область включает в себя разнообразные, как поведенческие, так и ментальные характеристики людей, но только такие, которые, во-первых, проявляются в поведении и взаимодействии с другими людьми, и, во-вторых, признаются достаточно устойчивыми и типичными для конкретного человека и в совокупности определяют его личность в представлении других людей.

Обозначенные признаки концептуальной области PERSONALITY TRAITS определили принципы отбора и анализа материала исследования. Поскольку результаты концептуализации в английском языке разнообразных свойств личности содержатся в виде многочисленных лексем в толковых и тезаурусных словарях этого языка, наиболее очевидный путь исследования – отбор материала по словарям с последующим анализом. Однако, применительно к интересующей нас концептуальной области такой анализ представлялся неполным и не вполне корректным по двум причинам. Во-первых, содержащиеся в словарях единицы, как правило, представляют собой лексическую реализацию концептов личных свойств на уровне отдельного слова, а мы изначально исходили из того, что характеристика личности, как и репрезентация концепта вообще, может осуществляться также на уровне словосочетания, причем разной графической протяженности, что возможно, в основном, только в дискурсе. Соответственно, анализ только по словарям неизбежно ограничивал бы возможности и полноту исследования. Во-вторых, еще более важная причина была связана с упомянутым выше признаком концептуальной области – устойчивостью характеристики личности. В конечном итоге только анализ контекста позволяет определить, является ли та или иная языковая единица обозначением устойчивой и типичной черты человека, или же ситуативного поведения.

В силу указанных причин в качестве основного источника материала для исследования была выбрана книга современного британского автора Janice Hadlow *The Strangest Family* объемом более 600 страниц, написанная в жанре исторической публицистики и посвященная частной жизни членов Британской Ганноверской династии [Hadlow, 2015]. Выбор именно данной книги был обусловлен большим количеством содержащихся в ней характеристик личных свойств нескольких поколений членов королевской семьи, а также других реальных исторических персонажей, так или иначе соприкасавшихся с королевской семьей. Единицы английского языка, репрезентирующие в тексте книги личные свойства персонажей, отбирались методом сплошной выборки с применением описанных выше критериев. Всего было собрано более 800 единиц, некоторые из которых встречались более одного раза. В том числе было отмечено немало единиц уровня словосочетания, отражающих авторский способ наименования свойств описываемых ею персонажей в русле англоязычной картины мира.

Выбранные из текста средства репрезентации личных свойств классифицировались с использованием преимущественно тезаурусного словаря английского языка [Bloomsbury Thesaurus, 1993], при этом также привлекались данные толкового словаря Collins [Collins, 2014]. Проведенный анализ позволил выделить перечень категорий и подкатегорий, составляющих концептуальную область PERSONALITY TRAITS, соотнести собранные языковые единицы с этими категориями и проследить существующие межкатегориальные связи. Для наименования категорий и подкатегорий были использованы их имена из указанного выше тезаурусного словаря.

Проведенный анализ выявил большое количество категорий, структурирующих интересующую нас концептуальную область. Внутри практически всех категорий можно выделить подкатегории, репрезентируемые языковыми единицами, количество которых варьирует. Некоторые подкатегории представлены особенно большим в сравнении с другими количеством единиц. Следует отметить, что целый ряд лексем способны репрезентировать не одну, а несколько подкатегорий или категорий. Эта способность лексем была выявлена при анализе в когнитивном контексте и подтверждена тезаурусным словарем. Подкатегории связаны со своей категорией и друг с другом разными межкатегориальными связями. Это могут быть, например, отношения противопоставленности или степени интенсивности. Сами категории можно объединить в определенные тематические группы на основе общих признаков. Всего по результатам анализа было выделено более 20 тематических групп, из которых 13 характеризуют разные аспекты личности человека, проявляющиеся в его поведении, а 9 его отношение к другим людям и сущностям, в том числе абстрактным [Минченков, 2023].

Целью данной статьи является описание трех из девяти тематических групп, репрезентирующих отношение человека к абстрактным сущностям, а именно, к правде, морали и долгу, структурирующих эти группы категорий и подкатегорий, а также языковых средств их репрезентации.

Отношение человека к правде представлено достаточно большой и разветвленной группой категорий. Сама базовая для этой группы категория TRUTH не имеет в анализированном тексте большого количества средств выражения. Были отмечены три единицы, представляющие подкатеорию TRUTHFUL – *truthful*, *forthright*, *open*, и две единицы, репрезентирующие подкатеорию AUTHENTIC – *authentic* и *emotional authenticity* (нелицемерное выражение чувств и эмоций). Правдивость как черта личности также может обозначаться единицами, которые тезаурусный словарь относит к средствам выражения подкатеории OUTSPOKEN в составе категории BLUNTNES (субъект любит говорить правду). К этим единицам относятся лексемы *candid*, *frank*, *bluff*, *plain*, *plain-speaking*, *outspoken*, *straightforward*, *brittle*, *blunt*. Анализ употребления этих единиц в контексте показывает, что, в то время как одни, как правило, используются для положительной характеристики личности (*candid*, *frank*, *straightforward*), другие (*plain*, *plain-speaking*, *outspoken*, *bluff*), в зависимости от установок характеризующего субъекта, могут использоваться как для положительной характеристики (стремление говорить правду, неспособность лгать, скрывать правду), так и для отрицательной (когда правда высказывается в излишне резкой форме или в неподходящих ситуациях, в которых, с точки зрения дающего характеристику субъекта, лучше было бы промолчать или сказать неправду). Единицы *brittle* и *blunt* обычно употребляются для описания типа личности, говорящего правду (или то, что этот человек считает правдой), не задумываясь о чувствах других людей и/или не пытаясь быть вежливым.

Анализ показывает достаточно широкую категоризацию в английском языке личных свойств, связанных с различными формами проявления неправды. Центральная категория FALSEHOOD имеет в своем составе три подкатеории – DECEPTION, репрезентирующую склонность к обману или утаиванию правды, PRETENCE, представляющую различные формы притворства, и HYPOCRISY, репрезентирующую лицемерное поведение. Первая подкатеория актуализируется в тексте таким единицами как *deceitful*, *dishonest*, *artful*, *artifice* (способность к искусному обману), *duplicity*, *manipulative*, *devious*, *wily*, *bad faith* (стремление к обману), *fluid sense of honesty*, вторая средствами *false*, *affectation*, *affectation of heroism*, *studied politeness*, *falsely genteel* (чрезмерно или лицемерно вежливый), а третья лексемами *hypocritical*, *disingenuous*, *insincere*, *insincerity*, *smooth-tongued*. Последняя единица, *smooth-tongued*, может также репрезентировать в тексте категорию FLATTERY, обозначая склонность человека к

лести. Наконец, следует отметить категоризацию в английском языке стремления человека к сокрытию правды, прежде всего о себе. Была выделена категория *SECRECY* и средства ее выражения, такие как *secretive, unfathomable, unknowable, concealer of (her) feelings*.

Близкая группа категорий репрезентирует отношение человека к морали и моральным нормам общества. В рамках категории *MORALITY* выделяются две подкатегории, *MORAL* и *GOOD MORALS*, средства актуализации которых в тексте, лексемы *moral, principled, virtuous, rectitude* выражают соответствие моральным стандартам общества. К этой же категории тезаурусный словарь относит подкатегорию *MORALISTIC*, репрезентирующую тип человека, считающего себя высокоморальным и/или имеющим право учить морали других. Данная подкатегория представлена в тексте несколькими единицами, в частности, *prig, prude, prim, sententious* (склонный к чрезмерному морализаторству), *self-righteous* (убежденный в своей правоте и моральности и неправоте других). Интересно отметить также категоризацию в английском языке типа личности, отвечающей самым высоким моральным стандартам. Соответствующая категория *PROBITY* имеет достаточно большое количество средств актуализации в тексте, например, *integrity, model of integrity, embodiment of high moral standards, moral probity, propriety, respectable, unimpeachable respectability, upright*. Пренебрежительное отношение к моральным нормам репрезентируется категориями *IMMORALITY* и *IMPROBITY*, средства актуализации которых в тексте также достаточно многочисленны и включают, в частности, *loose-living, louche, profligate, raffish rake* (аморальный тип личности, склонный к азартным играм, алкоголю и распутству), *rakish, unprincipled, unscrupulous, dishonest, dishonourable, ignoble*. Отдельно следует отметить категоризацию безразличия к моральным нормам, которое необязательно сопровождается их нарушением. Соответствующая категория *CARELESS* представлена в тексте лексемой *amoral*.

Отношение человека к морали тесно соприкасается с отношением к долгу. Подкатегория *DUTIFUL* в составе категории *DUTY* имеет средства выражения, некоторые из которых также способны репрезентировать категории *MORALITY* и *PROBITY*, как показывает следующий перечень: *conscientious, dutiful, dutiful conscientiousness, formidable devotion to duty, principled, upright, deep-rooted understanding of the importance of duty, strict sense of duty*.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что в рамках концептуальной области *PERSONALITY TRAITS* проявляющееся как свойство характера отношение человека к правде, морали и долгу репрезентировано значительным набором категорий и подкатегорий, выражаемых в тексте большим количеством разнообразных единиц уровня слова или словосочетания разной графической протяженности. В рамках тематических групп отношения человека к правде и морали ряд категорий и подкатегорий вступают друг с другом в отношении противопоставленности (*TRUTH – FALSEHOOD, MORALITY – IMMORALITY*), а также в отношении степени интенсивности (*MORALITY – PROBITY, FALSEHOOD – SECRECY*). Значительное количество категорий в анализируемых тематических группах, а также большое число языковых средств выражения ряда категорий свидетельствует о степени их важности в конкретном языковом сообществе и дает возможность проследить ценностные ориентиры языкового сообщества в целом применительно к таким понятиям как правда, ложь, мораль и долг. Исследование позволяет также выявить тонкие семантические различия между вступающими друг с другом в синонимические отношения в рамках одной (под)категории лексическими единицами.

Литература:

- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. Вып. №1. С.37-67.
- Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке. Тамбов, 2017. С. 19-81.
- Лебедев А. В. Личность и ее свойства. СПб: СПбГУНиПТ, 2001.
- Лукашевич Н. Ю. Когнитивно-семантический анализ предикатов, обозначающих черты характера человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
- Минченков А. Г. Концептуальная область PERSONALITY TRAITS: структура и средства языковой репрезентации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. №3. С.47-56.

Источники:

- Bloomsbury 1993 – Bloomsbury Thesaurus. London: Bloomsbury Publishing Limited, 1993.
- Collins 1995 – Collins English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 1995.
- Collins 2014 – Cobuild Advanced Learner's Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2014.
- Hadlow J. The Strangest Family. London: William Collins, 2015.

References:

- Aprėsjan Ju.D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Voprosy jazykoznanija. 1995. Vyp. №1. S.37-67.
- Boldyrev N. N. Jazyk kak interpretirujushhij faktor poznaniya // Interpretacija mira v jazyke. Tambov, 2017. S.19-81.]
- Lebedev A. V. Lichnost' i ee svojstva. SPB: SPbGUNiPT, 2001.
- Lukashevich N. Ju. Kognitivno-semanticheskij analiz predikatov, oboznachajushhih cherty haraktera cheloveka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2004.
- Minchenkov A. G. Conceptual domain 'PERSONALITY TRAITS': structure and language means of representation // Voprosy kognitivnoy linguistiki. 2023. №3. S.47-56.

Морозова М. Н., Тимофеева Л. Л., Потапова Т. М.
Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОБЛАСТИ

Исследование терминов, содержащих в своем составе цветообозначения, является одним из актуальных направлений современных исследований в рамках терминоведения, в частности в нефтегазовой области.

Предметом данной статьи являются колоронимы английского и русского языков. Для их анализа и сравнения были использованы данные словарей нефтегазовых терминов, геологических словарей, онлайн словарей и глоссариев.

В статье проводится многофакторный анализ колоронимов. Приводятся результаты исследований частотности употребления в английском и русском языках, количества колоронимов, употребляющихся в прямом или метафорическом значении, наличия соответствия в английском и русском языке, также в статье анализируются подходы к переводу терминов-колоронимов и сложности, возникающие в процессе перевода.

Ключевые слова: цветообозначения, термин, картина мира, нефтегазовая терминология, прямое и переносное значения, перевод

Morozova M., Timofeeva L., Potapova T.
Saint Petersburg State University

COLOR DESIGNATIONS IN THE OIL AND GAS FIELD

Investigations of color naming are popular among the researchers. The article is devoted to the analysis of terms of oil and gas sphere which include color names as elements, their comparison with the same type of terms in the Russian language. The data was obtained from different dictionaries and glossaries in oil and gas and geology sphere. In the article we compare and analyze the terms with color names elements from various angles:

- the number of terms in both languages
- whether the element is used in its direct or metaphorical meaning,
- whether the color name elements of the terms are the same in the English and Russian languages, differ or are not present in either of the languages.

Also the article analyses difficulties that may arise in the translation process of this type of terms and ways of dealing with them

Keywords: color naming, term, world picture, oil and gas terminology, direct and indirect meaning, translation

Цвет является одним из основополагающих способов мировосприятия человека, одной из основных философских категорий, на которых базируется любая лингвокультура. Цвет

отражает окружающую действительность, обозначает базовое представление человека о природе и о нем самом, и именно поэтому является одной из наиболее популярных тем для исследований как лингвистов, так и психологов.

Исследования цветообозначений имеют долгую историю. Так, исследования цветов, проводимые древнегреческими учеными, носили смешанный естественнонаучный, этический и символический характер. Например, Эмпедокл связывал цвета со стихиями. По его мнению, земля ассоциировалась с желтым цветом, огонь - с красным, воздух – с белым, а вода – с черным.

Древнегреческий ученый Аристотель первым заинтересовался смешением цветов. Он выделял три основных цвета: «белый (вода, воздух, земля), черный (распад, разрушение, неравновесие) и желтый (огонь, переходность состояния)», остальные же цвета, по его мнению, суть их смешения [Цвет в античной культуре. [Электронный ресурс], 2002].

Исследованиями цвета занимался и Демокрит. Он также выделял основные (фокальные) цвета: белый, черный, красный и желто-зеленый. Остальные цвета, по его мнению, образуются путем их смешения: «белый и красный дают золотой и бронзовый цвета, черный и красный дают синий» [Лосев, 2000, стр.59-72].

В Древнем Риме цвета считались атрибутами богов, обладающими определенными качествами. Например, синий цвет считался цветом Юпитера и Юноны и означал религиозность, преданность и невинность. Зеленый был цветом богини любви Венеры и символизировал симпатию и плодородие. Желтый цвет считался цветом бога солнца Аполлона и означал великодушие, интуицию и интеллект. Красный считался цветом и бога войны Марса, а также бога вина Диониса, оранжевый цвет ассоциировался с богом торговли Меркурием [Символика цвета 2008, стр. 4].

Кроме того, белый и пурпурный цвета были символами благородного происхождения, тогу белого цвета с пурпурной полосой могли носить только патриции. Багряный обладал одновременно положительным и отрицательным значением: он символизировал разрушительное и творческое начала, а также был цветом железа или железосодержащей земли [Символика цвета 2008, стр. 4].

В христианстве тоже присутствует символика цвета, при этом она носит двойственный характер. Один и тот же цвет может иметь как положительное, так и отрицательное значение. Так, красный цвет символизирует кровь Христа, и одновременно это-цвет порока и Сатаны. Например, один из всадников апокалипсиса представляется как красный воин, скачущий на красном коне по морю крови. Красный цвет также является цветом агрессии и насилия, слепой страсти. С течением времени красный стал означать сильную эмоцию, страсть, ненависть или вдохновение [Символика цвета 2022, стр. 5-8].

Во времена раннего христианства желтый цвет считался цветом Святого духа, просветления, но с течением времени приобрел отрицательное значение – стал цветом измены и лживости, его стали ассоциировать с падшим ангелом Люцифером.

Оранжевый цвет ассоциируется с Софией (символом мудрости и духовности), используется для изображения Святой Троицы; в оранжевый цвет красят пасхальные яйца.

В христианской культуре синий цвет считается цветом Богородицы; купола православных церквей, посвященных Богородице синего цвета; в католицизме Богородица часто изображается в голубом плаще цвета неба.

Зеленый цвет означает жизнь, весну, юность, однако, имеет и негативное значение, считаясь символом коварства и искушения.

Черный – традиционно цвет зла, дьявола и смерти, а также ритуальной смерти, что позволило этому цвету стать еще и цветом монашества.

Серый и коричневый цвета означали безнадежность, бедность, часто считались цветами простолудинов [Символика цвета 2022, стр. 5-8].

Начиная со Средних веков, цвета стали играть огромную роль в геральдике, где каждый цвет не только «имел определенное символическое значение, но и указывал на качества и достоинства рода, его место в социальной иерархии, а также служил опознавательным знаком государства, сообщая информацию о его истории и происхождении». [Значения цветов в геральдике, 2019, стр. 3]

В геральдике основные цвета подразделяются на металлы, эмали (тинктуры) и меха. Металлы – это золото (желтый) и серебро (белый), тинктуры или эмали – красный, синий, зеленый, пурпурный (фиолетовый) и черный - меха: беличий и горностаевый [Значения цветов в геральдике, 2019, стр. 5].

Кроме того, возможны и дополнительные цвета – так в английской геральдике встречаются: оранжевый (orange); красно-буро-пурпурный (terpe); багрово-пурпурный (murrey); темно-красный (sanguine). Некоторые благородные роды использовали: небесно-голубой (bleuceleste); розовый (rose); пепельный (cedree);коричневый (brunatre) [Значения цветов в геральдике, 2019, стр. 5].

Значения цветов традиционно следующие:

«Желтый – золото – солнце – великодушие, щедрость

Белый – серебро - луна – чистота

Красный – кровь – огонь – храбрость, мужество, отвага

Синий – лазурь – небо – верность, справедливость

Зеленый - зелень – растения – молодость, радость, надежда» [Санти-Мадзини, 2003, стр. 64-77].

Современная же наука в большей степени интересуется исследованием восприятия цвета, так и анализом систем обозначения цвета в отдельном языке и поиском универсальных черт в системах цветообозначений.

В качестве одной из базовых работ в данной области является исследование Б. Берлина и П. Кея, в которой авторы на основе анализа восьмидесяти языков пришли к выводу о существовании в каждом языке определенных законов, регулирующих процесс цветообозначения. А поскольку многие из этих законов дублируют друг друга в различных языках, авторы сделали вывод о существовании языковых «цветовых» универсалий. Например, о закономерностях появления цветообозначений в определенном порядке [Берлин, Кей, 1969].

Огромный вклад в исследование цветовых универсалий внесла А. Вежбицкая, которая исследовала, в частности, историю развития цветообозначений и роль в этом процессе естественной окружающей человека среды [Вежбицкая, 1996]. Также следует отметить работы Р. М. Фрумкиной, посвященные психолингвистическим исследованиям цветообозначений, их связи с отражением картины мира в определенной языковой культуре, роли объекта для которого свойственно преобладание того или иного цвета в цветоименовании [Фрумкина, 1984].

В 20-м веке появилось много исследований роли цветообозначений в образных выражениях, идиомах, пословицах и поговорках, поскольку давно отмечена большая роль цветообозначений в передаче социально-исторической, интеллектуальной, эмоциональной информации о национальном характере. [Верещагин, Виноградов, 2001], [Костомаров, 1998].

Современные работы по анализу цветообозначений и их значений включают в себя работы, исследующие роль цветообозначений в когнитивной деятельности человека, их роль в формировании языковой картины мира, эволюцию и развитие цветообозначений. Многие работы носят междисциплинарный характер и проводятся на стыке физики, лингвистики, химии, психологии и т.д.

Одним из наиболее продуктивных направлений исследований цветообозначений является анализ их метафорического использования, что, в сущности, отвечает современному пониманию метафоры как основной ментальной операции, способа познания и структурирования окружающего мира [Лакофф, Джонсон, 2004]. В частности современные исследования цветосимволизма, связанные с фразеологией, лингво-культурологией, продолжают традиции и античных ученых, и средневековых геральдмейстеров.

Так, по мнению Института современных знаний им. Широкова основными характеристиками кажущегося воздействия цветов на человека являются следующие:

«Белый - легкий
Желтый – легкий, теплый, сухой
Оранжевый – теплый, сухой, кричащий, громкий
Красный – тяжелый, теплый, сухой, кричащий, громкий
Фиолетовый - тяжелый
Синий – тяжелый, холодный, влажный, тихий, спокойный
Зеленый – прохладный, влажный, спокойный
Голубой – легкий, влажный, тихий, спокойный
Коричневый – тяжелый, теплый, влажный
Черный – тяжелый, сухой» [Значение цвета, 2019].

Согласно исследованию В. Тернера к основной триаде цветов в лингвистике относят черный (black), белый (white) и красный (red), символизирующие землю, молоко и кровь [Тернер, 1983]. Считается, что именно эти цвета обладают наибольшей метафоричностью значений [Москович, 1965].

По мнению многих современных ученых основные цвета имеют различные значения, некоторые из которых противопоставлены друг другу, а значения многих цветообозначений не только ведут свою историю со времен Древней Греции, раннего христианства и средневековой геральдики, но и остались неизменны. Так, например, основные цвета имеют следующие значения:

Белый – семантика этого цвета связана со светом, чистотой, святостью, противопоставлением жизни и смерти, благородством, невинностью и благом. Негативные значения – болезнь, одиночество, страх.

Голубой – ассоциируется с гармонией, умиротворением, водой (льдом), прохладой, тишиной, интеллектом.

Синий – благородство, серьезность, а также депрессия, тоска.

Красный – кровь, огонь, солнце, жизнь, чувственность, страсть, тепло, негативные значения - ярость, опасность.

Черный - злой, ассоциируется с мраком, ночью, бесчестием, смертью.

Желтый – страх, трусость, измена, предупреждение.

Зеленый – связан с природой, травой и растительным миром в целом, окружающей средой, одновременно с молодостью, неопытностью, незрелостью, одновременно с ревностью и плохим самочувствием [Болотина, Шабашева, 2012, стр. 7-12].

В целом можно сделать вывод, что цветообозначения окружают нас везде, играя важнейшую роль практически во всех областях жизни и деятельности человека, в том числе и в производственной. Действительно, в своей производственной деятельности человек сталкивается с материалами различных цветов, получает продукт различных цветов, да и оборудование не бывает бесцветным.

Более того, цветообозначения используются не только в прямом значении, то также и в переносном – метафорическом, при этом различные языки могут использовать различные цветообозначения для передачи одинакового метафорического значения, и наоборот, одинаковые цветообозначения могут иметь различные метафорические значения.

В качестве иллюстрации перейдем к анализу терминов нефтегазовой области, которые содержат в своем составе колороним, т.е. слово, обозначающее цвет, в сравнении с их русскими эквивалентами [Структура лингвоцветовой системы, 2015].

Нефтегазовая терминология по сравнению с другими терминологическими системами относительно молода. Многие термины нефтегазовой отрасли (“gasoline, lubricant” и т. п.) были созданы на основе латинского языка. В конце XIII века появляется значительная часть однословных слов, входящих в нефтяную терминосистему (“fuel, bitumen, residue” и д. р.). А в значении «нефть» термин «oil» впервые упоминается в 1520 году [Юнусова, 2015, стр. 45].

Позднее, во второй половине XVIII века, терминология интенсивно обогащается заимствованиями из терминосистем различных сфер производства, как например “wax, kerosene, gasoline” и многие другие. Именно в этот период нефтегазовые термины получают свои современные значения. Когда в начале XX века начинает формироваться мощный топливный рынок со странами-производителями, и нефть приобретает одну из ключевых ролей в национальной и мировой экономике и политике, в обиход входят такие новые термины как “aviation gasoline, diesel fuel, fluid” и другие [Юнусова, 2015, стр. 67].

В русской терминологии нефтегазовой области кроме заимствований из других областей науки и техники, общелитературного языка можно отметить большое количество иноязычных, во многом английских, заимствований, что связано с историей становления этой отрасли в стране [Думитру, 2009, стр. 32].

В настоящий момент современное общество является свидетелем непрерывного развития и постоянного обновления данной терминосистемы как в русском, так и в английском языках (некоторые термины выходят из употребления, некоторые заимствуются либо же русифицируются). Терминосистема продолжает пополняться за счет других областей, например, геологии, химии и т. д. [Тимирьянов, 2020].

Следует отметить, на протяжении всего периода существования нефтегазовой терминосистемы активно создаются термины-словосочетания с элементом-колоронимом, который используется как для более детального (цветового) описания объекта, называемого термином, т.е. в объективном, физическом смысле, так в метафорическом смысле, поскольку цветообозначения всегда использовались и в переносном значении. Изучению их использования в данном качестве посвящены работы таких лингвистов как: Г. М. Костюшкина, Козлова Н. Н., [Костюшкина, Козлова, 2017], Т. М. Гайдукова [Гайдукова, 2008] и т.д. Существует большое количество работ, посвященных использованию цветообразований в терминологии, в частности экономической - Кербер Е. В., Костерина Ю. Е. [Кербер, Костерина, 2017], где отмечается стойкая тенденция их употребления в качестве термино-компонентов для наименования экономических реалий.

В нашем исследовании английских терминов-словосочетаний с цветообозначением мы использовали как англо-русские словари по нефтегазовой терминологии (коды доступа: <https://eng-rus-geology-dict.slovaronline.com/>, <https://textarchive.ru/c-1927332-pall.html>) - так и глоссарии, составленные практикующими переводчиками в данной сфере.

Проведенный анализ выявленных словосочетаний показывает, что все основные цвета участвуют в создании терминов-словосочетаний (колороним + существительное), но количество подобных словосочетаний зависит от колоронима:

Словосочетание с колоронимом	количество
Black	58
Green	46
Red/white	24
Blue	16
Yellow	10
Brown/ grey	1-2

Как видно из представленных данных, наиболее частотными цветообозначениями являются black и green, за которыми следуют red и white и yellow.

Следует также отметить, что практически все цветообозначения используются прежде всего в прямом значении, т.е. напрямую обозначают цвет описываемого объекта:

Black Oil - the dark, colored oils extracted from petroleum (*e.g.*, lubricating oils) – нефтяные остатки, мазут, тяжелые нефтяные остатки

Black acid – сульфонат кислого гудрона, черная кислота

Blue aviation gasoline – этилованный авиационный бензин, подкрашенный в голубой цвет.

Green acid – водорастворимая сульфонафеновая кислота (зеленого цвета)

Green bloom gas/ oil – нефтяной дисциллят с зеленым отливом

Red oil – красное нейтральное масло (отфильтрованная часть слегка крекированного парафинового дисциллята)

Red drilling mud – таннатный буровой раствор (красный раствор)

Yellow cake – концентрат окиси урана после промышленной обработки

White scale – сырой неочищенный парафин

Одновременно, нам встретилось некоторое количество колоронимов, которые употребляются в метафорическом смысле. Количественно их намного меньше, чем цветообозначений, используемых в своем прямом значении. При этом метафорическое значение цветообозначений традиционно и легко читается:

Green cement – незатвердевший цементный раствор.

Green drill bit – не полностью отработанное буровое долото

Red team – группа, работающая над рассмотрением черного варианта ТУ.

Интересно, что существительное oil употребляется с целым рядом цветообозначений для определения различных типов нефти:

Black oil – нефтяное топливо, мазут, тяжелый нефтяной остаток

Green oil – зеленая нефть, нефть парафинового основания

Blue oil – разновидность парафинового минерального масла

Red oil – отфильтрованная часть слегка крекированного парафинированного дисциллята

White oil – светлые нефтепродукты, белое масло

Yellow oil – желтое масло

Два колоронима white и black, обозначающие противоположные цвета, употребляются в терминах, обозначающих средства транспортировки нефтяных продуктов:

Black tanker - танкер для темных нефтепродуктов

White tanker – танкер для светлых нефтепродуктов

С существительным gas употребляются только два колоронима – green и blue: green gas (газ сухой перегонки) – blue gas (голубой \ топочный газ).

Такие колоронимы как brown и grey встречаются достаточно редко. Grey - серый, используется в метафорических значениях грязный, неподконтрольный, неизвестный – grey zone/area – серая зона, территория или месторождение, которые редко посещаются или плохо контролируются, что может привести к возникновению рисков,

grey water – сточные воды

Brown - brown field - разработанное, много лет разрабатываемое, месторождение.

В целом, можно сказать, что в английском языке встречается большое количество терминов – словосочетаний, содержащих цветообозначение, где наиболее частотным является колороним Black (черный). Цветообозначения используются как в прямом значении – для обозначения цвета, так и в метафорическом значении, причем в метафорическом - существенно реже.

Соответственно, возникает вопрос – а как в русском? Проведенный нами анализ позволяет сказать, что в русском языке количество терминов-словосочетаний с колоронимом существенно меньше, чем в английском. Чаще всего колоронимы встречаются в описании минералов.

Еще с 18-19 вв. сложилась практика наименования минералов в два слова, где наименование основывалось на сравнении цвета камня на цвете объекта окружающего мира, цвет которого мог бы служить своего рода эталоном цвета: соломенно–желтый, свинцово-серый и т. п.) [Из недр земли. Цвет минералов. [Электронный ресурс], 2020].

Примерно тогда же сложилось соответствие цвета и определенного минерала: например, фиолетовый – аметист, зеленый – малахит, медно-красный – самородная медь [Из недр земли. Цвет минералов. [Электронный ресурс], 2020].

Более того названия многих минералов основываются на названии их природного цвета и являются заимствованиями в основном из греческого и латинского языков: родонит – от греческого «родон» - розовый, рубин – от латинского guber –красный [Из недр земли. Цвет минералов. [Электронный ресурс], 2020]. Следует отметить, что это справедливо и для английского языка (ruby, rhodonite).

Гораздо реже в русском языке цвет используется в обозначении цвета различных типов грунта, как например - Красный лежень (отложения, образованные в начале Пермского периода, в которых иногда обнаруживают газовые месторождения) – Rotliegendes – formations laid down during the first part of the Permian period where natural gas fields are sometimes found; белая глина, красная медная руда, или в метафорическом смысле - черное золото (нефть), голубое топливо (газ) [Русско-английский словарь нефтяных и газовых терминов [Электронный ресурс], 2019].

Анализ использованных англо-русских и русско-английских словарей и глоссариев позволил выявить и некоторые сложившиеся модели перевода терминов - словосочетаний с цветообозначением (колоронимом):

английский	русский	Модель перевода
------------	---------	-----------------

c\c с колоронимом - green oil	c\c с колоронимом –зеленая нефть	совпадение цвета
c\c с колоронимом - white kerosine	c\c с колоронимом — желтый (тяжелый) керосин	отсутствие совпадения цвета
c\c с колоронимом green gas	газ сухой перегонки	Описательное c\c без колоронима
Описательное c\c без колоронима	c\c с колоронимом	данный тип обнаружен не был

Наиболее частотными являются сочетания: c\c с идентичным колоронимом в обоих языках, особенно в названиях минералов, кислот, типов нефти, грунта и т.п., что отражает реальный цвет объекта. Также крайне частотным является сочетание: английское c\ с колоронимом - русское c\c без колоронима – blue elephant – устьевой вертикальный насос, остальные типы встречаются реже или почти не встречаются.

Неоднозначные и асимметричные отношения между английскими и русскими терминами – словосочетаниями с цветообозначением представляют некоторую сложность при переводе. Если в случае минералов, грунта и т.п. колороним очевиден, то в других случаях требуется обращение к словарю или глоссарию. В этом случае, наиболее подробными являются глоссарии и словари горного дела, поскольку цветообозначения наиболее часто встречаются в названиях минералов, типах глин, почвы и т.п.

К сожалению, отдельного словаря цветообозначений в терминах нефтегазовой области не существует, как и нет полноценных крупных глоссариев (небольшие, составленные практикующими переводчиками, на 20-40 единиц, тем не менее, встречаются), то переводчику, особенно начинающему, нелегко найти адекватный перевод, и крайне сложно правильно перевести термин в случае метафорического использования цветообозначения (в случае, если метафорический перенос осуществляется на основе различных признаков). Соответственно, создание некоего объемного глоссария терминов с цветообозначениями существенно упростило процесс перевода, улучшило его качество, позволило бы использовать материал на занятиях по практическому переводу, терминоведению и лексикологии.

Литература:

- Berlin, V & Kay, P. Basic Color Terms: their Universality and Evolution, University of California Press, Berkeley, 1969
- Болотина М. А., Шабашева Е. А. Символика цвета в русском и английском языках - Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта, 2012- стр. 7-12)
- Вежбицкая А. – Обозначения цвета и языковые универсалии, Язык. Культура. Познание – М., 1996, с. 231-296,
- Верещагин Е. М., Виноградов В. В. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). - М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
- Гайдукова Т. М. Цветовая метафора в антропологической сфере (на материале немецкого языка)// Вестник ВятГУ, 2012, №4(2) С.68-74
- Думитру Е. Ш. Структурно-семантический анализ русской терминологии нефтедобычи. Автореф. дис. канд. филол. наук –М.: 2009 – 25 с.
- Кербер Е. В., Костерина Ю. Е. Цветовая метафора в англоязычной экономической терминологии// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота, 2017. №6 (72). В 3-х ч. Ч1. С. 89-91.
- Костомаров В. Г. В диалог современных культур – М., Народное образование, 1998. – 438 с.

- Костюшкина Г. М., Козлова Н. Н. Концептуальная метафоризация цветообозначения//Внутренний мир человека: эмоции, когниция, коммуникация: сборник научных статей. Абакан: Из-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2017. С. 119-125.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004, 255 стр.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика) М.: АСТ, 2000, стр.59-72
- Москович В. А. Семантическое поле цветообозначений [Текст] : (Опыт типологич. исследования семантич. поля) : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. - Москва : [б. и.], 1965. - 18 с.
- Тернер В. Символ и ритуал/ В. Тернер; сост. А. Бейлис и автор предисл. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. -277 стр.
- Фрумкина Р. М. Цвет. Смысл. Сходство. Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984 – 175 с.

Электронные ресурсы:

- Значение цветов в геральдике. Институт современных знаний им. А. М. Широкова.– 2019: <http://www.isz.minsk.by/history/spps/color.html> - дата обращения 15.04.2023
- Из недр земли. Цвет минералов. 2020. <http://iznedr.ru/books> - дата обращения 17.09.2023
- Санти-Мадзини Джованни. Геральдика. История, терминология, символы и значения гербов и эмблем. 2003 <https://gerboved.ru/pdf/Santi-Mazzini-2007-ChapterII-III-pp64-77.pdf> - дата обращения 15.04.2023
- Символика цвета 2022 <https://ocvete.ru/psixologiya-cveta/simvolika-cveta.html> - дата обращения 15.04.2023
- Символика цвета в культуре Запада: античность, Древний Рим, христианство. 2008 – https://vuzlit.com/481960/simvolika_tsвета_kulture_zapada_antichnost_drevniy_hristianstvo#:~:text=дата обращения 15.04.2023
- Структура лингвоцветовой системы и критерии ее определения в русском, английском и немецком языках. 2015 – <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-lingvotsvetovoy-sistemy-i-kriterii-ee-opredeleniya-v-russkom-angliyskom-i-nemetskom-yazykah> - дата обращения 15.04.2023
- Тимирьянов П. В. Особенности нефтегазовой терминологии как ключевой фактор в работе нефтегазового переводчика 2020 https://clar.urfu.ru/bitstream/10995/84692/1/978-5-8295-0708-4_2020_047.pdf - дата обращения: 15.10.2022
- Цвет в античной культуре. 2002 <https://cvet-psy.ru/tsvet-v-antichnoj-kulture-drevnyaya-grets/> - дата обращения 15.04.2023
- Цвета в геральдике 2021 <https://semfamily.ru/pro-geby/cveta-v-geraldike> - дата обращения 15.04.2023
- Юнусова, И. Р. Формирование английской терминологии в нефтегазовой промышленности 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-angliyskoy-terminologii-v-neftegazovoy-promyshlennosti> - дата обращения: 15.10.2022.

Словари:

- <https://eng-rus-geology-dict.slovaronline.com/>
- <https://textarchive.ru/c-1927332-pall.html>
- <https://www.geokniga.org/bookfiles/geokniga-slovar-po-geologii-nefti.pdf>
- <http://www.tech.nftn.ru/board/ch/23>

Русско-английский словарь нефтяных и газовых терминов
<https://www.geokniga.org/bookfiles/geokniga-games-grump-dzheymys-dzh-kramp-russko-anglijskiy-slovar-neftyanyh-i-gazovyh-t.pdf>
<https://oilgasinform.ru/science/glossary/>

References:

- Berlin, B & Kay, P. Basic Color Terms: their Universality and Evolution, University of California Press, Berkeley, 1969
- Bolotina M. A., Shabasheva E. A. Simvolika czveta v russkom i anglijskom yazy`kax. Vestnik Baltijskogo Federal'nogo universiteta im. I. Kanta, 2012- S. 7-12
- Vezhbiczakaya A. Oboznacheniya czveta i yazy`kovy`e universalii, Yazy`k. Kul'tura. Poznanie Moscow, 1996, S. 231-296
- Vereshagin E. M., Vinogradov V. V. Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy`). Moscow. Izdatel'stvo instituta obshhego srednego obrazovaniya RAO, 2001.
- Gajdukova T. M. Czvetovaya metafora v antropologicheskoy sfere (na materiale nemeckzogo yazy`ka) // Vestnik VyatGU, 2012, №4(2) S.68-74
- Dumitru E. Sh. Strukturno-semanticheskij analiz russkoj terminologii nefteobdoby`chi. Avtoref. dis. kand. filol. nauk –M.: 2009 – 25 s
- Kerber E. V., Kosterina Yu. E. Czvetovaya metafora v angloyazy`chnoj e`konomicheskoy terminologii, Filologicheskije nauki. Voprosy` teorii i praktiki. Tambov. Gramota, 2017. №6 (72). V 3-x ch. Ch.1. S. 89-91.
- Kostomarov V. G. V dialoge sovremenny`x kul'tur. Moscow, Narodnoe obrazovanie, 1998. – 438 s.
- Kostyushkina G. M., Kozlova N. N. konceptual'naya metaforizaciya czvetooboznacheniya//Vnutrennij mir cheloveka: e`mocii, kogniciya, kommunikaciya: sbornik nauchny`x statej. Abakan: Iz-vo XGU im. N. F. Katanova, 2017. S. 119-125.
- Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory`, kotory`mi my` zhivem. Moscow, Editorial URSS, 2004, 255 s.
- Losev A. F. Istoriya antichnoj e`stetiki (rannyya klassika) Moscow: AST, 2000, S.59-72
- Moskovich V A. Semanticheskoe pole czvetooboznachenij [Tekst] : (Opy`t tipologich. issledovaniya semantich. polya: Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk / 1-j Mosk. gos. ped. in-t inostr. yaz. im. Morisa Toreza. - Moskva : [b. i.], 1965. - 18 s.
- Terner V. Simvol i ritual/V. Terner; sost. A. Bejlis i avtor predisl. – Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury` izdatel'stva «Nauka», 1983. - 277 s.
- Frumkina R. M. Czvet. Smy`s sl. Sxodstvo. Aspekty` psixolingvistichego analiza. Moscow: Nauka, 1984 – 175 s.

Electronic Sources:

- Znachenie czvetov v geraldike. Institut sovremenny`x znaniy im. A. M. Shirokova. 2019: <http://www.isz.minsk.by/history/spps/color.html> - date of access 15.04.2023
- Iz nedr zemli. Tsvet mineralov. <http://iznedr.ru/books> - date of access 17.09.2023
- Santi-Madzini Dzhovanni. Geraldika. Istoriya, terminologiya, simvolny` i znacheniya gerbov i e`mblem. 2003 <https://gerboved.ru/pdf/Santi-Mazzini-2007-ChapterII-III-pp64-77.pdf> - date of access 15.04.2023
- Simvolika tsveta.2022 <https://ocvete.ru/psixologiya-cveta/simvolika-cveta.html> - date of access 15.04.2023
- Simvolika tsveta v Kul'ture Zapada: antichnost`, Drevnij Rim, khristianstvo.2008 https://vuzlit.com/481960/simvolika_tsveta_kulture_zapada_antichnost_drevnij_hristianstvo#:~:text= - date of access 15.04.2023

- Struktura lingvocvetovoj sistemy` i kriterii ee opredeleniya v russkom, anglijskom i nemeczkom yazy`kax. 2015 <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-lingvotsvetovoy-sistemy-i-kriterii-ee-opredeleniya-v-russkom-angliyskom-i-nemetskom-yazykah> - date of access (дата обращения) 15.04.2023
- Timir`yanov P. V. Osobennosti neftegazovoj terminologii kak klyuchevoj faktor v rabote neftegazovogo perevodchika. 2020: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/84692/1/978-5-8295-0708-4_2020_047.pdf - date of access: 15.10.2022
- Tsvet v antichnoy kul`ture. 2002 <https://cvet-psy.ru/tsvet-v-antichnoj-kulture-drevnyaya-grets/> - date of access 15.04.2023
- Tsveta v geraldike. 2021 <https://semfamily.ru/pro-geby/cveta-v-geraldike> - date of access 15.04.2023
- Yunusova, I. R. Formirovanie anglijskoj terminologii v neftegazovoj promy`shlennosti. 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-angliyskoj-terminologii-v-neftegazovoy-promyshlennosti> - date of access 15.10.2022.

Dictionaries:

<https://eng-rus-geology-dict.slovaronline.com/>

<https://textarchive.ru/c-1927332-pall.html>

<https://www.geokniga.org/bookfiles/geokniga-slovar-po-geologii-nefti.pdf>

<http://www.tech.nftn.ru/board/ch/23>

<https://www.geokniga.org/bookfiles/geokniga-games-gcrump-dzheyms-dzh-kramp-rusko-angliyskiy-slovar-neftyanyh-i-gazovyh-t.pdf>

<https://oilgasinform.ru/science/glossary/>

ОБУЧЕНИЕ ВЫРАЖЕНИЮ УТЕШЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ В ЦЕЛЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМПАТИЧЕСКИХ УМЕНИЙ

В данной статье исследуется методика обучения выражению утешения на занятиях РКИ для формирования эмпатических умений у студентов. Новизна данной статьи заключается во включении формирования эмпатических умений в содержание обучения РКИ для того, чтобы помочь иностранным студентам стать более квалифицированными для выполнения задач межкультурной коммуникации и рассмотрении возможности и пути реализации развития эмпатических умений в процессе изучения русского языка. В статье обосновывается важная роль выражения утешения в формировании эмпатических умений у студентов, выделяются основные способы выражения утешения на русском языке, описываются этапы обучения выражению утешения на занятиях РКИ. Результаты исследования показали, что обучение выражению утешения на занятиях РКИ является одним из эффективных способов формирования и развития эмпатических умений в межкультурной коммуникации. В процессе обучения выражению утешения на занятиях РКИ студенты не только приобретают языковые знания, развивают речевые навыки и умения, но и развивают умения активизации развития слушать, обращать внимание на эмоциональное состояние собеседника и определять эмоции собеседника, что способствует повышению уровня русского языка как иностранного и активизации желания студентов взаимодействовать с партнером по межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: обучение РКИ, эмпатические умения, межкультурная коммуникация, выражение утешения, этапы обучения

Mu Dan
Saint Petersburg State University

TEACHING THE EXPRESSION OF CONSOLATION IN CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN ORDER TO DEVELOP EMPATHIC SKILLS

This article examines the methodology of teaching the expression of consolation in classes of Russian as a foreign language for the formation of empathic skills in students. The novelty of this article lies in the inclusion of the formation of empathic skills in the content of teaching Russian as a foreign language in order to help foreign students become more qualified to perform the tasks of intercultural communication and consider the possibility and way of implementing the development of empathic skills in the process of learning the Russian language. The article substantiates the important role of expressing consolation in the formation of empathic skills in students, highlights the main ways of expressing consolation in Russian, and describes the stages of teaching to express consolation in classes of Russian as a foreign language. The results of the study showed that learning to express consolation in classes of Russian as a foreign language is one of the effective ways to form and develop empathic skills in intercultural communication. In the process of learning to express consolation in classes of Russian as a foreign language, students not only acquire language knowledge, develop

speech skills and abilities, but also develop the ability to actively and sincerely listen, pay attention to the emotional state of the interlocutor and determine the emotions of the interlocutor, which helps to improve the level of the Russian language as a foreign language and intensifying students' desire to interact with a partner in intercultural communication.

Keywords: teaching Russian as a foreign language, empathic skills, intercultural communication, expression of consolation, stages of teaching

Введение

Эмпатия — это своего рода особое отождествление себя с собеседником, умение как бы раствориться в нем, умение “вслушаться” в его эмоциональное состояние [Алаева М. В. 2011, с. 103]. В современных исследованиях эмпатия и утешение тесно связаны друг с другом. Ю. А. Шепелева под эмпатией понимает чувство внутреннего сопереживания другому человеку, который в данный момент времени нуждается в утешении [Шепелева Ю. А. 2019, с. 73].

Формирование эмпатических умений на занятия РКИ имеет большое значение. Во-первых, эмпатия играет очень важную роль в межкультурной коммуникации. Люстиг Майрон и Кестер Джолин определили эмпатию как один из базовых элементов межкультурной коммуникативной компетенции [Lustig Myron W., Koester Jolene. 2003, с. 31]. Той же точки зрения придерживается и Л. А. Самовар: «Чтобы быть успешным межкультурным коммуникатором, необходимо развивать эмпатию, а развить эмпатию можно только в том случае, если вы достаточно чутки к культурным ценностям и обычаям другой стороны» [Samovar, L. A., Porter, R. E. 2000, с. 55]. Студенты, изучающие РКИ, вступают в контакт с русской культурой и русскоязычными говорящими. Умение понимать и сопереживать им помогает развивать взаимопонимание и создавать гармоничные отношения с носителями языка и представителями русской культуры. Во-вторых, эмпатия способствует лучшему восприятию и адаптации к новому языку. Умение чувствовать и распознавать эмоции говорящего на русском языке помогает лучше понять контекст и особенности языка, а также преодолеть языковые барьеры. В-третьих, когда учащиеся чувствуют понимание и поддержку со стороны учителя и других студентов, это стимулирует их мотивацию и интерес к изучению языка. Эмпатия создает атмосферу взаимного доверия и поддержки, которая способствует успешному обучению.

Обучение выражению утешения является важным содержанием обучения эмпатическим умениям на занятиях РКИ. В лингвистической области существуют исследовательские работы по вопросу взаимоотношения выражения утешения и выражения эмпатии: А. А. Кузнецовой в диссертации обсуждаются теория речевых актов и вербальная сфера эмпатии, анализируется иллокутивный тип утешения как иерархически структурированный речевой акт [Кузнецова А. А. 2010, с. 91]. Л. А. Азнабаевой в своей статье представлен анализ сфер вербальной эмпатии и эмпатийных речевых актов, анализируя выражение утешения как важный способ вербализации эмпатии [Азнабаева Л. А. 2015, с. 63]. В статье А. А. Бен Шушан предпринята попытка описать преобразования эмпатических высказываний в интернет коммуникации, анализируется вербальная сфера сопереживания, включая утешение [Бен Шушан А. А. 2022, с. 301]. Несмотря на наличие соответствующих исследований в лингвистической области, в области методики и обучения иностранным языкам вопрос по формированию эмпатических умений у иностранных студентов путем развития у них умения выражения утешения остаётся малоизученным. В данной статье исследуется проблема развития умения выражения утешения на уроках РКИ в целях формирования эмпатических умений у студентов.

Выражение утешения как важная составляющая эмпатических умений

Эмпатия является многоуровневым феноменом. Выделяются следующие уровни эмпатии: эмоциональная эмпатия, основанная на механизмах проекции и подражания моторным и аффективным реакциям другого человека; когнитивная эмпатия базируется на интеллектуальных процессах — сравнение, аналогия и т. п.; поведенческая эмпатия – форма эмпатии, выраженная в конкретных действиях по отношению к другому человеку [Прокофьева Н. А., Романова Е. А. 2018, с. 4].

Видно, что в процессе формирования эмпатических умений необходимо формировать у учащихся умение фиксировать, понимать и реагировать на эмоции собеседника.

Е. В. Сапига выделяет компоненты содержания обучения, важные для развития эмпатических умений:

1. умение слушать, воспринимать и понимать иноязычную речь;
2. умение взаимодействовать с иноязычной личностью;
3. умение употреблять этикетные формы общения;
4. умение адекватно (вербально и невербально) реагировать на высказывания иноязычного собеседника [Сапига Е. В. 2006, с. 9].

Основываясь на изложенных точках зрения, автор считает, что в процессе формирования у учащихся эмпатических умений на занятиях РКИ следует сосредоточить внимание на развитии у учащихся следующих умений: умение активно и искренне слушать; умение фиксировать и понимать эмоции собеседника; умение выражения эмпатии собеседнику.

Утешением называются чьи-либо действия, слова, которые направлены на то, чтобы успокоить кого-либо плачущего, взволнованного, испуганного и т. п. [Дмитриев Д. В. 2003, с. 1578]. Выявлены две основные сферы вербальной эмпатии – сопереживание и сорадование. В речевую сферу сопереживания включаются речевые акты «понимание», «сочувствие», «соболезнование», «утешение». [Азнабаева Л. А., Анищенко А. А. 2015, с. 64]. Выражение утешения является важным способом выражения эмпатии, потому что:

1. Утешение позволяет человеку почувствовать, что их эмоции и страдания важны и принимаемы другими людьми. Это помогает создать чувство комфорта и безопасности, которое может уменьшить чувство одиночества и изоляции.

2. Утешение может помочь снизить уровень стресса и эмоционального напряжения у другого человека. Когда мы утешаем и поддерживаем кого-то, мы помогаем снять часть его брмени и сделать его положение более терпимым.

3. Выражая утешение, люди устанавливают эмоциональную связь с другим человеком. Это создает более глубокое понимание и доверие между людьми, что способствует более гармоничным и здоровым отношениям.

4. Утешение помогает создать благоприятное эмоциональное окружение для процесса исцеления и заживления. Когда люди чувствуют, что их болезненные переживания принимаются и поддерживаются, они могут легче справиться с трудностями и двигаться вперед.

Выражать утешения в русском языке можно несколькими способами.

1. Выражение с повелительным наклоном глагола (Это наиболее распространенный способ выражения) [Формановской Н. И., Шевцова С. В. 1990, с. 96]. Например, «Не волнуйтесь!», «Успокойся!», «Не переживай!».

2. Выражение с мыслью неизбежности в жизни неприятностей [Формановской Н. И., Шевцова С. В. 1990, с. 99]. Например, «В жизни так бывает», «Всякое бывает».

3. Выражение оправдания [Кузнецова А. А. 2010, с. 99]. Например, «Это не ваша вина.», «Вы тут ни при чем.», «Ничего не поделаешь.».

4. Выражение для уверения собеседника в том, что случившееся несерьезно [Формановской Н. И., Шевцова С. В. 1990, с. 100]. Например, «Это пустяки!», «Какая ерунда! Забуди!».

5. Выражение со значением уверения в благополучном исходе [Формановской Н. И., Шевцова С. В. 1990, с. 98-99]. Например, «Всё будет (кончится) хорошо!», «Всё у тебя получится!», «Всё наладится!».

6. Выражение с советом (обычно используются устойчивые высказывания) [Формановской Н. И., Шевцова С. В. 1990, с. 97]. Например, «Не падай духом!», «Выбрось это из головы.», «Соберись с силами.», «Не обращай на это внимание.».

В то время как студенты обучаются использовать эти языковые средства для выражения утешения, их умения фиксировать и понимать эмоции собеседника также будут тренироваться и улучшаться, что поможет учащимся совершенствовать эмпатические умения в общении в целом.

Этапы формирования умения выражения утешения на занятиях РКИ

Формирование умения выражения утешения учащихся на занятиях РКИ должно осуществляться поэтапно. Исходным моментом обучения считается приобретение знаний (формирование языковой базы и языковой компетенции), а его конечным результатом -- развитие на основе знаний и речевых навыков и умений коммуникативной компетенции [Щукин А. Н. 2006, с. 162]. Поэтому для формирования умения выражения утешения на занятиях РКИ сначала учащимся необходимо овладеть соответствующими языковыми знаниями; затем надо развивать у них речевые навыки; наконец, сформировать и усовершенствовать у них речевые умения. Организацию классного обучения можно разделить на следующие этапы:

1. Вводная беседа. Сначала обсуждаются с учащимися ситуации, в которых необходимо выразить утешение: когда у собеседника плохое самочувствие, подавленное состояние или какие-то жалобы [Кузнецова А. А. 2010, с. 37]. Потом учащиеся должны назвать способы выражения утешения, которые они знали раньше, и сравнить их со способами выражения утешения на родном языке.

2. Формирование языковых знаний. На этом этапе важно предоставить часто используемые формулы выражения утешения на русском языке, и проанализировать ситуации использования этих различных формул вместе со студентами. Новые языковые знания могут быть представлены и объяснены в форме мини-диалог или в виде русских художественных произведений (литературных произведений, песен, стихов и т. д.). Таким образом, студенты не только освоили формулы языкового выражения, но и поняли ситуации использования языковых формул, а также сходства и различия между выражением утешения на русском языке и на родном языке.

3. Формирование и развитие навыков. На этом этапе необходимо формировать у учащихся фонетические, лексико-грамматические навыки путём языковых упражнений. Затем важно развивать другие эмпатические навыки (навыки активно и искренне слушать,

фиксировать и понимать эмоции собеседника) вместе с речевыми навыкам учащихся с помощью условно- коммуникативных упражнений.

Прежде всего, чтобы формировать фонетические навыки учащихся, им необходимо объяснять, как читать предложения для выражения утешения правильными интонациями (обычно используются ИК-1 и ИК-2). Учащиеся должны имитировать после прослушивания записи или просмотра фрагмента фильма. Для формирования и развития лексико-грамматических навыков, можно использовать некоторые языковые упражнения, например, вставить пропущенные слова в правильной грамматической форме в предложении, составьте предложения для выражения утешения, используя данные ключевые слова. Затем необходимо показать учащимся диалог-образец, содержащий выражение утешения. После прочтения диалога учащимся нужно определить эмоции коммуниканта в диалоге и выразить свое понимание эмоций коммуниканта. Потом важно выделить утешительные слова в диалог-образце и заменить как можно больше из этих утешительных слов своими предложениями. Наконец, учащиеся могут имитировать диалог-образец, составить свои собственные диалоги и разыграть их.

4. Развитие умений. На данном этапе необходимо развивать речевые умения и другие эмпатические умения (умения активно и искренне слушать, фиксировать и понимать эмоции собеседника) учащихся на основе уже сформированных у них навыков. Во-первых, преподаватель может предложить учащимся перечислять способы выражения утешения, которыми они научились на занятиях. Потом создаются разные ситуации, чтобы у учащихся была возможность использовать эти способы выражения спонтанно в общении. Например, учащимся можно показать картину или отрывок из фильма или мультфильма, чтобы вызвать у учащихся намерение утешить главного героя. Затем учащиеся могут обсуждать художественные картины или отрывки из фильмов и мультфильмов и использовать эти сюжеты в качестве основы для составления и отработки диалогов со своим партнёром. После нескольких таких упражнений эмпатические умения учащихся с выражением утешения будут сформированы и усовершенствованы.

Заключение

Формирование эмпатических умений на занятиях РКИ имеет большое значение, потому что эмпатия играет очень важную роль в межкультурной коммуникации, способствует лучшему восприятию и адаптации к новому языку и стимулирует мотивацию и интерес иностранных студентов к изучению языка. В процессе формирования эмпатических умений необходимо формировать у учащихся умение активно и искренне слушать, умение фиксировать, понимать и реагировать на эмоции собеседника. Выражение утешения является одним из ключевых способов реагирования на эмоции собеседника. В речевую сферу эмпатии можно включать речевые акты «понимание», «сочувствие», «соболезнование», «утешение», поэтому обучение выражению утешения является важным содержанием обучения эмпатическим умениям на занятиях РКИ. Формирование умения выражения утешения учащихся на занятиях РКИ должно осуществляться поэтапно: сначала учащимся необходимо овладеть соответствующими языковыми знаниями; затем надо развивать у них речевые навыки; наконец, сформировать и усовершенствовать у них речевые умения.

Литература:

- Алаева М. В. Эмпатия как один из инструментов понимания психического состояния другого человека // Вестник МГУ. 2011. №2. с. 103
- Азнабаева Л. А., Анищенко А. А. Междометия как средство выражения эмпатии (на материале французского языка). Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 2(26). с. 63-64
- Бен Шушан А. А. Цифровая мутация эмпатийной коммуникации в интернет-среде. Доклады Башкирского университета. 2022. Т. 7, № 5. с. 301
- Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. Издательство: Астрель. Москва. 2003. с. 1578
- Кузнецова А. А. Иллокутивные типы вербальной эмпатии: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. - Уфа, 2010. с. 37, с. 91, с. 99
- Прокофьева Н. А., Романова Е. А. Методические рекомендации по организации и проведению психологической диагностики эмпатии в условиях образовательного учреждения. 2018. с. 4
- Сапига Е. В. Развитие эмпатийных умений у студентов-переводчиков в процессе профессиональной подготовки в вузе : специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Майкоп, 2006. с. 9
- Формановской Н. И., Шевцова С. В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия: Справочник. М.: Высш. шк., 1990. с. 97-100
- Шепелева, Ю. А. Эмоциональная эмпатия в межличностных отношениях. Их взаимосвязь. Международный студенческий научный вестник. 2019. № 1. с. 73
10. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Филоматис, 2006. с. 165
11. Lustig, Myron W. & Koester, Jolene. Intercultural Competence: Interpersonal Communication Across Cultures (4th ed.). Boston: Pearson. 2003. 31 p.
12. Samovar, L. A., Porter, R. E. Communication Between Cultures [M]. 2000. Foreign Language Teaching and Research Press. 55 p.

References:

- Alaeva M. V. Empathy as one of the tools for understanding the mental state of another person // Bulletin of Moscow State University. 2011. No. 2. With. 103 p.
- Aznabaeva L. A., Anishchenko A. A. Interjections as a means of expressing empathy (based on the French language). Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2015. No. 2(26). With. 63-64 p.
- Ben Shushan A. A. Digital mutation of empathic communication in the Internet environment. Reports of the Bashkir University. 2022. T. 7, No. 5. 301 p.
- Dmitriev D. V. Explanatory dictionary of the Russian language. Publisher: Astrel. Moscow. 2003. 1578 p.
- Kuznetsova A. A. Illocutionary types of verbal empathy: abstract of thesis. ... candidate of philological sciences: 02.10.19 / [Place of defense: Bashkir. state University]. - Ufa, 2010. 37 p., 91 p., 99 p.
- Prokofieva N. A., Romanova E. A. Methodological recommendations for organizing and conducting psychological diagnostics of empathy in an educational institution. 2018. 4 p.
- Sapiga E. V. Development of empathy skills among student translators in the process of professional training at a university: specialty 13.00.08 "Theory and methodology of vocational education": dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Maykop, 2006. 9 p.

- Formanovskoy N. I., Shevtsova S. V. Speech etiquette. Russian-English correspondences: Directory. M.: Higher. school, 1990. 97-100 p.
- Shepeleva, Yu. A. Emotional empathy in interpersonal relationships. Their relationship. International student scientific bulletin. 2019. No. 1. 73 p.
- Shchukin A. N. Teaching foreign languages: Theory and practice: A textbook for teachers and students. 2nd ed., rev. and additional - M.: Philomatis, 2006. 165 p.
- Lustig, Myron W. & Koester, Jolene. Intercultural Competence: Interpersonal Communication Across Cultures (4th ed.). Boston: Pearson. 2003. 31 p.
- Samovar, L. A., Porter, R. E. Communication Between Cultures - M. 2000. Foreign Language Teaching and Research Press. 55 p.

Мызникова Я. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается аксиологический компонент диалектного текста. Цель исследования заключается в выявлении связанных с ним принципов организации диалектного дискурса. В различных жанрах диалектной речи аксиологический компонент присутствует как в эксплицитных, так и в имплицитных формах. В текстах диалектного жанра рассказа-воспоминания аксиологическая информация вводится через оппозицию двух временных срезов: «раньше, прежде» и «теперь, сейчас». Это противопоставление реализуется в рассматриваемых текстах как лексическими, так и грамматическими средствами. В рассматриваемых конструкциях выделены такие аксиологические доминанты, как уважительное отношение к труду как к основе жизни и высшей ценности, необходимость соблюдения норм морали и нравственности, почтительного отношения к родителям, а также принципов коллективизма, подразумевающих сотрудничество и взаимопомощь в процессе труда и отдыха.

Ключевые слова: диалектная речь, рассказ-воспоминание, аксиологический компонент, лексические маркеры, речевые жанры

Myznikova Yanina V.

Saint Petersburg State University

WAYS OF IMPLEMENTING THE AXIOLOGICAL COMPONENT IN DIALECT DISCOURSE

The article deals with the axiological component of the dialect text. The purpose of the study is to identify the relevant principles of organization of dialect discourse. In various genres of dialect speech, the axiological component is present both in explicit and implicit forms. In the texts of the dialect genre of the memory story, axiological information is introduced through the opposition of two time slices: «before» and «now». This opposition is realized in the texts under consideration both by lexical and grammatical means. The constructions under consideration highlight such axiological dominants as respect for work as the basis of life and the highest value, the need to comply with moral and ethical standards, respect for parents, as well as the principles of collectivism, implying cooperation and mutual assistance in the process of work and rest.

Keywords: dialect discourse, memory story, axiological component, lexical markers, speech genres

Лингвоаксиология является одним из активно развивающихся направлений современной антропологической лингвистики. Как пишет К. Я. Сигал, «в центре внимания лингвоаксиологии находится аксиологическая функция и те языковые средства, с помощью которых происходит речевая объективация оценок, ценностей и основанных на них суждений» [Сигал, 2022, с. 91]. Диалектная речь представляется богатым источником для изучения культурных стереотипов

традиционного сельского социума. В своих исследованиях А. Вежицкая показывает, как специфичные для каждого конкретного общества культурные нормы выстраивают модели коммуникации в рамках эксплицитных культурно-обусловленных сценариев, которые определяют, что можно или нельзя сказать, что можно или нельзя сделать, а также что «хорошо» говорить или делать. Эти сценарии составляют неписаную «культурную грамматику» языкового коллектива, части которой могут «всплывать» временами в форме пословиц, поговорок, популярных фраз, формулах ежедневного общения и т. д. [Вежицкая, 1999, с. 130]. Важнейшим источником и транслятором сложившихся за многие века ценностных стереотипов, отражающих мировоззрение народа, является паремиологический фонд языка: пословицы, поговорки, загадки, приметы и т. д. Все эти элементы в виде речевых формул естественным образом вплетаются в диалектную речь⁴²: *Вот те коса / лихоратки сёстра / бит' не бйёт / а дур'ть выйёт // эта ручка / эта окóсива / а эта металичэска / коса* (Красная Река). Некоторые жанры диалогической диалектной речи, в частности, этикетные жанры, практически полностью состоят из речевых формул: *Мир вам! / хлеп да сол'! // кто скажэт «Спасиба!» // а кто скажэт «Едим да свой!»* (Большая Кандаля). Среди диалектных этикетных жанров наибольший интерес исследователей вызывают жанры приветствий и благопожеланий. Так, в работах Л. Ю. Зориной изучаются аксиологически значимые этикетные формулы – благопожелания [Зорина, 2012]. Они имеют древние корни, отражают старинные верования, несут в себе ценностные установки.

Однако аксиологические стереотипы находят отражение не только в малых, элементарных жанрах диалектной речи, они выстраивают диалектный дискурс в рамках комплексных речевых жанров, среди которых наиболее изучен рассказ-воспоминание. Рассказ-воспоминание является вербализацией прошлого опыта информанта, а с функциональной точки зрения представляет собой средство передачи существенной для данного социума в культурном и этическом отношении информации.

Аксиологическая составляющая в текстах данного жанра вводится через оппозицию двух временных срезов – прошлого и настоящего. Данная оппозиция реализуется в тексте целым комплексом средств, прежде всего, лексических и синтаксических. Лексическими маркерами данного противопоставления являются, с одной стороны, слова *раньше, прежде, тогда*, а также лексикализованная глагольная форма *бывало*, вводящая сообщение о многократном действии или состоянии в прошлом, и, с другой стороны, лексемы *теперь, сейчас* (с фонетическими вариантами *топерь, шас* и др.). Синтаксически данная оппозиция реализуется при помощи конструкций с противительными отношениями, выраженными союзом *а* или бессоюзным способом при помощи просодических средств. На первый взгляд, современная жизнь в сопоставлении с послевоенной советской оценивается информантами как более комфортная, приятная: *Вот бывала / поедеш туда за дровами / за Волгу // а шас фсё ко двору подвозят / тока были бы денежки / покупай // а шас и тем более вот гас / чово / и тепло и светло и вода в из'бе / у нас тош как в гораде* (Крестово-Городище); *Да / дочэн'ка / вот как жыли // и фсе жывы / выжыли фсе / вон до кех жывём // шас мы едим / дочэн'ка / в мёду купамся / в мёду* (Старый Белый Яр). Действительно, в материальном отношении жизнь в селе стала намного комфортнее. Однако большая часть высказываний информантов показывает, что современные изменения в духовной сфере ими оцениваются как резко негативные, ведущие к гибели села, к разрушению традиционных устоев: *Праз'ник был Троица / наряжалис / идут с поля пешком // фсё одевали / вон шырокие сарафаны старинны / ран'шы / наших матерей // о-*

⁴² В статье используются материалы экспедиций автора в Старомайнский, Чердаклинский и Мелекесский районы Ульяновской области, в скобках указывается название населённого пункта. Цитата приводится в упрощённой фонетической транскрипции.

ой / а шас / убита фсё село (Старый Белый Яр); *Тода девшиник был / парни приходят и деф'ки / фсе / фсякие игры играют / и пляжут / и фсё // глядел'цикаф полно приходит / фсё село // х'рошо была // а шас фсё отошло // потом м'лодых родны по гостям брали / а шас нету / фсё прошло ужэ* (Красная Река). Попытаемся выявить аксиологические доминанты, составляющие сущность традиционного жизненного уклада.

В рассматриваемых конструкциях с противопоставлением временных страт одной из ключевых доминант является отношение к труду как к основе жизни: *Ран'шы старик пахал на сохе / а фсё жэ пахал / ден' и ноч // а шас не хотят роботат' / ненай чово* (Старый Белый Яр); *Фсё вет' врушную / фсё знали / сами делали / и дуги гнули / и оглобли делали / и перётки и затки / фсё делали сами / мастера-та были // сечас не умеют з'делат' т'поризишэ на топор* (Никольское-на-Черемшане); *Чай ран'шы поля с'яяли / сичас нет ничо у нас // у нас шас ничо дочын'ка не сеют // а ран'шы рош / пиэниць / просо с'яяли / овёс / вот / курузу / жали иё скоту / свин'йям // три свиарника была / тр'ехрядный был коровник / два такох / фсё решили* (Старый Белый Яр);

Значимость указанной доминанты проявляется и в тематической организации диалектного текста. Рассказ-воспоминание представляет собой комплексный речевой жанр, в составе которого, как правило, тематически и структурно выявляются жанровые формы автобиографического рассказа и бытового рассказа. Бытовой рассказ представляет собой описание сельского народного быта и может являться реакцией информанта на вопрос собирателя о том, как раньше что-либо делали, например, косили, ткали, строили дома, воспитывали детей и т. д. Автобиографический рассказ – практически обязательный элемент рассказа-воспоминания, часто провоцируется собирателем, так как для диалектолога принципиально важной является лингвогеографическая характеристика носителя говора. Поэтому в первую очередь собиратель интересуется тем, где родился информант, проживал ли в своём селе постоянно, откуда родом его родители и т. д.

Построение речевого жанра автобиографического рассказа в диалектном дискурсе имеет свои особенности. Традиционная автобиография начинается с описания даты и места рождения. Но в диалектном дискурсе чаще всего автобиографический рассказ начинается с наиболее значимого для информанта или для социума в целом события. Для социума это может быть событие, меняющее весь уклад жизни, например, начало войны, для самого информанта – нечто, меняющее его социальный статус, например, выход рассказчицы замуж, начало трудовой деятельности информанта.

Центральное место труда в системе ценностей сельского социума проявляется в тематической организации автобиографического рассказа: повествование часто начинается с того возраста, когда информанта начали вовлекать в трудовую деятельность: *Росла в деревни / девятилетни бегали к'лоски сб'ирали / гоняли нас детей // летам сернами жали ветки / для овец колхозных / штоб овец колхозных кормит'* (Никольское-на-Черемшане); *Мы вит' жыли в однем веке / а тепер' другой век / ты понимаеш / и эпоха другая / трудна конешна вам претставит' / а мы вет' вот эт' прошли фсё // я вет' врушную жал сер'пом хлел / и косой косил во время войны // я с тринадцат' лет / сорок третем году я ужэ / я вет' чэтыре класса фсево кончыл* (Крестово-Городище); *Я / кода война началас' / эт сорах первый гот / я ф первый клас пошол // роботът' некому / отец был сл'япой / мат' ст'ара / я бросил и ушол роб'отът' / ф колхоз // запр'ядали пару быкоф и пахали* (Красная Река).

В диалектных текстах, повествующих о разных видах сельской трудовой деятельности, высоко оценивается способность делать своими руками предметы обихода, инструменты, материалы для пошива одежды и обуви, а также вручную выпонять сельскохозяйственные работы. Лексические маркеры, характерные для подобного аксиологического контекста, –

вручную, руками: *Фсё вет' врушную / фсё знали / сами делали / и дуги гнули / и оглобли делали / и перётки и затки / фсё делали сами / мастера-та были // сейчас не умеют з'делат' тьпоршишэ на топор / никто не делат (Никольское-на-Черемшане); Вез'де фсё была руками з'делана (Никольское-на-Черемшане); Кода уш я стала тут манен'ка побол'шэ / лет десят' одинацат' мне / она меня / убораиная начылас' / жат' с собой брала / ран'шы вет' не была комбайнаф-та / вручную жнали (Никольское-на-Черемшане); Тода не была ничэво никакова / тол'ка тьпоры / фсё врушную-врушную // и тила / себе бери и мне давай (Никольское-на-Черемшане). В рассказе-воспоминании данного информанта лексемы *вручную* и *руками* встречаются 11 раз. Умение всё делать своими руками перенималось от старших в семье, информанты описывают, как родители обучали их на собственном примере, воспитывая уважение к опыту старших: *Мама меня научыла пряс'т' и вязат' // и вот прядла / сначала не умела / мама гьворит / давай дочка / пряди / давай // вот так-то сначала скручу / скручу / нада оянт' прикрепит' к веретену-т умет' как / как ёво / так не завязэши / узлом / на два пал'чыка надет' / и надет' // во потом научылас' / айда пошол / скол'ко попряла / скол'ка повязала (Никольское-на-Черемшане); Кода уш я стала тут манен'ка побол'шэ / лет десят' одинацат' мне / она меня / убораиная начылас' / жат' с собой брала / ран'шы вет' не была комбайнаф-та / вручную жнали / рош перва начынает поспеват' / айда / дочка / я тя жэст' научу // вот / она идёт перёдóm / вот дочка / не бери многа / вот сначала сер'пом пьнемношку захватывай / в руку-т бери / рас / отреш // оянт' / рас / и штоп гор'с'т' набралас' (Никольское-на-Черемшане).**

В процессе трудовой деятельности в сельском социуме высоко ценится такое качество работника, как сноровка, то есть умение быстро и ловко справиться с делом, полученное в результате старания и накопления опыта: *Хто хьрошо-та жнёт / далёко уйдёт // а кто вялый / тот ф хвос'те зот плетёца / лодыр' / так звали // и меня / давай / наточыла мне серп / она лофка была / деваца-т некуда / лофка будеш (Никольское-на-Черемшане); Ну мален'ка была, я лота была, лофка, сьбирала колоски бол'шэ фсех, фседа давали два пайка, бол'шэ хлеба. (Красная Река). В. Е. Гольдин, описывая принципы организации диалектного дискурса, подчёркивает такие его особенности, как иконичность и совмещение в речи ситуации-темы и ситуации текущего общения [Гольдин, 2009, с. 4], информант не просто рассказывает, а изображает, как бы проигрывает содержание своего рассказа. Описывая различные виды трудовой деятельности, информанты передают ритм, интенсивность действий при помощи высокой плотности личных форм глаголов в тексте: *Пьяс'йя делали из этой жэ ржы / из этой соломы // вот ево значэт там вверх / и кода согнёши корнями вот так / колос'йями вот так / и скручываши / колос'йями / перекручываши // потом свер'нёши / многа захватываши // свер'нёши / ешо рас как-та внис / фсё ета умет' нада // и кладём / на живу-ть положым / вот кода нажнёши / кладёши / оянт' цэлый сноп-та наберёши / и эти вот так вот связываши / связываши вот так / потом перекутиши их / и под эт пьдоткнёши / штоб он тугой был / пьдоткнёши / и ставим / ставушкими ставим (Никольское-на-Черемшане). Таким образом, важнейшее место в системе ценностей сельского социума принадлежит труду, умению делать всё энергично, ловко, своими руками. Информанты особо описывают коллективный труд в помощь кому-либо, в котором принимали участие родственники, соседи: *Щас вет' вот строица каждый сам по себе / наймут да фсё' / а ран'шэ-тэ вот помачёю / помач была ран'шэ // эт значэт придёт брат / сват / ну груба я говорю / брат двоюродный / памогат' (Большая Кандаля). Значимость коллективного труда для сельского социума закреплена и лексически: используется диалектная лексема *помочь* 'работа всем миром для кого-либо из членов социума за угощение'.***

Ещё одна аксиологическая доминанта, выявляемая в противопоставлении временных страт, – соблюдение норм морали и нравственности, уважительное отношение к старшим, к родителям – обнаруживается в следующих диалектных высказываниях: *Гуляли свад'бу / ран'шэ там никто // например если отец пьднимает рюмку / значэт фсе пьднимают у нас вот*

рюмку // *если папа рюмку не берёт / никто не берёт / ждут / стесняюца // а щас нет / щас даже на оца и не смотрют / сидят / хоп / наливают / пьют и фсё* (Рязаново); *Ран'шэ пили / но не так / ханыги / ретки правда были / ретки* (Никольское-на-Черемшане); *Эта ран'шэ / худова от чилэка не жди! / эт щас тол'ка вот жди плохое // вот волки когда идут / да / вот там страшна была / а чилэк когда идёт / нет / не страшна* (Рязаново).

Принципы коллективизма имплицитно или эксплицитно присутствуют в высказываниях с противопоставлением временных страт: Ньчовали в людях / **ран'шэ двери не были закрыты** / в любой дом пуссят / заходи / ни у ково ничо нет / вороват' нечэва // двери открыты (Никольское-на-Черемшане). Типичное завершение повествования представителей традиционного сельского социума связано с констатацией факта смены культурной парадигмы, которая от ценностей коллективизма постепенно сдвигается к принципам индивидуализма: Шас вит' вот нарот какой / **неприветливый** / а тогда / дочын'ка / кой нарот-та был / мил моя // вот придём / война шла / мы у мами чыгыри были // тыквы напарит мама ф печки / с'вёклу / вываливат на стол / соседи придут ли / напоят накормят / хто с прялкай / хто вяжыт // а щас вит' этава нет / дочка / **кака-т ненавис'** идёт // дочэн'ка / нет / я вот / как въспитала нас мат' / и я так // вот приди ка мне кто / **я последние своё оддам** (Старый Белый Яр).

Индивидуализм, отсутствие социального взаимодействия, активного общения как в процессе трудовой деятельности, так и во время отдыха, воспринимается сельскими жителями как гибель села: *Не думали / жыли в раю // выйдеш / гармони / балалайки / пляски / а щас эта разве село? / мёртвы лезжат люди* (Красная Река); *мы вет' ран'шэ вот / выйдеш на крылец / гармони / балалайки / с нес'нями / а щас? / а щас убита фсё / он уснул / село // вот если бы вы вот приехали ран'шэ / што я застал село* (Красная Река); *Э-эх / поднят' бы старых людей // вот щас говорят хороша жыз'н' / нет дочка / не хороша жыз'ня / ран'шэ лучшэ была жыз'ня // ран'шы и пели / и плясали / з гармон'ю / то з балалайкай // на роботу едеи бывала доит' короф / едеи / на машину садисе до Красна Поля / туды с нес'нями / оттуда с нес'нями / вот как жыли / серцэ радовальс' // а щас нет ничо / вот сяду я на лавочку / даже нет никово* (Старый Белый Яр).

Рассмотренные принципы организации диалектного дискурса отражают аксиологические установки сельского социума, которые, в свою очередь, являются частью таких общерусских ценностей, как уважительное отношение к труду как к основе жизни и высшей ценности, позволяющей человеку достичь и материального, и социального благополучия, нетерпимость по отношению к безделью, пьянству, соблюдение норм морали, а также принцип коллективизма, подразумевающий сотрудничество и взаимопомощь в процессе труда и отдыха.

Литература:

- Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского ун-та, 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 3–7.
- Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда: ВГПУ, 2012. 216 с.
- Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации. Перевод О. Н. Дубровской // Жанры речи. Саратов: «Колледж», 1999. С. 112–132.
- Сигал К. Я. Аксиология в грамматических структурах // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / отв. ред. М. С. Милованова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М. Ярославль: «Канцлер», 2022. С. 91–147.

References:

- Gol'din V. E. Povestvovanie v dialektnom diskurse [The narrative in the dialect discourse] // Izvestija Saratovskogo un-ta [News of Saratov University], 2009. T.9 Ser. Filologija. Zhurnalistika [Ser. Philology. Journalism]. Vyp.1. P.3–7.
- Zorina L. YU. Vologodskie dialektnye blagopozhelaniya v kontekste tradicionnoj narodnoj kul'tury [Vologda dialectal wishes in the context of traditional folk culture]. Vologda: VGPU, 2012. 216 p.
- Vezhbickaja A. Kil'turno-obuslovlennye scenarii: novyj podkhod k izucheniju mezhkul'turnoj kommunikacii [Wierzbicka A. 'Cultural scripts': A new approach to the study of cross-cultural communication] / Perevod O. N. Dubrovskoj // Zhanry rechi [Genres of speech]. Saratov: Kolledzh, 1999. Vyp. 2. P.112–132.
- Sigal K. YA. Aksiologiya v grammaticheskikh strukturah [Axiology in grammatical structures] // Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya: Kollektivnaya monografiya [General and Russian linguistic axiology: Collective monograph] / otv. red. M. S. Milovanova; IYAz RAN, Gos. IRYA im. A. S. Pushkina. M.: YArosavl': Kancler, 2022. P. 91–147.

Небогатикова Н. С.

Санкт-Петербургский государственный университет

Имеретинская Н. Д.

Санкт-Петербургский государственный Технологический институт
(Технический университет)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КОДЕКСОВ ПОВЕДЕНИЯ НЕМЕЦКИХ КОМПАНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Кодекс поведения компании как тип текста стал объектом внимания филологических исследований сравнительно недавно. В статье этот тип текста рассматривается в рамках переводоведения и контрастивной лингвистики. В качестве материала использовались кодексы поведения немецких компаний и их переводы на русский язык. Были проанализированы типичные для данного типа текста виды грамматических трансформаций и переводческие решения.

Ключевые слова: перевод, грамматическая трансформация, деловой дискурс, корпоративный кодекс, официально-деловой стиль речи

Natalia Nebogatikova

Saint Petersburg State University

Natalia Imeretinskaya

St. Petersburg State Technological Institute (Technical University)

GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS USED IN THE TRANSLATION OF CORPORATE CODES OF CONDUCT OF GERMAN COMPANIES INTO RUSSIAN

Corporate code of conduct as a type of text has become the object of philological research relatively recently. In this article this text type is considered within the framework of translation studies and contrastive linguistics. Codes of conduct of German companies and their translations into Russian were used as the material for the study. The types of grammatical transformations and translation solutions typical for this type of text were analyzed.

Keywords: translation, grammatical transformation, business discourse, corporate code of conduct, official style of speech

В последнее время деловой дискурс все чаще становится предметом лингвистических исследований. Появляются работы, посвященные документным текстам [Кушнерук, 2016], бизнес-текстам [Гурьева, 2003; Данюшина, 2010], корпоративным (этическим) кодексам как особому типу текста [Саркисян, 2014; Шипицына, Полякова, 2011].

Кодексы поведения компаний интересны для исследования тем, что мало изучены и представляют собой симбиоз маркетингового текста, юридического текста и инструкции. При исследовании переводов кодексов поведения немецких компаний Bosch, Bayer, Fresenius,

Continental, Lufthansa и thyssenkrupp на русский язык была поставлена задача выявить используемые грамматические трансформации.

Наиболее часто при переводе корпоративных кодексов с немецкого языка на русский используется такая морфологическая трансформация, как **замена части речи**, а точнее — замена сложных слов словосочетаниями. При этом перевод композитов не всегда является посоставным: (1) *Ressourceneffizienz* — *рациональное использование природных ресурсов* [thyssenkrupp, с. 2].

Второй по уровню частотности является замена глагола существительным, обусловленная, вероятно, номинативностью официально- делового стиля в русском языке [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2010, с. 327]. Такой замене подвергается, как правило, инфинитив, но иногда существительными могут заменяться и личные формы глаголов:

(2) *“Quality in all we do“ — dazu **haben wir uns verpflichtet**, um das Vertrauen in die Marke Bayer zu schützen.*

*«Качество во всем, что мы делаем» — это наше неукоснительное **обязательство** по поддержанию доверия к бренду Байер* [Bayer, с. 15].

Некоторые прилагательные и наречия в переводе заменяются именными словосочетаниями, чаще всего клишированными: (3) *diesbezügliche Einflussnahme* — *влияние в данной связи* [Bosch, с. 12].

В других случаях прилагательные заменяются существительными с абстрактным значением, а определяемые существительные оригинала в переводе меняют свою позицию в словосочетании, становясь определениями:

(4) *Bayer fördert **offene, faire und effiziente** Finanzmärkte <...>.*

*<...> Байер повышает **открытость, прозрачность и эффективность** финансовых рынков* [Bayer, с.18].

Замены нередко имеют место также при переводе конструкций с модальными глаголами. В русском языке они зачастую передаются с помощью слов категории состояния (*можно, нужно*). Эти слова могут использоваться в переводе и тогда, когда модальность в оригинальном тексте выражена иным образом: с помощью конструкции *sein + zu + Infinitiv* или суффикса *-bar* у прилагательного, выступающего в роли предикатива:

(5) *Die entsprechenden Kontaktdaten **sind** auf der Internetseite von thyssenkrupp **abrufbar**.*

*Контактные данные **можно найти** на сайте thyssenkrupp* [thyssenkrupp, с. 4].

Продолжая тему передачи модальности, можно отметить, что императив иногда может заменяться формой инфинитива, что может быть обусловлено такой особенностью русского стиля коммуникации, как категоричность [Ларина, 2009, с. 429]:

(6) ***Melden Sie** potentielle Verstöße der Compliance- oder Personalabteilung, je nach Situation.*

***Сообщать** о любых потенциальных нарушениях в отдел комплаенс или в отдел персонала, в зависимости от ситуации* [Fresenius, с. 31].

Устойчивые сочетания слов, так называемые «Streckformen», часто переводятся глаголами:

(7) *Jede Spende oder jedes Sponsoring muss mit der geltenden Rechtslage und unseren Richtlinien **in Einklang stehen** <...>.*

Любое пожертвование или спонсорство должно соответствовать всем применимым законам и нашим политикам <...> [Fresenius, с. 26].

По нашему мнению, такие замены производятся во избежание излишнего увеличения объема текста. В защиту данного тезиса говорит тот факт, что подобные клишированные словосочетания имеют аналоги в русском языке (ср. *находиться в соответствии*).

Если не учитывать замены падежных форм, **замены грамматических форм слов** в переводах кодексов в основном представлены заменами числа у существительных. Такие замены часто связаны с тем, что та или иная форма закрепилась в языке как своего рода клише (8) или слово вообще имеет только одну форму числа, как существительное *информация* в русском языке, относящееся к *singularia tantum* (9):

(8) *Wir handeln im Interesse von Fresenius Medical Care <...>*.

Мы действуем в интересах Fresenius Medical Care <...> [Fresenius, с. 16].

(9) *Vertrauliche Informationen des Unternehmens halten wir geheim.*

Мы храним конфиденциальную информацию компании в тайне [BOSCH, с. 10].

Замены глагольных форм, если они не обусловлены заменой формы субъекта, встречаются намного реже. Что касается категории залога, то пассивные конструкции часто встречаются как в немецких, так и в русских официально-деловых текстах, поэтому в переводах немецких корпоративных кодексов они могут передаваться на русский язык как активными, так и пассивными конструкциями. Кроме того, активные конструкции оригинала в переводе могут заменяться пассивными:

(10) *Zahlreiche Richtlinien und Anweisungen enthalten Vorgaben für unsere Tätigkeit als Mitarbeiter der BoschGruppe.*

В многочисленных директивах и инструкциях содержатся требования в отношении нашей деятельности в качестве сотрудников группы компаний Bosch [BOSCH, с. 3].

Синтаксические замены весьма распространены. Наиболее часто происходит замена сложных предложений простыми, причем она может осуществляться разными способами. Как правило, такие замены сопровождаются заменами частей речи, а также членов предложения: подлежащие придаточного предложения оригинала в переводе стоят в родительном падеже:

(11) *Mit seinem Compliance Programm hat thyssenkrupp weitreichende Maßnahmen ergriffen, damit die Korruptions- und Kartellvorschriften sowie die darauf beruhenden Konzernrichtlinien eingehalten werden.*

С помощью своей программы Compliance концерн thyssenkrupp принял широкий круг мер по соблюдению предписаний картельного права и законов о противодействии коррупции, а также основанных на них директив концерна [thyssenkrupp, с. 2].

Зачастую замены сложных предложений простыми осуществляются за счет замен придаточных предложений причастными и дееспричастными оборотами. Последние в большинстве случаев используются при переводе придаточных с союзом *indem*, но также и при переводе временных придаточных.

В примере (12) замена сложного предложения простым происходит за счет замены глагола и предикативного прилагательного существительными, в результате чего в переводе имеет место так называемое «нанизывание родительного падежа», характерное для русских официально-деловых текстов [Жокин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 108].

(12) *Wir haben speziell dafür bestimmte Richtlinien erarbeitet, die **gewährleisten sollen**, dass die Unternehmenspraxis, das Marketing und die Werbetätigkeiten mit diesem Kodex und dem gesetzlichen Rahmen **konform sind**.*

*Мы разработали специальные политики для **обеспечения соответствия** деловой практики, маркетинговой и рекламной деятельности настоящему Кодексу и законодательству [Fresenius, с. 22].*

Также используется замена бессоюзной связи союзной в сложных предложениях с придаточными условными, сопровождающаяся добавлением союза *если*, т. к. такие придаточные с бессоюзной связью не характерны для русского языка. Подобные придаточные иногда могут заменяться словосочетаниями, что опять-таки приводит к замене сложного предложения простым:

(13) ***Sollte ein potenzieller Interessenkonflikt vorliegen, melden Sie dies bitte Ihrem Vorgesetzten, der Rechtsabteilung oder der Personalabteilung.***

***В случае наличия потенциального конфликта интересов, пожалуйста, проинформируйте своего руководителя, юридический отдел или отдел кадров** [Continental, с. 16].*

Часто в переводах кодексов встречается **объединение предложений**. Вероятно, к нему прибегают во избежание излишнего увеличения объема текста. Наиболее простой случай представляет собой объединение двух простых предложений в одно сложносочиненное.

В некоторых случаях несколько предложений объединяются в одно сложноподчиненное с придаточным относительным. Иногда такая трансформация делает перевод менее эмоционально окрашенным по сравнению с немецким оригиналом, где используются короткие предложения:

(14) ***Dies spiegeln auch unsere LIFE-Werte wider. Sie machen deutlich, dass Integrität einer der wesentlichen Bausteine unserer Unternehmenskultur ist. Eine klare Vorgabe, an der wir konsequent unser Handeln ausrichten.***

Это же отражают и наши ценности LIFE, которые разъясняют, что этика — в числе главного в нашей корпоративной культуре, и определяют основные правила, которым мы должны следовать в любой нашей деятельности [Bayer, с. 5].

Перевод в данном примере выдержан в нейтральной тональности, что свойственно русским официально-деловым текстам с их «холодным», неэмоциональным синтаксисом [Барлас, 1978, с. 85].

Среди **перестановок** особый интерес представляют случаи, когда немецкие предложения с обратным порядком слов переводятся на русский язык предложениями с прямым порядком слов. Часто подобные трансформации имеют место при переводе предложений, имеющих декларативный характер, в которых подлежащим является местоимение *мы*:

(15) ***Schon den bloßen Anschein einer Beeinflussung wollen wir vermeiden.***

Мы хотим избежать даже видимости влияния [BOSCH, с. 12].

(16) ***Vertrauliche Informationen des Unternehmens halten wir geheim.***

Мы храним конфиденциальную информацию компании в тайне [BOSCH, с. 10].

Если в одних случаях (15) такая перестановка действительно необходима, то в других (16) мог бы быть использован и обратный порядок слов без ущерба для стиля. Такая

перестановка обусловлена, как нам кажется, безэмоциональностью русского официально-делового текста, о которой говорилось выше.

Среди **добавлений** наиболее частотными при переводе корпоративных кодексов с немецкого языка на русский являются добавления существительных. Такие добавления необходимы, чтобы соблюсти речевую норму русского языка (ср. *при вопросах*):

(17) *Bei Fragen oder Unsicherheiten wenden wir uns an unseren Compliance Officer.*

При наличии вопросов или сомнений мы обращаемся к нашему комплаенс-офицеру [BOSCH, с. 14].

Особняком стоят случаи, когда к наименованию организации с целью семантизации добавляется лексема с обобщающим значением, например, *компания Bosch, концерн Lufthansa Group*.

При переводе определений, выраженных предложными существительными, нередко требуется добавление причастий: (18) *Vorschriften gegen Marktmissbrauch — нормы, направленные против рыночных злоупотреблений* [Lufthansa, с. 7]. Подобные добавления, как правило, также служат соблюдению речевых норм русского языка (ср. *нормы против рыночных злоупотреблений*).

Также необходимо отметить, что трансформации в переводах кодексов могут быть обусловлены определенными традициями, сложившимися в разных языках. Так, если в русском языке существительное мужского рода *коллега* обозначает лиц обоих полов, то в немецком языке используется также существительное женского рода с продуктивным суффиксом *-in*. Таким образом, неизбежно **опущение**:

(19) *Liebe Kolleginnen, liebe Kollegen, wir alle wollen mit innovativen Lösungen die Lebensqualität von Menschen verbessern.*

Уважаемые коллеги! Наша общая цель — обеспечение людей инновационными продуктами, повышающими качество жизни [Bayer, с. 5].

Полное синтаксическое уподобление (дословный перевод) в переводах корпоративных кодексов используется, как правило, при переводе простых предложений и встречается достаточно редко. Однако иногда в переводах наблюдается следование оригиналу там, где, возможно, следовало бы использовать трансформации во избежание затемненного смысла:

(20) *Die thyssenkrupp AG und die Konzernunternehmen fördern aktiv die Kommunikation der dem Verhaltenskodex zugrundeliegenden Konzernrichtlinien und -vereinbarungen.*

Концерн thyssenkrupp AG и предприятия концерна активно поддерживают коммуникацию групповых политик, директив и соглашений, на которых основан данный Кодекс поведения [thyssenkrupp, с. 4].

Здесь для прояснения смысла явно необходима грамматическая трансформация, например: Концерн thyssenkrupp AG и предприятия концерна активно поддерживают необходимость ознакомления сотрудников с политиками группы, с директивами и соглашениями, лежащими в основе данного Кодекса поведения.

Более того, несколько раз в разных кодексах нам встретилась одна и та же речевая ошибка, нарушение сочетаемости одного из однородных сказуемых с дополнением:

(21) *Sie handeln oder spekulieren mit Material, Ausrüstung oder Betriebsstoffen, die von Continental gekauft werden, oder handeln auf eigene Rechnung mit Produkten, die von Continental verkauft werden.*

Вы перепродаете или торгуете сырьём, оборудованием или вспомогательными материалами, которые покупает Continental, или торгуете на свой страх и риск товарами, которые продаёт Continental [Continental, с. 17].

Имеют место и другие речевые ошибки. В примере (22), по нашему мнению, не хватает глагола (*обратитесь, чтобы выяснить / получить указания и т.д.*), а в примере (23) явно необходимо указательное местоимение (*данные тех лиц, кто хотел бы сохранить анонимность*).

(22) *Bitte fragen Sie die Exportkontrolle danach, wie mit dieser Anfrage umzugehen ist.*

Пожалуйста, обратитесь в экспортный контроль, как поступить с этим запросом [Continental, с. 21].

(23) *Wir werden die Identität der Personen, die anonym bleiben möchten, zu allen Zeiten schützen.*

Мы всегда будем сохранять в тайне личные данные лиц, кто хотел бы сохранить анонимность [Continental, с. 23].

Подобные речевые ошибки, вероятно, обусловлены отсутствием редакторской правки машинного перевода.

Однако встречаются и такие ошибки, которые происходят, вероятно, из-за недостаточного понимания переводчиком исходного текста:

(24) *Das Unternehmen verbietet jegliche unrechtmäßige Sanktionierung von Personen, die einen begründeten Verdacht von Verstößen gegen das Gesetz, diesen Kodex oder die Regeln und Richtlinien von Fresenius Medical Care gemeldet haben.*

Компания запрещает преследовать любое лицо, на разумных основаниях сообщившее о предполагаемом нарушении законов, настоящего Кодекса или руководств или политик Fresenius Medical Care [Fresenius, с. 29].

Здесь правильным был бы как раз более близкий к тексту оригинала перевод, например: Компания запрещает преследовать любого, кто сообщил **об обоснованных подозрениях** о нарушениях законодательства, настоящего Кодекса или руководств или политик Fresenius Medical Care.

Таким образом, при переводе корпоративных кодексов с немецкого языка на русский используется большое количество грамматических трансформаций, что объясняется как различным строем, так и характерными особенностями официально-делового стиля того или иного языка. Так, официально-деловой текст на русском более категоричен и неэмоционален. Первое проявляется в использовании инфинитива для выражения побуждения, второе — в использовании прямого порядка слов (при свободном порядке слов в русском языке) и в объединении предложений.

Кроме того, в ходе исследования обнаружилось, что самой распространенной грамматической трансформацией в переводах кодексов поведения является замена сложного слова словосочетанием. За счет этой и других трансформаций значительно увеличивается объем текста перевода. Вероятно, поэтому в переводах кодексов сложные предложения часто заменяются простыми и несколько предложений объединяются в одно. Таким образом, переводческие трансформации могут взаимодействовать друг с другом и обуславливать одна другую не только на уровне предложения, но и на уровне всего текста.

Литература:

- Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика. М.: Просвещение, 1978. 256 с.
- Гурьева З. И. Бизнес-текст как явление культуры // Язык. Этнос. Сознание. Материалы международной научной конференции, Майкоп, 24 – 25 апреля 2003 г. Майкоп, 2003. Т. 2. С. 38 – 46.
- Данюшина Ю. В. Бизнес-лингвистика — новое синергетическое направление прикладной лингвистики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб, 2010. № 2 (1). С. 133 – 140.
- Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 223 с.
- Кушнерук С. П. Документная лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2016. 256 с.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 507 с.
- Саркисян Г. А. Этический кодекс в документно-лингвистическом и информационном аспектах: автореф. дис... кандидата филологических наук. Волгоград, 2014. 18 с.
- Шипицына Г. М., Полякова Е. С. Этические кодексы современных российских банков и компаний // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. Белгород, 2011. №2. С. 165 – 169.

Источники примеров (кодексы поведения компаний):

Bayer

оригинал: <https://www.bayer.com/sites/default/files/bayer-corporate-compliance-policy-de.pdf>
(дата обращения: 02.06.2023)

перевод:

https://assets.bosch.com/media/de/global/sustainability/strategy/vision_and_goals/bosch-code-of-business-conduct.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

BOSCH

оригинал:

https://assets.bosch.com/media/de/global/sustainability/strategy/vision_and_goals/bosch-code-of-business-conduct.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

перевод:

https://assets.bosch.com/media/ru/global/sustainability/strategy/vision_and_goals/bosch-code-of-business-conduct.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

Continental

оригинал:

https://cdn.continental.com/fileadmin/_imported/sites/corporate/_international/english/hubpages/60_20company/20_20corporate_20governance/50_20compliance/coc_de.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

перевод:

https://cdn.continental.com/fileadmin/_imported/sites/corporate/_international/english/hubpages/60_20company/20_20corporate_20governance/50_20compliance/coc_ru.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

Fresenius

оригинал:

https://www.freseniusmedicalcare.com/fileadmin/data/com/pdf/About_us/Compliance/CoC/FME_Code_of_Conduct_DE.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

перевод:

https://www.freseniusmedicalcare.com/fileadmin/data/com/pdf/About_us/Compliance/CoC/FME_Code_of_Conduct_RU.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

Lufthansa

оригинал: https://investor-relations.lufthansagroup.com/fileadmin/downloads/de/corporate-governance/CoC/Code-of-conduct_201805_DE.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

перевод: https://investor-relations.lufthansagroup.com/fileadmin/downloads/de/corporate-governance/CoC/Code-of-conduct_201805_RU.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

thyssenkrupp

оригинал:

https://ucpcdn.thyssenkrupp.com/_legacy/UCPthyssenkruppAG/assets.files/media/unternehmen/compliance/code-of-conduct/2019/po-co-cpl-0332-v03-de_code_of_conduct-neu_final.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

перевод:

https://d2zo35mdb530wx.cloudfront.net/_legacy/UCPthyssenkruppAG/assets.files/media/unternehmen/compliance/code-of-conduct/2019/po-co-cpl-0332-v03-ru_code_of_conduct-final.pdf (дата обращения: 02.06.2023)

**ОБЗОР КЛАССИФИКАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С
УЧЕТОМ РАЗЛИЧНЫХ СИТУАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ**

Настоящая работа посвящена попытке создания комплексной классификации видов переводческой деятельности в зависимости от ситуации устного перевода. Для эффективного процесса перевода необходимо выявить специфику переводческой ситуации, определить оптимальный для нее способ перевода и изучить основные требования к переводу в данной ситуации. Для того чтобы осветить этот вопрос, автор представляет подробную классификацию видов перевода на основе различных критериев. В зависимости от способа перевода выделены синхронный, последовательный, устный шепотной и зрительный переводы, а также объяснены особенности и условия их использования. При выборе способа перевода необходимо учитывать ситуацию перевода, среди которых основными являются коммунальный, конференц-, судебный, эскорт- и медиаперевод. Стоит отметить, что каждая ситуация ставит перед переводчиками свои приоритеты в процессе перевода. Так, при устном общинном переводе, который обычно основан на диалоге и требует синхронного двунаправленного перевода, переводчики должны выступать в роли культурных посредников между поставщиком услуг и клиентом, в то время как конференц-устный перевод наоборот основан на последовательных монологах и однонаправленном переводе. Особое внимание уделяется судебному устному переводу, который требует от переводчиков строгого соблюдения этического кодекса. Относительно новый вид устного перевода, известный как сопровождающий перевод, основанный на последовательном переводе, заставляет переводчиков также выступать в роли гидов. Один из самых напряженных видов перевода - перевод для СМИ - предполагает оперативное реагирование, контроль, неопределенную длину новостных сюжетов, а также визуальные и слуховые недостатки. Активно развивается еще один вид перевода, известный как удаленный перевод, который также требует от переводчиков решения различных сложных ситуаций. Данная работа актуальна, так как позволяет по-новому взглянуть на процесс подготовки переводчиков и создать номенклатуру ситуаций, в которых переводчики используют различные стратегии.

Ключевые слова: Перевод, устный перевод, синхронный перевод (СИ), последовательный перевод (ПП), шепотный перевод, зрительный перевод.

**A REVIEW ON THE CLASSIFICATION OF TRANSLATION ACTIVITIES AGAINST
A VARIETY OF SITUATIONAL FACTORS**

The present paper is devoted to an attempt to create a comprehensive classification of translation activities depending on the situation of interpreting. In an effective translation process, it is necessary to identify the specificities of the translation situation, determine the optimal translation method that is optimal for that situation, and explore the basic requirements for translation in that

situation. In order to bring the issue into light, the author presents a detailed classification of the types of translation based on various criteria. Depending on the mode of translation, simultaneous interpreting, consecutive interpreting, whispered interpreting, and sight translating have been identified, and the characteristics and conditions of their usage have been explained as well. When choosing a translation method, it is necessary to take into account the situation of translation, among which the main ones are communal, conference, court, escort, and media interpreting. It is worth mentioning that each situation poses different priorities for translators in the process of translation. Thus, when conducting communal interpreting, which is normally based on dialogue and requires simultaneous bidirectional interpreting, interpreters are required to act as cultural mediators between the service provider and the client, while conference interpreting is vice versa and relies on consecutive monologues and unidirectional interpreting. Special attention is paid to court interpreting, which requires interpreters to follow the ethical code strictly. The relatively new type of interpreting known as escort translation, which is based on consecutive interpreting, makes interpreters also act as tour guides. One of the most stressful kinds of translation, media translation, implies prompt reaction, monitoring reliance, indefinite length of news stories, as well as visual and auditory drawbacks. The another type of translation known as remote interpreting, is actively developing that also requires translators to deal with various challenging situations. This work is relevant as it allows for a fresh look at the process of translators' training and creates a nomenclature of situations, in which translators use different strategies.

Keywords: Translation, interpreting, simultaneous interpreting (SI), consecutive interpreting (CI), whispered interpreting, sight translating.

Introduction

Translation and *interpreting* are regarded as two linguistic disciplines that are tightly correlated with each other and are hardly accomplished by the same people. Due to the fact that there are substantial distinctions among individual skills, training programs, personal characteristics, and language knowledge, few people are able to do translation and interpreting activities on a professional level successfully. According to Záhová [2013, p. 11], translation and interpreting refer to “the process of turning a message in one (source) language into another (target) language. The term *translation* is used [...] where *written* material is re-expressed in another language in the *written* form, and the term *interpretation* [...] is used where material presented *orally* is re-expressed *orally*”. Colin and Morris [2001] believe that both the activities of translation and interpretation are actually similar, although different professional skills are required to fulfill them. In the present work, we rely on the classification suggested by Aladdin al-Zahran [2007, p. 16] in terms of the criteria of *mode*, *setting*, *directionality* and *language modality*. The researcher distinguishes four modes of interpreting, including *simultaneous interpreting* (SI), *consecutive interpreting* (CI), *whispered interpreting*, and *sight translating*.

Mode

In the simultaneous mode of interpreting, the interpreter must translate and render the sentence from the source language into the target language while simultaneously listening to the speaker and grasping the main points of the next sentence. As Yacoub [2012, p. 9] describes, the simultaneous interpretation process involves translating the message into the target language as rapidly as the interpreter can articulate it in the source language. While the source language lecturer speaks without pause, the simultaneous interpreter is situated in a sound-proof booth and speaks through a microphone, listening to the speaker via earphones with a clear view of his/her appearance and voice. The process

that takes place is rendering the lecturer's speech with a half-sentence hesitation at the same time as ensuring the interpreter's comprehension of important points in the next sentence and rendering the previous sentence. It means that the speech should continuously overlap the interpretation process. Meanwhile, due to the fact that the interpreter is not able to begin interpreting until he/she has an exact understanding of the main points of the sentence, "simultaneous" can be considered a pseudonym for this mode of interpreting. For instance, depending on the place of description of the subject and the location of the verb in the sentence, the interpreter may not commence his/her interpretation process until hearing the whole sentence. In fact, in simultaneous interpreting mode, the interpreter starts speaking while the source-speech speaker is still uttering. According to Karton [2008, p. 18], in the mode of simultaneous interpretation, the utterances of the speaker are continuously interpreted, while there is an inevitable slight lag in the process of interpreting. In simultaneous interpretation mode, the interpreter devotes more than 85 percent of the time of the interpreting activity to speaking and listening at the same moment. For this reason, the interpreter should divide his/her attention between the two tasks of listening and speaking. Consequently, in the interpretation process, the efficient mental capacity of interpreters is constrained [Siliang, 2005, p. 1]. Gile [1999, 2021] confirms that "simultaneous interpretation involves continuous *listening and analyzing* (L), *memory* (M), *production* (P) and the *coordination* (C) of these three tasks."

Consecutive interpreting, on a large scale, relies on the memory of the interpreter. This mode of interpretation is fulfilled after rendering the entire speech or the part of speech of the original speaker, which should be interpreted at the time. In some cases, consecutive interpreting could be done by referring to the notes that the interpreter takes while listening to the speaker. In short renditions, there is no need to take notes, and the interpreter is able to memorize the main points and render them into the target language immediately. Meanwhile, in long renditions, the main points are not memorized, and the interpreter puts down the notes in order not to forget the essential points, ideas, and thoughts from the original speech. This process is called *note-taking technique* [Sigurðardóttir, 2012, p. 22]. This technique consists of several different fascinating symbols of expressions, motions, correspondences and things, as well as some abbreviations, through which quite a long speech turns into a remarkably short version. Because of time limitations, these symbols and abbreviations are commonly utilized for writing down the main points entirely. In this technique, the interpreter writes out only the most important things, like names and numbers [Obst, 1993, p. 2]. By looking at such notes, symbols and abbreviations, the interpreter reminds the listener of the main points of the original speech and configures the segments of speech in the target language. This technique demands competency and exercise and requires a considerable amount of time in consecutive interpreter training [Kearns, 2004, pp. 143-146].

"Chuchotage" or whispered interpreting, is a type of simultaneous interpreting. The word "Chuchotage" is derived from French language, and this mode of interpreting is considered a modified version of simultaneous interpreting. In this mode, there is no need to booth and microphones and the interpreter stands next to the speaker with the maximum two audiences and whispers his/her rendition in a low voice into the client's ears [Al-Zahrán, 2007, pp. 17-18; Yacoub, 2012, p. 12]. This mode of interpreting is applied when only one or two persons of a particular language are involved in the interpretation activity. It is also practiced when translating in consecutive interpreting mode is not quite useful and the application of simultaneous interpreting equipment is preventively expensive. In this case, the interpreter is situated next to the listener and whispers to the listener the speaker's utterances completely and accurately [Yacoub, 2012, p. 12]. In fact, in the mode of whispered interpreting, there is commonly no necessity to apply equipment of interpreting. Pöchhacker [2022] defines whispering interpreting mode as one subdivision of simultaneous interpreting mode, which is performed not only by whispering the speech, but also by uttering it in a low voice. From his point of view, this mode of

interpreting is simply applicable when the interpreter stands next to one or two listeners and submits his or her translation without applying the rendition equipment [Opara, 2011, p. 177].

Sight translation is the translation of material written in one language into spoken utterances in another language. This mode of translation is known as an accurate and authentic translation that is performed verbally. Through this process, written material is rendered into spoken form so that audiences can fully comprehend the contents of the material and documents [Erickson, 2006, p. 2]. Sight translation has been mainly regarded as an interpretation method that protects simultaneous and consecutive interpreting modes. Herbert [1952] states that sight translation is a model or form of simultaneous interpreting. Many scholars [e.g., Curvers et al., 1986; Falbo, 1995; Spilka, 1966; Viaggio, 2001; Weber, 1990 among many others] believe that sight translation is a pedagogical practice for getting acquainted with the techniques of consecutive and simultaneous interpreting. It is one sort of exercise, by which students of interpreting skills have the opportunity to learn how to respond immediately and enhance their skills in oral productions in the interpreting process [Ersozlu, 2005, p. 2]. While there are different conditions and situations, in which the three modes of sight, consecutive and simultaneous interpreting are performed, a clearer consideration of these three modes reveals a number of similarities from a mental perspective of the interpreting process. However, the overall process of these modes is different from each other. In sight translation mode, the translator should read a written text, whereas in consecutive and simultaneous modes, the interpreter has to listen to the speaker. Because of these discrepancies in this interpreting process, the training programs, methods, strategies and techniques for interpretation training are designed according to different criteria and syllabuses [Ersozlu, 2005, p. 2].

Setting

Interpreting types under the criterion of setting have been categorized into *community interpreting*, *conference interpreting*, *court interpreting*, *escort interpreting*, *media interpreting* and *remote interpreting* [Al-Zahran, 2007, p. 18; Chilingaryan & Gorbatenko, 2017, p. 1083]. Hermans [1999, p. 195] mentions that community interpretation occurs under the influence and limitations of different controlling mechanisms. These dominant mechanisms are connected to specific institutions that enforce economic, political, and social demands. Their particular requirements and value systems result in the creation of interpreting practices in addition to other issues. The criteria, which specify what is achievable, acceptable and beneficial from a social, political, cultural and ideological perspective in a specific society and a particular historical period, are defined as social values, cultural and ideological standards, as well as economic and political procedures [Buendía, 2010, p. 15]. According to Trabing [2003, p. 1], community interpreters are those groups of interpreters who have frequent communications with clients in the community, for example, in social and healthcare services, educational institutions and schools, local governmental organizations, as well as legal and medical institutions. In community interpreting, there are many personal interactions between clients and audiences, and interpreters should be aware of the client's cultural background as well. In other words, community interpreters perform as cultural arbitrators and mediators between providers of different services in society and clients.

Referring to Al-Zahran [2007, p. 19], conference interpreting is disputably the most esteemed and highly lucrative form of interpreting. Due to the increasing advancements in international interactions and since this type of interpreting is characterized by high-quality accomplishment, it has actually been explained as the most demanding type of interpreting. Whereas conference interpreting is performed in the form of monologue, community interpreting is carried out in the form of dialogue, and peculiarly, but not always, two first lecturers are involved in the interpretation process. In conference interpreting, the interpreter has his/her own pre-scheduled utterances, which are often written as the

source material, whereas in community interpreting, the interpreter experiences impetuous speeches that may be pre-scheduled. As another essential characteristic of conference interpreting, we can denote free-burning turns, whereas community interpretation includes relatively quick turns. Therefore, community interpreting is a bidirectional process of interpreting, whereas conference interpreting is unidirectional [Jacobsen, 2009, pp. 155-156]. Conference interpreting is conducted either by consecutive conference interpreting (CCI) or, in most cases, by simultaneous interpreting (SI). Consequently, conference interpreters are to do the interpretation process effectively in both of the above-mentioned modes [Al-Zahran, 2007, p. 19].

Court interpreting is not specialized just for courtrooms but can be performed in various other institutions, for example, law offices, enforcement departments, prisons, police offices, barrister's inns, or any other institutions that deal with the judiciary systems [Al-Zahran, 2007, p. 19; Gamal, 2009; Jacobsen, 2002, p. 3; 2009, p. 157; Mickelson, 1996]. Court interpreting is an interpreting mode that applies to all kinds of legal and judicial interpreting. This type of interpreting occurs in courtrooms or in other legislative settings such as police departments, prisons, immigration authorities, etc. As the primary purpose, the court interpreter has to give the clients the opportunity to authorize them to actively take part in court proceedings, plan for communicating and flourish the interactive bridges between claimants and judicial staff as well. These claimants usually come from immigrant countries. The ultimate and main objective of the court interpretation process is to guarantee an effective and efficient exchange of messages between claimants, adjudicating individuals and eventually obtaining a successful legal process [Keratsa, 2005, pp. 1-2].

Another interpretation type, based on setting, is escort interpretation. Escort interpretation depicts a "tourist-oriented" service that mainly involves escort interpretation utilities and also some services that are delivered routinely. The initial description of this type of interpretation denotes "on-the-way" escort interpretation, immediate and direct interpretation, as well as interpretation that is conducted in conventions, seminars, forums, business talks, interviews, visits, entertainment, and shopping. The latter description of this type of interpretation refers to some occasions, such as meetings and seeing off, luggage delivery, inter-city communication, security guarantees, and even local transportation service [Gang, 2010, p. 371]. Professionally speaking, the success of escort interpretation depends on two different elements. From a subjective perspective (internally), the success of this mode of interpretation depends on the professionalism of the escort interpreter, and from an objective perspective (externally), the success of the process depends on some explained elements in regard to tourist services in the country of destination. In other words, escort interpretation involves a great deal of specialized services that should be professional, standardized, humanistic, attractive, and ultimately acceptable. Escort interpreters have specific duties, tasks and responsibilities in their profession that are perfectly distinct from the usual duties and responsibilities of pure conference or court interpreters. As escort interpreters work not only as interpreters, but also as guides, they perform dual or coupled functions. It means that escort interpreters have to serve as professional interpreters as well as in a guide position. In fact, escort interpreters have to perform a lot of extra functions that are totally beyond the job description of interpreters in the traditional sense [Gang, 2010, p. 371].

The term media interpreting is applied to describe the type of interpreting process, which is accomplished in and for various broadcast media of mass communication, such as television, satellite, or radio. This type of interpretation is also named "broadcast interpreting" and "TV interpreting" [Al-Zahran, 2007, p. 20; Falbo, 2021, pp. 90-103; Pöchhocker, 2011; Tsuruta, 2011, pp. 157-173]. Meanwhile, many scholars [e.g., Al-Zahran, 2007, p. 21; Kurz, 1990; Pöchhacker, 2011, p. 21; Tsuruta, 2008] states that media interpretation is subject to challenges and stresses of various kinds in addition to all recognized constraints and limitations, which imposed on conference interpreting. With the development of telecommunications technology, one possibility was invented for interpreting from a

distance. It happens when either one or zero participants are present at the same place as the other participants [Diriker, 2004]. Therefore, the traditional shape of conference hall was transformed into an unreal and virtual conference venue. This deformation departed by distance from the real conference location [Al-Zahran, 2007, p. 22].

Pöchhacker [2011] claims that telephone interpreting or over-the-phone interpreting has been acknowledged as the oldest form of remote interpreting. This type of interpreting refers to the 1950s and has been distributed widely in the 1980s and 1990s. Telephone interpreting is commonly utilized in bilateral consecutive interpreting, while especially American scholars have attempted to offer remote simultaneous interpreting in healthcare environments with the application of an audio switching system, which was specially made for this purpose. Remote interpreting is also applicable through “video conferencing” or “tele-interpreting” [Al-Zahran, 2007, p. 22]. From Mouzourakis’s perspective [1996, 2006], remote interpreting in the form of video conferencing is not considered a realistic type of interpreting. He believes that this type of interpretation is more nerve-racking and also full of tension. It involves fewer motivations for interpreters in a lower level of quality than normal simultaneous interpreting. In his opinion, this type of interpretation is not practical for specific types of meetings, for instance, parliamentary assemblies. Moreover, it is not inevitably cost-effective and economical, even for meetings, in which this type of interpreting seems a practical option [Al-Zahran, 2007, p. 22]. Besides, Moser-Mecer [2005] confirms that remote interpreting is not viewed as practicable or workable option of interpreting process.

Directionality and language modality

The discussion of interpreting types in this category, due to the different controversial debates over the quality of return interpreting, requires different descriptions [Al-Zahran, 2007, p. 23]. According to Pöchhacker’s definition [2011], interpreters commonly work in one direction at a single time, while there are also some situations, in which the interpreter acts effectively in two directions, with each of the languages involved in the interpretation process. In such cases, which is known as bilateral interpreting, interpreters apply the source and target languages alternatively. To be more explicit, in two directions of an interpretation process, the interpreter is active in both directions, and client turns to the speaker and audience during the same interpreted dialogue in turn. This interpreted dialogue is perfectly distinctive from monologues, which are viewed as characteristics of conference interpreting settings. In conference interpreting settings, the direction of interpretation process is defined in terms of return interpreting and relay interpreting. *Return interpreting* or A-to-B interpreting, is commonly the process of interpreting out of the interpreter’s A language into the B language [Al-Zahran, 2007, p. 23; Jones, 1997; Jones, 2002; Pöchhacker, 2011]. In return interpreting, interpreters have to keep a number of things in mind. Firstly, there are slight differences and also subtle distinctions of meanings and stylistic impressions, which are not easy to express in a foreign language. It means that interpreters should know that their main duty is to obtain communication and focus on trusting the speaker’s opinions and utterances. Every professional person in interpreting field knows that it is impossible to attain perfect translation in any case. Secondly, interpreters should always be cautious in picking up the style or register. Their selected style and register should not be pretentious, arrogant or even too familiar, but they should be appropriate and match the occasion. Thirdly, it is obvious that return interpreting involves more expressive linguistic complexes than everybody’s mother tongue. Therefore, interpreters should use short and simple sentences but not complex grammatical structures in order to refrain from grammatical mistakes and not to lose the start point as well as the track of sentences [Al-Zahran, 2007, p. 24; Jones, 1997; Jones, 2002].

Relay interpreting is also known as “indirect interpreting”, and it is usually carried out in meetings and conferences where the audiences communicate through different languages. In such

circumstances, there is, an obvious necessity for rendering and translating the messages into their own language, not into one shared and frequent language for all of them. This type of interpreting is perfectly fruitful in situations, in which audiences speak exotic or rare languages. In relay interpreting mode, the interpreter listens to the source language lecturer and translates the message into a language that is familiar to all other interpreters, and then other interpreters render the message to their related groups of audiences in their own language. Relay interpreting is carried out on extraordinary and unusual occasions when it is highly demanded. In most cases, this type of interpretation is not recommended because it is not only time-consuming, but also critical and high-risk for getting inaccuracies, deletions, all types of negligence, additions, and message deformities, etc. That's why most messages translate into more than two languages during more than one interpretation process.

Conclusion

Professional translation and interpreting is one creative process, in which the interpreter is capable to listen to a spoken statement in one source language, analyze its contents and segments and reproduce exactly the same message with spoken words in another target language. The delivered message in the target language should be absolutely accurate and comprehensive included all stated hues and tiny points in situ with maintaining the same style and tenor [Obst, 1993, p. 2]. Having considered various types of translation activities, which are based on various criteria, we conclude that the interpreter's and translator's competence should include knowledge of all possible interpretation and translation situations and the ability to choose the necessary strategy in accordance with the conditions of the situation.

References:

- Al-Zahrán, A. (2007). *The Consecutive Conference Interpreter as Intercultural Mediator: A Cognitive-Pragmatic Approach to the Interpreter's Role*. Salford, UK: University of Salford.
- Buendía, C. (2010). Community Interpreting: Breaking with the 'Norm' through Normalisation. *The Journal of Specialized Translation*.
- Chilingaryan, K., & Gorbatenko, O. (2017). Training court interpreting issues. *Procedia- Social and Behavioral Sciences* (237), 1081-1086.
- Colin, J., & Morris, R. (2001). *Interpreters and Legal Process*. Waterside Press.
- Curvers, P., Klein, J., Riva, N., & Wuilmart, C. (1986). La traduction à vue comme exercice préparatoire et complémentaire à l'interprétation de conférence. *Cuadernos de Traducción e Interpretación* (7), 97-116.
- Diriker, E. (2004). *De-/Re-Contextualizing Simultaneous Interpreting: Interpreters in the Ivory Tower?*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- Erickson, A. (2006). Modes of interpreting: Simultaneous, consecutive & sight translation. *National Association of Judiciary Interpreters & Translators*.
- Ersozlu, E. (2005). Training of interpreters: Some suggestions on sight translation teaching. *Translation Journal*.
- Falbo, C. (1995). Interprétation consécutive et exercices préparatoires. *The Interpreters' Newsletter* (6), 87-91.
- Falbo, C. (2021). Media conference interpreting. In Albl-Mikasa, M & E, Tiselius (eds). *The Routledge Handbook of Conference Interpreting*. (pp. 90-103). Routledge Handbooks. Doi: 10.4324/9780429297878-10.
- Gamal, M. (2009). Court interpreting. In Baker, M., & G, Saldanha (eds). *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. (pp. 63-67). Routledge.
- Gang, C. (2010). On different norms of escort interpretation. *Translation Studies*. 366-381.

- Gile, D. (1999). Testing the effort models' Tightrope hypothesis in simultaneous interpreting. *Hermes, Journal of Linguistics* (23), 153–172.
- Gile, D. (2021). The Effort Models of Interpreting as a Didactic Construct. In Muñoz Martín, R; Sun, SS & L, Defeng (eds). *Advances in Cognitive Translation Studies*. (pp. 139-160). Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd.
- Herbert, J. (1952). *The Interpreter Handbook: How to Become a Conference Interpreting*. Librairie de l'Université.
- Hermans, T. (1999). *Translation in Systems: Descriptive and System-Oriented Approaches Explained*. Manchester: St. Jerome Publishing.
- Jacobsen, B. (2002). *Pragmatic Meaning in Court Interpreting: An Empirical Study of Additions in Consecutively Interpreted Question-Answer Dialogues*. Faculty of Modern Languages, the Aarhus School of Business.
- Jacobsen, B. (2009). The community interpreter: A question of role. *Hermes, Journal of Language and Communication Studies* (42), 155-166.
- Jones, M. (1997). *The Beginning Translator's Workbook. The Beginning Translator's Workbook or the ABC of French to English Translation*. Rowman and Littlefield Publishers. ISBN 10: 076180837X / ISBN 13: 9780761808374.
- Jones, R. (2002). *Conference Interpreting Explained*. 2nd (ed). London/ UK/ New York: Routledge.
- Karton, J. (2008). Lost in translation: International criminal tribunals and the legal implications of interpreted testimony. *Vanderbilt Journal of Translational Law* (18).
- Kurz I. (1990). Overcoming language barriers in European television. In Jerome, D & M. Bowen (eds). *Interpreting. Yesterday, Today, and Tomorrow*. (pp. 168-175). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Keratsa, A. (2005). Court interpreting: Features, conflicts and the future. *Translatum Journal*.
- Kearns, J. (2004). Note - taking in consecutive interpreting. *Jean - François Rozan* 10(1), 143-146.
- Mickelson, H. (1996) The professionalization of community interpreting. In Jerome-O'Keefe, M & VA, Alexandria (eds). *Global Vision*. (pp. 77-89). American Translators Association.
- Moser-Mercer, B. (2005). Remote interpreting: Issues of multi-sensory integration in a multilingual task. *Meta* 50(2), 727-738.
- Mouzourakis, P. (1996). Videoconferencing techniques and challenges. *Interpreting* 1(1), 21-38.
- Mouzourakis, P. (2006). Remote interpreting. A technical perspective on recent experiments. *Interpreting* 8(1), 45-66.
- Obst, H. (1993). *Consecutive Interpretation, Can it survive in the 21st century?*. Annual Meeting of the California Court Interpreters Association. San Diego. 1-9.
- Opara, A. (2011). Interpreting services in the European Union's institutions. *eLingUp [Centro de Linguística da Universidade do Porto]* 3(1), 175-193.
- Pöschhacker, F. (2011). Researching TV interpreting: Selected studies of US presidential material. *Translation Studies*, 21-36.
- Pöschhacker, F. (2022). *Introducing Interpreting Studies*. 3rd (ed). London/New York: Routledge. Doi: 10.4324/9781003186472.
- Sigurðardóttir, S.J. (2012). *Interpreters Roles: What is an interpreter and how can he or she gain from a typology of interpreter-mediated even*. Sigillum Universitatis Islandiae.
- Siliang, H. (2005). *Grammatical Performance in Simultaneous Interpretation: An Error Analysis*. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong.
- Spilka, I. (1966). La traduction à vue: instrument de formation. *Meta* 11(2), 42-45.
- Trabing, M. (2003). Ethical aspects of community interpreting. *California Association of Translators and Interpreters*.
- Tsuruta, C. (2008). *Media interpreting in the Japanese context*. The Third Asian Translation Traditions Conference: (Ex)Change and Continuity in Translation Traditions. Boğaziçi University.

- Tsuruta, C. (2011) . Broadcast interpreters in Japan: Bringing news to and from the world. *The Interpreters' Newsletter* (16), 157-173 .
- Viaggio, S. (2001). Simultaneous Interpreting for Television and Other Media: Translation Doubly Constrained. In Gambier, Y & H, Gottlieb (eds). *(Multi) Media Translation: Concepts, Practices, and Research*. (pp. 23–33). John Benjamins Publishing Company.
- Weber, W. (1990). The importance of sight translation in an interpreter training program. In Bowen, D & M, Bowen (eds). *Interpreting: Yesterday, Today, and Tomorrow*. (p. 44). John Benjamins Publishing Company.
- Yacoub, ES. (2012). *Approach to Interpretation*. Certified Translator Programm.
- Záňová, S. (2013). *The court interpreters' role and the predicaments they might face*. Masaryk: Masaryk University.

Осипов С. К., Генидзе Н. К.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ПЕРЕДАЧА КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА А. ТУЛЗА «A GENTLEMAN IN MOSCOW»)

Работа посвящена интерлингвокультурологии – направлению лингвистики, разработанному отечественным исследователем В. В. Кабакчи, согласно которой лексические единицы передают элементы вербальной цивилизации. Слова, обозначающие концепты определенной культуры, или идиокulturонимы, делятся на полионимы – элементы «своей» культуры и ксенонимы, если речь идет о «чужой». Лексические единицы, которые связаны с культурными реалиями России, представлены в словарном составе английского языка со времен Древней Руси, наиболее «влиятельным» периодом можно считать советскую эпоху. Анализ ксенонимов в романе Амора Тулза «A Gentleman in Moscow» показал, что наиболее используемым способом для образования лексем является калькирование. В то же время, наиболее частотными представлены ксенонимы, переданные транскрипцией и транслитерацией.

Ключевые слова: интерлингвокультурология, культурно-маркированная лексика, ксенонимы, английский язык вторичной культурной ориентации

Osipov Sergey, Genidze Natalia

Saint Petersburg State University of Economics

INTERLINGUOCULTUROLOGY AND INTERPRETATION OF CULTURE-SPECIFIC TERMS (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL A GENTLEMAN IN MOSCOW BY A. TOWLES)

The work is devoted to interlinguoculturology, a branch of linguistics developed by the Russian researcher V. V. Kabakchi, according to which lexical units convey elements of verbal civilization. Words denoting concepts of a certain culture, or idioculturonyms, are divided into polyonyms – elements of one's own culture and xenonyms, if we are talking about the other culture. Lexical units that are associated with the cultural realities of Russia have been represented in the vocabulary of the English language since the times of the Ancient Rus, the most "influential" period can be considered the Soviet era. The analysis of xenonyms in A Gentleman in Moscow, a novel by Amor Towles, showed that the most used method to create the lexical units is loan translation. However, the most frequently spotted xenonyms were interpreted by transcription and transliteration.

Keywords: interlinguoculturology, culturally marked vocabulary, xenonyms, Russian-Culture-Oriented English

Одним из изучаемых лингвистами аспектов языка является культурологический. Словарный запас составляют слова как местного, так и иностранного происхождения. Поэтому можно сказать, что на язык влияют культуры «своих» и «чужих» культур.

Лексические единицы, которые относятся к элементам культуры, рассматриваются в рамках интерлингвокультурологии – научной дисциплины, созданной отечественным лингвистом В. В. Кабакчи (род. 1937 г.). Научную базу этого направления также представляют труды таких ученых, как Е. В. Белоглазова, Н. К. Генидзе, Е. Ю. Мацугина, Т. А. Таганова и другие. Опорной точкой в становлении интерлингвокультурологии как лингвистической дисциплины можно считать докторскую диссертацию В. В. Кабакчи, посвященную передаче культурных концептов, связанных с реалиями Советской России, в английском языке.

Предметом изучения этого лингвистического направления являются культуронимы – лексемы, обозначающие «все вербальные элементы земной цивилизации» [Кабакчи, 2005, с. 166]. Данный пласт разделяют на полионимы и идиокультуронимы. К первым можно отнести существительные и словосочетания, «выступающие в качестве обозначения таких элементов окружающего нас мира, которые представлены во всех или в большей части существующих в настоящее время культурах народов мира» [Кабакчи, Прошина, 2021: 169]. Ко второй – специфические элементы культуры. В этой подгруппе выделяют такие разновидности лексических единиц, как идионимы и ксенонимы. Такие культуронимы, в зависимости от языка и культуры, в рамках которой они рассматриваются, можно считать диаметрально разными. Иными словами, «идионимы – исходные, «свои», наименования специфических элементов внутренних культур и ксенонимы – иноязычные, «чужие» идиокультуронимы, переводные варианты идионимов» [Кабакчи, Прошина, 2021, с. 169]. В нашем исследовании предметом внимания стали преимущественно ксенонимы. Данное решение объясняется стремлением проанализировать передачу культурных реалий России в английском языке.

Появление ксенонимов в языке можно объяснить глобализацией: «установление более прочных связей между государствами, развитие мировой сети Internet <...> привели к усилению межязыковых взаимодействий...» [Дорофеева, 2020, с. 64]. Как следствие этого процесса, русская культура пополнила словарный запас английского языка значительным количеством лексем, связанных с политикой, кулинарией, религией и прочими темами. Культура России рассматриваются в многочисленных источниках: «англоязычная *Rossica* [совокупность иноязычных описаний России] представляет собой весьма обширный текстовый массив, точные размеры которого оценить затруднительно...» [Белоглазова, Генидзе, 2022, с. 105]. Можно сделать вывод о том, что описание культуры России в английском языке представлено широко, но не является относительно влиятельной культурой для словарного состава.

Появление русскоязычных ксенонимов можно выделить несколько этапов. В данном исследовании используется хронология, встречающаяся у Л. К. Халитовой [Халитова, 2016, с. 1406]:

- 1) IX–XVI вв. (древнерусский);
- 2) Вторая половина XVI – середина XIX в.;
- 3) 60-ые годы XIX – Октябрьская революция 1917 г.;
- 4) 1922–1991 гг. (советский);
- 5) 1991 г. – сегодняшние дни.

Из выделенных эпох наиболее влиятельной можно назвать четвертую в связи с появлением новой идеологии – коммунизма, которая, в свою очередь, привела к образованию большого количества политической лексики. Мнение о важности советского периода подтверждают статистические данные, представленные В. В. Кабакчи в 1997 году (рис. 1). Согласно исследователю, больше всего русизмов появилось в английском языке именно в XX веке.

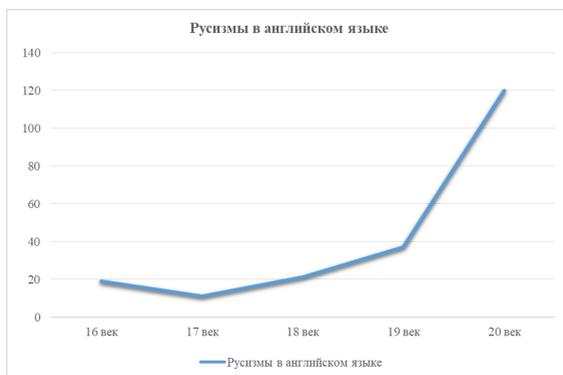

Рис. 1. Хронология появления русизмов в словаре английского языка (на момент 1997 г.)

В рамках интерлингвокультурологии, ученые также рассматривают способы образования культуронимов. Используя терминологию, которую в своем исследовании применяет В. Г. Дудкина [Дудкина, 2010], эти же методы можно отнести к семантизации. Этот процесс заключается в раскрытии значения различными способами, включая в себя «толкование / дефиницию, <...> иллюстрирующие примеры, различного рода отсылки и так далее...» [Дудкина 2010, с. 567]. Именно поэтому в рамках исследований понятия «образование лексических единиц» и «семантизация лексических единиц» можно считать равноправными. В данной публикации будут рассматриваться следующие методы, взятые из научного труда о советизмах в английском языке [Загоруйко, 2019, с. 28-29]:

- 1) Транскрипция и транслитерация (большевик – bolshevik);
- 2) Калькирование (дом культуры – house of culture, Красная Армия – Red Army);
- 3) Описательный перевод (колхоз – collective and state farm);
- 4) Уподобляющий перевод или поиск аналога в английском языке (продразвёрстка – Food Requisitioning).

В некоторых случаях применяется также гибридный способ, в котором сочетаются элементы транскрипции/транслитерации и калькирования. Ученые задаются вопросом касательно наилучшего приема передачи культурных реалий. По мнению В. В. Кабакчи [Kabakchi, 1997, с. 23], предпочтительным способом стоит считать прямое заимствование, «поскольку такой способ образования термина, во-первых, представляет надежный код идентификации, и, во-вторых, исключает какие-либо посторонние семантические аллюзии и коннотации...».

Написание ксенонимов может различаться в зависимости от источника. В одной из научных работ, посвящённых сопоставительному анализу заимствований из русского языка в английский, представлена таблица (таб. 1), в которой сравниваются несколько крупных словарей и какие варианты в них включены [Попова, 2019, с. 223-224]:

Табл. 1. Варианты написания ксенимов в разных источниках

Русское слово	The Dictionary of RUSSIA (2500 cultural terms).	Иллюстрированный словарь английского языка OXFORD	Merriam-Webster's Dictionary	www.en.oxforddictionaries.com
борщ	borhsch/borschtsch	bortsch/borsch	borscht/borsch	borsch/borcht/borshch
копейка	kopeika/kopek (kopeck)	copeck, kopek (kopeck)	kopec/kopek/copeck	kopek/copeck/kopecck
царь	tsar (US czar)	tsar/czar, tzar	czar/tsar/tzar	tsar/tzar, czar
царевич	tsarevich/czarevich	tsarevich/ czarevich	czarevich/tsarevich/tzarevich	tsarevich/tzarevich, czarevich
царица	tsarina (tsaritsa)	tsarina (czarina, tzarina)	czarina/tsarina	tsarina/czarina

Также необходимо отметить, что различные варианты ксенимов могут обрести различные оттенки значения. В пример можно привести пару tsar/czar. Оба слова передают концепт «царь, правитель», но используются в разных контекстах. Согласно анализу корпуса американского английского языка, проведенного В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазовой, «tsar» используется в сочетании с культурными реалиями России: Russian, last, reign и прочее. В то же время, «czar» встречается в других тематических группах: «На семантический сдвиг указывают коллокации, список которых открывают drug (252), new (64), former (38), car (36), house (30), AIDS (28), и лишь на седьмом месте находится Russian (27)...» [Белоглазова, Кабакчи 2018, с. 52].

В рамках исследования передачи культурно-маркированной лексики был проанализирован роман американского писателя Амора Тоулза «A Gentleman In Moscow» [Towles 2016]. В этом произведении описывается жизнь Александра Ильича Ростова, бывшего российского графа, который был наказан советской властью за написанное им стихотворение. Главный герой оказался заключен внутри отеля «Метрополь», в котором он вместе с другими персонажами проводит многие десятилетия с 1922 года до периода Великой Отечественной войны.

В результате анализа было выявлено 218 уникальных ксенимов, которые относятся к реалиям Российской империи и Советской России. Эти лексические единицы упоминаются 857 раз. Наиболее используемым способом образования ксенимов стало калькирование, самым частотным – транскрипция и транслитерация. Среди тематических подразделов, к которым относилась культурно-маркированная лексика, можно выделить следующие: «Советская Россия и СССР», «Российская Империя», «Еда», «Литературные и музыкальные произведения». К первой из указанных категорий относилось наибольшее количество рассматриваемых лексем.

2-4): Статистические результаты исследования представлены на следующих диаграммах (рис.

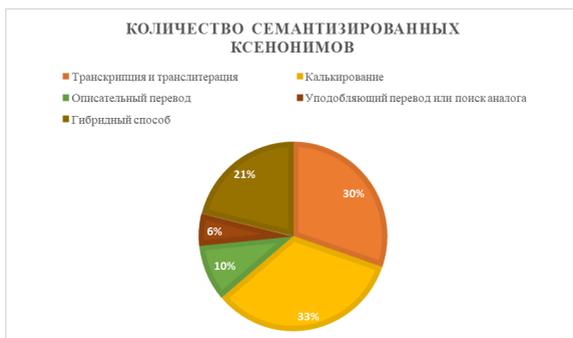

Рис. 2. Количество образованных ксенонимов по методу семантизации

Рис. 3. Количество ксенонимов по частоте упоминания

Рис. 4. Количество ксенонимов по тематическим группам

Опираясь на статистические данные, можно отметить разницу между наиболее используемыми способами семантизации с точки зрения образования (калькирование) и частотности упоминания (транскрипция и транслитерация). В то же время, самым частотным ксенонимом на протяжении является **Moscow** (93 раза) – топоним, образованный методом «Уподобляющий перевод или поиск аналога», поскольку такой вариант перевода концепта «Москва» существует на протяжении долгого времени.

Учитывая, что имена собственные необходимо передавать наиболее точным образом, то можно объяснить выбор автором транскрипции и транслитерации для образования антропонимов. Отметим, что наиболее частотными по упоминанию стали фамилии политических деятелей **Stalin** (16 раз) и **Khrushchev** (15 раз), а из представителей искусства – писателя **Chekhov** (14 раз). Подобный способ встречается в следующих примерах:

- «But with **Chekhov** and **Tolstoy**, we Russians have set the bronze bookends on the mantelpiece of narrative...»
- «“**Tchaikovsky!**” the German guffawed...»
- «**Akhmatova, Bulgakov, Mayakovskiy, Mandelstam**—the sort of writers who not long ago couldn’t have dined at the same table without fear of arrest—will all be there...»

В то же время, калькирование используется для передачи примерно половины всех лексических единиц, относящихся к тематической группе «Советская Россия и СССР» – наиболее представленной в произведении. Этим обстоятельством можно объяснить, почему именно этот метод является наиболее частотным:

- «But then, on the seventeenth of November 1935, at the **First All-Union Conference of Stakhanovites**...»
- «...if a certain **Revolution** hadn’t brought an end to their outrage altogether...»
- «Indeed, the **Russian Association of Proletarian Writers** didn’t hesitate to express their solidarity...»
- «For it was often through secondary remarks in secondary speeches that the **General Secretary of the Central Committee of the Communist Party** signaled the shifts in his thinking...»

- «I am the director of the **Red October Youth Orchestra**...»

Примечательно, что литературные, художественные и музыкальные произведения передаются как калькированием, так и транскрипцией и транслитерацией:

- «It is a pair of twins: Nikolai Ge's Peter the Great Interrogating Alexei and Ilya Repin's Ivan the Terrible and His Son...»
- «And not only is a duel central to the action of *Onegin*, one occurs at a critical juncture in *War and Peace*, *Fathers and Sons*, and *The Brothers Karamazov*! »;
- «*Boris Godunov* was a production of three and a half hours...»;
- «Act one, scene one of *The Nutcracker*...»;
- «You have read *Anna Karenina* at least ten times, but I'd wager you still cry when she throws herself under the train».

Сочетание двух описанных выше методов представлено в рамках гибридного способа. Он представлен для передачи различных конструкций, например, персонажей романа, обладающих титулом или должностью. Первая часть конструкция калькируется, а антропоним передается транскрипцией и транслитерацией (таб. 2):

Табл. 2. Гибридные ксенонимы, передающие героев с титулами или должностями

Титул/должность	Количество уникальных лексем	Примеры
Princess	4	Princess Golitsyn, Princess Petrossian
Prince	3	Prince Tetrakov, Prince Minsky-Polotov
Duchess	1	Duchess Obolensky
Grand Duchess	1	Grand Duchess Anapova
Grand Duke	1	Grand Duke Demidov
Count	2	Count (Alexander) Rostov, Count Keragin
Countess	3	Countess Rostov, Countess Tushin, Countess Shermatova
Minister	5	Minister of Security Beria, Minister of the Armed Forces Bulganin
General Secretary	2	General Secretary Stalin, General Secretary Khrushchev
Premier	1	Premier Malenkov
Lieutenant	1	Lieutenant Pulonov
Captain	1	Captain Radyanko
Marshal	1	Marshal Soso
Field Marshal	1	Field Marshal Kutuzov

Отдельно можно выделить конструкцию «comrade+фамилия», которая семантизируется автором совместно с антропонимами 41 раз: **comrade Propp**, **comrade Tarakovsky**, **comrade Frinovsky**, **comrade Leplevsky** и так далее. Именно ксеноним **comrade** является наиболее частотным представителем тематической группы «Советская Россия и СССР» (65 раз).

В данной работе мы рассмотрели интерлингвокультурологию как лингвистическую дисциплину, которая позволяет рассмотреть лексемы как концепты, передающие элементы либо знакомые всем культурам, либо характерные для определённых. Так, лексические единицы, связанные с реалиями России, начали поступать в качестве ксенонимов в английский язык во времена Древней Руси, и процесс пополнения словарного запаса продолжается до сих пор. В

романе американского писателя Амора Тоулза «A Gentleman in Moscow» представлены лексемы различных тематик, но большинство относятся к «Советской России и СССР». Большую часть ксенонимов автор семантизировал посредством калькирования, но в то же время нельзя назвать этот способ универсальным, потому что все другие методы также представлены.

Литература:

- Белоглазова Е. В., Генидзе Н. К. Стереотипное и творческое в заголовках Rossica: корпусное исследование // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 104–113.
- Белоглазова Е. В., Кабакчи В. В. Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. С.49-59.
- Дорофеева М. С. Русизмы-ксенонимы в английском языке // Современные научные исследования : сб. науч. тр. по материалам XX Междунар. науч.-практ. конф. (г.-к. Анапа, 15 мая 2020 г.) : электрон. сб. – Анапа, 2020. С.64-67.
- Дудкина В. Г. Семантизация лексики и типы лексикографических дефиниций // Язык. Текст. Дискурс – 2010. – № 8. С.566-574.
- Загоруйко А. О. Реалии советского времени (советизмы) и способы их передачи на английский язык // Неделя науки СПбПУ : материалы науч. конф. с междунар. участием. Гуманитарный институт. – Санкт-Петербург, 2019. – Ч. 1. С.27-30.
- Кабакчи В. В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция: (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. СПб. : Тригон, 2005. Ч. 2. С. 164-175
- Кабакчи В. В., Прошина З. Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации. Russian Journal of Linguistics – 2021. – Т. 25. № 1. С.165–193.
- Попова О. В. Сопоставительный анализ заимствований из русского языка в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 6. С.222-226.
- Халитова Л. К. Русизмы в современных англоязычных интернет-изданиях // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 158. – № 5. С.1404-1414.
- Kabakchi V. V. Russianisms in Modern English: Loans and Calques / V. V. Kabakchi // Journal of English Linguistics. – 1997. – Vol. 25. – No 1. – P. 8-49.
- Towles Amor. A Gentleman in Moscow. – New York; Viking Press, 2016. – 462 p.

References:

- Beloglazova E. V., Genidze N. K. Stereotipnoe i tvorcheskoe v zholovkax Rossica: korpusnoe issledovanie [Convention and creativity in the Rossica titles: a corpus-based study]. Izvestiya Vostochnogo instituta [Oriental Institute Journal]. 2022. № 4.104–113.
- Beloglazova E. V., Kabakchi V. V. Diskurs angloyazychnogo opisaniya russkoj kul'tury: perspektivy korpusnogo issledovaniya [Russian-Culture-Oriented discourse of English: prospects of corpus research]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. [Science Journal of VolSU. Linguistics]. 2018. Vol. 17. No. 3. P. 49-59.
- Dorofeeva M. S. Rusizmy`ksenonimy` v anglijskom yazy`ke [Russianisms-xenonyms in English]. Sovremennye nauchnye issledovaniya : sb. nauch. tr. po materialam XX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g.-k. Anapa, 15 maya 2020 g.) : e`lektron. sb. [Modern scientific research: collection of scientific papers based on the materials of the XX international scientific and practical conference (Anapa, May 15, 2020): electronic version] – Анапа, 2020. P. 64-67.

- Dudkina V. G. Semantizaciya leksiki i tipy` leksikograficheskix definicij [Lexical semantization and types of lexicographical definitions]. *Yazyk. Tekst. Diskurs* – 2010. – № 8. – S. 566-574.
- Kabakchi V. V. Funkcionalny`j dualizm yazy`ka i yazykovaya konvergenciya: (opyt modelirovaniya yazykovoj kartiny` zemnoj civilizacii) [Functional dualism of the language and linguistic conversion]. *Kognitivnaya lingvistika: mentalny`e osnovy` i yazykovaya realizaciya* [Cognitive linguistics: mental foundation and language implementation]. Saint Petersburg. : Trigon, 2005. Ch. 2. P. 164-175
- Kabakchi V. V., Proshina Z. G. Leksiko-semanticheskaya otositelnost` i adaptivnost` v perevode i mezhkulturnoj kommunikacii [Lexico-semantic relativity and versatility in translation and intercultural communication]. *Russian Journal of Linguistics* – 2021. – 25 (1). – P. 165–193.
- Kabakchi V. V. Russianisms in Modern English: Loans and Calques / V. V. Kabakchi // *Journal of English Linguistics*. – 1997. – Vol. 25. – No 1. – P. 8-49.
- Popova O. V. Sopostavitelny`j analiz zaimstvovaniy iz russkogo yazy`ka v anglijskom yazy`ke [Comparative analysis of the Russian borrowings in the English language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. [Philology. Theory and Practice]– 2019. – Vol. 12. – № 6. – P. 222-226.
- Towles Amor. A Gentleman in Moscow. – New York; Viking Press, 2016. – 462 p.
- Xalitova L. K. Rusizmy` v sovremenny`x angloyazy`chny`x internet-izdaniyax [Russianisms in modern English-language Internet media]. *Ucheny`e zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. – 2016. – Vol. 158. – № 5. – P. 1404-1414.
- Zagorujko A. O. Realii sovetskogo vremeni (sovetizmy`) i sposoby` ix peredachi na anglijskij yazy`k [Soviet realities (sovietisms) and means of their interpretation in English]. *Nedelya nauki SPbPU : materialy` nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. Gumanitarny`j institut*. [Week of Science of SPbPU: materials of international scientific conference. Humanitarian Institute]. St. Petersburg, 2019. – Ch. 1. – P. 27-30.

ПУТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТАЙНЫХ ЯЗЫКОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (В ПАРЕ «АНГЛИЙСКИЙ – РУССКИЙ»)

Цель статьи состоит в выявлении конститутивных признаков тайных языков, а также особенностей их перевода в паре «английский – русский». Новизна исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка систематизации и обобщения сведений о тайных языках в контексте двух лингвокультур (русскоязычной и англоязычной), а также выявлены наиболее эффективные способы перевода тайноречия. Материалом исследования послужили кинофильмы и мультфильм на русском и английском языках общей длительностью 532 минуты, их озвученные варианты, а также художественные произведения на обоих языках суммарным объёмом 992 страницы и их переводы. Всего было отобрано 89 примеров использования тайных языков. В процессе исследования применялись метод сплошной выборки, метод дефиниционного анализа, метод стратификации, сопоставительный и описательный методы, а также приём количественных подсчётов. Показано, что термины «тайный язык» и «тайноречие» синонимичны, в то время как «тайнопись» представляет собой гипоним данных понятий и обозначает письменный вариант тайного языка. К тайным языкам традиционно относят жаргон, сленг, языки секретных служб, женские и девичьи языки при родовом строе, криптографию, криптофазию и детские тайные языки. В данной статье рассматриваются криминальный жаргон и детские секретные языки. Основной сложностью при переводе тайноречия является отсутствие в языке перевода функционального эквивалента, позволяющего сохранить стиль, значение и функции лексики оригинала. Сделан вывод о том, что наиболее эффективными способами перевода криминального тайноречия являются вариантное соответствие, компенсация, генерализация, смысловое развитие и модуляция. В случае перевода детского тайноречия самым верным решением будет создание функционального эквивалента, в том числе путём транскрибирования искусственных слогов и их вкрапления в вариантное соответствие.

Ключевые слова: тайноречие, тайнопись, детские тайные языки, криминальный жаргон, арг, функциональный эквивалент.

Veronicka V. Pivnenko

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**WAYS OF INTERPRETING SECRET LANGUAGES IN TRANSLATION
(THE SAMPLE OF RUSSIAN-ENGLISH LANGUAGE PAIR)**

The aim of the work is to identify the constitutive features of secret languages in Russian and English linguacultures, as well as the peculiarities of their translation. The novelty of the article lies in the fact that it shows the attempt to synthesize data concerning secret languages in the context of Russian and English linguacultures, and also identifies the most effective ways of translating secret languages. The research material consisted of films and cartoons in Russian and English with a total duration of 532 minutes and their translations, as well as works of fiction in both languages with a total volume of 992 pages and their translations. All in all, 89 examples of the use of secret languages were

selected. During the study, the method of continuous sampling, the method of definitional analysis, stratification method, comparative and descriptive methods, as well as quantitative counting were used. The research shows that the terms “secret language” and “secret speech” are synonymous, while “secret writing” is a hyponym of these concepts, which denotes a written version of the secret language. In addition, secret languages traditionally include jargon, slang, the language of special services, the female languages, cryptography, cryptophasia and children’s secret languages. In this article we consider criminal jargon and children’s secret languages. The main difficulty in translating secret speech consists in the absence of functional equivalents in the target language, which contributes to preserving the style, the meaning and the functions of the vocabulary used in the original text. As a result, we came to the conclusion that the most effective ways of translating criminal secret speech are partially coincided words, compensation, generalization, semantic development and modulation. However, when translating children’s secret languages, the most successful solution would be the creation of a functional equivalent, in particular by means of transcribing artificial syllables.

Keywords: secret speech, cryptography, children’s secret languages, criminal jargon, argot, functional equivalent.

Введение

Тема тайноречия чрезвычайно обширна и в то же время мало изучена, поэтому существует необходимость систематизации и обобщения информации о тайных языках как явлении в целом и сравнения ряда их характеристик в разных лингвокультурах. Цель данной работы состоит в выявлении конститутивных признаков тайноречия, а также особенностей их перевода с русского на английский язык и с английского на русский.

В соответствии с поставленной целью в работе применялись метод дефиниционного анализа для формулирования понятийного аппарата исследования; метод сплошной выборки для отбора анализируемых единиц; метод стратификации для выявления особенностей общения социальных групп, пользующихся тайными языками; сопоставительный метод для определения общих и специфических черт тайноречия в исследуемых лингвокультурах; описательный метод для характеристики тайных языков; приём количественных подсчётов для анализа собранных данных на основе количественных показателей.

Материал исследования отбирался из англоязычных кинофильмов общей длительностью 524 минуты и их переводов на русский язык; русскоязычного мультфильма «Смешарики» длительностью 7 минут и его перевода на английский язык; художественного произведения “Two Little Savages” на английском языке объёмом 543 страницы и его перевода объёмом 416 страниц; русскоязычного романа «Любовник смерти» объёмом 352 страницы и его перевода на английский объёмом 330 страниц. Помимо этого, для характеристики детского тайноречия дополнительно отбирались лексемы из художественного произведения «Королевство кривых зеркал» на русском языке объёмом 97 страниц. Всего было отобрано 89 примеров использования тайных языков.

Теоретические основы исследования

Феномен тайноречия довольно редко занимает центральное место в работах отечественных и зарубежных исследователей. Чаще учёные занимаются изучением конкретных семиотических систем, которые по ряду характеристик могут быть отнесены к тайным. Однако в некоторых научных работах всё же была затронута интересующая нас тема; они и стали теоретической базой нашего исследования. В первую очередь, речь идёт о фундаментальном

труде М. Н. Приёмшевой [2009], в котором была предпринята попытка всеобъемлющего описания и систематизации разновидностей тайноречия на территории России XIX в. Помимо этого, полезной информацией о тайноречии, в частности о криминальном жаргоне, изобилуют исследования Д. С. Лихачёва «Черты первобытного примитивизма воровской речи» [1935] и «Арготические слова профессиональной речи» [1964], в которых арго рассматривается в качестве тайного языка криминальных элементов, а также где высказываются нетривиальные идеи о закономерностях в когнитивных процессах у носителей этого секретного языка.

Проблема детских тайных языков затронута в трудах Нобелевского лауреата и этнопсихолога М. Мид, которая считает причинами возникновения детского тайноречия подражание взрослым и стремление к самостоятельности [Mead, Wolfenstein, 1955]. Этой же теме посвящено исследование выдающегося советского филолога Г. С. Виноградова «Страна детей. Избранные труды по этнографии детства» [1998], где автор анализирует феномен детских тайных языков, дополняя теорию существенным количеством примеров, указывая источники детского тайноречия и предлагая собственную классификацию.

Кроме того, на ход нашего исследования повлияла работа В. В. Сдобникова [1992], поскольку ряд выявленных им проблем, связанных с передачей функций сниженной лексики при переводе, свойствен и тайным языкам.

При формировании понятийного аппарата исследования мы пришли к выводу, что термины «тайный язык» и «тайноречие» связаны между собой отношениями синонимии и используются для обозначения различных способов языковой игры, намеренно используемых в конспиративных целях. В свою очередь, «тайнопись» представляет собой гипоним данных понятий, то есть разновидность тайноречия, и относится к письменному варианту тайного языка.

Результаты исследования

Критерии выделения тайных языков

Согласно точке зрения М. Н. Приёмшевой, тайным языкам свойственны эзотерическая, социально-символическая и игровая функции [Приёмшева, 2009, с. 36–46]. Мы пришли к выводу, что такие семиотические системы, как артланги и языки этнических меньшинств, несмотря на ряд сходств с тайноречиями, не могут быть отнесены к их числу из-за существенной разницы в функциях. По этой же причине к понятию тайноречия невозможно отнести иностранные языки и прочие непонятные конкретному индивиду знаковые системы [Лихачёв, 1964, с. 318]. Помимо этого, отличительным признаком тайных языков является наличие лексики, которая не входит в состав общенационального языка. Такая лексика часто образуется с помощью уникальных способов деривации. По этой причине словарь тайного языка сильно ограничен по сравнению со словарём языка-основы. Однако в системе тайноречия сохраняются привычные служебные слова, а также грамматические и фонетические правила. Кроме того, тайные языки имеют тенденцию к «рассекречиванию» и, как следствие, исчезновению в том случае, если соответствующая социальная группа прекращает своё существование или начинает активно распространяться литературная норма языка. Всеми перечисленными признаками тайноречия обладают такие семиотические системы, как жаргон, сленг, языки секретных служб, женские и девичьи языки при родовом строе, криптография, криптофазия и детские тайные языки.

Виды тайных языков

В данной статье мы сосредоточили свое внимание на особенностях криминального жаргона и детских тайных языков в контексте русскоязычной и англоязычной лингвокультур. Криминальное тайноречие и детские секретные языки – совершенно разные явления, однако исследование тех и других позволяет раскрыть закономерности сокрытия информации за формой выражения. В процессе сопоставительного анализа языков преступного мира мы оперировали терминами «кэнт», говоря о криминальном жаргоне в англоязычном социуме, и «арго», имея в виду русское криминальное тайноречие. Примечательно, что в воровском тайноречии обоих языков особое место занимают элементы магического отношения к миру. При этом Д. С. Лихачёв подчёркивает эмоциональный характер лексики в криминальном жаргоне [Лихачёв, 1935 с. 52–56]. По его мнению, арго любой страны – это в высшей степени особенное явление, так как под влиянием одних и тех же социальных условий у людей вырабатывается одинаковый тип мышления [Там же. С. 55–59].

В свою очередь, тема детского языка активно изучается в контексте овладения детьми родным или вторым языком, однако такое явление, как детский секретный язык, на данный момент непопулярно и потому интересно для исследования. Согласно классификации Г. С. Виноградова, детское тайноречие делится на языки: а) с односложным утком; б) с двусложным утком; в) с многосложным утком; г) с приставными слогами; д) с меной окончания основы; е) с перестановкой звуков из основы в уток; ж) оборотные, или обратные. Под термином «уток» учёный понимает искусственно образованные включения и наставки и вводит понятие «основа», обозначающее элементы общеупотребительного языка [Виноградов, 1998, с. 6–132].

Трудности межъязыкового перевода тайноречия

Опираясь на работы, посвящённые проблемам передачи функций сниженной лексики при переводе, мы выяснили, что основной сложностью в данном случае является отсутствие в языке перевода функционального эквивалента, позволяющего сохранить стиль, содержание и функции лексики оригинала [Сдобников, 1992, с. 4–5]. Кроме того, существенные затруднения вызывает перевод тайной лексики, денотация которой является реалья, а также лексические нагромождения при обращении к экспликации, особенно в условиях хронометража фильма.

Проведенный нами анализ практического материала показал, что криминальный жаргон в русском и английском языках в основном имеет сопоставимый уровень метафоричности, эвфемии, экспрессивности и эмотивности, схожие коннотации в отношении одних и тех же предметов и явлений [Лихачёв, 1935, с. 52–59], вследствие чего при переводе криминального тайноречия в языке перевода нередко встречается удачное вариантное соответствие, т. е. появляется возможность использования функционального эквивалента. Например, в фильме «Американская история Х» можно встретить высказывания: *“My cousin Derek is in the pen right now”* или *“Then they’ll smoke you!”* Выражение *“to be in the pen”* означает «находиться в тюрьме», а *“to smoke”* представляет собой эвфемизм глагола *“to kill”*. Приведённые высказывания были переведены в фильме следующим образом: *«Мой кузен Дерек сейчас на киче»* и *«А потом они тебя замочат!»* «Кича» на фене означает «место заключения, лагерь». В то же время «замочить» – это эвфемизм лексемы «убить». Таким образом, в данном переводе полноценно передан смысл оригинала и в то же время сохранены признаки и функции тайноречия.

Подобные примеры можно обнаружить и в переводе фильма Квентина Тарантино «Криминальное чтиво» (студия «Кубик в кубе»). В оригинале фильма один из героев произносит: *“They’re just trying to get you out before you start pluggin’ the diners”*. В этом

предложении можно обнаружить жаргонное использование эвфемизма “to plug”, означающего «стрелять в кого-либо». В русском переводе к нему был подобран удачный эквивалент в виде слова «мочить»: «Ему главное, чтобы ты клиентов мочить не начал».

Для убедительности исследования мы рассмотрели случаи передачи данного тайноречия с фени на кэнт, взяв за основу криминальный роман Б. Акунина «Любовник смерти» и профессиональный перевод этой книги на английский язык, в котором также часто встречаются случаи использования вариантного соответствия: «Она чего, Князева **маруха**, что ли?» «Толковый словарь русского арго онлайн» даёт такое определение слова «**маруха**»: «1. жарг. Девушка, женщина (как любовница, сожительница). 2. жарг. Любовница вора». В свою очередь, при переводе на английский специалисты используют лексику “moll”: “So, is she the Prince’s **moll**, then?” Это слово представляет собой вариантное соответствие «марухе», поскольку Urban Dictionary Online определяет его как “a slang word from Gangland-era America that meant an attractive young woman. It was often used to describe a gangster’s love interest” Помимо этого, и первый, и второй криминальный термин особенно часто использовались в конце XIX – начале XX вв.

Те же закономерности прослеживаются в других коммуникативных ситуациях:

1. *Сень, говорит, ты чего, **марафетчиком** [нюхальщиком кокаина] заделался? – What’s this, Senka, she said, ‘are you doing **candy cane** [a line of cocaine] now?*

2. *А как **доля от хабара** [доля украденного] пойдёт, можно будет Ташку в марухе взять. – And as soon as he started getting his **share of the swag** [stolen property, loot], he could take Tashka as his moll.*

Приведённые примеры показывают, что специалисты часто прибегают к использованию вариантного соответствия при переводе криминального тайноречия как с английского на русский, так и наоборот.

В случае отсутствия в переводящем языке эквивалента, равного по экспрессивности и эмоциональности оригинальной лексеме, наилучшим решением становится обращение к компенсации, которая позволяет сохранить функции тайноречия и полноценно передать смысл оригинала, особенно в случаях обращения к генерализации и нейтрализации. Подобная переводческая проблема, связанная с отсутствием функционального эквивалента, возникает при переводе следующих фраз из фильма «Американская история X»: “You’re a badass peckerwood with an attitude”, “I’m not talking about your peckerwood friends!”, “He’s doing a favour to this fucking spic.” Слово “peckerwood” определяется в Urban Dictionary Online как «сельский белый южанин, обычно бедный, малообразованный, невежественный и фанатичный; этот термин приобрел популярность на юге США в начале двадцатого века и носит уничижительный характер»; “spic”, в свою очередь, представляет собой пренебрежительное прозвище для испаноговорящих. Подобных явлений в русскоязычном социуме не существует, поэтому переводчики пользуются модуляцией: «Ты настоящим зверь», генерализацией: «Я говорю не про твоих белых отморожков!» и нейтрализацией «Он оказывает услуги этому латинесу?», компенсируя утраченные компоненты смысла с помощью эмфатизации и использования тайной лексики там, где она отсутствует в исходном тексте. Также является уместным использование смыслового развития и модуляции, к которым часто прибегают переводчики студии «Кубик в кубе», например: “I don’t go joy-popping with bubble-gummers! My friends can handle their highs” – «Я с тупым молодняком не общаюсь. Мои друзья иньярятся с умом». Помимо этого, можно обратиться к экспликациям, если она не будет излишне громоздкой для временных ограничений в кинематографе или объёма художественного произведения.

Выявляя наиболее эффективные способы перевода *детского тайноречия* с одного языка на другой, мы пришли к выводу, что английские и русские детские тайные языки имеют широкий диапазон способов деривации, которые принципиально отличаются от правил словообразования в общенациональном языке, что в теории должно было затруднить перевод данной разновидности тайноречия. Тем не менее, детские тайные языки примитивны по своей механике; применяемые в них способы словообразования представлены простыми включениями искусственно созданных слогов, меной окончаний, произнесением звуков в обратном порядке и т. п. Так, способы деривации в детском тайноречии *Ubbi Dubbi* из сериала «Теория большого взрыва», очень просты: после каждого слога включается искусственный слог *-ub-*:

– Penny, do you remember when I taught you *Ubbi Dubbi*?

– *Ubabsubolubutubely ubi dubo!* (Absolutely I do!)

– *Ubexcubellubent!* (Excellent!)

Это детский язык с односложным утком (искусственным вкраплением в слово общенационального языка), следовательно, уместно перевести этот эпизод, вставляя в варианты соответствия транскрибированный слог *-ab-* и сопровождая видеоряд русскими субтитрами:

– Пенни, помнишь, я учила тебя Абби-Дабби?

– *Абестабестабеннабо!* (Естественно!)

– *Сабунабер!* (Супер!)

Тем не менее, в озвучке «Кураж-Бамбей» приведённый диалог звучит так:

– Пенни, ты помнишь наш птичий?

– Ещё как помню!

– Отлично!

Этот вариант перевода сохраняет смысл высказывания, но в нём опускаются функции тайноречия без дальнейшей компенсации, в результате чего русскоговорящий зритель не понимает смысл эпизода.

Заключение

Проведенный анализ позволяет выделить следующие виды тайноречия: жаргон, сленг, языки секретных служб, женские и девичьи языки при родовом строе, криптография, криптофазия и детские секретные языки. Для наиболее полноценной характеристики тайноречия были рассмотрены такие семиотические системы, как криминальный жаргон и детские тайные языки.

Наиболее полноценный перевод криминального тайноречия осуществляется с помощью обнаружения в языке перевода вариантного соответствия, поскольку русский и английский воровские жаргоны имеют существенные сходства в отношении коннотаций и ассоциаций, сопоставимый уровень метафоричности, эмотивности и экспрессивности. Это объясняется сходством мировоззрения, идеологии и быта криминальных элементов. Тем не менее, при переводе тайных лексем, обозначающих реалии, а также в случае невозможности обращения к вариантному соответствию наиболее эффективным способом перевода представляется компенсация, в совокупности с которой часто используются генерализация, нейтрализация, модуляция или смысловое развитие.

В свою очередь, детские языки отличаются широким диапазоном способов деривации, принципиально отличающихся от общенационального языка. Однако несмотря на это, детские тайноречия довольно примитивны по своей механике, что упрощает задачу переводчика, так как у него появляется больше шансов обнаружить в языке перевода функциональный эквивалент (например, в виде транскрибированного утка).

Данное исследование может стать подспорьем для подробного изучения закономерностей появления и функционирования тайных языков, коммуникативных стратегий их носителей, анализа их когнитивных процессов, а также основой для определения эффективных методов перевода тайноречия с одного общенационального языка на другой.

Литература:

- Виноградов Г. С. Страна детей. Избранные труды по этнографии детства. — СПб.: Изд. «Историческое наследие», 1998.
- Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 311 – 359.
- Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи. М. – Л.: Институт языка и мышления имени Н. Я. Марра АН СССР, 1935. С. 47 – 100.
- Приёмшова М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд. «Нестор-История», 2009. Ч. I.
- Сдобников В. В. Проблемы передачи функций стилистики сниженной лексики в переводе художественного текста: автореф. ... дис. кан. филол. наук. М., 1992 — 23 с.
- Mead M., Wolfenstein M. Childhood in Contemporary Cultures. 11th ed. — Chicago: University of Chicago Press, 1955.

References:

- Vinogradov G. S. Strana detej. Izbrannye trudy po etnografii detstva. — St. Petersburg: Izd. “Istoricheskoe nasledie”, 1998.
- Lihachev D. S. Argoticheskie slova professional’noj rechi // Razvitie grammatiki i leksiki sovremennogo russkogo yazyka. M., 1964. — P. 311 – 359.
- Lihachev D. S. Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoj rechi. M. – L.: Institut yazyka i myshleniya imeni N. Y. Marra the USSR Academy of Sciences, 1935. — P. 47 – 100.
- Priyomysheva M. N. Tajnye i uslovnye yazyki v Rossii XIX v.: dis. ... Doctor of Philology. — St. Petersburg: Izd. “Nestor-Istoriya”, 2009. Part I.
- Sdobnikov V. V. Problemy peredachi funkcij stilistiki snizhennoj leksiki v perevode hudozhestvennogo teksta: avtoref. ... dis. kan. philol. nauk. M., 1992.
- Mead M., Wolfenstein M. Childhood in modern cultures. 11th ed. Chicago: University of Chicago Press, 1955.

Пигалева М. В.

Пермский государственный национальный исследовательский университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ИСКУССТВА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье приводятся результаты одного из этапов психолингвистического эксперимента, направленного на выявление через наивные толкования значимых признаков искусства для русских и китайских информантов возрастом до 35 лет, обучающихся или уже получивших высшее образование в области гуманитарных, негуманитарных и технических специальностей. Искусство – универсальная общечеловеческая ценность, неразрывно связанная с развитием общества и воспитанием личности, и анализ концепта «искусство» позволяет не только проследить за репрезентациями искусства в языковой картине мира, но и определить сходства и различия в отношении к искусству у китайцев и русских. Анализ полученных результатов демонстрирует различное понимание искусства у русских и китайских информантов, которое объясняется как личными, так и культурными особенностями.

Ключевые слова: искусство, эксперимент, информант, языковая картина мира, семантический компонент, Китай, Россия

Maria V. Pigaleva
Perm State University

COMPARATIVE ANALYSIS OF IMAGES OF ART IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article presents the results of one of the stages of a psycholinguistic experiment aimed at identifying, through naive interpretations, significant signs of art for Russian and Chinese informants under the age of 35, studying or having already received higher education in the field of humanitarian, non-humanitarian and technical specialties. Art is a universal human value, inextricably linked with the development of society and the education of the individual, and analysis of the concept “art” allows not only to trace the representations of art in the linguistic picture of the world, but also to determine the similarities and differences in the attitude towards art among the Chinese and Russians. Analysis of the results obtained demonstrates a different understanding of art among Russian and Chinese informants, which is explained by both personal and cultural characteristics.

Key words: art, experiment, informant, linguistic picture of the world, semantic component, China, Russia

В центре внимания современной лингвистики все чаще оказывается взаимосвязь картины мира и языка, представленная в виде языковой картины мира. Впервые термин «языковая картина мира» появляется в работах Л. Вайсгербера: «Он [язык] позволяет человеку объединить весь опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того, как он изучил язык, он воспринимал окружающий мир» [Вайсгербер, 1993, с 51]. В настоящее время термин имеет множество толкований, но наиболее исчерпывающим нам представляется

следующее: языковая картина мира – это «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин, 2007, с 54]. Языковую картину мира можно назвать системой систем, так как в качестве ее конструкторов выступают семантические поля, так же представляющие собой систему элементов, связанных между собой синтагматическими, парадигматическими, эпидигматическими и ассоциативными отношениями. Культурная маркированность семантического поля за счет наличия в нем фразеологических элементов делает языковую картину мира важным источником представлений об окружающей действительности и языке определенного лингвокультурного сообщества.

Современное изучение языковой картины мира развивается в различных направлениях: это и реконструкция донаучного взгляда на мир, выраженная в наивных толкованиях носителей той или иной лингвокультуры, и анализ концептов, характерных для языка. Привлечение материалов других языков позволяет выявить универсальное и специфическое в языковых картинах мира, а также отследить культурное взаимодействие.

Одним из способов получения языкового материала является эксперимент, который помогает получить актуальные знания о языке и реконструировать языковую картину мира. При экспериментальном изучении языкового сознания носителей разных языков нередко используется метод наивного толкования, позволяющий «репрезентировать фрагменты наивной картины мира» [Балашова, 2007, с. 54]. Характерной особенностью получаемых от носителей языка наивных толкований является их одновременно коллективная и индивидуальная природа: с одной стороны, в наивных толкованиях информант отражает свой индивидуальный и профессиональный опыт, с другой – опыт коллективный, представляющий «живой язык, данный в реальном употреблении и ориентированный на языковое сознание собеседников» [Скляревская, 2007, с. 17]. Таким образом, именно наивное толкование, свободное в своем проявлении, отображает актуальные для носителей лингвокультуры смыслы [Ерофеева, 2012].

В данной статье рассматриваются результаты эксперимента, направленного на реконструкцию концепта «Искусство»/ 艺术 в русской и китайской языковых картинах мира. Подобный концепт был выбран не случайно: искусство – универсальная общечеловеческая ценность, и анализ концепта «искусство» позволит не только проследить за репрезентациями искусства в языковой картине мира, но и определить сходства и различия в отношении к искусству у представителей разных культур.

Эксперимент проводился в виде письменного анкетирования. В анкете информанты отмечали пол, возраст, образование и специальность. Далее информантов предлагалось в свободной форме ответить на вопрос «Что такое искусство?» (для китайских информантов вопрос был сформулирован как “对您来说，艺术是什么？”). В эксперименте приняло участие 40 китайцев и 60 русских информантов возрастом от 18 до 35 лет, которые обучались в высшем учебном заведении или уже получили высшее образование. Подобные возрастные рамки соотносятся с возрастом молодежи, и молодые люди старше 18 лет – это уже сформированные личности, которые открыты новому опыту и при этом являются трансляторами современной культуры.

Выборка была сбалансирована по полу и типу образования. Среди китайских и русских информантов были выделены представители гуманитарных и негуманитарных специальностей, также среди русских информантов была отдельно выделена группа представителей творческих специальностей. Стоит отметить важную роль факторов *образование* и *специальность*,

влияющих на ответы информантов: образование влияет на структуру и организацию контекста, а специальность оказывает существенное влияние на структуру картины мира, т.к. во время учебы студент получает специальные знания [Ерофеева, 2012, с. 231]. Всего было получено 100 реакций по числу участников эксперимента.

Анализ ответов информантов осуществлялся в информационной системе «Семограф», в которой ответ каждого информанта рассматривался как отдельный контекст и подлежал компонентному семантическому анализу. Так как контексты были представлены преимущественно одним или несколькими предложениями, каждый контекст включал в себя несколько компонентов, из которых в процессе анализа были выделены семантические признаки, актуализированные в наивных толкованиях слова искусство/艺术 русскими и китайскими респондентами.

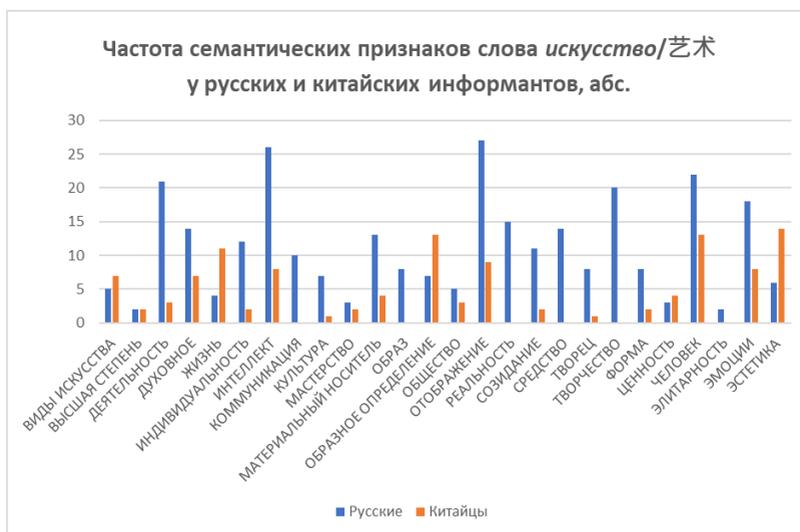
Всего у слова искусство было выделено 26 признаков, а у 艺术 – 20. Частота актуализации признаков представлена в таблице 1, признаки даны в алфавитном порядке. Жирным шрифтом выделены самые большие показатели частоты актуализации семантического признака.

Табл. 1. Частота семантических признаков слова искусство/艺术 у русских и китайских информантов, абс.

Семантический признак	Частота актуализации у русских информантов	Частота актуализации у китайских информантов
Виды искусства	5	7
Высшая степень	2	2
Деятельность	21	3
Духовное	14	7
Жизнь	4	11
Индивидуальность	12	2
Интеллект	26	8
Коммуникация	10	0
Культура	7	1
Мастерство	3	2
Материальный носитель	13	4
Образ	8	0
Образное определение	7	13
Общество	5	3
Отображение	27	9
Реальность	15	0
Созидание	11	2
Средство	14	0

Творец	8	1
Творчество	20	0
Форма	8	2
Ценность	3	4
Человек	22	13
Элитарность	2	0
Эмоции	18	8
Эстетика	6	14

Также считаем необходимым отобразить представленную в таблице частоту актуализации семантических признаков в диаграмме:

Как видно из таблицы и диаграммы, в ответах русских информантов больше всего представлены семантические признаки «Отображение», «Деятельность», «Интеллект», «Человек», «Творчество». В ответах китайских информантов чаще фигурируют такие признаки, как «Эстетика», «Человек», «Образное определение», «Отображение», «Жизнь». Стоит отметить, что признаки «Коммуникация», «Образ», «Реальность», «Творчество» представлены только в ответах русских информантов. Это, прежде всего, объясняется меньшей группой китайских респондентов в целом и отсутствием в этой группе представителей творческих специальностей в частности. Также стоит отметить существенные различия в представленности в ответах русских и китайских информантов признаков «Эстетика» (6 и 14 соответственно),

«Образное определение» (7 и 13 соответственно), «Материальный носитель» (13 и 4 соответственно), «Деятельность» (21 и 3 соответственно), «Творец» (8 и 1 соответственно).

Признак «Эстетика» фигурирует в ответах китайских информантов гораздо чаще, чем в ответах русских. Этому можно найти объяснение в самом отношении китайцев к искусству: согласно конфуцианству, которое до сих оказывает влияние на жизнь и мировоззрение современных жителей Поднебесной, искусство наделялось функциями воспитания человека, а также формирования его внутреннего духовного облика. Это существенно сужало поднимаемые в произведении искусства темы, открывая дорогу для «идейно детерминированного и предельно формализованного искусства» [Кравцова, 2004, с 331], но, в то же время, требовало от произведения искусства обращения к прекрасному. Именно поэтому в ответах китайских информантов красота – неотъемлемый признак искусства: *人类审美的具体表现 耐人寻味的表现 人类审美的具体表现 耐人寻味的表现 人类审美的具体表现 耐人寻味的表现*; *艺术是提高生活品质的重要手段, 艺术和审美需要学习 艺术和审美需要学习 艺术和审美需要学习 艺术和审美需要学习 艺术和审美需要学习*; *美, 设计 美, 设计 美, 设计 美, 设计 美, 设计*; *让人欣赏, 陶冶情操 让人欣赏, 陶冶情操 让人欣赏, 陶冶情操 让人欣赏, 陶冶情操 让人欣赏, 陶冶情操*; *приводящее людей в восхищение, развивающее высокие моральные качества*. В ответах русских информантов идея красоты искусства прослеживается гораздо реже, но ответы, где фигурирует признак «Эстетика», часто содержат и признак «Эмоции»: *для зрителей искусство - это способ заглянуть в душу художника, способ посмотреть на мир под другим углом <...>.это эстетика, высокое духовное чувство, восторг; То прекрасное, без чего наша жизнь была бы пресной, скучной и обыденной*. Примечательно то, что об эстетике в искусстве и у русских, и китайских информантов говорят преимущественно представители гуманитарных (а у русских еще и творческих) специальностей.

Семантический признак «Образное определение» был выделен из-за характерной формы ответов информантов на вопрос, включающей в себя явное или скрытое сравнение, не связанное с искусством. Реакции русских информантов, содержащих данный признак, отличаются большим объемом и многослойностью, и они встречались преимущественно у представителей творческих, реже – технических специальностей. Присутствие в реакциях будущих деятелей искусства подобного семантического признака объясняется наличием глубоких специальных знаний, а также личным опытом: *Творческая деятельность, в которой человек не только применяет свои знания и умения, но и выплёскивает все эмоции, и все своё нутро в общем <...>*

А еще искусство – это то, без чего человек не может жить; единственный способ оставить след в этом мире; выражение души. Как видно из приведенных контекстов, искусство у русских респондентов связывается с созданием и выражением творческого «я». Ответы китайских респондентов (преимущественно негуманитариев), включающие образные определения, связывают искусство с жизнью и ее отражением: *生活的乐趣 生活的乐趣 生活的乐趣 生活的乐趣 生活的乐趣*; *生活就是艺术 生活就是艺术 生活就是艺术 生活就是艺术 生活就是艺术*; *就像食物和水 就像食物和水 就像食物和水 就像食物和水 就像食物和水*; *生活调味品 生活调味品 生活调味品 生活调味品 生活调味品*; *приправа жизни*. Отдельно стоит упомянуть реакцию *自然就是一个艺术 自然就是一个艺术 自然就是一个艺术 自然就是一个艺术 自然就是一个艺术*; *природа – это и есть искусство*, которое отсылает к даосской идее всепроникающего дао и эстетике природы, выраженной в многочисленных китайских произведениях искусства. На основании приведенных реакции мы можем сделать вывод, что искусство у китайских респондентов связывается с жизнью, но все же с ее созерцанием, нежели с созданием чего-то нового. Этим можно объяснить и ту разницу в представленности семантических признаков «Деятельность» и «Творец»: русские информанты чаще обращаются к личности творца и рассматривают искусство как акт созидания, чем китайские. Малую представленность семантического признака «Творец» и полное отсутствие признака «Творчество» у китайских информантов так же имеет культурную особенность и уходит

корнями в конфуцианство, где для произведений искусств устанавливались каноны, а индивидуальность творца сводилась к минимуму.

Семантический признак «Материальный носитель» так же представлен в ответах обеих групп респондентов, но ярче выражен в контекстах русских информантов. Если искусство – это созидание, то результатом такого созидания должен стать какой-либо продукт: *плоды творчества, материализация внутреннего мираж; отражение восприятия реальности автора или его фантазий в материальной форме; продукт синтеза духовной и материальной культуры; Искусство - это сфера человеческой деятельности, где создаются материальные и нематериальные объекты, которые вызывают в зрителе/слушателе некие эмоции или порождают некие мысли.* Для китайских информантов данный признак выглядит несущественным, т.к. представлен всего в 4 реакциях. Укажем только пару из них: *人类文明中对于美的创造和鉴赏 прекрасные вещи, созданные человеческой цивилизацией, котоые получили признание; 艺术是反映现实或者寄托感情的创作, 是创作者的想象力、情感、思想、技术的集合 искусство — это творение, которое отражает реальность или доверяет чувствам, и представляет собой совокупность воображения, эмоций, мыслей и техник творца.* Семантический признак «Материальный объект» (иначе – форма воплощения) актуализируется в реакциях обеих групп в связи с одним из признаков искусство – материальности. Это значение представлено в обоих языках: в русском искусство – «одна из форм общественного сознания, важнейшая составная часть духовной культуры; особый род духовного освоения, познания действительности во всем богатстве его проявлений, так или иначе связанных с человеком» [Философская энциклопедия, 1960, электр. ресурс]; в китайском искусство – «изображенная с помощью знаков форма, обладающая эстетической привлекательностью и оригинальностью» [Xiandai hanyu xiao cidian, 2016, с. 899].

Семантический признак «Человек» в реакции обеих групп проявлен достаточно ярко. Искусство – это, прежде всего, продукт человеческой деятельности: *对自然, 科学和人的表达 выражение природы, искусства и человека; способ отражения человеком окружающей реальности, выражающийся в использовании различных образов; 艺术是一种文化现象, 是文化的精华提现, 是主要服务于人们精神层面的产 искусство – культурный феномен, сущность культуры, продукт высшего класса духовного уровня людей; это то, что создано человеком и имеет эстетическое начало; 是一种抽象但深深植根于人们心中 что-то абстрактное, но уходящее корнями глубоко в человеческое сердце; способность человека самовыразиться, отразить реальность а так же происходящие процессы, через свой взгляд.* Все это так же не противоречит словарному значению слова искусство в обоих языках.

Обратимся к семантическим признакам, не представленным в ответах китайских информантов – упомянутым выше признакам «Коммуникация», «Образ», «Реальность», «Творчество». Частично их отсутствие обусловлено отсутствием среди китайских информантов отсутствовали представители творческих специальностей, однако другая причина заключается в специфике самого восприятия искусства китайскими молодыми людьми. Для китайского искусства характерна традиционность, преемственность и уменьшение индивидуальной роли творца, в связи с чем искусство воспринимается вечным и не привязанным к каким-либо историческим или актуальным событиям. Семантический признак «Реальность» у русских информантов представлен преимущественно ответами представителей творческих и гуманитарных специальностей. Кроме того, присутствие семантического признака «Коммуникация» в ответах русских информантов подчеркивает восприятие искусства как диалога творца и зрителя: *Практика передачи смысла актом высказывания; восприятие одним*

человеком самовыражения другого человека; результат деятельности творца, осуществляемой ради самовыражения и цели вызвать ответную реакцию публики.

Анализ анкет молодых информантов русских и китайской национальности выявляет немало общего и различного. Показательно то, что в ответах китайских информантов чаще всего актуализировался семантический признак «Эстетика», а в ответах русских информантов – «Деятельность». Для китайских информантов искусство – это одна из форм жизни, а жизнь – это и есть искусство, которое можно воспринимать и которое обладает эстетической привлекательностью. Для русских информантов характерен более деятельностный подход: искусство – это, прежде всего, созидание и акт творчества, именно поэтому во многих реакциях актуализируется не только образ человека, но и образ творца. Образ искусства, полученный в результате эксперимента, кажется значительно шире, чем признаки искусства, представленные в словарях обоих языков, и это обусловлено как личным опытом информантов, так особенностями восприятия искусства в русской и китайской культуре.

Литература:

- Балашова Е. А. Наивная картина мира у русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (опыт исследования четырех фрагментов). Пермь: изд-во Перм. Ун-та. 176 стр.
- Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М.: Прогресс, 1993. 263 с.
- Ерофеева Е. В. Влияние специальности на структуру языковой картины мира. // Филологические заметки. Т.2 – Пермь: изд-во Перм. Ун-та. 2012 г. С. 229-245
- Ерофеева Е. В. Соотношение обыденных толкований и ассоциативных полей слов. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 4 / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово, 2012. С. 64-74.
- Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. СПб.: Лань: Триада, 2004. – 960 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание. М: АСТ: Восток-Запад, 2007. 408 с.
- Скляревская, Г. Н. «Нормативный толковый словарь живого русского языка»: основные постулаты и типологические признаки [Текст] / Г. Н. Скляревская // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. С.17-41.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophydic.ru> (дата обращения: 03.06.2023).
- Xiandai hanyu xiao cidian [现代汉语小词典]. Beijing: Shangwu yinshuguan [北京: 商务印书馆], 2016. 899 pp.

References:

- Balashova E. A. Naivnaya kartina mira u russkikh i sloventsev po dannym obydennykh tolkovanii slov (opyt issledovaniya chetyrekh fragmentov). Perm': izd-vo Perm. Un-ta. 176 str.
- Vaisgerber L. Rodnoi yazyk i formirovanie dukha. M.: Progress, 1993. 263 s.
- Erofeeva E. V. Vliyaniye spetsial'nosti na strukturu yazykovoi kartiny mira. // Filologicheskie zametki. T.2 – Perm': izd-vo Perm. Un-ta. 2012 g. S. 229-245
- Erofeeva E. V. Sootnosheniye obydennykh tolkovanii i assotsiativnykh polei slov. Obymdennoe metayazykovoe soznaniye: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty. CH. 4 / otv. red. N. D. Golev. Kemerovo, 2012. S. 64-74.
- Kravtsova M. E. Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura. Istoriya iskusstva Kitaya: Uchebnoe posobie. – SPb.: Lan': Triada, 2004. – 960 s.
- Popova Z. D., Sternin I. A. Obshchee yazykoznanie. M: AST: Vostok-Zapad, 2007. 408 s.

Sklyarevskaya, G. N. «Normativnyi tolkovyi slovar' zhivogo russkogo yazyka»: osnovnye postulaty i tipologicheskie priznaki [Tekst] / G. N. Sklyarevskaya // Normativnyi tolkovyi slovar' zhivogo russkogo yazyka: teoreticheskie problemy i prakticheskie trudnosti. – SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPBGU, 2007. – S. 17-41.

FEHS – Filosofskii ehntsiklopedicheskii slovar'. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.philosophydic.ru> (data obrashcheniya: 03.06.2023).

Xiandai hanyu xiao cidian [现代汉语小词典]. Beijing: Shangwu yinshuguan [北京: 商务印书馆], 2016. 899 pp.

Пило Боил ди Путифигари Ч., Резвова Л. Э.
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭВФЕМИЗМЫ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ. ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИТАЛИИ В ООН)

Для дипломатического дискурса характерна эвфемизация текста, поскольку его основная функция – воздействующая. На основе существующей литературы мы провели типологический анализ с целью выявить новые тенденции использования эвфемизмов в данном виде дискурса. В качестве материала мы взяли три выступления на итальянском языке представителей Итальянской Республики на Генеральной Ассамблее ООН за последние три года, а также их официальный устный перевод на русский язык. Цель исследования – распределить выявленные эвфемизмы по типологическому принципу на основе их функционирования и цели использования в исходном тексте и в его переводе. Перед нами стояли следующие задачи: дать характеристику понятию «эвфемизм» и кратко описать историю изучения этого явления; проанализировать речи политиков в контексте данного вопроса; изучить перевод эвфемизмов и эвфемистических выражений. В ходе работы нами были использованы описательный, типологический и культурологический методы. Актуальность статьи обусловлена высоким интересом в современной лингвистике к изучению дипломатического дискурса, а также новизной материала и нехваткой соответствующих исследований по итальянскому языку. В результате анализа мы обнаружили, что в приведенных текстах особенно широко используются два нетрадиционных для дипломатической речи типа эвфемизмов: направленные на украшение речи и на оказание манипулятивного воздействия (наряду с дисфемизмами) на слушателя.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, эвфемизмы, дисфемизмы, функции, перевод.

Cecilia Pilo Boyl di Putifigari, Liudmila Rezvova
Saint Petersburg State University

EUPHEMISMS IN DIPLOMATIC DISCOURSE. TYPOLOGICAL ANALYSIS (BASED ON SPEECHES BY ITALIAN REPRESENTATIVES TO THE UN)

Diplomatic discourse is characterized by euphemization of the text, because its main function is influencing. Based on the existing literature, we conducted a typological analysis in order to identify new trends in the use of euphemisms in this type of discourse. As a material, we took three speeches in Italian by representatives of the Italian Republic at the UN General Assembly over the past three years, as well as their official interpretation into Russian. The purpose of the study is to distribute the identified euphemisms according to the typological principle based on their functioning and purpose of use in the source text and in its translation. We had the following tasks: to characterize the concept of “euphemism” and briefly describe the history of the study of this phenomenon; to analyze the speeches of politicians in the context of this issue; to study the translation of euphemisms and euphemistic expressions. In the progress of our work, we used descriptive, typological and culturological methods. The relevance of the article is due to the high interest in modern linguistics in the study of diplomatic

discourse, as well as the novelty of the material and the lack of relevant research on the Italian language. As a result of the analysis, we found that in the above texts two types of euphemisms that are not traditional for diplomatic speech are used especially widely: those aimed at speech decoration and at exerting manipulative influence (along with dysphemisms) on the listener.

Keywords: diplomatic discourse, euphemisms, dysphemisms, functions, translation.

Термин «эвфемизм» употребляется для обозначения стилистического тропа, а его главной задачей является смягчение слов и выражений, которые в обществе употреблять не принято. Термин ввел английский писатель Дж. Блаунтом в начале 1580-х гг., но активно изучать этот вопрос начали лишь в конце XIX в. [Миронина, 2010, с. 85]. Эвфемизмы рассматривали в тесной связи с табуизмами [Реформатский, 1996], а также как описательный оборот [Крысин, 1994], как троп [Ларин, 1961], однако позже приравнивание эвфемизмов к фигурам речи начало опровергаться [В. П. Москвин, 2007].

Исследователей интересовали также цели их использования. Они употреблялись для замены слов, обозначающих какие-либо пугающие явления [Булаховский, 1954], неприличных для конкретной социальной группы высказываний [Ларин, 1961] и с целью замаскировать некоторые явления [Крысин, 1994; Логунова, 2014], именно последние часто встречается в речах политиков и дипломатов, и т. д.

Для анализа эвфемизмов важно понимать, как они употребляются. Процесс эвфемизации подробно описан Л. П. Крысиным. Для него необходимо произвести определенные действия: оценить предмет разговора; подобрать слова или выражения, которые не просто придают нейтральный оттенок, а вуалируют значение. Также нужно учитывать следующие факторы: контекст и условия; социальная среда.

Существует множество классификаций этого явления. Наиболее полной нам представляется классификация Л. П. Крысина, распределяющая эвфемизмы по сферам, в которых они употребляются [Крысин, 1994, с. 32]:

1. Дипломатия.
2. Репрессивные действия власти.
3. Государственные и военные тайны и секреты, к числу которых относится производство оружия, определенных видов техники, социальный и численный состав учреждений (не только военных), профиль их работы и др.
4. Деятельность армии, разведки, милиции, уголовного розыска и некоторых других органов власти.
5. Сфера распределения и обслуживания.
6. Отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп.
7. Названия некоторых видов профессий.
8. Использование такого приема, как эвфемизмы, часто можно увидеть в дипломатическом дискурсе.

По Н. Д. Арутюновой, дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими

факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» [ЛЭС, 1990, с. 196].

Дипломатический дискурс относится к официально-деловому стилю речи. Его можно встретить в различных формах как устного, так и письменного общения. Например, в декларациях, резолюциях, переговорах, заявлениях, памятных записках, коммюнике, меморандумах дипломатов/представителей иностранного государства и т. д.

Особенности дипломатического дискурса и трудности его перевода активно изучаются учеными из разных сфер деятельности: лингвистики, психологии, политологии и др. К нему относятся слова и выражения, которые входят в сформировавшийся дипломатический словарь. Дипломатический язык воспринимается через общепринятые фразы – клише. Важной особенностью этого дискурса является эвфемизация речи с целью охарактеризовать остросоциальное явление без негативной окраски. Также, по мнению М. В. Белякова, эвфемизмы в дипломатическом дискурсе являются методом «языковой манипуляции» [Беляков, 2023, с. 87].

Основная функция дипломатического дискурса – управление отношениями между независимыми государствами посредством переговорного процесса; значит, главной целью для коммуникатора является воздействие на реципиента. В связи с чем поднимается проблема перевода дипломатического дискурса – успех говорящего зависит от удачно подобранных языковых средств, которые позволяют решить поставленные задачи. Поэтому переводчик должен быть тем более ответственным за точность перевода.

В качестве анализируемого материала мы взяли выступления итальянских политических деятелей, представлявших Италию на Генеральной Ассамблее ООН на 78-й, 77-й, 76-й сессиях, и их официальные синхронные переводы на русский язык.

Цель нашего исследования – охарактеризовать эвфемизмы в дипломатическом дискурсе в итальянском языке, выявить их особенности, проанализировать их перевод и определить, смогли ли переводчики добиться нужного коммуникативного эффекта.

Эвфемизмы, встречающиеся в речах Дж. Мелони и М. Драги, представляющих в разные годы (2023, 2022, 2021) Италию на Генеральной Ассамблее ООН, можно распределить по группам упомянутой выше классификации Л. П. Крысина (см. табл. 1).

Табл. 1.

Дипломатия	Репрессивные действия власти	Государственные и военные тайны и секреты	Деятельность армии	Сфера рас-пределения и обслуживания	Отношения между различными национальными и социальными группами	Названия некоторых видов профессий
emergenze	scelte facili, abbiamo imposto, sanzioni, piegare	circostanza dei principi decantati	le controversie internazionali, forza, strumento	la materia prima indispensabile	le nazioni più povere, criminalità organizzata	trafficienti

Многие эвфемизмы, включенные в классификацию Л. П. Крысина представляют собой терминологическую лексику: *le emergenze, la criminalità organizzata, le sanzioni, le controversie internazionali, il conflitto* и др. Такое явление часто встречается в дипломатическом дискурсе.

Однако не все найденные нами эвфемизмы и эвфемистические выражения смогли найти место в приведенной классификации. Так, *senso profondo* (вместо *ragione*) или *ha dato vita* (вместо *è stata fondata*) употребляются представителями Итальянской Республики, чтобы придать своим словам весомость и достичь расположения слушателей. В данном случае эвфемизмы приобретают функцию тропа, украшая речь говорящего, с целью манипуляции.

Дж. Мелони в своей речи несколько раз использует слово *ragione*. Первое его упоминание было в начале выступления: *uno strumento più difficile da utilizzare ma decisamente più efficace dei risultati della forza, cioè lo strumento della ragione*. Основное его значение – причина. Однако здесь оно играет роль особого эвфемизма, характеризующего политическую стратегию страны. Выбрав его, а не, например, *racifico/tranquillo*, т. е. то, что можно противопоставить слову *forza*, политик придала своим планам дополнительную окраску, выставив их в лучшем свете.

Некоторые эвфемизмы воспринимаются как обычные высказывания: *voltarsi dall'altra parte, le organizzazioni criminali* и др. Устоявшиеся эвфемизмы и эвфемистические выражения обычно встречаются среди терминологической лексики (*il conflitto*) или закрепившихся фраз (*voltarsi dall'altra parte*) и образуют штампы. Такие изменения иллюстрируют эволюцию этого явления.

Следует обратить внимание на прямолинейность выступающих в тех местах, где использование эвфемизмов, на первый взгляд, необходимо. В качестве примера можно привести глагол *bombardare* (*bombarda le infrastrutture*) из речи Дж. Мелони или существительное *bombardamenti*, употребленного М. Драги. Хотя во многих языках принято заменять подобные слова, например, в английском дипломатическом дискурсе *bombing* заменяется на эвфемизм – *trouble*. Отказ от этого приема вполне объясним мотивировкой говорящего – выставить другую страну в плохом свете.

Согласимся с М. В. Беляковым, который утверждает, что тенденция отказа от эвфемизации указывает на возрастающую эмотивность дипломатического дискурса [Беляков, 2023, с. 94].

Эвфемизмы в выбранных нами речах можно разделить на пять тематических групп, по сферам деятельности (см. табл. 2).

Табл. 2.

Дипломатическая сфера	Экономическая сфера	Экологическая сфера	Бытовая сфера	Социальная сфера
le ripercussioni, l'emergenza, gli stati più vulnerabili	i paesi più poveri, abbiamo imposto, sanzioni, il servizio del debito	cambiamenti climatici	voltarsi dall'altra parte, mettono a rischio	la malnutrizione

В текстах также появляются и дисфемизмы, основная цель которых – настроить собеседника против общего врага: другое государство (*aggressione*), болезнь (*i morti*), прогресс (*sostituire le capacità umane*), социальные (*schiavitù*) или экологические (*disastri naturali*) проблемы и т. п. Дисфемизм – замена лексики нейтрального характера словом, несущим негативную смысловую окраску, с целью дискредитировать собеседника [Матвеева, 2010, 95]. И Дж. Мелони, и М. Драги используют такой способ воздействия на слушателя, как и в случае с

эвфемизмами, для получения желаемого: помощь с борьбой с пандемией, поддержка Украины, африканских мигрантов и т. п.

На официальном сайте ООН предоставлен устный перевод анализируемых выступлений на русский язык. Мы бы хотели рассмотреть и охарактеризовать его в контексте перевода эвфемизмов.

Синхронный перевод выбранных нами речей не всегда точно передает смысл переводного текста: мысль расширяется или сокращается, используются более общие выражения (*invertire la rotta* переводят как **изменить этот курс**). Эвфемистические выражения также могут заменяться на более привычные эквиваленты, что характерно для перевода в целом: *voltarsi dall'altra parte* в переводе – **закрывать глаза**. Иногда эвфемизмы употребляются именно в переводе: так, фраза *sarebbe difficile governare in un mondo* переводится как **трудно было бы жить в мире**, где глагол *жизнь* является эвфемизмом. Такие особенности обусловлены спецификой устного перевода.

Рассмотрим случай, когда текст перевода более полный, чем оригинальный текст: фраза *«un'alternativa fatta di lavoro, formazione, opportunità nelle Nazioni di provenienza e percorsi di migrazione legale concordata dunque anche integrabile»* переведена как **«альтернатива, которая уже сработывала – это подготовка кадров, возможности, пути законной, согласованной миграции с тем, чтобы интегрироваться в другие общества»**. Как мы видим, в тексте перевода присутствует дополнительная информация о положительном опыте использования альтернативы в прошлом, а также подробное пояснение к последней части отрывка. Для устного перевода чаще всего характерна тенденция к сокращению мысли, а не расширению. Сделанный переводчиком выбор может говорить о его неуверенности в понимании значения высказывания.

Несмотря на неточность перевода, мы не можем говорить о нарушении коммуникативного акта – основная мысль и позиция выступающих была донесена верно. Однако мы можем предположить, что коммуникативный эффект на переводной текст был слабее, чем было рассчитано представителями Итальянской Республики.

Проанализировав функционирование эвфемизмов в выступлениях итальянских политиков, представлявших свою страну на заседаниях ООН (2021–2023), можно утверждать, что они были использованы с разными целями. Многие из приведенных эвфемизмов использованы выступающими с целью подчеркнуть значимость действий ООН и показать свое уважение перед этой организацией: *forza* вместо *arma*, *frasi di circostanza dei principi decantati* вместо *bugia* и т. д. Этот прием используется и с целью украсить речь и добавить экспрессивную окраску (*una tomba sul fondo del Mar Mediterraneo* вместо *annegare*), а также завуалировать неприятные явления (*conseguenze*). Важно отметить, что найденные нами эвфемизмы, дисфемизмы, неприемлемые обычно слова в прямом значении имеют общую черту – стремление манипулировать собеседником.

Таким образом, эвфемизмы (от греческого слова *euphemismos*: *eu* – «хорошо» и *phemi* – «говорю» [Никитина, 2009, с. 1]) становятся средством маскировки действительности и сильного манипулятивного воздействия на человека.

Литература:

- Беляков, М. В. Лингвоаксиология и лингвосомиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : дис. ... д-ра филолог. наук : 5.9.8 / Беляков Михаил Васильевич. М., 2023. 437 с.
- Булаховский, Л. А. Введение в языкознание М. : Учпедгиз, 1954. 174 с.

- Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. №1–2. С. 28–49
- Ларин Б. А. Об эвфемизмах // «Ученые записки ЛГУ», серия филологических наук, вып. 60, № 301. Л. : 1961. С. 110–124.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
- Логунова К. А. Эвфемизмы в дипломатическом языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12. Ч. 2. С. 109–112.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. 562 с.
- Миронина А. Ю. Эвфемизм как явление языка и культуры (лингвистический и лингвокультурологический анализ) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: Научный журнал. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2010. № 1(2). С. 85–89.
- Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М. : 2007. 59 с.
- Никитина, И. Н. Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспектива исследования // Вестн. Волжского унта им. В. Н. Татищева. Языкозн. 2009. 9 с.
- Реформатский А. А. Табу и эвфемизмы // Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 56.
- Официальный сайт ООН URL: https://media.un.org/ru/search?f%5B0%5D=geographic_name%3A151&query=%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F&sort_by=newest

References:

- Belyakov, M. V. Linguoaxiology and linguosemiotics of diplomatic discourse (based on the material of open professional diplomacy) : dis. ... Doctor of Philology : 5.9.8 / Mikhail Vasilyevich Belyakov, M., 2023. 437 p.
- Bulakhovsky, L. A. Introduction to linguistics M. : Uchpedgiz, 1954. 174 p.
- Krysin L. P. Euphemisms in modern Russian speech // Rusistika. Berlin, 1994. No.1-2. pp. 28-49
- Larin B. A. About euphemisms // “Scientific notes of LSU”, series of philological sciences, issue 60, No. 301. L. : 1961. pp. 110-124.
- Linguistic Encyclopedic dictionary. M. : Soviet Encyclopedia, 1990. 683 p.
- Logunova K. A. Euphemisms in the diplomatic language // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2014. No. 12. Part 2. pp. 109-112.
- Matveeva T. V. Complete dictionary of linguistic terms. Rostov-on-Don : Phoenix, 2010. 562 p.
- Mironina A. Yu. Euphemism as a phenomenon of language and culture (linguistic and linguoculturological analysis) // Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities: A scientific journal. Kirov : Vyatgu Publishing House, 2010. No. 1(2). pp. 85-89.
- Moskvin V. P. Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language. Moscow : 2007. 59 p.
- Nikitina, I. N. Euphemism in foreign and domestic linguistics: the history of the issue and the prospect of research // Vestn. Volzhsky unt named after V. N. Tatishchev. Linguistics. 2009. 9 p.
- Reformatsky A. A. Taboos and euphemisms // Introduction to Linguistics. Moscow : Aspect Press, 1996. p. 56.
- Official UN website URL: https://media.un.org/ru/search?f%5B0%5D=geographic_name%3A151&query=%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F&sort_by=newest

Пригожина К. Б., Миронова Д. А.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА С ПОМОЩЬЮ ЦИФРОВОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Самостоятельная работа студентов как одна из форм межличностного, межкультурного и социально-педагогического взаимодействия, которая в современных условиях приобретает все большую значимость и новые перспективы развития, нуждается в переосмыслении с позиций лингводидактики с целью конкретизации методов, средств и педагогических условий ее организации. Понимание сущностных характеристик социально-образовательной коммуникативной среды вуза, в которой реализуется совокупность педагогических условий для организации самостоятельной работы студентов, будет способствовать ее конгруэнтности относительно меняющейся реальности и позволит оптимизировать стратегии внедрения такой работы с помощью современного цифрового инструментария преподавателя.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие, персонализация обучения, самостоятельная работа, социально-образовательная среда, цифровой инструментарий

Kira B. Prigozhina, Dina A. Mironova
Plekhanov Russian University of Economics

SELF-STUDY METHOD IMPLEMENTATION IN MODERN SOCIAL-LEARNING ENVIRONMENT VIA DIGITAL TOOLKIT AT TERTIARY LEVEL

Features of the emerging environment need to be studied in order to evaluate their potential influence on the social-learning environment at tertiary level. Self-study method as one of the ways of interpersonal, intercultural, and socio-pedagogical interaction is becoming increasingly important. Therefore, new prospects for its development need rethinking from the perspective of linguodidactics in order to specify approaches, methods, forms, means, pedagogical conditions, and principles of its implementation. Understanding the essential characteristics of the social-learning environment at tertiary level, where a set of pedagogical conditions for self-study is implemented, might be considered important. This will contribute to its compliance with the changing environment and will allow to improve the strategies for the implementation of such methods via modern digital toolkit.

Keywords: critical thinking, digital teaching resources, interpersonal communication, social learning environment (SLE), self-study method, self-driven learning

Парадигмальные сдвиги в общественной, социальной, образовательной и других сферах ознаменовали трансформационный переход к пятому технологическому укладу, характеризующемуся бурным развитием информационных и телекоммуникационных технологий. На пороге нас ожидает шестой технологический уклад с нано-технологиями, новыми видами транспорта и коммуникации, наноразмерными производствами, дополненной реальностью, нейросетями и искусственным интеллектом. Возникает потребность в

исследовании характерных черт зарождающейся новой реальности и изучении потенциала ее воздействия на социально-образовательную среду вуза.

На данном этапе мы находимся на пути к господству шестого технологического уклада, который уже начал врваться в наши реалии с искусственным интеллектом, активно приходящим на смену информационно-коммуникационным технологиям. В образовательной среде это ознаменовало переход от ИКТ к цифровым технологиям и далее к цифровой образованию и smart-образованию, а также к образовательным платформам как среде для самообразования, самооценки, самопознания и персонализации обучения. Системы управления обучением (так называемые LMS) трансформировались в образовательные платформы (LXP - learning experience platforms), предоставляющие студентам новый образовательный опыт персонализации обучения. Данные тенденции привели к распространению MOOC и других онлайн платформ (таких как SkillBox, Edusson, Нетология), способствующих построению индивидуальной образовательной траектории. Это, в свою очередь, предоставляет возможности для внесистемного образования в среде нейроинтерфейсов, дополненной реальности, искусственного интеллекта, где участники получают универсальные знания в нейронет-группах под руководством виртуальных тьюторов.

Трансформационный переход к цивилизации, основанной на принципах устойчивого развития отражен в Государственной программе развития образования до 2030 года и предполагает развитие умений оперативного принятия решений, работы в технологически насыщенной среде, широту познаний (на смену узкоспециальным знаниям), перенос навыков, а также получение разнообразного образовательного опыта.

Таким образом, трансформационный переход ознаменовал персонализацию образования и переход к smart-образованию, которое является целевой моделью цифровой трансформации образовательного процесса на системном уровне и представляет собой обучение, характеризующееся следующими качествами:

- 1) самоуправляемое, самоконтролируемое, самонаправленное;
- 2) адаптивное и гибкое;
- 3) мотивируемое и мотивирующее;
- 4) ресурсоемкое;
- 5) реализуемое на основе и с использованием потенциала цифровых технологий.

При этом образовательный процесс приобретает новые черты и становится непрерывным, адаптивным и технологически насыщенным, характеризующимся тремя аспектами [Abdullayeva 2021; Zubkov 2022; Загуменникова 2023; Ван 2023; Востриков 2022]:

- учет специфики, интересов и потребностей конкретного обучающегося;
- широкое использование потенциала цифровой образовательной среды и современных технологий;
- реализация индивидуальной образовательной траектории.

Реализуемая персонализация процесса обучения, где ключевую роль играет самостоятельная работа как форма самостоятельной учебной деятельности, проявляется во внедрении самонаправленного и саморегулируемого обучения. Концепция самонаправленного обучения (staged self-directed learning model, SSDL-model) была предложена Джеральдом Гроу [Grow 1996] и характеризуется определенными педагогическими условиями, позволяющими

студентам достичь такой степени самостоятельности и ответственности при обучении, при которой они способны:

- проявлять инициативу;
- определять и формулировать образовательные потребности;
- формулировать цели обучения;
- определять методы, средства и формы обучения;
- определять средства оценки результатов обучения;
- проводить самодиагностику, самоанализ и оценку результатов обучения на основе рефлексии;
- пересмотреть образовательные цели, траектории, методы, средства и формы.

Концепция саморегулируемого обучения (self-regulated learning) предложена Барри Циммерманом [Zimmerman 1989] и базируется на трех составляющих: 1) метакогнитивные процессы, 2) прогнозирование и мотивация, 3) исполнение и самонаблюдение. Саморегулируемое обучение предполагает подключение метакогнитивных процессов, позволяющих студентам полагаться на совокупность знаний о собственных личностных характеристиках и их влиянии на решение задач. Блок “прогнозирование и мотивации” предполагает анализ поставленной задачи, формулировку цели, стратегическое планирование, а также оценку самооффективности, эффективности выбранной стратегии, выполнимости задачи и достижимости цели, оправданность ожиданий.

Между этими двумя концепциями, определяющими и реализующими персонализацию обучения, можно провести параллели. Как саморегулируемое так и самонаправленное обучение предполагают этапы мотивации и прогнозирования, что позволяет студентам самостоятельно определиться с целями образовательного процесса на основе адекватно выявленных потребностей, подобрать соответствующие методы, средства и формы, а также способы оценки результатов. Саморегулируемое и самонаправленное обучение предполагают также этапы исполнения и самонаблюдения, что требует рефлексии на основе метакогнитивных процессов в целях самоинструкции, самодиагностики, самоанализа, самоконтроля, самореакции, метакогнитивного мониторинга и переосмысления процесса и результатов образовательной деятельности.

Самонаправленное и саморегулируемое обучение в последнее время воплотились в концепцию социально разделяемого саморегулируемого обучения (Socially Shared Regulated Learning Model, SSRL-model), предложенную Элисон Хадвин и Санной Джарвелла [Hadwin 2011; Järvelä 2015]. Подобное обучение предполагает: 1) совместимость целей, 2) разделяемую мотивацию и вовлеченность, 3) самоуправление и саморегулирование наряду с самоуправлением и взаиморегулированием, 4) самонаблюдение и самоанализ наряду с взаимным мониторингом и взаимонализом, 5) взаимосвязь и взаимозависимость всех участников образовательного процесса.

Реализация подобного обучения в новой парадигме предполагает формирование определенной образовательной среды как образовательного пространства, в котором взаимодействуют ее участники в различных условиях и формах, для различных целей и с использованием различных средств. Именно такая среда способствует реализации smart-обучения при организации самостоятельной работы, поскольку является целенаправленно смоделированным открытым, интегративным коммуникативным пространством, предоставляющим вариативные многофункциональные и комбинируемые средства, создающие

необходимые условия и возможности для вовлечения участников во взаимодействие, направленное на системную и последовательную реализацию целей.

Именно такая среда позволяет реализовать в современных реалиях следующие стратегии организации самостоятельной работы:

- 1) учет и адаптацию личностных характеристик студента и характеристик образовательной среды;
- 2) вовлеченность в образовательную и социальную активность, в процесс рефлексии и критического осмысления информации, обмена опытом и мнениями;
- 3) мотивацию к интерактивному коммуникативному взаимодействию и сотрудничеству;
- 4) раскрытие индивидуально-психологических качеств и способностей личности;
- 5) формирование эмоционально-оценочных, когнитивных и оценочно-прагматических умений;
- 6) формирование способности к любознательности, гибкости в оценках, критичности к стереотипам и предубеждениям;
- 7) активизацию когнитивных умений (общей когнитивной ориентации и когнитивного моделирования), критического мышления и эмоционального интеллекта;
- 8) возможность выбора инструментов самовыражения согласно личным когнитивным стилям, способам познания, восприятия и переработки информации.

Самостоятельная работа студентов как одна из форм межличностного, межкультурного и социально-педагогического взаимодействия, которая в складывающихся условиях приобретает все большую значимость и новые перспективы развития, нуждается в переосмыслении с позиций лингводидактики с целью конкретизации педагогических условий и принципов ее организации.

В новой парадигме организация социально разделяемого саморегулируемого обучения и самостоятельной работы как формы самостоятельной учебной деятельности подчинена определенным принципам:

- 1) постановка конкретных, оцениваемых, достижимых, реалистичных, своевременных задач;
- 2) постановка цели, планирование результатов, подбор методов, форм и средств обучения, ответственность за результат;
- 3) рефлексия;
- 4) независимость и ответственность при принятии решений, творческий подход при решении поставленных задач и преодолении трудностей;
- 5) способность к адаптации, модификации и трансформации собственного видения и отношения к индивидуальной образовательной траектории, способам ее реализации;
- 6) непрерывный процесс саморефлексии, самооценки на основе собственных наблюдений, обратной связи и метакогнитивных процессов;
- 7) совместимость: а) целей и задач образовательного процесса на уровне системы, б) индивидуальных целей и задач, траектории обучения, в) обстановки и потребностей участников образовательной среды, г) социального заказа.

При этом необходим учет как личностных характеристик участников образовательного процесса (лично-психологические, лично-мотивационные, когнитивно-эмоциональные и когнитивно-рефлексивные), так и характеристик самой образовательной среды (социально-психологические, межличностные ситуационно-прагматические, когнитивно-дискурсивные). Подобная организация самостоятельной работы способствует формированию системы эмоционально-оценочных, когнитивных и оценочно-прагматических умений (Таблица 1).

Табл. 1. Умения, формируемые при организации социально разделяемого саморегулируемого персонализированного обучения

Умения общей когнитивной ориентации	Умения когнитивного моделирования
рефлексия	
проявлять готовность и способность ориентироваться в информационном и образовательном пространстве	использовать когнитивные умения систематизации, интерпретации и моделирования
использовать когнитивные умения наблюдения, идентификации, классификации, анализа и сопоставления	давать обоснованную критическую оценку изучаемому явлению
проводить различия между фактическими сведениями и оценочными суждениями, фактами и предположениями	корректировать фактические и логические ошибки в рассуждениях и выводах
выделять логические и предметные виды связей	создать комплексное представление о возможных вариантах достижения поставленной цели и решения задач
выявлять и разграничивать обоснованные и необоснованные оценочные суждения и выводы	разрабатывать собственную логику и стратегию в оценочных суждениях, обоснованиях и выводах

В современной образовательной парадигме перечисленные принципы организации самостоятельной работы реализуются с помощью:

- 1) смарт-целей (SMART goals) – развитие навыков, умений, качеств личности, создание среды для самовыражения, самореализации, взаимодействия и сотрудничества;
- 2) технологии – цифровой образовательный инструментарий и реализация его лингводидактического потенциала в конкретной образовательной среде и педагогических условиях взаимодействия;
- 3) приемов и методов – интерактивные задания (творческие, проектные, аналитические, проблемно-дискуссионные).

Персонализация обучения и организация самостоятельной работы в новой образовательной парадигме диктует необходимость выбора цифрового образовательного инструментария, который может быть сформирован на основе следующего алгоритма (стратегии): а) для чего (цели), б) с помощью чего (технологии и средства), в) на основе чего (приемы и методы).

Цифровые образовательные ресурсы предлагают обширный функционал для формирования навыков, речевых и коммуникативных умений, а также качеств личности, позволяя при этом реализовать концепцию социально разделяемого саморегулируемого обучения при организации самостоятельной работы как формы самостоятельной учебной деятельности.

Литература:

- Ван, Ш. Формирование ценностных доминант межкультурного общения у иностранных студентов в поликультурной среде многопрофильного вуза / Ш. Ван // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 8, № 5. С.491-495. – DOI 10.30853/ped20230076.
- Востриков, И. В. Академическая online-коммуникация между преподавателями и студентами: философский аспект / И. В. Востриков, К. В. Котов // Проблемы геополитической и социокультурной безопасности Прикаспия : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Астрахань, 26 апреля 2022 года / Под редакцией Е. В. Хлыщевой [и др.]. – Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет», 2022. С.183-187.
- Загуменникова, Н. В. Цифровые технологии как способ оптимизации обучения русскому языку как иностранному / Н. В. Загуменникова // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 1-1. С.165-178. – DOI 10.31862/2073-9613-2023-1-165-178.
- Abdullayeva, D. (2021). Independent Education in Higher Education. In: International conference on multidisciplinary research and innovative technologies (pp. 217-220). Ankara: 6th International Symposium on Multidisciplinary Studies and Innovative Technologies.
- Grow, Gerald O. (1991/1996). 'Teaching Learners to be Self-Directed.' *Adult Education Quarterly*, 41 (3), 125-149.
- Hadwin, A., & Oshige, M. (2011). Self-Regulation, Coregulation, and Socially Shared Regulation: Exploring Perspectives of Social in Self-Regulated Learning Theory. *Teachers College Record*, 113, 240-264. <https://doi.org/10.1177/0161468111111300204>
- Panadero, E., and Järvelä, S. (2015). Socially shared regulation of learning: a review. *Eur. Psychol.* 20, 190–203. doi: 10.1027/1016-9040/a000226
- Zimmerman, B. J. (1989) A social cognitive view of self-regulated academic learning. *Journal of Educational Psychology*, 81, 329-339. doi: 10.1037/0022-0663.81.3.329
- Zubkov, A. D. Language support for development of professional foreign language competence of economics students using moocs / A. D. Zubkov // *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*. – 2022. – No. 5(96). – P. 20-22. – DOI 10.24412/1991-5497-2022-596-20-22.

References:

- Van, Sh. Formirovanie cennostnyh dominant mezhkul'turnogo obshhenija u inostrannyh studentov v polikul'turnoj srede mnogoprofil'nogo vuza (Developing value dominants of intercultural communication in foreign students in the multicultural environment of a multidisciplinary university) // *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki (Pedagogy. Theory and practice)*. 2023. T. 8, № 5. P. 491-495. (In Russian).
- Vostrikov, I. V. Akademicheskaja online-kommunikacija mezhdu prepodavateljami i studentami: filosofskij aspekt (Academic online communication between teachers and students: a philosophical perspective) // *Astrahanskij gosudarstvennyj universitet (Astrakhan State University)*. 2022. P. 183-187. (In Russian).

- Zagumennikova, N. V. Cifrovye tehnologii kak sposob optimizacii obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu (Digital technologies as a way to optimise teaching Russian as a foreign language) // Prepodavatel' XXI vek (21st century teacher). 2023. № 1-1. P. 165-178. (In Russian).
- Abdullayeva, D. (2021). Independent Education in Higher Education. In: International conference on multidisciplinary research and innovative technologies (pp. 217-220). Ankara: 6th International Symposium on Multidisciplinary Studies and Innovative Technologies.
- Grow, Gerald O. (1991/1996). 'Teaching Learners to be Self-Directed.' *Adult Education Quarterly*, 41 (3), 125-149.
- Hadwin, A., & Oshige, M. (2011). Self-Regulation, Coregulation, and Socially Shared Regulation: Exploring Perspectives of Social in Self-Regulated Learning Theory. *Teachers College Record*, 113, 240-264. <https://doi.org/10.1177/016146811111300204>
- Panadero, E., and Järvelä, S. (2015). Socially shared regulation of learning: a review. *Eur. Psychol.* 20, 190–203. doi: 10.1027/1016-9040/a000226
- Zimmerman, B. J. (1989) A social cognitive view of self-regulated academic learning. *Journal of Educational Psychology*, 81, 329-339. doi: 10.1037/0022-0663.81.3.329
- Zubkov, A. D. Language support for development of professional foreign language competence of economics students using moocs / A. D. Zubkov // *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*. – 2022. – No. 5(96). – P. 20-22. – DOI 10.24412/1991-5497-2022-596-20-22.

Радбиль Н. В.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского

ТЕМА «СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ» В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В работе обсуждается опыт изучения темы семьи и семейных ценностей при обучении студентов-иностранцев 1-2 курса обучения, то есть студентов, владеющих русским языком на уровне В1, а значит, знакомых с базовой лексикой семьи. Формирование лингвокультурологической компетенции в преподавании русского языка как иностранного является необходимым условием эффективности обучения студентов-иностранцев в стране пребывания. Изучение русского языка в этой связи рассматривается как процесс проникновения в психологию и культуру русского народа. Лингвокультурологическая направленность в обучении русскому языку как иностранному в вузе предполагает комплексное включение в образовательный процесс совокупности культурных ценностей, ключевых концептов языковой картины мира страны обучения, в числе которых особое место занимают национально обусловленные представления о семье и семейных ценностях. Темы семьи и семейных ценностей вводят на самых ранних этапах обучения. Данная тема вызывает интерес у учащихся, поскольку является всем понятной, близкой, интернациональной. Работа над темой рассчитана на 4 учебных часа. Используется коммуникативный подход в изучении языка. В материалах занятий имеются задания, стимулирующие интерес к тексту, к постановке указанной проблемы, в процесс обучения включаются различные материалы аудиовизуального ряда.

Ключевые слова: тема «Семья и семейные ценности», лингвокультурологическая компетенция, преподавание РКИ в вузе, лингводидактика

Natalia V. Radbil

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

THE TOPIC “FAMILY AND FAMILY VALUES” IN THE ASPECT OF DEVELOPING LINGUOCULTURAL COMPETENCE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The paper discusses the experience of studying the topic of family and family values when teaching foreign students of 1-2 years of study that is, students who speak Russian at the B1 level, and therefore are familiar with the basic vocabulary of the family. The formation of linguocultural competence in teaching Russian as a foreign language is a necessary condition for the effectiveness of teaching foreign students in the host country. The study of the Russian language in this regard is considered as a process of penetration into the psychology and culture of the Russian people. The linguocultural orientation in teaching Russian as a foreign language at a university presupposes the comprehensive inclusion in the educational process of a set of cultural values, key concepts of the language picture of the world of the country of study, among which a special place is occupied by nationally determined ideas about family and family values. Themes of family and family values are

introduced at the earliest stages of education. Work on the topic is designed for 4 class hours. In our work, we use a communicative approach to language learning. The lesson materials will contain tasks that stimulate interest in the text, in the formulation of the problem, and various audiovisual materials will be used.

Keywords: topic “Family and Family Values”, linguoculturological competence, teaching Russian as a foreign language at a university, linguodidactics

В работе обсуждается опыт изучения темы семьи и семейных ценностей при обучении студентов-иностранцев 1-2 курса обучения, то есть студентов, владеющих русским языком на уровне В1, а значит, знакомых с базовой лексикой семьи.

Язык тесно связан с культурой народа. В языке представлены наименования самых значимых для этноса явлений, и по словам и выражениям национального языка мы можем судить о мировосприятии народа, о его картине мира. В этой связи формирование лингвокультурологической компетенции в преподавании русского языка как иностранного как «знания идеальным говорящим / слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [Методика обучения..., 2019, с. 84], является необходимым условием эффективности обучения студентов-иностранцев в стране пребывания. Изучение русского языка в этом аспекте рассматривается как процесс проникновения в психологию и культуру русского народа. Как пишет И. П. Лысакова: «Сопряжение культурного содержания языковых единиц через когнитивные структуры с национальным культурно-нравственным опытом народа позволяет преподавателю создать лингвокультурологический комментарий к имплицитному содержанию текстов на русском языке» [Методика обучения..., 2019, с. 83-84]. Лингвокультурологическая направленность в обучении русскому языку как иностранному в вузе предполагает комплексное включение в образовательный процесс совокупности культурных ценностей, ключевых концептов языковой картины мира страны обучения, в числе которых особое место занимают национально обусловленные представления о семье и семейных ценностях. Образовательный и воспитательный потенциал темы семьи и семейных ценностей является исключительно значимым в плане формирования позитивного образа России и русских на занятиях по русскому языку как иностранному, в плане воспитания интереса к русскому языку и к русской культуре у иностранных студентов. Теме семьи и семейных ценностей обычно вводят на самых ранних этапах обучения. Данная тема вызывает интерес у учащихся, поскольку является всем понятной, близкой, интернациональной. Кроме того, находясь вдалеке от дома и родных, студенты-иностранцы с большим интересом откликаются на учебный материал.

Теоретической базой предлагаемой учебно-методической разработки цикла занятий по РКИ являются идеи и принципы современной отечественной лингвокультурологии и теории языковой картины мира [Маслова, 2001; Зализняк, 2005], а также основы лингвистического анализа концептов [Радбиль, 2020]. Принятая в работе концепция формирования лингвокультурологической компетенции основывается на исследованиях И. П. Лысаковой, А. Л. Щукина и др. [Щукин, 2003; Методика обучения... 2019], направленных на усиление лингвокультурологической направленности преподавания, которая изучает «определённым образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, даёт системное описание языковой “картины мира” и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» [Методика обучения..., 2019, с. 56].

В нашей работе мы применяем коммуникативный подход в изучении русского языка как иностранного [Изаренков, 1990; Ланцева, 2013]: в материалах занятий имеются задания, стимулирующие интерес к тексту, к постановке указанной проблемы, в процесс обучения включаются различные материалы аудиовизуального ряда. Работа над темой рассчитана на 4 учебных часа. В качестве вспомогательного учебно-методического материала используются как собственные разработки автора, так и существующие учебно-методические пособия, направленные на формирование лингвокультурологической компетенции, например, пособие Н. В. Баско «Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян» [Баско, 2010].

В начале первого занятия студентам предлагается вспомнить слова, которые относятся к изучаемой теме. Это картинки с изображением ребенка, детей, влюбленной пары. Студентам предлагается назвать слова, соотнеся их с визуальным рядом. Задается вопрос: «Что вы видите на картинке? Назовите, как это звучит по-русски». В данном случае у студентов появится речевой стимул, а именно визуализация слов.

На первом этапе основной части занятия мы подключаем инфографику — слайды, взятые с сайта ВЦИОМ, которые очерчивают проблематику занятия и помогают ввести материал по изучаемой теме. Посредством работы со слайдом 1 осуществляется постановка проблемы: «Семья или карьера?» На слайде изображены две подруги, одна из которых собирается выйти замуж, а вторая отговаривает ее. Дается комментарий к слайду: 72% опрошенных россиян считают, что сначала нужно выстраивать семейные отношения, а лишь потом заниматься карьерой. Далее студентам предлагается вступить в дискуссию: «Что первично семья или карьера? Что важно для россиян? Что важно для граждан вашей страны?». Затем обсуждается слайд 2, посвященный проблеме: «Брак в России: вчера и сегодня». В формате инфографики ставится вопрос: «Для чего россияне вступают в брак? Для рождения детей, для того, чтобы был рядом близкий человек, чтобы чувствовать себя нужным, обустроить быт». Студентам предлагается разобрать материал слайда 2, в том числе ответить на вопрос: «Как считаете Вы? Выскажите свое мнение и попытайтесь его аргументировать». На слайде 3 представлен вопрос: «Плюсы и минусы семейной жизни: постановка проблемы». Обсуждаются следующие проблемы: «Семья ограничивает свободу обеих сторон, много времени нужно уделять решению бытовых вопросов, нужно много денег». В ходе занятия обучающиеся активизируют свои речевые навыки, с помощью преподавателя, группы, с опорой на инфографику вспоминают знакомую лексику по тематике семьи, вводят некоторые новые слова. В процессе обсуждения темы незнакомые слова обучающиеся ищут в интернет-словарях, что является эффективным тренингом поиска информации на русскоязычных сайтах.

На втором этапе основной части занятия обучающиеся читают фрагмент из рассказа С. Довлатова «Девушка из хорошей семьи» и отвечают на послетекстовые вопросы и задания:

- 1) В какой семье росла Маруся? Как вы думаете, как относились к Марусе родители?
- 2) Какие отношения складывались у Маруси с молодыми людьми в юности?
- 3) Кто в российской семье кем друг другу приходится? Назовите, кого называют золовкой, зятем, тещей?

Мы предлагаем изучить схему, на которой в удобной для восприятия графической форме представлены номинации всех членов семьи в русском языке после вступления в брак и изображена структура родственных отношений между ними. На данном этапе занятия обучающиеся отрабатывают нужные речевые навыки. Отметим, что адаптированный текст включает не более 5% новой лексики, которая пополняет словарный состав словаря студентов. Это такие слова, как *безупречный, поклонник, хамство, цинизм, ружьё, педант, порок*. Также

работа с текстом предусматривает активизацию в памяти уже знакомых слов: *молодожены, юноша, зять, теща* и т.п.

В качестве домашнего задания студенты пишут эссе на тему: «От чего зависят семейные ценности? Что формирует семейные ценности и приоритеты». В эссе должно быть не менее 15 предложений. Для облегчения работы предлагается предварительно составить план для эссе. Дается примерный план как образец:

Примерный план:

1. Что называют семейными ценностями.
2. Кто или что влияет на формирование семейных ценностей в моей стране.

На втором занятии используется работа с видеоматериалами. Обсуждаются отрывки из фильма Н. Михалкова «Родня». Вначале дается краткая справка о режиссере, сценаристе и актёрах фильма. Затем для облегчения усвоения аутентичного языкового материала, звучащего в фильме, перед просмотром обучающимся раздается текстовая распечатка всех реплик действующих лиц в отрывке. Также отдельным списком задаются речевые единицы: *здрасте-мордасти, козел, у тебя есть совесть, наплевать, дорогие вещи, теща, зять, дочь, умыться – умыть руки, тело, завалиться* и пр. После просмотра проводится обсуждение отрывка по примерным вопросам: «Как вы понимаете название фильма? Кого в России называют родней? Может ли бывший муж является родней? Какова роль бабушки в российской семье?».

На завершающем этапе второго занятия предлагается следующий тест, проверяющий степень усвоения содержания отрывка и языкового материала, использованного в нем:

1. Как зовут героиню фильма

- А) Наташа
- Б) нет имени
- В) Мария Васильевна

2. Как зовут героя просмотренного отрывка?

- А) в просмотренном отрывке не называется имя героя
- Б) Саша
- В) Тасик

3. Герой фильма является героине

- А) братом
- Б) другом
- В) зятем

4. Героиня фильма для героя является

- А) мамой
- Б) знакомой
- В) тещей

5. Станислав Петрович явился

- А) в свою квартиру для того, чтобы пообщаться

Б) в квартиру тещи для знакомства с ней

В) в свою квартиру за вещами

6. Мария Васильевна называет зятя

А) дорогим товарищем

Б) козлом

7. Станислав Петрович

А) хорошо относится к своей теще

Б) недружелюбен по отношению к ней

8. Героиня фильма

А) зовет своего зятя остаться в семье

Б) дает ему по лбу и тот уходит, опасаясь за свою жизнь

9. Когда героиня отрывка фильма приходит в кафе-ресторан, где сидит Станислав Петрович со своей подругой

А) она зовет его домой и приносит извинения публично

Б) она хочет помириться с ним, чувствуя свою вину за произошедшее ранее

В) она пришла поесть

10. Напишите значение выражения «Умойся» (запишите свой ответ)

11. Напишите значения выражения «У тебя совести нет!» ... (запишите свой ответ).

12. Можно утверждать, что у родственников в фильме

А. теплые отношения

Б. драматические отношения

13. Мария Васильевна пришла в кафе-ресторан для

А. того, чтобы помириться со своим зятем

Б. для того, чтобы поужинать

14. В просмотренном отрывке фильма упоминаются имена: Стасик, Лера, Мария Васильевна (ответ: да или нет)

А. да

Б. нет

15. Напишите значение выражение «Я поймал свою синюю птицу?»

А. к человеку пришла удача, ему повезло в чем-то

Б. человек заработал много денег

В. некто сходил на охоту и поймал птицу

16. Теща – это

А. мать мужа

Б. мать жены

По итогам цикла занятий обучающимся предлагается написать эссе на тему: «Что может разрушить современную семью (карьер, финансовые трудности, родственники и их советы, несоответствие ожиданиям партнера по браку)»? В эссе также должно быть не менее 15 предложений. Для облегчения работы обучающимся предлагается предварительно составить план для эссе.

Настоящее исследование показало, что изучение темы семьи и семейных ценностей на занятиях по русскому языку как иностранному оптимальным образом способствует формированию лингвокультурологической компетенции как знания идеальным говорящим / слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке. В целом предлагаемая учебно-методическая разработка должна способствовать активизации у обучающихся интереса к культурному и духовному опыту русского народа, отраженному в самых разнообразных фактах языка и речи, в текстах разных жанров на русском языке, в аутентичных кино- и видеоматериалах. Обучающиеся могут получить знания об отражении особенностей фрагмента русской языковой картины мира в области семьи и семейных ценностей в сравнении с концептосферой родного языка на различных уровнях языковой системы и ее речевой реализации.

Литература:

- Баско Н. В. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян. Учебное пособие по культурологии, развитию речи и чтению для изучающих русский язык как иностранный. 2-е изд. М.: Русский язык. Курсы, 2010.
- Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Изаренков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 54-60.
- Ланцева Е. А. Проблема отбора диалогических единиц в аспекте обучения коммуникативной грамматике русского языка как неродного // Гуманитарный вестник. 2013. Вып. 3 (5). URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/45.html>
- Методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие для вузов / И. П. Лысакова, Г. М. Васильева, С. А. Вишнякова и др.; под ред. проф. И. П. Лысаковой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Курсы, 2019. 320 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М.: Academia, 2001. 202 с.
- Радбиль Т. Б. «Самонизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
- Щукин А. Л. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учебное пособие. М. Высшая школа, 2003.

References:

- Basko N. V. *Znakomimsya s russkimi traditsiyami i zhizn'yu rossiyan* [Let's get acquainted with Russian traditions and the life of Russians], a textbook on cultural studies, speech development and reading for students of Russian as a foreign language, 2nd ed. Moscow, Russkiy yazyk. Kursy publ., 2010. 232 p. (In Russian)
- Zaliznyak A. A., Levontina I. B., & Shmelev A. D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the world], Col. of Art. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 2005. 544 p. (In Russian)

- Izarenkov D. I. *Bazisnyye sostavlyayushchiye kommunikativnoy kompetentsii i ikh formirovaniye na prodvnutom etape obucheniya studentov-nefilologov* [Basic components of communicative competence and their formation at the advanced stage of training non-philological students]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 1990, no. 4, 54-60. (In Russian)
- Lantseva E. A. Problema otbora dialogicheskikh yedinit v aspekte obucheniya kommunikativnoy grammatike russkogo yazyka kak nerodnogo [The problem of selecting dialogical units in the aspect of teaching communicative grammar of Russian as a non-native language]. *Gumanitarnyy vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2013, issue. 3 (5). URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/45.html> (In Russian)
- Lysakova I. P. (ed.). *Metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Methods of teaching Russian as a foreign language], textbook for universities, 3rd ed., stereotype. Moscow, Russkiy yazyk. Kursy publ., 2019. 320 p. (In Russian)
- Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], a textbook. Moscow, Academia publ., 2001. (In Russian)
- Radbil T. B. "Samoizolyatsiya" kak noveyshiyy russkiy kul'turnyy kontsept: kognitivno-diskursivnyy aspekt ["Self-isolation" as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2020, vol. 7, no. 4, 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774. (In Russian)
- Shchukin A. L. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methods of Teaching Russian as a Foreign Language], a textbook. Moscow, Vysshaya shkola publ., 2003.

Радбиль Т. Б.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского**«ЯЗЫК ЦЕННОСТЕЙ» В ИНТЕРНЕТ МЕДИА: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ
РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ КОНТЕКСТОВ⁴³**

В работе освещается проблема установления неявной языковой оценочности разных типов в интернет-дискурсе масс медиа посредством корпусного анализа. Научным инструментарием для анализа «языка ценностей» выступает обнаружение так называемых «репрезентативных контекстов», которые являются своего рода «тестом» на выявление потенциальной позитивной или негативной оценочности у номинаций, которые в системно-языковой интерпретации, отраженной в толковых словарях русского языка, либо никакой оценки не содержат, либо отражают оценку иного знака, нежели это характерно для дискурсной актуализации анализируемых слов. Материалы для исследования — языковые данные газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка. Исследуются такие репрезентативные контексты, как метаязыковой комментарий *в хорошем смысле (слова)*, метаязыковое употребление дискурсного слова *по-хорошему*, прилагательные *здоровый* (в новом значении ‘правильный, разумный, полезный’), *небезызвестный*, *пресловутый*, местоименное прилагательное *некий*, глаголы *погрязнуть*, *закоснеть*, *глумиться*, *осквернять*. Делается вывод о том, что предлагаемая в работе исследовательская процедура помогает объективировать оценочную реакцию говорящих на те или иные явления окружающей действительности, выраженную в их языке.

Ключевые слова: имплицитная оценка, медийный интернет-дискурс, корпусный анализ «языка ценностей», репрезентативные контексты, антиценности, псевдоценности

Timur B. Radbil

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

**“A LANGUAGE OF VALUES” IN THE INTERNET MEDIA: CORPUS ANALYSIS OF
REPRESENTATIVE CONTEXTS⁴⁴**

The work presents the problem of establishing implicit language evaluativeness of different types in the Internet discourse of mass media through corpus analysis. The scientific toolkit for analyzing the “language of values” is the discovery of so-called “representative contexts”, which are a kind of “test” to identify potential positive or negative evaluation of nominations that, in the systemic-linguistic interpretation reflected in explanatory dictionaries of the Russian language, have either no evaluativeness do not contain, or reflect an evaluativeness of a different register than is typical for the discourse actualization of the analyzed words. The materials for the study are the language data from

⁴³ **Финансирование:** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

⁴⁴ **Acknowledgements:** The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

newspaper corpora as part of the Russian National Corpus. Such representative contexts are studied as metalinguistic commentary *in a good sense (of the word)*, metalinguistic usage of a discourse word *in a good way*, adjectives *healthy* (in the new meaning 'correct, reasonable, useful'), *notorious, ill-famed*, pronominal adjective *certain*, verbs *to become bogged down, to fossilize, to mock, to desecrate*. It is concluded that the research procedure proposed in the work helps to objectify the evaluative reaction of speakers to certain phenomena of the surrounding reality, expressed in their language.

Keywords: implicit evaluation, Internet media discourse, corpus analysis of "a language of values", representative contexts, anti-values, pseudo-values

В работе обсуждается модель дискурс-аналитического исследования механизмов выражения имплицитной позитивной и негативной оценочности в языке интернет-СМИ посредством анализа корпусных данных. Мы исходим из того, что подлинный, объективированный в языковой деятельности говорящих «язык ценностей» не дан нам в непосредственном наблюдении, не представлен в эксплицитных суждениях о том, что такое хорошо и что такое плохо. Он рассеян по операционной среде языка, растворен в массиве конкретных высказываний на разные темы. Но его можно реконструировать по данным языка, т. е. выявить с помощью определенного языкового инструментария.

В наших предыдущих работах была обоснована процедура логического выявления «языка ценностей» с опорой на так называемые «репрезентативные контексты». Это «объективные языковые свидетельства, так сказать, «тесты», способные выявить наличие в некоей единице языка имплицитной оценочности, негативной или позитивной, которая будет именно объективно языковой оценочностью, заданной специфично языковыми средствами ее экспликации...» [Радбиль, 2011, с. 569]. Как нам представляется, доказательством того, что данный контекст действительно является репрезентативным, может послужить методика когнитивно-дискурсивного анализа «больших данных», эмпирический материал для которого могут дать корпуса текстов [Радбиль, 2020; Чернявская, 2023]. Именно в массиве корпусных данных могут быть выявлены стабильные узуальные коллокации — единицы непосредственного контекстного окружения анализируемого слова или выражения, в которых мы тем самым можем обнаружить коннотативно-оценочные преобразования. Материалом исследования, в силу вышеуказанных соображений, являются контексты, извлеченные из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Репрезентативные контексты, выявляющие псевдоценности

- **Репрезентативный контекст в хорошем смысле (слова).** Итак, в указанной выше работе [Радбиль, 2011] подробно рассматривался такой репрезентативный контекст, как употребление метаязыкового комментария *в хорошем смысле (слова)*. Именно этот рефлексив помог нам объективировать существование шкалы ценностей, т.е. своего рода градации ценностей, подлежащих эксплицитному или имплицитному языковому выражению. Всего выявлено 4 типа ценностей:

(1) на, так сказать, плюсовом полюсе находятся собственно ценности как отражение «абсолютного блага» — положительного полюса в аксиологических оппозициях типа *добро — зло, хорошо — плохо* и пр.: маркеры такой ценности плохо сочетаются с рефлексивом *в хорошем смысле слова* — **материнство в хорошем смысле слова, *подвиг в хорошем смысле слова, *добродетель в хорошем смысле слова* и пр.;

(2) на противоположном минусовом полюсе стоят антиценности, которые также плохо сочетаются с указанным метаязыковым комментарием — **негодяй в хорошем смысле слова, *зло / грех / порок в хорошем смысле слова* и пр.;

(3) в середине условной шкалы ценностей находится не-ценность, нулевая ценность как отражение нейтрального, не попадающего в сферу действия культурно-ценностных оппозиций явления, которое вообще находится вне ценностной иерархии, и это тип выявляется с помощью отрицательного языкового материала – плохой сочетаемости с рефлексивом *в хорошем смысле слова: *происшествие в хорошем смысле слова*.

(4) Кроме этого, мы постулировали наличие явлений специфической ценностной природы, которые занимают в предлагаемой иерархии промежуточное положение между ценностью «наверху» и антиценностью «внизу». Их как раз и можно именовать «ложная ценность», или «псевдоценность», безусловным языковым маркером которой и является возможность нормально употребляться с метаязыковым комментарием *в хорошем смысле слова*. Подлинные ценности (как, впрочем, и их антиподы — подлинные антиценности) безусловны и аксиоматичны [Арутюнова, 1999]. А вот псевдоценность в нашей концепции — это ценность не безусловная, не самоочевидная, она нуждается в каком-то обосновании и актуальна только при наличии некоторых дополнительных условий. Иными словами, это изначально что-то плохое (или просто внеоценочное), которое лишь в определенных обстоятельствах может расцениваться как нечто хорошее [Радбиль, 2011, с. 572]. Так, в примере: *«На мой взгляд, Черчесов — растущий и в хорошем смысле амбициозный тренер»* [НКРЯ, 2013.11.23] — можно увидеть отражение установки говорящего на оправдание понятия *амбициозный* в восприятии аудитории, которое по умолчанию, без прибавки *в хорошем смысле слова*, не воспринимается в носителями русского языка как безусловно подложительная оценка свойств лица.

- Репрезентативный контекст по-хорошему. Последующие исследования расширили круг репрезентативных контекстов, маркирующих псевдоценность. Прежде всего интерес в этом плане представляет слово *по-хорошему*. В основных русских толковых словарях лексема *по-хорошему* трактуется преимущественно как наречие, и ей приписаны следующие значения: 1. 'Разг. Хорошо, как полагается'; 2. 'Разг. Дружелобно, мирно' [МАС-III, 1987, с. 341]. Однако даже беглый взгляд на контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка, позволяет усмотреть случаи, не охватываемые словарными толкованиями. Так, лексема *по-хорошему* может выступать в функции частицы, характеризующей тип отношения говорящего к явлению, объекту, признаку, процессу, обозначенному опорным словом: *«В этом матче она была по-хорошему нетерпелива, пыталась забить с ходу любой мяч»* [НКРЯ, 2012.10.29]. Данные употребления являются **метаязыковыми**, т.е. содержат отсылку не к объективной реальной ситуации, а к способу ее обсуждения [Падучева, 2010]. Именно в таких, метаязыковых употреблениях слово *по-хорошему* выступает как индикатор такого специфического вида имплицитной оценочности, как «псевдоценность», т.е. актуализует в медиадискурсе интернета соответствующий репрезентативный контекст.

Так, в примере: *«Примерно равные по возрасту и потенциалу, наши парни за сезон стали настоящей «бандой» — яркой, агрессивной на трассе, по-хорошему хулиганистой»* [НКРЯ, 2012.03.12] — можно увидеть отражение установки говорящего на оправдание понятия **хулиганистый** в восприятии аудитории, которое по умолчанию, без данной «прибавки» по-хорошему, не воспринимается в русском языковом сознании как безусловно позитивная оценка свойств лица. Аналогично во фрагменте: *«И было по-хорошему завидно»* [НКРЯ, 2017.11.03] — едва ли адресат, при отсутствии сочетания безлично-предикативного слова *завидно* с метаязыковым употреблением слова *по-хорошему*, оценит чувство зависти как положительное.

- Репрезентативный контекст здоровый. Также выявлен еще одна группа репрезентативных контекстов, маркирующих псевдоценность. Это например, прилагательное *здоровый* в активизировавшемся в наше время переосмысления ценностей переносом значения 'правильный, разумный, полезный' [*здоровый эгоизм*], например: «*Здоровая конкуренция разве не поможет снизить ставки, так сказать, естественным путём?*» [НКРЯ, 2021.12.24]; «*Россия при формировании своих подходов будет руководствоваться идеологией **здорового консерватизма**, значение которого в последнее время многократно выросло...*» [НКРЯ, 2021.10.21]; «*Наверное, это сочетание молодости, когда еще существует недостаток общения с людьми, занимающими положение в обществе, и **здоровых амбиций**, которые позволили Никанору достичь определенных результатов*» [НКРЯ, 2021.09.01]; «*Впрочем, тот хотя бы предавался **здоровой похоти** с неведомой распутницей из подворотни, обойдясь без циничного попрапия новобрачных уз*» [НКРЯ, 2020.11.29].

- Репрезентативные контексты *небезызвестный, пресловутый, некий.* В ряде контекстов, помимо псевдоценности, может маркироваться и антиценность: прилагательные *небезызвестный, пресловутый* в значении 'известный в каком-то негативном плане', местоимение *некий* в значении 'не заслуживающий внимания'. Специфика этих репрезентативных контекстов состоит в том, что они реализуются применительно к одушевленным номинациям (*небезызвестный политик, пресловутый деятель, некие киберпреступники*) и часто имеют установку на выражение иронии:

Маркеры выражения псевдоценностей: «— *Денег нет, но вы держитесь, — как сказал один **небезызвестный персонаж***» [НКРЯ, 2018.10]; «*Пресловутые либералы и сопутствующие СМИ сами эту ненависть и разжигают*» [НКРЯ, 2017.10]; «*Пришла информация, что в Челябинске **некий деятель** взял ружьё и расстрелял собаку*» [НКРЯ, 2021.01];

Маркеры выражения антиценностей: «*Саудовцы прибегают к помощи **небезызвестных террористов***» [НКРЯ, 2016.07]; «*Но **пресловутые хейтеры**, конечно, в меньшинстве*» [НКРЯ, 2020.07]; «*Некие **киберпреступники** атаковали, как пишут газеты, большие сотни учреждений на территории США, включая Пентагон, Минфин, Госдеп*» [НКРЯ, 2020.12].

Последние репрезентативные контексты обращают наше внимание на то, что в реальной речевой практике грань между псевдоценностями, которые занимают срединное положение на постулируемой «шкале ценностей», собственно ценностями, стоящими на ранг выше, и антиценностями, напротив, стоящими на ранг ниже, подвижна и текуча. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что должны быть репрезентативные контексты, маркирующие не только псевдоценности, но также и (+) или (—) ценности.

Репрезентативные контексты, выявляющие анти-ценности

- Репрезентативный контекст *погрязнуть в X.* В словарных толкованиях этого глагола потенциально уже содержится возможность негативно-оценочной импликации в дискурсе: '*перен., в чем. Оказавшись в каком-либо трудном, неприятном, предосудительном и т.п. положении, не найти сил, возможности выйти из него. Погрязнуть в долгах. Погрязнуть в невежестве. Погрязнуть в разврате*' [МАС-Ш, 1987, с. 170]. В наивной аксиологии русского языка то, в чем можно «погрязнуть», «по умолчанию» следует рассматривать, выражаясь в духе А. Вежибкиной, как «что-то плохое». Употребление слова или выражения в контексте *погрязнуть в чем-то* диагностирует имплицитную негативную оценочность объекта данного действия. Трудно представить, к примеру, такие употребления, как **погрязнуть в материнстве, счастье,*

милосердии и пр., порожденные в экстенциональном контексте, в режиме прямого, непринципиального употребления. Со словами и выражениями, обозначающими **«нулевую ценность»**, данный контекст реализуется также плохо, только если в ироническом, индивидуально-речевом употреблении (*погрязнуть в работе, в ремонте* и т.д.). Итак, репрезентативный контекст *погрязнуть в X* является маркером абсолютной аксиоматической **анти-ценности** (*погрязнуть в пьянстве*) или **псевдо-ценности**, т.е. явления, которое вообще по умолчанию является для носителей языка негативным, но при каких-то условиях может рассматриваться и как позитивное (*погрязнуть в потреблении*).

Маркеры выявления абсолютных, аксиоматических антиценностей: *«В результате нефтяники теряют доходы, от снижения прокачки страдает «Транснефть», а отечественный нефтесервис, проблемный и до пандемии, окончательно погряз в убытках»* [НКРЯ, 2020.12]; *«По ее словам, ливанские чиновники погрязли в коррупции, поэтому им нельзя доверять»* [НКРЯ 2020.08]; *«В «Опасных связях» показано погрязшее в разврате парижское общество накануне французской революции»* [НКРЯ, 2019.10]. — Дополнительным доказательством того, что в данных контекстах репрезентированы именно антиценности, а не псевдоценности, служит отсутствие в корпусе примеров сочетаемости слов *убытки, коррупция, разврат* с рассмотренным ранее рефлексивом *в хорошем смысле (этого) слова* — иначе говоря, нельзя, с точки зрения носителя языка, сказать что-то типа **долги в хорошем смысле слова, хаос / разврат / коррупция в хорошем смысле слова* и под.

Маркеры выявления псевдоценностей: *«Будем добиваться принятия данных поправок: мы не должны допустить, чтобы учёные погрязли в бесконечных торгах и антимонопольных спорах!»* [НКРЯ, 2021.07]; *«В чем заключается самый неожиданный недостаток социального дистанцирования сегодня, когда мы погрязли в виртуальных конференциях?»* [НКРЯ, 2020.11]; *«Но уже через месяц, поняв, что погрязла в домашнем быту, приздумалась: “Чем бы таким заняться, чтобы не деградировать?”»* [НКРЯ, 2020.03]. — Отметим, что при дополнительном тестировании с метаязыковым комментарием *в хорошем смысле слова*, выявленные маркеры псевдо-ценности ведут себя иначе. Вполне допустимы такие употребления, как *виртуальные конференции в хорошем смысле слова, домашний быт в хорошем смысле слова, антимонопольные споры* и пр.

- **Репрезентативный контекст закоснеть в X**. Новый, еще не обсуждавшийся ранее контекст, маркирующий абсолютную или потенциальную антиценность — **глагол *закоснеть***. Словари дают такое толкование: *‘Погрязнуть в чем-либо, потерять способность к дальнейшему развитию, совершенствованию’* [МАС-І, 1985, с. 571]. Как и в случае с глаголом *погрязнуть*, в наивном языковом сознании носителей языка едва ли можно *закоснеть в чем-то хорошем* (**закоснеть в милосердии, сострадании* и пр.).

Как и в случае с контекстом *погрязнуть*, репрезентативный контекст *закоснеть* маркирует абсолютные и потенциальные антиценности, а также псевдоценности.

Маркеры выявления абсолютных, аксиоматических антиценностей: *«Я давно заметила: европейская общественная мысль настолько за последние 30 лет закоснела в догматизме и кликушестве!»* [НКРЯ, 2008.09.22]; *«Социалисты молодого поколения, в свою очередь, утверждают, что закосневшая в устаревших идеологических схемах партия не оказала должной поддержки своему кандидату, и настаивают на ее коренном обновлении»* [НКРЯ, 2007.05.11]; *«Смелость по тем временам оглушительная — критика мелкого и среднего начальства, закосневшего в своей глупости и чванливости, не желающего идти навстречу простым гражданам»* [НКРЯ, 2003.09.05].

Маркеры выявления псевдоценностей: «Все его существование — укор многим священнослужителям, вконец *закосневшим в своей привычке к комфорту*» [НКРЯ, 2006.09.11]; «*Затулин заявил, что президент республики “уже совершенно закоснел в своем властолюбии”*» [НКРЯ, 2020.08.13]; «*Он очень подвигнен — как сама эта душа, надо постоянно искать новые формы его подачи, не давать ему закоснеть в псевдотрадициях*» [НКРЯ, 2005.03.15].

Нетрудно видеть, что выявленный нами и протестированный репрезентативный контекст *закоснеть* обладает схожими свойствами по отношению к разобранным ранее контекстам *погрязнуть*, что в принципе объяснимо в силу общих компонентов толкования для этих глаголов. Однако в ряде случаев можно говорить и об определенных семантических различиях, которые проявляют себя не абсолютно, но в качестве тенденции употребления. В концептуальной схеме, стоящей за глаголом *погрязнуть*, имеется потенциальный семантический компонент активного действия 'прилагать усилия, действовать в определенном направлении': нельзя, например, погрязнуть в коррупции, ничего не делая, не осуществляя некоторый действий. В общем это контролируемый глагол. Глагол *закоснеть*, напротив, имеет в своем семантическом представлении потенциальную идею бездействия, стагнации, поэтому обозначаемое глаголом состояние может наступить помимо воли и желания субъекта — это глагол неконтролируемый. Поэтому глагол погрязнуть может употребляться при объектах с событийной семантикой — *погрязнуть в торгах, в пробках* и пр., тогда как глагол *закоснеть*, обозначающий состояние, тяготеет к использованию при объектах с семантикой ментального, внутреннего состояния, моральной характеристики, или при объектах, обозначающих не реальные, а концептуальные сущности — нельзя **закоснеть в торгах, в пробках*.

Репрезентативные контексты, выявляющие подлинные положительные ценности

- **Репрезентативный контекст *глумиться над X*.** Этот репрезентативный контекст в определенном смысле противоположен по отношению к проанализированным выше. Его семантические и прагматические особенности идеально подходят для диагностики наличия в слове потенциальной языковой оценочности. Во-первых, в уже ассертивной зоне своей семантики этот глагол имеет негативную оценку 'злбно и оскорбительно издеваться, зло насмехаться над кем-л./ чем-л.' [МАС-1, 1985, с. 317]. Во-вторых, он, видимо, имеет и лингвопрагматические ограничения на употребление в форме I л. ед.ч. (**я глумлюсь*), в меньшей степени — в форме I л. мн.ч. (**мы глумимся*) — в «серьезном», т.е. не ироническом, не риторическом и не косвенно-речевом контексте употребления, так как в кооперативной коммуникации принято скрывать подобные иллокутивные силы, а не эксплицитировать их от лица говорящего — см. концепцию «иллокутивного самоубийства» З. Вендлера [Вендлер, 1985, с. 238–251]. Отсюда следует, что *глумиться* можно либо над чем-то безусловно, аксиоматически «хорошим» (*глумиться над святыней*), либо над чем-то нейтральным, но имеющим потенциал общественно-значимой внеязыковой положительной коннотированности в социуме (*глумиться над ребенком, инвалидом* и пр.), но никак нельзя *глумиться* над «чем-то безусловно, аксиоматически плохим» (**глумиться над пороком, мерзавцем, преступлением* и под.). Таким образом, этот глагол является все же маркером абсолютной или потенциальной положительной оценочности в дискурсе.

Маркеры выявления абсолютной, аксиоматической положительной ценности: «Представленный им психолого-лингвистический анализ показал, что юмористический скетч не только оскорбляет достоинство Героя Советского Союза, но и реабилитирует фашизм, и глумится над российскими ценностями» [НКРЯ, 2019.12]; «Перенес действие из куртуазной гостиной XVIII века в бункер третьей мировой, он наделил своих героев надрывным цинизмом

современных интеллектуалов, привыкших бродить над пропастью и глумиться над святынями» [НКРЯ, 2007.03]; «Не дам глумиться над нашими героями! Надеюсь, что жители нашего города, да и граждане нашей страны поддержат меня!» [НКРЯ, 2018.07]. — Нетрудно видеть, что данные явления не имеют потенциала снижения ценностного регистра на ценностной шкале до статуса псевдоценностей, что и подтверждается отсутствием возможности для них нормально сочетаться с рефлексивом в хорошем смысле слова. В частности, в корпусе — в прямом, т.е. неироничном, метафорическом, нериторическом, контексте — НЕ зафиксированы употребления типа **ценности в хорошем смысле слова, *святыни в хорошем смысле слова, *герои в хорошем смысле слова* и под.

Маркеры выявления потенциальной положительной ценности внеязыкового характера: «Цель закона, по его словам, — “чтобы никто не позволял себе глумиться над флагом, гербом”» [НКРЯ, 2019.07]; «Но молча наблюдать, как безбожники глумятся над религией, я не смогу и не собираюсь!» [НКРЯ, 2020.10]; «Как его используют средства массовой информации, политики, юристы, сотрудники правоохранительных органов, которые измываются, глумятся над языком, — отметил профессор в интервью РБК» [НКРЯ, 2019.11]. — Для слов этой группы позитивная оценка не отражена в словарях или пометах, но имплицитно присутствует в словах в виде потенциальной семы или коннотации, которая часто реализуется в совокупности контекстов их употребления. Например, флаг, герб как атрибутика государства во внеязыковом плане оценивается как нечто значимое, важное, положительное (так же и религия, язык).

- **Репрезентативный контекст осквернить X.** Словари дают следующие толкования для этого глагола: 1. ‘Рел. Нарушить чистоту чего-л., сделать нечистым’; 2. ‘Оскорбить, унижить, запятнать чем-л.’ [МАС-II, 1986, с. 646]. Нетрудно видеть наличие некоторых общих компонентов толкований у этого глагола и у рассмотренного ранее глагола *глумиться*. Это обуславливает возможность слова *осквернить* вести себя в дискурсивной реализации схожим с глаголом *глумиться* образом, т.е. выступать в роли репрезентативного контекста, маркирующего абсолютные или потенциальные положительные ценности.

Маркеры выявления абсолютной, аксиоматической положительной ценности: «Парень пытался успокоить, те приняли осквернять религиозные ценности дагестанца» [НКРЯ, 2012.06.23]; «В конце концов, в православных семьях, чьи святыни они оскверняли, тоже есть дети» [НКРЯ, 2012.08.20]; «События потрясают и оскверняют самые святые чувства людей — чувства любви к своей семье и детям» [НКРЯ, 2008.01.31].

Маркеры выявления потенциальной положительной ценности внеязыкового характера для говорящего: «Пользователи обвиняли ее в том, что она зарабатывает деньги, оскверняя свою страну и ее народ» [НКРЯ, 2019.01.24]; «Мы вообще не позволяли себе осквернять флаги, символы государственные...» [НКРЯ, 2017.03.21]; «И мы не имеем права осквернять этот язык беспамятством» [НКРЯ, 2009.05.24].

При этом мы можем поставить вопрос о семантических различиях между этими репрезентативными контекстами. Видимо, контекст *осквернить*, в силу книжного характера лексемы, имеет обязательно ориентацию на выражение дискредитации ценностей высокого духовного, религиозного или нравственного содержания, в силу чего слабо сочетается с номинациями, не имеющими в своей семантике требуемых смысловых компонентов; так, *осквернять* практически не сочетается с одушевленными существительными, в отличие от *глумиться* (*глумиться над стариками, инвалидами, женщинами, детьми* и под.), но вполне узуально сочетается с обозначениями сверхъестественных существ.

В целом предлагаемая исследовательская модель выявления имплицитной оценочности посредством репрезентативных контекстов по данным корпусов, как нам представляется, позволяет выявлять неявные, но при этом объективно существующие в языковом сознании носителей языка ценности, обнаруживая отношение говорящих к тем или иным явлениям окружающей жизни, выраженное в языке.

Литература:

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 238–251.
- Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
- Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. С. 569–573.
- Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
- Словарь русского языка: в 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой (МАС). 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. I. А–Й. 1985. 696 с.; Т. II. К–О. 736 с.; Т. III. П–Р. 1987. 750 с.
- Чернявская В. Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 58–72. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72

References:

- Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [A Language and a Human World], Moscow, Iazyki russkoi kul'tury publ., 1999. 896 p. (In Russian)
- Wendler Z. Illokutivnoye samoubiystvo [Illocutionary suicide]. In *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], issue 16. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress publ., 1985, 238–251. (In Russian)
- Paducheva E. V. *Semanticheskiye issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic Studies: Semantics of Time and Aspect in the Russian Language; Semantics of Narrative], 2nd ed. Moscow, Languages of Slavic culture publ., 2010. 480 p. (In Russian)
- Radbil T. B. “Yazyk tsennostey” v sovremennoy russkoy rechi i puti yego ischisleniya [“The language of values» in modern Russian speech and the ways of its calculation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod], 2011, no. 6 (2), 569-573. (In Russian)
- Radbil T. B. “Samoizolyatsiya” kak noveyshiyy russkiy kul'turnyy kontsept: kognitivno-diskursivnyy aspekt [“Self-isolation” as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communication Studies], 2020, vol. 7, no. 4, 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774. (In Russian)
- Yevgen'yeva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language], in 4 vol., 3rd ed., stereotype. Moscow, Russkiy yazyk publ., 1985–1988. Vol. I, A–Y, 1985. 696 p. Vol. II, K–O, 736 p. Vol. III, P–R, 1987, 750 p. (In Russian)
- Chernyavskaya V. E. Deonticheskoye znachenie i pragmatika pereimenovaniy v praktike politicheskoy korrektnosti [Deontic meaning and pragmatics of politically correct renaming]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2023, vol. 21, no. 3, pp. 58–72. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21- 3-58-72 (in Russian)

Рожков Г. А., Наумова Е. В., Дмитриева Д. С.
Санкт-Петербургский химико-фармацевтический университет

РАЗВИТИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ: ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ

Данная статья посвящена актуальной для нашего времени проблеме - развитию коммуникативных навыков в новых реалиях. Задача по развитию дополнительных (языковых) профессиональных компетенций представляется сложной априори и, тем более, имеет свои особенности в контексте обучения студентов неязыкового вуза. В статье представлен краткий обзор научно-образовательных мероприятий, которые могут послужить примером удачного освоения дополнительных профессиональных (языковых) компетенций. В данной статье дается описание двух программ: 1) направленной на развитие навыков написания научной работы и перевода статей с/на английский язык; 2) направленной на развитие навыков делового общения в профессиональной и/или иноязычной среде. В конце статьи кратко представлены результаты внедрения вышеупомянутых программ в период с 2021 по 2023 годы.

Ключевые слова: языковые компетенции, неязыковой вуз, дополнительные образовательные программы, перевод, межкультурная коммуникация, деловая коммуникация

Grigory Rozhkov, Elena Naumova, Dina Dmitrieva
Saint-Petersburg State Chemical Pharmaceutical University

ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES AND PROFESSIONAL SOFT SKILLS DEVELOPMENT: EXTRA-CURRICULAR PROGRAMS

The present article is devoted to a contemporary problem of developing communicative skills in the new circumstances. The aim of developing extra (linguistic) professional competences is, a priori, a difficult one to achieve; moreover, it has its significant features in terms of educating students of a non-linguistic educational institution. The article provides an outline of the academic and scientific activities, which may serve as an example of achieving success in developing the extra professional (linguistic) competences. The given article gives an overview of two programs: 1) aimed at developing academic writing and Russian↔English translation skills; 2) aimed at developing business communication skills in professional and/or international settings. The educational and professional results achieved upon the completion of these programs in 2021-2023 are presented in the conclusion of the article.

Keywords: language competence, non-linguistic educational institution, extra academic activities, translation, intercultural communication, business communication

The Academic and Scientific Research Center of Foreign Languages and Cross-Cultural Communication at SPCPU launched a number of educational programs aimed at enhancing the linguistic competences among the students. The academic programs, further discussed in this article,

are designed for students of all the post-graduate academic degrees: Master's degree, post-graduate studies, as well as continuous education courses designed for the university staff.

Academic writing skills development program

This is one of the two further education programs under discussion in the present article. It is steered towards developing and/or improving the academic writing skills among the post-graduate students and staff members. Initially launched in 2021, it is an on-going program which had revealed the students' motivation in enhancing their academic writing skills. The program consists of a range of online lessons and seminars designed at improving the general knowledge of academic vocabulary and grammar, supplemented with translation skills and strategies. The translation strategies and their further application in academic research environment is based on the ability to create TM (Translation Memory) database within the CAT (Computer-Assisted Translation) software and to apply it in instances when the article needs to be translated into English for its further publication in academic research journals worldwide.

CAT (Computer-Assisted Translation) is a type of machine translation performed by using a computer or any other computer-based device. It is also frequently referred to as "automated translation" [Weber, 2014, p. 92]. CAT include a wide range of tools, which not only simplify, but also accelerate the translation process, a feature which is essentially important when translating unified texts containing repetitive information as well as precise scientific data (e.g., scientific (chemical, physical, biological) formulae, processes, tables, graphs, diagrams, and terms).

TM (Translation Memory) is one of the CAT tools [Weber, 2014, p. 92]. It enables the users to create a TM database, i.e. and electronic dictionary database specifically designed to meet the translation needs in accordance with a particular topic or area of academic expertise, e.g., pharmacy, biotechnology, linguistics, electrical mechanics, etc.

Developing linguistic competences in any higher education institution is intertwined with developing professional skills, in particular soft skills. These competences are indicated in the Federal Educational Standard and are narrowed down to two major professional competences, both of which imply the students' "preparedness to participate in local and international research work groups aimed at solving solely academic and academic research goals" as well as "the preparedness to apply up-to-date methods, techniques and technologies in the process of academic and scientific research-related verbal/non-verbal communication in any international language" [Weber, 2014, p. 92].

The program encompassed the theory and practice and was thus subdivided into two main blocks to comply with the educational goals. The theoretical section was devoted to general linguistic topics, aimed at developing and improving the basic English language academic writing skills, i.e., English academic style and its key features, basic business communication rules, etc. The practice section included topics designed to develop the main translation skills, editing and post-editing skills when writing academic texts in the English language. The course also contains and overview of the tools and software (e.g., PROMT, TRADOS, MemoQ, etc) to develop a better understanding of how to work with these tools and to apply them in academic research.

In general, launching this program was a timely decision as it was initiated in a time when online-learning reached its peak, thus, resulting in positive quantitative and qualitative learning outcomes: a) the average number of students enrolled and completed the program; b) the accessibility of the program due to its online format; c) the positive academic results and positive feedback from the students.

Business communication skills development program

The second program under the discussion in the given article is designed to achieve the following goals: 1) to develop business communication competences necessary to apply in an English-speaking environment; 2) to develop communication skills which would allow initiating a constructive and productive process of communication in an international cultural environment; 3) to acquire first-hand knowledge and experience of working in a team; 4) to develop business communication competences enabling the students to apply them in an intercultural English-speaking environment.

The program includes the following topics, in which the students should obtain a basic level of expertise upon the course completion: ethnocultural stereotypes and how to avoid them; cultural diversity and etiquette; avoiding and resolving conflicts. Other soft skills and their development within this program include: business correspondence, telephone conversations and holding business meetings in an English language environment, etc. This program is designed for students with an Intermediate level of English and higher.

Some of the topics discussed within the program include:

- How to start and to end conversation in English?
- Socialising In English.
- How to make a “small talk”?
- How to Improve Your Listening Skills and How To Ask Questions In English!
- Improving your pronunciation.
- How to read IPA?
- How Body Language Can Improve Your Communication Skills!
- How to express emotions in English?
- How To Be A People Magnet
- Telling Jokes and Stories In English!
- How to write e-mail in English?
- How to make presentation in English?
- Describing Business Strategy in English.
- How to negotiate in business?
- Attending business meetings
- English job interview
- How to understand English native speakers?
- Telephone conversations in English

The following teaching methods were used within this program: role-play; business cases analysis; students' project presentations; business talks and meetings with international partners; work in small groups/teams, etc.

This article considers the simulation role-playing method as an example of the methods effectively used in the program. According to a number of authors, the role-playing method is one of the most effective gaming methods [Yusupova, 2016, p. 674] and involves participants playing roles that recreate typical situations of intercultural communication [Rozhkov, 2021, p.33].

The role-playing game serves as an “arena” for demonstrating innovations, to show how theoretical concepts can be applied in near-real conditions. Optimal conditions are created for listeners to develop and express their own opinions, justify their point of view, and overcome psychological barriers.

As an example of the simulation role game (SRG) used in the Program the SRG “1st International Conference of BRICS’ Consortium on Drugs Development” could be mentioned. As it is well known, there are three major stages of the SRG: 1) preparation stage; 2) implementation stage; 3) feedback and analyses.

In preparing the RGS scenario, the professional interest and potential skills of the pharmaceutical students were considered.

Stage 1 - preparation stage.

The students were presented the purpose of the SPG aimed to meet the demand of BRICS member countries in order to optimize the process of new drugs production.

The participants of the SRG were instructed that one of the effective ways to develop cooperation between BRICS countries in pharmaceutical industry could be a creation of the BRICS Concern. The main purpose of the “would be” Concern will be manufacturing and launching new medicines to the market.

Introducing the SRG to the participants it was suggested that the Meeting/Conference needs to be organized to bring together the leading pharmaceutical companies from BRICS countries to decide what Concern department each of the country will be responsible for during a particular cycle of drug development.

Students were split into five groups to represent delegations of the major BRICS countries: Brazil, Russia, India, China and South Africa.

Each group/delegation has elected a group leader (head of the delegation). In the SRG, each delegation represented the following leading pharmaceutical companies: Bionovic (Brazil), Pharmasintez (Russia) Dr. Reddy’s Laboratories (India), Sinopharm (China), Aspen Pharmacare (South Africa).

It was explained to the participants that pharmaceutical companies representing each country were selected in accordance with their positions on the world market. Each group/delegation were given introductory notes of the company they represent.

Leaders of the delegation and participants were explained that at the Conference each company has to present to other participants’ strong argument why the company could lead one of the Consortium departments - Regulatory Department, PR Department, Innovation Department Quality Control Department, and Manufacturing Department.

Stage 2 - The Role Game Implementation.

On the day of the Game the teacher/moderator invited participants to the Conference and announced the following Agenda:

- Greetings to all delegations, designation of the purpose and missions of the Conference
- Statement of tasks to be solved at the Conference
- Selection of the company/country to be responsible for each department.

The key points of the SRG were each company presenting strong arguments to lead the selected Concern department and persuade the other participants/delegations to vote for the company.

During the preparation stage, students worked in teams to develop effective and solid arguments for discussion to help them win the support of the other teams.

Below are the extracts from the presentation of “Aspen Pharmacare” (South Africa) prepared by the students.

“Aspen Pharmacare Goals: supervising Concern Manufacturing Department and PR Department. “Aspen Pharmacare”, being a multinational pharmaceutical company, greatly values its partners and is ready to assist in any questions regarding support. Speaking about quality control, which “Aspen Pharmacare” values on a par with the production stage, the company is ready to give leadership to Russian partners, since it appreciates their scrupulousness and accuracy. The company also heard about the desire of “Bionovic” (Brazil) to get into the main department - well, Aspen sees nothing wrong about that, and would support “Bionovic” not only in terms of leadership in the regulatory (main) department, but also in organizing PR activities for the entire Concern”.

It is worth mentioning here that all teams were very active during the role-play game and put their greatest effort to advocate their positions. In many cases, members of the team would support the presentation of the team leader and would find additional arguments in the course of the game discussion.

Stage 3 - Feedback and analyses of the SRG.

To get the feedback of the SRG, students were asked to fill in a short questionnaire and to describe the most difficult and the most interesting parts of the SRG. Many students have indicated that the most interesting and challenging part of the SRG was to work in teams and prepare proper arguments for discussion. In their answers, students have also mentioned that during the preparation stage they had a chance to familiarize themselves with the development of pharmaceutical industry in BRICS countries using the information resources available in English. Many students found the research they have done very important in improving their professional skills and competences.

Conclusion

The present study shows a further necessity to launch such or similar further educational and extracurricular programs. The results of the surveys, held as part of the research, have clearly illustrated the students’ motivation towards acquiring new academic skills and soft skills in addition to their regular curriculum. The research results have also shown the effectiveness in reaching a higher level of proficiency in various learning formats - online, offline and hybrid form - applied in the process of launching and incorporating the extracurricular programs described in this article.

Литература:

- Вебер Е. А. САТ-программы на службе переводчика //Евразийский Союз Ученых. 2014. №7-7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cat-programmy-na-sluzhbe-perevodchika> (дата обращения: 20.10.2023).
- Рожков Г. А. Моя твоя понимает: Практическое пособие по обучению искусству бизнес-коммуникаций и переговорному процессу в поликультурной среде. Санкт-Петербург : АНО РОССИКА «Лики», 2021.

Юсупова Л. Г. Об актуальных аспектах изучения межкультурной коммуникации в вузе // Вестник Башкирск. ун-та. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-aktualnyh-aspektah-izucheniya-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-vuze> (дата обращения: 20.10.2023).

References:

Weber E. A. CAT-programmy na sluzhbe perevodchika //Evrazijskij Soyuz Uchenyh. 2014. №7-7. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/cat-programmy-na-sluzhbe-perevodchika> (Date of access: 20.10.2023).

Rozhkov G. A. Moya tvoya ponimaet: Prakticheskoe posobie po obucheniyu iskusstvu biznes-kommunikacij i peregovornomu processu v polikul'turnoj srede. Sankt-Peterburg: ANO ROSSIKA "Liki", 2021.

Yusupova L. G. Ob aktual'nyh aspektah izucheniya mezhkul'turnoj kommunikacii v vuze // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2016. №3.

URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/ob-aktualnyh-aspektah-izucheniya-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-vuze> (Date of access: 20.10.2023).

ДОСТОЕВСКИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье дается анализ отдельных фрагментов переводов произведений Ф. М. Достоевского «Игрок», «Униженные и оскорбленные», «Записки из мёртвого дома» и «Идиот» на китайский язык, с целью выявления их проблемных мест, классификации ошибок и определения причин их возникновения. Выдвигаются тезисы о том, что перевод — это не объективное отражение оригинала, а продукт, прошедший сквозь призму субъективного понимания переводчика, а также о том, что любой перевод всегда сопряжён с определёнными смысловыми, образными или стилистическими потерями. Новизна заключается в выборе никем не анализировавшихся ранее фрагментов текста произведений Ф. М. Достоевского на китайском языке. В конце делается вывод о том, что причины ошибок и шероховатостей в переводах произведений Достоевского лежат как в области компетенции переводчиков, так и в характеристиках текста оригинала, которому присущи большая связность и глубина.

Ключевые слова: Достоевский, китайский язык, проблемы перевода, семантическое поле, смысловые потери

Aleksei V. Rudykh

Pacific National University

DOSTOEVSKY: PROBLEMS OF TRANSLATION INTO CHINESE

The article analyzes some fragments of translations of F. M. Dostoevsky's works "The Player", "The Humiliated and Insulted", "Notes from the Dead House" and "The Idiot" into Chinese in order to identify their problem areas, classify errors and determine the reasons for their occurrence. The thesis is put forward that translation is not an objective reflection of the original, but a product that has passed through the prism of the subjective understanding of the translator, and that any translation is always associated with certain semantic, figurative or stylistic losses. The novelty lies in the choice of fragments of the text of F. M. Dostoevsky's works in Chinese, which have never been analyzed before. In the end, it is concluded that the causes of errors and roughness in translations of Dostoevsky's works lie both in the competence of the translators and in the characteristics of the original text, which is characterized by greater coherence and depth.

Keywords: Dostoevsky, Chinese language, translation problems, semantic field, semantic loss

Известно, что любому, даже очень профессиональному переводу, присущи определённые смысловые, стилистические и иные потери. В доказательство этого утверждения можно привести слова переводчицы текстов Достоевского на итальянский язык Елены Маццолы: «Я убедилась в том, что итальянская публика до сих пор не читала Достоевского, а, по сути, познакомилась с некоторыми редукциями его произведений» [Маццола, 2018, с. 118].

Т. Н. Красавченко, в своей статье «Достоевский: новые англоязычные переводы и исследования», пишет, что, сделанный Николасом Пастернаком-Слейтером (племянником Б. Л.

Пастернака), перевод романа «Преступление и наказание» на английский язык является очень качественным, но и он не идеален [Красавченко, 2018, с. 129]. Например, сложностью для переводчика стала передача имён, используемых автором для характеристики персонажей. Символизм имён Раскольникова (раскол), Порфирия Петровича (порфир – горная порода, Пётр – камень), Лебезятникова и др. был передан не в тексте, а лишь в комментариях предисловия. По мнению Красавченко, применяя такого рода экспликацию, переводчик как бы расписался в невозможности остаться незамеченным и передать всю полноту смыслов напрямую в тексте перевода.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что проблемы перевода не имеют лингвистической привязки и являются актуальным вопросом для любой языковой пары.

В статье нас будет интересовать перевод произведений Достоевского на китайский язык и сопряжённые с этим процессом трудности. На них было указано Т. А. Касаткиной, писавшей, что «фундаментальная проблема переводов текстов Достоевского на любые языки связана с тем, что он задействует в своем тексте слово не в его ограниченности контекстом, но в полноте его смыслового поля. Причем каждая из областей этого смыслового поля актуализируется в разных связях на разных уровнях, создавая очень глубокий текст очень высокой связности» [Касаткина, 2020, с. 119]. В качестве примера неисчерпаемого смыслового поля, например, слова «восторг» в романе «Братья Карамазовы» можно указать на статью В. Г. Мехтиева. Исследователь, сосредоточившись на композиции слова «восторг», делает справедливый вывод: «Диалогичность слова в прозе Достоевского получает максимальное выражение, и в этом отношении оно глубоко объективно и представляет изображенный писателем мир в самых разных смысловых, эмоциональных и даже интонационных ракурсах <...> Одно или несколько его значений вряд ли могут быть квалифицированы как законченный образ человека, его сознания, образа действительности» [Мехтиев, 2023, с. 56].

Трудности тем более резко бросаются в глаза, когда ставится задача перевода текста, рожденного в рамках определенного национально-культурного «кода», на язык, который отличается совершенно иными родовыми признаками, следовательно, отразившимися в нем уникальными представлениями о мире. Речь в настоящем случае идет о переводе текстов Достоевского (одного из самых национальных писателей) на китайский язык. Важно понять, с какими трудностями сталкиваются китайские специалисты, предпринявшие попытку переложения произведений русского писателя на китайский язык. Тем более, что в последние десятилетия интерес китайских читателей, критиков, литературоведов к творчеству Достоевского только усиливается [Рудых, 2022, с. 117].

Для анализа в статье взяты тексты не во всей их совокупности, а лишь те аспекты языка Достоевского, которые оказались труднопереводимыми. Ограничимся лишь отдельными фрагментами из разных переводных текстов писателя. Обратимся к девятой главе первой части романа «Идиот». В диалог князя Мышкина с Настасьей Филипповной вмешивается Фердыщенко: «О, господи, каких бы я вещей на такой вопрос наказыал! Да ну же... Пентюх же ты, князь, после этого!» Толковый словарь Ушакова утверждает, что «пентюх» – это «неуклюжий, неотёсанный, грубоватый человек, увалень», другое значение – «брюхо, пузо». В переводе, сделанном Наньцзян [Достоевский, 2019а, с. 363], используется слово «傻瓜», что означает «дурак», а в переложении, выполненном Гэн Цзинчи [Достоевский, 2021б, с. 358] применяется «笨蛋», что является более мягким синонимом «дурака» и может быть переведено как: «дурачок/недотёпа». Очевидно, что второй вариант является более предпочтительным, хотя и не полным аналогом слова «пентюх», так как не несёт в себе признак неуклюжести. Следует отметить, что оба выбранных для перевода «пентюха» слова затрагивают разные ассоциативные

поля китайского читателя. Эти ассоциативные поля или группы по своему наполнению не совпадают с ассоциативными полями русскоязычного читателя. Так, например, если в ассоциативное поле китайского «傻瓜» (дурак) входят глупец, имбицил, олигофрен, идиот, т.е. различные степени умственной неполноценности, то ассоциативная группа «пентюха» включает такие слова, как «неуклюжий», «грубый», «медлительный», «увальня», «деревня», «простофиля», «лопух» и т.д. В данном случае неточность перевода объясняется отсутствием в китайском языке полного аналога русскому слову «пентюх» и несовпадением вызванных словом-стимулом ассоциативных полей.

Во втором предложении первой главы повести «Записки из мёртвого дома» сказано: «Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свет божий...». В вышедшем в 1942 году переводе вышеупомянутого Гэн Цзичжи [Достоевский, 2013в, с. 256], равно как и в переводе Сунь Хэмяо [Достоевский, 2022г, с. 275], выполненном в 2022 году, мы видим, что словосочетание «свет божий» было заменено на «наружу», то есть была применена лексическая трансформация под названием «конкретизация», для которой характерна замена широкого значения слова более узким. В данном случае «свет божий», как более широкая категория, была заменена на «наружу», которая является более узкой категорией и входит в первую. Такой перевод имеет право на существование, но не передаёт присущую тексту оригинала образность.

В той же главе читаем: «На нарах у меня было три доски: это было всё моё место». В переводе Гэн Цзичжи слово «место» было передано через «地位», что означает «положение», «место в обществе», «статус». Возможно, переводчик решил, что «три доски» описывают не физические габариты тюремных нар, а являются неким символом бедности и низкого социального статуса заключённого. Налицо ошибочная интерпретация интенций автора оригинала. В переводе Сунь Хэмяо «всё моё место» было передано через «唯一属于我的空间», что означает «единственное, принадлежащее мне пространство». Переводчик верно трактует «место» как определённое пространство, а не положение в обществе, но при этом подчёркиваются не малые размеры, а принадлежность места говорящему, что является смысловым искажением.

Рассматривая перевод романа «Игрок», выполненный профессором Пекинского института иностранных языков, г-ном Лю Цзунцы в 2021 году, можно сказать, что, в целом, он выполнен на высоком уровне и изобилует очень точными переводческими находками, но при этом не лишён и изъянов. Во втором предложении первой главы читаем: «Наши уже три дня как были в Рулетенбурге» [Достоевский, 2021д, с. 3]. Господин Лю Цзунцы выбрал фонетический перевод и передал название вымышленного города «Рулетенбург» как «卢列坚堡». При таком переводе китайский читатель получает лишь приблизительное представление о звуковом облике переводимого слова и абсолютно не получает каких-либо указаний или намёков на то, что «Рулетенбург» – это город азартных игр. Налицо смысловая потеря.

В той же первой главе читаем: «...а m-g le comte сам бывал в России и знает, как невелика птица – то, что они называют ouchite». Лю Цзунцы ошибочно воспринял авторскую сентенцию, переводя её как: «。。。伯爵先生本人去过俄国，知道他们称之为“教师”的角色有多大的分量». При таком переводе учитель становится очень весомой фигурой, что очевидно противоречит авторскому смыслу.

В четвёртой главе сказано: «...но во мне родилось какое-то странное ощущение, какой-то вызов судьбе, какое-то желание дать ей щелчок, выставить ей язык». «Щелчок» был переведен как «耳光», что означает «пощёчина», а выражение «выставить язык» как «示威», что означает

«демонстрировать силу» или «выступать с протестом»). Налицо невозможность перевода именно «игровой» семантики фразы, что привело к потере атмосферы лёгкости и шутовности.

Ещё одна проблема – передача искажённого произношения звуков персонажей повествования. Например, в первой главе «Униженных и оскорблённых» есть сцена, где умирает старая собака и хозяин кондитерской, немец по имени Миллер, предлагает хозяйину пса сделать из животного чучело: «Можно шушель сделать...». В тексте вышедшего в 2013 году перевода, автором которого стал Сюй Чуньхэ, слово «шушель» (означающее чучело) переведено как «标本», что правильно по сути, но не по форме [Достоевский, 2013е, с. 544]. Ведь такой перевод не передаёт акцента говорящего. Более опытный и маститый переводчик Цан Чжунлунь, в копилке профессиональных достижений которого перевод почти всех произведений Достоевского, прибегнул к передаче фонетического образа слова «шушель» с последующим переводом в скобках [Достоевский, 2021ж с. 321]. При таком переводе китайский читатель лишается возможности получить представление об акценте Миллера. Как видно в обоих рассматриваемых случаях акцент персонажа никак не отражён в текстах переводов.

В четвёртом абзаце пятой главы читаем: «Сочинитель, поэт! Как-то странно... Когда же поэты выходили в люди, в чины?...». Оба переводчика сделали почти идентичный дословный перевод «。。。这些写诗的，什么时候变成了一个行当，变成了一种官衔的呢？», что означает: «Когда написание стихов превратилось в самостоятельную профессию с чинами?». И вновь мы сталкиваемся с неверной интерпретацией текста оригинала, но уже по причине того, что не удалось уловить риторический характер вопроса.

В заключение следует сказать, что спектр «трудностей» перевода текстов Достоевского на китайский язык не исчерпывается этими примерами. Анализ большого корпуса текстов на китайском показал, что переводчики довольно удачно передают идейную атмосферу произведений Достоевского; встречаются случаи внимательного отношения к поэтике писателя, к его приемам образности. Но нередки факты «произвольной» интерпретации интенции автора, употребления синонимов с неравнозначными ассоциативными полями. Особые сложности связаны с передачей «акцента», интонации персонажа, а также формами выражения авторской эмоциональности. К весьма распространённым трудностям относятся также неверный выбор словарного соответствия и перенос ошибок перевода из более ранних версий в поздние. Причины возникновения проблем лежат как в плоскости компетенции переводчиков, так и в характеристиках текста оригинала, которому присущи большая связность и смысловая глубина.

Литература:

- Достоевский Ф. М. Записки из Мёртвого дома / перевод с русс. Гэн Цзичжи [Geng Jizhi]. Пекин: Переводная литература, 2013в.— 327 с.
- Достоевский Ф. М. Записки из Мёртвого дома / перевод с русс. Сунь Хэмяо [Sun Hemiao]. Пекин: Технологический университет, 2022г.— 400 с.
- Достоевский Ф. М. Игрок / перевод с русс. Лю Цзунцы [Liu Zongci]. Пекин: Издательство народной литературы, 2021д.— 261 с
- Достоевский Ф. М. Идиот / перевод с русс. Гэн Цзичжи [Geng Jinzhi]. Чунцин: Чунцин чубаньшэ, 2021б. — 560 с.
- Достоевский Ф. М. Идиот / перевод с русс. Наньцзян [Nan Jiang]. Пекин: Издательство народной литературы, 2019а. — 780 с.
- Достоевский Ф. М. Униженные и оскорблённые / перевод с русс. Сюй Чуньхэ [Xu Chunhe]. Аньхой: Издательство педагогического университета, 2013е.— 310 с.

- Достоевский Ф. М. Униженные и оскорблённые / перевод с русс. Цан Чжунлунь [Cang Zhonglun]. Пекин: Издательство Илин, 2021ж.— 446 с.
- Касаткина Т. А., Кузнецова А. Б. Проблемы перевода Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. No 4(12). С. 117–133.
- Красавченко Т. Н. Достоевский: новые англоязычные переводы исследования // социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2018. No 3. С. 129–138.
- Маццола Е. Неизбежность комментария: «слепые места» переводчика // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. No 4. С. 107-147.
- Мехтиев В. Г. Словесный образ «восторг» в романе «Братья Карамазовы» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 3. С. 51–56.
- Рудых А. В. Достоевский в научных исследованиях Китая (2000-2022 годы) // Книжная культура дальневосточного региона: проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации: Материалы IV Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием). Хабаровск 08-16 декабря 2022 г. / под общей редакцией О. Н. Александровой-Осокиной. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2022. – С. 117–124.

References:

- Dostoevskij F. M. Zapiski iz Myortvogo doma / perevod s russ. Gen Czichzhi [Geng Jizhi]. Pekin: Perevodnaya literatura, 2013v.— 327 s.
- Dostoevskij F. M. Zapiski iz Myortvogo doma / perevod s russ. Sun' Hemyao [Sun Hemiao]. Pekin: Tekhnologicheskij universitet, 2022g.— 400 s.
- Dostoevskij F. M. Igrok / perevod s russ. Lyu Czuncy [Liu Zongci]. Pekin: Izdatel'stvo narodnoj literatury, 2021d.— 261 s
- Dostoevskij F. M. Idiot / perevod s russ. Gen Czichzhi [Geng Jinzhi]. Chuncin: Chuncin chuban'she, 2021b. — 560 s.
- Dostoevskij F. M. Idiot / perevod s russ. Nan'czyan [Nan Jiang]. Pekin: Izdatel'stvo narodnoj literatury, 2019a. — 780 s.
- Dostoevskij F. M. Unizhennye i oskorblyonnye / perevod s russ. Syuj Chun'he [Xu Chunhe]. An'hoj: Izdatel'stvo pedagogicheskogo universiteta, 2013e.— 310 s.
- Dostoevskij F. M. Unizhennye i oskorblyonnye / perevod s russ. Can Chzhunlun' [Cang Zhonglun]. Pekin: Izdatel'stvo Ilin', 2021zh.— 446 s.
- Kasatkina T. A., Kuznecova A. B. Problemy perevoda Dostoevskogo // Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal. 2020. No 4(12). S. 117–133.
- Krasavchenko T. N. Dostoevskij: novye angloyazychnye perevody issledovaniya // social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie. Referativnyj zhurnal. 2018. No 3. S. 129–138.
- Maccola E. Neizbezhnost' kommentariya: «slepye mesta» perevodchika // Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal. 2018. No 4. S. 107-147.
- Mekhtiev V. G. Slovesnyj obraz «vostorg» v romane «Brat'ya Karamazovy» // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2023. № 3. S. 51–56.
- Rudyh A. V. Dostoevskij v nauchnyh issledovaniyah Kitaya (2000-2022 gody) // Knizhnaya kul'tura dal'nevostochnogo regiona: problemy istorii, metodiki, mezhkul'turnoj kommunikacii: Materialy IV Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem). Habarovsk 08-16 dekabrya 2022 g. / pod obshchej redakciej O. N. Aleksandrovoj-Osokinoj. Habarovsk: Tihookeanskij gosudarstvennyj universitet, 2022. – S. 117–124.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В СКАЗКАХ КЕЙТ ДИКАМИЛЛО

Внимание лингвистов направлено на изучение выражения эмоций человека средствами языка, что связано с когнитивными исследованиями. Цель статьи – выявить характерные способы выражения чувств и эмоций в сказках Кейт Дикамилло, чьи книги представляют собой объемную картину эмоциональных состояний героев. Задачи исследования включают 1) классификацию лексических средств выражения чувств и эмоций, 2) анализ метафоры как важнейшего когнитивного инструмента выражения эмоций и чувств и 3) изучение универсальных авторских концептов эмоций и чувств. Исследование носит междисциплинарный характер, охватывая теоретическую базу лингвистики, психологии, эмотиологии, когнитивных наук. Основные методы исследования включают лексический, семантический, контекстуальный и концептуальный анализ. Анализ семантических средств позволяет выделить наиболее характерные для автора способы выражения эмоциональных состояний героев и классифицировать их. К лексическим средствам репрезентации относятся метафора, аллюзия и имена собственные.

Ключевые слова: языковая репрезентация, эмоции, эмотиология, лексикализация эмоций, метафора.

Anna Ryzhenkova

Saint Petersburg State University

THE LANGUAGE REPRESENTATIONS OF EMOTIONS IN KATE DICAMILLO'S FAIRY-TALES

The expression of human emotions through language is in the focus of linguistic studies, which are associated with cognitive research. The purpose of the article is to identify specific ways of expressing feelings and emotions in the fairy tales by Kate Dicamillo, whose books present a comprehensive picture of the characters' emotional states. The objectives of the study include 1) classification of lexical means of expressing feelings and emotions, 2) analysis of metaphors as a cognitive tool for expressing emotions and feelings, and 3) study of the author's most universal concepts of emotions and feelings. The interdisciplinary research covers the theoretical framework of linguistics, psychology, emotiology, and cognitive sciences. The major research methods include lexical, semantic, contextual and conceptual analysis. The analysis of semantic means in the fairy-tales under consideration makes it possible to identify the most characteristic ways to express the characters' emotional states and classify them. Emotions are represented by metaphors, allusions, and proper names.

Key words: linguistic representation, emotions, emotiology, lexicalization of emotions, metaphor

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В СКАЗКАХ КЕЙТ ДИКАМИЛЛО

Вопрос вербализации эмоций является сегодня одним из важнейших в лингвистике [Шаховский, 2008, Шаховский 2016] и психологии [Е. П. Ильин, 2008; К. Э. Изард, 1999]. «Эмоции не могут быть идентифицированы без помощи слов, а слова принадлежат какой-то одной конкретной культуре и приносят с собою культуроспецифическую точку зрения». [Вежицкая, 1999, с.523] Изучая способы выражения эмоций в тексте, можно выделить характерные для данного языка способы репрезентации эмоций и чувств, а также проследить, как носители той или иной культуры выражают чувства и эмоции либо подавляют их. «Язык теснейшим образом связан с культурой» [Маслова, 2004, с.9], следовательно, изучая тексты, можно получить доступ не только к языковой, но и к культурной информации. Как справедливо отмечает В. И. Шаховский, «проявление универсальных эмоций <...> сопровождается проявлением этнокультурных различий, так как сама эмоция является частью культуры любого народа. <...> концептуализация даже универсальных, базовых эмоций предполагает ее материализацию в лексических или грамматических формах». [Шаховский, 2008, с. 318].

Данное исследование выполнено на стыке нескольких научных парадигм: текстовой, прагматической, лингвокультурологической, когнитивной. Эмотиология утверждает, что «эмоции пронизывают всю ментальную, вербальную и невербальную деятельность человека». [Шаховский, 2016, с. 112] Так, художественная литература в целом, и сказки К. ДиКамилло в частности, рассматриваются как средство концептуализации и вербализации разнообразных эмоций: радости, печали, одиночества, грусти, горя, разочарования, гнева, и др. В текстах художественной литературы находят отражение ситуации и поведение человека в этих ситуациях, запечатлевается индивидуальный опыт человека, а также культурные установки, связанные с моделями эмоционального реагирования в тех или иных ситуациях.

Цель исследования – выявить характерные для К. ДиКамилло способы выражения чувств и эмоций. Задачи работы заключаются в следующем: 1) классифицировать лексические средства выражения чувств и эмоций, 2) проанализировать метафоры в сказках К. ДиКамилло как когнитивный инструмент выражения эмоций и чувств и 3) изучить наиболее распространенные авторские концепты эмоций и чувств. Новизна работы заключается в междисциплинарном подходе к тексту сказок и выявлении нескольких уровней репрезентации чувств и эмоций у данного автора.

Начнем анализ с **концептуального** уровня. В сказках К. ДиКамилло отчетливо прослеживаются концепты света и тьмы (light – darkness), низа и верха (up and down).

Свет ассоциируется с радостью, счастьем, восторгом, определенностью, спокойствием и надеждой (примеры 1, 2, 3, 4). Тьма связана с предательством, ужасом, потерей, горем (примеры 5, 6, 7).

- 1) *But the rat, in seeking **forgiveness**, did manage to **shed some small light**, some **happiness** into another life.*
- 2) *The sun was shining and Edward felt **exhilarated**.*
- 3) *On clear nights, the stars **shone**, and their pinprick **light comforted** Edward in a way that he could not quite understand. Often, he stared at the **stars** all night until **the dark finally gave way to dawn**.*
- 4) *And then he remembered Pellegrina's description of the beautiful princess. She **shone as bright as the stars** on a **moonless night**. For some reason, Edward found **comfort** in these words and he repeated them to himself – **as bright as the stars** on a **moonless night**, as*

bright as the stars on a moonless night – over and over until, at last, the first light of dawn appeared.

- 5) *Edward did not have much time to **savor the light**, for the dog suddenly appeared above him, **dark and shaggy**, blocking his view.*
- 6) *As he tumbled, whisker over tail, **through the darkness**, there were only two words in his mind. One was “**perfidy**.” And the other word that he clung to was “Pea.” **Perfidy**. Pea. **Perfidy**. Pea. These were the words that pinwheeled through Despereaux’s mind as his body descended into the darkness.*
- 7) *And it was **so dark**. Despereaux had never before encountered **darkness so awful, so all-encompassing**. The **darkness** had a physical presence as if it were a being all its own.*

В приведенных примерах концепт «свет – тьма» выражается как непосредственно через существительные *light* и *dark*, так и посредством других слов или словосочетаний, семантически связанных со светом и тьмой: *sun, dawn, shine, as bright as stars, night, to descend, awful*.

Примечательны трансформации эмоций героев. Как за ночью приходит день, так и на смену тоски, грусти, одиночеству приходят радость и надежда. В сказках К. ДиКамилло герои проходят нелегкий путь, в процессе которого, преодолевая препятствия, чувства и эмоции трансформируются, а сами герои обретают душевный покой и спокойствие, чувствуют согласие с собой и миром.

Концепт «верх – низ» (*up – down*) также широко представлен в сказках автора:

- 1) *He liked being **up high**, looking out over the table instead of staring at the tablecloth as he had at the Tulane household. He liked feeling like a part of things.*
- 2) *The first night, he was **at the top** of the garbage heap, and so he was able to **look up at the stars** and **find comfort in their light**.*
- 3) *But after almost forty days and nights had passed, the weight and the smell of the garbage **above** and **below** clouded Edward’s thoughts, and soon he gave up thinking about **revenge** and gave in to **despair**. It was worse, much worse, than being **buried at sea**. It was worse because Edward was a different rabbit now. He couldn’t say how he was different; he just knew that he was.*
- 4) *He bent and **picked up** Edward.*
- 5) *Edward **looked up at the stars**. He started to say the names of the **constellations**. <...>.*
- 6) *And then he began to **sink**. He **sank and sank and sank**. <...> Edward went **down and down**.*
- 7) *The water **pummeled** him and **lifted him up** and **shoved him back down**.*
- 8) *But before he had time to appreciate **being above** water, he was tossed back down into the depths. **Up and down**, back and forth he went until the storm wore itself out, and Edward saw that he was beginning, again, his slow **descent to the ocean floor**. <...> But still, **down he went**. **Down, down, down**.*
- 9) *So, **face-down, on the floor**, arms over his head, Edward listened as Bryce wept.*
- 10) *Holding Edward by the ears, Lolly marched into the kitchen and shoved him **face-down** in the **garbage can**.*

В сказках о кролике Эдварде и мышонке Десперо концепт «верх – низ» является текстообразующим. Эдвард – игрушечный кролик, который падает с корабля на дно моря, где он долгое время проводит в одиночестве. Его поднимает со дна рыбак. Затем игрушка снова теряется и попадает в мусорную кучу. На протяжении всей сказки фарфоровый кролик переживает падения и взлеты, что созвучно с эмоциональным состоянием Эдварда, которое меняется от отчаяния и одиночества до радости и удовлетворенности, понимания смысла своей жизни, когда он попадает к любящим хозяевам.

Мышонок Десперо также должен спуститься глубоко под землю – в сырую и холодную темницу, а затем подняться наверх, к свету, преодолев препятствия. Все это время его поддерживает любовь и надежда, не дают отчаяться мысли о Принцессе Горошинке.

Второй уровень репрезентации эмоций и чувств – **метафорический**. Метафора может использоваться как средство описания эмоциональных состояний героев однократно, а может разворачиваться и актуализироваться на протяжении всего текста сказки. Так, метафора чемодана, в котором мальчик запер свои чувства (горе в связи со смертью матери, злость на отца, который запрещает ему плакать даже на похоронах, страх перед одноклассниками, которые его травят) разворачивается на протяжении всей сказки «Парящий тигр» (“The Tiger Rising”):

Rob had a way of not thinking about things. He imagined himself as a suitcase that was too full, like the one that he had packed when they left Jacksonville after the funeral. He made all his feelings go inside the suitcase; he stuffed them in tight and then sat on the suitcase and locked it shut. That was the way he not-thought about things. Sometimes it was hard to keep the suitcase shut. But now he had something to put on top of it.

Как видно из примера, мальчик прячет свои чувства в вымышленном чемодане подальше от людей и запирает этот чемодан, чтобы эмоции не вышли наружу. Метафора чемодана встречается каждый раз, когда герою сложно, страшно или запрещено выражать свои чувства, когда для него безопаснее оставить их запертыми, чтобы не сталкиваться с неприятным опытом. Образ чемодана – это защитный механизм вытеснения. Если Роб не думает о своем горе, отчаянии или сыпи (примеры 2, 3, 4), то эти проблемы для него перестают существовать. Однако, как только Роб встречает девочку, способную понять его чувства, слова сами вырываются наружу (пример 5). Когда отец убивает тигра, «чемодан» Роба трещит по швам, оттуда вываливаются гнев, обида и злость (пример 6). Данные метафоры являются концептуальными (контейнер – его содержимое):

- 1) *Rob imagined the tiger on top of his suitcase, blinking his golden eyes, sitting proud and strong, unaffected by all the not-thoughts inside straining to come out.*
- 2) *Rob looked out the window at the gray rain and the gray sky and the gray highway. He thought about the tiger. He thought about God and Adam. And he thought about Sistine. He did not think about the rash. He did not think about his mother. And he did not think about Norton and Billy Threemonger. He kept the suitcase closed.*
- 3) *It was like having his own personal shooting star, but he didn't ever make a wish on it. He was afraid that if he started wishing, he might not be able to stop. In his suitcase of not-thoughts, there were also not-wishes. He kept the lid closed on them, too.*
- 4) *There was no point in wishing; the suitcase needed to stay closed. He stared at Sistine's shiny shoes and willed his sadness to go away.*

- 5) *And Rob opened his mouth and let the word fall out. "Keys," he said. Every secret, magic word he had ever known — tiger and cancer and Caroline — **every word in his suitcase seemed to fall right out of him** when he stood before Sistine.*
- 6) *So he did something he thought he would never do. **He opened his suitcase**. And the **words sprang out of it, coiled and explosive**.*

Метафора грусти и способов ее трансформации представлена в прямой речи одной из героинь сказки Уилли Мэй. Эта неграмотная, но мудрая женщина сочувствует мальчику, страдающему от сыпи, и говорит об исцелении Роба посредством проживания грусти. Для этого нужно выразить свою печаль и грусть, прожить эмоции, а не замалчивать их:

*I can tell you **how to cure that**," said Willie May, pointing with her cigarette at his legs. "I can tell you right now. Don't need to go to no doctor."*

*"Huh?" said Rob. He stopped chewing his gum and held his breath. What if Willie May **healed him** and then he had to go back to school?*

"Sadness," said Willie May, closing her eyes and nodding her head. "You keeping all that sadness down low, in your legs. You not letting it get up to your heart, where it belongs. You got to let that sadness rise on up."

Важно отметить, что в этом отрывке также актуализируется концепт «верх – низ»:

*You keeping all that sadness **down low**, in your legs. You **not letting it get up to your heart**, where it belongs. You got to let that sadness **rise on up**.*

Ноги мальчика поражены сыпью, но как только он разрешает себе признать и выразить боль и горе в связи со смертью матери, он исцеляется. Выражаясь словами героини, печаль должна подняться к сердцу. «Ноги – сердце» являются выражением концепта «верх – низ». Как только печаль размещается в сердце, мальчику не нужна больше сыпь как симптом.

В сказках К.ДиКамилло можно выявить наиболее частотные концептуальные метафоры, выражающие чувства и эмоции:

- 1) Чувства и эмоции похожи на жидкость, они обладают текучестью и могут затоплять человека: *Rob was **flooded with sad relief**. Edward felt the whole of his china body **flood with warmth**.*
- 2) Чувства и эмоции имеют температуру: *He felt **a hot wave of embarrassment** and **joy roll over him**. Герой рассказа испытывает смущение, когда его одноклассница сравнивает его с Микеланджело.*

*The dark things in the princess's heart were these: a very small, very hot, **burning coal of hatred** for the rat who was responsible for her mother's death.*

В зависимости от степени выраженности, чувства или эмоции могут согревать, а могут обжигать.

- 3) Чувства и эмоции могут быть острыми: *Edward felt **a pang of sorrow**, deep and sweet and familiar.*
- 4) Чувства и эмоции могут сковывать деятельность человека: *He **was paralyzed by fear**.*
- 5) Чувства и эмоции подобны механизму, который может сломаться: *My heart, thought Edward, **my heart is broken**.*

- б) Чувства и эмоции могут окрылять: *His heart soared inside of him. He spread his wings and flew off Lawrence's shoulders, out of his hands and up into the nighttime sky, toward the stars, toward Sarah Ruth.*

Третьим уровнем, на котором репрезентируются эмоциональные состояния, является **уровень имен собственных**. Ассоциации, связанные с именами героев сказок К. ДиКамилло, способствуют созданию более яркого портрета героя, отражая его характерные черты. Как справедливо отмечает А. В. Суперанская, «Ассоциации, имевшие место в момент создания имен собственных, как и связанные с именами в процессе их употребления в речи, широки и разнообразны». [Суперанская, 2009, с.285]. Так, имя мышонка Десперо (Despereaux) переводится как Отчаянный. Родившись в семье мышей, Десперо не соблюдает осторожности и нарушает сложившиеся традиции. Он не грызет книги, а читает их, он не прячется от людей, а стремится к ним, он заморожен музыкой и ценит прекрасное. Именно этот маленький мышонек помогает принцессе выбраться из подземелья и вернуться к отцу. Таким образом, в его имени заложены такие качества как храбрость, стойкость, сила духа, благородство и многие другие качества. В этой же сказке другого героя, крысенка, зовут Chiaroscuro, что переводится с итальянского как свет и тень. Контраст света и тьмы, добра и зла, в его натуре вполне объясним: крысы учат крысенка причинять страдания, а он, один раз увидев свет, мечтает о свете и стремится к нему. Так, через имя собственное автор конструирует амбивалентность чувств героя. Еще один пример использования имени собственного в целях создания образа и репрезентации чувств и эмоций – это Систина (Sistine). Так зовут девочку из сказки «Парящий тигр» (“The Tiger Rising”). Ее имя связано с Сикстинской капеллой. Девочка ценит прекрасное, тонко чувствует красоту, но попадает в город, где никто не понимает связи ее имени с шедевром Микеланджело. Ее имя – своего рода пароль, понять который удается ее однокласснику Робу, с этого и начинается их дружба.

Одним из способов выражения эмоций в сказках К. ДиКамилло являются **аллюзии**. Так, аллюзия на стихотворение Уильяма Блейка «Тигр» в сказке К. ДиКамилло «Парящий тигр» выполняет функцию конструирования как отдельного образа, так и всего текста в целом. После того, как отец Роба застрелил тигра, которого ребятам выпустили на волю, главный герой, потрясенный случившимся, был больше не в силах сдерживать свои эмоции (эмоции, подобно тигру, вырвались на свободу). Роб и отец плачут и признаются друг другу, как сильно они скучают по маме Роба, умершей от рака. Таким образом, противоречивость и сложность принятия и выражения эмоций выражена символически через аллюзию. На похоронах Систина читает отрывок из стихотворения У. Блейка о тигре:

What immortal hand or eye
Could frame thy fearful symmetry?” Sistine continued.
‘In what distant deeps or skies
Burnt the fire of thine eyes?
On what wings dare he aspire?’

Этот отрывок отсылает читателя к идее о борьбе противоположностей. Будучи хищником и неся смерть, тигр в книге К. ДиКамилло становится символом преображения. Именно к нему привязывается мальчик после смерти матери, именно тигр придает жизни Роба смысл. А когда тигр умирает, эмоции Роба, которые были «заперты в чемодане», вырываются наружу. После этого мальчик может принять смерть и продолжать жить дальше.

Итак, наиболее характерными способами репрезентации чувств и эмоций в сказках К. ДиКамилло являются концепты «свет – тьма», «верх – низ», концептуальные метафоры, представляющие эмоции и чувства как содержимое в контейнере (теле человека). Тело может быть здоровым или болеть в зависимости от того, какие чувства и эмоции испытывает человек,

а также в зависимости от умения своевременно выражать их. Кроме того, чувства и эмоции динамичны: они могут трансформироваться на протяжении повествования, закаляя характер героев и помогая им в определении пути. Чувства и эмоции репрезентируются посредством аллюзий и имен собственных. В сказках автора представлена и прямая номинация эмоциональных состояний героев, выраженная в лексике разных частей речи, наиболее частотными из которых являются существительные (называющие эмоции) и прилагательные (описывающие эмоции), междометия (выражающие эмоции), а также глаголы (выражающие связанные с эмоциями действия). Однако данный аспект будет рассмотрен отдельно.

Литература:

- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Бульгиной. М.: «Языки русской культуры», 1999. – I – XII, 780 с.
- Изард К. Э. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб: Издательство «Питер», 1999.
- Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб.пособие для студ.высш.учеб.заведений. 2-е изд., стереотип. М., Издательский центр «Академия», 2004.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / Отв.ред. А. А. Реформатский. Изд.3-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Изд. Стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016.

Источники:

- Kate DiCamillo The Tiger Rising. https://royallib.com/book/DiCamillo_Kate/the_tiger_rising.html
- Kate DiCamillo The Tale of Despereaux https://royallib.com/book/DiCamillo_Kate/the_tale_of_despereaux.html
- Kate DiCamillo The Miraculous Journey of Edward Tulane https://royallib.com/book/DiCamillo_Kate/the_miraculous_journey_of_edward_tulane.html

References:

- Vierzbitska A. Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov / Per. s angl. A. D. Shmeleva pod red. T. V. Bulyginoy. M.: “Yazyki russkoi kultury”, 1999. – I – XII, 780 s.
- Изард К. Э. Психология эмоциj / Пер. с англ. – СПб: Izdatel’stvo “Piter”, 1999.
- Il’yin E. P. Emozii i chuvstva. 2-e izd. SPb.: Piter, 2008.
- Maslova V. A. Lingvokulturologiya: Ucheb.posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. 2-e izd., stereotip. M., Izdatel’skiy zentr “Akademia”, 2004.
- Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo / Otv.red. A. A. Reformatskiy. Izd. 3-e, ispr. M.: Knizhniy dom “LIBROKOM”, 2009.
- Shakhovskiy V. I. Lingvisticheskaya teoriya emoziy: Monografiya. M. Gnozis, 2008.
- Shakhovskiy V. I. Emozii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokulturologiya. Izd. Stereotip. M.: Knizhniy dom “LIBROKOM”, 2016.

ОПРЕДЕЛЁННЫЙ АРТИКЛЬ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ НЕСЛУЧАЙНОЙ СВЯЗИ

Настоящая статья предполагает рассмотрение определённого артикля в немецком языке как способа реализации грамматической категории определённости/неопределённости, в основе которой лежит общность владения коммуникантами знанием о ситуации. Этот факт, с одной стороны, предопределяет рассмотрение артикля в фреймовой когнитивной парадигме, с другой стороны, позволяет предположить неслучайность стечения обстоятельств, приведших к доступности знания всем или большинству коммуникантов. Цель исследования и его актуальность заключаются в анализе влияния инференции и салиентности на употребление определённого артикля как референциального показателя наличия неслучайных имплицитных связей между объектами внеязыковой действительности. Методология исследования представлена положениями, рассматривающими аспекты салиентности (выделенности) как способа выгодного позиционирования номинации в тексте, инференции как когнитивной операции по восстановлению имплицитной информации, интерпретации категории фрейма.

Ключевые слова: определённость/неопределённость, фреймовая когнитивная матрица, неслучайная связь, инференция, салиентность

Georgii V. Samorodin
Moscow City University

GERMAN DEFINITE ARTICLE AS A REFERENTIAL INDICATOR OF THE PRINCIPLE OF NONRANDOM LINKS

The present article considers the German definite article as a way of implementation of the grammatic category of definiteness/indefiniteness, premised upon the communicants' common knowledge of the situation. This, on the one hand, predetermines the consideration of the article in a frame-based matrix; on the other hand, the mentioned fact suggests the nonrandom circumstances to define the availability of some knowledge for all or the majority of the communicants. The aim of the study touches upon analyzing the influence of inference and saliency on the use of the definite article as a referential indicator of nonrandom implicit connections between objects of extralinguistic reality. The research methodology is represented by the provisions, that consider the aspects of saliency as a way of advantageous positioning of a nomination in a text, inference as a cognitive operation on the restoration of the implicit information in a text, the interpretation of frame category.

Keywords: definiteness/indefiniteness, frame-based cognitive matrix, nonrandom links, inference, saliency

1. Салиентность в структуре фреймовой когнитивной матрицы

Фрейм, как когнитивная модель накопления и передачи знания, отражает представленность ситуации в языке и предоставляет адресанту языковой инструментарий,

позволяющий не только установить степень случайности связей между объектами внеязыковой действительности, но и *выделить* их, позиционировать наиболее выгодным, заметным образом [см. Сулейманова 2023, Кушнерук 2022]. Такая выделенность, иначе называемая **салиентностью** представляет собой «совокупность условий, позволяющих легче распознать образ референта непрямой номинации» [Киосе 2018].

Онтологическая салиентность опирается на совокупность стабильных свойств объекта, составляющих их потенциал привлечения внимания, например: *Ich lief durch die Stadt, als sei ich lange weg gewesen; mir waren die Straßen und Häuser und Menschen fremd* (Schlink 1995) // **Я** бежал по городу так, будто долго здесь не был; улицы, дома, люди были для меня чужими (Здесь и далее примеры цитируются по [DWDS], перевод мой, Г. С.).

Исследуемое явление выражено большей заметностью героя произведения относительно местности, в которой он находится, что дополнительно подчеркивается синтаксически при помощи употребления стандартного для немецкого повествовательного предложения порядка слов. Употребление определённого артикля *die* указывает на неслучайность имплицитных связей: во-первых, город ранее был знаком герою, что катифорически указано в контексте, во-вторых, дома, улицы и люди – детали общего фрейма «бег по городу», что позволяет употребить артикль, реализуя тем самым грамматическую категорию определённости, что, впрочем, является нерелевантным для передачи в безартиклевых языках, в данном случае, русском.

Когнитивная салиентность опирается на активизацию ментальных конструкторов в речевом событии и, будучи «загружена» в оперативную память адресата, составляет существенную часть фокуса внимания (Schmid 2007): *Die (a) Hunde bellen (1) und jagen (2) und überpurzeln sich (3) auf der (b) abschüssigen Straße* (Glaeser, 1983) // Собаки лаяли и кидались, кубарем катясь по наклонной дороге.

Вербализуемые в данном контексте действия (1), (2) и (3) составляют поведение, характерное для собак, и вовлекают читателя во фрейм «собачья свара на улице», что позволяет сделать вывод о неслучайности связей между собаками (а) и дорогой (b), поскольку они также являются частью фрейма.

Р. Лангакер выделяет [Langacker 1987] три частных случая, которые могут рассматриваться в аспекте относительной салиентности субструктур: профилирование (Profiling), центровка траектора и ориентира (Trajector/Landmark alignment) и анализируемость (Analyzability).

Профилирование смещает фокус внимания на определённые характеристики или составляющие и выделяет фигуру на фоне основания: *Er setzte mich auf irgendeinem hohen Baumwipfel oder auf der (a) Spitze eines Bergmassivs ab, flog (1) weg und kam mit einem Schnabel (2) voller Obst und Gemüse zurück* (Moers 1999) // Он посадил меня на верхушке какого-то дерева или на вершине горного массива, улетел и возвратился с целым клювом фруктов и овощей.

Несмотря на то, что изначально из данных контекста невозможно опознать существо, обозначенное как «он», способность существа к полёту (1) и наличие у него клюва (2) позволяют предположить в «нём» некоторое птицеобразное создание (как выясняется впоследствии – «он» является птеродактилем). Случай употребления определённого артикля (а) может быть объяснён упоминанием в контексте обязательного компонента ситуации (=фрейма) [Hawkins 1978] – единственной в своём роде (уникальной) вершины горного массива.

Центровка траектора и ориентира смещает фокус внимания относительно некоторого объекта: *Ich (1) denke, staune, wundre mir uff enmal isse uff die (a) Tür (2) ick (1) jeh* **raus** und

kieke und wer steht draußen (3)? (Schwanitz 1999) // Я думаю, поражаюсь, удивляюсь, сейчас пойду к двери, выйду, и гляну, а кто же это там стоит?

В данном контексте вербализован ориентир – дверь (2), разделяющая пространство на «здесь» и «снаружи» (3). Номинация двери неслучайна, что отмечено употреблением определённого артикля (a). Траектором в данном случае является говорящий (1), смещающийся по ходу наррации относительно двери. Этот приём также позволяет создать динамику повествования.

Анализируемость, при определённых условиях, можно рассматривать как частный случай тропа, благодаря схожести когнитивных операций по дешифрации кода: Er legte ihm seine Hand auf die (a) Schulter, wenn **der** (b) **Alte** (1) das (c) Wort an ihn richtete und seinen Enkel mit unbeholfen kurzen Sätzen abfragte: »Was macht die (d) Schule?« (Düffel 2004) // Он положил свою руку ему на плечо, когда старик, обратившись к внуку, расспрашивал его неловкими короткими предложениями: «Что в школе?».

Несложная когнитивная операция позволяет восстановить выражение «старик» (1) до «дед» - старший член семьи мужского пола. Случаи употребления определённого артикля (a-d) вызваны отнесённостью их к одному фрейму.

2. Инференция как показатель неслучайности имплицитных связей

Инференция – когнитивная операция, которая позволяет сделать логический вывод о наличии вербализованных в тексте имплицитных связей между объектами внеязыковой действительности, восстановить их, опираясь на фоновые знания, эрудицию и интуицию коммуниканта. Рассмотрим несколько случаев реставрации имплицатур:

А. Использование «мы-дискурса», глаголов знания: *Und er ist, Papa, **das** (a) wissen (1) wir alle (2), ein Kommunikations-Genie* (Degenhardt 1999) // А он, папа, мы все это знаем, гений коммуникации.

«Мы-дискурс» (2) является своеобразной логической уловкой, позволяющей сообщить некоторое (спорное) знание под видом общеизвестного факта. Этому способствует и употребление глаголов знания, полагания (1). Определённый артикль (a) употребляется вследствие рекурсивной отсылки, и является релевантным при переводе высказывания на базартиклевый язык (это).

Б. Выражение потенциальности реализуется в высказывании путём включения в него слов с собой возможности, необходимости (можно/нужно): *Mehr und besser und billiger produzieren, **das** (a) ist nötig (1), da sind wir uns (2) einig* (Scherzer 2001) // Производить больше, лучше и дешевле, вот, что нужно, в этом мы едины.

Использование маркера потенциальности (1) в совокупности с «мы-дискурсом» (2) позволяет придать сообщаемому факту вид выгодного, полезного для всех участников коммуникации. Определённый артикль (a) употребляется вследствие наличия неслучайной связи в тексте.

В. Использование модальных слов с целью вербализации мнения говорящего относительно предмета речи: *Es liegt wohl einmal (1) an **dem** (a) Boden, Altartisch und Betbänke bedeckenden roten Samt, **der** (b) **im** (c) diffusen Licht **des** (d) Raums, in **dem** (e) ja auch **das** (f) ewige Licht brennt, so schummrig-purpurn schimmert* (Degenhardt 1999, S. 49) // Вероятно, это из-за красного бархата, покрывающего пол, алтарный стол и молитвенные скамейки, который так тускло-фиолетово переливается в рассеянном свете комнаты, в которой еще горит вечный свет.

Модальное слово *wohl* (1) передаёт суждение говорящего о предмете речи, его неуверенность в правильности установления истинной причины описываемого явления. Употребление определённого артикля в случаях (а), (b), (c), (d), (e) обусловлено вхождением описываемых существей в общий фрейм «церковное помещение». В основе случая (f) «вечный свет» лежит троп.

В работе Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2004, с. 401-404] исследуются дальнейшие возможности выражения инференции.

1. Инференция однокоренных образований: *Wir kümmerten sie nicht; hätte ich ihnen den Sold nicht erst in Monte Santo versprochen, sie würden uns längst im Stich gelassen haben, zumindest erweckten sie in mir diesen Eindruck* (Schrott 2003) // Мы их не волновали; не пообещай я им **жалование** лишь в Монте-Санто, они бы давно оставили нас в беде, по крайней мере, такое впечатление они на меня производили.

Словом *Sold* в немецком языке обозначается жалование, выплачиваемое военнослужащим и наёмникам, что позволяет установить род деятельности спутников рассказчика. Определённый артикль указывает на известность информации всем участникам коммуникации. При переводе на безартиклеый язык может потребоваться уточнение: <их, оговоренное> жалование.

2. Инференция, восстанавливающая предикат или аргументы: *»Ohne Klavierbegleitung ist das kaum möglich«, sagt die Sängerin, die sich gern bitten läßt* (Noll 2006) // «Это едва ли возможно без аккомпанимента пианино», сказала **певница**, желавшая, чтобы её упрашивали.

Логическая операция позволяет читателю восстановить предикат «петь», пользуясь семантикой подлежащего/агенса. На верность предположения указывает также уточнитель «аккомпанимент пианино» (музыка). Определённый артикль используется для того, чтобы подчеркнуть уникальность явления: **та самая** певица, которая любит, чтобы её уговаривали (выражено также придаточным предложением).

3. Инференция — анализ полисемии: *In Mooren, Sümpfen und Erdspalten konnte man versinken, Gletscherlawinen konnten einen überrollen, im Wattenmeer lauerte der nasse Tod* (Moers 1999) // В болотах, трясинах и оврагах можно было утонуть, можно было оказаться снесённым ледяными лавинами, в Ваттовом море таилась **мокрая смерть**.

В приведённом контексте перечисляются виды опасностей [см. Самородин 2021], связанных с водой в различных агрегатных состояниях. Прилагательное *nass* (мокрый), в первичном значении — «пропитанный водой», здесь означает «утопливический, подводный». Определённый артикль показывает известность описываемой опасности всем участникам коммуникации.

Отдельно рассмотрим некоторые логические операции, связанные с явлением инференции:

1. Операция *сравнения* близка к анализу полисемии, отличаясь от последнего сравнением разнородных понятий: *Sie hat Fieber, sagt mein Vater und legt seine schwere (a) Hand auf meine Stirn. <...> Oder sind meine Augenlider selbst schwere (b) Vorhänge geworden, die mir den Blick auf das steingewordene Feuer verwehren* (Erpenbeck 2004) // У неё жар, сказал отец, положив тяжёлую руку мне на лоб <...> Будто стали мои веки тяжёлыми занавесями, закрывающими мой взор от окаменевшего огня.

Прилагательное *schwer* (тяжёлый) обладает полисемией. Случай (а) «тяжелая рука» вербализует значение «обладающий внушительным весом, грузный», тогда как в случае (b)

следует говорить о значении «неподатливый», хотя в обоих случаях речь идет о частях тела. Салиентность выражена в данных случаях притяжательным местоимением *mein(e)* - «мой».

2. *Фрейминг* (иначе — достраивание) представляет собой логическую операцию, основанную на догадке (при этом не всегда верной), додумывании событий, последующих за высказыванием: *Jetzt sah er sehr mitgenommen (1) aus, unrasiert (2) und mit fettigen Haaren (3) stand er da, schlürfte seinen Pfefferminztee mit Milch, rieb sich die (a) Tränensäcke (4) und sagte (5): »Kerle, Kerle, Kerle.« Erwin», fragte Herr Lehmann aufmunternd (6), »was ist los? (7)« »Frag nicht« (8), sagte Erwin (Regener 2006) // Он выглядел очень измотанным (1), небритый (2) и с жирными волосами (3), он стоял, прихлебывая мятный чай с молоком, тёр глаза (4) и повторял (5): «парни, парни, парни». «Эрвин,» - ободрительно (6) произнёс господин Леманн - «что произошло? (7)» «Не спрашивай» (8), ответил Эрвин.*

Случаи (1-5) относятся ко фрейму «человек, попавший в неприятности», поскольку описывают типичные для этого внешний вид и поведение. Реакция собеседника (6-7) и ответная реплика (8) служат дополнительным указанием на правильность достраивания фрейма. Употребление определённого артикля в случае (a) обусловлено отсылкой к части тела описываемой персоналии.

3. *Интеграция*, как логическая операция, основывается на концептуальной метафоре или метонимии: *Den Vater (a) reut es sehr, daß er meine Entfremdung ermöglicht hat. Mein erworbenes Vokabular ist daran schuld (1), daß ich seine Befehle nicht mehr richtig verstehe, daß ich kein Ohr dafür habe, was für mich das beste (b) ist (Schuh 2000) // Отец очень сожалел, что позволил мне отдалиться. Приобретенный мной вокабуляр виноват (1), что я теперь неправильно понимаю его указания, не прислушиваюсь к тому, что для меня лучше.*

Случай (1) семантизирует нелепое оправдание нежелательного для отца поведения рассказчика, переданное в тексте с имплицитной издёвкой. Употребление определённого артикля в случаях (a) и (b) обусловлено уникальностью предмета речи.

4. Операция *элиминации* основывается на опущении некоторых не важных для понимания, но легко восстанавливаемых из контекста обстоятельств: *Aber Katharina kauft sich trotzdem kein Besteck. Sie spart für eine eigene Wohnung. Manchmal hat sie von dem (a) Geld genommen, um die (b) Zugfahrten zu den (c) Konzerten von The Flushers zu bezahlen, wenn es zu weit zum (d) Trampen war (Dölling 2003). // Но Катарина всё же не покупала столовый прибор. Она копит на собственную квартиру. Иногда она брала часть этих денег на оплату билетов на поезд, чтобы попасть на концерты The Flushers, если топать было совсем далеко.*

Элиминированным оказывается обстоятельство, что Катарина не может сразу, в настоящий момент купить себе квартиру. Случай употребления определённого артикля (a) указывает на предшествующую упомянутаемость денег. К тому же все случаи (a-d) входят во фрейм «неразумные, импульсивные траты».

5. *Дедукция* — рассуждение, основанное на логических посылках от общего знания к частному умозаключению: *Schon wieder besser. Sie fragt, ob ich zur (a) Arbeit komme. Wenigstens schickt sie kein: Wir brauchen Sie, oder: Wir vermissen Sie schon hinterher (Braun 2003) // Уже лучше. Она спрашивает, выйду ли я на работу. По крайней мере, от нее не приходит никаких «Вы нам необходимы», или «Нам очень Вас не хватает».*

Изменившиеся к лучшему обстоятельства позволяют предположить, что работающий человек вернётся к трудовой деятельности, о чём и спрашивается у рассказчика. Упоминание работы сопровождается употреблением определённого артикля (a), поскольку факт наличия работы известен коммуникантам.

6. *Индукция* — логическая операция, во многом обратная дедукции, базирующаяся на построении вывода от частного к общему: *Tamara drückte die (a) Zigarette im (b) Aschenbecher aus, der (c) auf dem Kopfkissen lag. «Sie liebt ihn nicht mehr.» «Schlampe.» (Süter 2004) // Тамара затушила сигарету на подушке. «Она не любит его больше». «Дрянь».*

Частная посылка «она его не любит» позволила героям произведения сделать общий, и, вероятно, предубеждённый вывод о поведении и характере описываемой персоналии - «дрянь». Употребление определённого артикля в случаях (a-c) связано с фактом отнесённости их ко фрейму «курение в комнате».

3. Выводы

Проведённое исследование позволило установить взаимосвязь между присутствием объекта во фрейме и употреблением определённого артикля в немецком языке как, с одной стороны, способа реализации грамматической категории детерминации, и референциального показателя наличия неслучайных связей между объектами внеязыковой действительности, с другой стороны. Рассмотрение инференции и салиентности, потребовавшееся ввиду того, что категория детерминации базируется на известности некоторой информации участникам коммуникации, позволило, во-первых, сделать вывод об их непосредственном влиянии на употребление определённого артикля, во-вторых, наметить перспективы дальнейшего исследования: рассмотрение случаев употребления неопределённого и нулевого артиклей в немецком языке, как способа реализации категории определённости/неопределённости, а также исследование явления салиентности с позиции дистрибуции предложения, в том числе — с применением метода компьютерного контент-анализа.

Литература:

- Киосе М. И. Лингвистические показатели салиентности не прямых окказиональных текстовых номинаций в языке англоязычной прозы / М. И. Киосе // *Германистика 2018: nove et nova* : Тезисы докладов международной научной конференции, Москва, 29–30 марта 2018 года / Московский государственный лингвистический университет, факультет немецкого языка. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2018. С.45. – EDN CSBWAD.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитив. точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. М. : Языки славянской культуры, 2004. – 556 с. – ISBN 5-94457-174-8. – EDN SUQHIP.
- Кушнерук-С. Л. Идеологема «SOVIET UNION» как концептуальная основа миромоделирования в журналистском нарративе о Челябинске / С. Л. Кушнерук // *Политическая лингвистика*. – 2022. – № 4(94). С.21-30. – EDN EKUDYD.
- Самородин Г. В. Структурно-содержательная модель лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии / Г. В. Самородин // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. – 2021. – № 3. С.130-150. – DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_130. – EDN VSFCSG.
- Сулейманова, О. А. Принцип неслучайной связи в переводческих практиках / О. А. Сулейманова, Э. В. Нерсесова // *История, теория и дидактика переводческой деятельности*. М. : Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2023. С.73-89. – EDN FMFRDQ.
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache // DWDS URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 01.11.2023).

- Hawkins, J. *Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. London. 1978. 192 p.
- Langacker, R. *Foundations of Cognitive Grammar*. — Vol. I. — Stanford: Stanford University Press, 1987.

References:

- Kiose M. I. Lingvisticheskie pokazateli salientnosti nepryamy`x okkazional`ny`x tekstovy`x nominacij v yazy`ke angloyazy`čnoj prozy` // *Germanistika 2018: nove et nova : Tezisy` dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 29–30 marta 2018 goda / Moskovskij gosudarstvenny`j lingvisticheskij universitet, fakul`tet nemeckzogo yazy`ka*. – Moskva: Moskovskij gosudarstvenny`j lingvisticheskij universitet, 2018. – S. 45.
- Kubryakova E. S. Yazy`k i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazy`ke: chasti rechi s kognitiv. točki zreniya. Rol` yazy`ka v poznanii mira / E. S. Kubryakova. – Moskva : Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2004. – 556 s. – ISBN 5-94457-174-8.
- Kushneruk S. L. Ideologema “SOVIET UNION” kak konceptual`naya osnova miromodelirovaniya v zhurnalistskom narrative o Chelyabinske / S. L. Kushneruk // *Politicheskaya lingvistika*. – 2022. – № 4(94). – S. 21-30.
- Samorodin G. V. Strukturno-soderzhatel`naya model` leksiko-semanticheskogo polya “chrezvy`chajnyaya situaciya” v diskurse SMI Germanii / G. V. Samorodin // *Crede Experto: transport, obshhestvo, obrazovanie, yazy`k*. – 2021. – № 3. – S. 130-150. – DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_130.
- Sulejmanova O. A. Princip nesluchajnoj svyazi v perevodcheskix praktikax / O. A. Sulejmanova, E. V. Nersesova // *Istoriya, teoriya i didaktika perevodcheskoj deyatel`nosti*. – Moskva : Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu “FLINTA”, 2023. – S. 73-89
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache // DWDS URL: <https://www.dwds.de/> (data obrashheniya: 01.11.2023).
- Hawkins J. *Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. London. 1978. 192 p.
- Langacker R. *Foundations of Cognitive Grammar*. — Vol. I. — Stanford: Stanford University Press, 1987.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЮЗИКЛОВ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МИХАЭЛЯ КУНЦЕ «ЭЛИЗАБЕТ»

Статья посвящена рассмотрению особенностей перевода мюзикла, либретто которого представляет собой совершенно особую форму одновременно прозаического и поэтического текста, воспринимаемого и рассматриваемого только в связи с его музыкальной и сценической составляющими. Текст либретто мюзикла обладает всей свойственной поэзии спецификой: его особенное синтаксическое строение создает особый ритм и мелодику. Поэтому важнейшей задачей переводчика является сохранение слогового членения и рифмы, фонетических и музыкальных нюансов и акцентов, а также удобопроизносимости текста перевода при исполнении вокальных партий на сцене. Сложность и актуальность стоящих перед переводчиком мюзикла задач обусловила интерес автора настоящей статьи к рассмотрению перевода мюзикла Михаэля Кунце «Elisabeth» с немецкого на русский язык, анализу возникающих в процессе его перевода проблем и переводческих решений. Анализу перевода, выполненному на нескольких уровнях, предшествует предпереводческий анализ, позволяющий выявить основные особенности произведения в целом, его тематику, ключевые мотивы, роль мюзикла и его героев в австрийской и немецкой культуре и истории. Исследование проведено в рамках переводческого проекта по локализации мюзикла «Elisabeth», перевод выполнен автором настоящей статьи.

Ключевые слова: поэтический перевод, либретто, музыкальность, переводческое решение, эквиритмический перевод

Anastasia R. Seinova

National Research University Higher School of Economics

FEATURES OF THE TRANSLATION OF MUSICALS ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF MICHAEL KUNZE “ELIZABETH”

The article is devoted to the peculiarities of translating a musical, the libretto of which is a very special form of both prose and poetic text, perceived and considered only in connection with its musical and stage components. The text of a musical libretto has all the peculiarities of poetry: its special syntactic structure creates a special rhythm and melody. Therefore, the most important task of the translator is to preserve syllabic division and rhyme, phonetic and musical nuances and accents, as well as the pronunciation of the translated text when performing vocal parts on stage. The complexity and urgency of the tasks faced by the translator of the musical has caused the author of this article to be interested in the translation of Michael Kunze's Elisabeth from German into Russian, to analyze the problems and translation solutions arising in the process of its translation. The analysis of the translation, carried out on several levels, is preceded by a pre-translation analysis, which makes it possible to identify the main features of the work as a whole, its themes, key motifs, the role of the musical and its characters in Austrian and German culture and history. The study was conducted as part of a translation project to localize the musical Elisabeth, with translation by the author of this article.

Keywords: poetic translation, libretto, musicality, translation solution, equirhythmic translation

Введение

Появление жанра музыкального спектакля (мюзикла) относят к 1940-м годам 20-го века и связывают с развитием в американской и мировой сценической культуре постановок бродвейского театра [Шулин 2016]. Мюзикл достаточно быстро отделился от родственных ему легких жанров оперетт, водевилей, бурлесков и т.п. и приобрел свои индивидуальные отличительные черты и школы мюзиклов по всему миру, в том числе и в России [там же].

В отличие от многих других легких музыкальных жанров мюзикл несет в себе не только развлекательную составляющую, но и культурно-исторический замысел, отражение и переосмысление значимых образов [Mates 1987; Mateo, 2001]. Мюзикл является неотъемлемой частью постмодернистской культуры, своеобразным объединением уже устоявшихся театральных традиций с элементами разностилевой музыки и нередко представляет собой интерпретацию исторических, художественных или общественных событий [Platt 2004]. Кроме того, отличительной чертой любого музыкального спектакля является тесное переплетение песенной, прозаической и сценической составляющих, что играет особую роль при переводе либретто, так как переводчику приходится работать не только с оригинальным текстом художественного произведения, но и с его постановкой на сцене, а также с ритмическим и музыкальным рисунком каждой из композиций в отдельности и всего произведения в целом [Dinda 2005; Franzon 2005; Савельева 2013; Кудряшова 2021].

Некоторыми исследователями отмечается важность «уровневого подхода» при переводе оригинального либретто на целевой язык [Low 2003; Хрустачева 2009; Carpi 2020]. Так, О. Л. Хрустачевой выделяется два основных уровня взаимодействия переводчика с мюзиклом: литературный уровень и музыкальный уровень. Литературный уровень в свою очередь включает в себя художественный, лингвистический и эквиритмический аспекты, то есть работу с текстовым либретто. Музыкальный уровень состоит из эвфонического, музыкально-интонационного и музыкально-драматургического аспектов [Хрустачева 2009]. Такой подход помогает провести структурированный анализ литературных и музыкальных элементов, необходимых для понимания переводческих решений в ходе переложения либретто с исходного на целевой язык. В модели О. Л. Хрустачевой отсутствует культурологический уровень восприятия произведения, однако анализ историко-культурного контекста особенно важен, когда речь идет о различии культур целевых аудиторий [Li 2018; Carpi 2020; Richardson et al. 2021; Mateo 2022]. Ли Джин выделяет 3 основных фактора, играющих ключевую роль при переводе со стороны культурной составляющей: культурные различия, восприятие целевой аудитории и аудиовизуальные ограничения [Li 2018]. Все названные выше уровни будут рассмотрены далее более подробно на примере перевода пролога из немецкоязычного мюзикла Михаэля Кунце «Elisabeth», выполненного автором статьи в рамках переводческого проекта.

Предпереводческий анализ текста мюзикла «Elisabeth»

Понимание переводчиком культурной и исторической значимости произведения позволяет не только более полно оценить значение тех или иных языковых и сюжетных приемов, образов героев, отдельных сцен, но и сохранить в переводе те культурные аспекты, которые были затронуты в оригинальном либретто.

Мюзикл «Elisabeth» был создан в соавторстве Михаэля Кунце, автора либретто, и Сильвестра Лева, композитора музыки, и впервые представлен на сцене в 1992 году в Вене.

Этот мюзикл – попытка по-новому взглянуть на личность Елизаветы Баварской (Сиси) – императрицы Австрии. Центральной темой произведения стала именно ее жизнь, ее образ, как прежде всего живого человека с очень непростым характером и судьбой. Помимо отображения трагической судьбы героини, в мюзикле рассматриваются исторические и общественные события Австрии конца XIX века, в том числе развитие нацистского движения (песня «Hass»), недовольства в народе (песня «Milch»), шаткое политическое положение Австрии на мировой арене (песня «Jedem gibt er das Seine») [Richardson et al. 2021]. Неслучайно одним из главных героев спектакля становится Смерть (der Tod) – через образ Смерти, нависшей над главной героиней и близкими ей людьми, передается и трагизм ее судьбы, и беспокойное общественное положение – начало революций, предвоенный исторический период. Кроме того, постоянный шлейф мертвых Призраков, чьи тени представлены уже в самом прологе, а также любовная линия со Смертью передают как свободолобивый характер Сиси, так и ее ментальное нездоровье. Тема сумасшествия является ключевой для образа императрицы, наравне с мотивами свободы, одиночества, страданий [там же].

Особенности перевода пролога

Пролог представлен в качестве примера переводческого анализа, так как именно он вводит зрителя в проблематику произведения, являясь сосредоточением ключевых тем и мотивов всего мюзикла. Кроме того, пролог интересен для анализа, так как он отличается чередованием прозаических и песенных реплик, а также постоянной сменой ритма, что позволяет провести ряд наблюдений и сравнить, как переводческая точность и стратегия меняются в зависимости от музыкальных ограничений. Одной из особенностей мюзикла является соединение песенных композиций через повторение мотивов, как музыкальных, так и литературных, повтор кластеров слов, фраз и образов. Так, в центральной теме пролога встречается образ танца со смертью. Этот мотив является сквозным и повторяется на протяжении всего мюзикла в таких композициях, как «der letzte Tanz» и «ich gehöre nur mir» (см. Табл. 1, Табл. 2 и Табл. 3).

Табл. 1. Мотив танца со смертью в прологе

Alle tanzten mit dem Tod – Doch niemand wie Elisabeth...	Все танцуют вальс со смертью, Ярче всех – Элизабет...
---	--

Табл. 2. Мотив танца со смертью в песне «der letzte Tanz»

Der letzte Tanz, der letzte Tanz Gehört allein nur mir!	Танцуй со мной, последний вальс По праву только мой.
--	---

Табл. 3. Мотив танца со смертью в песне «ich gehöre nur mir»

Wenn ich tanzen will, dann tanz ich so wie’s mir gefällt.	Если захочу, Станцую как никто другой.
--	---

Перед анализом отдельных фрагментов перевода пролога следует обратить внимание на общую стилистику и языковые особенности перевода. Мюзикл включает размышления на такие экзистенциальные темы, как смерть, любовь, судьба и т.п., что требует от переводчика

использования в переводе возвышенной лексики и синтаксических инверсий для подчеркивания поэтики слова (см. Табл. 4 и Табл. 5).

Табл. 4. Примеры использования возвышенной лексики

Elisabeth, Elisabeth Selbst hier bist du von uns getrennt	Элизабет, Элизабет – Направлен взор тебе вослед.
Was hat es zu bedeuten: dies alte Lied	Чем вызвано страдание в душе моей?
Engel nennen's Freude, Teufel nennen's Pein Menschen meinen, es muss Liebe sein	Святой нарёк отрадой . Клеймит болезнью бес. Любви проклятье или дар небес?

Табл. 5. Примеры использования инверсии

Versunken ist die alte Welt; Verfault das Fleisch, verblasst der Glanz	Наш старый мир ушел на дно, Истлеет плоть, погаснет свет.
Elisabeth, Elisabeth Selbst hier bist du von uns getrennt Ein Rätsel, das kein Geist errät Ein Zeichen, das kein Mensch erkennt	Элизабет, Элизабет – Направлен взор тебе вослед. Раскрыть кто сможет твой секрет? Загробный мир твой ждёт ответ.

Соотнесение рифмы и семантической точности в переводе

«Метрическая и фоническая упорядоченность» являются одними из важнейших элементов поэтического текста, которые не только поддерживают его стихотворную форму и звучание, но и влияют на семантическую и эмоциональную наполненность произведения [Казакова 2002]. Несмотря на то, что некоторые исследователи [Graham 1989; Low 2005] настаивают на переводческой стратегии, направленной на смысловую точность, нельзя отрицать значение рифмы для общего эстетического восприятия произведения. Так, в Таблице 6 представлен фрагмент из пролога, в котором переводчик допустил вольность в смысловой точности ради сохранения рифмы. По представленному фрагменту видно, что первые две строки полностью передают заложенный в оригинале смысл и переведены дословно, в то время как перевод третьей и четвертой строки происходит с использованием переводческих трансформаций. В первом варианте перевода был сохранен образ загробного мира в третьей строке: «Покой нам знать не суждено», однако в таком случае отсутствовала бы логическая связность со строкой «В смертельном танце дан ответ». Переводчик принял решение сохранить мотив танца со смертью, важный для пролога и для всего произведения в целом, сохранить логическую связь, точность рифмы и добавить в этот фрагмент мотив судьбы и ответа, который в свою очередь важен для мюзикла и упоминается в прологе в другой строфе и в прочих композициях (см. Табл. 7, Табл. 8). Мотив судьбы является значимым для произведения еще и потому, что Элизабет не должна была становиться императрицей, на это место готовили ее сестру – Елену, однако император воспротивился воле своей матери Софии и выбрал в супруги Элизабет. Эта история рассказана в песне «Was nützt ein Plan», фрагмент которой представлен в Таблице 9.

Табл. 6.

[die Toten:] Versunken ist die alte Welt; Verfault das Fleisch, verblasst der Glanz Doch wo sich Geist zu Geist gesellt Da tanzt man noch den Totentanz ...	МЕРТВЕЦЫ: Наш старый мир ушел на дно; Истлеет плоть, погаснет свет. Судьбою всё предрешено. В смертельном танце дан ответ.
---	--

Табл. 7. Мотив неизвестного в прологе

Ein Rätsel, das kein Geist errät Ein Zeichen, das kein Mensch erkennt	Раскрыть кто сможет твой секрет? Загробный мир твой ждёт ответ
--	---

Табл. 8. Мотив неизвестного в песне «Alle Fragen sind gestellt»

Und alle Fragen sind gestellt Und alle Chancen sind verschenkt Wir sind die Letzten einer Welt Die stets an ihren Selbstmord denkt	И всё, что было решено, Оставит в вечности свой след. Мы тени царствия Его, И в смерти нам покоя нет.
---	--

Табл. 9. Фрагмент из песни «Was nützt ein Plan»

LUCHENI: Was nützt ein Plan – ist er auch noch so schlau!? Er bleibt doch immer Theorie.	ЛУКЕНИ: Пусть план хитёр – сценарий всё равно Не суждено осуществить
--	--

Соотнесение ритма, звучания и семантической точности в переводе

Музыкальный уровень произведения играет ключевую роль для восприятия, когда речь идет о песнях, исполняемых на сцене. В первую очередь зритель улавливает гармоничность и соотнесение музыки и ритма, музыки и музыкальности текста и только потом оценивает качество литературной составляющей – смысл, рифма, синтаксические и лексические особенности [Low 2016]. Аудиовизуальные ограничения являются основными для переводчика. Перевод песенных текстов должен быть эквиритмическим и иногда заставляет переводчика менять смысл ради музыкальности. Пример такого решения представлен в Таблице 10.

Табл. 10.

Lust, Leid – Wahnsinn, der uns treibt Not, Neid – Pflicht die uns erdrückt Traum, Tran – alles, was uns bleibt: Wunsch, Wahn, der die Welt verrückt...	Боль, страсть. Безумие – наш флаг. Ложь, власть. Что кроет в себе тьма? Транс, хмарь. Бездействие – твой враг. Бред, брань. Сводят нас с ума...
Scheu, schwach – glücklich und verflucht Wild, wach – einsam und begehrt Arm, reich – was hast du gesucht? Hart, weich – was hat dich zerstört?	Сбит, слаб – Проклят и спасён. Царь, раб – предан, вознесён Мёртв, свят – Что тебя влекло? Друг, враг – В могилу что свело?

Представленный фрагмент отличается фиксированным ритмическим рисунком, который состоит из двух частей. Первая часть – два сильных слога, разделенные ритмической паузой (пример брахиколона). Вторая часть – трехстопный хорей. Этот ритмический рисунок следует сохранять и в переводе. Таким образом, возможности переводчика ограничены, особенно в подборе односложных слов, так как односложные слова исходного языка далеко не всегда совпадают с односложными словами целевого языка, как по смыслу, так и по звучанию. Следует обратить внимание на то, что помимо ритмических ограничений существуют и музыкальные – второе слово в брахиколоне должно иметь открытый гласный «а» для акцента и более удобного произнесения на сцене. Помимо этого, в тексте присутствует явная аллитерация и анафора на фонемном уровне. Так, слова в одной строке *Not, Neid; Traum, Tran; Wunsch, Wahn* начинаются на одну и ту же букву. Особенностью семантического уровня является использование в одной строке односложных синонимов (*Scheu, schwach*) или антонимов (*Arm, reich*).

Переводчик избрал стратегию максимально точно передать форму и звучание оригинала и только после сохранения размера и ассонансов обратить внимание на возможное сохранение аллитераций и смысловую точность.

В оригинальном тексте, как уже было отмечено, односложные слова связаны между собой отношениями синонимии или антонимии и отражают основные темы мюзикла: бедность и богатство, слабость и сила, жизнь и смерть, любовь и безумие и т.д. Из авторского посыла можно понять, что замена одного понятия другим, но раскрывающим общую тематику мюзикла (как в строчке «Hart, weich» – «Друг, враг») не искажает общий замысел пролога и не обедняет исходный текст. В представленном переводе переводчику удалось сохранить общий ритмический рисунок, хотя во второй части из-за наличия небольшой паузы между брахиколоном и хореем переводчик в некоторых случаях позволил себе заменить хорей на ямб ради смысловой точности: «Wahnsinn, der uns treibt» – трехстопный хорей, «Безумие – наш флаг» – трехстопный ямб. Кроме того, переводчику удалось сохранить открытый гласный звук «а» во второй стопе брахиколона для идентичного оригиналу звучания: «страсть, власть, транс, хмарь». Были сохранены внутренняя рифма («страсть – власть», «раб – враг» и т.д.), и частично аллитерация («Бред, брань», «ложь, власть», «сбит, слаб»).

Для сохранения семантической точности были использованы лексико-семантические замены. Пример использования конкретизации: лексемы «Arm, reich» («бедный, богатый») были заменены более конкретными существительными («Царь, раб»); в сочетании «der die Welt vergückt» «мир» заменен на слово с более узким значением («нас») – «сводят нас с ума»; вместо «Traum» (сон, мечта) в переводе появляется «Хмарь» (туман, мрак), раскрывающее лишь первое из значений лексемы. Приемы лексических добавлений и опущений были мотивированы чаще не столько языковыми различиями, сколько ограничениями по форме, о которых было сказано выше. Так, были проведены глобальные замены фраз «alles was uns bleibt» на «Бездействие – твой враг» и «Hart, weich» на «Друг, враг».

Примеры использования приема модуляции: фраза «was hat dich zerstört?» переведена как «в могилу что село?». Значение «zerstören» (разрушить) модулировано в значение «убить, свести в могилу».

При переводе использовались замены с использованием ассоциативных связей. Так, фраза «Wahnsinn, der uns treibt» была переведена как «Безумие – наш флаг»: опущение образа знамени, флага восполнил глагол «вести (за собой)» через метафору, общую тематику и ассоциативный ряд. Таким образом, переводчику удалось не только сохранить ритм и музыкальность фразы, но и максимально близко передать смысл оригинала.

Совсем другой размер и ритмический рисунок наблюдается во фрагменте, представленном в Таблице 11. Этот фрагмент является частью Пролога, но исполняется отдельно от основной композиции – в нем меняется музыкальный мотив, ритм, визуальная часть: хор призраков замирает, на сцену вступает Смерть и исполняет данный отрывок.

Табл. 11.

Was hat es zu bedeuten: dies alte Lied Das mir seit jenen Zeiten die Brust durchglüht? Engel nennen's Freude, Teufel nennen's Pein	Чем вызвано страданье в душе моей? Мелодия сознания стремится к ней. Святой нарёк отрадой. Клеймит болезнью бес.
Menschen meinen, es muss Liebe sein	Любви проклятье или дар небес?
Mein Auftrag heißt zerstören. Ich tu es kalt Ich hol, die mir gehören, jung oder alt Weiß nicht, wie geschehn kann, was es gar nicht gibt – Doch es stimmt: Ich habe sie geliebt	Я приношу мученья – таков обряд. Здесь все в моих владеньях: и стар, и млад. Мне чувства не знакомы. Как это может быть, Что смог ее одну я полюбить?

В отличие от ранее представленных фрагментов в этом отрывке стихотворный размер соответствует шестистопному хорюю. Одна строка делится паузой на две части – четырехстопный хорей, пауза, двустопный хорей. Ритмический рисунок меняется на строке «Engel nennen's Freude, Teufel nennen's Pein» – шестистопный ямб делится паузой на две равные части – трехстопный ямб, пауза, трехстопный ямб. В переводе ритмический рисунок не изменен: перехода с хорья на ямб не происходит. Это возможно потому, что музыкальная составляющая не выделяет перемену стихотворного размера ритмически – изменение присутствует только в тексте, поэтому переложение с хорья на ямб или, наоборот, отсутствие этого изменения, не выбивается из музыкального ритма.

Интересно обратить внимание на то, как ритмические ограничения влияют на точность перевода. Чем жестче ограничения, тем сложнее вписать нужный смысл в текстовые рамки. В представленном фрагменте видно, что в отличие от отрывка в Табл. 10, смысловая точность в отрывке из Табл. 11 выше, так как ритм плавный и более свободный, это позволяет переводчику совершать перестановки и переводческие трансформации более удачно.

Еще один пример изменения ритмического рисунка в прологе представлен в Таблице 12. На этот фрагмент стоит обратить особенное внимание, так как строки произносятся в музыкальную паузу. То есть это один из тех редких случаев, когда переводчик не так сильно ограничен количеством стоп. Так, строка «Niemand hat sie je verstanden» соответствует четырехстопному хорюю, а строка «За свободу бросить вызов смерти» построена таким образом, что на третью стопу приходится сразу два слова «бросить вызов». Это возможно только потому, что строки эти не поются, а проговариваются.

Табл. 12.

[Lucheni:] Niemand hat sie je verstanden Nie gab sie die Freiheit auf Sie wollte in das Dunkel blicken	ЛУКЕНИ: За свободу бросить вызов смерти. Кто ее постигнет цель? Она рвалась без страха в бездну!
---	---

Выводы

В данном исследовании на основе перевода пролога мюзикла М. Кунце «Elisabeth» был представлен анализ особенностей, построенный на уровнем подходе. Переводческий анализ затронул следующие уровни восприятия музыкального текста: литературный уровень, музыкальный уровень, культурологический уровень. Был проведен предпереводческий анализ, который помог выявить основные особенности произведения в целом, его тематику, ключевые мотивы и роль мюзикла и героев мюзикла в австрийской и немецкой культуре и истории. Были рассмотрены соотношение музыкального и литературного уровней, а также соотношение смысловой точности и стихотворного размера или рифмы.

Исходя из представленного анализа, можно сделать вывод, что каждый фрагмент требует индивидуального подхода и не существует одной стратегии, которая подошла бы к каждой песне в одинаковой степени хорошо. В мюзикле одну из самых важных ролей играют эстетичность и красота звучания, то есть музыкальный уровень и форма. Тем не менее в зависимости от стихотворного размера и музыкальных пауз имеет место определенная изменчивость и подвижность в форме или смысловой точности. Хотя звучание формирует плавность восприятия песни зрителем, смысловой уровень играет ключевую роль для понимания авторского замысла и образов, а потому переводчик должен стремиться максимально близко раскрыть все детали оригинального либретто на всех уровнях текста.

Литература:

- Казакова Т. А. Художественный перевод. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. 112 с.
- Кудряшова В. Особенности перевода мюзиклов на материале мюзикла «Cats» // Студент – Исследователь – Учитель: материалы 22-ой межвузовской студенческой научной конференции. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 1414-1423.
- Савельева Е. К. О необходимости перевода либретто мюзикла как полноценного художественного произведения (на материале мюзикла «Cats») // Культура. Наука. Интеграция. 2013. №1(21). С. 51-55.
- Хрустачева О. Л. Значение уровневого подхода для перевода либретто мюзиклов / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №2 (3). С. 168-176.
- Шулин В. В. Российский мюзикл в контексте развития жанра / Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. №2 (27). С. 140-143.
- Carpi B. A. A multimodal model of analysis for the translation of songs from stage musicals // Meta. 2020. No.2. Vol. 65. Pp. 420-439.
- Graham A. A new look at recital song translation // Translation review. 1989. No. 29 (1). Pp. 31-37.
- Franzon J. Musical Comedy Translation: Fidelity and Format in the Scandinavian My Fair Lady. Amsterdam, New York: Rodopi, 2005. Pp. 265-297.
- Low P. Singable Translations of Songs // Perspectives. 2003. No.11(2). Pp. 87-103.
- Low P. The Pentathlon Approach to Translating Songs // Dinda L. Gorlee, ed. Song and Significance: Virtues and Vices of Vocal Translation. Amsterdam, New York: Rodopi, 2005. Pp. 186-212.
- Low P. Translating Song: Lyrics and Texts. London: Routledge, 2016.
- Li J. A Three-dimensional Framework of Acculturation in translation of Musicals // Proceedings of the 4th International Conference on Social Science and Higher Education (ICSSHE). Atlantis Press, 2018. Pp. 88-91.
- Mateo M. Performing musical texts in a target language: The case of Spain // Across Languages and Cultures. 2001. No. 2 (1). Pp. 31-50.
- Mateo M. Sunset Boulevard in Spanish Performance: Translations on the Musical Stage // Alicante Journal of English Studies. 2022. No. 37. Pp. 81-103.

- Mates J. *America's musical stage: two hundred years of musical theatre*. Bloomsbury Publishing USA, 1987.
- Platt L. *Musical Comedy on the West End Stage, 1890-1939*. Springer, 2004.
- Richardson C. N. "If I Were Your Mirror" – A Reflection on Austrian History Through Elisabeth das Musical. 2021.

References:

- Kazakova T. A. *Khudozhestvennyy perevod*. [Literary translation]. St. Petersburg: IVESEP, Znanie, 2002. 112 p.
- Kudryashova V. *Osobennosti perevoda myuziklov na materiale myuzikla «Cats»* [Features of the translation of musicals based on the material of the musical "Cats"] // *Student – Issledovatel' – Uchitel': materialy 22-oy mezhvuzovskoy studencheskoy nauchnoy konferentsii*. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2021. S. 1414-1423 [Student – Researcher – Teacher: materials of the 22nd interuniversity student scientific conference. SPb.: RGPU,], 2021. P. 1414-1423.
- Savelyeva E. K. *O neobkhodimosti perevoda libretto myuzikla kak polnotsennogo khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale myuzikla "Cats")* [On the need to translate the libretto of a musical as a full-fledged work of art (based on the material of the musical "Cats")] // *Kul'tura. Nauka. Integratsiya*. [Culture. The science. Integration]. 2013. No. 1(21). pp. 51-55.
- Khrustacheva O. L. *Znachenije urovnevoogo podkhoda dlya perevoda libretto myuziklov* [The importance of the level approach for translating librettos of musicals] / *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*. [Current problems in the humanities and natural sciences]. 2009. No. 2 (3). pp. 168-176.
- Shulin V. V. *Rossiyskiy myuzikl v kontekste razvitiya zhanra* [Russian musical in the context of the development of the genre] / *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture]. 2016. No. 2 (27). pp. 140-143.
- Carpi B. A. *A multimodal model of analysis for the translation of songs from stage musicals* // *Meta*. 2020. No.2. Vol. 65. Pp. 420-439.
- Graham A. *A new look at recital song translation* // *Translation review*. 1989. No. 29 (1). Pp. 31-37.
- Franzon J. *Musical Comedy Translation: Fidelity and Format in the Scandinavian My Fair Lady*. Amsterdam, New York: Rodopi, 2005. Pp. 265-297.
- Low P. *Singable Translations of Songs* // *Perspectives*. 2003. No.11(2). Pp. 87-103.
- Low P. *The Pentathlon Approach to Translating Songs* // Dinda L. Gorlee, ed. *Song and Significance: Virtues and Vices of Vocal Translation*. Amsterdam, New York: Rodopi, 2005. Pp. 186-212.
- Low P. *Translating Song: Lyrics and Texts*. London: Routledge, 2016.
- Li J. *A Three-dimensional Framework of Acculturation in translation of Musical* // *Proceedings of the 4th International Conference on Social Science and Higher Education (ICSSHE)*. Atlantis Press, 2018. Pp. 88-91.
- Mateo M. *Performing musical texts in a target language: The case of Spain* // *Across Languages and Cultures*. 2001. No. 2 (1). Pp. 31-50.
- Mateo M. *Sunset Boulevard in Spanish Performance: Translations on the Musical Stage* // *Alicante Journal of English Studies*. 2022. No. 37. Pp. 81-103.
- Mates J. *America's musical stage: two hundred years of musical theatre*. Bloomsbury Publishing USA, 1987.
- Platt L. *Musical Comedy on the West End Stage, 1890-1939*. Springer, 2004.
- Richardson C. N. "If I Were Your Mirror" – A Reflection on Austrian History Through Elisabeth das Musical. 2021.

Семенова Ю. В.

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

ПУТИ РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКИ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

В статье рассматривается история развития методов когнитивной поэтики. На основе краткого обзора научных трудов на английском и русском языках намечены основные пути развития дисциплины, выявлены общие поля исследований и различия в подходах отечественной и зарубежной науки. Особое внимание уделяется лингвистическому аспекту и различным трактовкам понятия «дискурс» в рамках когнитивной поэтики.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, когнитивная стилистика, лингвистический анализ художественного текста, анализ дискурса

Semyonova Y.

People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

THE WAYS OF COGNITIVE POETICS DEVELOPMENT IN RUSSIAN AND FOREIGN SCIENCE

The article considers the history of cognitive poetics methods development. Based on the brief review of the English and Russian scientific papers, the main ways of the discipline development were outlined, and the common fields and the differences in the approaches of domestic and foreign science were identified. Special attention is paid to the linguistic aspect and to different interpretations of the notion of *discourse* in the frame of cognitive poetics.

Keywords: cognitive poetics, cognitive stylistics, linguistic text analysis, discourse analysis

Появление когнитивной поэтики связывают с выходом в 1992 году монографии израильского ученого Р. Цура (1932–2021) *Towards a Theory of cognitive poetics* [Tsur, 1992]. В ней были заданы основные методологические установки новой дисциплины, определены ее цели, а также представлен обширный материал, посвященный реализации принципов когнитивной поэтики на практике. Последующий анализ работ Р. Цура, в том числе российскими учеными [Ахапкин, 2012], [Тарасова, 2018, с. 15–17], [Лозинская, 2007, с. 92–108], показал глубину и оригинальность его взглядов. В 2002 году вышла книга ближайшего последователя и, по ряду вопросов, оппонента Р. Цура, П. Стоквелла – *Cognitive poetics: an introduction* [Stockwell, 2005], ставшая впоследствии хрестоматийной и выдержавшая несколько переизданий (последнее на данный момент – 2020 года). Оба автора стали постоянными участниками многочисленных сборников статей, посвященных когнитивным исследованиям художественных текстов, которые выходили в Великобритании и США. В этих изданиях продолжалась разработка когнитивной методологии в области поэтики, освещались ее разные аспекты и подходы: со стороны когнитивной стилистики, т.е. когнитивно-лингвистического анализа текста [Cognitive stylistics, 2002], собственно поэтики [Cognitive poetics, 2009],

когнитивной грамматики [Cognitive Grammar, 2014], когнитивного литературоведения [The Oxford Handbook, 2015] и анализа дискурса [Cognitive Linguistic Approaches, 2019].

Несмотря на многообразие точек зрения, магистральная линия исследований в отношении методологии и материала сохранялась на протяжении всех тридцати лет развития дисциплины. П. Стоквелл выделил три базовых аспекта когнитивной поэтики: использование схем (т.е. ментальных конструктов, которые формируются на основе социального и индивидуального опыта), натурализацию отношения к воображаемым мирам (принципы ориентации читателя в текстовом мире аналогичны принципам ориентации в реальном мире) и концепцию воплощенности сознания (*embodiment*, т.е. обусловленность категоризации телесной воплощенностью человека) [Стоквелл, 2021, с. 175]. В соответствии с постулатом когнитивистики об универсальности механизмов мышления и языка⁴⁵, в основе анализа в рамках когнитивной поэтики – всегда когнитивный метод, связанный с тем или иным когнитивным понятием, например, метафорой, дейксисом, ментальным пространством и т.д. Материал исследований разнообразен: разбору подвергаются произведения классические и современные, любых жанров, от романа до экспериментального стиха.

Обозначим наиболее актуальные области исследований в англоязычной ветви когнитивной поэтики. Первая – литературоведческое направление, в том числе, работы направленные на выявление соотношения между понятиями когнитивистики и литературоведения (и шире – эстетики), например, прототип и жанр, гештальт и выдвигание. К этому же направлению можно отнести, пожалуй, самые многочисленные исследования нарратива, основанные на проведении аналогии между организацией мыслительных и художественных миров (заданной еще Дж. Лакоффом); в частности, подобная аналогия проводится с помощью таких понятий как блендинг, текстовые миры, ментальные пространства, характеристика (конструирование характеров), точка зрения, дейксис. К этой области примыкают исследования когнитивной метафоры, в прозе и в поэзии. Второе поле – психолингвистическое, включающее исследования физического восприятия, визуальной и звуковой стороны текстов, преимущественно поэтических, иногда с применением эксперимента, в т.ч. нейронаблюдения. Третье направление фокусируется на «производимых воздействиях»⁴⁶, что предполагает обращение и к психологии, и к эстетике; отдельно выделится тема комического, которая берет начало еще в ранних работах Р. Цура и до сих пор присутствует почти в каждом сборнике по когнитивной поэтике. Также активно изучается понятие креативности. В качестве четвертого направления можно выделить лингвостилистическое; важность которого была обозначена еще в книге П. Стоквелла, подробно описавшего понятие текстуры как стилистической вариативности текста, воспринимаемой в процессе чтения [Stockwell, 2005, с. 168–169]. В англоязычных когнитивных исследованиях встречаются понятия, которые мало представлены в русскоязычной поэтике, например, фигура-фон, иконичность, симуляция.

В ходе развития когнитивной поэтики можно отметить усиление практикоориентированности исследований, например, появилось обращение к переводам [Cognitive Grammar, 2014] и к коммуникативному аспекту поэтики [Cognitive Linguistic Approaches, 2019]. Также намечается тенденция к дифференциации методов, которая, возможно, вызвана самой спецификой материала; в первых сборниках практически не делалось различий между жанрами и видами литературы, а в более поздних, несмотря на сохранение основного постулата когнитивистики об универсальности ментальных процессов, можно наблюдать

⁴⁵ Речь идет о всех формах существования языка (и дискурса), в том числе и о языке художественной литературы; см. напр., предисловие Р. Лэнкнера к сборнику «Когнитивная грамматика в литературе» [Cognitive grammar, 2014, с. 8–9]

⁴⁶ По выражению Р. Цура [Tsui, 1992, с. 1].

распределение содержания по типам текстов, например, поэзия/проза [Cognitive Grammar, 2014], и большую ориентированность определенных методов в отношении определенных видов текстов [Cognitive Linguistic Approaches, 2019].

Обратимся к отечественным работам по когнитивной поэтике. На сегодняшний день на русском языке по этой теме издано несколько монографий, например, [Маслова, 2014], [Тарасова, 2018] и множество статей. Строго говоря, не все работы, основанные на применении когнитивных методов к литературному материалу, родоначальники когнитивной поэтики причислили бы к этому направлению⁴⁷. Так, П. Стоквелл называл важнейшим признаком подлинной когнитивной поэтики рассмотрение чтения как динамического процесса, и считал, что попытки его «закрепления» (*solidification*) превращают когнитивный анализ в «перечень окаменелостей» (*fossil record*) [Stockwell, 2005, с. 168]. Однако, поскольку четких параметров «окаменелостей» представлено не было, остановимся на этих двух характеристиках (метод плюс материал) как «жанрообразующих» для когнитивной поэтики и обозначим основные направления русскоязычных исследований.

Вопросам когнитивной поэтики посвятил ряд статей Д. Н. Ахапкин (СПбГУ); он не только составил глубокие аналитические обзоры англоязычной научной литературы на эту тему [Ахапкин, 2017], но и применил описанные в них методы на практике. В частности, применено понятие концептуального смещения в анализе стихотворения И. Бродского [Ахапкин, 2022], рассмотрена роль «дейсиса к воображаемому» в стихотворении А. Ахматовой [Прокопья и др., 2021], описан механизм «неразрешимой многозначности» в стихотворении В. Строчкова [Ахапкин, 2019]. Как правило, в центре внимания находится текст, исследуются его языковые и интертекстуальные (в том числе, историко-литературные) аспекты; когнитивный инструментарий служит более глубокому пониманию текста, его «расшифровке».

Проблематика когнитивной поэтики широко представлена в работах О. Г. Ревзиной (МГУ): рассматриваются теоретические обоснования направления [Ревзина, 2019], [Ревзина, 2020, с. 508–513]; в ходе анализа текста сопоставляются механизмы сновидения (по Фрейдю) и творческого мышления [Ревзина, 2021]; показывается эффективность одновременного применения методов анализа ментальных пространств и системного анализа текста рассказа [Ревзина, 2020, с. 517–535]. Отметим, что «миропорождающий» подход к исследованию художественного текста, основанный на лингвостилистическом анализе текста (развивающем учение В. В. Виноградова), а также на осмыслении идей М. М. Бахтина, Цв. Тодорова, Р. Барта и др., был представлен в работах О. Г. Ревзиной еще во времена зарождения когнитивной поэтики [Ревзина, 1998].

В монографии И. А. Тарасовой [Тарасова, 2018] (Саратовский ГУ) изучается один из наиболее широко представленных в российских исследованиях подход в рамках когнитивной поэтики – исследования концепта. Первая из трех глав посвящена истории и теории дисциплины; особый интерес вызывает фрагмент о ее российских предшественниках дисциплины (в их числе – А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Л. С. Выготский, Ю. Н. Тынянов, М. М. Бахтин). Вторая и третья главы связаны с изучением концептов, их теорией и практическому рассмотрению в конкретных текстах.

Темы когнитивной поэтики находят отражение и в российских периодических научных журналах. Обратимся к журналу «Когнитивные исследования языка» №3–1(54) за 2023 год. В этом выпуске 168 статей, из них связано с литературой 36; так же, как в англоязычной научной литературе, круг материалов практически не ограничен – ни временем, ни жанрами, ни родным языком. Девять статей связаны с изучением дискурса, пять из них прямо отсылают к

⁴⁷ В книге Р. Цура [Tsui, 1992] есть глава *What isn't Cognitive poetics?*

«когнитивными особенностям» или «когнитивным аспектам» тех или иных видов дискурса. Представлено девять статей о концептах и две – о метафоре; по три работы посвящено организации текстовых пространств (плюс одна статья о художественном времени), характеристике (т.е. способам репрезентации персонажей и создания их отдельных характеристик). Также в названиях двух работ прямо заявлена лингвостилистическая направленность (в качестве объекта или предмета исследования выделены «лингвистические средства», «стилистический эффект»).

Обращает на себя внимание наличие в российских исследованиях двух понятий, отсутствующих в англоязычных источниках: концепт и дискурс. Обоснованию концепта посвящено огромное количество исследований (см., напр., их обзор в [Тарасова, 2018], [Фещенко, 2019]); не будем останавливаться подробно на его особенностях⁴⁸. Что касается дискурса, выявленный «перекос» вызван различиями в трактовке термина, которая в российской традиции гораздо шире. Еще в 2002 году П. Стоквелл указывал на необходимость исследования дискурса в рамках когнитивной поэтики: понятие «дискурс» «подчеркивает, что коммуникативная направленность и функциональность являются неотъемлемыми качествами языка», оно «указывает на текст в условиях его использования (*text in use*), тем самым напоминая нам, что любой подход, рассматривающий язык вне контекста, обречен на неудачу» [Stockwell, 2005, с. 169]. Когнитивная наука, считает он, больше внимания уделяет «индивидуальным аспектам мыслительной деятельности (*mind*)», незаслуженно преуменьшая значение социального и интерактивного измерений человеческого сознания [там же]. Процесс чтения, по мнению П. Стоквелла, «метафорически диалогичен», поэтому к его анализу должны применяться дискурсивные модели. В сборнике [Cognitive Linguistic Approaches, 2019] получила развитие идея о том, что универсальные процессы концептуализации (как разновидности «конструирования») (*construal*) являются не только индивидуально-воплощенными (*embodied*), но и социально-культурно обусловленными (*socio-cultural relative*) [Cognitive Linguistic Approaches, 2019, с. 1], поэтому важно изучать язык в его употреблении, с применением методов дискурс-анализа. В сборнике представлены примеры такого анализа; очевидно, что понятие дискурса здесь рассматривается в рамках коммуникативного подхода.

Российское научное сообщество, как уже отмечалось, подходит к дискурсу более широко. Так, Е. С. Кубрякова выделяет три направления в исследованиях дискурса: классификация типов дискурса (политический, научный, медиа и т.д.), описание отдельных типов дискурса (это направление тесно переплетается с анализом текста) и связь дискурса с коммуникацией, реальным речевым общением [Кубрякова, 2000]. В. И. Карасик, определяя категории дискурса, использует достижения коммуникативного языкознания, структурно-функциональной и лингвокультурологии [Карасик, 2002]. О. Г. Ревзина, развивая идеи М. Фуко, рассматривает разновидности дискурса (дискурсивные формации) на пересечении коммуникативного и когнитивного аспектов; первый связан с прагматическим «языковлением» дискурса, второй – со специализацией (языкового) представления знания; следовательно, дискурсивные формации оказываются соотносимы с функциональными стилями [Ревзина, 2005]. Итак, в рамках когнитивных исследований дискурса изучаются текстуальные и стилистические особенности литературных произведений. Возвращаясь к журналу «Когнитивные исследования языка», можно предположить, что большинство статей связаны

---

⁴⁸ Отметим, что Д.Н. Ахапкин указывал на отсутствие этого понятия в англоязычных сборниках по когнитивистике: «Примечательно, что термин «концепт», наиболее часто употребляемый в отечественных работах по когнитивной лингвистике, в предметном указателе книги отсутствует вовсе, а «концептуальная интеграция» (о которой говорится примерно в половине статей сборника, составленного Заншайн) встречается в статьях лишь пять раз [Ахапкин: 8–9]. Дискуссионным характер концепта считает и Т. Г. Скребцова («Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы», М. 2018. С. 332–335).

именно с таким пониманием (в названиях присутствуют «исторический», «художественный», «поэтический», «драматургический» и «летописный» дискурсы), а с собственно коммуникативным аспектом связан, вероятно, только один материал, посвященный определенной коммуникативной ситуации.

Таким образом, в российских когнитивных исследованиях художественной литературы можно выделить следующие основные направления: литературоведческое, лингвостилистическое, анализ концепта, анализ дискурса. В целом, обращает на себя внимание тексто-ориентированность исследователей, как лингвистическая, так и литературоведческая; чаще когнитивные понятия становятся инструментами в анализе текста, а не тексты – иллюстрацией действия когнитивных механизмов.

Литература:

- Ахапкин Д. Н. Бистабильные тексты: о когнитивных механизмах поддержания неразрешимой многозначности // Критика и семиотика. 2019. №2. С. 136–145.
- Ахапкин Д. Н. Когнитивная поэтика и проблема дейксиса в художественном тексте // Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып. 5. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 252–263.
- Ахапкин Д. Н. Когнитивное литературоведение: От порядка к хаосу и обратно (Рец. на кн.: The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies; Cognitive Grammar in Literature; Armstrong P. V. How Literature Plays with the Brain) // Новое литературное обозрение. 2017, № 1(143). С. 332–345.
- Ахапкин Д. Н. Перечитывая «Декабрь во Флоренции» // И. А. Бродский: Pro et Contra: Сборник статей. РХГА, 2022. С. 527–554.
- Карасик В. И. Категории дискурса // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 287–298.
- Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000. С. 7–25.
- Лозинская Е. В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. научн.-информ. исслед. Отд. литературоведения. М., 2007. 158 с.
- Маслова Ж. Н. Введение в когнитивную поэтику / Introduction into cognitive poetics : учебное пособие. Тамбов, 2014. 250 с.
- Прокопоя В. К., Ахапкин Д. Н., Саенко Е., Жунусова А. Я к розам хочу, в тот единственный сад: роль дейксиса к воображаемому при восприятии поэтического текста // Когнитивная наука в Москве: новые исследования : Материалы конференции 23–24 июня 2021. С. 339–344.
- Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. - Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 66–78.
- Ревзина О. Г. Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста. М., 1998. С. 301–316.
- Ревзина О. Г. Размышления о когнитивной поэтике // Критика и семиотика. 2019, № 2. С. 116–127.
- Ревзина О. Г. Сновидение и художественный текст // Критика и семиотика. 2021, № 1. С. 176–192.
- Ревзина О. Г. Язык и текст : монография. – М., 2020. 558 с.
- Стоквелл П. Когнитивистика невозможных языков // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021, №1. С. 170–180.

- Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. М., 2018. 164 с.
- Фещенко В. В. Из истории когнитивно-лингвистических подходов в отечественной и зарубежной поэтике // Критика и семиотика. 2019, № 2. С. 128–135.
- Cognitive Grammar in Literature / Ed. by Ch. Harrison, L. Nuttall, P. Stockwell, W. Yuan. John. – Benjamins Publishing Company, 2014. 278 p.
- Cognitive Linguistic Approaches to Text and Discourse : From Poetics to Politics. / Ed. by Ch. Hart. – Edinburgh University Press, 2019. 224 p.
- Cognitive poetics : goals, gains, and gaps / Ed. by G.Brône, J. Vandaele // Applications of cognitive linguistics (10). Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 2009. 560 p.
- Cognitive stylistics: Language and cognition in text analysis. / Ed. by E. Semino, J. Culpeper. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. 333 p.
- Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. London / New York: 2005. 204 p.
- The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies / Ed. by Zunshine L.Oxford: Oxford University Press, 2015. 680 p.
- Tsur R. Toward a theory of cognitive poetics. North-Holland: Amsterdam etc., 1992. 573 p.

References:

- Ahapkin D. N. Bistabil'nye teksty: o kognitivnyh mehanizmah podderzhaniya nerazreshimoy mnogoznachnosti // Kritika i semiotika. 2019. №2, 136–145.
- Ahapkin D. N. Kognitivnaya pojetika i problema dejksisa v hudozhestvennom tekste // Kognitivnye issledovaniya. Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 5. M.: Institut psihologii RAN, 2012, 252–263.
- Ahapkin D. N. Kognitivnoe literaturovedenie: Ot porjadka k haosu i obratno (Rec. na kn.: The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies; Cognitive Grammar in Literature; Armstrong P. B. How Literature Plays with the Brain) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017, № 1(143), 332–345.
- Ahapkin D. N. Perechityvaja «Dekabr' vo Florencii» // I. A. Brodskij: Pro et Contra: Sbornik statej. RHGA, 2022, 527–554.
- Karasik V. I. Kategorii diskursa // Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002, 287–298.
- Kubryakova E. S. O ponjatijah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike. Obzor // Diskurs, rech', rechevaja dejatel'nost'. M., 2000, 7–25.
- Lozinskaja E. V. Literatura kak myshlenie: Kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX–XXI vekov: Analiticheskij obzor / RAN. INION. Centr gumanit. nauchn.-inform. issled. Otd. literaturovedeniya. M., 2007. 158 p.
- Maslova Zh. N. Vvedenie v kognitivnuju pojetiku / Introduction into cognitive poetics : uchebnoe posobie. Tambov, 2014. 250 p.
- Prokopenja V. K., Ahapkin D. N., Saenko E., Zhunusova A. Ja k rozam hochu, v tot edinstvennyj sad: rol' dejksisa k voobrazhaemomu pri vosprijatii pojeticheskogo teksta // Kognitivnaja nauka v Moskve: novye issledovaniya : Materialy konferencii 23–24 ijunja 2021, 339–344.
- Revzina O. G. Diskurs i diskursivnye formacii // Kritika i semiotika. - Vyp. 8. Novosibirsk, 2005, 66–78.
- Revzina O. G. Metody analiza hudozhestvennogo teksta // Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta. M., 1998, 301–316.
- Revzina O. G. Razmyshlenija o kognitivnoj pojetike // Kritika i semiotika. 2019, № 2, 116 Ahapkin D. N. Bistabil'nye teksty: o kognitivnyh mehanizmah podderzhaniya nerazreshimoy mnogoznachnosti // Kritika i semiotika. 2019. №2, 136–145.
- Revzina O. G. Snovidenie i hudozhestvennyj tekst // Kritika i semiotika. 2021, № 1, 176–192.

- Revzina O. G. Jazyk i tekst : monografija. – M., 2020. 558 p.
- Stokvell P. Kognitivistika nevozmozhnyh jazykov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2021, №1. S. 170–180.
- Tarasova I. A. Kognitivnaja pojetika: predmet, terminologija, metody: monografija. M., 2018. 164 p.
- Feshhenko V. V. Iz istorii kognitivno-lingvisticheskikh podhodov v otechestvennoj i zarubezhnoj pojetike // Kritika i semiotika. 2019, № 2, 128–135.
- Cognitive Grammar in Literature / Ed. by Ch. Harrison, L. Nuttall, P. Stockwell, W. Yuan. John. – Benjamins Publishing Company, 2014. 278 p.
- Cognitive Linguistic Approaches to Text and Discourse : From Poetics to Politics. / Ed. by Ch. Hart. – Edinburgh University Press, 2019. 224 p.
- Cognitive poetics : goals, gains, and gaps / Ed. by G.Brône, J. Vandaele // Applications of cognitive linguistics (10). Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 2009. 560 p.
- Cognitive stylistics: Language and cognition in text analysis. / Ed. by E. Semino, J. Culpeper. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. 333 p.
- Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. London / New York: 2005. 204 p.
- The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies / Ed. by Zunshine L.Oxford: Oxford University Press, 2015. 680 p.
- Tsur R. Toward a theory of cognitive poetics. North-Holland: Amsterdam etc., 1992. 573 p.

Сеничкина О. А., Постникова М. Н.
Санкт-Петербургский государственный

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ВЕДЕНИЯ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ В СФЕРЕ ИНДУСТРИИ МОДЫ

В статье изучены особенности письменной коммуникации в сфере индустрии моды с бизнес-партнерами стран Азии. В рамках данной работы выполнен анализ корреспонденции с европейскими и азиатскими поставщиками (Китай, Индия, Узбекистан), рассмотрены среды проведения коммуникации (электронная почта, мессенджеры), паттерны, приведшие к положительным и отрицательным результатам. В процессе исследования разработан опросник, проведено анкетирование специалистов данной сферы. На основании результатов анкетирования выявлена необходимость адаптации модуля академического письма с учетом различий культурных кодов коммуникантов. Даны рекомендации по составлению писем для эффективной коммуникации.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный английский язык, межкультурная коммуникация, деловая переписка, навыки письма, индустрия моды

Olga Senichkina, Mariia Postnikova
Saint Petersburg State University

NEW CHALLENGES IN TEACHING BUSINESS CORRESPONDENCE IN THE FASHION INDUSTRY

The article examines the features of written communication in the fashion industry with Asian business partners and presents the analysis of the letters from Chinese, Indian and Uzbekistan suppliers. Communication environments (e-mail, messengers) and patterns that led to positive and negative results were considered. In the course of the experiment, a questionnaire was developed, a survey of specialists working in this field was conducted. The survey analysis revealed the require to update the academic writing module taking into account the differences in the cultural codes of communicants. Recommendations on writing letters for effective communication are given.

Key words: ESP, cross-cultural communication, business correspondence, writing skills, fashion industry

На современном этапе список стран, с которыми сейчас взаимодействуют российские компании в сфере индустрии моды изменился и расширился. Еще несколько лет назад российские сотрудники на регулярной основе посещали Италию и Францию с целью участия и обмена опытом на профессиональных текстильных выставках, а также приобретения материалов и образцов. Необходимо отметить, что в основном цель коммуникации достигалась за счет устного взаимодействия.

В настоящее время фокус сместился на страны Азии: Китай, Индия, Бангладеш, Турция, Узбекистан, Корея, а желаемый результат обеспечивается за счет письменного диалога. Более

того, тот стиль ведения переписки, который был ранее эффективен с применением английского языка как посредника при сотрудничестве с европейскими странами, не является в той же степени успешным. Соответственно, требуются изменения и адаптации к новым условиям. Цель данной работы – анализ текстов деловой корреспонденции с европейскими и азиатскими партнерами, выявление общих тенденций и закономерностей, адаптация уже существующих паттернов для их дальнейшего использования в интеракции с партнерами стран Азии и разработка стратегий по ведению успешной коммуникации. Как в случае устного, так и письменного контакта со всеми перечисленными странами, координация ведется на английском языке.

Роль английского языка в индустрии моды

С целью определения значения английского языка в профессиональной деятельности специалистов индустрии моды, была разработана профессиограмма дизайнера одежды, которая включает в себя измеримые навыки, связанные с задачами, функциями, компетенциями в определенной отрасли (“hard skills, жесткие навыки”), а также умения эффективно формулировать мысли и идеи, самостоятельно находить решение проблем, работать в команде (“soft skills, гибкие навыки”) [Nang Kum, 2002, с. 64]. Основываясь на результатах анализа представленной профессиограммы, было установлено, что в современном деловом контексте к «жестким» навыкам наряду с такими умениями, как разработка коллекции, анализ тенденций и владение графическими программами, также относятся межкультурное взаимодействие, коммуникация и знания английского языка.

В связи с тем, что в настоящее время английский язык является неотъемлемой частью жестких навыков, его обучению уделяется особое внимание как на уровне подготовки специалистов в учебных заведениях, так и во время проведения мероприятий по повышению квалификации на предприятиях. В частности, обучение профессионально-ориентированному английскому языку в Санкт-Петербургском Университете Промышленных Технологий и Дизайна осуществляется по учебным пособиям “English for the Fashion Industry” Mary E. Ward и «Английский в индустрии моды» Казаковой Е. В., Юрасовой Н. К., Дружковой С. Г. Обучение навыку деловой переписки выполняется по учебникам “Successful Writing” V. Evans. Однако, основываясь на специфике культурного кода стран, с которыми Россия взаимодействует в данный момент, можно сделать выводы о том, что имеющиеся пособия уже не полностью покрывают весь спектр необходимых умений и знаний для успешного сотрудничества с новыми партнерами.

Географическая отдаленность стран Азии от Европы, а также значительные отличия в языках, менталитете, устном общении и ведении письменного дискурса формируют новые вызовы в преподавании ведения деловой переписки.

Во время исследования был проведен опрос среди специалистов 5 предприятий Москвы и Санкт-Петербурга. В нем приняли участие дизайнеры одежды, закупщики, менеджеры по продукту, технологи, специалисты конструкторского отдела с опытом работы более 6 лет. Целью опроса было выявление видов речевой иноязычной компетенции, являющимися наиболее актуальными для сотрудников. На рис. 1 представлен результат опроса, показавший, что «очень важные» и «важные» навыки — это продуктивные, а не рецептивные. Таким образом, абсолютное большинство респондентов ответили, что письмо является наиболее важной компетенцией в рабочем процессе, так как все задачи в коммуникации с деловыми партнерами решаются посредством деловой переписки, в то время как важность устного ведения диалога отметили только 80% информантов. Чтение и аудирование занимают треть и

четвертое места соответственно. Последнее обусловлено тем, что в настоящее время бизнес-командировки происходят значительно реже и заменяются видео- и аудио-конференциями при необходимости с участием переводчика или субтитров с автопереводом.

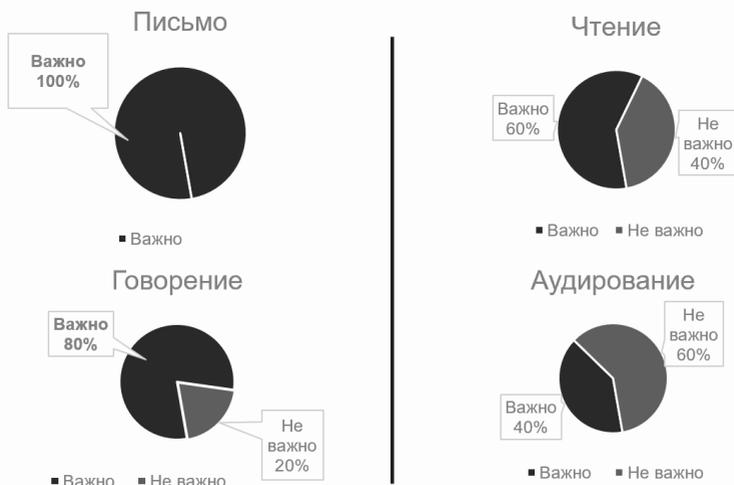

Рис. 1. Результаты опроса

В результате опроса было установлено, что основными темами коммуникативных ситуаций между сотрудниками и деловыми партнерами являются: презентация компании, установление контакта, подписание договора, размещение заказа, комментирование образцов, разрешение конфликтов (задержание оплаты, снижение цены), проведение аудита для сертификации продукции.

Особенности ведения деловой переписки

Поскольку взаимодействие ведется между странами, где английский язык является Лингва франка, необходимо упомянуть концепцию Global English. Для неё характерна стандартизация как словарного запаса, так и грамматических правил, избегание сложных грамматических конструкций. В переписке следует использовать активный залог действия, давать прямые и лаконичные ответы. Таким образом, ответ “*Unfortunately, that doesn't really seem to be the case*” на вопрос “*Do you think the order will be ready by the 11th of April?*” является некорректным. Также рекомендуется свести к минимуму фразовые глаголы и идиомы, чтобы избежать конфликтов и недопонимания [Dodds, 2021]. Общеизвестная идиома “*I don't suppose you would mind*”, принятая для вежливой формы вопросов в британском и американских вариантах английского языка, не уместна в переписке с азиатскими партнерами, т.к. не отвечает критерию лаконичности. В частности, предложение «*the factory has closed down for good*» может быть понято неверно без знания идиомы “*for good*” в значении «навсегда» и получить некорректный перевод «фабрика закрылась во благо». Другой пример идиомы, имеющей

двусмысленное значение особенно в контексте производства текстильной промышленности, – “to cut corners”. В предложении “The only way to get the order on time is to cut corners” имеется в виду, что необходимо пойти по легкому пути, а не срезать углы в изделиях.

При рассмотрении особенностей деловой переписки с европейскими странами, такими как Великобритания, Италия, Франция, можно отметить, что главным приоритетом является соблюдение высокого уровня формальности. Письма должны быть написаны в официальном регистре, в соответствии с установленными стандартами деловой переписки без грамматических и стилистических ошибок [Котий, Гюльмисаров, 1998]. Уместно использование сослагательного наклонения, которое помогает выразить вежливость и уважение к адресату в обращениях “I would like to inquire about” (Я хотел бы узнать), просьбах “We kindly request that you provide us with the necessary documents” (Мы любезно просим вас предоставить нам необходимые документы) или благодарности “We would appreciate your prompt response” (Мы были бы признательны за ваш оперативный ответ). В случае необходимости уточнения нескольких рабочих вопросов, их рекомендуется формулировать в одном письме.

В рамках данного исследования была проанализирована переписка с деловыми партнерами сферы легкой промышленности из Китая, Индии, Узбекистана. Анализ текстов показал, что партнерам из КНР предпочтительнее писать короткие и лаконичные письма, а после установления контакта желательно переходить в китайскую социальную сеть “WeChat” – что увеличивает эффективность взаимодействия с поставщиками. В электронной переписке приемлемо использование акронимов (FYI, ASAP), сокращений и невербальных знаков (эмодиконов), которые обычно являются характерными чертами переписки в мессенджерах. В связи с этим в коммуникации уместен полуофициальный регистр в отличие от корреспонденции с европейскими странами. Наряду с этим важно учитывать культурные особенности и праздники, такие как Китайский Новый Год, День осеннего равноденствия, а также выражать понимание и уважение к данному аспекту. Стоит уделять значительное внимание установлению и поддержанию хороших отношений, так как они играют важную роль в азиатских культурах. Китайские менеджеры могут подтверждать и уточнять информацию несколько раз, чтобы избежать недоразумений. Однако, если партнер говорит о сложностях с выполнением задачи, возможно это означает «нет», поскольку на востоке не принято давать категоричный отрицательный ответ [Scroop, 2018]. В частности, пример из деловой переписки с менеджером: “We have never met such audit before so I’m not sure if we can achieve this successfully” (Мы еще никогда не сталкивались с подобным аудитом, поэтому я не уверен, сможем ли мы пройти его успешно) означал отказ от прохождения сертификационного аудита.

Деловая переписка с поставщиками из Индии имеет свои особенности, которые важно учитывать для успешного ведения бизнеса. Индийская культура отличается высокой степенью формальности, поэтому необходимо начинать письма с уважительных обращений, таких как “Dear Mr/ Mrs.” и поддерживать почтительный тон на протяжении всей переписки. В деловой культуре Индии принято начинать сообщение с длинных приветствий, например после обращения к адресату можно увидеть “Good afternoon/ day”, а также следует использовать официальный регистр и сослагательное наклонение для проявления вежливости. В данном регионе отношение ко времени может быть более гибким, поэтому ответы на письма могут задерживаться вплоть до 2-3 рабочих дней. Следовательно, необходимо планировать больше времени на обсуждение рабочих задач и решать вопросы в несколько этапов. Индийские деловые партнеры могут избегать открытого выражения отрицательного ответа, поэтому важно поощрять активную обратную связь и обсуждать все аспекты сделки. Если в письме поставщик пишет “I’ll see what I can do” (Я посмотрю, что можно сделать), то это подразумевает ответ

«нет». Кроме того, в переписке важно подробно и детально уточнять все условия, включая сроки, количества и цены.

Коммуникация с поставщиками из Узбекистана ведется на английском и русских языках и по уровню формальности похожа на стиль ведения переписки с Индией. Письмо также следует начинать с уважительного обращения, приветствия и выражения благодарности, это помогает настроить адресата на положительный тон и установить хорошие отношения. Также как и в коммуникации с индийскими партнерами требуется последовательно решать задачи, проявляя при необходимости уступки и идти на компромиссы. Еще одной общей тенденцией с другими странами Азии стала малая вероятность получить категоричный отрицательный ответ от партнеров Узбекистана. По аналогии работы с китайскими поставщиками для решения рабочих вопросов в более короткие сроки рекомендуется переходить в мессенджер. Для данного сегмента предпочтительно использование “Telegram”.

В табл. 1 представлен пример отличия стилистики и объема одного и того же вопроса, касающегося статуса заказа, в переписке с разными странами. Для европейской страны запрос оформлен в соответствии с принятыми стандартами с использованием сослагательного наклонения. Для китайских партнеров сообщение более кратко и лаконично, содержит сокращение. Тогда как в письмах поставщикам Индии и Узбекистана, вопрос содержит модальность, выражает вежливость и уважение к адресатам.

Табл. 1. Отличия в оформлении вопроса поставщикам Европы, Китая, Индии, Узбекистана

Европа	Китай	Индия	Узбекистан
I would appreciate it if you could provide me with an update on the expected date of the finished order.	Tell me pls when my order will be ready.	Could you please give me information regarding the order status?	Could you please inform me if the order is ready?

Роль межкультурной компетенции

Для понимания особенностей взаимодействия, а вследствие и эффективной коммуникации на английском языке со странами, имеющими различный культурный код, необходим высокий уровень сформированности межкультурной компетенции. Данная работа основана на определении, что межкультурная компетенция «предполагает умения адекватно понимать и интерпретировать лингвокультурные факты, основываясь на сформированных ценностных ориентирах и оценках своей и чужой культуры. В ее основе лежат принципы толерантности, плюрализма, лингвистического многообразия» [Азимов, 2010, с. 134]. Сформированная межкультурная компетенция, необходимая для привлечения и удержания как потенциальных, так и фактических партнеров, в результате может привести к установлению доверительных отношений с клиентами из разных культур и успеху компании на международном рынке. Если межкультурная компетенция сформирована на низком уровне, то диалог культур не будет достигнут, и как следствие компания могут ожидать проблемы с поставками, неудачный дизайн или неуспешные маркетинговые кампании, приводящие к финансовым потерям. Одним из подобных примеров является неудачная международная кампания “Pepsi”, запущенная в 1960-е гг. Напиток привлек внимание покупателей в западных странах, но не в Китае, поскольку рекламный слоган “Come alive! You’re in the Pepsi”

Generation!” (Оживай! Ты принадлежишь к поколению Pepsi!) перевели на мандаринский диалект в значении «Пепси воскресит ваших умерших предков» [Лоу, 2019]. Другой пример низко сформированной межкультурной компетенции представлен американским универмагом “Walmart”, открывшем новые торговые точки в 2002г. в Японии. Слоган “Every Day Low Prices” (Низкие цены каждый день), использованный в данной кампании был воспринят негативно населением Японии, поскольку в этой культуре низкие цены приравниваются к низкому качеству, вследствие этого универмаг не пользовался спросом среди японцев [Rowley, 2005]. Однако в большинстве крупных российских компаний, понимают важность высокого уровня сформированности межкультурной компетенции и экстралингвистических составляющих переписки, поэтому проводят для сотрудников страноведческие семинары на русском языке.

На основе результатов исследования разработан модуль учебного курса на 12 ак.ч., направленный на учет межкультурных различий с целью ведения деловой переписки в сфере индустрии моды. Он включает в себя особенности ведения переписки с вышеперечисленными странами Азии, задания на отработку навыка письма и пакет контрольно-измерительных материалов. При применении разработанных в рамках данной работы паттернов сотрудники предприятий, являющиеся целевой аудиторией курса, смогут продуктивно переключаться между переписками без потери рабочего времени.

Учет межкультурных различий позволит диалогу культур в сфере индустрии моды не просто «состояться», но и быть экономически успешным и эффективным.

Литература:

- Азимов, Э. Г., Шукин, А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.
- Говорун С. В., Сеничкина О. А. Роль профессиограммы в процессе разработки программы ESP (на примере морских специальностей) // Языки и культуры: междисциплинарные исследования. Сборник статей / под ред. С. Ю. Рубцовой (отв. ред.), Е. К. Рохлиной. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2021. — 712 с.
- Деловая переписка с иностранными фирмами. Практическое пособие. Москва: Имидж, 1991.
- Казакова, Е. В. Английский в индустрии моды / Е. В. Казакова, С. Г. Дружкова, Н. К. Юрасова. М.: Инфра-М, 2023.
- Котий, Г. А. Деловые письма на английском языке. Образцы с переводом на русский язык (практическое пособие) / Г. А. Котий, В. Р. Гольмисаров. М.: Федеративная Книготорговая Компания, 1998.
- Сеничкина О. А., Постникова М. Н. Особенности межкультурной коммуникации в индустрии моды // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Перевод и иностранные языки в глобальном диалоге культур». 2023.
- Бод Д Kind regards. Деловая переписка на английском / Д Бод. – Москва : Альпина Паблишер, 2015.
- Evans V. Successful Writing Proficiency / Virginia Evans. – EU : Express Publishing, 2011.
- Lewis R. D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. 3rd ed. Boston, London: Nicholas Brealey International, 2006. 595 p. [Электронный ресурс] URL: <http://www.utntyh.com/wp-content/uploads/2011/11/When-Cultures-Collide.pdf> (дата обращения: 12.10.2022)
- Nang Kum J. An Intellectual for Higher Education: A Discourse of Awareness/ Dr Julius Nang Kum. – Ukiyoto Publishing, 2022.
- Ward, Mary E. English for the Fashion Industry / Mary E. Ward. – United Kingdom : Oxford University Express, 2016.

Источники:

- Dodds E. What Is Global English and Does It Really Matter // leonardoenglish: сайт. 2021. URL: <https://www.leonardoenglish.com/blog/global-english> (дата обращения: 20.03.2023)
- Lou R. Top 5 Big Mistakes Foreigners Make when Marketing in China // Medium: сайт. 2019. URL: <https://chinaknows.com/top-5-big-mistakes-foreigners-make-when-marketing-in-china-ebd89ee37265> (дата обращения: 14.01.2023)
- Scroope C., Evason N. Business Culture in Chinese Culture // Cultural Atlas: сайт. 2017. URL: <https://culturalatlas.sbs.com.au/chinese-culture/chinese-culture-business-culture> (дата обращения: 06.03.2023)
- Scroope C. Business Culture in Indian Culture // Cultural Atlas: сайт. 2018. URL: <https://culturalatlas.sbs.com.au/indian-culture/indian-culture-business-culture#indian-culture-business-culture> (дата обращения: 06.03.2023)
- Rowley I. Japan Isn't Buying the Wal-Mart Idea. // Bloomberg. 2005. 28 февраля. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2005-02-27/japan-isnt-buying-the-wal-mart-idea?utm_source=website&utm_medium=share&utm_campaign=copy (дата обращения: 12.01.2023)

References:

- Azimov A. G., Shchukin A. N. Novyj slovar metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam) / A. G. Azimov, A. N. Shchukin. – M Ikar – 448 с.
- Govorun S. V., Senichkina O. A. The Role of a Pofessionogram in the Process of Program development (for ESP marine studies) // Yazyki i Kultury: Mezhdistsiplinarnye Issledovaniya. Sbornik Statei / pod red. S. U. Rubtsovoi (otv red.), E. K. Rohlinoy. SPb.: SPb University, 2021. — 712 s.
- Delovaya perepiska s inostrannymi firmami. Prakticheskoe posobie / Moscow : Imidg, 1991. – 432 с
- Kazakova E. V. Angliyskii v industrii mody / E. V. Kazakova, S. G. Druzhkova, N. K. Urasova. – Moscow : Infra-M, 2023.
- Kotii G. A. Delovye pisma na angliiskom yazyke. Obraztsy s perevodom na russkii yazyk (prakticheskoe posobie) / G. A. Kotii, V. R. Golmissarov. Moscow : Federativnaya Knigotorgovaya Kompaniya, 1998.
- Senichkina O. A., Postnikova M. N. Cross Cultural Communication in The Fashion Industry When Teaching ESP // Materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Perevod i inostrannye yazyki v globalnom dialoge kultur». 2023.
- Bod D Kind regards. Delovaya perepiska na angliyskom / D Bod. – M : Alpina Publisher, 2015.
- Evans, Virginia Successful Writing Proficiency / Virginia Evans. – EU : Express Publishing, 2011.
- Lewis R. D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. 3rd ed. Boston, London: Nicholas Brealey International, 2006. URL: <http://www.utntyh.com/wp-content/uploads/2011/11/When-Cultures-Collide.pdf> (дата обращения: 12.10.2022)
- Nang Kum J. An Intellectual for Higher Education: A Discourse of Awareness/ Dr Julius Nang Kum. – Ukiyoto Publishing, 2022.
- Ward, Mary E. English for the Fashion Industry / Mary E. Ward. – United Kingdom : Oxford University Express, 2016.

МНОГОМЕРНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОРМАТ: СОВРЕМЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬБОМ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА И ЕГО РОЛЬ В ПЕРЕДАЧЕ БАЗОВЫХ ЗНАНИЙ И ЦЕННОСТЕЙ

С момента зарождения жанра иллюстрированного альбома (в Европе он впервые появился в XVII веке), он не только играет свою роль в укреплении культурных и общественных связей и не только способствует их трансформации, но и обеспечивает материальную основу для фиксации памяти, ранее передававшейся от поколения к поколению только в устной форме. Независимо от растущей популярности виртуальных технологий, предоставляющих неограниченный и равноценный допуск к печатной продукции самой широкой публики, бумажный формат иллюстрированного альбома по-прежнему востребован в школе и дома детьми с самого раннего возраста.

Данная статья представляет собой размышление о современном иллюстрированном альбоме для детей и юношества и его значении для читателя. Сегодня альбом задействует особые пространственные и временные коды ради привлечения читательского интереса. Таким образом, читателю передаются важнейшие с культурной точки зрения вечные ценности, понятия, выполняющие образовательную или педагогическую функцию, а также представляющие собой структурирующую модель для обучающегося. Знакомство с иллюстрированным альбомом способствует развитию мыслительного процесса ребёнка посредством аналитических способностей, критического восприятия, идущего параллельно с развитием интереса к художественной литературе, и закладывает основы разумного поведения.

Ключевые слова: литература для детей и юношества, передача ценностей, обучение, педагогика, катарсис.

THE CONTEMPORARY YOUTH ALBUM, A POLYMORPHIC LITERARY FORM FOR THE TRANSMISSION OF ESSENTIAL VALUES AND KNOWLEDGE

Perpetuating and modifying the transmission of cultural and societal values, the paper album, since it first appeared in Europe in the 17th century, made it possible to materialize the transmission of a memory that had previously been oral. Notwithstanding virtual technology, which makes albums accessible to a wider public and almost ubiquitously, paper albums are still popular in homes and schools, from an early age. We sketch out a reflection on the contemporary children's album and what it conveys to the reader. Today's albums play with codes and spatial and temporal dimensions to captivate readers. In this way, important values are transmitted from an intergenerational cultural point of view, as well as ideas of educational or pedagogical value, and a structuring model for the developing being. This gives access to the development of reflective thinking through the summoning of analytical skills and a critical sense solicited through love to literature, and opens the way to action bearing wisdom.

Keywords: literature for children, illustrated album, polymorph aspect, illustration, text, educational value, cultural values

L'ALBUM DE JEUNESSE CONTEMPORAIN, UNE FORME LITTÉRAIRE POLYMORPHE POUR LA TRANSMISSION DE VALEURS ET DE SAVOIRS ESSENTIELS

Perpétuant et modifiant la transmission des valeurs culturelles et sociétales en faisant son apparition, en Europe, au XVIIe siècle, l'album édité permet de matérialiser la transmission d'une mémoire jusque-là orale. Nonobstant la technologie virtuelle, qui rend accessible les albums de façon quasi ubiquitaire, l'album sous format papier est toujours plébiscité, et ce dès le plus jeune âge. Nous esquissons une réflexion sur l'album de jeunesse contemporain et ce qu'il transmet au lecteur. L'album d'aujourd'hui joue avec les codes et les dimensions spatiale et temporelle pour captiver le lectorat. Sont alors transmises des valeurs importantes d'un point de vue culturel intergénérationnel, des idées à valeur éducative ou pédagogique, ainsi qu'un modèle structurant pour l'être en formation. Ceci donne accès au développement d'une pensée réflexive par la convocation des capacités d'analyse, du sens critique sollicité par les éléments de sensibilisation à la littérature, et ouvre la voie à un agir plus enclin à la sagesse.

Mots-clés: littérature jeunesse, transmission, éducation, pédagogie, catharsis

Aujourd'hui et plus que jamais, à l'heure où l'intelligence artificielle rend accessible quasi instantanément le savoir et les loisirs, les albums de jeunesse sont toujours autant plébiscités, qui plus est sous leur format papier, et ce dès le très jeune âge. Notre communication se veut une réflexion sur l'album de jeunesse contemporain et ce qu'il transmet au lecteur : à travers les doubles-pages alliant art pictural et art littéraire et le format physique et structural spécifique des albums, quelles valeurs sont véhiculées, et selon quels procédés ?

En prenant avantage de sa situation d'entre-deux entre art plastique et littéraire, l'album d'aujourd'hui joue avec les codes et les dimensions spatiale et temporelle pour captiver le lectorat, et lui esquisser ce que la littérature et le dessin alliés peuvent lui apporter. Sont alors transmises des valeurs importantes d'un point de vue culturel intergénérationnel, des idées à valeur éducative ou pédagogique ainsi qu'un modèle structurant pour l'être en formation. Ceci donne accès au développement, dans le cadre d'une lecture analytique, d'une pensée réflexive et de l'analyse littéraire. Nous verrons aussi comment l'album peut ouvrir la voie à un esprit enclin à la sagesse, pour peu que l'on observe le pouvoir cathartique de ce genre de littérature.

I. Transmission de valeurs sociétales intergénérationnelles

C'est à travers les écrits, et en particulier les contes, qui de par leur structure codifiée, leur trame simple et un schéma souvent récurrent, que les valeurs fondamentales des sociétés se sont transmises et se transmettent encore aujourd'hui. Le conte permet tout d'abord une transmission culturelle orale intergénérationnelle, puisque jusqu'au XVIIe siècle en Europe, ces contes étaient transmis oralement d'une génération à l'autre. Avec la diffusion plus ample des imprimés, ces histoires, qui véhiculent des valeurs ethniques, familiales et morales, peuvent être diffusées à plus grande échelle et ainsi passer non seulement d'une génération à l'autre mais aussi d'un pays à l'autre, permettant des échanges culturels transfrontaliers et favorisant l'ouverture d'esprit, de même que l'assurance d'une pérennité plus fiable par l'impression. La transmission des histoires devient hybride ou multiple, se réalisant oralement, encore maintenant, par les histoires racontées ou mises en scènes par les adultes pour les enfants, ou

scripturalement par la lecture commune entre adultes et enfants, notamment lors du rituel de l'histoire du soir : le conte est un outil d'intercommunication puissant entre adultes et enfants. De surcroît, la lecture autonome élargit le champ des possibles de la transmission. C'est ainsi que certains contes sont véhiculés depuis des générations : par le conte, raconté ou mis en album, l'enfant s'inscrit dans l'histoire de l'humanité.

Les grands classiques sont toujours, incontestablement, les contes de Perrault [Perrault, 2012] qui, depuis leur première édition en 1697, n'ont de cesse de nourrir les générations d'enfants et d'auteurs, les uns étant captivés par le texte et les illustrations et ce qu'ils leur apportent de nourriture intellectuelle, spirituelle et d'imagination, les autres reprenant, adaptant le texte ou les images à leur époque ou à leur façon, jouant avec les codes du genre tout en conservant le fond de l'histoire ou en y faisant écho. De fait, ce sont les frères Grimm qui au XVIIIe siècle opèrent un renversement de la fin du texte. En effet, la structure générale est conservée. Les jalons narratifs sont les suivants :

1. Mise en scène de l'héroïne
2. Rencontre avec le loup
3. Chez la grand-mère
4. Fuite de la fillette, mort du loup

Or, voici la fin de la version de Perrault :

Moralité

On voit ici que de jeunes enfants,
Surtout de jeunes filles
Belles, bien faites, et gentilles,
Font très mal d'écouter toutes sortes de gens,
Et que ce n'est pas chose étrange,
S'il en est tant que le loup mange.
Je dis le loup, car tous les loups
Ne sont pas de la même sorte;
Il en est d'une humeur accorte,
Sans bruit, sans fiel et sans courroux,
Qui privés, complaisants et doux,
Suivent les jeunes demoiselles
Jusque dans les maisons, jusque dans les ruelles ;
Mais, hélas ! qui ne sait que ces loups doucereux,
De tous les loups sont les plus dangereux. [Perrault, 1697, en ligne]

Dans cette dernière, la trame narrative est tout au long explicite, les actions violentes, et la fin malheureuse débouche sur une morale directe. L'avertissement à l'usage des petites filles leur intime entre les lignes : « Petites filles, méfiez-vous du loup ! » Sous forme de morale inhibitrice pour les jeunes filles devant la représentation archétypale de l'homme animalisé en loup, la métaphore de la violence masculine à l'encontre de la gent féminine est nette. La fin de la version de Grimm est presque diamétralement opposée à celle de Perrault.

Il se prépare à faire feu lorsque tout à coup l'idée lui vient que le Loup pourrait bien avoir avalé la grand-mère et qu'il serait peut-être encore possible de la sauver. Il ne tire pas, mais prend des ciseaux et commence à ouvrir le ventre du Loup endormi. A peine avait-il donné quelques coups de ciseaux qu'il aperçoit le Chaperon rouge. Quelques coups encore et la voilà qui sort du Loup et dit : "Ah, comme j'ai eu peur ! Comme il faisait sombre dans le ventre du Loup !" Et voilà que la grand-mère sort à son tour, pouvant à peine respirer. Le petit Chaperon rouge se hâte de chercher de grosses pierres. Ils en remplissent le ventre du Loup. Lorsque celui-ci se réveilla, il voulut s'enfuir. Mais les pierres étaient si lourdes qu'il s'écrasa par terre et mourut.

Ils étaient bien contents tous les trois : le chasseur dépouilla le Loup et l'emporta chez lui. La grand-mère mangea le gâteau et but le vin que le petit Chaperon rouge avait apporté. Elle s'en trouva toute ragaillardie. Le petit Chaperon rouge cependant pensait : « Je ne quitterai plus jamais mon chemin pour aller me promener dans la forêt, quand ma maman me l'aura interdit. » [Frères Grimm, 1812, en ligne]

La version allemande propose une fin heureuse, où l'adjuvant, représenté par le chasseur, sauve les personnages féminins, l'héroïne et le destinataire, du méchant, le loup, en ôtant tout sentiment de culpabilité chez le sujet ou le lecteur (plus particulièrement les petites filles). De plus, la morale est mise dans les pensées de l'héroïne et se révèle positive.

C'est pourtant la version de Perrault qui est restée populaire. Bruno Bettelheim [Bettelheim, 1976] discrédite cette audience, avançant le fait que dans cette version-là le langage, beaucoup trop explicite, empêche l'imagination de se déployer pour découvrir le sens caché du conte, et contraint le lecteur à une seule signification en lui assénant qui plus est une morale univoque. Nous nuancerions ce propos, premièrement en contextualisant le conte de Perrault, auteur chrétien écrivant dans un siècle rigoriste et moralisateur, d'autre part en suggérant l'idée que l'explicite de la morale peut précisément être le point de départ à une réflexion argumentée de la part des jeunes lecteurs sur ce qu'ils pensent des relations et du comportement des différents personnages entre eux. Leur pensée peut se différencier de celle du conte dans la vie réelle, tout en prenant en compte la part de vérité que recèle cette conclusion à l'heure actuelle, conclusion qui appelle à la prudence sans pour autant verser dans la terreur, ce qui fait tout l'intérêt du récit mis en album. La temporalité de papier offre l'opportunité de la réflexion sur les valeurs que l'on veut transmettre à la génération en formation.

II. Valeur éducative : formation de citoyens responsables dans un monde multiple

En cela, les contes revêtent une valeur éducative, du fait qu'ils opposent généralement les forces du bien à celles du mal. La plupart des albums dont la valeur éducative est prégnante choisissent de faire triompher le bien, ce qui élève ces récits au rang de modèles. Ils distillent des conseils de vie et peuvent contribuer en ce sens à une éducation civique, qui prend en compte l'aspect multidimensionnel du monde et des êtres qui le constituent. De fait, les contes d'aujourd'hui se doivent de former des citoyens vivant dans un monde multiculturel dans lequel ils doivent évoluer en s'épanouissant avec leurs propres valeurs et en les défendant pour les perpétuer, tout en vivant avec celles des autres, ce qui nécessite de les comprendre ou d'y être un tant soit peu sensibilisé. Cette éducation civique référant aux notions de dignité et de respect transmissibles par la lecture et l'analyse d'albums choisis sont en particulier développées dans les recherches et les propositions d'Auger et Fleuret [Auger, Fleuret, 2021] concernant l'intérêt éducatif de l'album, notamment dans des classes plurilingues ou avec des élèves à besoins spécifiques.

L'album *Triolette* [Blanchet, 2020] dont le récit met en scène des communautés de lutins et d'animaux métaphoriques des communautés humaines, évoque ce qui se joue dans les relations entre êtres vivants de différentes espèces ou issus de cultures diverses. Jalousie, rivalité, géopolitique autour de la question de la possession des biens et du territoire, ce qui renvoie à la notion d'opposition entre le bien et le mal dans la nature de l'homme, question fondamentale du siècle des Lumières dont débattirent en particulier Rousseau et Hobbes, apparaissent dans le récit. *Triolette* cautionne la pensée rousseauiste, tout en prenant à contrepieds certaines idées reçues, et en incitant les jeunes enfants à faire appel à leur capacité d'inhibition : les différentes espèces animales peuvent vivre en harmonie sans forcément partager les mêmes valeurs, elles ont la capacité de s'entraider en mettant leurs talents respectifs au service des autres, et les animaux rusés, comme le renard, l'un des protagonistes de l'histoire, que le préjugé classe comme malin et à éviter, peut utiliser son flair pour soutenir de plus faibles que lui. L'image ici est à la fois redondante et complémentaire par rapport au texte. Elle illustre

les « forces conjuguées » [Blanchet, 2020, p. 22] et, en faisant apparaître le renard de taille géante derrière les parents de *Triolette* sur la page de gauche et face à *Triolette* elle-même sur la page de droite, en protecteur et faisant montre de gestes délicats pour la lutinette, elle indique le possible retournement des idées reçues et le triomphe d'une nature bonne en tous les êtres humains, humains qui sont animalisés dans ce récit.

III. Valeur pédagogique

Les contes proposent aussi parfois des explications du monde et des phénomènes naturels, ce qui leur fait endosser une valeur hautement pédagogique. Le parangon des récits qui proposent une explication sur l'origine des éléments et tentent de répondre aux questions répétées des enfants férus de découvrir les causes et les processus qui régissent la nature et les événements historiques sont les contes étiologiques. Ces contes, qui ont pour vocation d'expliquer de façon imaginaire un fait réel, comme un phénomène naturel, la particularité d'un animal ou un comportement humain, proposent une cause aux faits actuels de façon imaginaire, originale, fantaisiste, poétique et non scientifique. Leur structure, simple et codifiée, permet aux enfants de suivre les étapes de développement de l'élément, de la cause aux conséquences, et leur offre donc la possibilité d'être sensibilisés à l'argumentation et d'obtenir une réponse à des questions métaphysiques. Simultanément, il y a stimulation de leur imaginaire et de leur propre raisonnement, afin de développer aussi leurs capacités critiques et de favoriser la remise en question. Au cours de l'Histoire, même les réponses scientifiques évoluent, en fonction précisément de l'évolution de la réflexion humaine et de l'accroissement des connaissances.

Ceci est d'autant plus vrai à l'heure actuelle, où l'évolution du monde va très vite. L'intelligence artificielle concurrence l'être humain sur des plans qui jusqu'ici étaient propres à ce dernier : les capacités d'invention pour sa propre évolution et celle du monde grâce à son intelligence, caractérisée par sa plasticité cérébrale, la vie intérieure au sens du panel émotionnel spécifique à l'espèce humaine. Les adultes se doivent d'éduquer les jeunes cerveaux à utiliser le « principal actif de l'humanité » qui est « son intelligence » [Alexandre, 2023, p. 201], afin de continuer à maîtriser son évolution, et non à devoir se soumettre à l'artifice de robots qui les auraient dépassés. Et quoi de mieux que solliciter cette imagination avec des récits adaptés au niveau développemental des enfants dès leur plus jeune âge, profitant ainsi des premières années où la plasticité cérébrale est à son maximum ? Cette imagination qui, selon Einstein, « englobe le monde entier, stimule le progrès, suscite l'évolution » et qui est « le véritable signe de l'intelligence » [Einstein, 1929, p. 117], qui a rendu l'homme capable de mettre en œuvre dans la matière ce qu'il rêvait, sera aussi l'origine de l'invention des éléments qui permettront de le sauver de sa propre perte, si l'on accepte de repenser l'éducation en terme d'augmentation précoce de l'intelligence, ce que la fréquentation des albums favorise, en tant que matériel ludique et riche sur le plan pédagogique, et qui offre la possibilité d'entrer dans la littérature.

Le conte étiologique « L'Enfant d'éléphant - Pourquoi l'éléphant a-t-il une trompe ? » [Kipling, 2010] illustrera notre propos. Comme tout conte des origines, il est composé de trois parties, enchaînant la situation initiale, la série d'événements qui ont entraîné une modification, et la conclusion ramenant à la situation actuelle. En voici le schéma actantiel :

le début	la situation initiale	- retour en arrière vers une situation antérieure inconnue - situation antérieure différente de la réalité actuelle - situation avant que le changement ait eu lieu	<i>Autrefois l'éléphant avait un petit nez ...</i>
le milieu	l'élément perturbateur	- passage d'un état à l'autre grâce à une explication sous forme d'histoire imaginaire (une aventure qui se produit et qui explique le changement)	<i>...le crocodile veut le manger</i>
	l'action : diverses péripéties		<i>...il lui tire sur le nez ... ...l'enfant d'éléphant résiste</i>
	la résolution		<i>...le nez s'allonge</i>
la fin	la situation finale	- retour à la situation connue - situation actuelle, constatable et réelle	<i>: voilà pourquoi l'éléphant a une trompe.</i>

Les caractéristiques du récit étiologique, qui sont les suivantes : trame narrative chronologique rythmée par des signaux textuels récurrents spécifiques du type textuel du récit, tels que la distribution des temps verbaux en temps du premier plan (présent, passé simple) et temps de l'arrière-plan (imparfait), ou le piquetage de connecteurs temporels, la brièveté du récit, le nombre restreint d'acteurs, l'économie des descriptions, la sobriété du dialogue, la faible présence de l'énonciateur, offrent une histoire déroulable en une seule fois et à laquelle les enfants ont plus de chance de rester attentifs que des récits plus longs, et un support adéquat pour des élèves de cycle 1 comme de cycle 2, favorisant le rêve, l'imagination et la créativité.

IV. Valeur structurante, pouvoir cathartique

Les contes ont une autre vertu, qui peut également être analysée lors de temps pédagogiques, ou simplement être éprouvée par l'enfant à l'écoute ou à la lecture des histoires, et forger en lui inconsciemment un esprit confiant et pacifique par le ressenti de peurs archaïques grâce au pouvoir cathartique des histoires, hautement bénéfique pour son futur. Un esprit paisible ayant intégré des réflexes primaires sur le plan psychologique a plus de chance d'agir de façon réfléchie et bienveillante envers les autres et le monde qu'un esprit non sensibilisé à cela durant l'enfance, et qui aura plus tendance à vouloir vivre ces ressentis en les concrétisant dans la matérialité de sa vie, par la prise de risque ou la violence. Le conte, et plus généralement la littérature sous la forme d'album, alliant l'esthétique du dessin à la puissance des mots, propose une métaphore polyphonique qui, lorsqu'elle vient toucher des émotions archaïques, offre la possibilité d'une transmutation de ces énergies en actes raisonnables : le conte est alors un haut vecteur d'éducation civique au service du mieux-vivre en société.

Le conte des *Mille et une nuit* [Galland, 2011, Laporte, 2019] a un en ce sens un pouvoir structurant par la répétition d'un même schéma à chaque conte, chaque conte étant relié au suivant par

le fil conducteur et sécurisant de la nuit. C'est elle qui apporte un peu plus de vie à l'héroïne Shéhérazade et la protège de son bourreau, qui est captivé par les histoires qu'elle invente. Le poète Jules Supervielle, qui écrit un poème sur ces contes et ce qu'ils évoquaient pour lui, affirme que la nuit est une grande travailleuse lucide et minutieuse en faveur des êtres humains. Elle accorde pleins pouvoirs au rêve, qui étanche la « soif de miracles » des hommes, « impos[ant] » ses « émerveillements successifs » en cycle continu. La figure de Shéhérazade personnifie le travail de la nuit. « Shéhérazade parle » [Supervielle, 1996, p. 578], et sa parole, s'adjoignant la mort, remonte du fond des âges, surmonte les obstacles, pour venir enseigner son secret aux vivants.

Pour que du fond de mon mourir
Je vienne à pas précipités,
Que de portes il faut ouvrir
Et que de rideaux écarter !
Que de silence à remonter
Pour changer mes étoiles noires
En votre vivante clarté,
Pour que du fond de mon espoir
Je vienne à pas de vérité ! [Supervielle, 1996, p. 578]

Les capacités humaines de Shéhérazade, son imagination, sont élevés. Dans son propre tombeau, elle lutte pour que jamais celui-ci ne se referme. Il devient le berceau de ses rêves, lesquels se diffusent au-delà de son propre corps. Ils effacent la fatigue et propagent l'imagination parmi les hommes. « [...] Shéhérazade ne dort jamais la nuit, [...] et le plus grand prodige de Shéhérazade est peut-être qu'elle est encore bien réveillée de nos jours, elle et tous ses récits qui brillent [...] » [Supervielle, 1996, p. 651]. Jules Supervielle analyse le pouvoir magique de ce conte. Sa prose poétique supplémente la magie du conte tout en en révélant la richesse. Le conte des *Mille et une nuits* fait ressentir au lecteur des peurs ancestrales : l'anxiété liées aux rêves, à la mort, à la violence, ce qui donne la possibilité d'acquiescer la maîtrise des émotions éprouvées par leur évocation symbolique.

Il y aurait donc une vertu cathartique des images et des métaphores, que le poète pointe dans un autre de ses textes. La nuit permet d'exorciser quelque peu la peur de la mort, en se reliant à cette dernière par l'intermédiaire des contes dont raffolent les enfants. Ces derniers sont effrayés par la nuit, mais dans le même temps, contents d'éprouver cette frayeur. Par les émotions éprouvées, ils chassent leurs peurs. Ceci est rendu possible grâce au cadre matériel sécurisant et au transfert symbolique des émotions vectorisées par les mots. Le poète, vagabond ingambe parmi les rêves et les cauchemars, est de connivence avec les enfants : « Ô petits enfants dans la nuit », « Vous comprenez bien ce que c'est, » ce trouble vif éprouvé à l'écoute des contes terrifiants, « À demi-mots on se saisit [...] » [Supervielle, 1996, p. 377], leur confie-t-il. Le poète demande aux enfants si c'est « [...] le maternel tombeau/Vivant [...] » qui leur revient par les contes, « Tout ce qui nous a précédés/Ou ce qui fait encor défaut [...] » [Supervielle, 1996, p. 377] : quel est ce mystère auquel ils accèdent, qu'ils reconnaissent comme faisant partie de l'histoire de l'humanité, ou qui n'a pas encore été élucidé ?

Pour grandir, l'enfant a constamment recours à l'imaginaire. Les contes, abordant toutes sortes de thèmes, sont des variations sur une histoire individuelle et familiale avec ses tensions, ses manques, ses conflits. Le conte stimule l'imaginaire de l'enfant, nourrit les représentations, soutient et favorise la symbolisation. La mise en mots et l'effet de distanciation créé par le conte peut aider l'enfant à accepter ses émotions, à les vivre avec le cautionnement de l'adulte par la médiation de l'histoire, et donc à ne pas passer à l'acte.

Selon Winnicott, « Le petit enfant doit être capable d'avoir peur afin d'être soulagé de ce qui est mauvais pour lui. Il a besoin de voir le mal en d'autres personnes, d'autres choses, d'autres situations. » [Blouin, Landel, 2015, p. 184] Mettre un mot sur une peur, sur une angoisse, sur une joie intense, c'est mieux la repérer et ainsi la « mettre à distance » [Blouin, Landel, 2015]. Le conte permet un jeu de maîtrise des peurs archaïques, il peut aider à régler les conflits de la vie intérieure de l'enfant et à amener celui-ci à mieux comprendre ses pulsions agressives, ses peurs, ses cauchemars, car ils sont évoqués dans l'histoire, de projeter ses propres angoisses, ses pulsions agressives sur des personnages imaginaires. À travers le héros, le conte fournit à l'enfant des modèles de démarches à adopter pour résoudre les conflits et fortifier sa personnalité.

Le conte et sa structure organisatrice permettent ainsi d'encadrer les angoisses qui peuvent être destructrices pour l'être, au sens psychanalytique et physique, si elles ne sont pas maîtrisées, et de faire vivre aux enfants leurs pulsions archaïques sur le plan symbolique. À l'écoute d'un conte, l'enfant réalise qu'il n'est pas seul pour affronter les situations terribles qui sont les siennes, qu'elles soient réelles ou imaginaires, car il est au contact d'autres acteurs, et il s'aperçoit qu'ils ont aussi peur que lui. Il a alors la possibilité de percevoir que ses angoisses sont ordinaires et qu'elles peuvent être apprivoisées. Le conte rejoue les conflits et angoisses intérieures de l'enfant, et lui propose des clés pour les résoudre : le héros du conte trouve une solution pour traverser les épreuves. Cela sert de modèle à l'enfant, et lui fait prendre conscience que d'autres ont eu le même type d'angoisse que lui, et ont réussi à passer outre. Ceci favorise le développement d'une pensée réfléchie, et donne plus de chance d'agir avec sagesse.

En prenant avantage de sa situation d'entre-deux entre art plastique et littéraire, l'album joue avec les codes et les dimensions temporo-spatiales pour captiver les jeunes lecteurs, et leur esquisser tout ce que la littérature, accompagnée par les arts plastiques, peut leur apporter : transmission de valeurs fondamentales qui perpétuent l'essence des cultures de génération en génération, éduquent les esprits au monde et leur apportent des connaissances sur le monde, exorcisent les peurs ancestrales dans un cadre structurant.

Plus avant, l'album offre aux enfants de toucher, au sens propre comme au sens figuré, l'esthétique, et une ouverture sur leur part d'indicible qui, marqué sur le territoire du papier pour que chacun puisse y trouver ou panser ses secrets, les incite au déploiement de leur imaginaire et leur fait partager des émotions à travers des temps et des espaces uniques où la liberté demeure inviolable.

References:

- Alexandre, Laurent, La Guerre des intelligences à l'heure de ChatGPT, Paris, JCLattès, 2023. 473 p.
- Auger, Nathalie, Fleuret, Carole, « Didactisation et plurilinguisme : l'apport de la littérature de jeunesse pour approcher la norme scolaire », *Le français aujourd'hui*, 215, 12/2021, p. 89-104.
- Bettelheim Bruno, *Psychanalyse des contes de fées*, Paris, Laffont, 1976. 403 p.
- Blanchet, Némie, Frison, Amélie, Triolette, Amalthée, 2020. 36 p.
- Blouin, Corinne, Landel, Christine, « L'importance du conte dans une situation pédagogique », *Empan*, 2015/4, n° 100, p. 183-188.
- Einstein Albert, "What life means to Einstein. An interview by George Sylvester Viereck", *The Saturday evening post*, 26/10/1929, p. 110-117.
- Frères Grimm, *Le Petit Chaperon rouge*, version de 1812. En ligne, <http://expositions.bnf.fr/contes/gros/chaperon/grimm.htm>
- Galland, Antoine, *Les Mille et une nuits*, tome 1, Paris, Libretto, 2011. 368 p.

- Kipling, Rudyard, L'Enfant d'éléphant, Paris, Delcourt jeunesse, 2010. 45 p.
- Laporte Michel, 10 contes des Mille et une nuits, Paris, Flam jeunesse, 2019. 192 p.
- Perrault, Charles, Le Petit Chaperon rouge, en ligne,
<http://expositions.bnf.fr/contes/gros/chaperon/perrault.htm>
- Perrault, Charles, Le Petit Chaperon rouge, in Les Contes de ma mère l'Oye, Toulouse, Milan, 2012.
47 p.
- Supervielle, Jules, Œuvres poétiques complètes, Paris, Gallimard, 1996, 1184 p.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ХЕДЖИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО МИТИГАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО АНГЛИЙСКОГО ПОДКОРПУСА НКРЯ)

Настоящее исследование выполнено в рамках одного из динамично развивающихся направлений лингвистических исследований – когнитивной научной парадигме в переводческой перспективе, и представляет собой анализ стратегий письменного русско-английского перевода высказываний-хеджей, описывающих когнитивные операции говорящего. В рамках статьи рассмотрены семантические характеристики отобранных русских глаголов мыслительной деятельности (*верить, думать, казаться, полагать, считать*), входящих в хедж-высказывания; предложены английские корреляты перечисленных единиц (*think, believe, consider, suppose*); представлены результаты анализа примеров употребления и перевода хедж-маркеров, содержащих обозначенные ментальные глаголы, из параллельного английского корпуса НКРЯ.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, глаголы ментальных действий, хеджирование, письменный перевод, НКРЯ

Angelina V. Sokolova
Moscow City University

LINGUISTIC HEDGING AS A MITIGATION METHOD (BASED ON THE PARALLEL ENGLISH SUBCORPUS OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS)

The research is carried out within the framework of the cognitive scientific paradigm in translation perspective and is devoted to the strategies analysis of Russian-to-English translation of hedge structures which describe the speaker's cognitive operations. The study focuses on the semantic characteristics of chosen Russian mental verbs (*верить, думать, казаться, полагать, считать*) which form hedge-expressions; suggests English correlates of the above units (*think, believe, consider, suppose*); presents the analysis of hedge-structures usage and translation in the examples from the parallel English subcorpus of the Russian National Corpus.

Keywords: cognitive linguistics, mental verbs, hedging, translation, Russian National Corpus

Проблема перевода хедж-маркеров является одной из наиболее актуальных на сегодняшний день, поскольку от выбора стратегии передачи на иностранный язык утверждений, содержащих вводные конструкции, функционирующие в качестве хеджей, зависит степень адекватности интерпретации текста реципиентом, а впоследствии и исход акта коммуникации. При описании структурно-функционального подхода к оценке качества перевода О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева и другие исследователи справедливо отмечают, что несмотря на высокий уровень переводческой интуиции, который формируется в результате длительной переводческой практики, данное «чувство» языка не может служить основой подготовки высококвалифицированных кадров [Сулейманова и др., 2015]. В связи с этим вопросы

употребления и корректного перевода лингвистических хеджей являются релевантными как для научного, так и переводческого сообщества.

К настоящему времени в лингвистической науке существует несколько различающихся интерпретаций хеджей, например, на материале английского языка [Lakoff, 1973; Prince, 1982; Frazer, 2010; Saleger-Meyer, 1994], однако выделяемые авторами виды хеджирования в английском языке не всегда коррелируют с соответствующими русскими единицами, так как некоторые синтаксические, лексические и морфологические средства не совпадают в двух языках. Ученые также отмечают, что не существует единой классификации функций исследуемых языковых единиц. Эти данные подтверждают тот факт, что элементы хеджирования представляют собой переводческую трудность, причем, предположительно, как в устном, так и в письменном дискурсах.

В рамках настоящего исследования рассматриваются особенности употребления хедж-маркеров в письменных текстах (преимущественно из художественной литературы) носителей русского языка, а также проводится комплексный анализ перевода данных конструкций на английский язык, в некоторых случаях предлагаются наиболее удачные способы передачи хедж-высказываний на иностранный язык. Представляется важным отметить, что объектом исследования выступают хеджи, построенные по следующим формулам: личное местоимение единственного / множественного числа в именительном падеже + эпистемический глагол *думать / верить / считать / полагать* (принципы отбора глаголов отражены ниже) в форме первого лица единственного / множественного числа; личное местоимение единственного / множественного числа в дательном падеже + эпистемический глагол *казаться*; один из пяти эпистемических глаголов в форме первого лица единственного / множественного числа без личного местоимения.

На первом этапе работы были определены глаголы мыслительной деятельности, употребляющиеся в качестве хедж-конструкций. Поиск осуществлялся на основе «Частотного словаря современного русского языка» [Ляшевская, Шаров, 2009], который составлен на материалах НКРЯ. Методом сплошной выборки из перечня самых частотных глаголов русского языка выделено пять глаголов, описывающих когнитивные операции говорящего, которые в рамках определённого контекста могут выполнять роль индикаторов неуверенности говорящего. Таким образом, отобраны следующие глаголы:

- 1) Думать – 11 место (частота ipm – 755,5)
- 2) Считать – 33 место (частота ipm – 455, 3)
- 3) Казаться – 35 место (частота ipm – 448,2)
- 4) Верить – 113 место (частота ipm – 197,1)
- 5) Полагать – 310 место (частота ipm – 81,4)

Второй этап предполагал определение английских коррелятов отобранных глаголов мыслительной деятельности. Анализ литературы по проблеме исследования [Селиверстова, 1982; Ильчук 2004; Зализняк, 1991] позволил выделить ключевые семантические характеристики рассматриваемых предикатов. Итак, глагол *think*, указывающий на отсутствие достоверной информации, а также субъективность выводов, основанных на личном опыте говорящего, представляется адекватным передавать на русский язык глаголами *казаться* и *думать*, обладающими схожими семантическими особенностями. Предикат *consider*, предполагает анализ первичной информации, принятие решения путем взвешивания аргументов за и против. Русскими коррелятами являются глаголы *считать* и *полагать*. *Believe* характеризует эмоциональное состояние агенса и подразумевает значительное влияние внешних

факторов. В данном случае английский глагол следует передавать русским *верить*. При анализе семантического поля лексики *suppose* выявлено, что использование в речи носителями языка рассматриваемого предиката обусловлено стереотипным мышлением, не отражающим глубинный характер выводов. Исходя из этого подходящим представляется перевод, выполненный с помощью русского глагола *казаться*.

На третьем этапе работы использовался метод эмпирического лингвистического наблюдения. В частности, была выполнена сплошная выборка примеров употребления исследуемых лексических единиц в письменной речи носителей русского языка и их перевода на английский язык из параллельного английского корпуса НКРЯ [НКРЯ URL]. В результате поиска примеров употребления исследуемых глаголов мыслительной деятельности в русском языке и их письменных переводов на английский язык в параллельный корпус НКРЯ было направлено 7 запросов. На данном этапе сбора материала отобрано 100 контекстов, которые содержат 101 необходимую единицу (см. Диаграмму 2). Далее выбранные предложения были проанализированы и объединены в 4 группы согласно переводу исследуемых конструкций (см. Диаграмму 3).

Диаграмма 2. Распределение глаголов мыслительной деятельности (на базе параллельного подкорпуса НКРЯ)

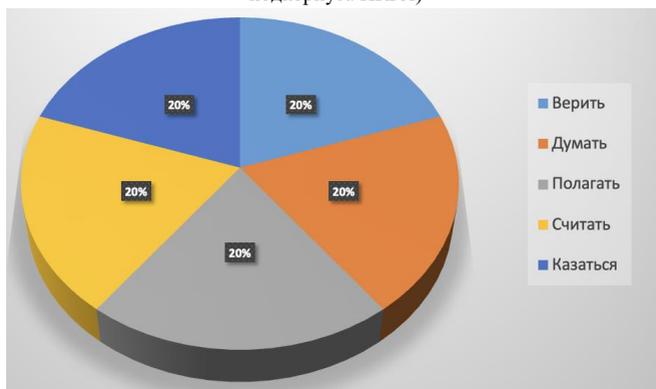

Диаграмма 3. Способы перевода хедж-конструкций (на базе параллельного подкорпуса НКРЯ)

Таким образом, для 59 примеров употребления высказываний-хеджей был предложен эквивалентный английский перевод; в 24 случаях перевод содержит другой глагол (из исследуемых); 10 высказываний переведены прочими глаголами (например, *hold, reckon, sure*); в 8 примерах перевод анализируемых конструкций отсутствует.

К группе полных эквивалентов были отнесены следующие высказывания:

- **Верю** в то, что каким-то образом, мне неизвестным, эти записи дойдут до людей, не сегодня и не завтра, но в некое отдаленное время... – **I believe** that in some way, unknown to me, this chronicle will reach other men, neither tomorrow nor the next day, but at a distant time... [НКРЯ URL];
- **Не думаю**, чтоб он долетел до земли живой, а если долетел, то попал к немцам. – **I don't think** he can have reached the ground alive, and if he did he must have fallen into German hands [НКРЯ URL];
- **Я полагаю**, что ваша лаборатория не может полностью в настоящее время способствовать решению этих задач. – **I consider** your laboratory unable at present to assist us with these tasks [НКРЯ URL];
- Причины те, что **я считаю** всякий суд не только бесполезным, но и безнравственным. – The reasons are that **I consider** all courts useless and immoral [НКРЯ URL];
- Я представляю их посреди тундры с мячом и клюшками — и **мне кажется**, они застынут, пораженные... – I picture them in the middle of the tundra with ball and clubs — and **I think** that they would freeze in amazement... [НКРЯ URL] и др.

Во вторую группу вошли примеры, где одна из исследуемых лексем переведена английским глаголом, который соответствует другому глаголу из списка анализируемых в рамках данной работы. Например: **Думаю**, в Германии много семей до сих пор не знают, где и как погибли их мужчины. – **I suppose** there are many families in Germany who still do not know where and how their menfolk perished [НКРЯ URL]. Предикат *думать* сигнализирует о субъективности выводов говорящего. Иными словами, у автора пропозиции нет достоверной информации, его слова основываются в большей степени на личном опыте. Глагол *suppose* в свою очередь характеризует утверждение как здравый смысл. Мнение спикера является стереотипным. Таким образом, в данном случае перевод *I suppose* не совсем эквивалентен, более

подходящим предикатом является *to think*, который, как и *думать*, подчеркивает оценочный характер высказывания, основанного на анализе событий прошлого, случившихся с автором утверждения.

Рассмотрим другой пример из второй группы: *Впрочем, полагаю, что и на всем свете не найдется сокровища, достойного украсить Вас. – Moreover, I believe there is no treasure on earth worthy of adorning you* [НКРЯ URL]. Здесь глагол *believe* вносит значение бессознательности выводов агенса, при этом элементом значения *полагать* является анализ «за» и «против» первичной информации, что подразумевает осмысление автором пропозиции фактов, влияющих на выводы говорящего. Представляется, что в данном случае адекватным переводом будет является вариант с использованием предиката *consider*, как и в следующей ситуации: *Я считаю, месье, что я сделал все, что мог, и не понимаю, чем объясняется скептическое выражение на вашем лице. – I think, Messire, that I did everything I could, and I don't understand how to explain the sceptical expression on your face* [НКРЯ URL], где автор высказывания не просто оценивает ситуацию, а делает вывод на основе своих предыдущих действий.

Я верю, что сегодня мы найдем что-то крайне любопытное. – I have a feeling we're going to find something very interesting today [НКРЯ URL]; *Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным. – That law, of course, is unknown at present, but I am convinced that it exists, and one day may become known* [НКРЯ URL]; *Но только я полагаю, что у бога все равны... – But I reckon that in God's eyes all men are equal* [НКРЯ URL]; *Мне кажется, что это такая же выдумка, как и фантазия о лагерях, где разделявают трупы. – But I'm sure that's just someone's imagination – like the camps where corpses are cut up* [НКРЯ URL]. В данных примерах перевод выполнен при помощи глаголов, не входящих в список исследуемых в рамках настоящей работы, поэтому не представляется возможным утверждать, что английские корреляты являются неверными. Подробный анализ семантики предикатов *to have a feeling*, *to be convinced*, *to reckon*, *to be sure* и др. является перспективой дальнейшего исследования. В то же время можно предположить, что в английских переводах второго и четвертого примеров выражения *I am convinced* и *I am sure* говорят об уверенности автора и объективности утверждения, однако в оригинальные русские предложения данный параметр не заложен.

В переводе предложения *Кажется, мне усилием воли удалось остановить часть крови, хлынувшей в лицо. – By a great effort of will I managed to stop the blood rushing to my face* [НКРЯ URL] хедж-конструкция опущена, что меняет коммуникативную нагрузку высказывания. Создается впечатление, что говорящий уверен в своем утверждении. Схожая ситуация наблюдается в следующих примерах: *Кажется, он ни разу так и не достал учителя. – He didn't get near the schoolmaster once* [НКРЯ URL]; *Кажется, родителей эта затея не воодушевила... – My parents weren't overly impressed with this recreation of mine...* [НКРЯ URL]. При этом в некоторых контекстах переводчики не только опускают снижающие категоричность высказывания маркеры, но и добавляют лексемы, которые, напротив, указывают на истинность пропозиции, тем самым искажая смысл утверждения. Например: *Костюм, кажется, пропал при перевозке, зато ботинки – краснокожие американские ботинки на толстой подошве – были мечтой каждого начальника. – One of the suits had evidently disappeared during delivery, but the shoes were of red American leather and had thick soles – the dream of every foreman* [НКРЯ URL]; *Рухнула часть крепостной стены – прямо на орудия, но из обслуги, кажется, никто не пострадал. – A section of the defensive walls collapsed right on to the guns, though apparently none of the gun-crews suffered* [НКРЯ URL]. Здесь наречия *evidently* и *apparently* позволяют сделать вывод, что есть факты, доказывающие пропажу костюма при перевозке, а при обрушении стены

никто не пострадал, однако в оригинальных предложениях авторы высказывают предположения, не подкрепленные дополнительными объективными данными.

Таким образом, анализ примеров употребления глаголов, описывающих когнитивные операции говорящего, в составе хедж-конструкций, позволяющих сделать утверждение более привлекательным для собеседника, позволил сделать вывод, что несмотря на тип дискурса – письменный, позволяющий перед непосредственным переводом высказывания изучить контекст употребления хеджирования, а также определить семантические особенности исходного глагола и сопоставить их со значениями предполагаемых английских предикатов, исследуемые структуры являются проблемой перевода.

В рамках настоящего исследования были фокусно рассмотрены хеджи, в состав которых входят эпистемические глаголы, описывающие когнитивные операции говорящего, и английские корреляты этих хеджей. Описаны ключевые семантические характеристики данных предикатов, предложены наиболее удачные варианты перевода. Обнаружено, что несмотря на тип дискурса – письменный, позволяющий детально проанализировать контекст и только потом сделать выбор в пользу того или иного глагола – почти в половине (42%) случаев представленный перевод не являлся эквивалентным, что подтверждает тот факт, что хеджи, являющиеся одним из ключевых средств достижения цели коммуникации, неизменно представляют собой трудность перевода.

Одной из перспектив дальнейшей работы является уточнение семантических характеристик рассмотренных глаголов, а также исследование стратегий перевода хедж-высказываний в рамках УПП и УСП. Для формирования эмпирической базы исследования предполагается использование созданного и запатентованного, представителями кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ «Переводческого корпуса (синхронный и последовательный перевод – тексты и видеозаписи)»⁴⁹. Следует отметить, что корпус является не только источником набора языкового материала для исследования, материалы базы данных могут применяться в практике преподавания лингвистических и переводоведческих дисциплин, что позволит эффективно «готовить профессиональных переводчиков как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры, вооружая их разнообразными навыками обработки и презентации текстовой информации в различных форматах» [Сулейманова, 2020, с. 120].

Представляется важным также провести семантический эксперимент с пятью глаголами мыслительной деятельности, о которых шла речь раньше, для получения более детального описания семантики языковых единиц. Как отмечает О. А. Сулейманова, «в силу того что (семантические) отношения недоступны непосредственному наблюдению, особую значимость приобретает статистический параметр эксперимента» [Сулейманова, 2013, с. 62]. В связи с этим существует необходимость опросить в дальнейшем большое число респондентов, поскольку именно в таком случае полученные статистические данные будут отражать «представления не только данной конкретной группы индивидов, но валидны и для (в идеале – всего) языкового сообщества» [там же], что, безусловно, поспособствует составлению адекватной стратегии перевода хедж-конструкций, содержащих данные эпистемические глаголы.

---

⁴⁹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622085 Российская Федерация. Переводческий корпус (синхронный и последовательный перевод - тексты и видеозаписи) : № 2022621929 : заявл. 02.08.2022 : опублик. 18.08.2022 / О. А. Сулейманова, А. А. Водяницкая, А. В. Соколова, М. А. Фомина ; заявитель Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет». – CZFRQX.

Литература:

- Зализняк Анна А. *Считать и думать: два вида мнения* / А. А. Зализняк // Логический анализ языка. Культурные концепты. М. : Наука, 1991. – С. 187–194.
- Ильчук Е. В. Мышление и восприятие сквозь призму языка (на материале английского языка) / Е. В. Ильчук ; Московский педагогический государственный университет. М. : «Прометей» МПГУ, 2004. – 264 с.
- Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О. А. Сулейманова, К. С. Карданова-Бирюкова, Н. В. Лягушкина [и др.]. М. : Ленанд, 2015. – 272 с.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка М. : Издательский центр «Азбуковник», 2009. – 1087 с.
- Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка / О. Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. М. : Наука, 1982. – С. 86-157.
- Сулейманова О. А., Н. Н. Беклемешева, Т. Ю. Голубева К вопросу об оптимизации модели подготовки современного переводчика// Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 1(37). – С. 114-122. – DOI 10.25688/2076-913X.2020.37.1.12.
- Сулейманова О. А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. – № 2(12). – С. 60-68.
- Fraser V. Hedging in Political Discourse // Perspectives in Politics and Discourse : the 2007 Bush press conference / U. Okulska, P. Cap. Amsterdam, 2010. – P. 201-214.
- Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. – 1973. – Vol. 2, No. 4. – P. 458-508. – DOI 10.1007/bf00262952.
- Prince E. On Hedging in physician-physician discourse / E. Prince, J. Frader, C. Bosk // Linguistics and the Professions / под ред. Дж. ди Пьетро. – Norwood : Ablex, 1982. – P. 83-97.
- Salager-Meyer F. Hedges and Textual Communicative Function in Medical English Written Discourse / F. Salager-Meyer // English for Specific Purposes. 1994. – Vol. 13(2). – P. 149-171.

Источники:

- Национальный корпус русского языка. Параллельный корпус (английский). URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.06.2023).

References:

- Zaliznjak Anna A. *Schitat' i dumat': dva vida mnenija* // Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty. – Moskva : Nauka, 1991. – S. 187–194.
- Il'čuk E. V. *Myshlenie i vosprijatie skvoz' prizmu jazyka (na materiale anglijskogo jazyka)* / E. V. Il'čuk ; Moskovskij pedagogičeskij gosudarstvennyj universitet. – Moskva : “Prometej” MPGU, 2004. – 264 s. – ISBN 5-7042-1366-9.
- Lingvisticheskie teorii v interpretacii perevodčeskikh strategij. Kompleksnyj analiz perevodčeskogo processa / O. A. Sulejmanova, K. S. Kardanova-Birjukova, N. V. Ljagushkina [i dr.]. – Moskva : Lenand, 2015. – 272 s.
- Ljashevskaja O. N. *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka* / O. N. Ljashevskaja, S. A. Sharov. – Moskva : Izdatel'skij centr “Azbukovnik”, 2009. – 1087 s.
- Seliverstova O. N. *Vtoroj variant klassifikacionnoj setki i opisanie nekotoryh predikatnyh tipov russkogo jazyka* // Semanticheskie tipy predikatov. – Moskva : Nauka, 1982. – S. 86-157.

- Sulejmanova O. A. K voprosu ob optimizacii modeli podgotovki sovremennogo perevodchika / O. A. Sulejmanova, N. N. Beklemesheva, T. Ju. Golubeva // Vestnik MGPU. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie. – 2020. – № 1(37). – S. 114-122. – DOI 10.25688/2076-913X.2020.37.1.12.
- Sulejmanova O. A. Puti verifikacii lingvisticheskih gipotez: pro et contra// Vestnik MGPU. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie. – 2013. – № 2(12). – S. 60-68.

Соколова В. С.

Московский государственный лингвистический университет

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ – ОГРОМНЫЕ РИСКИ ИЛИ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ? РОЛЬ НЕЙРОСЕТЕЙ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

В современном мире технологий большую роль играют модели искусственного интеллекта. Нейронные сети как новейший продукт развития искусственного интеллекта проникают во все сферы деятельности человека, в том числе и в сферу образования, меняя классические представления об обучении. Цель исследования состоит в том, чтобы определить возможности использования нейросетей в обучении. Задачей является составление конкретных запросов для нейронных сетей, с целью их дидактического применения при обучении иностранному языку. В статье рассмотрены варианты использования нейросетей для самостоятельного обучения, а также предложены конкретные примеры взаимодействия преподавателей с нейронными сетями с целью модернизации учебного процесса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, образовательный процесс, лингводидактика.

Sokolova Valeria S.

Moscow State Linguistic University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LEARNING – HUGE RISKS OR NEW OPPORTUNITIES? THE ROLE OF NEURAL NETWORKS IN LINGUODIDACTICS

In the modern world of technology, artificial intelligence models are playing an important role. Neural networks as the newest product of AI get into all spheres of human activity, including education, changing the classical ideas about learning. The purpose of the study is to determine the possibilities of using neural networks in teaching. The task is to compile specific queries for neural networks, with the aim of their didactic use in teaching a foreign language. The article discusses options for using neural networks for self-learning, and also offers specific examples of implementing the potential of neural networks by teachers in order to modernize the educational process.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, educational process, linguodidactics.

В современном стремительно развивающемся и технологически продвинутом мире всё чаще возникает вопрос – сможет ли искусственный интеллект заменить человека? Так, организованный исследовательским центром портала «Зарплата.ру» опрос показал, что по мнению 47 % респондентов, модели искусственного интеллекта потенциально могут оставить без работы многих специалистов, в том числе и преподавателей [Гаврилова, 2023]. Результаты опроса от исследовательского центра статистических данных «Radix Analytics» показали, в свою очередь, что 64 % опрошенных полагают, что чат-боты, искусственный интеллект и нейросети заменят преподавателей в будущем [Chakravari, 2023]. Чтобы разобраться, в чём заключаются

основные риски стремительного развития систем искусственного интеллекта, необходимо понять механизм их действия.

Одно из направлений в разработке систем искусственного интеллекта – нейронные сети, которые стали так часто фигурировать в заголовках новостных лент: они очеловечивают города, иллюстрируют разговоры, ставят диагнозы пациентам. Принцип работы нейронных сетей близок к человеческой нервной системе, поскольку учит компьютеры обрабатывать данные таким же способом, как и человеческий мозг. Одно из главных преимуществ нейросетей перед традиционными алгоритмами обработки информации заключается в том, что нейронные сети имеют возможность «обучаться» [Николенко, 2020, с. 16]. В процессе обучения нейронная сеть способна выявлять сложные зависимости между входными и выходными данными, а также осуществлять обобщение. Это значит, что при успешном обучении, нейросеть будет способна выдать верный результат, даже если данные изначально отсутствовали в обучающей выборке.

Нейронные сети успешно используются для распознавания лиц и голоса, в системах навигации, в рекламных механизмах. Также их используют для создания текстов, например, нейросеть «Балабоба», которая создаёт короткие выдержки из текстов путём комбинации информации из глобальной сети «Интернет». Однако такой пример нейросети скорее иллюстрирует развлекательную сторону вопроса, так как она не рассчитана на полноценный диалог, а скорее веселит своих пользователей несурзными текстами.

Но в последнее время повышенное внимание уделяется более сложным программам обработки естественного языка, что уже принесло свои прогрессивные плоды и разделило людей на противников и сторонников их дальнейшего развития.

Так в декабре 2022 года всеобщее внимание привлекло появление нейросети «ChatGPT» (англ. Generative Pre-trained Transformer или рус. Генеративный, предварительно обученный трансформер), которая позиционируется не как стандартный чат-бот, а скорее как ассистент, способный вести диалог на естественном языке. До сих пор искусственный интеллект мог читать и писать, но не мог понимать содержание текстов. Однако, как заявляет сооснователь корпорации «Microsoft» Билл Гейтс [Hunter, 2023], такие новые программы как «ChatGPT» кардинально меняют наше представление о возможностях искусственного интеллекта. Такие инновативные программы улучшают уровень понимания искусственным интеллектом запросов людей, используя технологию обучения с подкреплением и обратной связью от человека (Reinforcement Learning with Human Feedback, или RLHF) [Amodei, 2017]. Это один из способов машинного обучения, в ходе которого испытываемая система с большой оперативной памятью использует обратную связь с человеком для оценки своих действий, накапливая полученные результаты в памяти. Это помогает нейронным сетям следовать указаниям и генерировать ответы, которые удовлетворяют людей.

Одной из наиболее спорных сфер внедрения продуктов искусственного интеллекта является сфера образования. Специалисты отмечают, что нейронные сети стали создавать серьезные проблемы для учебных заведений. С их появлением в общем доступе неоднократно было установлено, что при выполнении креативных заданий или написании научных или учебных работ обучающиеся прибегают к помощи искусственного интеллекта. Проблема заключается в том, что текст настолько грамотно выполнен, что установить источник его происхождения практически невозможно.

Однако специалисты приходят к выводу, что запрет использования или игнорирование потенциала нейронных сетей вряд ли даст положительный результат в прогрессивном цифровом обществе. Единственный способ не допустить их негативного влияния – это взять их под контроль и найти им оптимальное дидактическое применение.

Уже в январе 2023 года швейцарский профессор Беат Хонеггер издал работу, выделив потенциально спорные моменты, которые необходимо проработать до начала широкого использования нейросетей в сфере школьного образования [Honegger, 2023]. В своей работе профессор Хонеггер подчёркивает, что с появлением таких программ может увеличиться поток ложной информации в интернете. Также есть риск нарушения авторских прав, так как нейронные сети выдают источник цитирования только при запросе пользователя. Таким образом, одним из ключевых моментов становится фокус на развитии цифровой грамотности у обучающихся, чтобы научить их безопасно и эффективно пользоваться функционалом нейронных сетей, не нарушая права других пользователей.

Следующим шагом по разработке дидактических возможностей нейронных сетей стала публикация профессора Хеннера Гимпеля и его коллег от 20 марта 2023 года [Gimpel, 2023]. Данная публикация представляет собой официальный документ, изданный при поддержке министерства образования Германии, в котором регламентированы рекомендации по применению моделей искусственного интеллекта в сфере высшего образования. Профессор Гимпель подчёркивает тот факт, что нейросети поставили под сомнение эффективность письменной коммуникации в обучении (например, традиционное задание по написанию сочинений, рефератов или иных письменных работ), так как с помощью таких инструментов, как нейросеть «ChatGPT» каждый человек может создать уникальный информативный текст в любом речевом стиле. В то же время в документе перечислены инструкции по применению нейронных сетей отдельно для студентов и преподавателей. Так, например, профессор Гимпель предлагает не бояться, что студенты будут писать сочинения с помощью искусственного интеллекта, а наоборот использовать уже написанные нейросетью эссе и давать обучающимся задание улучшить его, тем самым мотивируя обучающихся использовать критическое и аналитическое мышление. Такой тип заданий особенно полезен на занятиях по стилистике.

Также за осознанное применение «ChatGPT» в школах выступила министр образования из Северной Рейн-Вестфалии Доротея Феллер [Zehrfeld, 2023]. Использование нейросетей уже планируется внедрить в учебный план некоторых гимназий Дюссельдорфа, но сложность заключается в необходимости проработать правовой аспект, так как до сих пор нет единого мнения о том, нарушают ли нейросети авторские права. Поэтому пока в школах Северной Рейн-Вестфалии методисты рекомендуют формулировать домашние задания таким образом, чтобы его невозможно было выполнить с помощью ИИ. В этом контексте важно разработать программы обучения цифровой грамотности для самих преподавателей. Ведь для того, чтобы у преподавателя была возможность применять модели искусственного интеллекта на занятии, ему необходимо разбираться в механизме действия программы.

Применение моделей искусственного интеллекта в образовательном процессе условно можно разделить на два направления: первое – разработка алгоритмов, способных повысить эффективность самостоятельной работы обучающихся. Второе – отлаживание механизма передачи искусственному интеллекту рутинной работы преподавателя, тем самым предоставив большее количество ресурсов для создания эффективной модели обучения.

Очевидно, что нейросети всё ещё находятся в самом начале своего развития, однако уже сегодня можно найти им разумное применение в учебном процессе, например, при изучении иностранных языков. Рассмотрим некоторые возможности нейросетей в сфере лингводидактики на примере «ChatGPT». Варианты использования функционала искусственного интеллекта для организации самостоятельной работы:

1. **Нейросеть в качестве ассистента при изучении грамматики и лексики.**

1.1 Можно попросить программу объяснить, как используется определённая грамматическая категория изучаемого языка, и привести определённое количество примеров (например: «Объясни использование формы «Present Simple» в значении будущего времени. Приведи три примера»).

1.2 Попросите программу объяснить разницу между синонимичными лексическими единицами (например: «Объясни разницу между словами «pants» и «trousers». Проиллюстрируй их на пяти примерах»).

1.3 Также можно попросить программу помочь с описанием картинки, так как одно из последних обновлений позволяет программе обрабатывать не только текст, но и изображение.

1.4 Для пополнения ситуативного лексического запаса, можно спросить программу, какие слова и выражения необходимы в определённой коммуникативной ситуации (например: «Представь себе, что у тебя возникли разногласия с другом. Как бы ты изложил свою точку зрения и попытался разрешить конфликт? Дай мне соответствующие рекомендации по формулировке»).

2. **Ведение диалога в заданной коммуникативной ситуации.** Одна из главных задач при обучении иностранному языку – формирование коммуникативной компетенции. Однако, как показывает практика, обучающиеся испытывают постоянную нехватку общения на иностранном языке. В этом случае искусственный интеллект нового поколения – хороший помощник, так как способен вести разговор на естественном языке. Например, «ChatGPT» позволяет обозначить роли коммуникантов, установить языковой уровень по европейской шкале CEFR, а также выбрать стиль говорения, что важно, так как в дружеской беседе о хобби будет уместен разговорный стиль, а коммуникация с лечащим врачом потребует большей формальности.

2.1 При дополнительном использовании голосового помощника можно также тренировать и устную речь. Подобная технология уже применяется приложениями по обучению языков, например, таким как «Duolingo», однако её значительным недостатком на сегодняшний момент является неспособность оценить речь говорящего с фонетической точки зрения, поэтому такой подход позволяет скорее просто преодолеть языковой барьер.

2.2 Одним из эффективных вариантов применения нейронных сетей в диалогической речи является коммуникативная ситуация в виде интервью или собеседования. Можно поставить программе задачу задавать себе стандартные при приёме на работу вопросы, а затем попросить дать оценку своим ответам с содержательной и языковой точек зрения.

3. **Проверка знаний на определённую тему.** Известно, что одним из способов лучшего запоминания материала, является тренировка в режиме воспроизведения информации. С этой целью можно поставить роботу следующую задачу: «Ты – мой учитель английского языка. Ты задаёшь мне вопросы по модулю «Гражданская война в Соединённых штатах Америки». Задай мне вопрос и жди моего ответа. Затем задай ещё один вопрос. Заверши серию вопросов и ответов, когда я поблагодарю тебя за потраченное время. Оцени правильность моих ответов с точки зрения содержания и с точки зрения языковой грамотности».

4. **Режим игры.** Поскольку нейросеть точно следует указанному алгоритму, возникает возможность вовлечения её в игру, что будет одновременно развлекательной и познавательной деятельностью.

4.1 **Создание простых мини-игр.** Например, можно создать игру-угадайку: «Начни игру «20 вопросов». Ты можешь задавать мне вопросы (по-английски), на которые я могу ответить «да» или «нет», и попытаться угадать слово, о котором я сейчас думаю. Подсказка: это город». Таким образом, обучающийся тренирует аналитическое мышление, а также восприятие лексических и грамматических конструкций.

4.2 **Создание усложнённых сюжетных игр.** Представленные выше возможности использования «ChatGPT» или иных генеративных нейросетей в основном использовались для изучения лексики и грамматики, укрепления коммуникативных навыков. Те, кто хочет погрузиться глубже и использовать «ChatGPT» для комплексной проработки языка, могут создавать сюжетные игры для самостоятельного обучения или коллективного занятия в классе более сложного порядка. Например: «Представь, что ты – текстовая сюжетная приключенческая игра, действие которой происходит в мире Гарри Поттера. Я, как игрок, начинаю со 100 очков жизни и должен принимать решения (А, В или С), чтобы ориентироваться в игре». Такой способ помогает включить механизм принятия решений, развить критическое мышление на иностранном языке, «прочувствовать» те или иные лексические единицы. Такой вид игр может частично разнообразить обычный вид чтения, а также создать дополнительную мотивацию для обучающегося.

Преподаватели иностранных языков могут использовать нейросети, в частности «ChatGPT», в качестве дидактического ассистента. Варианты для использования функционала нейросетей в качестве универсального дидактического дополнения достаточно разнообразны:

1. **Можно предложить программе оценить письменную работу обучающегося с точки зрения грамотности.** Робот исправляет неверные на его взгляд конструкции и варианты написания, что во многом упрощает рутинную работу учителя.

2. **Предложите программе оценить письменную работу ученика относительно содержания.** Удивительно, что нейросеть не просто даёт оценку, но мотивирует это определёнными аргументами, что позволяет проверяющему посмотреть на работу с другой точки зрения или утвердиться в своём мнении. К тому же можно попросить нейросеть аргументировать свою оценку, таким образом увеличивается степень объективности оценки.

3. **Попросите разработать учебный план на заданную тему модуля.** В этом случае важно точно сформулировать задачу, расписать цели и уровень обучающихся, иначе предложенный план будет выглядеть поверхностно.

4. **Попросите программу создать проверочную работу в виде теста.** Например: «Задай мне пять вопросов с тремя вариантами ответа на каждый вопрос на тему «Внешняя политика королевы Елизаветы II».

5. **Попросите программу создать проверочную работу в виде текста с пропусками.** Пример формулировки: «Подготовь текст с пятью пропусками слов для 10 класса, в котором рассказывается о дне Святого Патрика в Ирландии». Необходимо соблюдать точность формулировки любой задачи, так как иначе нейросеть не способна догадаться, по каким критериям необходимо составлять задание.

6. **Создание задания для поиска ошибок.** Одно из распространённых заданий в учебниках по практическому курсу иностранного языка – поиск ошибок в представленном тексте. Для того, чтобы пополнить банк текстов для такого типа заданий, можно попросить программу создать текст с определённым количеством ошибок и выписать их внизу, для упрощения контроля за выполнением.

7. **Подборка текстов на определённое грамматическое явление.** При обучении студентов старших курсов зачастую возникает проблема нехватки современных текстов, где бы доминировало то или иное лингвистическое явление. И если раньше такой банк текстов пополнялся очень медленно, вручную и несколькими людьми, то теперь нейросети упрощают эту задачу.

8. **Дифференциация текстов.** В модуле по изучению стилистики есть тема речевых регистров, которую, как правило, иллюстрируют на примере текстов разного содержания. Однако более интересно демонстрировать разницу речевых стилей на примере одного текста. Допустим, за основу взята сказка про Красную Шапочку. Можно попросить программу переписать сказку в разговорном стиле, официально-деловом, публицистическом и дать обучающимся задание – выделить речевые признаки выбранных стилей.

Однако стоит подчеркнуть тот факт, что стремительное развитие сферы искусственного интеллекта провоцирует рост числа узко специализированных нейросетей. Так для работы с графическими изображениями появилась нейросеть «MidJourney», создающая картинки по текстовому описанию. Для преподавателей также была создана специальная нейросеть «Twee AI». Этот инструмент позволяет создавать вопросы для выбранного видео на видео-хостингах «YouTube» и «Vimeo», создавать разноформатные тексты на заданную тему, составлять разные типы вопросов, создавать упражнения, ориентированные на проверку определённой лексики. Главным недостатком этого инструмента на сегодняшний момент является то, что задания делаются всего на два уровня: простой и продвинутый.

Таким образом, можно сделать вывод, что нейросети при разумном использовании способны повысить эффективность образовательного процесса и для обучающихся, и для преподавателей. Основное отличие новых образовательных программ, которые будут создаваться в ближайшем будущем, будет заключаться в том, что как обучающиеся, так и преподаватели должны будут обладать высоким уровнем цифровой грамотности.

В заключение необходимо подчеркнуть, что нейросети полезны и опасны одновременно. Принеся большое количество прогрессивных изменений, искусственный интеллект с одной стороны ставит под сомнение сохранность интеллектуальной собственности с точки зрения правовых отношений, а с другой – создаёт предпосылку для деградации человеческого критического и аналитического мышления, чего можно избежать при развитии навыка разумного использования моделей искусственного интеллекта.

Литература:

- Гаврилова А. В. Стало известно, кто может остаться без работы из-за нейросетей // РИА Новости. [Электронный ресурс]. – 2023. URL: <https://ria.ru/20230322/neuroset-1859660468.html>. (дата обращения: 22.03.2023)
- Николенко С. И. Глубокое обучение. Погружение в мир нейронных сетей. / А. А. Кадури, Е. О. Архангельская; под. ред. Гринчик Н. – Питер, 2020. – 480 с.
- Amodei D., Christiano P., Ray A. Learning from human preferences. 2017. URL: <https://openai.com/research/learning-from-human-preferences>. – Дата доступа: 26.01.2023.
- Chakravari N. Will ChatGPT Replace Teachers? [Электронный ресурс]. – 2023. URL: <https://radixanalytics.com/2023/08/23/will-chatgpt-replace-teachers/> (дата обращения: 26.09.2023)
- Döbeli Honegger B. ChatGPT & Schule. Einschätzungen der Professur «Digitalisierung und Bildung» der Pädagogischen Hochschule Schwyz. [Электронный ресурс]. – 2023. URL: <https://mia.phsz.ch/pub/MIA/ChatGPT/2023-chat-gpt-und-schule-v128.pdf>. (дата обращения: 26.01.2023)

- Gimpel H. Unlocking the Power of Generative AI Models and Systems such as GPT-4 and ChatGPT for Higher Education. [Электронный ресурс]. – 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/369369378_Unlocking_the_Power_of_Generative_AI_Models_and_Systems_such_as_GPT-4_and_ChatGPT_for_Higher_Education_A_Guide_for_Students_and_Lecturers_Unlocking_the_Power_of_Generative_AI_Models_and_Systems_such_a. – Дата доступа: 28.03.2023.
- Hunter T. ChatGPT could make life easier. Here’s when it’s worth it. [Электронный ресурс]. – 2023.: <https://www.washingtonpost.com/technology/2023/01/18/chatgpt-personal-use/>. (дата обращения: 19.01.2023.)
- Matthes S. Wir werden weniger arbeiten müssen als heute. [Электронный ресурс]. – 2023. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/bill-gates-wir-werden-weniger-arbeiten-muessen-als-heute-/28973628.html>. – Дата доступа: 17.03.2023.
- Pöler H. ChatGPT im Unterricht (Fremdsprachen) – 25 Praxisbeispiele für ChatGPT als Lern- und Unterrichtsassistent. [Электронный ресурс]. – 2023. URL: <https://unterricht.digital/2023/01/20/chatgpt-unterricht-fremdsprachen/>. дата обращения: 20.01.2023.
- Zehrfeld S. ChatGPT verändert den Unterricht – wie die NRW-Schulen damit umgehen. [Электронный ресурс]. – 2023. URL: https://rp-online.de/nrw/landespolitik/chatgpt-anschulen-in-nrw-land-gibt-anweisungen-fuer-ki-nutzung_aid-83799507. (дата обращения: 01.02.2023)

References:

- GavriloVA, A. V. It became known who may be out of work due to neural networks // RIA Novosti. 2023 [electronic resource]. – Access mode: <https://ria.ru/20230322/neyroset-1859660468.html>. (Accessed: 03.22.2023)
- Nikolenko, S. I. Deep learning. Immersion into the world of neural networks. / A. A. Kadurin, E. O. Arkhangelskaya; ed. Grinchik N. – St. Petersburg, 2020. – 480 p.
- Amodei, D. Learning from human preferences. / D. Amodei, P. Christiano, A. Ray. 2017 [electronic resource]. URL: <https://openai.com/research/learning-from-human-preferences>. (Accessed: 26.01.2023)
- Chakravari, N. Will ChatGPT Replace Teachers? 2023 [electronic resource]. URL: <https://radixanalytics.com/2023/08/23/will-chatgpt-replace-teachers/>. – Access date: 26.09.2023.
- Döbeli Honegger, B. ChatGPT & School. Assessments of the Professorship “Digitalization and Education” of the University of Education Schwyz, 2023 [electronic resource]. URL: <https://mia.phsz.ch/pub/MIA/ChatGPT/2023-chat-gpt-und-schule-v128.pdf>. (Accessed: 26.01.2023)
- Gimpel, H. Unlocking the Power of Generative AI Models and Systems such as GPT-4 and ChatGPT for Higher Education. 2023 [electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/369369378_Unlocking_the_Power_of_Generative_AI_Models_and_Systems_such_as_GPT4_and_ChatGPT_for_Higher_Education_A_Guide_for_Students_and_Lecturers_Unlocking_the_Power_of_Generative_AI_Models_and_Systems_such_a. – (Accessed: 28.03.2023)
- Hunter, T. ChatGPT could make life easier. Here’s when it’s worth it. 2023 [electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2023/01/18/chatgpt-personal-use/>. (Accessed: 19.01.2023)

- Matthes, S. We will have to work less than today. 2023 [electronic resource]. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/bill-gates-wir-werden-weniger-arbeiten-muessen-als-heute-/28973628.html>. (Accessed: 17.03.2023)
- Pöler, H. ChatGPT in teaching (foreign languages) – 25 practical examples of ChatGPT as a learning and teaching assistant. 2023 [electronic resource]. URL: <https://unterricht.digital/2023/01/20/chatgpt-unterricht-fremdsprachen/>. (Accessed: 20.01.2023)
- Zehrfeld, S. ChatGPT changes the teaching – how the NRW schools deal with it. 2023 [electronic resource]. URL: https://rp-online.de/nrw/landespolitik/chatgpt-an-schulen-in-nrw-land-gibt-anweisungen-fuer-ki-nutzung_aid-83799507. (Accessed: 01.02.2023)

Тарасов А. А.

Московский педагогический государственный университет

ОБУЧЕНИЕ ПОСТАНОВКЕ ПЛАНИРУЕМЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАДАЧ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ ИНОЯЗЫЧНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена актуальному аспекту профессиональной лингводидактики в рамках профессионально ориентированного обучения иностранному языку будущим педагогов: преодолению трудностей педагогического общения на иностранном языке. Эффективность профессиональной деятельности учителя иностранного языка во многом определяется умениями педагогического общения на иностранном языке, составляющими ядро профессиональной компетенции педагога. При моделировании образовательной среды будущие преподаватели учатся устанавливать коммуникативный контакт с учащимися посредством постановки планируемых коммуникативных задач в рамках проектирования курса или модуля. Определение содержания и формы общения студентов - будущих учителей с учащимися основывается на оценке потребностей перспективной целевой аудитории. С помощью планируемых коммуникативных задач происходит усиление вовлеченности учащихся в образовательный процесс, ускоряется адаптация учащихся к новым учебным темам и ситуациям, формируется познавательно-коммуникативная активность для осуществления иноязычной речевой деятельности. Со стороны будущего преподавателя, постановка коммуникативных задач позволяет педагогу продумать стратегию реализации проектируемого курса или модуля, установить цели обучения, выстроить алгоритм действий и содержание курса на иностранном языке. Являясь краеугольным этапом при проектировании студентами своих курсов и модулей, планируемые коммуникативные задачи позволяют установить личностный контакт учителя с учащимися, преодолеть потенциальные культурные, психологические, социальные барьеры иноязычного педагогического общения, направляя педагога на удовлетворение зачастую различных потребностей целевой аудитории. В конечном счете, коммуникативные задачи способствуют созданию благоприятной образовательной среды и мотивируют учащихся и учителей к активному педагогическому общению.

Ключевые слова: педагогическое общение; коммуникативная задача, планируемая коммуникативная задача; образовательная среда; педагогическое проектирование

Alexander Tarasov

Moscow Pedagogical State University

TEACHING THE FORMULATION OF PLANNED COMMUNICATIVE TASKS TO OVERCOME THE DIFFICULTIES OF FOREIGN LANGUAGE PEDAGOGICAL COMMUNICATION IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF FUTURE TEACHERS OF A FOREIGN LANGUAGE

The article is dedicated to overcoming difficulties of pedagogical communication in a foreign language. The effectiveness of the professional activity of a foreign language teacher is largely

determined by the skills of pedagogical communication in a foreign language, which form the core of a teacher's professional competence. When modeling educational environment, future teachers learn to establish communicative contact with students by setting planned communicative tasks as part of course and module design. Determining the content and form of communication between students is based on assessment of the needs of the prospective target audience. Due to setting communicative tasks, students' involvement in the educational process increases, students' adaptation to new educational topics and situations is accelerated, and cognitive and communicative activity is realized for the implementation of speech activities. On the part of the future teacher, setting communicative tasks allows the teacher to create a strategy for implementing the course or module, set learning goals, build an algorithm of actions and course content. Being the cornerstone of students' course and module design, planned communicative tasks allow the teacher to establish personal contact with target audience, overcome potential cultural, psychological, social barriers of foreign language pedagogical communication, leading the teacher to meet different needs of the target audience. Ultimately, communicative tasks contribute to creation of favorable educational environment and motivate students and teachers to active pedagogical communication.

Keywords: pedagogical communication; communicative task, planned communicative task; educational environment; pedagogical design

В обучении студентов факультетов иностранных языков педагогических вузов важное значение имеет обучение педагогическому общению на иностранном языке, т.к. будущие преподаватели на своих уроках иностранного языка будут формировать иноязычную образовательную среду, используя свои профессиональные иноязычные навыки и умения. Иноязычная речевая деятельность будущего учителя должна основываться на моделировании будущей профессиональной деятельности, которая не аналогична реализации коммуникативных умений в рамках бытового общения (English for general purposes). Профессионально-коммуникативная компетенция включает в себя педагогический и коммуникативный аспекты, представляя собой более сложную интегративную способность, чем коммуникативная компетенция. Профессионально-коммуникативная компетенция реализуется через *педагогическое общение*. Согласно определению А. А.Леонтьева, педагогическое общение – это «профессиональное общение преподавателя с учащимися на уроке и вне его (в процессе обучения и воспитания), имеющее определенные педагогические функции и направленное (если оно полноценное и оптимальное) на создание благоприятного психологического климата, а также на другого рода психологическую оптимизацию учебной деятельности и отношений между педагогом и учащимся» [Леонтьев, 1979, с. 3]. Таким образом, целенаправленное формирование педагогом межличностных отношений в классе или группе является важным вектором педагогического общения. Наличие сформированных профессиональных коммуникативных способностей учителя иностранного языка по своей сущности является необходимым условием построения субъект-субъектных отношений учителя и учащихся в рамках современного образовательного процесса по иностранному языку. Очевидно, что перед преподавателями педагогических вузов стоит задача обучения будущих учителей эффективному педагогическому общению и, в особенности, преодолению трудностей, возникающих при педагогическом общении в образовательном процессе.

Одной из самых распространенных трудностей педагогического общения является недостаточный коммуникативный контакт учителя с классом и отдельными учащимися. Часто в образовательном процессе осуществляется дисциплинирование путем нажима, прямого порицания, унижения достоинства. Некоторые учителя занимаются высмеиванием учащихся,

демонстрируют свое превосходство в различной форме. Нехватка проявления эмпатии со стороны учителя подрывает качество педагогического общения.

Неверное понимание мотивов иноязычной речевой деятельности учащихся, происходящее от неправильной оценки их потребностей, влечет за собой ошибочные коммуникативные действия учителя. В результате, данная трудность педагогического общения вызывает последующую разобщенность учителя и учащихся, разнонаправленность их целей и отсутствие результата обучения.

Организация педагогического общения в соответствии с поставленными целями часто также вызывает трудности. В силу краткосрочных сбоев в эмоциональной саморегуляции учителя иностранного языка, неверной оценки собственных речевых поступков снижается эффективность педагогического общения, нарушается запланированное достижение учебных целей, решение задач.

Серьезный вызов, с которым сталкиваются учителя в процессе педагогического общения, - это социальные, культурные, психологические различия между учащимися внутри группы или класса. Различный уровень владения иностранным языком, опыт иноязычного общения, уровень воспитания и интеллектуального развития может вызвать у преподавателя растерянность, непонимание, как управлять образовательным процессом при индивидуальных особенностях внутри целевой аудитории.

Для преодоления вышеуказанных трудностей следует обратить внимание на мотивационный компонент иноязычного педагогического общения, который наиболее ярко проявляется на *прогностическом этапе педагогического общения*. Занятия по педагогическому проектированию для студентов-будущих учителей иностранного языка, на которых студенты разрабатывают учебный курс или пособие, включают обучение прогностическому этапу педагогического общения. На данном этапе требуется анализ потребностей и мотивов потенциальных учащихся, которые формируют основу их познавательно-коммуникативной деятельности. Студенты определяют потенциальные педагогические ситуации, которые могут возникнуть при реализации их педагогических проектов, определяют содержание и формы общения со своими учащимися.

Важным мотивационным компонентом и этапом развития умений педагогического общения в рамках педагогического проектирования является краткая вступительная речь перед целевой аудиторией разработанного курса и определение *планируемой коммуникативной задачи - проблемного вопроса*, охватывающего весь предстоящий курс. Проблемный вопрос раскрывает тему и объясняет цель проектируемого курса. Тема курса определяется в связке с целевой аудиторией и входным уровнем владения иностранным языком. Студенты размышляют о том, почему их выбранная тема имеет значение для выбранной категории потенциальных учащихся. В процессе обсуждения зачастую происходит адаптация темы и ее формулировки для усиления мотивации учащихся к освоению предлагаемого курса. Студенты оценивают потребности и интересы потенциальных учащихся, таким образом формируя основу для проблемы и проблемного вопроса. По своей сущности проблемный вопрос описывает проект как проблему, которую надо решить.

Проблемный вопрос должен соответствовать ряду критериев. Он должен быть открытым и не требующим односложного единственно правильного ответа в виде фактической информации. Кроме того, в проблемном вопросе содержится понимание неоднозначности тематики, полярности существующих позиций. Ответ на проблемный вопрос требует обоснования со стороны учащихся, и такой ответ можно предоставить, только изучив весь проектируемый курс. В результате, проблемный вопрос наводит на размышления, вызывает

дискуссию. По своей сути, решение проблемного вопроса требует проведения когнитивных операций в течение всего проектируемого курса: анализ, синтез, оценку, прогнозирование.

Постановка коммуникативных задач, согласно В. А. Сластенину, предполагает субъект-субъектное взаимодействие учителя и учащихся при дальнейшем решении данных задач [Сластенин, 2011, с. 63]. Благодаря наличию планируемых коммуникативных задач, субъект-субъектное взаимодействие учителя и учащихся поддерживается повышенной учебной мотивацией со стороны учащихся, а также положительным эмоциональным отношением будущего преподавателя (нынешнего студента) к своей профессиональной деятельности.

Правильно сформулированный проблемный вопрос подталкивает учащихся к иноязычной речевой деятельности. Учащиеся оказываются в ситуации, когда невозможно молчать, а хочется высказаться на интересующую их тематику, вступить в дискуссию, проверить факты, связанные с тематикой. Проблемный вопрос также распространяет мотивацию учащихся на выполнение отдельных заданий внутри курса.

К успешным примерам проблемных вопросов, разработанных студентами на занятиях по педагогическому проектированию, можно отнести следующие: «Is maintaining healthy lifestyle a hobby or necessity?», «Is it real to study in another reality?», «Can we trust the media?», «What is love?», «How to survive at school?».

Планируемая коммуникативная задача поднимает желание будущего учителя иностранного языка дальнейшего методического исследования в рамках проекта. При обозначении планируемой коммуникативной задачи очень важен психологический настрой преподавателя, посредством которого пробуждается интерес учащихся, а также проявляется собственная заинтересованность в жизни учащихся с учетом их индивидуальных особенностей и потребностей. С помощью постановки планируемых коммуникативных задач в процессе педагогического проектирования студенты учатся мотивировать своих учащихся к изучению проектируемых учебных курсов и пособий, показывают значимость своего курса и овладения иностранным языком в целом.

В соответствии с В. А. Кан-Каликом, выделяются следующие этапы в решении коммуникативной задачи: 1) анализ ситуации; 2) перебор вариантов и выбор из них оптимального; 3) коммуникативное взаимодействие; 4) анализ результатов коммуникативного взаимодействия [Кан-Калик, 1987, с. 16-17]. Этапность решения коммуникативной задачи, разработанная В. А. Кан-Каликом, может быть применена для решения проблемного вопроса на протяжении всего проектируемого курса. Осваивая курс, потенциальные учащиеся анализируют различные подтемы курса, знакомятся с различными аспектами проблемы. Происходит определение наиболее близких мнений и позиций для учащегося, рефлексия и формирование собственных суждений и обоснованной позиции по проблемному вопросу. В процессе изучения курса или модуля потенциальные учащиеся включаются в общение и взаимодействуют с учителем и друг с другом. Завершается курс подведением итогов, осуществлением итогового контроля и оценением. Таким образом, разрабатываемый студентами курс призван помочь учащимся решить планируемую коммуникативную задачу, поставленную перед началом данного курса.

Коммуникативные задачи, формулируемые студентами при педагогическом проектировании, позволяют достичь следующие результаты в процессе поиска ответа на проблемный вопрос.

Во-первых, формируется чувство единства в группе между учащимися, а также единство между учителем и учащимися. Учитель и учащиеся нацелены на решение коммуникативной задачи, смысл которой всем ясен и которая не имеет тривиального решения.

Во-вторых, устанавливается постоянный личностный контакт учителя с учащимися.

В-третьих, проявляется эмпатия учителя или автора курса, которая раскрывается в интересе учителя или разработчика к потребностям, чаяниям и мировоззрению учащихся. Коммуникативная задача ставится с учетом потребностей целевой аудитории, а значит, призвана заполнить нехватку информации, незнание или недостаточное владение теми или иными навыками и умениями, решить жизненные проблемы учащихся. В результате, коммуникативная задача оказывается близкой целевой аудитории, говорит на одном языке с ней, а вместе с коммуникативной задачей и сам учитель становится живительным источником для учащихся.

В-четвертых, благодаря постановке коммуникативных задач осуществляется организующее воздействие. Вместе с тем, организующее воздействие невозможно без понимания личности учащегося.

Литература:

- Кан-Калик В. А. Учителю о педагогическом общении. – М., 1987.
- Колесникова И. Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков: справочное пособие. М., 2008.
- Леонтьев А. А. Педагогическое общение. – М., 1979.
- Пассов Е. И. Учитель иностранного языка: мастерство и личность. – М., 1993.
- Сластенин В. А. Педагогика: учебник для студ. высших пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. – М., 2011.
- Рабочие программы дисциплин «Проектирование курсов и модулей по иностранному языку» и «Методическое проектирование по иностранному языку».

References:

- Kan-Kalik V. A. Uchitelyu o pedagogicheskom obshchenii. Moscow, 1987.
- Kolesnikova I. L. Anglo-russkiy terminologicheskiy spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov: spravochnoye posobiye / I. L. Kolesnikova, O. A. Dolgina. Moscow, 2008.
- Leont'yev A. A. Pedagogicheskoye obshcheniye. Moscow, 1979.
- Passov Y. I. Uchitel' inostrannogo yazyka: masterstvo i lichnost'. Moscow, 1993. 5. Slastenin V. A. Pedagogika: uchebnik dlya stud. vysshikh ped. ucheb. zavedeniy / V. A. Slastenin, I. F. Isayev, Y. N. Shiyarov. Moscow, 2011.
- Rabochiye programmy distsiplin «Proyektirovaniye kursov i moduley po inostrannomu yazyku» i «Metodicheskoye proyektirovaniye po inostrannomu yazyku».

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Цель данного исследования состоит в описании специфики перевода компьютерных игр. Задачами исследования являются анализ сущности понятий «видеоигра» и «локализация» и сравнение между устоявшимся термином «перевод» и недавно сформировавшимся термином «локализация», выявив сходства и различия между двумя явлениями, стоящими за данными терминами. Для достижения целей и реализации поставленной в работе задачи были использованы следующие методы исследования: метод контекстуального анализа, общенаучные методы описания и прием сплошной выборки. Новизной данного исследования является то, что на основе полученных данных дается анализ сущности понятий «видеоигра» и «локализация». Полученные результаты исследования могут быть использованы в переводоведческих дисциплинах, переводчиками – в процессе локализации видеоигр, а также исследователями – при написании научных работ по сходной тематике. В заключение проводятся выводы по анализу специфики перевода компьютерных игр.

Ключевые слова: специфика, перевод, компьютерные игры, локализация.

Yulia V. Tarasova

Rostov State University of Economics

THE SPECIFICS OF COMPUTER GAMES TRANSLATION

The purpose of this research is to describe the specifics of computer games translation. The goals of the study are to analyze the essence of the concepts of “video game” and “localization” and compare between the established term “translation” and the recently formed term “localization”, revealing similarities and differences between the two phenomena behind these terms. To achieve the goals and implement the task set in the work, the following research methods were used: the method of contextual analysis, general scientific methods of description and the method of continuous sampling. The novelty of this study is that, based on the data obtained, an analysis of the essence of the concepts of “video game” and “localization” is given. The obtained research results can be used in translation studies, by translators – in the process of localization of video games, as well as by researchers – when writing scientific papers on similar topics. Concluding, the analysis of the specifics of computer games translation is presented.

Keywords: specifics, translation, computer games, localization.

Развитие видеоигр, как нового вида развлечений и досуга, началось с 1940-х годов, и сейчас это одна из популярных и прибыльных культурных сфер. Со временем большее количество людей готово покупать игры, спрос на этот продукт возрастает во всем мире. Это привело к тому, что для удовлетворения потребностей представителей разных стран и культур разработчики и издатели готовы переводить свои игры на другие языки.

Популяризация игр стала главной причиной, благодаря которой начало обсуждаться решение адаптировать их для зарубежных потребителей. Но в этом случае возникали определенные трудности, поскольку видеоигра, в отличие от большинства других явлений массовой культуры, является комплексной и многоступенчатой системой. В одном из определений, которое принадлежит М. В. Каманкиной, говорится, что у компьютерной игры двойственная природа: с одной стороны, это свод игровых правил, а с другой – это некий обширный и тщательно проработанный мир, создающийся как синтетическое мультимедийное произведение [Каманкина, 2016, с. 6]. Видеоигра представляет собой двойственное явление, будучи произведением искусства и в то же время товарным продуктом, который разработчики пытаются продать аудитории. По этой причине, чтобы создать готовую и полноценную игру, в процессе разработки участвуют люди, которые отвечают за сценарий, дизайн, музыкальное сопровождение, программный код и озвучивание [Беляева, 2021, с. 91-104].

Подобно кинофильму, видеоигры – это аудиовизуальный продукт. Из-за этого перевод игр во многом похож на перевод фильмов, куда входит создание субтитров и дубляж. Однако компьютерные игры также считаются программным продуктом, что больше схоже с адаптацией программного обеспечения.

Если разработчик хочет продвигать свой товар на иностранный рынок, то наличие продуманной и аккуратно выполненной адаптации обязательно для успешной продажи игры за рубежом. Говоря про видеоигры, здесь, как и в других текстовых продуктах, перевод – это неотъемлемая часть адаптации. Без него у носителей других языков не будет возможности понять смысл произведения и комфортно играть. Но в этом случае нужно учитывать, что данный процесс включает в себя не только перевод, поскольку текст после этого необходимо дополнительно отредактировать с учетом культурологических аспектов и технических трудностей. По этой причине, говоря о переводе видеоигр, употребляется термин «локализация».

Сфера перевода существует уже на протяжении многих лет, однако, несмотря на это, в ней до сих пор нет единого определения термина «локализация», если речь идет об играх. По этой причине значение этого термина в данный момент многозначно и может иметь несколько отличающихся трактовок [Аносова, 2014, с. 8-13]. В. Г. Якунина и Е. В. Шевченко пишут, что локализацией следует признавать культурную и лингвистическую адаптацию продукта для той целевой аудитории, которая будет его использовать [Якунина, Шевченко, 2017, с. 17]. То есть необходимо видоизменить перевод, чтобы люди, говорящие на иностранных языках, могли понимать игровой текст и воспринимать его так, будто он изначально создан для их культуры. Хотя данное определение и характеризует процесс перевода в сфере видеоигр, однако упомянуты не все его части. Чтобы полностью понять, что представляет собой этот термин, необходимо более подробно изучить элементы процесса локализации.

В сфере языковедения дается следующее обозначение локализации. Под «локализацией» понимают специфический вид перевода, при осуществлении которого учитываются культурно-специфические особенности адресата, а адаптация считается важнейшей составляющей всего процесса [Bernal-Merino, 2006, p. 22-36]. Локализуя текст видеоигр, необходимо учитывать стандарты целевой страны, для которой переводится продукт [Саяхова, 2020, с. 57-59]. Сюда входят: различные особенности законодательных норм и законов, формат времени и дат, валюта и т.д. «Главная цель языковой локализации компьютерно-игрового дискурса – передача эмоций, воссоздание схожего игрового опыта у представителей целевой аудитории, независимо от уровня владения языком и культурного опыта» [Болотина, Кузьмина, 2019, с. 43]. Локализация – это проводник в игровую симуляцию для реципиента; с ее помощью он остается в удобной и комфортной среде, может понимать текст и культурологические аспекты так же, как и носители.

Подход к процессу локализации должен быть серьезным и ответственным, иначе могут возникнуть юридические конфликты. Текст необходимо адаптировать в доступной и понятной для потребителей форме, так как видеоигра – это все еще продукт, и его требуется продать с максимальной выгодой, на что и рассчитана локализация.

Один из основных этапов локализации – это перевод видеоигрового интерфейса. «Игровой интерфейс – это способ передачи информации геймерам для взаимодействия с игрой» [Коваленко, Солодов, 2020, с. 37]. Он включает в себя различные настройки: мини-карта, которая используется игроками, чтобы ориентироваться в игровом пространстве, полоска с количеством оставшегося здоровья, элементы меню, где дается возможность настроить графические и звуковые показатели (HUD configuration), различные игровые предметы, необходимые для дальнейшего прохождения, и т.д. [Мионов, 2016]. Переведенный интерфейс – это еще один необходимый элемент, поскольку с его помощью у игрока есть возможность получать всю требуемую игровую информацию для дальнейшего прохождения. Если выполненный перевод неадекватен и некорректен, то потребитель будет дезориентирован. Вызванная фрустрация в таком случае отрицательно повлияет на продажи.

В эту категорию входит и специальная игровая терминология, которая нуждается в правильной адаптации. Сами термины могут быть одинаковыми в разных играх (“Crit”, “NPC”, “HP”), либо отличаться, если игры сделаны в разных жанрах (например, термины “Level Points”, “Buff”, “Skill” будут применяться преимущественно в компьютерных ролевых играх). У большинства известных игровых терминов со временем появился «устоявшийся» вариант перевода, что может значительно облегчить работу переводчика, если он уже ознакомлен со сферой видеоигр и ее терминологией [Пять самых дорогостоящих ошибок при локализации игр].

Уже было отмечено, что, переводя игру, помимо языковых трудностей требуется принимать во внимание и технические. По словам М. О’Hagan, локализация – «это преобразование перевода, но с большим упором на технологизацию» [О’Hagan, 2007]. Если говорить про книги, то там текст – это набор букв, и их изменение никак не повлияет на то, будет ли у читателя возможность открыть книгу и прочитать ее. Но в видеоиграх текст формируется языками программирования, поэтому работать с ними помимо переводчиков должны и программисты, которые более осведомлены, какие переменные кода можно подвергнуть изменениям, а какие – нет. Результатом некомпетентной работы может быть искажение игровых функций. Один из примеров – отсутствие возможности у игрока сохранить текущий игровой процесс, поскольку изначальный код написан на латинице, а потому он не может обработать кириллический текст и выдает ошибку. Самой большой проблемой может стать невозможность запустить игру в принципе. Вследствие этого в официальных студиях локализации с кодовым текстом работают не переводчики, а специально обученные люди с техническим образованием.

Существует также и другая трудность. «Сложность обработки представленных данных заключается в том, что предложения с переменными необходимо строить определенным образом, с учетом того, что данная переменная может измениться» [Зеленко, 2017]. Опираясь на программный код и переменные, переводчикам приходится использовать устойчивые сокращения и фразы, из-за чего количество вариантов перевода уменьшается, усложняя процесс локализации.

Из этого можно сделать вывод, что процесс перевода видеоигр непосредственно зависит от их сложной структуры, его нужно анализировать с культурной, лингвистической и технической точки зрения.

Рассмотрев термин «локализация», необходимо понять его связь с определением термина «перевод». Их взаимоотношение в игровом дискурсе заметно отличается от того, что встречается в теории перевода, вызывая множество споров и академических разногласий. В данной работе употребляются оба термина, поскольку перевод – это этап локализации, где используются те же переводческие трансформации. В то же время они не всегда взаимозаменяемы, так как в процессе локализации появляются другие трудности и цели, основанные не только на лингвистических ограничениях, но и на графических. По этой причине невозможно объяснить, почему определение «перевод» не может полностью описать весь процесс локализации в сфере видеоигр.

В. Н. Комиссаров определяет перевод как «вид языкового посредничества, всецело ориентированный на иноязычный оригинал» [Комиссаров, 1990, с. 43]. Трансформируя текст на переводимый язык, необходимо ориентироваться на максимальное сходство содержания и формы с исходным языком, чтобы окончательный вариант воспринимался так же, как и первоначальный. В разных видах перевода есть свои коммуникативные цели. Они должны учитываться переводчиками, когда те переводят и анализируют текст. Это объединяет перевод и локализацию, поскольку во время обоих процессов необходимо передать оригинальный текст, используя языковые средства языка перевода. Но если говорить про локализацию, то в этом случае не всегда требуется полностью сохранять смысл переводимого произведения, поскольку встречаются случаи, когда сказанное персонажем в локализации может значительно отличаться от того, что он произнес изначально.

Это связано с тем, что одной из важных особенностей локализации является прагматическая адаптация перевода. По словам В. Н. Комиссарова, это «изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного рецептора перевода» [Комиссаров, 1990, с. 48]. Таким образом, если при переводе обычных текстов встречаются ситуации, когда требуется лишь передать информацию, то в случае с видеоиграми всегда необходимо учитывать, какую эмоциональную реакцию локализация вызовет у получателя. Главная сторона всего процесса – это играющий, так как только положительное воздействие повлияет на то, что он приобретет подобный продукт и будет покупать его в дальнейшем.

И. С. Алексеева обозначает следующие проблемы переводческого процесса: «Свобода выбора для переводчика и, соответственно, вариативность результата ограничивается вариативными ресурсами языка (т.е. тем, возможны ли в нем в принципе варианты), видом перевода и типом текста» [Алексеева, 2004, с. 7]. Трудности в переводе появляются из-за ограничений в языке, отсутствия эквивалентных слов и выражений в языке перевода. В локализации эта проблема также присутствует, но помимо этого, есть и технические препятствия: переменные в коде, которые требуется перевести с учетом разных контекстных ситуаций (при этом по возможности избегая использования какого-то определенного склонения и рода), учет длины проговариваемых реплик с целью наложения дорожки дубляжа вместо оригинальной, и соответствие артикуляции говорящего на экране (переведенный текст должен визуально соотноситься с тем, как персонаж двигает ртом). Все вышеуказанные ограничения показывают, что локализация – это более долгий процесс, чем перевод.

Помимо этого, «для успешного перевода необходимо знание общей и языковой культуры стран языка перевода, уклада жизни их народов. Все это впоследствии даст возможность точнее передавать реалии, устойчивые выражения и пр. Таким образом, обучение собственно переводу должно строиться на прочной языковой и страноведческой базе» [Латышева, Романов, 2009]. Переводческая деятельность связывает между собой культуры, которые обмениваются своими ценностями и идеями, удовлетворяя при этом человеческие потребности [Мирзоян, 2017, с. 53-

56]. И при переводе, и при локализации необходимо учитывать культурные традиции и законы государства, для которого адаптируется текст. Но в локализации более вероятно, что некоторые части будут изменены, если их присутствие может не удовлетворить потребителей, тогда как в переводе это основывается на требованиях заказчика.

Из этого следует, что указанные термины не всегда взаимозаменяемы, так как есть особенности, которые отличают их друг от друга. Но, несмотря на это, перевод тесно связан с процессом локализации, поскольку это один из основополагающих этапов [Саяхова, 2021, с. 61].

Локализация часто применяется в поликодовых текстах. Поликодовый текст определяется как «текст, в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами – вербальным и невербальным компонентами, объединение которых представляет собой определенную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости составляющих как в содержательном, так и в формальном аспектах» [Анисимова, 1992, с. 77]. К этим текстам относятся интернет-источники и сайты, афиши, комиксы и компьютерные игры, где применяются и сочетаются разные способы адаптации.

Перевод – это вид языкового посредничества, который полностью зависит от оригинального текста [Богатская, Невольникова, 2010, с. 10]. Локализация же больше относится к адаптивному транскодированию, «виду языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и её преобразование (адаптация) с целью изложить её в иной форме, определяемой не организацией этой информацией в оригинале, а особой задачей межязыковой коммуникации. Специфика адаптивного транскодирования определяется ориентацией языкового посредничества на конкретную группу респондентов перевода или на заданную форму преобразования информации, содержащейся в оригинале» [Комиссаров, 1990, с. 48].

В локализации используются те же приемы, что и в переводе, так как эти процессы связаны между собой. При переводе имен героев и названий локаций чаще используются транскрипция, транслитерация и калькирование. В остальных случаях можно наблюдать замены, целостное преобразование и модуляцию, что позволяет обходить различные технические ограничения при локализации. Пока что не существует определенных установок на то, какие именно трансформации можно использовать, поэтому они выбираются в зависимости от жанра видеоигры, а также от контекста игровых ситуаций.

Таким образом, «локализацию можно рассматривать как ещё один вид адаптивного транскодирования, объектом которого выступает поликодовый или мультимедийный текст» [Арбузова, 2020, с. 21]. Эти тексты во многом отличаются от обычных, по этой причине во время перевода нужно изменять вербальные и внетекстуальные части. Это делает локализацию сложным процессом со множеством этапов, с помощью которого разработчики могут распространять свой продукт, учитывая социальные, лингвистические, культурные и маркетинговые факторы и используя перевод, как первоначальный этап, для достижения этой цели.

Литература:

- Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
- Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. –1992. – No 1. – С. 71-78.

- Аносова Н. Э. Перевод в свете межкультурной коммуникации // Индустрия перевода. – 2014. – Т.1. – С. 8-13.
- Арбузова П. В. Локализация российских кондитерских изделий на китайском рынке. Красноярск, 2020. – 98 с.
- Беляева У. П. Видеоигры как технокультурный феномен: история становления и социокультурная значимость // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2021. – №3. – С. 91-104.
- Богатская Е. Ю., Невольникова С. В. Курс лекций по теории перевода: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2011. – 235 с.
- Болотина, М. А., Кузьмина Е. В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2019. – №1. – С. 43-50.
- Зеленько К. Р. Особенности перевода компьютерных игр с учетом специфики данного вида перевода [Электронный ресурс] // Научный журнал. – 2017. – № 6-2 (19). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-kompyuternyh-igr-s-uchetom-spetsifik-i-dannogo-vida-perevoda> (дата обращения: 20.10.2023).
- Каманкина М. В. Видеоигры: общая проблематика, страницы истории, опыт интерпретации / М. В. Каманкина. – М.: ГИИ, 2016. – 340 с.
- Коваленко Т. А., Солодов, А. Г. Игровой интерфейс, как объект исследования // The scientific heritage. 2020. – № 45. – С. 36-42.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
- Латышева С. И., Романов, С. В. Теория перевода и проблемы обучения переводу [Электронный ресурс] // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Языкознание и литературоведение. – 2009. №1: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-perevoda-i-problemy-obucheniya-perevodu/viewer> (дата обращения: 20.10.2023).
- Мирзоян И. Г., Магарина Т. В. Перевод в свете межкультурной коммуникации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. –2017. – №10. – С. 53-56.
- Миронов А. С. Игровой интерфейс и управление игрой [Электронный ресурс] / А. С. Миронов // Молодой ученый. – 2016. – № 15 (119). – С. 147-149. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/119/33035/> (дата обращения: 05.10.2023).
- Саяхова Д. К. Лингвокультурная адаптации текста при переводе (на материале видеоигр) / Д. К. Саяхова // Казанский лингвистический журнал. 2020. – №1. – С. 52-64.
- Саяхова Д. К. Языковая локализация видеоигр: лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Саяхова Динара Камилевна. – Уфа, 2021 – 192 с.
- Якунина В. Г., Шевченко, Е. В. Лингвоиндустрия, локализация и перевод // Наука без границ. – 2017. – № 6(11). – С. 16-20.
- Bernal-Merino M. On the Translation of Video Games / M. Bernal-Merino // JoSTrans, 2006 – No 6. – P. 22-36.
- O'Hagan M., Ashworth D. Translation-mediated Communication in a Digital World. Clevedon: Multilingual Matters, 2002. – 168 p.

References:

- Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlja stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. – 352 s.
- Anisimova E. E. Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannyh i gibridnyh tekstov) // Voprosy jazykoznanija. –1992. – No 1. – S. 71-78.

- Anosova N. Je. *Perevod v svete mezhkul'turnoj komunikacii* // *Industrija perevoda*. – 2014. – T.1. – S. 8-13.
- Arbuzova P. V. *Lokalizacija rossijskih konditerskih izdelij na kitajskom Krasnojarsk*, 2020. – 98 s.
- Beljaeva U. P. *Videoigrj kak tehnokul'turnyj fenomen: istorija stanovlenija i sociokul'turnaja znachimost'* // *Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovanija*. – 2021. – No3. – S. 91-104.
- Bernal-Merino M. *On the Translation of Video Games* // *JoSTrans*, 2006 – No 6. – P. 22-36.
- Bogatskaja E. Ju., Nevol'nikova, S. V. *Kurs lekcij po teorii perevoda: ucheb. posobie* / E.Ju. Bogatskaja, S. V. Nevol'nikova – Rostov-na-Donu: Izdatel'skij centr DGTU, 2011. – 235 s.
- Bolotina M. A., Kuz'mina E. V. *Leksicheskie problemy perevoda komp'juternyh igr* // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta. Ser.: Filologija, pedagogika, psihologija*. – 2019. – No1. – S. 43-50.
- Jakunina V. G., Shevchenko E. V. *Lingvoindustrija, lokalizacija i perevod* // *Nauka bez granic*. – 2017. – No 6(11). – S. 16-20.
- Kamankina, M. V. *Videoigrj: obshhaja problematika, stranicy istorii, opyt interpretacii*. M.: GII, 2016. – 340 c.
- Komissarov V. N. *Teorija perevoda (Lingvisticheckie aspekty)* / V. N. Komissarov. – M.: Vyssh. shk., 1990. – 253 s.
- Kovalenko T. A., Solodov A. G. *Igrovoj interfejs, kak ob'ekt issledovanija* // *The scientific heritage*. – 2020. – No 45. – S. 36-42.
- Latysheva S. I., Romanov, S. V. *Teorija perevoda i problemy obuchenija perevodu [Jelektronnyj resurs]* // *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. Jazykoznanie i literaturovedenie*. 2009. No1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-perevoda-i-problemy-obucheniya-perevodu/viewer> (accessed: 20.10.2023).
- Mironov A. S. *Igrovoj interfejs i upravlenie igroj [Jelektronnyj resurs]* // *Molodoy uchenyj*. 2016. No 15 (119). S. 147-149. URL: <https://moluch.ru/archive/119/33035/> (accessed: 05.10.2023).
- Mirzozjan I. G., Magarina T. V. *Perevod v svete mezhkul'turnoj komunikacii*// *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. –2017. – No10. – S. 53-56.
- O'Hagan M., Ashworth D. *Translation-mediated Communication in a Digital World* / M. O'Hagan, D. Ashworth. – Clevedon: *Multilingual Matters*, 2002. – 168 p.
- Sajahova D. K. *Lingvokul'turnaja adaptacii teksta pri perevode (na materiale videoigr)* / D. K. Sajahova // *Kazanskij lingvisticheckij zhurnal*. – 2020. – No1. – S. 52-64.
- Sajahova D. K. *Jazykovaja lokalizacija videoigr: lingvokul'turologiceskij i kognitivno-pragmaticheckij aspekty: dis. ... kand. fil. nauk: 10.02.20. Ufa, 2021 – 192 s.*
- Zelen'ko K. R. *Osobennosti perevoda komp'juternyh igr s uchedom specifiki dannogo vida perevoda [Jelektronnyj resurs]*// *Nauchnyj zhurnal*. – 2017. – No 6-2 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-kompyuternyh-igr-s-uchetom-spetsifikii-dannogo-vida-perevoda> (accessed: 20.10.2023).

Тейлор Джон А.

Санкт-Петербургский государственный университет

РОМАН АГАТЫ КРИСТИ “ТАЙНЫЙ ПРОТИВНИК” И УПАДОК БРИТАНИИ В ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ

Оксфордский словарь английского языка признал упадок Великобритании после 1945 года неоспоримым фактом. В данной работе мы попробуем показать, что эта тенденция была ощутима в популярной литературе, в частности, в романе Агаты Кристи «Тайный противник». Книга была адресована прежде всего женской читательской аудитории и детективный сюжет разворачивается в ней на фоне романтического выбора небогатой девушки Таппенс, которая в конце концов предпочтет английского джентльмена Томми американскому миллионеру Джулиусу. Таппенс – воплощение Великобритании. В анализе этого сходства предлагается применить метод Бруно Беттельгейма, выдвинутый им в работе «О пользе волшебства». Другим методологическим ориентиром послужит Мартин Винер, внесший заметный вклад в теорию об упадке Великобритании. Согласно Винеру, в упадке Великобритании XX века повинна враждебность английской культуры XIX века к индустриализации и коммерческому успеху. Такова была культурная позиция Церкви Англии. В свою очередь, политика лейбористов, приведшая страну к упадку, в большей степени была порождением англиканской культуры, чем марксистской идеологии. Мы попробуем проследить, как выбор, сделанный Великобританией в XX веке, отразился в выборе, что сделала Таппенс в романе Кристи.

Ключевые слова: Агата Кристи, Первая Мировая война, упадок Великобритании, англиканская культура

John A. Taylor

St Petersburg State University

AGATHA CHRISTIE'S NOVEL “THE SECRET ADVERSARY” AND BRITAIN'S TWENTIETH-CENTURY DECLINE

The Oxford English Dictionary stated that Britain's decline after 1945 was an uncontested fact. In this essay, we would like to show that the tendency toward this decline was already apparent in the popular literature of the period, particularly in Agatha Christie's novel *The Secret Adversary*. The book was addressed to the feminine public, and in the background of the detective plot is the romantic choice of poor English young woman Tuppence, who ends up preferring English gentleman Tommy to American millionaire Julius. The stance of young Tuppence is the embodiment of Britain itself. To analyze this connection, we propose to use the method advanced by Bruno Bettelheim in his study, *Uses of Enchantment*. We will also base our argument on Martin Wiener who made an important contribution to the theory of British decline. According to Wiener, XXth century Britain declined because nineteenth-century English culture was hostile to industrial and commercial success. That was the attitude of Church of England culture. The Labor Party policies responsible for Britain's decline were rather a heritage of the Anglican attitude than of the Marxist theory. We will try to see how the choice made by XXth century Britain was mirrored by the choice Tuppence made in Christie's novel.

Keywords: Agatha Christie, World War I, British Decline, Anglican culture

Introduction

Agatha Christie published *The Secret Adversary* in 1922. The date was significant. At that time, just after World War I, the British Empire was at its fullest extent, and Britain's leaders judged themselves to be at the very zenith of their power. In 1921, General Smuts, the prime minister of South Africa, said that Britain "emerged from the War quite the greatest power in the world, and it is only unwisdom or unsound policy that could rob her of that great position." [Barnett, 1997, p. 71].

Yet Britain declined afterward. No doubt. The decline was especially sharp after 1945. Once again, as in 1921, Britain emerged from a World War as a great world power, but Britain's power faded quickly. The Oxford English Dictionary stated that Britain's decline after 1945 was an uncontested fact. The British Empire, the dictionary said, "was unable to survive the global political and social changes of the early 20th century and any residual colonial power held by Britain was dismantled in the decades following the end of the Second World War (1939–45)." The watershed event was the Suez Crisis of 1956, we may add. The American statesman Dean Acheson said at West Point in 1962 that Britain had lost an empire without finding a new role for itself.

Agatha Christie's Novel

How did all of this connect to Agatha Christie's murder mystery? The plot of *The Secret Adversary* is easy to tell. Two young English people become involved in an espionage operation. It was against the British secret service of the time, and the nefarious persons who attacked the secret services did so because they wished great harm to Britain. The bad guys are led by "Mr Brown," and the good guys struggle to identify him and baffle them.

Truly, this plot is of little interest to us. Let us concentrate instead about the two main characters of the novel. Agatha Christie introduced readers for the first time to Tommy and Tuppence, two of her most famous detectives. She would make readers more familiar with Tommy and Tuppence in subsequent novels and stories. In *The Secret Adversary*, Tommy and Tuppence were just friends, but each already had a romantic interest in the other although they were too poor to get married so they disguised their romantic impulses from each other. Tommy was a recently demobilized young man, a soldier who had a good war record. He was now out of work and out of money, however. Although temporarily poor, Tommy was from a good family, and he had a rich uncle. Unfortunately, his mother, now deceased, had quarreled with the rich uncle, and therefore Tommy had no communication with this uncle out of filial loyalty to his dead mother. Tuppence was a young woman who had also done war work although not in any military way.

Tuppence is the most important character in this novel. Her choice between Tommy and Julius was the crucial event in the novel, and by her choice she teaches readers the essential moral lesson of the novel. At the beginning of the novel, Tuppence said that she would marry for money, and she wanted to meet a millionaire who would propose marriage to her. In the course of the novel, she does meet a millionaire, an American named Julius P Hersheimer, and he does propose marriage, but Tuppence rejects him. She prefers Tommy. She thinks his loyalty to his dead mother shows his good moral character. In short, Tommy is an English gentleman. Julius is not English and not a gentleman.

The book is therefore what some people used to call "chic lit," a novel for women and about women on the model of Jane Austen. The novel only seems to be a detective story and an adventure story because all that is subterfuge and trickery. Christie offered the notion that it was all a trial, an occasion of adversity. The task was to stay true in the midst of this trial, this adversity.

Christie identified women as her main audience. She dedicated her book in these words. “To all those who lead monotonous lives in the hope that they experience at second hand the delights and dangers of adventure”. On the one hand, women were bored. On the other hand, they were safe. The war was a terrible ordeal for men at the front but not for women on the home front. Christie offered the notion that it was all a moral trial or test for women on the home front. It was an occasion of adversity. There were some shortages but not so many as in World War II. You could even buy gasoline in Britain during World War I if you had a car. The trick was to have bought the car before the war because you could not easily buy one during the war. If you read the novel, you will find that Julius was able to buy a new Rolls Royce only with great difficulty and expense, and that was after the war.

Please see Tuppence as an embodiment of Britain. She was an avatar. The French have Marianne, the symbol of their republic. Tuppence was a symbol of England. She must choose between good taste and gentility on the one hand and coarse manners and vulgar wealth on the other. She chose good taste and gentility of course, and she did so amidst hardship and peril. The plot is otherwise irrelevant. *The Secret Adversary* is not a great novel, but it is a significant piece of literature. Many British young women, saw World War I in this way.

In his useful book *The Uses of Enchantment*, Bruno Bettelheim offered a handy set of tools for analyzing fairy stories, and we may usefully borrow these tools to analyze *The Secret Adversary*. For one thing, Bettelheim said – and that was why his book is useful for us today – that most fairy stories focused on women. The men in the stories were usually cardboard, two-dimensional figures, which is to say that they lacked depth. That was true of *The Secret Adversary*. The men, good or bad, were simply good or bad. Even Tommy, for all his central importance as a gentleman, was a bit like a talking robot. All he did was to be brave and loyal and honest. Tuppence was on the other hand a character with some depth. She was complex. She was divided in her opinion, and she made difficult choices. Even the young French woman, a shadowy person peripheral to the plot, was shown by Christie to be more complex and more interesting than the men in the novel. For another thing, Bruno Bettelheim said that fairy stories taught young people and especially young women how to make moral choices. That was exactly what *The Secret Adversary* did. It taught readers and especially young women what moral choices to make in Britain after World War I. Women wanted to do their bit. Their task was to stay true in the midst of this trial, this adversity. By reading *The Secret Adversary*, young women could imagine themselves doing their bit for their country [Bettelheim, 1989].

The importance of *The Secret Adversary* now is that it foreshadowed theories by which British and American historians have since sought to explain Britain’s twentieth-century decline. How did Tuppence connect to historical accounts of British decline? We must review the work of two scholars, Martin Wiener and Correlli Barnett.

Wiener and Barnett on Britain’s Decline

First, however, in order to understand Britain’s decline you need a bit of background. To get that background we will review a bit of twentieth-century British history. We turn to historian Denis Kavanagh who spoke of a postwar consensus. Let us start with that notion of consensus. Kavanagh said three twentieth-century British elections were pivotal, 1906, a Liberal landslide, 1945, when Labor came to power, and 1979, the election that brought Margaret Thatcher to power. Kavanagh said that these three elections were the three turning points of twentieth-century British politics. The 1906 election brought to power the Liberal Party, the predecessor of the twentieth-century Labor Party. The Liberals led Britain in the early twentieth century, and they largely disappeared thereafter. The 1945 election created the postwar consensus, and the 1979 election broke the postwar consensus, Kavanagh said. By consensus, he meant that the Conservatives accepted Labors’ postwar reforms after 1945.

Clement Attlee and his postwar government nationalized many British industries, and they instituted other socialist measures. The two parties alternated in office after 1945, but the Labor reforms remained, more or less, and the public and the politicians of both parties agreed that they should remain. Conservatives did repeal these measures in 1979. Margaret Thatcher became prime minister, and she reversed the policies of 1945, breaking the old postwar consensus. She created a new consensus. When Labor returned to power, they did not reverse her policies. Kavanagh said that all three elections were fought on domestic issues, and no issue of foreign policy was decisive in them. His view became a standard one, accepted as correct by most historians of twentieth-century Britain. I accept it myself. That is why I share it with you [Kavanagh, 1977].

Now let us now turn to decline. Historian Martin Wiener of Rice University in Texas made an important contribution to discussion of British decline. Maybe his was the most important scholarly discussion of decline because Wiener influenced Thatcher. Wiener said that twentieth-century Britain declined because nineteenth-century English culture was hostile to industrial and commercial success. He thought that Labor Party policies reflected earlier English and specifically Church of England culture. He said this culture was a hostile environment for a thrusting, forward, money-hungry capitalism. In other words, Labor's 1945 policies arose from nineteenth-century criticism of capitalism, and that nineteenth-century criticism and Labor's twentieth-century policies were both incompatible with economic advance. To say the same thing in other words, English socialism was an evolved form of the Church of England's earlier criticism of capitalism, and Labor's implementation of socialist policies led Britain to decline after 1945. Britain was a great power in 1945 but not at the end of the twentieth century, he said [Wiener, 2006].

Note three things. Wiener did not attribute British decline to Marxist doctrine in the Labor Party. It had some Marxists, but the main thrust of its post-1945 policy was Anglican and Christian not Marxist, said Wiener. This connection of Anglicanism to decline was brilliant and original. Arguments about Labor's Marxist hostility to capitalism were a dime a dozen, but none of them resonated with scholars in the way that Wiener's analysis about Anglicanism did. Second, Wiener echoed the German scholar Max Weber who wrote about the Protestant ethic and the spirit of capitalism. Weber thought that moderate Protestantism was more compatible with capitalism than was Roman Catholicism but less compatible than was Calvinism. Calvinism was a precursor of modern capitalism. Like Weber, Wiener thought that capitalism had a spirit, and he also thought that Calvinist religious and cultural traditions agreed with that spirit while other religious confessions did not do so. Thirdly, Wiener was specific. He spoke of English culture, not British culture. He said that English culture, especially the Church of England's culture, was not fully compatible with capitalism. This excluded the Scots from his analysis therefore. Their culture was not Church of England but instead historically Calvinist. Anglican culture clashed with capitalism, but Calvinist culture did not clash with it, said Wiener.

Wiener's analysis was immediately controversial. Australian economist W. D. Rubinstein made a name and a career for himself partly by determined opposition to the whole idea of British decline. He said that regions of Britain declined, but only regions, not the whole. Decline in other words was regional, not national. The old industrial cities of the midlands formed what Americans would call a rust belt, but the Home Counties – London and its environ – were and always remained and are now one of the richest places in Europe or the world, said Rubinstein [Rubinstein, 1993].

Kavanagh's analysis gained wide acceptance, and Rubinstein's argument looks very good now. Thatcher reversed the postwar consensus, certainly, and parts of Britain prospered mightily, certainly. London is immensely rich now – and very expensive for a foreign visitor. Britain may no longer be the great power that it was in 1914, but London is still a powerful city and it dominates in financial matters even after Britain took its leave of the European Union.

And yet Wiener's decline argument still intrigues many people. Britain may be doing relatively well in economic terms, but Germany and the Netherlands are even more successful. Furthermore, economic troubles in the European Union brought Weber's argument about Protestantism back into fashion. The Roman Catholic nations of southern Europe do badly economically, and the Protestant nations of the north thrive, some people say. Britain – England to be more precise – stands between them, by this view.

Please consider carefully the possibility that Britain declined because English people made choices like the one Tuppence made. They chose between courteous behavior, such as Tommy's behavior, and thrusting, forward capitalism as embodied by Tommy's rival Julius.

According to Wiener, the origins of this choice lay in the nineteenth century. Capitalism was harsh and unattractive when it first emerged in the late eighteenth century and the early nineteenth century, and many people bitterly criticized it. Charles Dickens was one such critic. If you read novels such as his *Oliver Twist* (1839), *Dombey and Son* (1846), *Hard Times* (1854), or above all Dickens' *Christmas Carol* (1843), you do not find gentlemen. You find Ebenezer Scrooge. You do not find characters such as Tommy. Scrooge was a tight fisted, greedy, newly enriched bumpkin and bounder.

According to Wiener, Anglicanism was the origin of this nineteenth-century criticism of capitalism. The Church of England dominated the private schools – what the English called public schools– to which people of means sent their sons. These schools did not teach science, much less business or commerce. They taught young men to be honest and brave – like Tommy.

There were two major academic historians who studied decline. The other was Correlli Barnett. He said that the two world wars broke Britain's economy. True, Britain emerged victorious in 1945, but the price for victory was the hobbling of its economy. America loaned Britain huge sums of money, and America underwrote much of Britain's later war production. This did unintended damage to Britain's economy. Britain produced many high quality consumer products before 1939. It made cars, air planes, ships, and much else. During World War II, however, America engorged Britain to specialize narrowly in those items, which it could produce well. Further, American aid gave Britain no incentive to streamline production or to cut costs. As a result, Britain emerged in 1945 as a high-cost, specialized producer, and it was not suited to compete with America on the world market in peacetime.

Conclusion

Christie wrote about World War I, and her character Tommy was an English gentleman. James Bond was a character whom Ian Fleming created in successful spy novels, which were comparable to Christie's *Secret Adversary*. Fleming wrote about the Cold War between the USSR and the western powers after World War II. In Fleming's books, Bond was a Scottish hero, brave but daring and unscrupulous. Britain had a wonderful success with its secret service during World War II, and the Bond novels projected that success into the period after 1945. Fleming attained fame, wealth, and status with his novels, but he sold the James Bond franchise to Hollywood, and the Americans took Bond in a new direction. They made him like Superman in the comic books. The Bond franchise therefore was taken over by Americans in the same way that Correlli Barnett said America had taken over the whole British economy during World War II [Sebag-Montefiore, 2005; Encyclopædia Britannica, 2010].

If you say that Britain declined in the late twentieth century, you have to remember that people on the whole deeply desired many of the changes. They wanted to live longer, and they wanted more money. They wanted to live where they pleased and with whom they pleased. When Britain was a great world power, it had much more poverty and human misery than it does today. It also had far more

young men than it does today, in proportion, and far fewer older people. British society is economically richer, much older in demographic terms, and much less warlike.

American political commentator Pat Buchanan presented these late twentieth-century changes as a catastrophic destruction of British greatness. He said that not only did Britain decline as a world power, British social values also changed, and British behavior changed, threatening permanent destruction of Britain's Anglican civilization [Buchanan, 2009].

World War II is still within living memory, and that war often dominates discussion of 20th-century British history. World War I by contrast has gone out of our living memory. For that reason, people should read *The Secret Adversary*. It well conveys the tone of that bygone era, one which remains essential to our understanding of Britain's decline in the 20th century. [Fussell, 1975; DeGroot, 1996; Hennessy, 1993].

References:

- Barnett, C. (1997). *The Collapse of British Power*. Stroud UK: Sutton.
- Bettelheim, B. (1989). *The Use of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales*. New York: Random House.
- Buchanan, P. J. (2009) *Churchill, Hitler, and "The Unnecessary War": How Britain Lost Its Empire and the West Lost the World*. New York: Forum.
- DeGroot, G. J. (1996). *Blighty: British Society in the Era of the Great War*. London: Longman.
- "Fleming, Ian." Encyclopædia Britannica. Encyclopaedia Britannica Ultimate Reference Suite. Chicago: Encyclopædia Britannica, 2010.
- Fussell, P. (1975). *The Great War in Modern Memory*. New York: Oxford University Press.
- Hennessy, P. (1993). *Never Again: Britain 1945-1951*. New York: Pantheon.
- Kavanagh, D. (1977). *The Reordering of British Politics: Politics after Thatcher*. Oxford: Oxford University Press.
- Rubinstein, W. D. (1993). *Capitalism, Culture, and Decline in Britain, 1750-1990*. London: Routledge.
- Sebag-Montefiore, H. (2005). *Enigma: The Battle for the Code*. London: Folio.
- Wiener, M. J. (2006). *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850-1980*. Cambridge: Cambridge University Press.

Теплыгина И. М.

Санкт-Петербургский Государственный Электротехнический Университет

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ

Статья «Естественность языковых данных» написана в рамках исследования, посвященного изучению текстов, сгенерированных искусственным интеллектом. Целью работы является выявление категории естественности текста. Основная задача заключается в проведении анализа различных текстов, автором которых является ИИ. Также с точки зрения естественности рассматривается результат работы машинного перевода. Приведены примеры использования ИИ в других областях жизни человека. Описаны различные подходы и взгляды ученых на данную проблематику.

Ключевые слова: текст, искусственный интеллект, текстойд, языковые данные, дискурс

Irina Teplygina

Saint Petersburg State Electrotechnical University

ON THE NATURALNESS OF LANGUAGE DATA

The article “On the naturalness of language data” was written as part of research devoted to the study of texts generated by artificial intelligence. The purpose of the work is to identify the category of naturalness of the text. The main task is to analyze various texts written by AI. Furthermore the result of machine translation is considered in terms of naturalness. Examples of the use of AI in other areas of human life are given. Various approaches and views of scientists on this issue are presented.

Keywords: text, artificial intelligence, textoid, language data, discourse

В начале XXI века с появлением глубокого машинного обучения письменный текст и устная речь могут производиться не только человеком, но и машиной, если в ней заложены начала (искусственного) интеллекта. Однако лингвистическая способность человека является в высшей степени естественной, на письме и в речи мы не прибегаем ни к каким искусственным вспомоществованиям. Не исключено, что обработка естественного языка производится человеком на основе неких алгоритмов, но эти алгоритмы весьма далеки от математических, и, тем более, Булевых, составляющих основу вычислений в современных компьютерах. Основу лингвистических вычислений, производимых человеком, составляют естественные алгоритмы, подчиняющиеся, вероятно, всему спектру физических, химических, биологических и психологических наук. Письменный текст или устная речь, порожденные компьютером, неминуемо проходят проверку на естественность; эту проверку проводит человек – неосознанно или же с экспертными целями. Применение ИИ расширяется с каждым годом, параллельно с этим совершенствуются технологии экспертной проверки «лингвистических продуктов» машины. До недавнего времени это касалось, преимущественно, машинного перевода, но с появлением GPT все большее внимание специалистов привлекают тексты, сгенерированные не в рамках переводческой задачи, а по запросу пользователя.

Тем не менее, проблема качества машинного перевода не уходит на второй план. На сегодняшний день развитие традиционных компьютерных технологий и технологий искусственного интеллекта позволяет значительно упростить процесс перевода с одного языка на другой с использованием нейросетей такими платформами, как Yandex, Google, Skype и др. Но результат, с точки зрения человека, не всегда является удовлетворительным. Ниже представлены примеры такого перевода из чата GTP в Telegram:

- 1) *Оригинал (русский язык): Наша библиотека обладает обширным фондом научной литературы и электронных ресурсов.*
Машинный перевод на английский язык: Our library has an extensive fund of scientific literature and electronic resources.
Проблема: Слово «фонд» (fund) переведено неверно. Данное слово подразумевает финансовую составляющую. Правильный перевод: library collection.
- 2) *Оригинал (английский язык): Join a vibrant community of students from around the world.*
Машинный перевод на русский язык: Присоединяйтесь к живому сообществу студентов со всего мира.
Проблема: в переводе используется слово «живому», в данном случае оно не передает значение «активный», «динамичный», которое здесь подразумевается [Chatgpt4bot].

Стоит отдельно отметить весьма прогрессивный инструмент GPT (в особенности, его модификацию ChatGPT), разработанный и запущенный компанией OpenAI в 2022 году. GPT – это аббревиатура названия исключительно эффективной архитектуры глубоких нейронных сетей Generative Pre-trained Transformer. Использование этой архитектуры позволяет ИИ не только переводить, но и составлять оригинальные уникальные тексты по запросу пользователя. Эти тексты все более становятся похожими на естественные. Их естественность, однако, обусловлена тем, что они сгенерированы в результате анализа огромного количества текстов, созданных человеком. Приведем пример уникального текста, сгенерированного ИИ:

В объятиях зари и таинственного сумрака, когда луна танцует среди звезд и дуновение ветра переплетается с шепотом природы, рождается магия. Волшебные существа пробуждаются ото сна, раскрывая свою красоту и силу в этом волшебном мире, где реальность сливается с фантазией. Каждый шаг открывает новое чудо, каждый взгляд уносит в сказку, и сердце наполняется волшебством, которое только здесь можно найти. Добро пожаловать в мир магии и волшебства, где мечты становятся реальностью и чудеса оживают [Chatgpt4bot].

Разумеется, архитектура GPT позволяет составлять вполне адекватные объявления и анонсы, в том числе рекламного характера. Пользователь вводит необходимые параметры и получает качественный текст, в который при желании можно добавить знаки эмодзи и другие изобразительные знаки, т.е. технология позволяет создать полимодальный креолизованный текст.

GPT определенно повлияет и на сферу развлечений. Одним из самых популярных занятий для представителей всех возрастов являются компьютерные игры. Алгоритм игры должен учитывать многозадачность, случайный выбор, множественность игроков – все это ситуации, которые характерны в реальной (естественной) жизни. Й. Хейзинга в свое время ввел понятие «Homo ludens» («Человек играющий») [Хейзинга, 2011]. В наши дни такой взгляд на человека обретает все большую актуальность. Для многих людей компьютер становится неотъемлемой и во многом преобладающей над другими сферами частью жизни. Это породило целую многомиллиардную индустрию, частью которой стал киберспорт и киберспортивные турниры с миллионными призовыми фондами.

Как и компьютерная игра, театр также является мультиагентной системой, которая веками представляла собой синергию 3 сущностей: актер + роль + зритель [Барбой, 1988, с. 41-42]. Но эпоха ИИ внедряет нового участника. В одном из современных шоу зрителю предлагается определить, какой рассказ был составлен «живым» автором, а какой – «искусственным». На сцене все актеры в наушниках, они импровизируют, но один из актеров зачитывает текст, сгенерированный ИИ. Тем самым актер и ИИ становятся соавторами спектакля, и появляется абсолютно новое направление в этом виде искусства [Matthewson, Mirowski, 2018].

В 1950 году британский математик Алан Тьюринг разработал тест для определения способности ИИ к мышлению. Тест считается пройденным, если более 30% респондентов будут уверены, что общаются не с ИИ, а с живым человеком. Стоит отметить, что еще в 1966 году этот тест вполне успешно проходила компьютерная программа Eliza. Приведем пример диалога, в котором программа представляется психотерапевтом и поддерживает разговор с пациентом.

Eliza: Is something troubling you?

Patient: Men are all alike.

Eliza: What is the connection, do you suppose?

Patient: They're always bugging us about something or other.

Eliza: Can you think of a specific example?

Patient: Well, my boyfriend made me come here.

Eliza: Is it important to you that your boyfriend made you come here?

Patient: He says I'm depressed much of the time.

Eliza: I am sorry to hear that you are depressed.

Patient: It's true. I am unhappy.

Eliza: Can you explain what made you unhappy? [Chatgpt4bot]

Для современного ИИ тест Тьюринга уже не столь актуален. Естественность реакции машины на беседу, т.е., фактически, естественность языка определяется новым тестом – AI Classification framework. Симуляция естественности может быть весьма удачной.

Кинематограф, как зеркало современности, показывает зрителю ситуации, когда человек влюбляется в ИИ или заводит с ним крепкую дружбу. Теперь это отнюдь не фантазия, а реальность уже во многих странах. Например, в Японии есть агентства, которые предлагают услуги по бракосочетанию живого человека с анимэ-персонажем из виртуального мира. Избравшие в качестве спутника жизни цифровую личность считают ее реальнее любой реальной личности из реального мира.

Сегодня ИИ активно применяется во многих сферах жизни человека, в том числе в образовательных и консультационных целях: существует множество программных продуктов, в которых применяется ИИ. ИИ задействуется также в чат-ботах, которые помогают в быстром поиске информации. Но несмотря на все преимущества, появляются проблемы защиты конфиденциальной информации и авторского права в сети, которые необходимо регулировать на законодательном уровне. Важной проблемой для преподавателя также становится плагиат и уникальность текста, который предоставляет студент для проверки. Поэтому вопрос об установлении степени естественности письменного текста или устной речи представляется чрезвычайно важным.

Общение человека с машиной, как и общение человека с человеком, происходит, большей частью, посредством диалога. Если диалог человека с человеком априори естественен, диалог человека с машиной является естественным лишь наполовину. Поэтому особенности коммуникации между пользователем и компьютером все чаще становятся предметом

исследования ученых. У. Чейф в своей статье, посвященной проблемам понимания, отмечает, что сгенерированные тексты важно оценивать с точки зрения их естественности и приводит следующий пример:

Emily wondered whether the performer in the concert has imitated a pop star for the audiences amusement.

Эмили интересовало, изображал ли исполнитель во время концерта поп-звезду для зрительского развлечения.

По мнению ученого, такое предложение невозможно встретить в реальной речи; естественность языковых данных он предлагает выявлять в двух аспектах:

- 1) Естественность примера как невырванность его из контекста;
- 2) Естественность примера как его неискusstvenность [Chafe, 2018].

Однако, только дискурсивный анализ позволяет выявить, какое предложение является «живым», а какое выращенным («в пробирке»).

В работах по психолингвистике нередко предпринимаются намеренное составление и анализ искусственных предложений. Проводятся эксперименты, во время которых испытуемый должен оценивать предложения и даже целые дискурсы, которые он никогда бы не смог встретить в реальной речи. Для обозначения естественных дискурсивных фрагментов предложен специальный термин – текстонд [Graesser, Singer, Trabasso, 1997]. Приведем, в качестве примера, два определения этого понятия:

- 1) A fragment of text that has little meaning or value.
- 2) Сетевой текст, лишенный твердой фиксации, свободно меняющий свою форму и контекст, переходящий от пользователя к пользователю [Бородин, 2016].

Текстонд как лингвистическое явление рассмотрен в настоящее время крайне недостаточно. В работе А. А. Бородина понятие «текстонд» раскрывается с точки зрения ризоморфности, то есть в рамках противостояния неизменным линейным структурам. Известно, что текст существует в линейно-непрерывном виде, тогда как дискурсу чужды линейность и непрерывность. Тем самым текстонд можно считать надтекстовым образованием, которое типично для дискурсивного уровня [Бородин, 2016].

Отметим также, что Н. Хомский считает, что способность к языку является врожденной, а формирование языка происходит не от звуков к словам, и, далее, к предложениям, а наоборот – от абстрактных структур к звукам. Эта точка зрения не является подтвержденной, ведь изначально человек познает язык посредством звуков, за которыми скрываются различные морфологические и синтаксические структуры. Однако устная речь уже должна быть подготовлена для восприятия человеком во всей своей целостности и естественности. Иными словами, возникает точка (вероятно, начало ее следует вести со времени 40-45 тысяч лет тому назад), когда тот или иной язык содержит множество упорядоченных элементов, и это множество усваивается человеком. Упорядочивание элементов, а равно и усвоение их может быть описано статистически благодаря огромному размеру базы языковых данных. В наши дни такая же точка возникла и для ИИ, но он получает от нас готовый языковой материал, формировавшийся в течение 40-45 тысяч лет. Естественность языковых данных, которые получает компьютер, обусловлена естественностью языкового творчества человека. ИИ априори получает от нас изрядную долю естественности, чем больше будет эта доля, тем более естественными будут казаться генерируемые машиной тексты. Однако, с возрастанием качества искусственных текстов они смогут конкурировать с естественными. Не исключено также, что

однажды тексты, созданные машиной, превзойдут по численности тексты, созданные человеком. В нынешних обстоятельствах остается лишь надеяться, что срок, отведенный человеку на монопольное пользование языком, окажется достаточным для того, чтобы компьютеры, генерирующие тексты, не смогли бы игнорировать человеческий опыт и с уважением относились бы к естественным текстам.

Человеку же предстоит сложное будущее – в самом скором времени отличить естественный текст от искусственного, не видя его создателя, будет практически невозможно. В этой связи чрезвычайно важным представляется экспериментальное психолингвистическое обоснование существования текстоидов как особых автономных единиц речи с незамкнутым смысловым контуром. Вероятно, речь есть нечто большее, чем выражение мыслей и эмоций, а естественность человеческого языка проявляется в полной мере лишь в устном общении. И если ИИ в наши дни способен генерировать тексты, лишь симулирующие естественность, то включение в архитектуру нейросетей блоков, способных оперировать текстоидами, позволит машине пройти все возможные тесты на сходство с человеком говорящим. Однако в этом случае компьютеру предстоит работать не только на текстовом, но и на дискурсивном уровне.

Литература:

- Барбой Ю. М. Структура действия и современный спектакль. Л., 1988 – 193 с.
- Бородин А. А. К вопросу о текстоидах / Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. № 2. 2016 – С. 26-32.
- Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011 – 416 с.
- Chafe W. Thought Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds. Cambridge University Press. 2018. <https://www.cambridge.org/core/books/thoughtbased-linguistics/FFB02B318B72ED52DED7A4BABC265FC1> (дата обращения 01.09.2023).
- CHATGTP4BOT NEYROSETY MIDJOURNEY Гена (дата обращения 01.09.2023).
- Graesser A., Singer M., Trabasso M. Constructing inferences during narrative text comprehension/ Psychological review. 1997. <https://philpapers.org/rec/GRACID-2> (дата обращения 01.09.2023).
- Mattewson K. W., Mirowski P. Improbotics: Exploring the Immitation Game using Machine Intelligence in Improvised Theatre/ Proceedings of the Fourteenth AI and Interactive Digital Entertainment Conference. University of Alberta Edmonton. 2018 – P. 59-65.

References:

- Barboi U. M. Struktura deistviya i sovremenny spektakl. L. [The structure of action and modern performance, Leningrad], 1988 – 193 p.
- Borodin A. A. K voprosu o tekstoidakh/ Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika [On textoids/ Vestnik MSRU. Series: Linguistics]. #2 2016 – 26-32.
- Kheizinga Y. Homo ludens. Chelovek igayuschiy. SPb: Izd-vo Ivana Limbakh [Homo ludens. Playing man. SPb: Ivan Limbakh publishing], 2011 – 416 p.
- Chafe W. Thought Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds. Cambridge University Press. 2018. <https://www.cambridge.org/core/books/thoughtbased-linguistics/FFB02B318B72ED52DED7A4BABC265FC1> (date of access 01.09.2023).
- CHATGTP4BOT NEYROSETY MIDJOURNEY Гена (date of access 01.09.2023).
- Graesser A., Singer M., Trabasso M. Constructing inferences during narrative text comprehension/ Psychological review. 1997. <https://philpapers.org/rec/GRACID-2> (date of access 01.09.2023).
- Mattewson K. W., Mirowski P. Improbotics: Exploring the Immitation Game using Machine Intelligence in Improvised Theatre/ Proceedings of the Fourteenth AI and Interactive Digital Entertainment Conference. University of Alberta Edmonton. 2018 – 59-65.

Терентьева Е. В.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Павлова Е. Б.

Российский университет дружбы народов

ЖАНРОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В ЦИФРОВОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье на материале русскоязычных интернет-мемов, объединенных экологической проблематикой, показано тематическое развертывание медиатопика «экология» в цифровом экологическом медиадискурсе. Установлено, что наиболее устойчивыми являются темы загрязнения окружающей среды, раздельного сбора мусора, деятельности эоактивистов, чиновников, экологичного потребления, сохранения лесов и экологического просвещения. Предложена классификация жанров экологических интернет-мемов. Выявлены содержательно-формальные и функциональные трансформации типичных жанров интернет-мемов в цифровом экологическом медиадискурсе: жанр эдвайса из юмористического утверждения или совета трансформируется в информацию для размышления; жанры демотиватора и комикс-мема формально сближаются с жанром плаката; жанр открытки функционально сближается с жанром эдвайса. Отмечено наличие корреляции между жанром мема и устойчивой темой цифрового экологического медиадискурса: к теме экологического просвещения тяготеет жанр плаката, к теме раздельного сбора мусора – жанр демотиватора, к теме деятельности активистов, чиновников, потребителей – жанры макроса и эдвайса.

Ключевые слова: экологические интернет-мемы, жанровая дифференциация, цифровой медиадискурс, русскоязычный сегмент

Elena V. Terentyeva

Moscow State University of Humanities and Economics

Elena B. Pavlova

RUDN University

GENRE DIFFERENTIATION OF ENVIRONMENTAL INTERNET MEMES IN DIGITAL MEDIA DISCOURSE

The paper examines Russian-language Internet memes on environmental issues to demonstrate the deployment of “ecology” as a recurrent topic in digital environmental media discourse. The topics which remain consistently relevant include environmental pollution, separate waste collection, ecological activism, government officials’ activities, ecological consumption, forest conservation, and environmental education. The paper proposes a classification of environmental Internet meme genres. The study uncovers the content-formal and functional changes in conventional genres of internet memes in digital environmental media discourse. Specifically, the advice genre shifts from humorous guidance or opinion to reflective information. Additionally, the demotivator and comic meme genres formally merge with the poster genre, and the postcard genre functionally merges with the advice genre. The study indicates a correlation between the meme genre and a consistent topic in digital

environmental media discourse. Specifically, the poster genre aligns with the topic of environmental education, the demotivator genre aligns with the topic of separate waste collection, and the image macros and advice genres align with the topic of activist, official, and consumer activities

Key words: environmental Internet memes, genre differentiation, digital media discourse, Russian-language segment

Введение

Цифровой медиадискурс представляет собой динамичную систему, структурными элементами которой являются так называемые медиатопики, то есть множества разнообразных медиатекстов, объединенных устойчивыми темами и постоянно освещаемых массмедиа [Добросклонская, 2015]. Среди устойчивых тем цифрового массмедийного дискурса обычно называют следующие: политика, экономика, общество, культура, экология. Каждая из этих социально значимых тем охватывает большое разнообразие более мелких подтем и находит отражение в системе интернет-жанров, специфика которых требует научного осмысления [Пастухов, 2008].

Тематическое развертывание медиатопика «экология» в цифровом медиадискурсе

Жанрово-дискурсивные особенности экологических интернет-мемов (медийности, интерактивности, гибридности, шаблонности, лаконичности, воспроизводимости, эмоциональности) определяют широкое тематическое развертывание затрагиваемых в них экологических проблем, а именно: экология в целом (рис. 1); загрязнение окружающей среды (рис. 12), загрязнение мусором (пластиком), вредными выбросами (рис. 2, 3); уборка мусора (рис. 4), раздельный сбор мусора (рис. 5); деятельность эоактивистов (рис. 6); действие/бездействие чиновников (рис. 7); экологичный образ жизни (рис. 8, 9); вырубка лесов (рис. 10); экологическое просвещение (рис. 11). Отметим, что один и тот же мем может быть посвящен двум и более проблемам, например загрязнению окружающей среды и деятельности эоактивистов (рис. 3); вырубке лесов, загрязнению пластиком и деятельности эоактивистов; (рис. 5); вырубке лесов и действиям/бездействиям чиновников (рис. 10); уборке мусора и деятельности эоактивистов (рис. 8).

Рис. 1. Мем «Где экология?»

Рис. 2. Мем «Еще чуть-чуть и...?»

Рис. 3. Мем «Это ужасно»

Рис. 4. «То чувство, когда...»

Рис. 5. Мем «Раздельный сбор»

Рис. 6. Мем «Я (интеллектуал)»

Рис. 7. Мем «По последним данным»

Рис. 8. Мем «Увидел как»

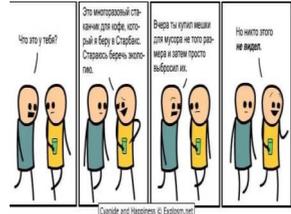

Рис. 9. Мем «Что это у тебя»

Рис. 10. Мем «Если посадить убрал...?»

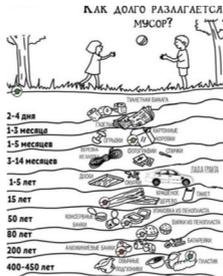

Рис. 11. Мем «Как долго разлагается...?»

Рис. 12. Мем «А ты мусор убрал за собой?»

Рис. 12. Мем «Больше всего природу загрязняют...»

Рис. 13. Мем «Если пакеты разлагаются...»

Особенности тематического развертывания в цифровом медиадискурсе медиатолика «экология» обуславливают жанровое разнообразие интернет-мемов.

Жанровая дифференциация экологических мемов в цифровом медиадискурсе

Жанры интернет-мемов получили описание в работах отечественных и зарубежных ученых [Бабилова, 2019; Крылов, Стеклова, 2021; Нежура, 2012; Щурина, 2014; Щурина, Харохорина, 2020; Wiggins, Bowers, 2015]. Анализируя жанровые разновидности этого относительно нового феномена цифровой медиакommunikации, исследователи, как правило, отмечают принадлежность его к группе комических интернет-жанров, среди которых выделяют эдвайсы, мотиваторы и демотиваторы, комикс-мемы, макросы, открытки.

Экологические интернет-мемы как часть современного цифрового медиадискурса с точки зрения жанровой специфики в целом могут быть описаны в рамках уже имеющихся жанровых классификаций с учетом некоторых особенностей. Так, следует отметить, что типичные жанры интернет-мемов в экологической коммуникации современной России претерпевают определенные модификации и обнаруживают новации.

Жанр эдвайса, представляющий собой изображение, сопровождающееся ироничными фразами, может выглядеть и как юмористический совет (рис. 8), и как глубокомысленное изречение с парадоксальным выводом (рис. 13). С жанром эдвайса функционально сближается жанр открытки – изображения в пастельных тонах в старинном стиле с остроумной надписью в форме юмористического умозаключения, включающего элементы языковой игры (рис. 12).

Жанр демотиватора, представляющий собой изображение в черной рамке, текста-слогана и текста, поясняющего идею подробнее, сближается с жанром экологического плаката и транслирует экологическую проблематику преимущественно в стиле «черного» юмора (рис. 2).

Для цифрового экологического медиадискурса характерно функционирование жанра плаката, который включает оригинальное изображение и поясняющий текст. По своей прагматике жанр экологического плаката в большей степени сближается с жанром эдвайса, что позволяет рассматривать интернет-плакат как разновидность экологического интернет-мема. Данное утверждение можно проиллюстрировать с помощью рис. 8 и рис. 10. Вербальный компонент данных мемов оформлен как совет в виде побуждения, при котором «с помощью императивных конструкций даются определенные указания» [Шутова, 2019, с. 132]. Визуальный шаблон этих мемов различается: эдвайс традиционно представляет собой изображение фигур животных или персонажей на цветном фоне; плакат выглядит как рисунок или фотография.

Жанр комикса обычно имеет линейную композицию и состоит из довольно просторного ряда связанных между собой панелей. Экологические комикс-мемы часто демонстрируют свертывание композиции и уменьшение количеств панелей в структуре мема, что сближает их с плакатами (рис. 3, 9).

Макрос как жанр экологического медиадискурса является наиболее популярным в силу универсальности прагматического посыла – стремления передать эмоции по отношению к индексированной экологической проблеме. Визуальными шаблонами для экологических макросов как правило становятся вирусные фото, кадры из кинофильмов, клипов, мультсериалов (рис. 1, 12), сопровождающиеся вербальным рядом экологической тематики. Реже в качестве визуального шаблона макросов выступают рисунки либо сочетание фото и рисунка (рис. 4). Этот жанр в меньшей степени подвержен трансформации.

Выводы

Жанры экологических интернет-мемов в цифровом медиадискурсе обнаруживают содержательно-формальные и функциональные модификации, которые объясняются тематической спецификой экологической коммуникации и важностью осмысления экологических проблем обществом. Жанр эдвайса из юмористического утверждения или совета трансформируется в информацию для размышления; жанры демотиватора и комикс-мема формально сближаются с жанром плаката; жанр открытки функционально сближается с жанром эдвайса. Анализ экологических интернет-мемов позволил выявить зависимость между устойчивой темой цифрового экологического медиадискурса и определенной жанровой разновидности интернет-мема. Так, к теме экологического просвещения тяготеет жанр плаката, к теме раздельного сбора мусора – жанр демотиватора, к теме деятельности активистов, чиновников, потребителей – жанры макроса и эдвайса.

Таким образом, жанровая палитра цифрового медиадискурса обогащается за счет появления дигитальных жанров, ориентированных на экологическую проблематику.

Литература:

- Бабилова М. Р. Жанровые разновидности интернет-мемов в современном националистическом дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 2(186). С. 67-73.
- Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. 2015. №1 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massmediyny-diskurs-v-sisteme-medialingvistiki>.
- Крылов Ю. В., Стеклова Т. И. Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) // Жанры речи. 2020. №1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-zhanry-internet-kommunikatsii-na-primere-demotivatora-i-mema>.
- Нежура Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве Интернета // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 47–52.
- Пастухов А. Г. Медiateксты в дискурсивных сообществах // Язык средств массовой информации как предмет междисциплинарного исследования: Материалы 2-й Междунар. конф. / Сост. М. Н. Володина. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 209-212.
- Щурина Ю. В., Харохорина М. Б. Интернет-мем как жанр и «нюсмейкер» в современном медиапространстве. Медиалингвистика. 2020; № 7(2): 263–275. DOI: 10.21638/spbu22.2020.209.
- Щурина Ю. В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9-10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-v-strukture-komicheskikh-rechevyh-zhanrov-1>.
- Шутова О. А. Совет как суггестивный речевой жанр поучающего дискурса // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. № 5 (138) С. 129-134.
- Wiggins B. E., Bowers G. B. Memes as genre: A structural analysis of the memescape // Media & Society. 2015. Vol. 17. P. 1886–1906. DOI:10.1177/1461444814535194.

References:

- Babikova M. R. Zhanrovye raznovidnosti internet-memov v sovremennom nacionalisticheskom diskurse // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2019. T. 25. № 2(186). С. 67-73.
- Dobrosklonskaya T. G. Massmedijnyj diskurs v sisteme medialingvistiki // Medialingvistika. 2015. №1 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massmediyny-diskurs-v-sisteme-medialingvistiki>.

- Krylov YU. V., Steksova T. I. Novye zhanry internet-kommunikatsii (na primere demotivatora i mema) // Zhanry rechi. 2020. №1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-zhanry-internet-kommunikatsii-na-primere-demotivatora-i-mema>.
- Nezhura E. A. Novye tipy kreolizovannykh tekstov v kommunikativnom prostranstve Interneta // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2012. № 2. S. 47–52.
- Pastuhov A. G. Mediateksty v diskursivnykh soobshchestvakh // YAzyk sredstv massovoy informatsii kak predmet mezhdisciplinarnogo issledovaniya: Materialy 2-j Mezhdunar. konf. / Sost. M. N. Volodina. M.: MAKS Press, 2008. S. 209-212.
- SHCHurina YU. V., Harohorina M. B. Internet-mem kak zhanr i «n'yusmejker» v sovremennom mediaprostranstve. Medialingvistika. 2020; № 7(2): 263–275. DOI: 10.21638/spbu22.2020.209.
- SHCHurina YU. V. Internet-memy v strukture komicheskikh rechevykh zhanrov // Zhanry rechi. 2014. № 1–2 (9-10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-v-strukture-komicheskikh-rechevykh-zhanrov-1>.
- SHutova O. A. Sovet kak suggestivnyj rechevoj zhanr pouchayushchego diskursa // Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki. 2019. № 5 (138) S. 129-134.
- Wiggins B. E., Bowers G. B. Memes as genre: A structural analysis of the memescape // Media & Society. 2015. Vol. 17. P. 1886–1906. DOI:10.1177/1461444814535194.

Тёрио Фредерик-Гаэль

Центр аспирантуры по литературе, Франция

ВЕЧЕРНЯЯ ТРАПЕЗА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ В ДРЕВНЕРИМСКОЙ САТИРЕ

Сатира - это древняя практика, заявляющая о себе так ярко, что она становится литературным жанром, преимущественно поэтическим. Она становится типичным орудием смеха французской демократии, распространившимся затем по всей Европе как знамя свободы слова. Темы сатиры крайне разнообразны: религия, власть, сексуальность, ксенофобия, обжорство. Что касается сатирических мотивов, в данной статье затрагивается один из них, зародившийся ещё в древнеримской литературе. Это мотив вечерней трапезы, представляющий особенно значительным и показательным для сатирического направления в литературе. Данная трапеза характерна для второй половины дня и раннего вечера. Как описывают эту трапезу семеро из десяти крупнейших древнеримских сатириков? Анализ описаний вечерней трапезы не только продемонстрирует сходство или различия между трудами сатириков, но и подтолкнёт к более серьёзным размышлениям. В нашем исследовании мы будем придерживаться принципа хронологии и проследим развитие двух тенденций: представления трапезы как подражания греческому пиру и самостоятельного изображения непосредственно римской традиции.

Ключевые слова: еда; банкет; римская культура; латинская литература; еда; сатира

Theuriau Frédéric-Gaël

Center for Higher Studies of Literature, France

THE CENA: FROM TRADITIONAL PRACTICE TO LATIN SATIRICAL REPRESENTATION

Satire is an ancient practice that makes people talk about it to the point that finally it becomes a literary genre practised essentially by poets. It becomes the weapon of laughter typical of democratic France that spread it in Europe to symbolize freedom of expression. The themes range from religion to power, passing through sexuality, xenophobia and gluttony. As for the many motives, there is one that is not so ordinary in Latin literature and that seems to be very wise. This is the *Cena*, the meal. It is an important activity of Roman culture and concerns the main meal in the late afternoon until the early evening. What treatment do the seven of the ten Roman satirical writers reserve for the *Cena*, behind which are hidden perhaps more serious stakes than mere appearances? Two axes that will respect the chronology of the authors can be approached, namely the imitation of the Greek banquet leading to the establishment of a more Roman model.

Keywords: Food; banquet; Roman culture; Latin literature; meals; satire

LA CENA : DE LA PRATIQUE TRADITIONNELLE À LA REPRÉSENTATION SATIRIQUE LATINE

La satire est une pratique ancestrale qui fait parler d'elle au point qu'elle devient un genre littéraire adopté essentiellement par des poètes. Elle est l'arme du rire typique de la France démocratique qui l'a répandue en Europe pour symboliser la liberté d'expression. Les thèmes variés vont de la religion au pouvoir en passant par la sexualité, la xénophobie ou la gloutonnerie. Quant aux nombreux motifs, il en est un qui sort de l'ordinaire dans la littérature latine et qui paraît très sage. Il s'agit de la *Cena*, c'est-à-dire du repas. Elle est une activité importante de la culture romaine et concerne le repas principal en fin d'après-midi jusqu'en début de soirée. Quel traitement les sept des dix écrivains satiriques romains réservent-ils à la *Cena* derrière laquelle se dissimulent peut-être des enjeux plus sérieux que les simples apparences ? Deux axes peuvent être abordés qui respecteront la chronologie des auteurs : l'imitation du banquet grec aboutissant à l'instauration d'un modèle plus romain.

Mots-clefs : alimentation ; banquet ; culture romaine ; littérature latine ; repas ; satire

Introduction

La satire est une pratique ancestrale qui fait parler d'elle au point qu'elle devient un genre littéraire adopté essentiellement par des poètes. Elle est l'arme du rire typique de la France démocratique qui l'a répandue en Europe pour symboliser la liberté d'expression.

Les thèmes variés vont de la religion au pouvoir en passant par la sexualité, la xénophobie ou la gloutonnerie. Quant aux nombreux motifs, il en est un qui sort de l'ordinaire dans la littérature latine et qui paraît très sage. Il s'agit de la *Cena*, c'est-à-dire du repas. Elle est une activité importante de la culture romaine et concerne le repas principal en fin d'après-midi jusqu'en début de soirée.

Quel traitement les sept des dix écrivains satiriques romains réservent-ils à la *Cena* derrière laquelle se dissimulent peut-être des enjeux plus sérieux que les simples apparences ?

Deux axes peuvent être abordés qui respecteront la chronologie des auteurs : l'imitation du banquet grec aboutissant à l'instauration d'un modèle plus romain.

1. L'imitation du banquet grec

Dans la première vague de la satire romaine, qui va du IIIe siècle au milieu du Ier siècle avant notre ère, Névius et Pacuvius sont écartés car ils n'évoquent pas la *Cena*. Seuls les écrits de trois auteurs comportent des éléments contenant la *Cena* : Ennius, Lucilius et Varron.

1.1. Ennius

L'œuvre fragmentaire d'Ennius, connue par les citations d'auteurs et de grammairiens postérieurs, conserve le motif du banquet présent dans le livre III des *Saturae* dont il ne reste pratiquement aucun fragment. C'est grâce à Nonius, un grammairien latin, que les fragments 6 à 11 furent retrouvés.

Il ne ressort qu'un terme en rapport avec le festin. Ainsi, le verbe *propinas*, à la deuxième personne du singulier, vient de *propinare*, un verbe tiré du grec, et qui signifie dans le contexte « verser à boire ». D'où l'idée de surnommer le passage « **à boire** ».

En revanche, un poème existant plus complet d'Ennius permet d'apporter un éclairage sur le repas. Il s'agit des *Hedyphagetica* (les mets délectables ou ce qui est bon et doux à manger). Ce « **poème gastronomique** », dont il ne reste que onze vers, fut composé vers 189 avant notre ère. De ce poème didactique et satirique, il ne reste plus qu'une liste de poissons et de coquillages. Le cadre n'est probablement pas celui d'un repas, mais l'inventaire et la description des plats est une pratique qui devient récurrente chez les écrivains.

1.2. Lucilius

Lucilius aurait parachevé ce qu'Ennius aurait commencé. Ses *Satires* comprennent trente livres divisés en trois tomes. Le premier comporte vingt et un livres écrits en hexamètres dactyliques.

Le « **repas campagnard** » serait une lettre de reproche de Lucilius à un ami et serait une raillerie sur un repas composé essentiellement de légumes. Une description du menu est effectuée. Après des considérations sur la nourriture, une autre description est faite sur des convives.

Lors d'un « **banquet solennel** » offert par Paul Émile et Seruilius Geminus pour fêter leur victoire sur les Ligures, une description est faite du service du vin.

Le « **banquet de Granius** », offert à Lucilius et à Crassus par le crieur public Granius en 107, vise à inventorier les ingrédients du repas. Fait rare dans les satires, la scène de repas n'est évoquée ni pour son luxe excessif, ni pour sa pauvreté.

Enfin, le « **banquet des philosophes** » est une discussion sur les théories d'Épicure et de Polémon. Les opinions abondent sur la satire qui serait soit une discussion sérieuse, soit une parodie, thèse communément admise. Il pourrait s'agir, en effet, de l'illustration d'une conversation tenue entre des gens qui parlent philosophie, de façon anecdotique, sans qu'ils y entendent quelque chose.

1.3. Varron

Varron est également un satirique que le temps a malmené. Il fit des études à Athènes où sa vocation de grammairien se révéla. Ses goûts étaient simples et ruraux. Grand ami de Cicéron, il écrivit une œuvre colossale dont il ne reste plus grand chose actuellement.

Ses *Satires Ménippées* comportent de nombreuses mutilations mais laissent paraître l'influence du *Banquet* de Platon. Ainsi relate-t-il un « **banquet nuptial** » où le motif du *Symposium* est patent. Ce dernier, qui regroupait des philosophes dans la littérature grecque, trouve peu à peu une spécificité chez les satiriques romains. Varron place le cadre d'une cérémonie romaine du mariage où l'un des hommes déclare qu'il faut éloigner les jeunes filles du banquet. Le cadre festif permet de montrer qu'un écart se creuse petit à petit entre le *Symposium* grec et la *Cena* romaine.

Le caractère critique et railleur se retrouve dans le « **banquet des endormis** » qui est le cadre et le prétexte d'une raillerie contre ceux qui préfèrent la paresse au travail.

Varron profite aussi du « **banquet sur l'ivresse** » pour donner en partie raison aux Cyniques qui arrosaient d'eau leurs maigres repas. Mais sans être aussi austère, il prétend néanmoins qu'il faut boire modérément.

Le narrateur du « **banquet d'un Cynique** » expose différents points de vue philosophiques qui s'y débattaient. Il était courant, en effet, que les Cyniques dissertassent durant leurs *cenae*.

Le « **banquet pieux** » relate un festin rapporté par un narrateur. Il est l'occasion de présenter un discours sur la *lex Maenia*, sorte de loi des tables.

Comme beaucoup d'autres banquets, le « **banquet sermonnieux** » prône la modération et le plaisir.

Les « **préceptes sur l'organisation d'un banquet** » proposent un nombre approprié de convives et estiment que les conversations doivent non seulement porter sur des sujets charmants, mais encore doivent offrir, à chacun, un temps de parole raisonnable.

Enfin, le ton plaisant sur lequel est écrite l'« **assemblée des lettrés** », présente un débat sur la poésie opposant un grec à un romain. Après les exemples de chacun d'eux, vient la théorie à travers laquelle transparaît un art poétique.

Ces trois auteurs montrent quatorze exemples de traitement d'une imitation du banquet grec qu'il paraît compliqué d'égaliser et encore moins de surpasser tant dans les pratiques culturelles que dans la représentation satirique faite par les écrivains romains. Cependant un renouvellement semble se profiler petit à petit et une plus nette distinction s'opère entre la tradition grecque et la représentation romaine.

2. L'instauration d'un modèle plus romain

La satire latine continue son chemin de l'époque césarienne jusqu'au début du IIe siècle. Le célèbre Sénèque qui aurait pu en faire partie ne peut pas être étudié parce que son *Apothéose satirique du divin Claude* n'évoque pas le motif du repas envisagé par Horace, Pétrone, Perse et Juvénal.

2.1. Horace

Horace ne faillit pas à la tradition satirique d'inclure le repas dans ses écrits. Ayant fait ses études à Rome puis à Athènes, il acheta une charge de greffier, puis commença la rédaction des *Satires* vers 35 avant notre ère. Elles se composent de deux livres. La *Cena* est reprise dans son second livre.

La « **frugalité du repas** » est le premier volet d'une tétralogie répartie sur les satires paires. Il dénonce d'abord les excès de la table et prône les bienfaits de sa simplicité et de sa sobriété pour une bonne santé.

Ensuite, la « **conférence culinaire de Catius** », sous la forme d'un dialogue, révèle, dans une longue tirade de Catius à Horace, des règles de l'art culinaire et des préceptes secrets. Toute l'habileté d'Horace consiste à faire comprendre que le secret de l'art culinaire n'est pas dans la richesse des mets qu'il raille, mais dans l'art d'assembler des aliments naturels et dans celui d'accommoder proprement et simplement des vins et des saveurs.

Dans le « **repas convivial** », se trouve une charmante fable du rat de ville et du rat des champs. La *Cena* est souvent l'occasion de raconter des histoires pleines de morales. L'ensemble constitue un éloge des banquets qu'Horace organise régulièrement dans sa villa de Sabine en l'honneur de ses amis.

Enfin, le célèbre « **repas ridicule** », également connu sous l'appellation de *Cena Nasidieni*, présente, sous la forme d'un dialogue entre Horace et Fundanius, le récit que ce dernier fait au sujet d'un copieux dîner donné la veille par Nasidiénus Rufus. Horace se moque des hôtes avarés, des convives ivrognes et des pique-assiettes.

2.2. Pétrone

Pétrone, qui connaissait les satiriques, renforce la tradition en réinvestissant les procédés antérieurs dans un festin où nourriture côtoie mise en scène et où la cuisine est également culturelle. Rabelais fera le même parallèle dans ses romans satirico-épiques.

La *Cena Trimalchionis* ou le « **festin de Trimalcion** », qui occupe la partie centrale de l'ouvrage fragmentaire, est fondée sur le « déguisement », le « travestissement » et la « tromperie ». Derrière cette satire se cache une critique de la fureur des festins en raison de la recherche du prestige. Les repas se dénaturent et se transforment en théâtralisation du dîner au point que la nourriture devient un enjeu socioculturel. La portée d'un tel roman est multiple. Il est réaliste par les descriptions des gens et des choses, sans idéalisation, et par les paroles rapportées populaires, sans correction des fautes de langage. Il est satirique par la peinture sociale faite sur les affranchis vaniteux parce qu'ils sont de nouveaux riches ainsi que par le portrait d'hommes libres et instruits qui n'en sont pas moins des parasites et des anti-héros.

2.3. Perse

Perse est imprégné de stoïcisme et de philosophie avec le maître Cornutus. Il écrit ses *Satires*, dans la seconde moitié du 1er siècle, réputées, dit-on, pour son obscurité. Le trait qui le caractérise des autres satiriques est qu'il ne parle pas, à proprement parler, du banquet ou de la *Cena*. Ses remarques se font par des allusions éparées et diluées dans les satires qu'il a composées.

Dans sa raillerie sur une « **manie littéraire de son temps** », Perse pense qu'on se moque des chefs-d'œuvre pour préférer des productions plus communes au cours d'un banquet. Il parle ensuite des grands seigneurs qui improvisent des vers élégiaques. Sa raillerie est un prétexte pour prendre parti contre la poésie hellénisante d'amateurs. En fait, Perse est au cœur d'une tradition : il a composé une satire littéraire dont le sujet était souvent abordé lors d'un banquet. Il était en effet d'usage qu'un esclave ou qu'un acteur lût ou déclamat des vers aux convives.

Dans sa « **description d'un problème de morale religieuse** », Perse prend l'exemple d'un homme qui, en même temps qu'il prie pour sa santé, annihile son souhait par un excès de nourriture. En réalité, le satirique montre que les romains sont plus superstitieux que religieux : ils exercent les rites dans les moindres détails pour se donner bonne conscience.

Quant à l'« **étude de la philosophie** », Perse regrette que l'on ne s'y adonne pas plus sérieusement alors qu'elle est comme un médicament de l'âme. C'est pourquoi le satirique présente un camarade exposant à l'un de ses amis qu'il ne doit pas se comporter comme le malade qui, se croyant guéri, retourne aussitôt à ses habitudes alimentaires excessives.

Viennent ensuite ses « **discours stoïciens** » dans lesquels le poète satirique affirme sa fidélité à la secte. Pour cela, il critique ceux qui font passer le plaisir du corps avant celui de l'âme.

Enfin, Perse attaque la prodigalité dans sa « **perspective du juste milieu** ». L'influence d'Horace est très nette, à commencer par le genre de l'épître qui se trouve ainsi mêlée à la satire. De même, l'utilisation de parties dialoguées montre la filiation entre Lucilius, Horace et Perse.

2.4. Juvénal

Juvénal est le dernier auteur. Si nous savons peu sur sa vie, c'est que Juvénal ne parle pas de lui-même dans son œuvre. Il meurt vers 128 après Jésus-Christ laissant inachevée sa satire XVI.

Dans les *Satires* de Juvénal, écrites à partir de 100 après Jésus-Christ, le satirique rapporte un bien « **décevant festin** » instauré dans le cadre des rapports entre client et patron. Le statut du client devenant de plus en plus difficile, Juvénal expose une scène d'invitation où un patron se réserve les meilleurs mets.

Une autre satire fut composée quand des lois surgissaient régulièrement pour régler des festins dont le coût était trop important et dont les viandes consommées provenaient de massacres d'animaux trop jeunes. Dans le « **luxe ostentatoire et ruineux d'un festin** », le satirique raille le riche qui dépense sans compter, simplement par plaisir du luxe.

L'évolution dans le traitement du motif de la *Cena* est vraisemblablement à l'image de la réalité contemporaine représentée chez ces quatre auteurs. Le banquet se détache nettement du modèle grec et devient proprement romain. C'est ce que montrent les treize exemples de traitement du repas. Ce rendez-vous social s'ancre dans la philosophie et dans la civilisation romaine tout en ne touchant que les classes aisées d'une société majoritairement défavorisée.

Conclusion

En définitive, la *Cena* s'est perpétuée dans la satire latine au fil des siècles à travers une grande partie des satiriques latins. Les vingt-sept déclinaisons mises en évidence dévoilent que, partant de l'exemple grec, chaque satire porte en elle le gène d'une évolution postérieure de la tradition. Elle l'utilise, la transpose, la transforme et la représente à sa manière.

La représentation du repas dans la littérature satirique joue un rôle presque sémiologique. La *Cena* rassemble culture, société et tradition. Elle n'est pas utilisée comme simple effet de réel mais signale des tensions, des polémiques, des oppositions présentes dans l'espace social romain. Le dîner, plus largement la nourriture et la boisson, est récurrent dans la création littéraire parce que manger est le reflet du premier besoin de l'être humain avant la reproduction.

En outre, l'allusion alimentaire en général est un symbole patrimonial important, ce que n'a pas manqué de démontrer l'Institut européen d'histoire des cultures de l'alimentation (IEHCA) depuis sa création, en 2001, à Tours, par Jack Lang, alors ministre de l'éducation nationale et de l'enseignement supérieur français.

References:

- Augier-Grimaud J. « Nourriture et culture dans la *Cena trimalchionis* : deux enjeux de puissance », *Camenulae* n°8, janvier 2012.
- Cébe J.-P. *Varron, Satires Ménippées*, texte, traduction et commentaires, Rome, École Française de Rome, 1972-1994.
- Cicéron *Brutus*, texte établi et traduit par Jules Martha, Paris, Les Belles Lettres, 1923.
- Cicéron *De officiis*, texte établi et traduit par Maurice Testard, Paris, Les Belles Lettres, 1965.
- Deshamps L. *Étude sur la langue de Varron dans les Satires Ménippées*, Lille, Atelier de reproduction des thèses, Paris, Honoré Champion, 1976.
- Dupont F. *L'Invention de la littérature*, Paris, Le Découverte, 1994.
- Dupont F. *Le Plaisir et la loi*, Paris, François Maspéro, 1977.
- Ernout Alfred, *Recueil de textes latins archaïques*, Paris, Klincksieck, 1938.
- Erre F. et GRAPHIQUE T. *Le Pouvoir de la satire*, Paris, Dargaud, 2007.
- FAURITE Frédéric, *L'Héritage des satiriques latins Horace et Juvénal dans Les Caractères de La Bruyère*, Grenoble, Université Grenoble III - Stendhal, 2012.

- GARABUAU-MOUSSAOUI I. PALOMARES Élise et DESJEUX Dominique (dir.), *Alimentations contemporaines*, préface de Dominique Desjeux, Paris, L'Harmattan, 2002.
- Gérard J. Juvénal et *la réalité contemporaine*, Paris, Les Belles Lettres, 1976.
- Heurgon J. *Ennius*, cours de la Sorbonne de 1960.
- Horace *Épîtres*, traduit par François Villeneuve, Paris, Les Belles Lettres, 1934.
- Horace *Satires*, traduit par François Villeneuve, Paris, Les Belles Lettres, 1962.
- HUGONOT Christophe, « Les ombres de Mécène : à propos de la *Cena Nasidieni* d'Horace », *Food & History*, vol. 9, n°2, 2011.
- Juvénal *Satires*, introduction de Pierre de Labriolle et François Villeneuve, Paris, Les Belles Lettres, 1957.
- Lucilus *Satires*, texte établi, traduit et annoté par François Charpin, Paris, Les Belles Lettres, 3 tomes, 1978, 1979, 1991.
- Martin R. et Gaillard J. *Les Genres littéraires à Rome*, Paris, Scodel, 1981.
- Nadjo L. « Un Fait de langue et de style dans les *Satires* d'Horace : l'archaïsme », in *Caesarodunum* XXIII bis : *Présence d'Horace*, Centre de recherches A. Piganiol, 1988.
- Nadjo L. Séminaire de Maîtrise sur « La Satire à Rome », Tours, Université François Rabelais, 1997-1998.
- PERROCHAT P. *Pétron : Le festin de Trimalcion*, Paris, P. U. F., 1952.
- Perse *Satires*, texte établi et traduit par Auguste Cartault, Paris, Les Belles Lettres, 1951.
- Pétron *Le Satiricon*, traduit par Alfred Ernout, Paris, Les Belles Lettres, 1993.
- Revel J.-F. *La Sensibilité gastronomique de l'Antiquité à nos jours*, Évreux, Suger, 1985.
- Rossi R. *L'Arme du rire : La presse satirique radicale à Marseille face à la République monarchique (1871-1879)*, Marseille, Via Valeriano Bis, 2004.
- Sherro L.-R., *The Cena in Roman Satire*, in *Classical Philology*, vol. 18, n°2, avril 1923.
- THEURIAU Frédéric-Gaël, « Le corps-esprit dans *La Libre Parole illustrée* », *Noria*, Revue littéraire et artistique dirigée par Giovanni Dotoli et Mario Selvaggio, Alberobello (Italie) / Paris, AGA / L'Harmattan, n°5, 2023.
- Thomas J. *Le Dépassement du quotidien*, Paris, Les Belles Lettres, 1986.
- Varron *Économie rurale*, texte établi, traduit et commenté par Jacques Heurgon, Paris, Les Belles Lettres, 1978.
- Villeneuve F. *Essai sur Perse*, Paris, Hachette et Cie, 1918.
- WARMINGTON E. H. *Remains of old Latin*. Cambridge: Harvard University, 1961.
- Wolter E. « Théâtre et satire chez Horace », in *Caesarodunum*, n°5, Tours, Institut d'études latines, Centre de recherches A. Piganiol, 1970.

Тёрно Фредерик-Гаэль

Центр аспирантуры по литературе, Франция

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ РАСХОЖДЕНИЕ МЕЖДУ ФРАНЦУЗСКИМ И
РУССКИМ ЯЗЫКАМИ НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА АНТОНА ЧЕХОВА
«ПРЕДЛОЖЕНИЕ»**

При сравнении русского и французского текстов пьесы Антона Чехова возникает проблема понимания ее проблематики. Намеки и слова не могут быть переведены точно, потому что некоторые термины в этих двух языках иногда различаются. Только два ключевых слова социологическая перспектива и медицинское видение подчеркивают это искажение.

Ключевые слова: Чехов, медицина, социология, терминология, театр

Theuriau Frédéric-Gaël

Center for Higher Studies of Literature, France

**TERMINOLOGICAL DISTORTION BETWEEN FRENCH AND RUSSIAN ON THE
SAMPLE OF ANTON CHEKHOV'S SHORT STORY "THE PROPOSAL"**

Anton Chekhov's play presents a problem of understanding of its issues when comparing the Russian and French text. Hints and words could not be translated accurately because some terminologies are sometimes different in these two languages. Through two key words only, the sociological perspective and the medical vision highlight this distortion.

Keywords: Chekhov, medicine, sociology, terminology, theater

Theuriau Frédéric-Gaël

Centre d'Études Supérieures de la Littérature, France

**DISTORSION TERMINOLOGIQUE ENTRE LE FRANÇAIS ET LE RUSSE.
À TRAVERS UNE DEMANDE D'ANTON TCHÉKHOV⁵⁰**

La pièce d'Anton Tchekhov présente un souci de compréhension de ses enjeux lorsqu'on compare le texte russe et français. Des sous-entendus et des mots n'ont pas pu être traduits avec exactitude parce que certaines terminologies sont parfois différentes dans ces deux langues. À travers deux mots-clefs seulement, le regard sociologique et la vision médicale mettent en évidence cette distorsion.

Mots-clés : Médecine, sociologie, Tchekhov, terminologie, théâtre

---

⁵⁰ Cet article est le fruit d'une recherche non seulement littéraire mais aussi clinique en médecine humaine effectuée dans le cadre du projet n°2018 045 intitulé « Médecine narrative dans l'humanisme médical : dialectique du médecin, de la maladie et du malade » ayant eu l'avis favorable de la Commission d'Éthique en Recherche Humaine du CHRU de Tours et dont le responsable de la recherche est l'auteur du présent article. Il s'agit en réalité d'un travail de synthèse, qui n'est cependant pas répétitif, des deux articles mentionnés en bibliographie.

Introduction

La terminologie est le discours, ou la science, qui s'occupe des termes. Une réflexion est menée sur le choix des mots arbitrairement associés aux objets, aux notions et aux concepts à nommer. Elle concerne tous les domaines du savoir humain et entretient un rapport avec l'indissociable binôme formé par la langue et la culture dans la démarche traductrice. Une distorsion apparaît forcément lorsque l'on traduit une langue vers une autre. La mesure de cet écart n'échappe pas au traducteur professionnel.

Ainsi, il n'y aurait pas plusieurs traductions françaises de la pièce de théâtre *Une Demande* (Предложение) d'Anton Tchekhov si la mécanique de la traduction était simple. Le passage de la langue source, le russe, à la langue cible, le français, relève de certaines compétences spécifiques et solides pour transporter de l'une à l'autre un matériau le plus fiable possible. Il faut aussi rendre compte des joutes littéraires et stylistiques, comme les non-dits, très présents chez l'auteur russe.

En quoi cette pièce de théâtre peut-elle illustrer une sorte d'énigme concernant son intérêt dans l'œuvre de Tchekhov puisqu'elle a souvent été sous-estimée par la critique française ?

Deux démarches majeures offrent un aperçu constructif sur les enjeux de la pièce. Il s'agit d'une part du regard sociologique et d'autre part de la vision médicale.

1. Regard sociologique

Pour la portée sociologique, la question sociale est sans aucun doute l'angle principal à adopter pour éclairer la pièce et lui donner l'épaisseur qui n'apparaît pas de prime abord. En fait, le substrat de l'histoire repose sur des références à l'état de servage de la paysannerie et sur la transmission du patrimoine de la noblesse.

Une Demande fut écrite dans un contexte où le servage était aboli depuis 1861 en Russie mais où les difficultés sociales consécutives demeuraient réelles en 1888, date à laquelle Tchekhov acheva sa pièce. Dans celle-ci, le servage est évoqué par sous-entendus. Il apparaît que l'histoire n'est pas orientée sur la classe paysanne, ni sur la bourgeoisie, mais sur la classe nobiliaire terrienne, sans titre, à laquelle appartiennent les trois personnages, Tchouboukov, Natalia et Lomov. De manière indirecte, le thème de l'exploitation se dessine ainsi que l'existence d'un nouveau prolétariat des campagnes depuis 1861. Le comique de situation évident jalonne la pièce. Tchekhov l'a voulu ainsi pour se moquer, entre autres, des préoccupations concernant la transmission du patrimoine de la noblesse, qui est un problème au demeurant crucial. Toute la pièce est orientée sur le mariage et donc sur la question implicite de l'héritage. L'auteur tourne en dérision le moindre détail, certes, mais les arcanes souterraines de l'histoire sont néanmoins sérieuses.

Le rapport avec la terminologie sociologique est le suivant. La pièce est annoncée par Tchekhov, dans sa présentation, comme étant une « farce » (« шутка »). Il est vrai qu'il y a constamment des procédés comiques qui puisent même dans l'œuvre de Molière et qui rendent amusante la pièce par l'usage d'expressions familières, d'injures et de disputes. Cependant il n'y a pas de vocabulaire exagérément grossier, ni de bons tours en dehors d'une petite farce de la part de Tchouboukov à sa fille, ni de bastonnades, ni de surnoms sots sauf quelques petits noms amicaux qui font sourire, ni d'obscénités, ni de tromperies caractéristiques de la « farce » au sens français du terme et du genre littéraire. Si la visée principale de la pièce repose sur l'annonce d'un « divertissement » - il s'agit d'une autre traduction possible de « шутка » - se cache une dimension didactique autour de la question sociale peu débattue publiquement et étouffée par la censure de l'époque. Il faut donc composer avec un système terminologique différent en français et en russe qui tient compte du fait

culturel, stylistique, linguistique, et social en l'occurrence, pour aboutir au fait que la pièce ne devrait peut-être pas être considérée comme une « farce ». En ce cas, moins qu'une traduction, c'est une interprétation qu'il faudrait opérer en la qualifiant de « comédie sociale », tout en n'oubliant pas qu'il s'agit bien d'une farce de pure tradition russe.

L'enjeu de cette proposition n'est pas de dire que la pièce n'est pas une farce dans la terminologie russe, mais qu'au vu des questions sociales sous-jacentes de l'histoire racontée une autre solution conviendrait mieux en français : soit parler du genre de la « comédie sociale, soit du « divertissement ». En revanche, retraduire le mot « divertissement » en russe n'aurait de sens que si l'on utilise « шутка » afin de rétablir une divergence terminologique qui existe même entre « divertissement » et « шутка ». Il en est de même pour un tout autre domaine, celui de la médecine.

2. Vision médicale

Ainsi, pour la portée médicale, les troubles mentaux et comportementaux représentent le second aspect, non négligeable, à soumettre à l'analyse critique. Deux maladies se manifestent à travers le personnage de Lomov : l'hypochondrie et la timidité.

La pièce en un acte et sept scènes est fondée sur la difficulté presque malade d'un vieux garçon (Ivan Vassilievitch Lomov, 35 ans) à demander la main à sa jeune voisine (Natalia Stepanovna, 25 ans) qui vit avec son père (Stepan Stepanovitch Tchouboukov, la soixantaine). Il faut savoir qu'elle fut écrite par un médecin qui, en qualité de praticien, connaissait les maladies physiques et mentales. L'hypochondrie est un trouble psychiatrique mental et comportemental caractérisé par la conviction d'être atteint d'une maladie en raison d'une mauvaise interprétation de symptômes physiques. Tout le monologue de Lomov, à la scène 2, le prouve. Il rappelle d'ailleurs le personnage d'Argan dans *Le Malade imaginaire* de Molière et Rousseau lui-même dans ses *Confessions*. Or, ce n'est pas uniquement l'intertextualité qu'il faut voir, mais surtout une formidable mise en scène d'un trouble médical doublé d'un autre. En effet, si la maladie est prise en compte en Amérique du Nord, la timidité est sous-estimée en Europe. Elle comporte trois degrés : seules les deux derniers sont pathologiques. Lomov ne souffre pas de la forme sévère dite « paralysante » mais de celle intermédiaire nommée « malade ». C'est suffisant pour qu'il soit handicapé dans sa démarche de demander directement Natalia en mariage. Ses réactions font évidemment rire le spectateur qui n'imagine pas le mal dont il souffre en réalité et qui est occulté en partie par l'hypochondrie dont il est atteint. L'analyse fine de ses réactions dans l'ensemble des scènes montrent bien qu'il souffre de timidité malade.

Le rapport avec la terminologie médicale est le suivant. La pièce présente ses personnages en didascalie initiale. Il est précisé que Lomov est « мнительный », c'est-à-dire « hypochondriaque ». Or, c'est le français qui pose un souci. En effet, dans la terminologie médicale, l'hypochondrie et la timidité sont deux maladies distinctes. Il en est de même pour la terminologie linguistique. Un hypochondriaque n'est pas un timide maladif et la réciproque est également vraie. En revanche, il est possible de traduire « мнительный » de deux façons : soit par « hypochondriaque », soit par « timide ». Si Tchekhov a choisi le mot « мнительный » et non « ипохондрик », ce n'est peut-être pas par hasard. En tous cas, il n'est pas possible, en français, de rendre le double sens évoqué par « мнительный » dans un seul mot. Il faudrait alors peut-être moins traduire qu'interpréter, une fois encore, en proposant les deux mots « hypochondriaque et timide » afin de restituer la réalité. Ce qui est remarquable est que le médecin-écrivain Tchekhov a fait preuve d'une clairvoyance extraordinaire en subodorant le caractère maladif de la timidité alors que même au XXIe siècle cette maladie n'est pas encore bien reconnue. Elle apparaît dans le *Manuel diagnostique et statistique des troubles mentaux* aux États-Unis mais pas dans le *Référentiel de psychiatrie et addictologie* en France.

L'intérêt de l'analyse du discours et des attitudes de Lomov, sachant que Tchekhov était médecin, est de mettre en évidence deux pathologies, l'hypocondrie et la timidité, et non une seule, et qu'il faudrait peut-être mentionner dans la traduction française puisqu'en russe « мнительный » a un double sens impossible à conserver en français hormis en utilisant deux mots coordonnés : « hypocondriaque et timide ».

Conclusion

En définitive, la mise en évidence de la portée socio-économique autour de l'état de servage de la paysannerie et de la transmission du patrimoine nobiliaire ainsi que de la portée médicale autour de l'hypocondrie et de la timidité permet d'apporter la preuve d'un écart, d'une distorsion terminologique entre « шутка » et « farce » puis entre « мнительный » et « hypocondriaque ».

Ainsi se dessine une compréhension plus juste d'*Une Demande* d'Anton Tchekhov. La pièce prend une consistance que la critique française n'a pas forcément perçue à sa juste valeur. De fait, elle se rapprocherait de certaines nouvelles et pièces publiées par Tchekhov entre 1886 et 1903 : *Aniouta*, *La Nuit de Pâques*, *Mauvais caractères*, *Fièvre typhoïde*, *Ivanov*, *L'Ours*, *La Mouette*, *Les Trois Sœurs*, *La Cerisaie*.

De toute évidence, la transmission intégrale des informations contenues dans une phrase, un discours, un texte, une œuvre est impossible d'une langue à une autre en raison des facteurs caractéristiques intrinsèques à chacune d'elle : géographique, historique, culturel, économique, social, politique, religieux, technique, scientifique, etc. L'analyse critique peut cependant parvenir à expliquer certains épiphénomènes que la barrière de la langue empêche de saisir avec la traduction directe ou même la traduction interprétative.

References:

- Chekhov A. *Izbrannye proizvedeniya*. Tom 3. Predlozhenie. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1960 god, c. 346-359.
- Tchekhov Anton *Œuvres, Une Demande en mariage*, traduction d'Elsa Triolet, t. I, Paris, Les éditeurs français réunis et Gallimard, coll. La Pléiade, 1967, p. 591-607.
- Theuriau Frédéric-Gaël La question sociale dans *Une Demande* d'Anton Tchekhov. *Studia litterarum*, Moscou, Institut A. M. Gorky de la Littérature Mondiale, septembre 2019, t. 4, n°3.
- Theuriau Frédéric-Gaël Les troubles mentaux et comportementaux dans *Une Demande* d'Anton Tchekhov. *Vestnik*, Kostroma, Université de Kostroma, vol. 28, n°3, 2022.

Тимошенко И. В.

Московский педагогический государственный университет

НЕЙРОЛОГОПЕДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В КОРРЕКЦИИ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЙ У ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

Актуальность статьи обусловлена тем, что в современных реалиях мы наблюдаем картину увеличения количества детей с нарушениями речи. А это значит, что такое направление, как нейрологопедия и нейрологопедический подход в обучении и коррекции детей-билингвов, будет считаться перспективным. При этом мало фактов подтверждающих, как влияет билингвизма на развитие речи ребенка. Многие исследователи, которые изучали психологические особенности ребенка и деятельность детского мозга, отмечали важное стимулирующее значение функции руки. Мелкая моторика и её развитие тесно связаны с различными отделами головного мозга, особенно с корой головного мозга. Это стимулирует работу отделов, отвечающих за речь. Это доказывает, что методы нейрологопедии позволяют быстрее справиться с речевыми трудностями.

Ключевые слова: нейрологопедия, дети-билингвы, нейрологопедический подход, нейроупражнения, речь.

Timoshenko I. V.

Московский педагогический государственный университет

NEUROLOGOPEDIC TECHNIQUES IN THE CORRECTION OF SPEECH DISORDERS IN BILINGUAL CHILDREN

The relevance of the article is due to the fact that in modern realities we are seeing an increase in the number of children with speech disorders. This means that such a direction as neurospeech therapy and its approach to the training and correction of bilingual children will be considered promising. At the same time, there is little evidence confirming the impact of bilingualism on the development of a child's speech. Many researchers who studied the psychological characteristics of the child and the activity of the child's brain noted the important stimulating value of the hand function. Fine motor skills and their development are closely connected with various parts of the brain, especially with the cerebral cortex. This stimulates the work of the parts of the brain which are responsible for speech. This proves that neurospeech therapy methods allow you to more quickly cope with speech difficulties.

Keywords: neurospeech therapy, bilingual children, neurospeech therapy approach, neuro exercises, speech

С увеличением глобализации и международных связей становится всё важнее знание нескольких языков для карьерного роста и общения с людьми из разных стран. Миграция в мире приводит к смешению различных культур и языков, и дети рождаются в семьях, где родители говорят на разных языках [Харенкова, 2013]. В некоторых странах и регионах активно развивается билингвальное образование, где детям предоставляется возможность учиться на

двух или более языках с самого раннего возраста. Эти и другие факторы способствуют увеличению числа детей, воспитываемых на двух или более языках, и билингвальное воспитание становится более распространенным и желательным в современном мире.

Билингв это ребенок, который говорит на двух языках и умеет переключаться с одного языка на другой в зависимости от коммуникативной ситуации. Также важное значение имеет среда, где используется два языка, которая оказывает значительное влияние на развитие его речи. Л. С. Выготский в своей книге отмечает, «в развитии речи ребенка могут возникнуть затруднения, когда условия воспитания не гарантируют образования более или менее самостоятельной сферы приложения каждого языка, когда ребенок отдан во власть случайной смеси языковых систем, когда детское двуязычие развивается стихийно» [Выготский, 1935, с.53-72].

Изучение двух языков может улучшить способности к анализу, решению задач и совершенствованию памяти. Билингвальные дети учатся переключаться между двумя языками, что развивает их способности к гибкому мышлению и адаптации к различным ситуациям. Билингвальное воспитание может также способствовать лучшему пониманию и уважению к разным культурам и обычаям, связанным с каждым из языков. Исследования ученых говорят о том, что, билингвизм может способствовать защите от некоторых возрастных заболеваний, таких как деменция, благодаря повышенной активности мозга при переключении между языками. Однако важно отметить, что билингвизм может создавать некоторые вызовы, особенно на начальных этапах обучения, когда дети могут перепутывать языки, совершать замены. Однако, большинство исследований свидетельствует о положительном влиянии билингвизма на речевое и когнитивное развитие детей в долгосрочной перспективе.

В статье нам предстоит рассмотреть вопрос о влиянии нейрологопедического подхода в коррекции нарушений речи у детей-билингвов. Все чаще родители приводят на прием детей, с речевыми проблемами. Т. Г. Визель утверждает, «Обычная логопедия уже изживает себя. Человек, который работает с высшими функциями, должен осознавать, как они организованы мозгом. Когда мы пытаемся проникнуть за черепные своды, то начинаем понимать, что мы делаем и для чего» [Визель, 2005].

Логопедия сегодня дополнила себя знаниями и достижениями таких нейронаук, как: нейропсихология, нейролингвистика, нейрофизиология и нейробиология. Такой подход и предопределил название нейрологопедия, переросший впоследствии в целое научное направление.

Нейрологопедия - это мультисенсорный метод обучения, который использует знания о функциях мозга для помощи детям с речевыми трудностями. Применение методов нейрологопедической коррекции помогает справиться с проблемами речевой патологии у детей с большей эффективностью. С помощью нейрологопедических методик не только решаются задачи коррекции звукопроизношения, но еще мы можем значительно улучшить и развить когнитивные функции ребенка: внимание, концентрацию, воображение память, поведение. Нейрологопедический подход акцентирует внимание на активации нескольких сенсорных систем одновременно. Это может включать в себя использование зрения, слуха, осязания и движения для улучшения понимания и запоминания речи. Отмечены положительные результаты сенсомоторной коррекции нейрологопедии в позитивной динамике, стойком результате, доступности методик и упражнений. Такие методы как: игра, массаж, коммуникативные и познавательные упражнения. художественные (арттерапия, лепка, рисование, аппликация), физические упражнения (мозжечковая стимуляция доской), кинезиологические упражнения доказали свою успешность.

Нейрологопедический подход часто включает в себя сотрудничество разных специалистов, таких как логопедов, психологов и физиотерапевтов, чтобы обеспечить комплексную поддержку. У детей, имеющих речевые отклонения, могут возникать различные проблемы, которые могут варьировать в зависимости от типа и тяжести отклонений [Кушнир, Цветков, 2022].

Некоторые типичные проблемы включают:

1. Нечеткое произношение: Дети могут испытывать сложности в произношении звуков, что делает их речь менее понятной для других.
2. Ограниченный словарный запас: Дети с речевыми отклонениями могут иметь ограниченный словарный запас и трудности с выбором правильных слов в разговоре.
3. Грамматические ошибки: Это может включать в себя неправильное использование грамматических форм, таких как падежи, времена, множественное и единственное число.
4. Нарушение связности и логики речи: Дети могут иметь трудности в организации речи и поддержании логической последовательности в высказываниях.
5. Затруднения в коммуникации: Ребенок может испытывать трудности в установлении и поддержании контакта с окружающими, что может повлиять на социальное взаимодействие.
6. Страх перед общением: Дети могут чувствовать себя неуверенно и стесняться общения из-за своих речевых отклонений.
7. Затруднения в понимании и интерпретации речи других: Ребенок может иметь сложности в понимании сказанного другими и следовании инструкциям.
8. Психологические аспекты: Речевые отклонения могут повлиять на самооценку ребенка и вызвать чувства стресса и низкой уверенности.

Эти проблемы могут быть разного характера и степени выраженности, и, в большинстве случаев, требуют коррекции и лечения со стороны специалистов, таких как логопеды и психологи. Раннее выявление и реабилитация речевых отклонений может помочь ребенку развивать навыки общения и успешно взаимодействовать с окружающим миром.

Нейрологопеды адаптируют методы в зависимости от потребностей каждого ребенка, учитывая их конкретные трудности в речи. Это может включать в себя оценку и разработку персонализированных планов обучения. Использование упражнений с элементами биоэнергетики помогает улучшить артикуляцию и контроль дыхания, что способствует более четкой и понятной речи. Дети активно выполняют нейроупражнения, участвуют в различных играх, которые стимулируют развитие речи и когнитивных навыков.

Важным аспектом нейрологопедии является вовлечение родителей и учителей в процесс помощи детям с речевыми трудностями, чтобы обеспечить непрерывную поддержку и практику в повседневной жизни. Сам подход индивидуализирован и может варьироваться в зависимости от конкретных потребностей каждого ребенка. Эти методы могут помочь справиться с речевыми трудностями и улучшить коммуникативные навыки.

Нейрологопедический подход к обучению учитывает активность разных зон мозга в зависимости от выполняемой деятельности. Выделим основные зоны мозга и их функции.

1. Фронтальная кора мозга связана с планированием и контролем действий, что важно при выполнении задач, требующих организации.

2. Лобные доли отвечают за решение задач, аналитическое мышление и принятие решений.

3. Височные доли связаны с обработкой зрительной и слуховой информации, что важно при чтении и аудировании.

4. Задние доли участвуют в обработке сенсорной информации и координации движений.

5. Гиппокамп важен для формирования памяти и обучения.

6. Лимбическая система влияет на эмоции и мотивацию.

Метод нейрологопедической коррекции помогает адаптировать обучение, учитывая активность различных зон мозга для более эффективного образования детей. Система нейрологопедической работы носит комплексный характер. Использование нейроприемов и нейроупражнений может значительно повысить эффективность коррекционной работы, особенно при работе с детьми, имеющими нарушения речи или другие психические процессы [Глозман, 2019].

Вот несколько способов, как это может быть достигнуто:

1. Индивидуальный подход: Нейроприемы позволяют адаптировать упражнения к конкретным потребностям ребенка, учитывая его уровень развития и особенности нарушений. Это помогает сделать коррекцию более эффективной и персонализированной.

2. Пластичность мозга: Нейроупражнения могут способствовать улучшению нейропластичности мозга, что делает процесс коррекции более эффективным. Мозг детей более гибок, и правильно выбранные упражнения могут способствовать перестройке нейронных связей.

3. Многомодальный подход: Коррекционная работа, комбинирующая вербальные и невербальные методы, может улучшить понимание и восприятие информации у детей с нарушениями речи. Это включает в себя использование зрительных, слуховых и моторных навыков.

4. Мотивация и эмоциональная составляющая: Нейроприемы могут помочь создать стимулирующую и поддерживающую атмосферу для детей, что может улучшить их мотивацию для участия в коррекционной работе.

5. Оценка и мониторинг: Использование нейроприемов может также облегчить оценку и мониторинг прогресса в коррекции нарушений речи. Это может помочь логопедам и специалистам лучше адаптировать программу для достижения лучших результатов.

Важно отметить, что использование нейроприемов и нейроупражнений требует компетентности и опыта со стороны специалистов, таких как логопеды и психологи. Поэтому рекомендуется консультироваться с квалифицированными специалистами, чтобы максимально эффективно применять эти методы в коррекционной работе с детьми.

Литература:

Визель Т. Г. Основы нейропсихологии: учеб. для студентов вузов Т. Г. Визель. М.: АСТАстрель Транзиткнига, 2005. 384 с.

Выготский Л. С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте / Л. С. Выготский // Умственное развитие детей в процессе обучения : сб. ст. Л., 1935. С. 53–72.

Глозман Ж. М. Практическая нейропсихология. Опыт работы с детьми, испытывающими трудности в обучении. М.: Генезис, 2019. 336 с.

- Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. Н. Цейтлин. М.: Владос, 2000. 240 с.
- Кушнир И. С. Цветков А. В. Нейрологопедия. Москва, 2022. 189 с.
- Харенкова А. В. Анализ особенностей речевого развития детей-билингвов [Текст] / А. В. Харенкова // Проблема современного образования. 2013. №2. С. С. 160–167.

References:

- Glozman Zh. M. Practical neuropsychology. Experience working with children with learning difficulties. - M.: Genesis, 2019. 336 p.
- Kharenkova A. V. Analysis of the characteristics of speech development of bilingual children [Text] // Problem of modern education. 2013. No. 2. pp. C. 160–167.
- Kushnir I. S. Tsvetkov A. V. Neurology. - Moscow, 2022. 189 p.
- Tseitlin S. N. Language and the child: Linguistics of children's speech: textbook. aid for students higher textbook institutions / S. N. Tseitlin. M.: Vlados, 2000. 240 p.
- Vygotsky L. S. On the issue of multilingualism in childhood / L. S. Vygotsky // Mental development of children in the learning process: collection. Art. L., 1935. P. 53–72.
- Wiesel T. G. Fundamentals of neuropsychology: textbook. for university students T. G. Wiesel. M.: ASTAstrel Transitbook, 2005. 384 p.

Топорова В. М., Корнева Е. В.
Воронежский государственный университет

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Настоящая работа посвящена описанию пространственных контекстов репрезентации знания различного уровня абстракции. Пространственные контексты характеризуются как важные составляющие информационной картины мира, ситуативно связанные с определенным блоком знаний, выступающие во взаимосвязи и взаимодействии внешнего и внутреннего контекстов предметно-материальной и духовной деятельности человека. На основе концептуально-структурного анализа пространственных параметров репрезентации внутреннего контекста субъекта познания выявляются способы пространственно-визуальной интерпретации явлений мира на различных уровнях чувственного и рационального восприятия; характеризуются виды и когнитивные функции пространственных контекстов репрезентации знания. Выполняя важную когнитивную функцию актуализации, поддержки и регуляции формата восприятия события, пространственный контекст осуществляет функцию погружения в ассоциативную зону актуализируемого блока знаний, встраивая его в более широкие контексты, расширяя тем самым возможности анализа и интерпретации исследуемой области.

Ключевые слова: пространство, восприятие, визуализация, концептуализация, репрезентация, уровень абстрактности, геометрический образ, взаимодействие.

Valentina M. Toporova, Elena V. Korneva
Voronezh State University

SPATIAL CONTEXTS OF KNOWLEDGE REPRESENTATION: FUNCTIONAL- SEMANTIC CHARACTERISATION

This paper is devoted to the description of spatial contexts of knowledge representation of different levels of abstraction. Spatial contexts are characterised as important components of the information picture of the world, situationally related to a certain block of knowledge, appearing in the interrelation and interaction of external and internal contexts of subject-material and spiritual activity of a person. On the basis of a conceptual-structural analysis of spatial parameters of representation of the internal context of the subject of cognition the ways of spatial-visual interpretation of world phenomena at different levels of sensual and rational perception are revealed; types and cognitive functions of spatial contexts of knowledge representation are characterised. Performing an important cognitive function of actualization, support and regulation of the format of event perception, the spatial context performs the function of immersion in the associative zone of the actualized block of knowledge, embedding it in wider contexts, thus expanding the possibilities of analysis and interpretation of the researched area

Keywords: space, perception, visualization, conceptualization, representation, level of abstraction, geometric image, interaction.

В дискурсивной практике современного социума термин «контекст» имеет довольно широкое употребление и в сфере гуманитарного знания, и в повседневной коммуникации. Существуют различные классификации видов контекстов в зависимости от направления и онтологической сферы исследования (социально-исторический, культурный, эстетический, художественно-стилистический) [Доминикан, 2017, Федюченко, 2020]. В самом широком понимании контекст представляет *среду существования/функционирования* какого-либо объекта в координатах определенной *системы отсчёта/измерения*. Принято также выделять внешний контекст предметного мира как внешнее окружение интерпретируемого объекта/ситуации и внутренний контекст в виде внутренних связей и отношений элементов этого объекта. В психологии особую значимость имеет внутренний контекст субъекта познания, понимаемый как внутренняя рефлексия.

С когнитивной точки зрения контексты выступают как важные составляющие информационной картины мира, образующие концептуальные поля, ситуативно связанные с определенным блоком знаний, соотносимым с когнитивной, эмоционально-психологической и аффективной сферой сознания человека. [Залевская, 2014].

Актуальность обращения к исследованию категории пространственного контекста обусловлена когнитивной значимостью пространственной составляющей процесса визуализации знания различного уровня абстрактности, обусловленной технологическими возможностями современного цивилизационного периода. Предметом нашего исследования является пространственный контекст, его виды и функции при репрезентации знаний различного уровня абстракции, представленный в сфере научного, обыденного и художественного сознания.

В широком понимании категории контекста в сферу внутреннего контекста (в отличие от внешнего предметного, ситуативного контекста актуализируемого блока знания) следует включать физиологическую, эмоционально-психологическую и рационально-логическую составляющие. Исходя из общепринятой классификации онтологических видов пространства: физическое, реальное; перцептуальное, соотносимое с обыденным и художественным сознанием; концептуальное, математическое, формально-логическое, соотносимое с научным знанием, можно выделить три вида пространства внутреннего контекста: физическое (физиологическое, физические ощущения), перцептуальное (эмоционально-психологическая сфера) и концептуальное.

Таким образом, при онтологической характеристике внутреннего контекста можно говорить о физиологическом, биологически обусловленном контексте, эмоционально-психологическом и концептуальном контексте репрезентации блока знания. Во всех этих случаях актуализируются соответствующие паттерны пространственно-визуальной репрезентации знаний, обусловленные условиями, способами получения, обработки и хранения знаний.

О «пространственности» биологической репрезентации внутреннего контекста (на биологическом уровне) можно говорить, исходя из понятия «проприоцепции» как ощущении положения собственного тела в пространстве. Характерно, что физиологические ощущения, например, болевые (*болевые точки*) имеют также определенную локализацию в «пространстве тела» человека. В обыденном представлении локализация чувств/ чувственной сферы связана с сердцем, разум локализуется в голове человека. Распространено схематическое линейно-графическое изображение фигуры человека в значении «субъект действия». Пространственная структура человеческого тела ассоциирована с оппозициями «верх – низ», не говоря уже о функции «луктя», «шага» выступать в качестве пространственной меры длины. Кинемы лица, конфигурации позы тела, жестикация выступают в роли естественных маркеров характера

внутреннего физиологического и эмоционального состояния человека. Эти антропоморфные характеристики (конфигуративные элементы) могут рассматриваться как определенный пространственный контекст телесной репрезентации знания / информации о состоянии организма, но также и выступать в роли пространственных эталонов восприятия мира. Телесный образ человека в целом входит в арсенал пространственно маркированных средств репрезентации внутреннего контекста на различных уровнях абстрактности.

Другой вид пространственного контекста репрезентации знания о физиологическом состоянии организма человека опосредован техническими средствами. Такой технологически обусловленный, инструментальный контекст (инструментально-предметный) получения знания представляет собой внешний по отношению к физическому состоянию организма предметный контекст (лабораторное оборудование, техника). На этой основе реализуются соответствующие способы пространственной репрезентации получаемого знания о физиологическом состоянии организма человека (в виде визуально-пространственной кардиограммы, эхограммы, энцефалограммы).

Пространственный контекст репрезентации понятийно-логической сферы отражает особенности и уровни абстрактности знания (логические, математические категории), но также уровень эмпирических понятий обыденного сознания, с которым принято связывать воплощаемые в обыденном языке понятия статуса общих представлений [Войшвилло, 1989, Поланы, 1995]. Репрезентация концептуального пространства, в виде математического, формально-логического, соотносимого со сферой научного знания, базируется на системе категорий высокого уровня абстрактности (математические знаки, логические символы). С этой точки зрения данные графические знаки (визуально воспринимаемое «тело» знака) выступают в качестве пространственного контекста репрезентации абстрактного научного понятия. Графические образы различного типа в целом составляют важный аспект научного дискурса, как средство научной аргументации, как средство визуализации научных понятий и идей. К таковым, например, относятся пространственно-графические образы «двойная спираль» и «лента Мёбиуса» при описании в психологическом аспекте взаимосвязи внутреннего и внешнего контекстов репрезентации знания [Залевакая, 2014]. Важную роль при этом играет научная метафора, актуализирующая пространственные параметры метрического и топологического типа.

Графические схемы, фиксирующие внутренние пространственные отношения и внешние связи объектов, несут значительную когнитивную нагрузку при репрезентации понятийной сферы. Особую значимость при этом проявляют геометрически маркированные паттерны визуализации, прежде всего элементарные геометрические понятия (точка, линия, круг, квадрат, спираль), которые обладают особой наглядной данностью, будучи встроенными в сознание человека.

Исследования показывают, что эталонный характер приобретают в сознании человека и предметно маркированные образы (предметы бытового назначения: стакан (дом – стакан), чашка, вилка; бутылка (ноги бутылочкой); веер (веер ресниц)). Важную роль играют предметы практического употребления, значимые в той или иной социальной сфере жизни общества.

Дневник школьный (в его печатном формате) представляет собой один из ключевых социальных объектов доцифрового учебно-образовательного временного цикла, фиксирующий объемы и результаты выполненных заданий по дням учебной шестидневной недели. Это графическая таблица, соотносимая со днями недели при визуальном выпадении выходного дня. Характерно, что пространственно-маркированные и закрепленные в визуально-графическом восприятии за десятилетний период учебы временные ассоциации, ассоциации дней недели с

графической структурой дневника, сохраняются в сознании их пользователей – людей старшего поколения, можно сказать, всю жизнь.

Система пространственной репрезентации мира на уровне обыденного сознания отличается разнообразием средств и параметрических характеристик пространства, выделяющих особенности локализации, пространственного взаиморасположения и направления перемещения объектов в пространстве. Когнитивная функция пространственных образов на уровне обыденного сознания осуществляется во взаимодействии двух факторов – системно-структурного и психологического, особенностями которого является эффект конвертируемости понятий и представлений, нежесткий характер восприятия и структурирования пространственного образа, значимость эмпирического опытного знания.

[Войшвилло, 1989]. Характерно, что репрезентация элементов внутреннего контекста, пространства внутреннего мира, во многом осуществляется на базе актуализации пространственно-ориентационных схем восприятия человеком внешнего мира.

Пространственные контексты репрезентации сферы художественного сознания отличаются большим функционально-семантическим разнообразием и способами пространственно-визуальной интерпретации явлений мира на различных уровнях чувственного и рационального восприятия. Отличительной особенностью художественной картины мира является эмоциональная насыщенность и метафоричность выражения. *«Мирозданье лишь страсти разряды, человеческим сердцем накопленной»* (Б. Пастернак. Определение творчества). По существу, эти слова определяют особый тип пространства, репрезентируемый в художественной семантике, и соответствующие способы /контексты репрезентации художественного мира. Павел Флоренский выделял особый тип пространственности, определяя художественное пространство как «психофизиологическое пространство» [Флоренский, 2000, с. 285], условно противопоставляя физическому и евклидову геометрическому. На уровне художественного сознания мы имеем дело с языковой репрезентацией пространства в целом как пространства иного измерения – эмоционально-оценочного(аффективного). Именно в художественном тексте категория пространственности получает широкое метафорическое преломление и составляет особую основу «интеллектуальной визуализации» невидимого, ненаблюдаемого, проникновения в сферу духовного освоения человеком окружающего мира и пространства его внутреннего мира. Когнитивный анализ особенностей пространственных контекстов репрезентации художественных образов показывает, что авторская идея реализуется в особого рода метафоризируемой пространственности как на базе концептуально-метафорического переосмысления натуробъектов физического пространства (*Сады выходят из оград, колеблется земли уклад. Они хоронят Бога* (Б. Пастернак) или абстрактно-логических конструктов (*Умереть, бросить семью. Уехать. Дать вписать другие овалы в четырехугольник...* (И. Бродский).

Характерно, что метафорические пространственные контексты в художественной сфере могут выстраиваться на основе своеобразного семантического синкретизма психофизиологического и концептуально-логического, отвлеченно-абстрактного пространства: *зривастая кривая* у М. Цветаевой; *края музыки гранятся* у А. Ахматовой. Так, у М. Цветаевой в цикле «Ученик» идея ложного пути воплощена на основе смены пространственных образов твердых холмов, зыбучих песков и бушующих волн, предстающих в контексте нарастающей динамики агрессивных физических ощущений (*по пескам, жадным и ржавым; под лучом, жесущим и пьющим; по волнам, лютым и вздутым; под лучом, гневным и древесным*).

Пространственный контекст выполняет важнейшую интерпретативную функцию в процессе визуализации знания, репрезентации абстрактной идеи во всех областях человеческой деятельности.

Пространственность репрезентации знаний можно рассматривать на уровне концептуальных полей внешнего и внутреннего контекстов в их взаимосвязи и взаимодействии. В качестве важного механизма пересечения внешнего и внутреннего контекстов выступает пространственно-ориентационная система человеческого сознания, в которой особо значимыми являются геометрические образы. Примечательно, что общая пространственно-ориентационная система используется при репрезентации элементов внутреннего мира, элементов интеллектуальной (когнитивной) и эмоционально-психологической сферы.

Геометрическая схематизация на основе графики выступает в качестве важного элемента обобщения и пространственно маркированного способа репрезентации знания на уровне внешнего и внутреннего контекстов. Геометрические образы часто используются в качестве средств научной аргументации и т.д., а также как способ репрезентации научной концепции, научных воззрений, что находит отражение в этимологии (время – от *vertmen* «вращаться», нем. *Zeit* от *ziehen* «тянуться»), актуализирующие образы круга и линии).

Пространственные контексты выступают в качестве маркеров определенного стиля мышления и направления в искусстве. При этом имя представителя или создателя того или иного направления приобретает символическое значение и может выступать в качестве актуализатора пространственных особенностей стиля (характерных пространственных образов и конфигураций). Например, Мондриан, Евклид и т. д. На этом эффекте может строиться художественная метафора. Так, у И. Бродского: *Победа Мондриана, за стеклом пир кубатуры. Воздух или выпит под девяносто градусов углом, иль щедро залит в параллелепипед*. В данном случае не только названия пространственных элементов, но и само прецедентное имя может рассматриваться как символически опосредованный способ репрезентации не только особенностей внешнего контекста, но и концепции в целом.

Анализ видов пространственных контекстов репрезентации знания на уровне научного, обыденного и художественного сознания позволяет определить основные критерии их выделения:

1. Онтологический аспект (субстанциональный аспект), актуализирующий

- онтологические особенности пространства (физическое, перцептуальное, концептуальное);
- онтологические характеристики пространственных объектов (объекты реального физического природного пространства и артефакты – материальные объекты предметного окружения);
- образы сознания (геометрические и предметно-маркированные эталоны, пространственные конфигурации, входящие в систему пространственно-практической ориентации, встроенную в сознание человека);
- графические пространственно-визуальные схемы;
- визуальные перцептограммы;
- компьютерная визуализация
- ассоциативные иллюстрации

2. Способы актуализации пространственных параметров репрезентации знания:

- на основе актуализации неклассических представлений;
- на основе приемов динамизации статичных объектов;

- на основе трансформации пространственного образа и нарушения общего денотативного фона ситуации;
- на основе реализации символического значения.

Функциональная значимость пространственного контекста репрезентации знания обусловлена важным, отмечаемым в современной науке свойством фрактальности, которая обеспечивает воспроизведение смысловой доминанты интерпретируемого события на различных уровнях и в различных видах визуализации.

Выполняя важную когнитивную функцию актуализации, поддержки и регуляции формата восприятия события, пространственный контекст осуществляет функцию погружения в ассоциативную зону актуализируемого блока знаний, встраивая его в более широкие контексты, расширяя тем самым возможности анализа и интерпретации исследуемой области.

Литература:

- Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ / Е. К. Войшвилло. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 239 с.
- Доминикан А. И. Виды контекстов при разных научных подходах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2017. № 4. С. 125-131.
- Залевская А. А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.; Берлин: Изд-во Директ-Медиа, 2014. - 328 с.
- Поланы М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. – М., 1995.
- Федюченко Л. Г. Визуальный контекст как форма репрезентации технического знания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 1. С.324-329.
- Флоренский П. А. Анализ пространственности в художественно изобразительных произведениях // Флоренский П. А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. С. 81—390.

References:

- Vojshvilo E. K. Ponjatie kak forma myshlenija: logiko-gnoseologicheskij analiz / E. K. Vojshvilo. – М.: Izd-vo MGU, 1989. – 239 s.
- Dominikan A. I. Vidy kontekstov pri raznyh nauchnyh podhodah // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija “Filologija”. 2017. № 4. S. 125-131.
- Zalevskaia A. A. Chto tam – za slovom? Voprosy interfejsnoj teorii znachenija slova. М.; Berlin: Izd-vo Direkt-Media, 2014. - 328 s.
- Polan’i M. Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii / Pod red. V. A. Lektorskogo, V. A. Arshinova; per. s angl. M. B. Gnedovskogo, N. M. Smirnoj, B. A. Starostina. – М., 1995.
- Fedjuchenko L. G. Vizual’nyj kontekst kak forma reprezentacii tehničeskogo znanija // Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. Tom 13. Vypusk 1. S.324-329.
- Florenskij P. A. Analiz prostranstvennosti v hudozhestvenno izobrazitel’nyh proizvedenijah // Florenskij P. A., svjashhennik. Stat’i i issledovanija po istoriii i filosofii iskusstva i arheologii / Red. igumen Andronik (A. S. Trubachev). М.: Mysl’, 2000. S. 81—390.

Третьякова Т. П., Яковлева М. С.

Санкт-Петербургский государственный университет

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ЗАГОВОРА КАК ОДНОГО ИЗ ТИПОВ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА

Оригинальные медицинские тексты на древнеанглийском языке, представлены разными жанрами, но когнитивно-дискурсивные основания анализа позволяют объединить их в рамках единой схемы отношений через связь <текст-человек> в определённом коммуникативном пространстве. При этом указанная связь реализуется и в ситуации непосредственного общения, и предполагает наличие некой субстанции, реальной или метафизической. На материале одного из рецептов лечебника *Lacnunga* показано, что использование особого магического текста *galdor*, в контексте предписанного ритуала мыслится как равносильный лекарственному препарату вариант лечения. Продемонстрировано, что репрезентация ритуала дублируется как в номинации ситуации непосредственных действий над пациентом, так и в стихотворном тексте ритуала.

Ключевые слова: древнеанглийский медицинский текст, заговор, когнитивная модель, историческая прагматика

Tatyana Tretyakova, Maria Yakovleva

Saint Petersburg State University

COGNITIVE AND DISCURSIVE GROUNDS FOR IDENTIFYING CHARMS AS ONE OF THE TYPES OF OLD ENGLISH MEDICAL TEXT

The original medical texts in Old English are represented by different genres, however, the common feature of which can be identified on the basis of cognitive-discursive approach of analysis as there is a single scheme of relations recognized through the <text-person> link in a certain communicative space. At the same time, this link is realized in the situation of direct communication and it presupposes the presence of some substance, real or metaphysical. The material of one of the recipes of the *Lacnunga* healing book represents the use of a special magical text *galdor*, in the context of the prescribed ritual, thought of as a treatment option equivalent to a medicine. It is demonstrated that the representation of the ritual is duplicated both in the nomination of the situation of direct actions on the patient and in the poetic text of the ritual.

Keywords: Old English medical text, *galdor*, cognitive model, historical pragmatics

Медицинские сочинения средневековой Англии (VIII–XI вв.), представленные текстами разных жанров (сборники рецептов и описаний симптомов болезни; травники; а также отдельные тексты, заметки на полях или вставные эпизоды в литературе) объединены единой схемой коммуникативных отношений — а именно передачей знания того, как справиться с неблагоприятным для здоровья состоянием. Историческая прагматика даёт основания рассматривать подобные тексты удалённых от нас эпох как дискурсы, поскольку в них

содержится информация, область применения которой предполагает потенциальную адресность текстов, предполагающую их практическое понимание. Этот фактор и позволяет рассматривать данный ареал текстов как дискурс в рамках функциональной значимости ([Арутюнова 1990, Чернявская 2012, Третьякова 2014]). Типы адресатно-адресантных отношений участников ситуации исцеления опосредованы знанием, полученным интерпретатором из текстов при их декодировании.

Особый интерес представляют неперевоженные тексты, составленные собственно англосаксами и не возводимые целиком к латинским или иным источникам. Прежде всего, это «Лечебник» в трёх частях (*Bald's Leechbook (I, II), Leechbook III*), содержащийся в рукописи *British Library Royal 12. D. xvii* и датируемый началом X века, где описаны лекарственные средства, симптомы болезней и рецепты, а также сборник рецептов, заклинаний и молитв *Lacnunga* («Лекарства»), содержащийся в рукописи *British Library Harley MS 585* (X–XI вв.). Материал этих текстов позволяет говорить о древнеанглийской практике исцеления, а также создать модель дискурсивной ситуации практики исцеления, основанной на медицинском знании, накопленном в VIII–XI вв. Именно знание и воля к обладанию информацией, которую можно использовать для исцеления от болезненных состояний, позволяют рассматривать медицинские тексты как часть практики исцеления. Разные текстовые жанры рассматриваются как дискурсы, являющиеся практикой в рамках определённой дисциплины как системы знаний — медицины.

Отношения участников ситуации исцеления реализуются посредством процедуры интерпретации дискурса, зафиксированную в тексте как медицинский ритуал. Сама интерпретация предполагает создание модели как схемы представления процедуры участников и интерпретаторов практики на основе принятых норм. Репрезентация ритуала одновременно происходит и в сознании, и в языке. Основой для такого представления является отношение интерпретации семантических инструкций коммуникативного взаимодействия, отражающего субъектно-субъектные отношения.

Когнитивно-дискурсивный подход к изучению рецептов в древнеанглийских лечебниках позволяет изучить структуру знания англосаксов о причинах и способах лечения болезней и неблагоприятных состояний и представить её посредством когнитивных фреймовых моделей. Это становится возможным, поскольку в таких рецептах предписывается вербальное и невербальное сопровождение процедуры исцеления. Фрейм в данном случае рассматривается с позиции семантики Ч. Филлмора [Филлмор 1988; Baker, Fillmore 2012] и понимается как структурированная единица знания об отражаемом объекте или событии, включающая не только знания об объектах и их связях, но также определённый когнитивный контекст.

Цель настоящей статьи — показать когнитивные основания для одной процедуры в древнеанглийской медицинской практике, а именно практики чтения или распева особого текста, наделяемого магическим значением. Для этого на материале одного рецепта из лечебника *Lacnunga* (нач. XI в.) покажем, как концептуализируются процесс и результат лечения, и определим динамические связи, возникающие в дискурсивной ситуации практики исцеления.

Рецепт *Wið lætbyrde* ‘От тяжёлых родов’ называется так по первым словам; в нём описывается, какие действия должна предпринять женщина при сложной беременности, в частности, приводятся тексты так называемых *galdor*, одной из разновидностей подобного магического текста, которые ей нужно произнести. Этимологически это древнеанглийское слово восходит к глаголам *galan*, *galdran* ‘петь, кричать’ [Orel 2003: 123–124]; родственным ему является древнескандинавский термин *galdr*, обозначающий заговор, который пелся во время определённого ритуала. Все известные нам древнеанглийские *galdor* дошли до нас в

письменном виде: либо в составе лечебников как составляющая рецепта, либо на полях или свободном листе рукописи, без очевидной связи с предшествующим/последующим текстом. Современные исследователи могут судить о характере звучания таких текстов лишь по косвенным признакам (наличию ритма, поэтической составляющей, строению сюжета). В рецептах лечебников эти тексты могут называться также *gebed* ‘молитва’ или *word* ‘слова’ (в зависимости от контекста, синоним *galdor* или *gebed*). Этот текст наделяется участниками ситуации исцеления магическим значением и мыслится как равносильный лекарственному препарату вариант лечения. Это подтверждается наличием в лечебниках вариантов рецепта для лечения одного и того же неблагоприятного состояния, один из которых описывает изготовление и применение лекарства, а другой приводит некий текст и обстоятельства его использования. Таким текстом может выступать каноническая христианская молитва, отдельное слово, текст на латыни, древнеанглийском или смеси языков [Grendon 1909: 182]. Восприятие указанной процедуры англосаксами как действенной объясняется верой в силу произнесённого слова, характерной для медицины раннего Средневековья [Ненарокова 2017: 884].

Англоязычные исследователи *galdor* интерпретируют их как *charm* (например, стихотворные *galdor* изучаются строго как *metrical charms*); вместе с тем, слово *charm* используют и для описания комплексного текста (*galdor* + описание ритуала), а также используют в качестве синонима слова *spell* и *incantation* (ср. [Grendon 1909: 105–110, Cameron 1993: 185]). В качестве русского эквивалента этого слова далее примем слово «заговор»: во-первых, это понятие означает особые слова, которые говорящий наделяет магической силой, которые шепчет или наговаривает над объектом ритуала субъект ритуала; во-вторых, предполагается, что субъект ритуала, произнося эти слова, уверен, что процесс произнесения помогает достичь желаемого благоприятного эффекта (излечения, защиты, урожая и др.).

На основе структурно-семантического подхода к анализу текста как сложного синтаксического целого, сформулированного в [Гальперин 2006; Реферовская 1989], в тексте рецепта выделяются пять сверхфразовых единств (СФЕ), каждое из которых содержит отдельный заговор и описание сопровождающих его произнесение действий. Рассмотрим их последовательно.

В первом СФЕ описывается ситуация, когда «женщина не может накормить ребёнка». В прозаическом пояснении (а) описывается ритуал, который нужно выполнить: женщина должна пойти на могилу (*byrgenne*), переступить её трижды и затем произнести стихотворный заговор (a1-3):

(a) *Se wifman, se hire cild áfédan ne mæg, gange tó gewitenes mannes birgenne and stæppe
bonne þriwa ofer þá byrgenne and cweþe þonne þriwa þás word:*

- (a1) *þis mé tó bóte þære láþan lætbyrde,*
(a2) *þis mé tó bóte þære swæran swærbyrde,*
(a3) *þis mé tó bóte þære láðan lambyrde*⁵¹.

Актером (и адресантом) в этом СФЕ выступает женщина (*wifman*), поскольку она выполняет указанные действия в (а), в том числе произносит заговор, а заговор (a1-3) составлен от первого лица (*þis me to bote* ‘это мне средство’); адресат нулевой (не указан объект ни в прозаической, ни в стихотворной частях СФЕ).

⁵¹ (а) Пусть женщина, которая не может прокормить своего ребёнка, пойдёт на могилу умершего человека и переступит трижды через эту могилу, и скажет трижды слова:

(a1) это мне средство от ненавистных поздних родов,

(a2) это мне средство от тяжких тяжёлых родов,

(a3) это мне средство от ненавистных неудачных родов. (Здесь и далее перевод наш.)

Связь между прозаической и стихотворной частями СФЕ обеспечивается при помощи анафорического отношения между описанием действий актора — *gange tó ... birgenne, stæppe ... ofer þá byrgenne* в (а) — и местоимением *þis* в начале каждой из строк (а1-3), отсылающим к этим действиям; а также связи между словосочетанием *þás word* (а) и самим разговором.

В прозаической части СФЕ описано неблагоприятное состояние (*se wifman, se hire cild áfédan ne mæg*), перечислены действия, которые нужно предпринять для исцеления, употреблены глаголы сослагательного наклонения в форме ед. ч. (*gange, stæppe, cweþe*). Трёхстишие, которым представлена стихотворная часть СФЕ, построено в соответствии с ритмическим канонам древнеанглийской поэзии: строки разделены на два полустишия цезурой, в каждом полустишии несколько ударных слогов. Не полностью выдержана система аллитерации: между собой соотносятся ударные слоги в каждом чётном полустишии (в приведённом выше тексте выделены жирным).

Второе СФЕ содержит общее предписание для действий беременной женщины — в прозаическом вступлении есть только указание «когда женщина с ребёнком» (*séo mid bearne*). В прозаической части (b) описывается условие, при котором следует произносить заговор, а именно — женщина идёт на ложе к мужу (*on reste gá*): (b) *And þonne þæt wif séo mid bearne and héo tó hyre hláforde on reste gá, þonne cweþe héo*. Таким образом, он ориентирован на применение в конкретной ситуации. Сам заговор состоит из трёх строк:

(b1) *Up ic gonge, ofer þé stæppe*
(b2) *mid cwican cilde, nales mid cwellendum,*
(b3) *mid fulborenum, nales mid fégan*⁵².

Актером в описываемой в СФЕ ситуации выступает женщина — *wif* ‘жена’. Формальным адресатом в тексте заговора выступает *hláford* ‘муж’ (ср. *ofer þé stæppe* ‘переступаю через тебя’ (b1). Вместе с тем речь адресанта не подразумевает возможности ответа — заговор построен как утверждение об уже случившемся.

Актор называет в (b1) выполняемые действия, указанные в (b): *Up ic gonge, ofer þé stæppe* ‘Я поднимаюсь, через тебя переступаю’ = *þæt wif ... tó hyre hláforde on reste gá* ‘эта женщина ... идёт на ложе к мужу’. За счёт этого в СФЕ формируется два пространства, условно, «реальное» (где актер выполняет действия и произносит слова заговора) и «виртуальное» («магическое», где действует своего рода двойник актора).

Структура строк (b2-3) единообразна: нечётное полустишие описывает желательный исход (*mid cwican cilde, mid fulborenum*), чётное — нежелательный (*mid cwellendum, mid fégan*). Заговор также соответствует канонам аллитерационной поэзии, хотя аллитерация между полноударными слогами обнаруживается только в (b2-3).

Третье СФЕ состоит из двух прозаических частей. В первой части содержится предписание, что делать беременной женщине, когда она чувствует, что ребёнок шевелится: (с) *And þonne séo mórde geféle þæt þæt bearn sí cwic, gá þonne tó cyrican, and þonne héo tóforan þán wéofode cume, cweþe þonne* ‘И когда мать почувствовала, что ребёнок жив, пусть пойдёт в церковь и там пройдёт к алтарю, скажет тогда’; вторая часть содержит сам заговор — фразу: (c1) *Criste, ic séde, þis gecýþed!* ‘Христу, я сказала, это объявлено!’. В качестве итогов лечения в

---

52 (b) И когда эта женщина с ребёнком и идёт на ложе к мужу, тогда пусть она скажет:

(b1) Я поднимаюсь, через тебя переступаю,

(b2) с живым ребёнком, совсем не с умирающим,

(b3) с хорошо рождённым, совсем не с обречённым.

этом СФЕ выступает «объявленность Богу» — вероятно, это отсылает к некому народному верованию, согласно которому то, что известно Богу, находится под его защитой. Связь между частями СФЕ осуществляется при помощи анафорического отношения между описанием ощущений актора в (с) и местоимением *þis* в (с3), отсылающим к этим действиям: *þis = þæt bearn sí cwic*. Актором в обеих частях СФЕ выступает *móðor* ‘мать’; в прозаической части (с) прослеживаются предписываемые ей перемещения: в церковь (*gá tó cyrican*), к алтарю (*tóforan wéofode*). Речь актора (с1) не обращена к адресату непосредственно, однако адресат (Христос) восстанавливается из контекста — места действия (с) и упоминания (с1). Как и в других СФЕ рецепта, заговор (с1) обладает ритмом и аллитерацией; однако представляется, что на масштабе одной строки сложно судить о сознательном использовании этих средств.

Четвёртое (d) и пятое (e) СФЕ представляют собой рецепты по избавлению от неблагоприятного состояния — когда женщина не может «прокормить» ребёнка (*bearn áfédan ne mæge*). Они различаются между собой описанием ритуала и текстом заговора. Приведём целиком четвёртое СФЕ:

(d) *Se wifmon, se hyre bearn áfédan ne mæge, genime heo sylf hyre ágenes cildes gebyrgenne dæl, wry̅ æfter þonne on blace wulle and bebicge tó cêpemannum and cweþe þonne:*

(d1) *Ic hit bebicge, gè hit bebicgan,*

(d2) *þás sweartan wulle and þysse sorge corn*⁵³.

Актором и адресантом в четвёртом СФЕ выступает *wifmon* ‘женщина’, адресатом — *ceretenn* ‘торговцы’. Рецепт предписывает актору выполнить ряд действий в нескольких местах: взять землю на могиле своего ребёнка (*cildes gebyrgenne*), завернуть в чёрную шерстяную материю и продать её торговцам, а также произнести стихотворный заговор (d1-d2), в котором также описывается процесс торговли. Таким образом, актор одновременно выполняет действие продажи в «реальном» и «виртуальном пространстве», но в первом случае продаёт свёрток шерсти, а во втором — *sorge corn* ‘зерно печали’. Связь между прозаической и стихотворной частями СФЕ обеспечивается анафорически при помощи неоднократного названия этого ритуального предмета действий: *cildes gebyrgenne dæl + blace wulle = sweartan wulle and sorge corn*, а также местоимения *hit* в (d1), отсылающего к этим же выражениям.

Стихотворный заговор (d1-2) также построен по правилам аллитерационной поэзии.

В пятом СФЕ (e-f) предлагается другой, более подробный вариант исцеления в той же ситуации, что описана в фрагменте (d). Это СФЕ имеет рамочную структуру: заговор (e1-3) помещён внутри описания ритуала, состоящего из двух частей (e, f):

(e) *Se wifman, se ne mæge bearn áfédan, nime þonne ánes bléos cú meoluc on hyre handæ and gesúpe þonne mid hyre múþe and gange þonne tó yrnendum wætere and spíwe þær in þá meolc and hlade þonne mid þære ylcan hand þæs wæteres múð fulne and forswelge. Cweþe þonne þás word:*

(e1) *Gehwér fêrde ic mé þone mæran magapihtan,*

(e2) *mid þysse mæran metepihtan;*

(e3) *þonne ic mé wille habban and hám gán.*

(f) *Þonne heo tó þán bróce gá, þonne ne beséo heo, nó ne eft þonne heo þanan gá, and þonne gá heo in oþer hús oþer heo út oféode and þær gebyrge métes*⁵⁴.

⁵³ (d) Пусть женщина, которая не может прокормить ребёнка, возьмёт часть [земли с] могилы своего ребёнка, затем завернёт в чёрную шерсть и продаст торговцам и скажет тогда:

(d1) Пусть я это продаю, пусть вы это купите,

(d2) эту чёрную шерсть и это зерно печали.

Актором в этом СФЕ является также *wifman* ‘женщина’; адресант нулевой — действия и слова актора не обращены к конкретному лицу. Связь между прозаическими частями СФЕ обеспечивается при помощи анафорического отношения между именованием актора — *wifman* в (е) — и местоимением *heo* в (f). Заговор (e1-3) также связан с прозаическим описанием ритуала — *bearn* (е) соответствует сочетаниям *máran magapihtan* и *máran metepihtan* с указательными местоимениями *hyssse* (e2) и *þone* (e1). Также (e1) связана с (е) катафорой между словосочетанием *þás word* (е) и самим заговором.

В стихотворном заговоре (e1-3) актер указывает на своё перемещение: *gehwér fêrde ic* ‘повсюду я носила’. Этому соответствует перечисление множества мест в (е, f), которые, по требованиям ритуала, нужно посетить актору: *hús heo út oféode* -> *gange tó yrnendum wætere* -> *tó þán bróce gá* -> *gá in óþer hús*.

В строках (e1-3) частично соблюдены правила аллитерационной поэзии: число слогов в первом полустихии (e2) значительно меньше, чем в (e1, 3). Присутствует сквозная аллитерация.

Таким образом, анализ древнеанглийского текста рецепта *Wið lætbyrde* позволяет определить когнитивно-дискурсивные основания для выделения концепта *galdor*. Данный концепт реализуется как стихотворный или ритмизованный заговор, произносимый в ситуации лечения. Ситуация лечения представлена в рамках семантико-синтаксической организации текста *Wið lætbyrde* как отражение процедуры исцеления, реализующейся в сверхфразовых единствах текста, обладающих цельностью и связностью и построенных по определённой схеме/модели. Эта модель включает описание проявления неблагоприятного состояния, которое необходимо вылечить, перечисление действий, которые пациенту предписывается выполнить, в частности, произнести определённые слова; и описание результата лечения.

Особое место в заговоре отводится актору, произносящему заговор и участвующему в интерпретации ситуации в прозаической части текста. Адресатно-адресантные отношения зависят от позиции актора. Адресатом может выступать третье лицо, не принимающее активного участия во взаимодействии, или же адресат может быть вовсе не указан. Отметим, что актер действует одновременно в реальном пространстве, где выполняет физические действия — перемещается по линии: *birgen* ‘могила’-> *hláford* ‘муж’, *hus* ‘дом’-> *cyric* ‘церковь’ -> *wéofod* ‘алтарь’ -> *birgen* -> *cepemenn* ‘торговцы’-> *hús* -> *yrnende wæter* ‘текущая вода’ -> *bróc* ‘ручей’ -> *óþer hús* ‘другой дом’, в миниатюре воспроизводящей различные жизненные этапы, и в «виртуальном», где описывает или подразумевает те же или сходные действия.

Всё сказанное свидетельствует о том, что выделение заговора (*galdor*) в рамках древнеанглийского рецепта возможно с учётом интерпретации смысловых характеристик коммуникативной семантической ситуации и компонентов сверхфразовых единств, когерентность которых проявляется на дискурсивном, семантическом и лингвостилистическом уровнях.

---

⁵⁴ (е) Пусть женщина, которая не может прокормить ребёнка, наберёт молоко одноцветной коровы в ладони и наберёт [из ладоней] в рот и пойдёт к текущей воде, и выплюнет туда молоко, и наберёт той же рукой этой воды полный рот, и проглотит. Пусть говорит эти слова:

(e1) Повсюду я носила этого славного, сильного животом

(e2) [ходила] с этим славным, сильным пищей,

(e3) тогда я хочу получить и пойти домой.

(f) Пусть пойдёт к тому ручью, пусть не оглядывается и не будет увидена, и пусть пойдёт в другой дом, чем тот, из которого вышла, и там поест.

Литература:

- Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М: КомКнига, 2006. 144 с.
- Ненарокова М. Р. Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона III—XI вв. // сб. научн. статей и переводов под общей ред. М. Р. Ненароковой. М.: «Индрик», 2017. 944 с.
- Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Ленинград: Наука, 1989. 167 с.
- Третьякова Т. П. Функциональная семантика и проблема речевого стереотипа: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 1998. 18 с.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII. М., 1988. С. 52-92.
- Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2012. 128 с.
- Cameron M. L. Anglo-Saxon Medicine. Cambridge University Press, 1993. 211 p.
- Fillmore Ch., Baker C. (2012). A Frames Approach to Semantic Analysis // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 313-339.
- Grendon F. The Anglo-Saxon Charms // The Journal of American Folklore. № 22 (84), 1909. P. 105–237.
- Orel V. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden: Brill, 2003. 682 p.
- Tretyakova T. P. Discourse Linguistics and Argumentation as Open Systems / Considering Pragmatics: A Festschrift for Frans H. van Eemeren on the occasion of his 60th birthday. Taylor & Francis, 2014. P. 275-286.

References:

- Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse] / N. D. Arutyunova // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. S. 136-137.
- Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an Object of Linguistic Study]. M: KomKniga, 2006. 144 s.
- Nenarokova M. R. Vozlyublyu slovo kak blizhnego: Uchebnyj tekst v pozdnyuyu Antichnost' i rannee Srednevekov'e: issledovanie sostava shkol'nogo kanona III—XI vv. ["I will love the word as the fellowman": Educational text in Late Antiquity and Early Middle Ages: A study of composition of the school canon of the 3rd — 11th centuries].: «Indrik», 2017. 944 s.
- Referovskaya E. A. Kommunikativnaya struktura teksta v leksiko-grammaticheskom aspekte [Communicative structure of the text in lexical and grammatical aspect]. Leningrad: Nauka, 1989. 167 s.
- Tret'yakova T. P. Funkcional'naya semantika i problema rechevogo stereotipa: avtoref. diss. ... d. filol. n. [Functional semantics and the problem of speech stereotype: Doctoral Thesis Abstract] SPb., 1998. 18 s.
- Fillmore Ch. Frejmy i semantika ponimaniya [Frames and the Semantics of Understanding]// Novoe v zarubezhnoj lingvistike [The New in Foreign Linguistics], vyp. XXIII. M., 1988. S. 52-92.
- Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeystviya [Discourse of power and power of discourse: Problems of linguistic impact]. M.: Flinta, 2012. 128 s.
- Cameron M. L. Anglo-Saxon Medicine. Cambridge University Press, 1993. 211 p.
- Fillmore Ch., Baker C. (2012). A Frames Approach to Semantic Analysis // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 313-339.

- Grendon F. The Anglo-Saxon Charms // The Journal of American Folklore. № 22 (84), 1909. P. 105–237.
- Orel V. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden: Brill, 2003. 682 p.
- Tretyakova T. P. Discourse Linguistics and Argumentation as Open Systems / Considering Pragmatics: A Festschrift for Frans H. van Eemeren on the occasion of his 60th birthday. Taylor & Francis, 2014. P. 2

Ульяницкая Л. А., Шумков А. А.
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет им. В. И. Ульянова (Ленина)

БРЮССЕЛЬСКИЙ ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫЙ МИР

Практически каждый житель Брюсселя владеет двумя или тремя языками. В основном преобладает французский, в широком употреблении находятся также нидерландский и английский языки. Влияние полилингвальности на брюссельский вариант французского языка и другие языки столицы является темой настоящей статьи. В задачи работы входит выявление в бельгийском французском современных заимствуемых иноязычных элементов. Методом исследования избран метод сплошной выборки материала из франкоязычных образцов устной и письменной речи Бельгии. Выявленные примеры показывают очевидное расхождение по нескольким тематическим группам. В отношении англоязычных заимствований можно сделать вывод о том, что их значительная часть вводится во французский язык бельгийскими блогерами возраста 15-30 лет. Учитывая особую роль Брюсселя в политической и общественной жизни Европы, а также обстоятельства полилингвальности, мы полагаем, что в столице Европейского Союза может сформироваться европейский вариант английского языка. В статье впервые высказывается гипотеза о том, что Брюссель, явившийся в свое время центром формирования брюссельского французского (что повлияло на распространение французского языка по всей Бельгии), может оказаться центром формирования особого варианта английского языка, территорией распространения которого станет вся Европа.

Ключевые слова: Бельгия, Брюссель, многоязычие, языковая политика, мультикультурализм

Ulianitckaia Liubov, Shumkov Andrei
St. Petersburg State Electrotechnical University

BRUSSELS MULTILINGUAL WORLD

Practically each citizen of Brussels speaks two or three languages. French prevails, Dutch and English being also widely used. The theme of the present article is the influence of polylinguality on French and other languages of the capital. The task of the work is to reveal modern foreign borrowings into Belgian French. The method of the investigation is the continuous sampling method towards oral and written sources of French language of Belgium. The revealed examples demonstrate an evident divergence over several thematic groups. In relation to the English borrowings one can make a conclusion that a significant quantity of them is introduced into French by Belgian bloggers aged 15-30. Taking into account the special role of Brussels in political and social life of Europe, as well as the circumstances of polylinguality, we believe, that in the capital of the European Union a European variant of English can be formed. In the article for the first time a hypothesis is advanced, that Brussels, which was, in its time, a centre of forming Brussels French (what influenced the spread of French over whole Belgium), can become a centre of forming a special English variant, which will be spread over the whole territory of Europe.

Keywords: Belgium, Brussels, multilingualism, language policy, multiculturalism

Языковая ситуация в Бельгии, в стране с тремя официальными языками, десятками региональных языков и множеством диалектов, прошла долгий путь развития, в ходе которого то один язык, то другой, пользовался большим престижем на территории Бельгии. Два главных языковых союза Бельгии – фламандцы и валлоны – до сегодняшнего дня не могут прийти к согласию и к единой языковой политике, которая бы позволила жителям одной страны, буквально, «понимать друг друга». Политические партии, зачастую с уклоном в правую политику, прибегают к манипуляциям, основанным на языковых вопросах, стремясь укрепить права нидерландского или французского языка, и превознести тот язык или другой над вторым.

Брюссельский столичный регион, сформировавшийся в ходе исторического развития территорий современной Бельгии и оказавшийся во Фландрии, является совершенно особым с точки зрения языковой специфики, и большинство его жителей предпочитает использовать французский язык. В Брюсселе из трех государственных языков официальный статус имеют французский и нидерландский. За Брюсселем закрепилось название Европейской столицы благодаря множеству международных организаций, компаний, объединений, которые выбрали Брюссель местом расположения своих штаб-квартир, головных офисов: НАТО, Европейский парламент, Европейский союз, Европейский фондовый центр и многие другие. Всё это превратило столицу официально трёхязычной Бельгии (французский, нидерландский, немецкий языки) в настоящий «плави́льный котёл» языков и культур. Помимо политических и экономических причин брюссельского многоязычия, имеет весомое значение и социальная составляющая. По оценкам ООН, по состоянию на 2019 год, в Бельгии проживало свыше 2 млн иммигрантов при населении всей страны в 11,7 млн человек. Выходцы из европейских стран, из стран Южной Америки и Северной Африки находят в Бельгии возможность безопасной и профессиональной жизни, постепенно перевоза на место своего проживания членов своих семей, пополняя тем самым языковой и культурный ландшафт страны и в особенности её столицы.

Безусловно, основные официальные языки страны остаются на первом месте по использованию, однако на протяжении последних десятилетий серьёзную конкуренцию им создаёт английский язык. Другими активно используемыми языками Брюсселя можно назвать арабский, испанский, китайский, итальянский, португальский языки. В 2020 году Парламент Брюсселя открыл новый совет по многоязычию, который поощряет использование языков в столице, и по подсчётам которого в Брюсселе проживают около 180 национальностей и говорят на более чем 100 различных языках. Однако это первый случай, когда продвижение многоязычия стало частью министерских забот правительства Брюсселя.

В связи с этим особенно интересно обратить внимание на процессы языкового смещения у билингвов, проживающих в Брюсселе, где не только создаётся некий новый вариант английского языка, названный исследователями европейским английским, но и, возможно, зарождаются новые смешанные идиомы.

Для исследования особенностей смещения языков были изучены статьи новостных сайтов и периодических изданий СМИ: *Le Soir*, *7sur7*, *RTF*, *La Capitale*, *La nouvelle Gazette*, *Nord Éclair*, *L'Avenir*, *L'Echo*, *La Libre*, исследована речь франкоговорящих бельгийских блогеров посредством просмотра видеороликов на платформе YouTube: были проанализированы ролики с таких каналов как *MadebyF*, *Aurela*, *MILKYWAYSBLUEYES* и *YouTube Belgium*, а также тексты песен современных бельгийских реп-исполнителей таких, как *Romeo Elvis* и *Damsó*.

Методом сплошной выборки всего было выявлено 110 лексических единиц, отклоняющихся от нормы французского языка Франции и демонстрирующих языковое смещение, в немалой степени характерное для Брюсселя.

Поскольку большая часть населения Бельгии – фламандцы, нидерландский язык и фламандские диалекты не могли не повлиять на французский язык в Брюсселе. Это объясняет тот факт, что в брюссельском варианте французского языка можно обнаружить слова фламандского происхождения. Как правило, эти слова по своей форме и значению соответствуют фламандским диалектам и употребляются в разговорной речи. Кроме того, в брюссельском французском нередки заимствования из валлонского и пикардийского языков, а также из немецкого и испанского [Журавлева, Ульяницкая, Шумков, 2021, с.485-487]

В результате анализа видеороликов и текстов песен современных бельгийских исполнителей, а также просмотра телевизионных программ удалось выявить, например, такие лексемы: *niscac* (нем.) – круглое печенье; *kot/kotich* (нидерл.) – кладовка, подсобное помещение; *peï* (флам.д.) – фигурка, образец; *gossete* (вал.) – слоеное пирожное, *Sterk!* (нидерл.) – Классно (ый)! Мощно (ый)!; *mariole* (нем.) – выскочка, умник; *un taf* (вал.) – работа; *un ket* (флам.д.) – гопник, хулиган; *être déf* (вал.) – быть под кайфом, находиться в сильном наркотическом опьянении; *nareux* (вал.) – брезгливый; *macasse* (флам.д.) – легкомысленный.

Вероятно, выбор в пользу употребления конкретно этих лексических единиц вместо французских обусловлен территориальным фактором – автор песни, видеоролика или ведущий телевизионной программы проживает в местности, граничащей с немецким, валлонским или фламандским сообществом.

Однако в нашей выборке есть и такие лексические единицы, которые по своей форме и значению стали менее диалектными и стали использоваться в СМИ, электронных периодических изданиях и других публичных сферах. Это такие слова, как: *echt* (нем.) – истинный; *un échevin* (люкс.) – заместитель мэра; *drache* (нид.) – сильный дождь; *bourgmestre* (нидерл.) – бургомистр, мэр; *pistolet* (вал.) – сэндвич с сыром или мясом; *un couac* (флам.д.) – инцидент, конфуз.

Стоит также отметить лексемы, которые имеют французское происхождение, отличаются от французской нормы во Франции. Это лексемы, которые сохранили свою форму, но изменили семантическое значение (семантические дивергенты). Примерами таких лексем могут быть: *griffe* – во Франции переводится как «коготь, царапина», а в Бельгии обозначает «бренд или клеймо»; *encoder* – во Франции имеет значение «кодировать», в отличие от бельгийского значения «записывать»; слово *kit* во французском языке означает «товар, набор», а в Бельгии может обозначать «подарок».

Большинство иноязычных вставок относится к английскому языку. Наибольшее количество английских слов в брюссельском варианте французского языка появилось в течение последних десятилетий. Это связано с подъёмом экономической и политической культуры в столице Бельгии, а также с ролью английского языка в качестве языка-посредника при общении между регионами страны.

Англицизмы во франкоязычном бельгийском сообществе становятся камнем преткновения между теми, кто оправдывает его использование, и теми, кто ему противодействует. В оправдание частому использованию английского языка преподаватель Университета Прованса в Марселе В. Лине написала, что билингвизм (французский и нидерландский) «стоит дорого» [Лине, 2002, с. 287], поэтому фильмы идут с субтитрами, в сфере бизнеса принято говорить на английском, как и вести документацию.

Однако некоторые исследователи XXI века, например, Ж. Кадлек, выдвигают идею о том, что роль английского языка на территории Бельгии – быть союзником в противостоянии французского и фламандского языков [Кадлек, 2004, С. 183-186].

Тем самым, бельгийцы могут использовать английский язык в качестве лингва франка и общаться на нем друг с другом. В Брюсселе знание английского языка гарантирует успех практически во всех сферах жизни.

На основе отобранных из видеороликов примеров лексических смещений французского и английского языков оказалось возможным провести тематическую классификацию англицизмов. Лексические единицы были распределены по следующим тематическим группам: *масс-медиа и шоу-бизнес; красота, мода и одежда; компьютеры и социальные сети; гастрономия; предметы быта и повседневной жизни человека; политическая и административная деятельность*, а также слова, представляющие собой *молодежный сленг*.

Лексемы, относящиеся к сфере масс-медиа и шоу-бизнесу: *shooting* – фотосессия; *vidéo* – видеоролик; *micro* – микрофон; *casting* – кастинг; *clip* – видеоклип; *superstar* – суперзвезда; *show* – шоу; *cameraman* – оператор; *showbiz* – шоу-бизнес; *playlist* – список воспроизведения, плейлист; *feat* – совместная песня; *un live* – прямой эфир;

Большая часть лексических единиц, относящихся к тематической группе «красота, мода и одежда» была выявлена в устной речи блогеров. Это такие слова, как: *look* – наряд, внешний вид; *fashion* – модный; *ear cuffs* – серьги; *make-up* – макияж; *piercing* – пирсинг; *sweater* – свитер; *body* – боди; *skinny* – сильно облегающие джинсы; *t-shirt* – футболка; *oversize* – свободный, просторный; *sweat shirt* – толстовка; *eye-liner* – подводка для глаз; *cosy/cozy* – уютный, мягкий; *shiny* – блестящий; *mix* – сочетание, комбинация; *poncho* – пончо; *dressing* – одежда. Как правило, блогеры в сфере моды, красоты и одежды – это представители молодого населения страны в возрасте от 15 до 30 лет и присутствие в их речи большого количества англицизмов может свидетельствовать об активном использовании английского языка среди молодежи.

Интернет-пространство никак не ограничивает своих пользователей в употреблении тех или иных слов, а тем более в использовании языков. Поэтому в состав тематической группы «компьютерные технологии и социальные сети» вошли лексические единицы, некоторые из которых можно назвать интернациональными, поскольку ими пользуются не только англо- и франкоговорящие пользователи. Это слова: *blog* – блог; *blogueur* – блогер; *webcam* – веб-камера; *flash-back* – воспоминание; *bonus* – бонус; *like* – лайк; *Internet* – Интернет; *fan* – поклонник, фанат; *feedback* – обратная связь; *laptop* – ноутбук; *microblogging* – микроблог; *hashtag* – хештэг; *podcast* – подкаст; *skype* – связываться в скайпе; *digital* – цифровой.

Как и для французов, тема еды для бельгийцев – одна из любимых тем для обсуждения. На просторах электронных версий периодических печатных изданий СМИ Бельгии можно обнаружить статьи, посвященные приготовлению праздничных блюд или незамысловатых рецептов. Несмотря на достаточное количество бельгизмов, обозначающих различные блюда, например, *gossete* – слоеное пирожное, *pain a la grecque* – печенье с сахаром, для называния продуктов питания и блюд бельгийцы используют и англицизмы: *chewing gum* – жвачка, *donut* – пончик с глазурию, *cocktail* – коктейль; *boutique de cupcakes* – лавка с пирожными; *yummy* – вкусный, *cookie* – печенье, *frais food* – свежая еда.

К тематической группе «предметы быта и повседневной жизни человека» отнесены следующие англицизмы: *notebook* – тетрадь, блокнот; *wing* – крыло; *shopping mall* – торговый центр; *stationery* – канцелярия; *booker un date* – забронировать; *shopping* – шоппинг; *game* – игра; *private hotel* – частный отель; *flat* – квартира; *cheap* – дешевый. К этой группе также можно отнести слова, называющие человека, например: *la wife* – жена; *le kid* – ребенок.

Поскольку власти Бельгии стараются не провоцировать конфликт между фламандцами и валлонами, в стране поддерживается фактор «стратегического замещения», который характерен для полилингвизма. В рамках этой стратегии официальные лица при колебании в выборе слова

выбирают англицизм в качестве наиболее предпочтительного варианта. В текстах статей бельгийских СМИ обнаружены англицизмы в сфере политической и административной деятельности: *poll* – голосование; *lockdown* – карантин, режим изоляции; *leadership politique* – политическое лидерство.

Наиболее многообразной и репрезентативной является речь молодежи. В ходе анализа текстов песен современных бельгийских реп-исполнителей удалось выявить англицизмы, представляющие собой молодежный сленг. Это такие слова и выражения, как: *les lovez* – бабло; *kicker* – соскочить, перестать употреблять наркотики; *crew* – банда; *mic* – микрофон; *beat* – кач, бит; *taper des flowz* – ускорить читку, речитатив; *tipz* – лайфхаки, советы; *babe* – детка; *boy* – чувак; *blunt* – косяк.

Брюссельский вариант французского языка наиболее проницаем для английских форм. Столица обладает колоссальным международным значением, в ней работает множество носителей английского языка из США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии; многие компании, как уже отмечалось, склонны вести свое делопроизводство на английском языке. Очевидно, что английский язык Брюсселя проникает во все сферы жизнедеятельности Бельгии в целом. Смещение наблюдается не только на лексическом, но и на грамматическом уровне. Так, нами выявлены словосочетания и предложения, в которых франкоговорящие бельгийцы комбинируют оба языка, например:

- *On va faire shopping dans un luxury outlet.* – Мы отправимся за покупками в люксовый магазин.

- *J'ai pas d'cash sur moi.* – У меня нет с собой наличных денег.

- *Bienvenue sur «...» airlines.* – Добро пожаловать на борт «...» авиалиний.

- *Je vous cela montrera dans ma next vidéo.* – Я покажу вам это в своем следующем видеоролике.

- *Un bad example.* – Плохой пример.

- *Le bug de l'an 2000.* – Дефект 2000 года.

- *Il est midnight.* – Полночь.

- *Come on! Dépeche-toi!* – Давай же! Поторопись!

- *Mettre un petit like.* – Поставить лайк.

Тем самым можно заключить, что франкоговорящее население Бельгии и, в особенности, Брюсселя, имеет тенденцию все чаще использовать в своей речи англицизмы. Поскольку в наибольшей степени эта тенденция свойственна молодежи, не исключено, что проникновение английского языка на территорию Бельгии будет стремительно увеличиваться, что приведет к его большей популяризации. При этом роль Брюсселя как своего рода «полигона» для «обкатки» того или иного лексического или грамматического заимствования остается главенствующей. Не исключено, что нидерландско-французский билингвизм будет сменяться англо-французским. В известной степени этому могут поспособствовать иммигранты, прибывающие из стран, где официальными языками являются английский или французский. В таких уникальных условиях вполне можно ожидать развития так называемого европейского английского. Однако в брюссельском полилингвальном мире продолжают формироваться и локальные варианты нидерландского и французского языков, в которых обнаруживаются элементы как из автохтонных языков и диалектов Бельгии, так и из языков иммигрантов. Изначально нидерландоговорящий Брюссель стал в свое время центром формирования

брюссельского французского, что повлияло на распространение французского языка по всей Бельгии. Можно гипотетически предположить, что вслед этому опыту Брюссель окажется центром формирования особого варианта английского языка, территорией распространения которого станет вся Европа.

Литература:

- Журавлева О. М., Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Исторический обзор языковой ситуации в Брюсселе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 2. С. 484-491.
- Lignée V., Bretegnier A., Ledegen G. Sécurité/insécurité linguistique. Terrains et approches diversifiés, propositions théoriques et méthodologiques. Actes de la 5ème Table Ronde du Moufia. Paris: L'Harmattan, 2002. 287 с.
- Kadlec J. Particularités lexicales du français de Belgique. Actes du 8e Séminaire international d'études doctorales 5-7 février 2004. С. 183-186.

References:

- Zhuravleva O. M., Ulyanickaya L. A., Shumkov A. A. Istoricheskij obzor yazykovej situacii v Bryussele [Historical review of the language situation in Brussels] / Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice] 2021. Vol 14/2. P 484-491.
- Lignée V., Bretegnier A., Ledegen G. Sécurité/insécurité linguistique. Terrains et approches diversifiés, propositions théoriques et méthodologiques. Actes de la 5ème Table Ronde du Moufia. Paris: L'Harmattan, 2002. 287 p.
- Kadlec J. Particularités lexicales du français de Belgique. Actes du 8e Séminaire international d'études doctorales 5-7 février 2004. P. 183-186.

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В РУССКОЙ РЕЧИ БИ-ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫХ ДАГЕСТАНЦЕВ

В представленной статье исследуются дискурсивные маркеры из дагестанских языков в русской речи би-полилингвальных дагестанцев с целью установления частеречного состава данных языковых единиц, выявления причин их появления и определения функций, выполняемых ими в дискурсе. В лингвистическом кавказоведении нет пока ни одного исследования, посвященного дискурсивным маркерам ни в дагестанских языках, ни в русской речи дагестанцев. Данное исследование проводилось на материале письменной русской речи (получен из русскоязычных художественных произведений билингвальных дагестанских писателей) и устной русской речи (авторские записи русской речи би-полилингвальных дагестанских студентов). Применялись методы включенного наблюдения и выборки материала из художественных текстов. Для обработки полученных результатов использовались количественные подсчеты и разновидности лингвистического анализа: структурно-семантический, стилистический, дискурсивный. Проведенное исследование позволило выявить новую, не отмеченную в имеющихся исследованиях, функцию дискурсивных маркеров – функцию разрешения конфликта между этнической самоидентификацией посредством родного языка и реальной степенью владения им.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, русская речь дагестанцев, прагматический аспект.

Исследование выполнено по Госзаданию Минпросвещения РФ № 1023012500064-6-5.3.1 на 2023 год в рамках научного исследования «Разработка и обоснование модели организации образовательной деятельности, направленной на продвижение целей и ценностей российского образования и культуры в Народной Республике Бангладеш (AGWQ-2023-0014)».

Rashidat Sh. Khalidova

Dagestan State Pedagogical University

DISCOURSE MARKERS IN THE RUSSIAN SPEECH OF BILINGUAL DAGESTANIANS

This article examines discourse markers from the Dagestani languages in the Russian speech of bi-multilingual Dagestanis in order to establish the part-verbal composition of these linguistic units, identify the reasons for their appearance and determine the functions they perform in discourse. In linguistic Caucasian studies, there is not yet a single study devoted to discourse markers either in the Dagestani languages or in the Russian speech of the Dagestanis. This study was conducted on the material of written Russian speech (obtained from Russian-language literary works of bilingual Dagestani writers) and oral Russian speech (author's recordings of Russian speech of bi-multilingual Dagestani students). Methods of participant observation and continuous sampling of material from literary texts were used. To process the results obtained, quantitative calculations and types of linguistic analysis were used: structural-semantic, stylistic and discursive. The conducted research made it

possible to identify a new, not noted in existing studies, function of discourse markers – the function of resolving the conflict between ethnic self-identification through the native language and the actual degree of proficiency in it.

Keywords: discourse markers, Russian speech of Dagestanian, pragmatic aspect.

Acknowledgements: The research was carried out according to the State Task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 1023012500064-6-5.3.1 for 2023 within the framework of the research project “Development and justification of the model of organization of educational activities aimed at promoting the goals and values of Russian education and culture in the People’s Republic of Bangladesh (AGWQ-2023-0014)”.

В современной лингвистике и смежных науках большое внимание уделяется изучению средств дискурсивного маркирования. Термин «дискурсивные маркеры» объединяет грамматически разнородный класс языковых единиц (междометий, модальных частиц, наречий, союзов, этикетных формул), объединенных в один разряд на основе общности выполняемых ими функций в «сфере организации и регулирования дискурсивного потока» [Кибрик, Подлеская, 2009]. Каждый язык, в зависимости от особенностей его грамматического строя, располагает собственным набором дискурсивных маркеров, состоящим из различных частей речи. К источникам дискурсивных маркеров Б. Фрезер относит такие части речи, как союзы, наречия, предлоги и предложные обороты [Fraser, 1999, p. 931]. По мнению Б. Фрезера дискурсивные маркеры являются составной частью более крупной по составу группы прагматических маркеров, которые реализуют прагматическую информацию о коммуникативном намерении адресата и в этом плане шире по значению от дискурсивных маркеров [Fraser, 1999, p. 942]. Хотя дискурсивные маркеры, в зависимости от контекста, также могут выражать прагматическую информацию о коммуникативном намерении адресата. Как в этой связи указывает Д. Шифрин, данные речевые единицы не оказывают влияния на содержание высказывания, они всего лишь дополняют высказывание с прагматической точки зрения [Schiffirin, 1987]. Что свидетельствует о взаимопроницаемости данных понятий. Четкую границу между двумя близкими лингвистическими понятиями (прагматическими и дискурсивными маркерами) проводит Н. В. Богданова-Бегларян, характеризуя дискурсивные маркеры как полноценные единицы устного и письменного дискурса, обладающие лексическим и грамматическим значением. Прагматические маркеры лишены лексического, а часто и грамматического значения, они порождаются на уровне речевых автоматизмов (несознательно), употребляются преимущественно в устном дискурсе [Богданова-Бегларян, 2018, с. 97].

В качестве общего для дискурсивных и прагматических маркеров Н. В. Богданова-Бегларян выделяет их функцию построения и структурирования дискурса [Там же, с. 97].

Дискурс в современной лингвистике – это один из самых неоднозначно трактуемых и активно дискутируемых терминов. Наличие разных точек зрения на определение понятия и термина дискурс обусловлено наличием разных подходов к исследованию дискурса. Различные подходы к исследованию дискурса предполагают определение данного понятия с позиций формализма, функционализма и их взаимосвязи. Именно с этих позиций Дебора Сью Шифрин определяет понятие дискурс, сочетая все три подхода к его трактовке [Discourse Markers, 1987; Approaches to Discourse, 1994]. В своем фундаментальном труде, посвященном исследованию маркеров английского дискурса, Д. Шифрин употребляет термин «дискурсивные маркеры» для дефиниции «секвенциально зависимых частиц, которые разграничивают единицы речи» («I operationally define markers as sequentially elements which bracket units of talk») [Schiffirin, 1987, p. 3]. Дискурсивные маркеры наиболее востребованы в устном дискурсе, поскольку они

маркируют начало и конец высказывания, тем самым связывая предыдущее высказывание с последующим.

Основная функция дискурсивных маркеров заключается в организации связи и установления последовательности между различными элементами дискурса. Следующей по важности функцией дискурсивных слов является прагматическая функция, т.е. выражение отношения адресанта к адресату, к его поступку или словам, или к ситуации, сложившейся в результате действий или слов адресата. В этом плане функция дискурсивных маркеров совпадает с функцией прагматических маркеров, что свидетельствует о взаимопроницаемости данных терминов и отсутствии между ними непроходимой грани.

Наиболее востребованный инвентарь дискурсивных маркеров в русской речи би-полилингвальных дагестанцев – это вокативные междометия. Характерной особенностью вокативных междометий дагестанских языков является то, что они «носят четко регламентированный гендерный характер. Так, некоторые вокативные междометия, обслуживающие речевой этикет носителей дагестанских языков, употребляются исключительно для привлечения внимания мужчин, в то время как другие вокативные междометия служат для оклика женщин. Обращение (вокатив) в дагестанских языках является наиболее распространенным гендерным маркером» [Маллаева, Рамазанова, 2018, с. 363]. Чаще всего в русской речи дагестанцев встречаются вокативы из аварского языка (самый многочисленный по числу говорящих на нем и служащий языком межэтнического общения для носителей тринадцати андо-цезских языков), хотя все дагестанские языки располагают собственными вокативами. Это междометия *ле* и *йо*, используемые для обращения к мужчинам и женщинам – соответственно.

Для обращения к нескольким лицам (вне зависимости от пола) применяется также вокатив *ле*: *Ле, люди, вы куда спешите?*

Примеры из романа Алисы Ганиевой «Праздничная гора»:

– *Ле, куда все едут?* – спросил он, воодушевленный зрелищем. – *Ты на них посмотри! – Наверное, где-то дорожку разрыли...* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 19).

– *Ле, что там?* – спросил он у одного юнца, пробежавшего мимо. (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 20).

– *Йо, Ася, поехали, да, с нами! Только платок надень.* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 25).

– *Ле, вот ты жук, Шамиль, – вклинился Арсен, – никому слова не даешь вставить.* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 50).

– *Ле, куда все едут?* – спросил он, воодушевленный зрелищем. – *Ты на них посмотри!* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 19).

– *Ле, Рашик, Рашик! Саул тебе! Че такой на солидняках, в костюме? Мне галстук дай поносить! А?* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 48).

– *Йо, ты че возникаешь, шмакодьявка? Посмотрите, какое у нее лицо злое! – призвал Арсен. – Амина, что у тебя подружка такая курица?* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 54).

– *Стой! Куда бежишь, йо!* – окликнул ее из-за угла вооруженный человек. (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 117).

В отличие от русского вокатива *эй*, дагестанские вокативы стилистически нейтральны. Стилистически маркированным становится вокатив *йо*, употребленное при обращении к мужчине с целью выразить пренебрежительное к нему отношение. Например:

Йо, *трус, ты куда убежал, слабо тебе нас поддержать?*

Йо, *маменькин сыночек, тебе платок надо носить, а не кепку.*

Можно сказать, что в данном случае вокатив *йо* выступает в функции прагматического маркера, поскольку он в данном дискурсе маркирует пренебрежительное, осуждающее отношение адресанта к адресату.

Для выражения негативного отношения к коммуниканту в устном дискурсе применяется также способ удлинения гласного в составе вокатива, например:

Чанду *не говори да, лееее!* (ч/анда – авар. «вздор», «ерунда»). (осуждение, возмущение)

Лееее, *с тобой чтоо, солнечный удар или прозрение ??? Или не хочешь очередной хайп упустить?? Это же твои братья эти мега проекты замутили.* (удивление, осуждение).

Йоооо, *мозги включи, хотя и не женское это дело.* (возмущение) (Примеры взяты из соц.сетей).

Длигие гласные в структуре вокативов меняют прагматический потенциал высказываний.

В качестве дискурсивных маркеров часто встречаются в русской речи дагестанцев междометия, выражающие различные эмоции, например:

– **Вай**, *живет у нас напротив такая вторая жена, – махнула рукой Гуля. – Или, вернее, четвертая.* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 1).

Вай, эбел! – *снова запричитала та, закрывая лицо ладонями.* (А. Ганиева «Салам тебе, Далгат» с. 48).

Вай, эбел – междометие аварского языка, соответствует русскому *мамочки!* или итальянскому *tata mia!*

Вай – это наиболее распространенное во всех Дагестанских языках междометие, выражает целый спектр эмоций. В зависимости от контекста междометие *вай!* может передавать самые различные эмоции, такие как: радость, восторг, восхищение, удивление, страх, печаль, беспокойство, досаду, сожаление, тоску, иронию, упрек, презрение, возмущение, отвращение, ненависть, грусть, отчаяние, раздражение и т.д.

– **Уя**, *миллион за платье!* – *удивлялась та, освобождая Камиллины пряди от бархатных бигудей.* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 55).

– **Уя**, *эти дети просто помешались...* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 59).

Уя – эмоциональное междометие, представлено во всех дагестанских языках, выражает чувство удивления, возмущения.

Вабабай, *Калимат, какая ты хитрая!* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 59).

– **Вабабай**, *Калимат, не говори, да, такие вещи!* – *воскликнула одна и засемила к выходу.* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 60).

– **Вабабай!** – *запричитала Чамастак и побежала вслед за ней.* (А. Ганиева «Салам тебе, Далгат» с. 85).

Междометие *вабабай!* представлено во всех дагестанских языках, выражает удивление, возмущение, восторг, восхищение.

Вабабай, как же *это* вкусно (восторг).

Вабабай, откуда ты в таком виде? (удивление).

– *Вабабай – вададай!* Целая тройня, и ни одного сыночка! Как расстроится Суракат! (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 107).

Более сильную степень тех же чувств выражает сложное междометие *вабабай – вададай!* Все эти междометия употребляются в русской речи дагестанцев, вне зависимости от их национальности.

Следует отметить, что междометия чаще встречаются в женской речи, они более эмоциональны и менее сдержанны в проявлениях чувств, эмоций. В мужской речи междометия встречаются гораздо реже. Горский этикет не позволяет мужчине публично выражать свои чувства и рекомендует сдерживать свои эмоции. Только одно междометие носит чисто мужской характер, употребляется исключительно в мужской речи – это междометие *вах!* – выражает удивление, иронию, в зависимости от конкретного дискурса может выражать и другие чувства, например, восхищение, растерянность, тревогу, беспокойство.

Например:

– *Вах!* – удивился Юсуп.

– *«Вах!»*, – сказал Ленин, и все подумали, что он даг, – вставил Керим. (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 2).

После этого молодежь решила дома жечь, старшие еле остановили. Сам подумай, наш тухум {В Дагестане – родовая община} такое неуважение не оставит! – Вах, а глава администрации где был? (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 7).

Как видим, междометия в дагестанских языках носят гендерно маркированный характер.

Междометия дагестанских языков широко употребляются в устном дискурсе в функции дискурсивных маркеров. Такие междометия выполняют одновременно несколько функций: функцию выражения эмоций адресанта и текстообразующую функцию, структурируя дискурс, связывая воедино отдельные предложения или его части, в зависимости от коммуникативных намерений адресанта. Данные междометия не изменяют смысла высказывания, а лишь дополняют его прагматический потенциал.

Следующими по частотности дискурсивными маркерами являются модальные частицы и этноокрашенные формулы речи. Модальная частица *ха* является наиболее востребованной в качестве дискурсивного маркера, например:

– *Ждать буду!* – радостно закричал Хабибула, подавая ему руку. – *Давай- ха тогда.* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 19).

– *Давай-ха, удачи тебе! Не суетись особо. Надеюсь, увидимся, – напутствовал Шамиль, похлопывая его по плечам.* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 113).

– *Идем-ха, – еще раз предложил Хабибула, – я тебе сметану дам, творог...* (А. Ганиева «Праздничная гора» с. 19).

Возьми-ха, я тебе от души предлагаю.

В авароведении модальная частица *ха* характеризуется как «наиболее распространенная в аварском языке, особенно в разговорной речи. Частица *ха* имеет самые разные значения в зависимости от того: 1) к какому члену предложения она присоединяется; 2) в предложении какого коммуникативного типа она функционирует; 3) большое значение имеет также интонация предложения» [Маллаева, 2002, с. 78].

Ритуальные формулы на родных языках в качестве дискурсивных маркеров широко используются в общении на русском языке в дагестанском полиэтническом и полилингвальном обществе. Для выражения теплых чувств, симпатий, доброго расположения употребляются различные речевые клише, выражающие возгласы-обращения, например, лезгинское *чан* «душа» и табасаранское *джан* «душа». Аварское слово *гъарин* «бедолага» в сочетании с частицей *я* употребляется для выражения недоумения, досады, усиления внимания собеседника к вопросу, например:

Послушай, я гъарин, я тебе сотый раз объясняю....

В русской речи дагестанских студентов встречаются дискурсивные маркеры – регионализмы из дагестанских языков:

авар.: *сахлы, чла, гъечло, чланда, гамачI*;

дарг.: *арадеш, рурси, дерхъаб*;

лезг.: *ахъваз яда, вуч хъана, стха, члягъ, я руш, рушка*;

лакск.: *хъинсса* и др.

Такие дискурсивные маркеры не только обеспечивают связность текста, но и «самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом» [Баранов и др., 1993, с. 7].

Дискурсивные маркеры в русской речи дагестанцев наряду с отмеченными выше функциями выполняют еще одну важную функцию, они служат способом разрешения конфликта между этнической самоидентификацией посредством родного языка и реальной степенью владения им. Поскольку вкрапления из родного языка, которым адресант владеет плохо или вовсе не владеет им, позволяет ему чувствовать себя равноправным членом этносоциума. Этническая самоидентификация очень важна для дагестанцев.

Литература:

- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
- Богданова-Бегларян Н. В. О возможных коммуникативных помехах в межкультурной устной коммуникации // Мир русского слова. № 3, 2018. С. 93–99.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/pdf/60.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).
- Маллаева З. М. Грамматические категории аварского языка (модальность, залоговость). Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2002. 192 с.
- Маллаева З. М., Рамазанова З. М. Гендерно маркированные вокативы в дагестанских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5-2 (83). С. 362-366.
- Fraser B. What Are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. Vol. 31, 1999. Pp. 931–953.

Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
Schiffrin D. Approaches to discourse. Oxford: Blackwell. 1994. 470 p.

Список принятых сокращений:

авар. – аварский язык
лакск. – лакский язык
лезг. – лезгинский язык
дарг. – даргинский язык

Источники:

Ганиева А. Праздничная гора. М.: изд-во АСТ. 2012. 256 с.
Ганиева А. Салам тебе, Далгат! Странные сказки. <https://www.litres.ru/book/alisa-ganieva-11490907/salam-tebe-dalgat-strannye-skazki-24503115/chitat-onlayn/>

References:

Baranov A. N., Plungyan V. A., Rahilina E. V. Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka. M.: Pomovskij i partnery, 1993. 207 s.
Bogdanova-Beglaryan N. V. O vozmozhnyh kommunikativnyh pomekakh v mezhkul'turnoj ustnoj kommunikacii // Mir russkogo slova. № 3, 2018. S. 93–99.
Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/pdf/60.pdf> (accessed: 27.09.2022).
Mallaeva Z. M. Grammaticheskie kategorii avarskogo yazyka (modal'nost', zalogovost'). Mahachkala: Izd-vo «YUpiter», 2002. 192 s.
Mallaeva Z. M., Ramazanova Z. M. Genderno markirovannye vokativy v dagestanskih yazykah // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 5-2 (83). S. 362-366.
Fraser B. What Are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. Vol. 31, 1999. Pp. 931–953.
Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
Schiffrin D. Approaches to discourse. Oxford: Blackwell. 1994. 470 p.

Хуан Биньбинь

Северо-Кавказский федеральный университет

КОГНИТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ, ОТРАЖЕННЫЕ В ПОСЛОВИЦАХ КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

На основе теории концептуальной интеграции когнитивной лингвистики в данном исследовании представлены результаты анализа традиционных семейных ценностей в китайских и английских пословицах и изучены культурные модели, лежащие в основе китайских и английских пословиц. На основе анализа механизма функционирования, закономерностей концептуального взаимодействия и принципа инвариантности расширения пословиц в данной работе отобраны некоторые пословицы на китайском и английском языках на тему традиционных семейных ценностей, проведен их анализ и сравнение с использованием методов документального исследования, индукции языкового материала, контекстуального и дискурсивного анализа. Анализируя репрезентацию традиционных семейных этических отношений в китайских и американских пословицах, мы даем комплексное теоретическое описание языковой репрезентации этих отношений, обобщаем и анализируем содержание репрезентации традиционных семейных ценностей в китайских и английских пословицах в совокупности с теорией концептуальной интеграции когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: Китайский язык, английский язык, пословица, семейные ценности, когнитивная лингвистика, концептуальная интеграция

Huang Bingbing

North Caucasus Federal University

COGNITIVE PERSPECTIVE ON TRADITIONAL FAMILY VALUES REFLECTED IN CHINESE AND ENGLISH PROVERBS

Based on the conceptual integration theory of cognitive linguistics, this study provides the results of analysing traditional family values in Chinese and English proverbs and explores the cultural patterns underlying Chinese and English proverbs. On the basis of analysing the functioning mechanism, the patterns of conceptual interaction and the invariance principle of proverb expansion, this paper selects some proverbs in Chinese and English on the theme of traditional family values, analyses and compares them using the methods of documentary research, linguistic material induction, contextual and discourse analysis. By analysing the representation of traditional family ethical relations in Chinese and Americans proverbs, we provide a comprehensive theoretical description of the linguistic representation of these relations, summarise and analyse the content of the representation of traditional family values in Chinese and English proverbs in conjunction with the theory of conceptual integration of cognitive linguistics.

Keywords: Chinese, English, proverb, family values, cognitive linguistics, conceptual integration.

Introduction

“Proverbs are colloquial and short but stereotyped sayings with deep meaning common in folklore” [邢福义, 2011]. They are concise in language and profound in meaning, created by the masses in the long-term practice of life, which concentrates the linguistic and cultural traditions of the nation. The study of Chinese proverbs mainly focuses on the static analysis of proverbs themselves, which is manifested in the study of the classification, features, nature, formation, rhetoric and culture of Chinese proverbs. Based on the study of psychospatial theory, the conceptual integration theory proposed by Fauconnier has attracted much attention from Chinese and foreign scholars. [Gabriela Tucan, 2021]. In China, many linguists agree with this theory and use it to analyse various linguistic phenomena such as idioms, puns, humour, cyber expressions in Chinese, but few have applied it to the study of Chinese proverbs. In this paper, we take the book 《熟语大全·谚语集锦》(马国凡, 吴学恒, 2001) edited by Ma Guofan and Wu Xueheng as a corpus source and intend to use conceptual integration theory to study the semantic construction of Chinese proverbs. English proverbs, as an important part of American culture, not only represent the cultural deposits of Western countries, but also an important window for understanding American culture, so English proverbs have attracted scholars’ attention. At present, research on English proverbs mainly focuses on their origins, characteristics, cultural factors, rhetorical techniques, translation methods, comparison of English and Chinese proverbs, etc. This paper attempts to analyse the meaning construction in the process of understanding English proverbs from the perspective of cognitive linguistics by applying the three networks of conceptual integration theory, and tries to reveal the meaning construction and cognitive mechanism in the process of understanding English proverbs. An attempt is made to reveal the cognitive mountain underlying the process of understanding English proverbs. A brief analysis of the theory of conceptual integration and the mechanisms of its operation: (1) Conceptual integration theory and related concepts and networks of conceptual integration. Fauconnier and Turner and other cognitive linguists formed the theoretical basis of conceptual blending theory based on the theory of mental space exploration, especially Fauconnier in his monograph “Mapping in Thought and Language”, which is devoted to the systematic presentation of conceptual blending theory, formed the conceptual blending theory. Fauconnier in his book Mapping in Thought and Language systematically outlined the theory of conceptual integration and formed the theoretical foundation of conceptual integration theory. Conceptual integration is “a series of cognitive activities in which a person selectively extracts some input information values from different spaces and integrates them into a new conceptual structure” [田颖, 2023], which exists in all kinds of human thinking activities and “is the basis of human thinking activities, especially creative thinking.” The “four spaces” model of similarity-based theory shows that the process of generating layer structures in synthetic space is a good starting point for linguistic research. [Huang Shuguang. [丁秋月, 王飞, 2023]. It can reveal the operation of cognitive mechanisms and the dynamic process of meaning construction in the process of language comprehension. The theory has strong interpretive power and opens up a new perspective for the study of language comprehension process. (2) Working principle and main types of conceptual integration networks. Conceptual integration network is the main part of conceptual integration theory, mental space: two input spaces, common space and mixed space. Based on the two input spaces, a new structure, “emergent structure”, which is not found in the input space, is formed in the mixed space, due to the interspatial comparison of the elements of the two input spaces. The emergent structure does not come directly from the input space, but emerges after a complex process of cognitive integration of the cognitive subject with the designed object, which, as Fauconnier points out, is a process of integration through the three-stage operation of composition, completion and detailing to produce a finished concept. The process of conceptual integration is firstly to combine the representations of things in the input space to obtain new relations that do not exist in the original input

space; then to improve the obtained preliminary things by relying on background knowledge and cultural patterns; and finally to fine-tune the improved concepts for continuous online and dynamic improvement. [张立博, 2023]. Conceptual integration is the basic foundation for revealing comprehensive human information processing. The conceptual integration network includes dynamic integration and meaning construction in each mental space. According to the structure of organisational structure in each mental space, conceptual integration networks can be divided into 3 types: simplex network, mirror network, single scale network.

Research Results

Cognitive interpretation of Chinese and English proverbs based on conceptual integration theory and analysing the representation of traditional family values in Chinese and English proverbs

Conceptual integration theory opens a new threshold for us to understand and uncover the cognitive motivation of Chinese and English proverbs and their comprehension mechanisms. Next, we shed light on the cognitive mechanisms underlying Chinese and English proverbs' comprehension of traditional family values through different types of conceptual integration networks. The main three family relationships (parent and child relationship, husband and wife relationship, and brother and sister relationship) are chosen as examples to be analysed.

1. Meaning construction of Chinese and English proverbs about parent and child relationships in simplex networks

In a simplex networks, the the synthesis space organises the elements provided by input space 2 according to the framework provided by input space 1. Taking the Chinese proverb “棍棒底下出孝子 (Spare the rod and spoil the child.)” as an example, Input Space 1 provides an organisational structure to change the situation from “A” to “B”, and Input Space 2 provides two value elements, namely “棍棒 (rod) ” and “孝子 (Filial child) ”. The input space 2 fill A and B in the abstract structure, completing the combination stage of conceptual integration. In the refinement stage of conceptual integration, the “棍棒 (rod) ” and “孝子 (Filial child) ” in input space 2, trigger the person's cognitive mechanisms, mobilise their intellectual memory, activate relevant background knowledge, cultural patterns, etc. Filial children come out from under the stick (only with harsh punishment can children grow up to be filial). This is part of learning Chinese culture. In the stage of expanding conceptual integration, “棍棒 (rod) ” and “孝子 (Filial child) ” are combined with activated relevant background knowledge, resulting in layered structures in the synthetic space: In a family, under the 棍棒 (rod) to control the rules , the children can be become 孝子 (filial children) , and the meaning of this proverb is: only by harshly disciplining children can you make them filial children when they grow up. The process of understanding such proverbs consists in constructing the meaning of the proverb by connecting and compressing frame elements. This construction of meaning is accomplished through cognitive mechanisms such as combining, refining, and expanding. The proverb “the apple doesn't fall far from the tree.” gives us two input spaces: input space 1 - the organisational structure of family relations “parent - child (apple - tree)”, input space 2 - two elements of meaning: “near - far”. “parent(Parent) - child(child)” is one of the basic relationships in a family. “Near” and “far” are two abstract concepts, but just as parents educate and nurture their children, children's behaviour is not far from their parents when they are educated and nurtured by them. What makes the cross-spatial mapping of the two input spaces possible is the combinatorial process of conceptual integration. During the refinement stage of conceptual integration, relevant

cultural patterns, cognitive patterns, and basic background knowledge are activated. Usually, in families of any country, parents give birth to and raise children. At the stage of refining conceptual integration, elements of the input space and activated relevant background knowledge are projected into the synthetic space, forming a new structure: parents will directly influence the personality of their children, and children, as a result of upbringing and education, will form a personality similar to that of their parents.

2. Meaning construction of Chinese and English proverbs about couple relationships in mirror networks

Mirror networks, similar to simple networks, are a relatively simple model of cognitive processes in which all spaces are organised in a unified framework, and elements in the two input spaces tend to form one-to-one correspondences. Taking the Chinese proverb “一日夫妻百日恩，百日夫妻深似海 (the more time spouses spend together, the better they understand each other, and their feelings for each other become as deep as the sea.)” as an example, kinship relationships become deeper than the sea. The abstract structure in class space defines the one by one mapping of the elements. Taking the Chinese proverb “一日夫妻百日恩，百日夫妻深似海 (A day together as husband and wife means endless devotion the rest of your life, Hundred days as couple, their feelings deep as the sea.)” as an example, “一日夫妻百日恩 (A day together as husband and wife means endless devotion the rest of your life)” and “百日夫妻深似海 (Hundred days as couple, their feelings deep as the sea)” are use the same accumulation framework. This frame projects to the class genus space with 4 elements in input space 1: 1) “一日夫妻 (one-day couple)”, 2) “accumulator A”, 3) “accumulation process A”, 4) “百日恩 (Hundred Days of Grace in relationship)”. There are 4 elements in input space 2: 1) “百日夫妻 (Hundred Days couple)”, 2) “accumulator B”, 3) “accumulation process B”, 4) “深似海 (love becomes deep as the sea)”. The abstract structure in the generic space determines the connection between accumulation object “一日夫妻 (one day couple)”, “accumulator A”, “accumulation process A”, “百日恩 (Hundred Days of Grace in relationship)” and accumulation object “百日夫妻 (Hundred Days couple)”, “accumulator B”, “accumulation process B”, “深似海 (love becomes deep as the sea)”. This enables cross-space mapping and completes the combination step of conceptual integration. the second in the refinement step of conceptual integration, “一日夫妻百日恩，百日夫妻深似 (A day together as husband and wife means endless devotion the rest of your life, Hundred days as couple, their feelings deep as the sea)”, which triggers people’s cognitive mechanism, and the related background knowledge and cultural patterns are activated. Finally, in the expansion step of conceptual integration, relevant background knowledge and people’s accumulated behaviours are combined to produce a layer-creation structure in the blended space, meaning that the depth of affection between husband and wife is as deep as the sea the longer the time passes. Take the English proverb “Big thunder, little rain.” as an example. This proverb involves two sub-events of the natural phenomenon “thunderstorm”: thunder and rain, which are interrelated. Usually, the thunder comes first and the rain follows, and the loudness of the thunder signals the amount of rain. However, there are exceptions, sometimes the thunder rumbles so loudly that people expect heavy rain, but the actual amount of rainfall and the amount of rainfall expected by people based on the loudness of the thunder are very different, which is the content of input space 1. Metaphorical proverbs are about people’s behaviour, so input space 2 is about people’s behaviour. In the organisational framework of people’s behaviours, there are two or more interrelated actions, one before the other, and the degree of the first action predicts the degree of the second action, but the degree of the second action is much lower than what people expect based on the first action. Through the above analysis, we can see that there are four elements in input space 1: (1) thunder and rain (2) thunder

comes first, rain comes second (3) the size of the thunder predicts the size of the rain (4) a huge thunder is followed by a very small amount of rain; there are also four elements in input space 2: (1) two actions (2) one action comes first, the other comes second (3) the extent of the first action predicts the extent of the second (4) the extent of the second is much lower than what one would expect based on the first action.) the degree of the second action is lower than one would expect based on the first action. The two input spaces enjoy a common organisational framework: two things, sequences, general laws and unexpected outcomes. The elements of the two input spaces can then be easily mapped together, completing the cross-space mapping, and also completing the combinatorial stage of conceptual integration. In the refinement stage of conceptual integration, basic background knowledge and cultural models are activated. According to the laws of nature and common sense, it can be learnt that the sound of thunder usually indicates the amount of rain, but there are exceptions, i.e., sometimes loud thunder is followed by little rain. In this stage, the natural phenomenon of “loud thunder and little rain” is associated with people’s behaviour. In the refined stage of conceptual integration, the combination of basic background knowledge and human behaviour creates a newly created structure in the integration space, where something is advertised or done with great fanfare and fanfare, but the result is unexpected and much lower than one would expect on the basis of previous publicity or other behaviour. This proverb is used in married life as an allusion to the common quarrels and divorces that take place in the lives of couples; sometimes the quarrels are so fierce that both parties threaten divorce, but they may not actually get divorced.

3. Meaning construction of Chinese and English proverbs about sibling relationships in single-domain networks

Single-domain networks are typical networks that project the organisational structure of the input space 1 onto the synthetic space and define the cognitive operations of the synthetic space, and the integration of such networks is usually a metaphorical mapping from the source domain to the target domain. [Fauconnier G., Turner M. 2008]. the Chinese proverb “姐妹连肝胆，兄弟同骨肉 (Sisters are connected to the liver and gall bladder, brothers are of the same flesh and bone)” contains two input spaces. Input space 1 is the organisational structure of “sisters”, including the elements of liver and gall bladder, which is the source area of the proverb and provides the organisational structure of the synthetic space; input space 2 is the organisational structure of “brothers”, including the elements of bone and flesh, which is the target area of the proverb and is the focus of people’s understanding. Input space 2 is the organisational structure of “brothers”, including relational elements, the target area of proverbs. Using the organisational structure of “relationship, process, result” in the category space as the basis for inter-space mapping, the elements of the two input spaces are selectively mapped into the synthesis space to complete the unification stage of conceptual integration. In addition, in the clarification stage of conceptual integration, the two elements of “brothers and sisters” and “liver, gall, flesh and bone” triggered the cognitive mechanism of human beings, and when the background knowledge “friendly relationship” was activated, it could be concluded that brothers and sisters, regardless of their relationship, were not one and the same thing, but they were one and the same thing. By activating the background knowledge “relationship”, it can be concluded that siblings have an intrinsic connection that cannot be severed no matter what. In a single-domain network, the two input spaces have their own distinct organisational frameworks, but only the organisational framework of one of them is projected into the synthetic space, and the organisational structure in the synthetic space is an expansion and extension of the organisational framework of one of the input spaces. We explore the process of understanding with the example of “lawyers, like painters, can easily turn white into black”. This proverb talks about the behaviour of lawyers and contains two input spaces, “painter” and “lawyer”: input space 1 is the organisational framework of “painter”, including painter, drawing paper, easel, palette and paint; input space 2 is the organisational framework of “painter”, including painter,

easel, palette, paint, paintbrush, drawing, drawing technique and colour change. Input space 2 is the organisational framework for “lawyers”, including lawyers, clients, lawsuits, evidence, arguments, argumentation techniques, changing judgements and litigation costs. The organisational framework of the class space “Actors, Materials, Techniques, Actions and Outcomes” provides the basis for cross-space mapping, with “Painter” and “Paint” in Input Space 1, and “Painting Techniques”, “Drawing” and “Changing Colours” in Input Space 2 with “Lawyer” in Input Space 2, and “Evidence”, “Argumentation Techniques”, “Drawing” and “Changing Judgements” in Input Space II respectively. “Paper”, “Easel” and “Palette” in Input Space 1 and “Client” and “Litigation” in Input Space 2 correspond to “Lawyer”, “Evidence”, “Argumentation Skills”, “Drawing” and “Change Judgement” in Input Space 1 respectively. “Client” and “Litigation Fee” in Input Space 2 have no correspondence in the cross-space mapping and can be ignored. This is the combination stage of concept integration. In the refinement phase of conceptual integration, relevant background knowledge and cultural patterns are activated. According to the background knowledge related to “lawyer”, it can be known that lawyers try their best to defend their clients based on the constitution, law and objective facts (evidence), abide by the constitution and law, symbolise fairness and justice, and have high professional ethics. However, in American society, with the same evidence, some lawyers can turn a lawsuit from a loss to a win, and some lawyers can turn a lawsuit from a win to a loss, and the win or loss of a lawsuit depends largely on the lawyer’s defence. Based on the new associations from the combination stage and the relevant background knowledge from the refinement stage, the meaning construction of the proverb enters the refinement stage. A new structure is created in the synthesis space, and the input space1 provides an organisational framework for the synthesis space: the lawyer is compared to a “painter”, and just as a painter can easily change white to black, the lawyer can just as easily “turn black and white upside down” and change the outcome of the lawsuit. The single-domain network of conceptual integration is the traditional source-domain-target-domain metaphor, in which the input space that provides the organisational framework for the synthetic space is the source domain, and the other input space on which one focuses one’s understanding is the target domain. In this proverb, input space 1 is the source domain and input space 2 is the target domain. The proverb uses the relevance of two different professions, lawyers and painters, as an analogy for the differences and relevance of brotherhood. Two occupational fields and job descriptions that are far apart are still related, thus illustrating the relevance of blood ties in the family.

Conclusion

This paper attempts to analyse the cognitive mechanism and the process of meaning construction in the process of understanding Chinese and English proverbs from the perspective of cognitive linguistics by using the conceptual integration network and integrating examples of Chinese and English proverbs. As a result of the analysis, it can be concluded that the concept integration theory can reveal the cognitive mechanism and dynamic process of meaning construction in the process of understanding Chinese and English proverbs and has great explanatory power for Chinese and English proverbs. Proverbs may reflect only one aspect of society but not the whole picture of society. Analysing traditional family values through the lens of proverbs may only focus on a part of them, and some of the proverbs may not be fully relevant to contemporary social conditions. Most of the proverbs collected and analysed in this paper have been handed down from history and therefore mainly reflect traditional family values. It is hoped that this paper will help people to know and understand traditional family values in terms of proverbs in a more colloquial and figurative way, and also provide some information for studying the relationship between language and culture.

References:

- Xin Fuyi.(2011). Modern Chinese (2nd ed.).
https://books.google.ru/books?id=QJ5kngEACAAJ&dq=%E9%82%A2%E7%A6%8F%E4%B9%89.%E7%8E%B0%E4%BB%A3%E6%B1%89%E8%AF%AD&hl=zhCN&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&redir_esc=y(accessed: 10.10.2023)
- Zhang Libo. (2023).The semantic construction of Uyghur proverbs based on conceptual integration theory. pp.1419-1425. <https://hanspub.org/journal/PaperInformation.aspx?paperID=63869>(accessed: 10.10.2023)
- Ding Qiuyue, Wang Fei. (2023). Analysing Yuanqiu dialectal hiatus from the perspective of conceptual metaphor[J]. Modern Linguistics, pp. 4618-4624. <https://doi.org/10.12677/ML.2023.1110619> (accessed: 10.10.2023)
- Tian Yin. (2023). A comparative study of Russian preposition “in” and Chinese preposition “里” based on cognitive linguistics. pp. 4713-4718. <https://doi.org/10.12677/ML.2023.1110632> (accessed: 10.10.2023)
- Fauconnier G., Turner M. (2008). The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind’s Hidden Complexities. Hachette UK. pp. 126
https://books.google.ru/books?id=zf83DgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=The+Way+We+Think&hl=zhCN&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=The%20Way%20We%20Think&f=false (accessed: 10.10.2023)
- Tucan G. (2021). A Cognitive Approach to Ernest Hemingway’s Short Fiction. pp.11.
https://www.researchgate.net/publication/351838602_A_Cognitive_Approach_to_Ernest_Hemingway's_Short_Fiction (accessed: 10.10.2023)

Чжао Жонань

Санкт-Петербургский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЭТИКЕТНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА ПРИМЕРЕ ИЗВИНЕНИЯ, ПОЗДРАВЛЕНИЯ И КОМПЛИМЕНТА)

В статье проводится сопоставительный анализ трех этикетных речевых жанров (извинения, поздравления и комплимента) в русской и китайской лингвокультурах. Выявляется национальная специфика исследуемых жанров, делается вывод об особенностях поведения русских и китайцев в общении и их менталитетов. Этикетные речевые жанры характеризуются национально-культурной спецификой, знание которой способствует лучшему взаимопониманию между коммуникантами, представляющими разные лингвокультуры, позволяет им установить общение, успешно и вежливо обменяться мнениями в межкультурной коммуникации и избежать коммуникативных неудач.

Ключевые слова: речевой этикет, речевой жанр, этикетный речевой жанр, извинение, поздравление, комплимент

Zhao Ruonan

Saint Petersburg State University

NATIONAL SPECIFICS OF ETIQUETTE SPEECH GENRES IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUOCULTURES (ON THE EXAMPLE OF APOLOGY, CONGRATULATION AND COMPLIMENT)

The article provides a comparative analysis of three etiquette speech genres (apology, congratulation and compliment) in Russian and Chinese linguocultures. The national specificity of the studied genres is described, and the conclusion about the peculiarities of Russian and Chinese behaviour in communication and their mentalities is made. Etiquette speech genres are characterised by national and cultural specificity, knowledge of which contributes to better mutual understanding between communicants representing different linguocultures, allows them to establish communication, successfully and politely exchange opinions in intercultural communication and avoid communicative failures.

Keywords: speech etiquette, speech genre, etiquette speech genre, apology, congratulation, compliment

Введение

В настоящее время многие исследователи признают чрезвычайную актуальность изучения речевого жанра (РЖ) как объекта лингвистических исследований. Важность исследования лингвистически ориентированных исследований в этой области неоднократно обосновывалась и подчеркивалась в специальных научных трудах исследователей, в частности В. В. Дементьева и Т. В. Тарасенко [Дементьев, 1997, с. 109; Тарасенко, 1999, с. 6].

Значительный вклад в разработку понятия РЖ был внесен видным советским ученым М. М. Бахтиным. По его мнению, «в каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы» [Бахтин, 1986, с. 241]. Ученый отмечает, что «каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин, 1996, с. 263].

На основе идей М. М. Бахтина Т. В. Шмелева развивает собственную концепцию РЖ. Она утверждает, что «повседневное общение формирует первичные речевые жанры, на основе которых культивируется система вторичных, в том числе литературных жанров» [Шмелева, 1990, с. 21]. Исследовательница также создает анкету РЖ, включающую в себя ряд параметров описания.

В связи с тем, что «говорить прямо человеку с высокой языковой компетенцией попросту скучно» [Иссерс, 2008, с. 55], а «некоторые люди говорят лучше... они точно выражают свои мысли, заставляют слушателя чувствовать себя комфортно и иметь чувство прекрасного. Такая речь становится искусством» [Чжу, 2020, с.185]. Этикетный речевой жанр (ЭРЖ) как «искусство речи» представляет собой устойчивые языковые реакции на стандартные ситуации общения, который является «проявлением социализации, заинтересованности в другом, а не в себе. Они нормируют речевое общение, регламентируют стандартизированные поведенческие ситуации» [Тарасенко, 1999, с. 31]. Т. В. Тарасенко также делит ЭРЖ на ЭРЖ-события и ЭРЖ-реакция, ко второй подгруппе относятся — *просьба, обещание, благодарность, извинение* и др. [Тарасенко, 1999].

Обсуждение проблемы

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу этикетных речевых жанров извинения, поздравления и комплимента в русской и китайской лингвокультурах. Исследование проведено на материале разговорной речи китайцев и русских, а также художественной литературы и драматических произведений.

ЭРЖ извинения

В ядре русского поля извинения находятся средства выражения *прости(-те), извини(-те), извиняюсь* и их аналоги. В русской лингвокультуре извинение часто выражается просьбой. Говорящий может простить у адресата прощения, чтобы тот перестал обижаться или сердиться на него: *Прошу прощения! Прошу меня простить!* Ср., например:

(1) — *Дорогие гости, пожалуйста, не обессудьте!* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина: “прощальный” роман писателя в одном доме, 2012)

Предикативная единица *виноват (-а)* употребляется говорящим, совершившим нежелательный поступок, который привел к неприятным последствиям. Ср., например:

(2) — *Нет. Я виноват, — продолжал Гагин, — не мог утерпеть: против нашего уговора, ходил к часовне* (И. Тургенев, Ася, 1911).

Помимо признания своей вины, говорящий может пожалеть о своей провинности, чтобы продемонстрировать, что ему неловко и у него есть совесть и стыд. Сообщение чувства вины помогает ему почувствовать себя эмоционально легче. Ср., например:

(3) *Видит бог, мне стыдно, что я в такие минуты пытаюсь овладеть вашим вниманием, но что же мне делать?* (А. Чехов, Рассказы, 1948)

Слово *sorry* английского происхождения пользуется популярностью у молодых людей. Интересно, что эта лексема уже адаптировалась в русском языке: в речи подростков можно услышать забавное слово *сорян*.

Кроме вышеупомянутых средств выражения извинения, чтобы выйти из неловкого положения и попросить у собеседника прощения, говорящий может отрицательно оценить себя и свои действия, выступить с самокритикой: *Какой я неуклюжий! Господи, какой я дурак!*

Что касается прямых средств выражения извинения, то их воплощение в русском и китайском языках совпадает: *对不起 — извините, 抱歉 — извините, 不好意思 — извините*. При этом китайцы могут выразить извинение и просьбой и комплиментом. Ср., например:

(4) *不好意思, 我来晚了。 — Извините, я опоздал.*

(5) *照顾不周, 请您海涵。 — Если что-то не так, прошу прощения <букв. Прошу Вашего прощения, у Вас душа широкая, как море>.*

Стоит отметить, что при выражении извинения китайцы могут попросить наказания у собеседника. (можно вспомнить в этой связи классическую историю и выражение *负荆请罪 — нести на плече терновую ветвь и просить наказания*). Ср., например:

(6) *主管, 我负责的项目出了问题, 请您扣我这月的奖金吧。 — Руководитель, возникла проблема с проектом, за который я отвечаю, прошу вычесть мою премию за этот месяц.*

Китай является одной из стран с высококонтекстуальной культурой, в связи с этим чрезвычайно важную роль в выражении извинения играют косвенные средства выражения. В русском языке всегда употребляется форма первого лица для выражения извинения, а в китайском говорящий может использовать и форму первого и форму третьего лица, когда ему важно сохранить свою репутацию. Ср., например:

(7) *小宝, 昨天是爸爸错怪你了, 爸爸向你道歉。 — Сяо бао, вчера папа ошибся в тебе, папа извиняется перед тобой.*

В общем, русские выражают извинение чаще, чем китайцы. В современном русском языке *извините* чаще всего используется как показатель вежливости, а в китайском языке ЭРЖ извинения используется, когда имеет место серьезная провинность. Стоит отметить, что в русской культуре адресат может не принять извинение говорящего, что нехарактерно для представителей китайской культуры.

ЭРЖ поздравления

В русском языке при выражении поздравления в ряду средств выражения глаголы *поздравлять-поздравить* занимают центральное место:

(8) — *Двадцать три. Я поздравляю вас, счастливцев* (М. Булгаков, Зойкина квартира: Пьесы, 2002).

Из-за очевидности ситуации в русском языке может происходить опущение предмета поздравления, и говорящий, и адресат знают, о чем идет речь: — *С наступающим Вас! — Спасибо!*

ЭРЖ поздравления обладает некоторыми присущими ему признаками, одним из которых является похвала (в случае, если адресат получил какие-нибудь определенные результаты или обладает отличными качествами):

(9) — *Аматуров (увидев ее). А, вот и дорогая именинница наша! Поздравляю вас с днем вашего Ангела!* (А. Писемский, Просвещенное время: трагедия в 4-х действиях, 1912)

(10) — *Мамаева. Поздравляю вас! Вы с каждым днем все больше расцветаете* (А. Островский, Художественная проза; Пьесы, 1987).

В поздравлениях часто употребляются обращения, они усиливают эмоциональность поздравления, иногда они сопровождаются восклицательным знаком: *Мой дорогой друг! Любимый мой! Свет мой солнце! Дорогая Анечка!* и т.д.. Ср., например:

(11) — *Агишин (холодно). Поздравляю вас, Елена Васильевна и Андрей Гаврилыч!* (Пьет и ставит бокал) (А. Островский, Художественная проза; Пьесы, 1987)

(12) — *Соломонида Платоновна. Благодарю вас покорно, и вас с тем же, мой милый, поздравляю* (А. Писемский; А. Феофилактович, Пьесы, 1958).

В русском языке играют важную роль и изобразительно-выразительные средства, такие, как метафора, эпитет, гипербола, сравнение и многие другие, например: *С Новым годом, желаю, чтобы Ваша жизнь искрилась счастьем через край! С Новым годом, желаю Вам блистательного, многокрасочного будущего и лучезарного вдохновения! Поздравляю с самым незабываемым днем в твоей жизни! С наступающим, желаю огромной, как море, любви!* и т.д.

В современном китайском языке выработана определенная формула поздравления, которая является самым популярным средством выражения поздравления: «Обращение + причина поздравления + речевое действие поздравления». Ср., например:

(13) *妈妈, 今天是您的生日, 祝您生日快乐!* — *Мама, сегодня Ваш день рождения, поздравляю Вас с днем рождения!*

Интересно, что большой популярностью пользуется устойчивое выражение из четырех символов, которое звучит музыкально и имеет особое интонационное оформление. Такой способ выражения поздравления (идиома из четырех символов) усиливает эмоциональность говорящего, эстетический эффект и художественность произносимого поздравления.

(14) *祝您开业大吉, 财源广进!* — *Поздравляю с открытием бизнеса, желаю Вам большого богатства!*

(15) *爷爷生日快乐, 祝您福如东海, 寿比南山。* — *Дедушка, с днем рождения, желаю Вам счастья и долголетия <букв. Дедушка, с днем рождения, желаю Вам счастья, как Море Дунхэй, и продолжительности жизни, как Гора Тайшань>.*

Стоит отметить, что из-за стремления к эстетическому эффекту в современном китайском языке во многих поздравлениях последнее слово в каждом отдельном предложении рифмуется, что является уникальной особенностью китайского поздравления. Такая рифмовка в основном выполняет лодическую функцию, и такого типа поздравления вызывают большие трудности при переводе на иностранные языки. Ср., например:

(16) 新年到, 祝事业正当午 (y), 身体壮如虎 (xy), 金钱不胜数 (шy), 干活不辛苦 (ky), 悠闲像老鼠 (шy), 浪漫似乐谱 (ny), 快乐莫你属 (шy)。 — Наступает Новый год, желаю блестящей карьеры, крепкого здоровья, бесконечного богатства, легкой работы, развлечения и досуга, романтической жизни и радости.

В китайском языке при выражении поздравления подчеркивается статусное различие между говорящим и адресатом, что объясняется уникальной скромностью китайцев. Типичны такие выражения: 新婚快乐, 早生贵子。 — С днем свадьбы, желаю скорого рождения ребёнка <букв. С днем свадьбы, желаю скорого рождения Вашего благородного сына>. 恭贺新禧。 — Поздравляю с Новым годом <букв. Благоговейно поздравляю Вас с Новым годом>.

В китайской культуре, когда людей поздравляют с личными достижениями, вместо того чтобы принимать поздравления, они проявляют скромность, подчеркивая, что не заслуживают поздравления.

ЭРЖ комплимента

В ядре русского поля комплимента находятся синтаксические конструкции и слова с яркой положительной оценкой: *хорошо, прекрасный (прекрасно), умница, как, какой, так, такой* и т.д. Ср., например:

(17) — *Какой ты у меня умница!* — воскликнула *Марья Николаевна, обратившись к нему* (И. Тургенев, Первая любовь, 1976).

В отличие от прямых комплиментов, косвенный комплимент характеризуется имплицитностью и осуществляется опосредованным образом, при этом автор может сообщать о своих испытываемых ощущениях, в которых намекаются достоинства адресата. Ср., например:

(18) — *Боже, какая красота! По рассказам Лиды я знала, что вы красивая, но — так! До вас даже дотронуться страшно, — кричала она, схватив и встряхивая руки Алины* (М. Горький, Жизнь Матвея Кожемякина, 1937).

Чтобы увеличить правдивость комплиментов, автор может ссылаться на чужие слова. Ср., например:

(19) — *Барин, сказывают, прекрасный: такой добрый, такой веселый* (А. Пушкин, Повести покойного Ивана Петровича Белкина, 1946).

Существуют разнообразные средства выражения положительной оценки через сравнение. Ср., например:

(20) *Тоски ночной и следу нет,
Лицо твое как маков цвет...* (А. Пушкин, Евгений Онегин: роман в стихах, 2012).

В китайском языке при выражении комплимента наиболее всего употребляется конструкция «сущ. + (нар.) + прил.». Наречия *真 — действительно, очень, 太 — очень, 很 — довольно* часто используются для того, чтобы усилить эффект комплимента. Ср., например:

(21) *你们家孩子真聪明!* — Ваши дети очень умные!

В китайском языке активно используются рифмованные устойчивые выражения, особенно характерные для разговорной речи. Ср., например:

(22) 赵师傅真是“老将出马 (ма), 一个顶俩 (ля)”! — Дело мастера боится! <букв. Когда старый генерал выезжает на коне, он один превосходит двоих!>

(23) 行家一出手 (шоу), 就知有没有 (ю), 老王一来机器立马就好了! — Дело мастера боится, как только ремонтник Лао Ван появился, оборудование снова заработало!

Стоит отметить, что в китайской лингвокультуре при выражении комплимента говорящий может сравнивать собеседника с самим собой, возвышать его достоинства, при этом признавать в свой собственной неуспешности, чтобы подчеркнуть достоинства адресата и усилить эффект комплимента:

(24) 我跟您比起来, 何止望尘莫及, 简直是天壤之别。 — По сравнению с Вами я более чем недосыгаем, это целый мир различий <букв. Я отличаюсь от Вас, как земля от неба>.

(25) 我这点儿雕虫小技哪能入得了您的眼! — Как я могу завоевать Ваше сердце своим незначительным мастерством!

В общем, в русской культуре комплименты более частотны, чем в китайской культуре. Китайцы чаще всего выражают комплимент в самоуничижительной манере, а русские при сравнении с собеседником не склонны проявлять самоуничижение.

Эффектная внешность часто служит предметом комплимента русских, что совершенно нехарактерно для китайской культуры.

Выводы

В итоге сопоставительного анализа ЭРЖ извинения, поздравления и комплимента в двух лингвокультурах можно сказать, что русские и китайцы по-разному себя проявляют в общении.

При выражении своих чувств китайцы предпочитают прямым косвенные средства выражения, в общении они себя ведут скромно, даже осторожно и предусмотрительно. Для них как наследников Конфуция чрезвычайно важны вечное стремление к созданию гармонии и сохранение чувства собственного достоинства. Они более сдержанно относятся к использованию языковых средств, обращают серьезное внимание на психическое состояние своего собеседника и стараются во всех ситуациях ставить себя на место другого. В отличие от китайской лингвокультуры, представители русской культуры более открыто и прямо выражают свои мысли. Они легко и с удовольствием принимают от других поздравления, и комплименты, не стесняются отказываться от извинений других и выражать свои реальные чувства.

Этикетные речевые жанры характеризуются национально-культурной спецификой. Знание этикетного речевого жанра способствует лучшему взаимопониманию между коммуникантами, представляющими разные лингвокультуры, позволяет установить и поддержать общение, успешно и вежливо поступать в межкультурной коммуникации.

Литература:

- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М., 1986. С. 250–296.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
- Булгаков М. А. Зойкина квартира: Пьесы. – М.: ЭКСМО-пресс, 2002. 284 с.

- Горький М. Жизнь Клима Самгина: “прощальный” роман писателя в одном доме. М.: Эксмо, 2012. 1404 с.
- Горький М. Жизнь Матвея Кожемякина. М.: Гослитиздат, 1937. 446 с.
- Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997, № 1. С. 109–121.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, ЛКИ, 2008. 284 с.
- Островский А. Н. Художественная проза; Пьесы / А. Н. Островский; [Ил. О. Б. Рытман]. – М.: Правда, 1987. 509 с.
- Писемский А. Ф. Просвещенное время: трагедия в 4-х действиях. 1912. С. 396–442 // Полное собрание сочинений А. Ф. Писемского: Т.8. С. 396–442.
- Писемский А. Ф. Пьесы / [вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Еремина]. М.: Искусство, 1958. 447 с.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин: роман в стихах. СПб: Petronivs, 2012. 279 с.
- Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. – Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1946. 66 с.
- Тарасенко Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соблазновение: Дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 169 с.
- Тургенев И. С. Ася. – Санкт-Петербург: И. Глазунов, 1911. 72 с.
- Тургенев И. С. Первая любовь. – Ижевск: Удмуртия, 1976. 202 с.
- Чехов А. П. Рассказы. М.; Ленинград: Гослитиздат, 1948. 136 с.
- Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. С. 20–32.
- 刘星. 论俄语言语礼节中的道歉语及其答语[J]. 齐齐哈尔大学学报: 哲学社会科学版, 2016 (Лю Син. Об извинениях и их ответах в этикете русского языка // Вестник Цицикарского университета: Издание по философии и социальным наукам, 2016). С. 124–127.
- 袁俭伟. 巴赫金言语体裁理论研究[D]. 南京大学, 2011 (Юань Цзяньвэй. Исследования по теории речевого жанра М. М. Бахтина[D]. Нанкинский университет, 2011). 148 с.
- 朱光潜. 谈美[M]. 南昌: 江西人民出版社, 2020. (Чжу Гуанцян. Об Эстетике. Наньчан: Народное издательство Цзянси, 2020). 185 с.

References:

- Bakhtin M. M. The problem of speech genres // *Aesthetics of verbal creativity*. – 2nd ed. – М., 1986. S. 250–296.
- Bakhtin M. M. The problem of speech genres // *Sobr. soch.* – М.: Russian Dictionaries, 1996. – Vol.5: Works of 1940–1960. S. 159–206.
- Bulgakov M. A. Zoykina Kvartira: Plays. – М.: EXMO-press, 2002. 284 s.
- Gorky M. The Life of Klim Samgin: “farewell” novel of the writer in one house / Maxim Gorky. – Moscow: Eksmo, 2012. 1404 s.
- Gorky M. Life of Matvei Kozhemyakin. – Moscow: Goslitizdat, 1937. 446 s.
- Dementiev V. V. The study of speech genres: a review of works in modern Russian studies // *Questions of linguistics*. 1997, No. 1. S. 109–121.
- Issers O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech / O. S. Issers. M:URSS, LKI, 2008. 284 s.
- Ostrovsky A. N. Artistic prose; Plays / A. N. Ostrovsky; [Illustrated by O. B. Rytman]. – Moscow: Pravda, 1987. 509 s.
- Pisemsky A. F. Enlightened time: a tragedy in 4 acts / A. F. Pisemsky. 1912. С. 396–442 // *The Complete Works of A. F. Pisemsky: Vol. 8. S. 396–442*.

- Pisemsky A. F. Pieces / [intro. article, text preparation and notes by M. Eremin]. – Moscow: Art, 1958. 447 s.
- Pushkin A. S. Eugene Onegin: a novel in verse / A. S. Pushkin. – St. Petersburg: Petronivs, 2012. 279 s.
- Pushkin A. S. Tales of the late Ivan Petrovich Belkin. – Petrozavodsk: State Publishing House of the Karelian-Finnish SSR, 1946. 66 s.
- Tarasenko T. V. Etiquette genres of Russian speech: gratitude, apology, congratulations, condolences: Diss. ... Candidate of Philology. sciences. Krasnoyarsk, 1999. 169 s.
- Turgenev I. S. Asya. – St. Petersburg: I. Glazunov, 1911. 72 s.
- Turgenev I. S. The First Love. – Izhevsk: Udmurtia, 1976. 202 s.
- Chekhov A. P. Rasskaziki. – Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1948. 136 p.
- Shmeleva T. V. Speech genre. Possibilities of description and use in language teaching // Russistik. Russian studies. Scientific journal of actual problems of teaching the Russian language. Berlin, 1990. S. 20–32.
- 刘星. 论俄语言语礼节中的道歉语及其答语[J]. 齐齐哈尔大学学报: 哲学社会科学版, 2016 (Liu Xing. About apologies and their answers in the etiquette of the Russian language // Bulletin of Tsitsikar University: Publication on Philosophy and Social Sciences, 2016). S. 124–127.
- 袁俭伟. 巴赫金言语体裁理论研究[D]. 南京大学, 2011 (Yuan Jianwei. Research on the theory of the speech genre by M. M. Bakhtin. Nanjing University, 2011). 148 s.
- 朱光潜. 谈美[M]. 南昌:江西人民出版社,2020 (Zhu Guangqian. On Aesthetics. Nanchang: Jiangxi People's Publishing House, 2020). 185 s.

Чихарь А. И.

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ С ПРОБЛЕМАМИ ЗАПОМИНАНИЯ И КОНЦЕНТРАЦИИ ВНИМАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассмотрены актуальные проблемы формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов с проблемами запоминания и концентрации внимания на примере преподавания английского языка. Одними из факторов, влияющих на формирование коммуникативной компетенции, являются скорость обработки и запоминания информации. Способность студентов к концентрации играет важную роль в этом процессе. Проведённое исследование с пяти учебных групп показало, что 29 % процентов студентов имеют проблемы с концентрацией внимания в процессе обучения. В статье предложены методики, адаптированные и апробированные для студентов высшей школы. Эффективность использования методов выражается в снижении потери концентрации и как следствие более эффективному запоминанию и усвоению информации.

Ключевые слова: методы, коммуникативные компетенции, концентрация внимания, адаптивные методики

Anastasia Chikhar

Saint Petersburg state university

METHODS FOR DEVELOPING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE AMONG STUDENTS WITH MEMORY AND ATTENTION CONCENTRATION PROBLEMS IN THE PROCESS OF LEARNING ENGLISH

The article discusses current issues in developing foreign language communicative competence among students with memory and attention concentration problems using the example of teaching English. One of the factors influencing the formation of communication competence is the speed of processing and memorizing information. The ability of students to concentrate plays an important role in this process. A study conducted with five study groups showed that 30 percent of students have attention concentration problems during learning. The article proposes methods that have been adapted and tested for higher education students. The effectiveness of using these methods is expressed in reducing loss of concentration and, as a result, more effective memorization and assimilation of information.

Keywords: methods, communicative competence, attention concentration, adaptive methods

В рамках изучения процесса обучения студентов английскому языку автором проводилось исследование способности обучающихся концентрироваться и удерживать внимания на выполнении заданий. В исследовании использовались статистический, графоаналитический метод, метод синтеза и анализа.

Гипотеза автора заключалась в предположении о достаточной распространённости проблемы обучающихся с низкой концентрацией внимания. Целью исследования ставилась задача выявить процентное соотношение подобных студентов к общему количеству учащихся, рассмотреть имеющиеся методики, подходящие для работы с подобной категорией и предложить их усовершенствование и дополнение.

Вклад автора заключается в анализе методик для лучшей концентрации внимания и формирования коммуникативной компетенции обучающихся, анализе и дополнении данных подходов исходя из эмпирического опыта, полученного во время преподавания английского языка.

Согласно проведённому анкетированию, в котором участвовали 100 студентов, были получены следующие данные:

- 29 % студентов испытывают сложности с концентрацией внимания
- 36 % испытывают сложности с доведением дел до конца
- 33 % студентов с трудом запоминают новую информацию
- 29 % склонны откладывать выполнение сложных и ресурсозатратных проектов
- 43 % совершают ошибки по невнимательности, когда приходится работать над скучным или сложным проектом
- У 58 % снижена концентрация внимания при работе над монотонными задачами

Исходя из полученных данных можем сделать вывод о том, что 1/3 студентов хуже запоминают материал семинара, третьей части всей группы сложно сосредоточиться на монотонных задачах и они потратят больше временных и эмоциональных ресурсов на освоение материала

Такое процентное соотношение невозможно списать на статистическую погрешность и следует принимать в расчёт.

Кроме того, студенты с проблемами концентрации могут негативно влиять на успех всей группы, отвлекая внимание и замедляя образовательный процесс. Поэтому использование методик обучения для таких студентов имеет особую важность. Эти методики не только помогают улучшить процесс восприятия информации, но и способствуют развитию коммуникативных навыков.

Для эффективного обучения этой категории студентов не всегда применимы стандартные методы обучения. Однако существует ряд методик, которые подходят как для студентов без проблем с фокусированием внимания, так и для тех, кто испытывает трудности. Более того, эти методики позволяют не только улучшить процесс восприятия информации, но и развить коммуникативную компетенцию.

Коммуникативная компетенция предполагает как знание языкового материала, так и владение техникой общения, а также усвоение соответствующих норм и стереотипов поведения. Она тесно связана с когнитивным и эмоциональным развитием обучающихся и включает в себя широкий спектр знаний, навыков и умений.

Табл. 1. Сравнительный анализ 2 методик обучения

Без учёта особенностей студентов	С учётом особенностей студентов
Монотонные задачи -> низкая концентрация и мотивация	Разнообразные задания -> высокая концентрация и мотивация
Однообразный материал -> низкая скорость усвоения материала	Разнообразный материал -> высокая скорость усвоения материала
Использование материалов, задействующих только зрительный канал восприятия информации	Включение и развитие всех каналов восприятия
Низкая интенсивность процесса обучения	Высокая интенсивность процесса обучения
-	Благоприятный психологический климат
-	Сплочение коллектива
	Вовлеченность студентов

В данной статье рассматриваются ряд методик и предлагается их адаптация под реалии обучения в высшей школе.

Одной из методик, показавшей свою эффективность с неусидчивыми студентами является **мультимодальный подход**. Данная методика подразумевает использование различных типов материалов, таких как аудио, видео, тексты и диаграммы. Это облегчает восприятие информации и повышает концентрацию внимания, а также способствует большей заинтересованности и вовлечённости студентов в процесс обучения.

Существует 3 типа коммуникации: одномодальная, бимодальная и мультимодальная системы.

Табл. 2. Типы модальностей

Одномодальность	Бимодальность	Мультимодальность
Одна система восприятия информации например: только аудиальная или только визуальная	Сочетание 2 систем например: и аудиальная и визуальная	Использование визуальной, аудиальной, кинестетической и цифровой систем восприятия

Одномодальная система предполагает использование только одной системы восприятия информации, например, исключительно аудиальной или сугубо зрительной. Бимодальность означает сочетание двух систем. В то время как мультимодальность опирается не только на зрение и слух, но ещё и на осязание или движение.

Использование одномодальной системы затрудняет процесс обучения из-за снижения концентрации внимания, в то время как мультимодальный подход позволяет задействовать и тренировать различные способы восприятия информации и их переключение. Все это

эффективно влияет на студентов, испытывающих трудности с выполнением однообразных и вынужденными прикладывать дополнительные усилия при одномодальной системе обучения.

Особенно важно отметить, что при мультимодальном подходе задействуются несколько восприятия и обработки информации- визуальный (при работе с презентацией), аудиальный (аудио, видео материалы), дигитальный (систематизирование информации, использование графиков, схем, майндкарт).

Таким образом за счёт переключения каналов восприятия информации полимодальный подход позволяет не только в более полной мере погрузиться в языковую среду, но и помогает студентам переключать своё внимание с одной задачи на другую.

Благодаря этому, те из студентов, которые испытывают трудности с концентрацией внимания на монотонных задачах могут снизить степень фрустрации и более активно вовлечься в учебный процесс.

Примеры из практики:

Примеры использования мультимодального подхода:

- проектная деятельность

Примером использования мультимодального подхода в проектной деятельности может служить подготовка презентации про свой город, съёмка видеоролика о своих хобби

- песни зарубежных исполнителей и отрывки телепередач или фильмов

Для совмещение аудиального, визуального и логического способа подачи информации подойдёт просмотр видео роликов зарубежных спикеров, ведущих и музыкальных исполнителей. К тому же подобные видео способствуют отработке как лексики так и грамматики

- более того благодаря интернет ресурсам многие лексические, орфографические и грамматические игры превращаются в мультимодальные инструменты
Онлайн ресурсы : <https://en.islcollective.com/>
<https://wordwall.net/>

Второй методикой, которая может эффективно применяться для студентов с проблемами концентрации является **игровая методика**.

Несмотря на бытующее мнение о применении игр в среде дошкольного и младшего школьного образования, геймификация может показать свою эффективность и для высших учебных заведений.

Использование игровой методики позволяет повысить вовлеченность и заинтересовать в процессе обучения и облегчить усвоение и отработку информации.

Также геймификация оказывает позитивный эффект на межличностные отношения, способствует сплочению учебного коллектива и создаёт благоприятный психологический климат в группе. Это в свою очередь повышает скорость восприятия и обработки информации, интенсифицируя процесс обучения.

Игры, применяемые для обучения студентов английскому языку, можно условно разделить на 2 категории: языковые и речевые игры.

Языковые игры подразумевают формирование навыков в орфографии, фонетике, лексике и грамматике.

Речевые игры применяют для отработки ситуаций(ситуативные), исполнения определенных ролей (ролевые) и решения конкретной проблемы (деловые).

Табл. 3. Классификация игр, использующихся в обучении иностранному языку

Обучающие игры					
Языковые игры				Речевые игры	
Грамматические	Лексические	Орфографические	Фонетические	Ролевые	Деловые

Геймификация процесса обучения позволяет овладевать языковыми и речевыми навыками в ситуациях, максимально приближенных к реальным.

Так, языковые игры тренируют тот или иной навык, например, отрабатывают орфографию или произношение, активизируют лексический или грамматический материал.

В то время как речевые игры активизируют разговорную деятельность, создают психологическую готовность обучающихся к речевому общению и обучают аргументированному выражению собственного мнения.

Примеры из практики:

Примеры использования фонетических игр:

- Скороговорки
She sells seashells by the seashore.
A big black bug bit a big black bear.
Задание: а) произнесите с различными эмоциями
б) произнесите в определённой роли (как несправедливо обвиняемый подсудимый, как прокурор, как журналист, пытающийся выведать секреты у звезды, как звезда, которой надоели назойливые журналисты)
- «Читай по губам»
Задание: студенты делятся на 2 группы и готовят список изученных слов. Один из студентов группы А артикулирует слово, студенты группы Б пытаются прочесть слово по губам. Задание помогает в отработке артикуляции звуков

Примеры использования лексических игр:

- Объясните слово:
Задание: не используя однокоренных слов объяснить слово или фразу
(Более лёгкая вариация игры - «mime it» когда слово объясняется жестами) Примеры:
Paralegal- an attorney's assistant with specialized legal training Court - the place where people go to conduct legal business Verdict - a legal conclusion Civil - occurring between citizens
- Кроссворды
Задание: а) решите кроссворд на определённую тему
б) составьте собственный кроссворд
- «Banana Game»
Задание: студенты А и В имеют список изученной лексики. Студент А составляет предложения или рассказ, используя данную лексику, заменяя некоторые слова на слово «banana». Студент В по смыслу догадывается и озвучивает слово. Затем они меняются.

Пример: In some cases, a BANANA listens to arguments for and against the BANANA. Then they decide on a BANANA. Finally, the BANANA makes a decision to resolve the BANANA.

Примеры использования орфографических игр:

- «Расшифровка»
Задание: необходимо переставить буквы так, чтобы получилось слово
Пример: tatneouг
edefdnant
octur
alswiut
- «Слова с определённой буквой»
Задание: назовите все слова из изученных, в которых есть буква а, г, с
R- lawyer, risk, court, attorney, verdict ...

Примеры использования грамматических игр:

- Крестики-нолики
Задание: составить предложения используя определённую грамматическую конструкцию, например, Present Perfect

Have been +	Have been -	Have been -
Have been?	Have been +	Have been?
Have been -	Have been?	Have been +

- Грамматическое Бинго
Использование игры Bingo для отработки грамматических тем
- Грамматическое UNO
Использование игры UNO для отработки грамматических тем

Примеры использования ролевых и деловых игр:

Задание: в качестве подводки к заданию участники разбирают диалог, далее делятся на команды и, согласно своей роли, вживаются в ситуацию. Команды – plaintiff, plaintiff's attorney, defendant. Побеждает более убедительная команда.

Lawyer: Hello, Mr. Williams. I received an offer from Ms. Johnson's lawyer. She's ready to end this dispute.

Client: Really? What do we need to do?

Lawyer: Well, she's not dropping the lawsuit unless you agree to settle.

Client: What is she asking for?

Lawyer: She wants you to damages to pay for half of the damages to her car.

Client: But I didn't wreck her car! Someone else ran into it.

Lawyer: I know. But since you have no proof, I suggest you settle.

Client: I don't like it. But I guess you are right.

Также помимо двух описанных в данной статье методик, автор считает важным привести **способы совершенствования образовательного процесса** среди обучающихся с проблемами концентрации внимания, полученные эмпирическим путём.

Своё благоприятное влияние на процесс усвоения и отработки информации показали **рефлексия и позитивное подкрепление учащихся**. Так, например, после выполнения речевой

игры студентам может предлагаться оценить своё участие в игре, отвечая на 2 вопроса: что удалось им лучше всего и что они могли бы улучшить. При этом преподаватель также предоставляет студентам обратную связь в позитивном ключе, указывая на зоны роста и подчёркивая особо удачные моменты игрового и речевого взаимодействия.

Данная практика повышает мотивацию и самооценку обучающихся, что, в свою очередь, способствует лучшей концентрации внимания при выполнении дальнейших заданий.

Помимо этого, на взгляд автора, **структурирование материала** позволяет снизить потери концентрации.

Стимулирование студентов к представлению информации в схематичном виде, например, в виде таблиц или майндкарт, способствует лучшему упорядочиванию и как следствие запоминанию информации. Кроме того, таблицы, схемы и майндкарты формируют навык выделения главного, обобщения и разделения, который применим не только в процессе освоения иностранного языка, но и в образовательном процессе в целом

Кроме того, автор убеждён, что понимание обучающимся целей того или иного задания или упражнения также позволяет улучшить мотивацию и концентрацию. Применение данной рекомендации подразумевает озвучивание преподавателем данных целей или плавное подталкивание студентов к пониманию целей и задач конкретных языковых практик путём непосредственно опроса мнения студентов о целях и задачах конкретных практик.

Вывод

При обучении студентов со сложностями концентрации внимания и запоминания информации традиционные подходы показывают низкую эффективность, при этом при внедрении мультимодального подхода, геймификации, обратной связи и структурирования информации наблюдается улучшение успеваемости и вовлечённости студентов в процесс обучения.

Литература:

- Маслыко Е. А. Настольная книга преподавателя английского языка / Е. А. Маслыко, П. К. Бабинская, А. Ф. Будко, С. И. Петрова. Минск, 2001. С. 191.
- Гу Ю. Анализ мультимедийного и мультимодального обучения // Электронное обучение иностранным языкам. 2007. № 4. С. 3–12.
- Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранному языку. Лингводидактика и методика. - М.: Издательский центр «Академия», 2008. 336с.
- Коньшева А. В. Игровой метод в обучении иностранному языку. СПб.: КАРО, 2008. 192с

References:

- Maslyko E. A. Nastolnaya kniga prepodavatelya angliyskogo yazyka / E. A. Maslyko, P. K. Babinskaya, A. F. Budko, S. I. Petrova. Minsk, 2001. S. 191.
- Gu Yu. Analiz multimediy'nogo i multimodal'nogo obucheniya // Elektronnoe obuchenie inostrannym yazykam. 2007. – № 4. – S. 3–12.
- Galskova N. D. Teoriya obucheniya inostrannomu yazyku. Lingvodidaktika i metodika. - M.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya», 2008. – 336s.
- Konyshcheva A. V. Igrovoy metod v obuchenii inostrannomu yazyku. – SPb.: KARO, 2008.– 192s

Шустрова Е. В.

Российский государственный профессионально-педагогический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ МОНОЛОГИЧЕСКОМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ

Рассмотрены возможные алгоритмы работы по улучшению профессиональных компетенций, включая языковую и речевую, при освоении различных способов конструирования и продуцирования монологического высказывания в процессе профессиональной подготовки специалистов по иностранному языку. Обсуждаются сложности, возникающие при освоении этого вида речевой деятельности. В качестве основных лингводидактических подходов в исследовании используются проблемный и системный подходы. Рассматриваются типологии сюжета и персонажей, которые могут служить опорой при конструировании своей собственной речи. Приводятся возможные технологии формирования поликодовой компетенции, включая технологию структуры сюжета, технологию функций действующих лиц, технологию аксиологических ценностей, технологию типов конфликта. Далее обсуждаются возможности использования поликодовых текстов и систем искусственного интеллекта для развития монологической речи в системе иноязычного профессионального образования.

ключевые слова: поликодовая компетенция, монологическое высказывание, профессиональное образование.

Elizaveta Shustrova

Russian State Vocational Pedagogical University

POLYCODE TEXTS IN MONOLOGUE SPEAKING SKILLS ACQUISITION

We suggest various algorithms, which may assist in building better professional competence, including both linguistic and speaking skills. As an example, we focus upon possible ways of forming and producing monologues in the course of professional training at faculties of modern languages. Some difficulties, which may arise in the process, are also part of the discussion. Problem solving and systematic approaches were implemented. We discuss certain typologies of plots and characters, which may help students to feel more assured when making their own analysis. We suggest a number of learning techniques, including technique of plot structure, technique of character roles, technique of axiological values, technique of conflict types. Possible structures and plans for fiction analysis are presented. One more point for discussion is connected with polycode texts, artificial intellect systems and their role in professional competence acquisition.

Keywords: polycode competence, monologue, professional training.

Наша статья посвящена анализу возможностей, которые дают поликодовые тексты при формировании профессиональных компетенций будущих преподавателей английского языка и переводчиков. Исследования российских и зарубежных методистов [Агапов, 2001; Биболетова, 2010; Биболетова, Трубанева, 2022; Бим, 2014; Лукьянова, 2014; Мильруд, Максимова, 2014,

2019, 2020; Сафонова, 1996, 2001; Сысоев, 2001, Vim, Milrud, Safonova, 2018; Bearne, 2010; Bowcher, 2012; Вугам, 2020 и др.] свидетельствуют, что формирование языковой и речевой компетентности в процессе получения иноязычного профессионального образования предполагает в числе прочих хорошо сформированные навыки работы с текстом разных типов и умение выстраивать монологическое высказывание разных типов, которое соотносится с прагматической целью коммуникации.

Наш опыт показывает, что, с одной стороны, в современных условиях применение только традиционных технологий работы с текстовым материалом не всегда соотносится с ожиданиями обучающихся, не в полной мере удовлетворяет их запросам. С другой стороны, формирование профессиональной компетенции невозможно без построения таких технологии и алгоритмов, которые развивают речевые и языковые компетенции, а не просто выступают в качестве развлечения. Это противоречие диктует необходимость такого подбора материала, который отвечает требованиям, предъявляемым к развитию профессиональной компетенции, и содержит определенные, достаточно сложные речевые и прагматические образцы, но одновременно включает современные языковые элементы, создает эмоциональный отклик, позволяет работать с комплексом не только речевых, но и лингвокультурных явлений. Такой материал содержится в поликодовых текстах, включая видеоролики разных типов, клипы, фильмографию. В рамках данной статьи мы будем использовать термин «поликодовый текст», для обозначения сложных семиотических систем, построенных на сочетании разных кодов (языкового, музыкального, графического, пластики и т.д.). По нашему определению, это поликодовые тексты динамичного типа [Шустрова, 2014]. Одновременно с ними мы выделяем поликодовые тексты статичного типа, куда можно отнести карикатуру, стендовую и печатную рекламу, мемы и т.д.

В качестве *преимуществ* групповой работы над монологическим высказыванием авторы [см., например, Cannon, Newble, 2006, p. 19-35; Larsen-Freeman, 2003, p. 5] указывают такие аспекты, как развитие чувства самодентичности, уверенности, ответственности, доверия; чувства принадлежности к определенной группе; чувства эмпатии и эмоционального развития; навык установления контакта и работы в группе; навыки преодоления сложностей и решения задач; навык аудирования и т.д. Но для того, чтобы выстраивать монолог, особенно в условиях группы, нужен правильный стимул или ряд таких стимулов, инициированных преподавателем. Проблема заключается в том, что такой стимул должен, с одной стороны, соотноситься с учебными целями, темами курса и в дальнейшем приводить к планомерной работе над лексикой, речевыми моделями и другими языковыми и речевыми аспектами. С другой стороны, стимулирование речи не должно выглядеть искусственно, и хотя обучающиеся понимают, что это не обычный, а во многом учебный разговор, тем не менее, чем лучше стимул соотносится с запросами и настроением аудитории, тем лучше будет эффект.

В современных условиях работа над монологическим высказыванием предполагает опору не только на традиционные типы текста, которые могут выступать в качестве основы для создания стимулов, но и сложные поликодовые тексты, которыми изобилует интернет. Наш опыт показывает, что они отлично подходят для создания вектора дискуссии и удержания внимания. Эти же типы текстов уже стали неотъемлемой частью общего и единого государственного экзамена, и задания на их основе относятся к одним из наиболее сложных. Такие тексты действительно неминуемо создают ряд сложностей, даже у студентов профессиональных языковых отделений. Основные *сложности*, на наш взгляд, продиктованы тем, что обучающиеся в данной ситуации должны учитывать и одновременно работать с тремя составляющими. Это вербальный код, графический код и непосредственно структура текста. В результате, как правило, возникают две проблемы:

- Обучающиеся не знают, **что** сказать.

- Обучающиеся не знают, **как** это выразить.

В результате часто получаются две стандартные ситуации:

- Если обучающиеся строят **предложения**, то это не **монолог**.
- Если обучающиеся пытаются создать **сюжет**, то возникают **языковые сложности**.

Переходя к технологиям, способным исправить ситуацию, отметим, что в ходе осуществления профессиональной подготовки они должны выступать в совокупности с другими традиционными технологиями формирования навыков монологической речи. Одна из таких технологий связана с возможностями использования программ моделирования произведений разных жанров, т.н. Plot generators (см., например, <https://www.plot-generator.org.uk/>). Эти программы удобны тем, что позволяют быстро создать сказку, сонет, короткий рассказ, сюжет для триллера, сентиментального романа и т.д. Их можно использовать для того, чтобы обучающиеся подобрали нужную лексику, которую запрашивает программа. Если нужен какой-то новый текстовый материал и участие обучающихся в его создании, в том числе групповое, это действительно удобно. Одновременно программа сейчас позволяет создать и простую графику. Тем не менее, в результате получается не свое собственное высказывание, а текст, сгенерированный программой, в который нужно было просто добавить отдельные слова. Т.е. никакие грамматические структуры обучающийся не выстраивал, так же как и не участвовал в сохранении жанровой специфики, развитии сюжета, создании художественного и прагматического эффекта. Даже лексика, которую запрашивает программа, не должна быть объединена по принципу синонимии, антонимии, соотносённости с эпохой, функциями высказывания, т.е. нет всего того, над чем работают при обучении монологической речи и письму. Кроме того, созданные тексты невозможно применить к ситуациям реального общения. Дополнительно отметим, что часто те же сказки получаются слишком объемными и как результат скучными, потому что обучающийся может уже не хотеть читать до конца текст, построенный по стандартной схеме, с тривиальными, предугадываемыми решениями, не обладающий художественной ценностью и не отражающий намерений автора. Хотя как вспомогательное средство такие тексты можно иногда использовать, мы бы предложили доработать созданный продукт и предложить к нему дотекстовые, текстовые и послетекстовые задания, которые бы позволили обучающимся развить свои собственные языковые и речевые навыки.

С нашей точки зрения, опорой при конструировании своей собственной речи могут служить типологии сюжета и персонажей, используемые в том числе в фольклористике. Один из таких каталогов типологий сказочных сюжетов был создан на основе работ трех авторов А. Аарне, С. Томпсона и Г. Утера и получил название Индекс ATU [Aarne, 1910; The Types of International Folktales, 2004, Thompson, 1961; Uther, 2015]. Каталог включает:

1. Сказки о животных.
2. Собственно сказки:
  - A. Волшебные сказки.
  - B. Легендарные сказки.
  - C. Сказки о глупом чёрте (великане).
3. Анекдоты.

Сравнительный указатель сюжетов для восточнославянской сказки [Бараг и др., 1979] включает несколько иной набор, поскольку было замечено, что в славянских сказках есть отличия по сравнению с европейскими сказками. Он включает:

1. Сказки о животных.

2. Собственно сказки:
  - A. Волшебные сказки.
  - B. Легендарные сказки.
  - C. Новеллистические сказки.
  - D. Сказки об одураченном чёрте.
3. Анекдоты.

Поскольку сюжеты изложены кратко, понятно, с необходимыми деталями и хорошо соотносятся с предыдущим лингвокультурным опытом обучающихся, они отлично подходят в качестве схемы, которую можно использовать для стимула. Кроме того, поскольку часто сказка содержит аллюзию или кодирование реальной жизненной ситуации, ее сюжет вполне можно использовать для создания более реальных ситуаций и продуцирования на этой основе разных типов дискурса. Очень удобна в этом отношении методика В. Я. Проппа. В частности, он обнаружил, что постоянными, повторяющимися элементами волшебной сказки являются *функции действующих лиц* (общим числом тридцать одна): отлучка, запрет и нарушение запрета, разведка вредителя и выдача ему сведений о герое, подвох и пособничество, вредительство (или недостача), посредничество, начинающееся противодействие, отправка, первая функция дарителя и реакция героя, получение волшебного средства, пространственное перемещение, борьба, клеймение героя, победа, ликвидация недостачи, возвращение героя, преследование и спасение, незнанное прибытие, притязания ложного героя, трудная задача и решение, узнавание и обличение, трансфигурация, наказание, свадьба. Неизменным оказался и набор *ролей* (числом семь), между которыми определенным образом распределяются конкретные сказочные персонажи со своими атрибутами. Каждый из семи действующих лиц (т. е. ролей), а именно антагонист (вредитель), даритель, помощник, царевна или ее отец, отправитель, герой, ложный герой, имеет свой круг действий, т. е. одну или несколько функций. Также были описаны основные модели сюжетов волшебной сказки. Одной из наиболее типичных стала модель «объект+вредительство+волшебный предмет+собственный интерес протагониста» [Пропп, 1928; 2000]. Эти схемы хорошо работают при совмещении с т.н. STORY CARDS (на рынке методической продукции они называются «Once upon a time...», в русской игровой версии «В некотором царстве...»). Набор карт содержит 28 карт персонажей, 20 карт места, 20 карт событий, 20 карт волшебных предметов, 20 карт характеристики персонажа, и карты развязок сюжета. В данной ситуации набор карт и их совмещение с более сложными принципами типологии сюжета, что полезно знать студентам-филологам, позволяет создать как поликодовый монолог, так и поликодовый полилог. При этом необязательно приобретать эти наборы. Можно самостоятельно подобрать необходимую графику на основе баз иллюстраций в интернете. Это вторая технология.

Третья технология предполагает опору на аксиологические ценности. В. И. Карасик отмечает, что объектом аксиологической лингвистики становятся типы ценностей и коммуникативные способы их выражения [Карасик, 2023, с. 49-58]. Последнее особенно важно при обучении монологическому высказыванию. Также важно деление всех коммуникативных ситуаций на ценностно маркированные (аксиогенные) и ценностно нейтральные. Соответственно, при планировании стимула стоит делать опору именно на первый тип ситуаций, поскольку они будут быстрее создавать нужный отклик. Поликодовый текст в этом случае может выступать точкой отсчета. Опора на уже созданный продукт поможет быстрее выявить нужные связи, установить языковые единицы, «в содержании которых наличествует специализированное, связанное или контекстуально наведенное оценочное содержание, включающее обозначение объекта и субъекта оценки, оценочный знак, идеал или образец и оценочную мотивировку» [Карасик, 2023, с. 49].

Четвертая технология выстраивается с опорой на типы конфликта. В частности, для англоязычного текста, как традиционного, так и поликодового, характерны следующие типы оппозиций, создающие конфликт: внутреннее пространство – внешнее пространство, жизнь – смерть, человек – природа, человек – общество, человек – Бог, мужчина – женщина, взрослый – ребенок, человек – человек + расовый, исторический, социальный и т.д. контекст. Выявление типов конфликта в поликодовом тексте разных типов и их последующее обсуждение способны создать стимул для качественного монологического высказывания.

В предыдущих технологиях мы предлагали использовать поликодовый текст как точку отсчета, как произведение, аксиологический продукт, создающий стимул. Второй путь – это путь от обратного, от традиционного текста к созданию поликодового. Системы искусственного интеллекта, включая ChatGPT, позволяют легко создавать графику разных типов. Мы использовали генераторы изображений Fotor AI и Craiyon [<https://www.fotor.com/ai-art-generator/>, <https://www.craiyon.com/>]. Практика показала, что любая из таких систем будет выстраивать качественное изображение только при условии развернутого монологического высказывания или письменной версии текста с необходимыми деталями. Далее изображение требует последующей коррекции вновь при помощи качественного речевого или письменного обмена информацией. Таким образом, человек, создающий поликодовый текст, должен уметь заложить определенные детерминанты в свою собственную речь. Чем лучше они выражены, тем качественнее будет поликодовый продукт, что в свою очередь создает еще один стимул для развернутого монологического высказывания.

Предложенные технологии были многократно апробированы нами в процессе преподавания как практики речевого общения, так и теоретических дисциплин на специализированных отделениях вузов. Наш опыт показывает, что такие технологии служат хорошим дополнением к традиционным видам учебной деятельности и способствуют развитию языковой, речевой, коммуникативной, лингвокультурной и социокультурной компетенций обучающихся.

Литература:

- Агапов И. Г. Теоретические основы технологического обеспечения развития общих компетенций обучающихся в школе: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук. М., 2001. 367 с.
- Бараг Л. Г. и др. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979. 437 с.
- Биболетова М. З. Тенденции иноязычного школьного образования в современном российском социуме // Иностранные языки в высшей школе. 2010. №2(13). С. 6-12.
- Биболетова М. З., Трубанева Н. Н. Иностранный язык. Реализация требований ФГОС Основного общего образования. М., 2022. 104 с.
- Бим И. Л. Понятие системы обучения иностранным языкам на разных уровнях рассмотрения // Иностранные языки в школе. 2014. №4. С. 56-66.
- Карасик В. И. Лингвокультурные сюжеты как объект аксиологической лингвистики // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. М., 2023. С. 49-58.
- Лукьянова Л. А. Формирование функционально-содержательной основы социокультурной компетенции учащихся 10–11 классов общеобразовательной школы (на материале английского языка): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. СПб., 2014. 22 с.
- Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Когнитивная модель грамматической компетенции учащихся // Язык и культура. 2014. №2(26). С. 134-145.

- Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2019. №5. С. 17.
- Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Эссе как жанр, прием обучения и инструмент педагогического измерения // Язык и культура. 2020. №49. С. 255-275.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. 336 с.
- Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928. 152 с.
- Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж, 1996. 240 с.
- Сафонова В. В. Проблемные задания на уроках английского языка в школе. М., 2021. 271 с.
- Сысоев П. В. Культурное самоопределение личности в контексте диалога культур. Тамбов, 2001. 145 с.
- Шустрова Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура. Екатеринбург, 2014. 370 с.
- Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen. Helsinki, 1910. 68 s.
- AI Art Generator: Create AI Artwork Online for Free. <https://www.fotor.com/ai-art-generator/>
- Bearne E. Beyond Words: Developing Children's Response to Multimodal Text. United Kingdom Literacy Association, 2010. 44 p.
- Bim I. L., Milrud R. P., Safonova V. V. Implementation of the linguistic and cultural approach in German lessons // Иностранные языки в школе. 2018. №6. P. 56-59.
- Bowcher W. L. (Ed.). Multimodal Texts from around the World: Cultural and Linguistic Insights. UK, 2012. 330 p.
- Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. UK, 2020. 200 p.
- Cannon R., Newble D. A Handbook for Teachers in Universities and Colleges. London: New York, 2006. 242 p.
- Craiyon. Your FREE AI image generator tool: Create AI art! <https://www.craiyon.com/>
- Larsen-Freeman D. Techniques and Principles in Language Teaching. Oxford, 2003. 191 p.
- Plot generator. Infinite story ideas based on your input. <https://www.plot-generator.org.uk/>
- The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography, based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson / Ed. by S. Dinslage, S. Fähmann, Ch. Goldberg, G. Schwibbe. Helsinki, 2004. 619 p., 536 p., 285 p.
- Thompson S. The types of the Folktale. A classification and bibliography. Helsinki, 1961. 588 p.
- Uther H. J. Deutscher Märchenkatalog. Münster, 2015. 758 p.

References:

- Agapov I. G. Teoreticheskiye osnovy tekhnologicheskogo obespecheniya kompetentsiy obuchayushchikhsya v shkole: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeny doctora pedagogicheskikh nauk [Theoretical grounds of technological support for development of general competences in school education: Doctor nauk dissertation]. Moscow, 2001, 367 p.
- Barag L. G., et al. Sravnitel'nyy ukazatel' s'uzhetov. Vostochnoslav'anskaya skazka. [Comparative Index of Plots. Eastern Slavic fairy tale]. Leningrad, 1979, 437 p.
- Biboletova M. Z. Tendentsii inoyazychnogo shkol'nogo obrazovaniya v sovrenennom Rossiyskom sotsiume. [Tendencies of foreign language school education in modern Russian society]. Inostranniy yazyky v shkole. [Foreign Languages at School]. 2010, 2(13), 6-12.
- Biboletova M. Z., Truban'eva N. N. Inostranniy yazyk. Realizatsiya trebovaniy FGOS osnovnogo obshchego obrazovaniya [Foreign Languages. Implementation of Federal State Educational Standard requirements in the field of general school education]. Moscow, 2022, 104 p.

- Bim I. L. Ponyatiye sistemy obucheniya inostrannim yazykam na raznykh urovnyakh rassmotreniya. [The Notion of system in foreign languages teaching at different levels of analysis]. *Inostranniy yazyky v shkole. [Foreign Languages at School]*. 2014, 4, 56-66.
- Karasik V. I. Lingvokul'turniye s'uzhety kak ob'ekt aksiologicheskoy lingvistiki. [Linguocultural subjects as one of the directions in the development of axiological linguistics]. *Sovremennaya Rossiyskaya Aksiosfera: Semantika i pragmatika identichnosti. [Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity]*. Moscow, 2023, 49-58.
- Luk'yanova L. A. Formirovaniye funktsional'no-soderzhatel'noy osnovy sociocul'turnoy kompetentsii uchashchikhsya 10-11 klassov obshcheobrazovatel'noy shkoly (na materiale angliyskogo yazyka): avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeny doktora pedagogicheskikh nauk [Formation of functional and content basis of sociocultural competence of 10-11 graders in general school (on the basis of the English language): Thesis of Doctor nauk dissertation]. St. Petersburg, 2014, 22 p.
- Milrud R. P., Maksimova I. R. Kognitivnaya model' grammaticheskoy kompetentsii uchashchikhsya. [Cognitive model of grammar competence]. *Yazyk i Kul'tura. [Language and Culture]*. 2014, 2(26), 134-145.
- Milrud R. P., Maksimova I. R. Sovremenniy kontseptual'niye printsipy kommunikativnogo obucheniya inostrannim yazykam. [Modern conceptual principles of communicative method in teaching foreign languages]. *Inostranniy yazyky v shkole. [Foreign Languages at School]*. 2019, 5, 17.
- Milrud R. P., Maksimova I. R. Esse kak zhanr, priyem obucheniya i instrument pedagogicheskogo izmereniya. [Essay as genre, teaching technique and means of pedagogical assessment]. *Yazyk i Kul'tura. [Language and Culture]*. 2020, 49, 255-275.
- Propp V. Y. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki. [Historical roots of fairy tale]. Moscow, 2000, 336 p.
- Propp V. Y. Morfologiya skazki. [Morphology of fairy tale]. Leningrad, 1928, 152 p.
- Safonova V. V. Izycheniye yazykov mezhdunarodnogo obshcheniya v kontekste dialoga kul'tur i tsivilizatsiy. [Learning languages of international communication in the context of dialogue of cultures and civilizations]. Voronezh, 1996, 240 p.
- Safonova V. V. Problemniye zadaniya na urokakh angliyskogo yazyka v shkole. [Problem-solving tasks at English lessons in school]. Moscow, 2021, 271 p.
- Sysoev P. V. Kul'turnoye samoopredeleniye lich'nosty v kontekste dialoga kul'tur. [Cultural self-determination of personality in the context of dialogue of cultures]. Tambov, 2001. 145 c.
- Shustrova E. V. Barack Obama i sovremennaya amerikanskaya karikatura. [Barack Obama and modern American cartoon]. Ekaterinburg, 2014, 370 p.
- Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen. Helsinki, 1910, 68 s.
- AI Art Generator: Create AI Artwork Online for Free. <https://www.fotor.com/ai-art-generator/>
- Bearne E. Beyond Words: Developing Children's Response to Multimodal Text. United Kingdom Literacy Association, 2010, 44 p.
- Bim I. L., Milrud R. P., Safonova V. V. Implementation of the linguistic and cultural approach in German lessons. *Inostranniy yazyky v shkole. [Foreign Languages at School]*. 2018, 6, 56-59.
- Bowcher W. L. (Ed.). Multimodal Texts from around the World: Cultural and Linguistic Insights. UK, 2012, 330 p.
- Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. UK, 2020, 200 p.
- Cannon R., Newble D. A Handbook for Teachers in Universities and Colleges. London: New York, 2006, 242 p.
- Craiyon. Your FREE AI image generator tool: Create AI art! <https://www.craiyon.com/>
- Larsen-Freeman D. Techniques and Principles in Language Teaching. Oxford, 2003, 191 p.
- Plot generator. Infinite story ideas based on your input. <https://www.plot-generator.org.uk/>

The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography, based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson / Ed. by S. Dinslage, S. Fähmann, Ch. Goldberg, G. Schwibbe. Helsinki, 2004, 619 p., 536 p., 285 p.

Thompson S. The types of the Folktale. A classification and bibliography. Helsinki, 1961, 588 p.

Uther H. J. Deutscher Märchenkatalog. Münster, 2015, 758 p.

Сведения об авторах

Абакумова Ольга Борисовна – д-р филол. наук, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 302026, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; abakumova-ob@mail.ru

Абалueva Снежана Николаевна – аспирант; Тихоокеанский государственный университет, Россия 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; abaluevasnezana@gmail.com

Абраменко Екатерина Валерьевна – канд. филол. наук, доцент, Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ), Россия, 344002, Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., 69; kygare@yandex.ru

Аверьянова Дарья Владимировна – методист; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9; dasaaveranova7@gmail.com

Аксенова Надежда Владимировна – канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.aksenova@spbu.ru

Андреева Виктория Олеговна – студент; Московский городской педагогический университет

Афанасьева Арина Алексеевна – аспирант; Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15; arina-af@inbox.ru

Байбикова Эльвина Ринатовна – магистрант; Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук», Татарстан, 420111, Казань, ул. Лобачевского, 2/31. Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32; elvinka.98@mail.ru

Банникова Ульяна Кирилловна – магистр; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27 корп. 4; ukbanikoff@gmail.com

Бареева Наталья Сергеевна – д-р филол. наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15; svirel23@rambler.ru

Батурина Юлия Всеволодовна – канд. педагог. наук, jbatulina@yandex.com

Бахарева Екатерина Денисовна – студент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, Волгоград, пр. им В. И. Ленина, д.27; bakhareva111@gmail.com

Бедрина Ирина Сергеевна – канд. филол. наук, Уральский государственный юридический университет, 620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21; bedrinairina@rambler.ru

Березина Ольга Александровна – д-р филол. наук, доцент; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; berezinaolga@gmail.com

Боголюбова Наталья Михайловна – канд. истор. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9; bogoliubovanm@gmail.com

Борисова Лидия Александровна – канд. филол. наук; Воронежский государственный университет, Россия, 394018, Воронеж, Университетская площадь, 1; borisova_la@rgph.vsu.ru

Бузреева Елена Александровна – канд. педагог. наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Быкова Ольга Вячеславовна – ст. препод.; Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д.1; bykova_ov@voenmeh.ru

Викторова Елена Владимировна – преподаватель; Челябинский государственный университет, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д.129; evmatveeva1992@gmail.com

Выиенская Юлия Павловна – д-р филол. наук, доцент; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; clemence_isaure@rambler.ru

Гаврилюк Мария Александровна – магистрант; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9; mgavriiliuk98@gmail.com

Гальчинский Дмитрий Николаевич – магистр, аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9; dmitrygalchinskiy@mail.ru

Генидзе Наталья Кирилловна – канд. филол. наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Голубева Светлана Леонидовна – канд. филос. наук; Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения;

Горохов Анатолий Алексеевич – канд. богословия, канд. истор. наук, доцент; Тобольская Духовная семинария, 626152, Тобольск, Россия

Григорьева Алена Сергеевна – аспирант; Новосибирский государственный университет, Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1; a.grigoreva7@g.nsu.ru

Гришин Алексей Юльевич – канд. филос. наук; Московский государственный лингвистический университет, 119034, Москва, ул. Остоженка д. 38 стр. 1; grishinaj@yandex.ru

Гунсурунова Анна Викторовна – аспирант; Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, ann03ann@mail.ru

Денисова Наталья Викторовна – канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.denisova@spbu.ru

Дмитриева Дина Сергеевна – ординатор; Санкт-Петербургский химико-фармацевтический университет, 197376, Россия, Санкт-Петербург, улица Профессора Попова, д. 14; dmitrieva.dina@spcru.ru

Дудкин Олег Сергеевич – канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет; доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики; доцент; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия, doudkintranslate@gmail.com

Емельянова Ольга Витальевна – канд. филол. наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; o.emelianova@spbu.ru

Жилук Сергей Александрович – канд. филол. наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; s.a.jiluck@gmail.com

Зорина Екатерина Сергеевна – канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; e.zorina@spbu.ru

Изотова Надежда Васильевна – канд. педагог. наук, доцент; Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, Россия, 241036, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; n.v.izotova@rambler.ru

Ильenkova Елизавета Андреевна – аспирант; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;

Имеретинская Наталья Дмитриевна – канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный Технологический институт (Технический университет), Россия, 190013, Санкт-Петербург, Московский проспект, дом 24-26/49 литера А; natasha30-2@mail.ru

Казачкова Юлия Александровна – ассистент; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, kazachkova.yu@unecop.ru

Китаева Елена Мартовна – канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; e.kitaeva@spbu.ru

Климовская Алиса Яковлевна – канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; klimama@yandex.ru

Колядин Антон Валерьевич – ассистент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ; kav3105@yandex.ru

Кондратьева Екатерина Александровна – Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; elli_verano@yahoo.fr

Кондратьева Екатерина Александровна – ст. препод.; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; elli_verano@yahoo.fr

Корнева Елена Владимировна – канд. филол. наук, доц.; Воронежский государственный университет, Россия, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1; el_korneva@mail.ru

Кривенко Ольга Александровна – «Медицинский колледж министерства здравоохранения и демографической политики Магаданской области», Россия, 685000, Магадан, ул. Октябрьская, д. 19; northmagadansevere491@yandex.ru

Кузнецова Алиса Евгеньевна – канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; a.e.kuznetsova@spbu.ru

Лаврова Ольга Валентиновна – магистрант; Московский государственный педагогический университет; olga_lavrova@hotmail.com

Мagnec Наталья Олеговна – канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; n.magnes@spbu.ru

Маругина Надежда Ивановна – канд. филол. наук; Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; marugina_nadya@mail.ru

Матяши Виктория Васильевна – магистрант; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9; st069561@student.spbu.ru

Метельская Екатерина Михайловна – Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7 – 9; e.metelskaya@spbu.ru

Микаелян Эдуард Артюшевич – студент; Петербургский государственный экономический университет, 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Россия; eduard.mikaelian@yandex.ru

Микоян Ашхен Степановна – канд. филол. наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, филологический факультет; aschen@wdecb.ru

Минченков Алексей Генриевич – д-р филол. наук, проф.; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9; alexey.minchenkov@gmail.com

Миронова Дина Александровна – канд. пед. наук, доц.; Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, mironova.da@gea.ru

Мызникова Янина Валерьевна – канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9; janinam@mail.ru

Наумова Елена Васильевна – Санкт-Петербургский химико-фармацевтический университет, 197376, Россия, Санкт-Петербург, улица Профессора Попова, д. 14; elena.naumova@pharminnotech.com

Небогатикова Наталья Сергеевна – студент; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; natasha.nebogatikova@gmail.com

Неда Камех Хош – аспирантка кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, kamekh_khosh_n@pfur.ru

Николаева Юлия Вадимовна – канд. историч. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9;

Озерова Ольга Владимировна – Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9; o.ozeroва@spbu.ru

Осипов Сергей Константинович – студент; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия; osirov_s_k@yahoo.com

Павлова Елена Борисовна – канд. филол. наук; Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; pavlova-eb@rudn.ru

Пивненко Вероника Викторовна – студент; Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия, 400005, Волгоград, проспект им. В. И. Ленина, д. 27; pivnenko-2002@mail.ru

Пигалева Мария Владиславовна – ст. препод.; Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 614000, Пермь, ул. Букирева, 15; pigaleva-m@yandex.ru

Пило Боил ди Путифигари Ч. – канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; cecilia173@yahoo.com

Постникова Мария Николаевна – студент; Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; st103462@student.spbu.ru

Пригожина Кира Борисовна – канд. пед. наук, доц.; Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, kira.prigozhina@gmail.com

Радбиль Наталья Валерьевна – канд. филол. наук; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; nagov@list.ru

Радбиль Тимур Беньяминович – д-р филол. наук; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; timur@radbil.ru

Резвова Людмила Эдуардовна – Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;

Резвова Му Дань – аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; st103109@student.spbu.ru

Рожков Григорий Александрович – канд. педагог. наук; Санкт-Петербургский химико-фармацевтический университет, 197376, Россия, Санкт-Петербург, улица Профессора Попова, д. 14; grigory.rozhkov@pharminnotech.com

Рохлина Елена Константиновна – канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9; e.rohlina@spbu.ru

Рудых Алексей Витальевич – аспирант; Тихоокеанский Государственный Университет, Россия, 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская 136; netservice@bk.ru

Рыженкова Анна Александровна – Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; annaryzhenkova@yandex.ru

Самородин Георгий Владиславович – канд. филол. наук, Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4, корп.1; SamorodinGW@yandex.ru

Седых Лина Вадимовна – ст. препод.; Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д.1;

Сейнова Анастасия Романовна – студент; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, 190068, г. Санкт-Петербург, Набережная канала Грибоедова, д. 123; arseynova@edu.hse.ru

Сеничкина Ольга Авенировна – канд. педагог. наук; Санкт-Петербургский Государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; o.senichkina@spbu.ru

Слесова Екатерина Алексеевна – магистр; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; slesova.katya@yandex.ru

Соколова Ангелина Вячеславовна – магистрант; Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4, корп.1; Angelina.V.Sokolova@gmail.com

Соколова Валерия Сергеевна – старший преподаватель; Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка дом 38 стр.1; Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Российская Федерация, 119049, Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1; sokolovaleria13@yandex.ru

Тарасов Александр Андреевич – канд. экон. наук; Московский педагогический государственный университет, Россия, 119991, Москва, ул. М. Пироговская, дом 1; aa.tarasov@mpgu.su

Тарасова Юлия Васильевна – ст. препод.; Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ), Россия, 344002, Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., 69; andramaha@inbox.ru

Теплыгина Ирина Михайловна – ст. препод.; Санкт-Петербургский Государственный Электротехнический Университет, Россия, 197022, Санкт-Петербург, улица Профессора Попова, д. 5, лит. Ф; irina@wn-travel.com

Терентьева Елена Витальевна – д-р филол. наук, доц.; Московский государственный гуманитарно-экономический университет, Россия, Москва,

Тимошенко Инесса Владимировна – магистрант; Московский педагогический государственный университет, Россия, 119991, Москва, ул. М. Пироговская, дом 1;

Топорова Валентина Михайловна – д-р филол. наук, проф.; Воронежский государственный университет, Россия, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1; vtoporova@mail.ru

Третьякова Татьяна Петровна – д-р филол. наук., проф.; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; tretyakova.tp.50@gmail.com

Ульяницкая Любовь Александровна – канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В. И. Ульянова (Ленина) Россия, 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5Ф; ulianitckaia_liubov@mail.ru

Халидова Рашидат Шахрудиновна – д-р филол. наук, Дагестанский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 367000, Махачкала, ул. М. Ярагского, 57.

Хуан Биньбинь – аспирант; Северо-Кавказский федеральный университет, 355017, Ставрополь, Пушкина, д. 1, Россия; huang.bingbing@yandex.com

Чжао Жонань – аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; st120894@student.spbu.ru

Чихарь Анастасия Игоревна – ассистент; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; nastya-chihar@mail.ru

Шамова Дарья Михайловна – ст. препод.; Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д.1; shamova_dm@voenmeh.ru

Шумков Андрей Арнольдович – д-р филол. наук; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В. И. Ульянова (Ленина) Россия, 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5Ф; noizen@mail.ru

Шустрова Елизавета Владимировна – д-р филол. наук, проф.; Российский государственный профессионально-педагогический университет; shustrovaev2@bk.ru

Яковлева Мария Станиславовна – магистр; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; yakovl3va@gmail.com

Simonin Marion – Université Sorbonne nouvelle – Paris 3, France, 75230 Paris, 13, rue Santeuil; marion.simonin@gmail.com

Taylor John A. – PhD, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia; john.taylor@spbu.ru

Theuriau Frédéric-Gaël – PhD in French language & literature; Centre d'Études Supérieures de la Littérature, France, 37100 Tours, 13 allée de la Fauvette; fredericgaeltheuriau@orange.fr

Подписано в печать 15.01.2024 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 35,0. Тираж 26 экз.
Заказ № 6239.

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>